ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П.А. СТОЛЫПИНА
AB IMPERIO
ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША В ИРКУТСКЕ
ЛАБОРАТОРИЯ ИМПЕРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИИ

АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ЛЮДИ И СТРУКТУРЫ ИМПЕРИИ

Сборник научных трудов

Омск
Полиграфический центр КАН
2016

УДК 950
ББК 63.5
А355

Редакционная коллегия сборника:
к.и.н. Н.Г. Суворова
к.и.н. С.А. Мулина

Рецензенты:
доктор исторических наук профессор П.И. Савельев
доктор исторических наук профессор Т.Б. Смирнова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-01-14057)

А355 **АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ЛЮДИ И СТРУКТУРЫ ИМПЕРИИ** : Сб. науч. тр. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. – 480 с.
ISBN 978-5-9931-0367-9

УДК 950
ББК 63.5

ISBN 978-5-9931-0367-9

© Коллектив авторов, 2016
© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2016

Анатолий Викторович Ремнев
(1955–2012)

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии. 7

Раздел 1. Вокруг империи: в поисках новых исторических нарративов. 9
Горизонтов Л.Е. Обретение *своей* темы: случай историка Анатолия Ремнева 9
Сорокин Ю.А. Л.Н. Гумилев – последний евразиец? 15
Ермекбай Ж.А. Вопросы истории Казахстана в трудах профессора А.В. Ремнева 21
Побережников И.В. Акторы российской имперской модернизации: региональные кейсы. 25
Соколовский И.Р. Термины с корнем «импер-» в исторической литературе XX в., посвященной истории Сибири XVI– XVII вв. 33
Бобровников В.О. К истории (меж)имперских трансферов XIX–XX вв.: инородцы/туземцы Кавказа и Алжира. 43
Рынков В.М. На пути к колониальному будущему: трансформация экономики Сибири в годы Первой мировой войны. 55
Аманжолова Д.А. Проблемы формирования советской этнобюрократии в 1920-е гг. 63
Мулина С.А. Память о Сибири в межвоенной Польше. 73
Бустанов А.К. Ислам и язык советской визуальности 78
Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Мировоззренческий сдвиг эпохи постмодерна: в поисках новой мифологии истории. 81
Григоричев К.В. «Азия», «Китай», «Восток»: постимперское пространство сквозь призму «китайского» рынка. 91
Пешков И.О. Статус Внешней Монголии в перспективе новой имперской истории и постколониальной теории. 95
Томилов Н.А. Исторические общности казахстанцев и россиян и их социально-политическая роль. 99
Марченко О.В. Имперские стратегии власти современной России: политико-правовой аспект 107
Татаурова Л.В. Исторические нарративы и археология русских. 111
Кендербай Г. Мемориальное мероприятие памяти А.В. Ремнева в Колумбийском университете 115

Раздел 2. Азиатское пространство Российской империи в экономическом, этническом и социальном измерениях. 119
Вовина В.Г. «Съехали в Сибирь…»: Кургоменская волость в Петровское время. 119
Акишин М.О. Ямышевское озеро в приграничных отношениях России и Джунгарии в XVII в. . . . 125
Конев А.Ю. Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы к изучению. 135
Корусенко С.Н. Татары Сибири в источниках XVII–XX вв.: этносословные штудии 144
Томилов И.С. Изменение сословного состава городов пореформенной Тобольской губернии. 156
Дятлов В.И. «Желтый вопрос» на дореволюционном Дальнем Востоке: эпитет «желтый» в оценке миграционной ситуации. 160
Николаев В.В., Самушкина Е.В. Этничность алтайцев в дискурсах социокультурной модернизации (конец XIX – начало XX в.) 167

Дамешек Л.М. Россия и народы Сибири в меняющемся пространстве империи: исторический опыт инкорпорации. 171
Дамешек И.Л. Ресурсные и геополитические факторы в окраинной политике Российской империи 176
Абашин С.Н. Империя собирает сведения (кишлак Ошоба в представлениях чиновников Туркестана) 182

Раздел 3. Институты империи. 202
Матханова Н.П. Сибирские губернаторы и епископы XIX в.: контакты, конфликты, компромиссы … 202
Шиловский М.В. Кадровая политика самодержавия в отношении глав территориальных образований Азиатской России (конец XVI – начало XX в.) 207
Козлова А.А. Органы государственной власти в царствование Анны Иоанновны. . 212
Саражина Р.Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в последней четверти XVIII в. 217
Воропанов В.А. О роли представителей сельских сословий в сфере осуществления правосудия в Тобольском наместничестве в конце XVIII в. 223
Любичанковский С.В., Джунджузов С.В. Христианизация и переселение калмыков в Оренбургский край (1740–1750-е гг.) 234
Ищенко О.В. Конфессиональный фактор в развитии образования на сибирской окраине Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. 239
Соболева Т.Н., Кухаренко А.Е. Образ администрации горного округа в трудах ученых и путешественников, посетивших Алтай в 20–40-х гг. XIX в. 248
Кабакова Н.В. К вопросу о деятельности сибирских властей в организации переселений государственных крестьян в Тобольскую губернию (1840-е гг.) 251
Султангалиева Г.С. Взгляды российской власти на формирование казахского чиновничества в первой половине XIX в. 257
Филимонов А.В. Комитет Сибирской железной дороги и Переселенческое управление как высшие государственные учреждения нового типа в аспекте финансирования переселенческого дела (1892–1905 гг.) 261
Гайдамакин А.В. Комитет Сибирской железной дороги как объект исследования А.В. Ремнева 269
Воробьев В.В. Законодательная регламентация правового положения сибирской периодики в конце XIX в. – 1914 гг. 274
Ведерников В.В. Православная церковь и политические реформы в период Первой русской революции. 281
Бычков С.П. Пятая академия Русской православной церкви как проект интеллектуального усиления православия в Сибири в первые десятилетия XX в. 289

Раздел 4. Люди империи 295
Бижигитова К.С. Образ казахской женщины в трудах русских авторов в контексте имперской политики в Степи (конец XVIII – начало XX в.) 295
Ведерников В.В. Ментальное пространство горнозаводского Алтая в сочинениях современников (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). 299
Головнева Е.В., Жигунова М.А. Сибирь и сибиряки: ментальное освоение края в XIX в. 303

Степаненкова З.В. В.В. Берви-Флеровский о национальной политике российского правительства второй половины XIX в. 310
Герасимова В.А. «Примерный солдат своего Отечества»? Еврейский кантонист на службе империи (по мемуарам А.М. Пантофеля) 315
Адам А.Я. Сибирское казачье войско: новые аспекты управления во второй половине XIX в. 325
Сорокин А.П. Генерал-губернатор Западной Сибири Николай Геннадиевич Казнаков: осмысление личности. 329
Масоэро А. Колонизация в позднеимперской России: история понятия. 340
Лебедев С.К. Адольф Ротштейн и Русско-Китайский банк. 365
Корзун В.П. Профессор в Российской империи: изменение статусов и функций (историографический аспект) 378
Белоконь И.В. А.Н. Куропаткин как имперский идеолог и геополитик 389
Толочко А.П. Генерал-губернатор Степного края М.А. Таубе (биографический очерк) . . 397
Лосунов А.М. Штрихи к портрету Степного генерал-губернатора и войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска Е.О. Шмита. 402
Шулдяков В.А. Иннокентий Павлович Лаптев: провинциальный политик-либерал из сибирских казаков 409
Антонов Е.П. Историк Г.В. Ксенофонтов о колониальном дискурсе в историографии Якутии. 423
Суворова Н.Г. Православные эксперты о степном колонизаторе 427
Недзелюк Т.Г. Ментальное конструирование сибирского пространства мигрантами из Европы на рубеже XIX–XX столетий. 433
Алексеева С.И. Санкт-Петербургское сибирское собрание (1910–1917 гг.) 436
Кадиков Э.Р. Революционеры в Сибири на службе империи в конце XIX – начале XX в. 439
Черкасская Н.А Упокоение представителей дома Романовых в Китае: обоснование и последствия. 443
Казыдуб Н.Г., Милищенко О.А. История агрономического факультета ОмГАУ: от «насаждения культурного хозяйства» до селекционной науки (1910–1930-е гг.) 449

Раздел 5. Из творческого наследия юбиляра 456
Фрагмент переписки: А.В. Ремнев – С.К. Лебедев. 456
Историография как биография: автопортрет на фоне имперской истории 462
«О профессиональном сообществе ... в тематическом научном пространстве»: интервью с Анатолием Викторовичем Ремневым (29.04.2010) 463

Сведения об авторах. 472
Список сокращений. 477

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

24 – 26 октября 2015 г. в г. Омске состоялась Международная научная конференция «Азиатская Россия: люди и структуры империи», посвященная 60-летию профессора А.В. Ремнева. Научные задачи конференции заключались в обсуждении проблем имперской истории, ее теоретико-методологического инструментария, современного состояния и перспектив развития в изменившихся политических условиях, новых условиях развития исторической науки. Привлечение внимания научного сообщества к значимости и плодотворности региональных исследований, возможности их сочетания с нациоцентричным, институциональным подходами предполагало обращение к вкладу профессора А.В. Ремнева в современные отечественные и зарубежные исследования по имперской тематике, исторической регионалистике и сибиреведению. Научное творчество профессора А.В. Ремнева было посвящено проблемам имперского строительства на азиатских окраинах, предложенные им концепции имперской географии власти, ментального конструирования сибирского пространства, дискурсивных практик постколониальной теории динамично развиваются в современной гуманитаристике не только как самостоятельные направления сибиреведения, но и в целом новой имперской истории. Научные достижения ученого нашли отражение в многочисленных публикациях и получили высокую оценку современных исследователей. Участникам конференции предлагалось поделиться результатами своих исследований, а также впечатлениями о сотрудничестве, научной мастерской историка.

Организаторами конференции выступили Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, международный научный журнал «Ab Imperio», Генеральное консульство Республики Польша в г. Иркутске. Соорганизаторами конференции стали Омская государственная областная научная библиотека имени А.С. Пушкина, Исторический архив Омской области, Омский филиал Российского фонда культуры, Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля.

Организаторы конференции, определяя характер мероприятия и круг участников, ориентировались на весьма скромный, к сожалению, «юбилейный опыт» А.В. Ремнева, которого он коснулся в интервью «О профессиональном сообществе ... в тематическом научном пространстве» в 2010 г. [см. в разделе «От юбиляра»]. Размышляя о проблемах институализации научного сообщества, в том числе в провинциальных городах, современных ценностях науки, коммуникациях в ней, он сослался на собственный опыт создания юбилейного сборника «памяти себя» в 2005 г. [Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей, посвященных 50-летию профессора А.В. Ремнева. Омск, 2005]. Главная проблема научного сборника: «как он должен выглядеть, кого я туда позову», была решена приглашением друзей, т.е. людей, с которыми он общался профессионально, «в особом интересном проблемном поле». Другое напутствие юбиляра было связано с его суждениями о провинциальных конференциях: «Мне абсолютно не нравится то, что происходит в Омске в конференциальном движении. Есть два типа: один я называю «мероприятием». Это большие залы, куда собирают студентов и курсантов военных училищ, проводят пленарные заседания, выступают певцы и танцоры, издают объемные и даже многотомные тезисы. Может быть, про нее покажут по телевизору. Это вызывает во мне чаще всего нежелание участвовать в них. Другой вид – это конференция типа научного семинара … с ограниченным и тщательно подобранным составом участников, предварительным ознакомлением с текстами (но без опубликованных тезисов!), презентациями на самом совещании и обязательным наличием так называ-

емых «дискуссантов». Впрочем, организация такой работы – дело трудоемкое и недешевое, но весьма продуктивное. Это другой формат, другая организация. Организаторы ищут людей, заранее приглашают, договариваются. На них больше 20 человек не собирается. Проведение таких конференций не является самоцелью. Как правило, это часть большого проекта. Проведение конференции ради конференции для меня мало интересно».

Учитывая мнение А.В. Ремнева, его ученики и коллеги решили подготовить сборник научных статей, предварительно собрав в Омске его участников. Изначально планировался, действительно, узкий круг участников, связанных с А.В. Ремневым общими проектами, в частности, международным семинаром «Империя и регион: российский вариант», который проходил в Омске в 1999 г., мастерской «Власть и общество в политическом и этноконфессиональном пространстве России: история и современность» (Санкт-Петербург, 2000), уже упоминаемым юбилейным сборником 2005 г. и др. Очевидно, что реализовать этот замысел «тесного круга» организаторам по многим причинам (и далеко не только научным) не удалось, но и в формальное юбилейное «мероприятие» конференция не превратилась. Ученых, которые работали с А.В. Ремневым на общем «имперском» поле, признают его своим учителем и наставником, другом, оказалось значительно больше. Перешагнув масштабы «рабочего семинара», надеемся, что конференции удалось стать эффективной площадкой научного диалога и, что не менее важно, сохранить теплоту личного общения.

РАЗДЕЛ 1

ВОКРУГ ИМПЕРИИ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

УДК 930.1:94(47)(57)

Л.Е. Горизонтов

ОБРЕТЕНИЕ *СВОЕЙ* ТЕМЫ: СЛУЧАЙ ИСТОРИКА АНАТОЛИЯ РЕМНЕВА

Аннотация: В статье показано, как формировались и развивались научные интересы А.В. Ремнева, какую роль сыграли книги, люди и проекты, случайности и закономерности в обретении *своей* темы. Последовательно, от студенческих работ до последних монографий, представлены основные исследовательские направления и подходы; показан вклад ученого в разработку проблем имперской истории. Отмечены значимые коллективные научные проекты с участием А. Ремнева, посвященные региональному измерению истории Российской империи. Охарактеризованы основные слагаемые профессионального мастерства А. Ремнева (лидерские качества, природная коммуникабельность, широкий научный кругозор, владение огромным эмпирическим материалом, богатый исследовательский инструментарий) и предложенные им новаторские концепции.

Ключевые слова: А.В. Ремнев, имперская история, региональный подход, историческая биографистика.

Жизнь в науке Анатолия Викторовича Ремнева, увы, не самая долгая, сложилась чрезвычайно насыщенной и яркой, что позволяет говорить о нем как о большом ученом, явлении в профессии, собирая многолюдные научные сессии, посвященные его памяти. В этой статье я не стремлюсь во всей полноте представить научную биографию историка и стараюсь избежать повторов с большим текстом, написанным мною для американского журнала «Критика» [1]. Ограничусь размышлениями о том, как формировались и развивались научные интересы А.В. Ремнева, какую роль сыграли книги, люди и проекты, случайности и закономерности. Особое внимание будет уделено монографии «Сибирь в имперской географии власти», изданной в октябре 2015 г. и содержащей обширное введение, в котором автор рассказывает о своих научных исканиях [2].

Можно предположить, что вначале была книга, книга из домашней библиотеки Ремневых. Во всяком случае, знакомство с воспоминаниями С.Ю. Витте определило многое: и первую студенческую работу, написанную в Омске под руководством А.П. Толочко, и ряд последующих судьбоносных решений. Во второй половине 1970-х гг. мемуары этого крупнейшего государственного деятеля поздней Российской империи оказались востребованными студентами-историками не только в Омске, но и в Москве.

Почему именно мемуары Витте? Это самый обширный из доступных тогда советскому читателю нарратив о закате империи, альтернативный серой, по цвету памятного учебника, официальной истории КПСС. Переход от России дореволюционной к советской выдвинулся в ту пору на первый план в исторической науке, о чем свидетельствует возникновение «нового направления». Имело, видимо, значение и то, что Витте не только описывал коридоры власти в городе на Неве, но и затрагивал многие региональные проблемы. Важным представляется выбор А.В. Ремневым дореволюционной истории, исследование которой в условиях застоя было, конечно, предпочтительнее обращения к советскому периоду, находившемуся под особо бдительным контролем.

Этот выбор окончательно оформился в Ленинграде, где Ремнев продолжил учебу. Обретение там научного руководителя в лице Б.В. Ананьича (1931–2015) кажется вполне закономерным. Ананьич и Р.Ш. Ганелин готовили издание первого тома мемуаров Витте и пронесли интерес к этому источнику через всю свою жизнь. Ремнев установил прочные связи с ленинградскими историками Российской империи и получил возможность собирать материал в лучшем «имперском» архиве страны, чем в полной мере воспользовался, не жалея сил ни в молодости, ни в зрелые годы на работу с неопубликованными документами.

Он обратился к разработке темы Комитета министров, которой будет посвящена кандидатская диссертация историка. И это объяснимо: Витте являлся последним председателем комитета, а Ананьича и его коллег из Ленинградского отделения академического Института истории СССР судьба объединенного правительства дореволюционной России интересовала особо. Диссертационное исследование Ремнева охватило всю пореформенную часть XIX в.

Выбор в пользу изучения институциональной истории, внутренней политики и высшей бюрократии – решение в условиях первой половины 80-х гг. вполне оправданное с научной точки зрения и при этом достаточно нонконформистское, поскольку указанная тематика находилась за пределами тогдашнего мейнстрима, состоявшего в исследовании социально-экономической проблематики, классовой и революционной борьбы. И в то же время это именно та область, где с советскими историками наиболее охотно взаимодействовали их западные коллеги, свидетельством чему служит школа профессора МГУ П.А. Зайончковского (1904-1983) в американской историографии. У Комитета министров имелось и региональное измерение: с ним были тесно связаны высшие территориальные комитеты, участвовавшие в управлении окраинами империи, в том числе Сибирью.

После защиты кандидатской диссертации в 1986 г. А.В. Ремнев уже в новом качестве преподавателя вернулся в Омский государственный университет. Возвращение в Сибирь совпало с началом либерализации общественной жизни в стране, что открывало новые возможности и для историков. В частности, происходила смена исследовательских приоритетов. «История регионального управления Российской империи долгое время оставалась на периферии научного внимания, но в последнее время переживает своеобразный исследовательский бум», – отмечал Ремнев [2, с. 14].

Центральной для него темой сделался взгляд на Сибирь из имперского центра. Таким образом, Ремнев шел от империи как целого к региону, а не наоборот, что, пожалуй, чаще бывает. Синтез имперской и региональной проблематики лег в основу замысла его докторской диссертации, охватывавшей уже весь XIX и начало XX в. Много лет спустя, готовя ее переиздание, он напишет об избранном тогда «регионально-управленческом подходе к изучению имперской политики» [2, с. 7–8; 3; 4]. В работах историка даются развернутые характеристики таких важных для самодержавной империи институтов, как генерал-губернаторская власть и высшие территориальные комитеты.

Столь широкие во временном и пространственном отношениях исторические реконструкции зачастую оцениваются скептически. Однако панорамные полотна А.В. Ремнева основаны на огромном массиве источникового материала и им же самим проведенных многочисленных case studies. Прежде всего, это работы в русле исторической биографистики: он всегда проявлял большой интерес к «людям империи», принимающим управленческие решения и преумножающим знания о России. «Говоря о «людях империи», – пояснял Ремнев, – следует включить в поле исследовательского интереса не только «строителей» империи, но и ее «идеологов», «наблюдателей», «жертв», «разрушителей». Так имперская тематика втягивает в свою сферу предельно широкий круг исторических субъектов» [2, с. 9]. Историк не разделял распространенной склонности

абсолютизировать противостояние власти и интеллигенции: ведь именно из среды последней рекрутировались внесшие большой вклад в строительство империи эксперты, без которых механизм «знания-власти» не может функционировать. Бюрократия не была для него безликой силой. Все это позволяет говорить о глубокой вовлеченности А.В. Ремнева в разработку проблем исторической антропологии, элитологии, интеллектуальной истории. История социальных низов его, безусловно, интересовала, но он не считал ее своей темой.

После распада СССР ситуация с изучением прошлого окраин Российской империи коренным образом изменилась. Сибири это коснулось в меньшей степени и вследствие ее русской доминанты (основное внимание в новых условиях уделялось национальным регионам), и в силу того, что почти вся историческая Сибирь осталась в Российской Федерации, а значит, сохранились прежние исследовательские кадры. Тем не менее изучение огромного Зауралья как части имперского пространства также нуждалось в серьезном обновлении. Своего решения ждали вопросы, свободное обсуждение которых было раньше затруднено. Важную роль в решении этой задачи предстояло сыграть А.В. Ремневу.

«Мой исследовательский интерес, – вспоминал он, – подогревался динамично развивавшимся… новым научным направлением «имперской истории», в котором мне случилось действовать вместе с моими коллегами» [2, с. 19]. Атмосферу того времени, когда тема империи обладала обаянием новизны, хорошо передает обзор Л.С. Гатаговой середины 1990-х гг. В России об империи написано еще очень немного, и, иллюстрируя интерес к имперской теме, автор вынужден ссылаться даже на газетные статьи [5]. С другой стороны, известная книга А. Каппелера «Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад», еще не переведенная тогда на русский язык, во многом опиралась на советские исследования.

Именно в ту пору под эгидой Московского общественного научного фонда (МОНФ) начал действовать семинар, посвященный региональному измерению истории Российской империи, научными консультантами которого стали академик Б.В. Ананьич и американская исследовательница дореволюционной России Дж. Бурбанк. Костяк семинара составили представители Москвы, Санкт-Петербурга и городов Среднего Поволжья. Позднее к работе присоединилось несколько американских и британских ученых. В группу входили В.О. Бобровников, П. Верт, А.А. Волвенко, Е.И. Воробьева (Кэмпбелл), Л.Е. Горизонтов, С.И. Каспэ, И.Н. Новикова, Ш. О'Рурк, Е.А. Правилова, А.В. Ремнев, П.И. Савельев, Н.В. Ссорин-Чайков, В. Сандерленд, Ч. Стейнведел, Н.Ф. Тагирова, М. фон Хаген, Ф. Херш, Р.А. Циунчук.

Регулярно проводившиеся с 1996 по 2002 гг. рабочие встречи увенчались тремя сборниками статей [6; 7; 8], а также большим числом диссертаций и индивидуальных монографий. Своеобразный «шлейф» семинара дает о себе знать поныне. В процессе совместной работы в полной мере раскрылись лидерские качества Ремнева, который, кстати, именно в указанный период являлся проректором по науке в Омском университете. Коллективные проекты, посвященные регионам Российской империи, стали важными элементами сотрудничества российских и западных историков на рубеже XX–XXI вв. Несомненную ценность имели установившиеся в процессе общения профессиональные и дружеские связи.

Но главное, качественным образом расширился научный кругозор Ремнева, богаче стал используемый им исследовательский инструментарий, что позволило историку находить в источниках гораздо больше смыслов. Есть все основания полагать, что несколько лет на грани веков стали решающими в окончательном формировании исследовательских интересов Ремнева и достижении им вершин профессионального мастерства.

Вслед за Каппелером, работы которого внимательно изучал, Ремнев видел преимущество регионального подхода над этноцентричным: «Не стоит подменять историю регионов историей наро-

дов, в них проживающих, необходимо постараться взглянуть на регион как на целостную социокультурную, экономическую и политико-административную систему» [2, с. 21–22]. Как следствие, оценка им отдельных исторических фигур могла не совпадать, скажем, с точкой зрения казахстанских ученых. Будущее разработки имперской проблематики он связывал с концептом империи регионов, позволяющим анализировать действие как центробежных, так и центростремительных сил.

А.В. Ремнев всегда живо интересовался другими регионами и другими империями, что очень помогало ему в исследовании Зауральской России, куда устремлялись миграционные потоки и где вполне уместны параллели с колониальными практиками западноевропейских метрополий, а также со становлением США. Его занимала судьба нациестроительства в Зауралье: сближение между собой различных ветвей восточного славянства, обрусение коренного населения и обратное влияние последнего на переселенцев. Вспомним в этой связи, что сибирско-американские параллели обсуждались в исторической науке издавна. В межвоенный период их проводил эмигрировавший из России П.М. Бицилли (1879–1953), сравнивая колонизацию Сибири великороссами и малороссами с колонизацией Дикого Запада силами северян и южан [9]. Самое серьезное отношение к компаративной империологии обнаруживают ответы Ремнева на анкету, распространенную среди участников конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании» (Москва, 2003 г.) [Знакомством с этой анкетой я обязан Н.Г. Суворовой]. Характерна в этом плане постановка им вопроса о причинах отсутствия в Российской империи министерства колоний.

Его крайне интересовал «имперский управленческий транзит», носителями которого являлись чиновники. «В Сибири, – отмечал Ремнев, – было много чиновников, особенно высокого ранга, прошедших бюрократическую выучку на Кавказе или в Польше. На Дальнем Востоке и в Степном крае можно наблюдать синтез традиционной сибирской модели присоединения и закрепления за Россией новых земель с кавказской моделью, которая отличалась более сильным военно-государственным началом, ускоренным разрушением традиционных общественных структур коренного населения и влиянием внешнеполитического фактора. Польский фактор влиял на оценки потенциальных возможностей сепаратистских или автономистских настроений за Уралом» [2, с. 13–14]. Особым вниманием Ремнева пользовались переселенческие чиновники, которые, имея дело с выходцами из различных регионов, также приобретали уникальные знания об империи.

У историка появился интерес к ментальной (аксиологической) географии и исторической терминологии (истории понятий). Благодаря А.В. Ремневу тема образа Сибири укоренилась в отечественной историографии. Особенно обстоятельно исследована под этим углом зрения журнальная периодика пореформенного периода [10]. Терминологическую проблематику он затрагивал в двух главных ее аспектах: анализируя понятийный арсенал источников и рассуждая о выборе наиболее адекватных для исследовательской практики терминов, максимально свободных от оценочных коннотаций. Язык изучаемой эпохи не раз становился предметом работ историка, для которых он подолгу коллекционировал свои находки. Не уходя от обсуждения вопроса о колониальном статусе Сибири, Ремнев предпочитал говорить не о колонии и метрополии, а центре и периферии [2, с. 45–47].

С терминологией неразрывно связана региональная дифференциация большого сибирского пространства, в изучение которой А.В. Ремнев внес решающий вклад. Со временем его традиционное деление на Западную и Восточную Сибирь перестало соответствовать сложившимся ментальным картам. Opus magnum историка явилась книга 2004 г. о Дальнем Востоке с фокусом не только на освоение, но и ментальное присвоение пространства, что открывало новаторскую тему географии власти – лейтмотива поздних исследований Ремнева [11]. Среди предпосылок дальневосточного увлечения историка можно назвать его службу на Тихоокеанском флоте и то обстоятельство что исто-

рию региона разрабатывал учитель Б.В. Ананьича Б.А. Романов (1889–1957). Так что к подобному выбору в известной мере обязывала и «научная родословная», к которой Ремнев относился весьма серьезно. В деле переосмысления сибирской темы историк отмечал итоговое значение подготовленной под его и Л.М. Дамешека редакцией коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи», которая вышла в серии «Окраины Российской империи» в 2007 г.[12].

География власти стала той емкой формулой, которая позволила Ремневу органически связать воедино различные сферы своих исследовательских интересов. В его понимании, она охватывает «институциональную структуру и управленческую иерархию государственных учреждений в дихотомии «центр–периферия», пространственную морфологию власти и ее территориальную динамику» [2, с. 22].

В последние годы жизни Ремнев сфокусировался на проблематике Омского Прииртышья, Степного края. Разумеется, ему доводилось заниматься этим регионом вблизи своей «малой родины» и раньше. В 1999 г. на российско-американском семинаре в Омске в качестве представителя принимающей стороны Ремнев отдал предпочтение «местной» теме, сделав доклад о существовавшей в первой половине XIX в. Омской области как фронтирной зоне. Однако в итоговый сборник по проекту, увидевший свет в 2007 г., вошла другая, более масштабная постановочная работа о Сибири и Дальнем Востоке в имперской географии власти [13]. Полагаю, что ее следует рассматривать в числе главных научных сочинений историка. Книга же, в которую был включен материал о Степном крае, – совместный труд Ремнева и Н.Г. Суворовой, сдавался в печать уже его соавтором [14].

Очень примечательная черта Ремнева-исследователя – его возвращение к прежним темам и текстам, что случается далеко не со всеми историками. Ремневу не нужно было отказываться от того, что он написал раньше, но открывались новые познавательные возможности, и ученый ощущал острую потребность ими воспользоваться. Так было с обеими диссертациями, защищенными в 1986 [15] и 1997 гг. Готовя к переизданию последнюю из них, автор собирался «не только уточнить некоторые положения, но и представить имперскую политику в ее многообразии и внутренней противоречивости; показать не только государственные структуры, но и государственные практики, технологию выработки политических и административных реформ, эффективность управления» [2, с. 8]. Решение названных задач свидетельствовало о том, насколько далеко ушел Ремнев от традиционных формально-юридического и государственно-учрежденческого подходов.

Сочетание новаторства с владением огромным эмпирическим материалом сделало А.В. Ремнева крупным историком-россиеведом и позволило ему органически интегрироваться в мировую науку. В октябре 2014 г. в Колумбийском университете были проведены две сессии, посвященные российскому ученому. Но, вполне естественно, особую память об Анатолии Викторовиче хранят его сибирские, прежде всего омские коллеги, проявляющие большую заботу о научном наследии историка.

А.В. Ремнев не был ученым-одиночкой, что противоречило бы его природной коммуникабельности, да и не позволило бы раскрыться лидерским качествам, также природным, как мне кажется. Не был он и кабинетным ученым – с большим воодушевлением преподавал и выступал с публичными лекциями, несмотря на исключительную интенсивность исследовательской работы. Ему было принципиально важно поделиться своими находками, тем, что в данный момент занимало.

А.В. Ремнев не видится «беззаконной кометой в кругу расчисленных светил». Он принадлежал и принадлежит отечественной традиции историописания и своему поколению, которому все больше приходилось брать на себя ответственность за судьбу российской исторической науки. Ответственность эту он хорошо ощущал, неустанно работая над разрушением барьеров между

наукой провинциальной и столичной, отечественной и зарубежной. Вместе с тем А.В. Ремнев был человеком большой внутренней свободы, умевшим найти *свою* тему, которая всецело увлекала его и которой он умел увлечь других. Его путь в науке – расширение хронологии и пространства исследований, тематического спектра и познавательного инструментария, круга профессиональных контактов – видится очень цельным и логичным. Масштаб личности и дарования исследователя соответствовал масштабу научных проблем, за решение которых он брался. В свои 56 лет Анатолий Викторович находился на пике творческой активности, был полон идей и замыслов, которые с огромным мужеством осуществлял до самых последних недель жизни.

Список источников и литературы

1. *Gorizontov L.* Anatolii Remnev and the Regions of the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. № 4. P. 601-616.

2. *Ремнев А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского университета, 2015. 577 с.

3. *Ремнев А.В*. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во Омского университета, 1995. 236 с.

4. *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского университета, 1997. 252 с.

5. *Гатагова Л.С.* Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 332-353.

6. *Имперский строй России* в региональном измерении (XIX – начало XX века). М.: ЗАО «Первый печ. двор», 1997. 237 с.

7. *Пространство власти*: исторический опыт России и вызовы современности. М.: МОНФ, 2001. 513 с.

8. *Russian Empire*. Space, People, Power, 1700-1930. Bloomington; Indianapolis, 2007. 545 c.

9. *Bitsilli P*. Geopolitical Conditions of the Evolution of Russian Nationality // The Journal of Modern History. 1930. Vol. II. № 1.

10. *Тема Сибири* в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Аннотированный библиографический указатель. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. Т.1.Тема Сибири в ежемесячных изданиях второй половины XIX – начала XX вв. 388 с.; Т. 2. Репрезентации Сибири в еженедельных журналах второй половины XIX – начала XX в. 344 с.

11. *Ремнев А.В*. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского университета, 2004. 548 с.

12. *Сибирь в составе* Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 362 с.

13. *Remnev A.* Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power // Russian Empire. Space, People, Power, 1700-1930. Bloomington; Indianapolis, 2007. P. 425-454.

14. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Наука, 2013. 246 с.

15. *Ремнев А.В.* Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. 510 с.

L.E. Gorizontov

Finding his subjects: the case of the historian Anatoly Romanov

Summary: This article shows how to form and develop research interests A. Remnev role played by books, people and projects, randomness and laws in acquiring their themes. Consistently, from student work to the latest monographs, presents the main research directions and approaches; It shows the contri-

bution of the scientist to the development problems of imperial history. The significance of collective research projects with the participation of A. Remnev dedicated to the regional dimension of the history of the Russian Empire. It describes the main terms of professional skills A. Remnev (leadership qualities, natural sociability, a scientific outlook, possession of vast empirical material rich research tools) and innovative concepts proposed by them.

Key words: A.V. Remnev, imperial history, a regional approach, the historical Biography Studies.

УДК 930.1

Ю.А. Сорокин

Л.Н. ГУМИЛЕВ – ПОСЛЕДНИЙ ЕВРАЗИЕЦ?

Аннотация: В статье выделены методологические принципы и идеи евразийства, которые разделял, дополнял или критиковал Л.Н. Гумилев. Позиции Л.Н. Гумилева по конкретно-историческим сюжетам отечественной истории сопоставлены с оценками евразийцев (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого). На основании анализа опубликованных работ и личной переписки исследователя аргументирован вывод, определяющий Л.Н. Гумилева как продолжателя и интерпретатора евразийцев.

Ключевые слова: Л.Н. Гумилев, евразийство, евразийский национализм.

Общеизвестно, что создателями евразийства выступили крупные русские ученые Н.С. Трубецкой (1890–1938), П.Н. Савицкий (1895–1968) и Г.В. Вернадский (1877–1973), а формальной датой рождения евразийства считают 1921 г., когда в Софии вышел в свет сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийства».

Подчеркнем, что целью евразийцев в 1920-х гг. было вовсе не создание научной теории, а лишь попытка осмыслить происшедшие в России события и указать молодому поколению цели и методы действия [1, с. 9]. Лишь много позднее евразийство из отвлеченной идеи трансформировалось в стройную научную теорию, на долю которой выпала и злобная критика, ничего не имевшая с научной, и попытка предать ее забвению путем упорного замалчивания имен ее создателей. Однако реалии сегодняшнего дня, необходимость выработать не только политический курс, адекватный желаниям и чаяниям людей, заселяющих евразийские пространства, но и предложить идею, способную их объединить, сделали вновь востребованными принципиальные постулаты евразийства. Появились талантливые научные интерпретации евразийства, в России связанные с трудами Л.Н. Гумилева. В Казахстане интерпретация евразийства, предложенная в концепции президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, положена в основу государственной политики, что позволило современному Казахстану успешно разрешить ряд глобальных проблем, решение которых в России еще только предстоит найти. Итак, евразийство сегодня – это не только идея и теория, но и повседневная государственная практика. Творческое развитие евразийских начал означает, в том числе, тот факт, что современные интерпретаторы евразийства, безусловно оставаясь на твердой почве основополагающих теоретических построений основателей евразийства, смогли дать очень качественную научную критику их взглядов. Л.Н. Гумилев был одним из них. Остановимся, в частности, на так называемых «Заметках последнего евразийца», принадлежащих перу Л.Н. Гумилева. Они представляют собой предисловие к сочинениям кн. Н.С. Трубецкого и в наиболее полном виде, по авторской рукописи, напечатаны в сборнике трудов Льва Николаевича [1]. Вполне понятно, что для лучшего понимания воззрений Л.Н. Гумилева на научное наследие Н.С. Трубецкого и других евразийцев будем привлекать и другие его работы.

Важнейшим методологическим принципом евразийства, по мнению Л.Н. Гумилева, является принцип полицентризма, наиболее полно изложенный Н.С. Трубецким в работах «К проблеме русского самопознания» и «Об истинном и ложном национализме». Оба автора подвергают резкой критике укоренившийся в России с XVIII в. «европоцентризм», полагая, что таких центров мирового развития насчитывается много. Китай, Палестина, евразийская степь – такие же центры цивилизации, как и Западная Европа. Л.Н. Гумилеву очень близко стремление Трубецкого «не попасть к немцам на галеры». Отсюда же проистекает другой важнейший евразийский тезис: «надо искать не столько врагов – их и так много, а надо искать друзей, это главная ценность в жизни» [2, с. 31]. Европоцентризм может принимать две формы: узкий шовинизм и космополитизм. Обе вредны и как теория, и как практика европеизации, обе зачастую носят насильственный характер. Европоцентризму надлежит, по мнению обоих ученых, противопоставить «национализм», который, конечно же, состоит не в пустом подражании чужим этносам и не в навязывании соседям своих представлений, а в самопознании, определяемом двумя афоризмами: «познай самого себя» и «будь самим собой». Однако Н.С. Трубецкой не делает на основе этих рассуждений глобального вывода о том, что «общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна». Зато его делает Л.Н. Гумилев на том основании, что этносы «имеют разный вмещающий ландшафт и различное прошлое, формирующее настоящее, как во времени, так и в пространстве» [2].

Весьма негативно в этой связи оба ученых оценивают деяния Петра I. Н.С. Трубецкой полагал, что страной «милитаристической и крепостнической par excellence Россия стала только в эпоху европеизации … ко всему этому временами присоединялось ожесточенное гонение на все исконно русское, официальное признание национальной культуры варварством … Вряд ли будет преувеличением обозначить этот период русской истории как эпоху «европейского» или «романо-германского ига» [3, с. 521]. По мнению Л.Н. Гумилева, «Петр совершил непоправимое – разорвал нацию надвое, противопоставив дворянство народу. Он же установил на Руси рабство, ввел порку и продажу людей, увеличил налоги в 6,5 раз, а численность нации при нем сократилась на одну пятую!» [4, с. 157].

Подчеркнем еще раз, что Российская империя, с точки зрения Н.С. Трубецкого (эту мысль Л.Н. Гумилев считал бесспорной), является «антинациональной империей». Сам Л.Н. Гумилев твердо считал: там, где сталкиваются два и более суперэтноса, множатся бедствия и нарушается логика творческих процессов. Возникает подражание (мимесис) как противник оригинальности и, таким образом, нарушаются принципы «познай себя» и «будь собой» [4, с. 60]. Принцип национализма, с точки зрения евразийцев, как раз означает, что с соседями надо жить розно, но в мире.

Принцип «национализма» нисколько не исключает для евразийцев и Л.Н. Гумилева важнейшую в методологическом отношении категорию «целого». В статье «Об идее – правительнице идеократического государства» Н.С. Трубецкой рассуждает о том, что ни класс, ни отдельный народ, ни целое человечество категории «целого» соответствовать не могут. Таковым является лишь совокупность народов, населяющих хозяйственные самодовлеющие месторазвития (по Гумилеву, «кормящий ландшафт») и связанных друг с другом не расой, а общностью исторических судеб, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства. Такое идеократическое государство должно существовать лишь на благо совокупности народов, т.е. «целого». Л.Н. Гумилев дополнил построения старшего коллеги идеей о том, что государственное строительство и духовная культура евразийских народов давно слита в «целостность». Лишь на фундаменте евразийского единства должно решать любые спорные вопросы, например, территориальные.

Не менее, чем европеизацию, оба исследователя не приемлют «русификацию», полагая, что таковую может проводить либо «антинациональная монархия», утвердившаяся с Петра I, либо

большевизм, заменивший, по Трубецкому, русский народ интернациональным пролетариатом. Кстати, борьба с евразийством даже сегодня проходит не только под флагом «европоцентризма», но и под флагом «русификации», когда Гумилева подозревали в русофобии, а Трубецкого – в симпатиях к большевизму. Евразийцы настаивали на мысли, что национализм каждого отдельного народа Евразии прекрасно сочетается с национализмом «общеевразийским» – между ними нет и не может быть противоречий. Не случайно и Н.С. Трубецкой, и Л.Н. Гумилев оперируют термином «евразийское братство», очень точно передающим не только желаемое, но и, по счастью, фактическое положение дел во взаимоотношениях казахского и русского народов, достигнутое сегодня на основе политической интерпретации евразийской концепции.

Надлежит помнить и еще один завет ученых-евразийцев: отторжение хотя бы одного народа из евразийского единства может быть произведено только путем насилия и «должно привести к страданию». Л.Н. Гумилев признает, что бывают ситуации, «когда автор более прав, чем его утверждение» [4, с. 42], и адресует ее проблеме «наследия Чингисхана» в интерпретации Н.С. Трубецкого. При этом он призывает читателя не удивляться многим выводам маститого ученого, в частности, его положению о том, что Киевская Русь XII в. не предок современной России. Последняя создана принципами «традиции Чингисхана», к каковым Трубецкой относил следующие.

1. Деление людей на подлых, эгоистичных и трусливых (их монголы называли «черная кость») и на тех, кто честь и достоинство ставит выше материального благополучия и безопасности – «белая кость» или люди «длинной воли».

2. Глубокая религиозность каждого – от великого хана до последнего дружинника; без нее невозможны честь и достоинство.

3. Повышенное уважение к кочевникам, прежде всего за их моральное превосходство.

4. Отсутствие догматизма и веротерпимость. Шаманисты, буддисты, мусульмане и христиане (несториане) равно были воинами Чингиз-хана. Свобода совести гарантировалась Ясой.

По мысли Н.С. Трубецкого, в эпоху татарского ига Россия была «провинцией» монгольской империи. Она была «втянута» в финансовую и военную систему монголов.

В эти построения внес Гумилев заметные поправки. Лев Николаевич не готов считать Русь провинцией державы Чингиз-хана, исходя из содержания термина «провинция», и настаивает на «военно-политическом союзе» Руси и Орды. Гумилев разделяет мысль Трубецкого о выдающейся роли Русской православной церкви, о «сильном подъеме религиозной жизни», он пеняет Николаю Сергеевичу за то, что тот упускает наличие «очень большого числа монголов – христиан», которые после исламизации Орды при Узбеке перешли на русскую службу. Стало быть, принципы Чингиза, рассуждает Гумилев в отличие от Трубецкого, восторжествовали не после 1238 г., а только после 1312 г.

Гумилев решительно не принял традиционного для русской исторической литературы взгляда Трубецкого на проблему ордынского ига. Во-первых, она противоречит евразийскому тезису «о евразийском единстве». Во-вторых, зависимость Руси от Орды ограничилась сферой политической и не касалась ни религии, ни идеологии, ни быта. Конечный вывод Гумилева таков: «Тезис князя Н.С. Трубецкого, что «московские князья превратились как бы в бессменных и наследственных губернаторов русских провинций татарского царства и в этом отношении сравнялись с другими ханами – правителями отдельных провинций» неверен как по существу, так и с позиций евразийства, отстаиваемого автором» [4, с. 48].

Зато трактовку событий 1480 г., когда, по Трубецкому, произошла замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву, почитается Гумилевым абсолютно верной. Он лишь дополняет рассуждения предшественника мыслью о сопутствующей смене династии на престоле.

Гумилев делает еще один принципиальный вывод: новые материалы, не известные Н.С. Трубецкому, говорят в пользу его концепции. «Н.С. Трубецкой работал на том уровне европейской науки, который ныне безусловно устарел. Тем не менее, евразийская концепция этнокультурных регионов и химерных целостностей в маргинальных (окраинных) зонах оказалась пригодной для интерпретации всемирно-исторических процессов» [4, с. 55]. Именно в этом Гумилев усматривает непреходящее значение научного творчества Н.С. Трубецкого.

Другой известный евразиец, П.Н. Савицкий, будучи географом, территорию своей страны понимал как особый географический, а уже затем исторический мир, образующий неповторимую географическую и историческую индивидуальность. Мнение П.Н. Савицкого Лев Николаевич дополнил учением о «вмещающем» или «кормящем» ландшафте. Каждый конкретный этнос имеет свой «кормящий» ландшафт – единственно родной. Разрыв связей этноса с «вмещающим» ландшафтом может привести к гибели этноса. Еще и поэтому Л.Н. Гумилев не принимал и не мог принять доминирующую в русской историографии мысль об извечном противоборстве леса со степью и непримиримой вражде народов, их населявших. С его точки зрения, это мнение глубоко ошибочно как в этнокультурном аспекте (жители леса и степи не могли обойтись без продукции соседей), так и с позиции евразийской доктрины, ибо лес и степь суть единое целое, динамично связанное между собой единством и борьбой. П.Н. Савицкий в письмах к Л.Н. Гумилеву признавал его правоту в этой части и полное соответствие гумилевской интерпретации собственным взглядам и взглядам Г.В. Вернадского. Отвлечемся при этом от терминов, используемых исследователями (П.Н. Савицкий: «сочетание разноодаренностей»; Л.Н. Гумилев: «два и более ландшафта»). Более того, П.Н. Савицкий признавал научный авторитет Л.Н. Гумилева, доказавшего, что «сочетание разноодаренностей» имеет важное значение для этногенеза. Он назвал его «важнейшим историко-географическим открытием». Впрочем, П.Н. Савицкому решительно не нравится немецкий термин «ландшафт», которым оперирует Л.Н. Гумилев. Савицкий предлагал его заменить понятием «месторазвитие».

Евразийцы и Л.Н. Гумилев занимали близкие позиции и в вопросе о взаимоотношениях Руси и Орды, русских и татар, хотя эти позиции и не стопроцентно схожи. П.Н. Савицкий полагал, в частности, что Л.Н. Гумилев явно переоценивал роль татарского элемента, сражавшегося на стороне Москвы в Куликовской битве. Савицкий признавал, в частности, что национальная и религиозная терпимость привита на Руси ордынцами. Существование Касимовского «царства» на Оке во главе с «царем» – мусульманином, вплоть до петровских времен считавшимся вторым человеком на Руси, лучшее тому подтверждение. Эта веротерпимость проявилась и по отношению к сибирским шаманистам. Вся московская система «охраны» сибирских инородцев выстроена с учетом этих принципов [5, с. 536 – 537]. Л.Н. Гумилев дополнил мысль о веротерпимости и национальной терпимости русских тезисом о потребностях империи, вначале монгольской («монголосферы», по Гумилеву), а затем российской. П.Н. Савицкий, соглашаясь с этой мыслью в принципе, отметил: «Парадоксально, что конец этой веротерпимости пришел, по существу дела, при Петре I, который не был особенно ревностным ревнителем Православия и, в отличие от Руси Древней, был абсолютно терпим в отношении западных вероисповеданий» [5, с. 538].

Сохранилась опубликованная лишь частично переписка Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого. Она продолжалась 12 лет; в этом эпистолярном наследии более сотни писем [6, с. 53]. Их общение в письмах, по мнению французского ученого, научного сотрудника Национального института восточных языков и цивилизаций в Париже Марлен Ларюэль, носила личный характер. Следует согласиться с автором, что переписка двух ученых началась тогда, когда евразийства более не существовало. На этом основании М. Ларюэль отказывается признать Гумилева законным наследником евразийцев: ученики и последователи Гумилева, настаивая на синхронности их творчества, «пы-

тался присвоить чужую интеллектуальную собственность. На самом деле последний евразиец вовсе не Гумилев, а П.Н. Савицкий» [6, с. 55]. Гумилев – автор со своей теорией, своей системой взглядов; его теоретические построения появляются не просто много позже евразийских – налицо серьезность их теоретических рассуждений, на которые, впрочем, французский автор не указывает. По мнению М. Ларюэль, даже в тех случаях, когда Гумилев, как будто проникаясь идеями первых евразийцев, грубо искажает их. Так, Гумилев смешивает «частнонародную личность» у Трубецкого со своим «этносом», евразийскую «месторазвитую личность» – с «суперэтносом», «взаимо симпатии» народов с «биологической комплиментарностью»; по-разному ими трактуется ключевое понятие «соборность» и проч. Сам словарь первых евразийцев, философский и религиозный, не совпадают с естественнонаучным словарем Гумилева. «Место развитие» Савицкого (понятие географическое), далеко не тождественно по своему содержанию гумилевскому ландшафту (термину биологическому) [6, с. 57 - 58]. Еще более заметно, по М. Ларюэль, расходятся концепции нового мира у евразийцев и Гумилева.

Если Савицкий, тем не менее, и видел в Гумилеве своего преемника и продолжателя, то не столько по евразийской, сколько по кочевниковедческой линии – несколько неожиданно делает вывод французский исследователь. Она убеждена в том факте, что стремление Гумилева реабилитировать кочевой мир вовсе не делает его евразийцем. Лев Николаевич – оригинальный исследователь, его система взглядов сформировалась в поле идей социальной биологии, а не евразийства [6, с. 60]. Главное же – Гумилев забыл, что евразийская общность – это не только природный объект, но и равным образом мысленная конструкция [6, с. 61]. Конечный вывод: Гумилев не наследник евразийцев и не последний евразиец, но он один из основных вдохновителей неоевразийства. Гумилев может рассматриваться как духовный отец тюркского евразийства, именуемого М. Ларюэль «евроазиатством». Вклад Гумилева заключается в том, что он в своих построениях соединил с советским этницизмом радикально переосмысленное наследие первых евразийцев.

Укажем на формальные передержки в ее тексте: переосмысление евразийского наследия на новом уровне развития науки, действительно предпринятое Гумилевым, само по себе не может служить основанием для вывода о присвоении им интеллектуальной собственности евразийцев, которое под пером французского автора чудесным образом сочетается с критикой и ревизией Гумилевым евразийского наследия.

Среди противников евразийства было много авторитетных ученых, оспаривавших их научные выводы. Среди них П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин, Е.Ф. Шмурло, Е.В. Спекторский, С.Н. Прокопович, П.Б. Струве. Последний несколько позже частично разделил некоторые положения евразийцев. Идейных и научных противников такого калибра у сегодняшнего евразийства, конечно, нет, хотя недобросовестных интерпретаторов исторических воззрений евразийцев в Росси и за ее пределами хватает и сегодня. Их построения не вызывают интереса ни у научной общественности, ни у народов, населяющих сегодня евразийское пространство. Объяснение этому факту предложил Л.Н. Гумилев: «Дело в том, что в сердцах людей заложена любовь к свободе и независимости, уважение к традициям, требование того, чтобы с ними считались, их понимали» [7, с. 544].

Сегодняшние политические и социально-экономические реалии в современном Казахстане и современной России вполне соответствуют завету «последнего евразийца», как иногда называют Л.Н. Гумилева. Много десятилетий назад Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский и другие евразийцы рассматривали теорию евразийства как программу будущего Евразии. Она, безусловно, выдержала проверку временем. Самые важные положения, составляющие научное наследие евразийцев – о единстве многонародного евразийского суперэтноса и путях самопознания народа, заявлявшиеся как евразийский национализм, по мысли Л.Н. Гумилева, будут еще долго иметь огромную практическую ценность.

Так что же, мы вправе признать, вопреки некоторым мнениям, что Л.Н. Гумилев не только сохранил, но и творчески развил многие и принципиальные положения евразийцев? Похоже, на этот вопрос следует ответить положительно. Более того, Лев Николаевич любил позиционировать себя как «последнего евразийца». Ему было лестно принадлежать к их «мощной исторической школе». Он публично признавал, что соглашается с основными историко-методологическими выводами евразийцев, ибо очень внимательно изучил их труды. Но позиционировать себя в качестве евразийца и быть таковым в действительности – разные вещи. Попробуем указать, в какой части Л.Н. Гумилев расходится с ними.

Он сам попытался наметить эти различия. Во-первых, по его мнению, евразийцы в теории этногенеза не знали главного – теории пассионарности. «Им очень не хватало естествознания. Георгию Владимировичу Вернадскому как историку очень не хватало учений своего отца, Владимира Ивановича» [8, с. 23]. И это при том, что евразийская доктрина замышлялась как синтез гуманитарной науки и естествознания. Гумилев признавал, что у него довольно редко возникали сомнения в правильности избранного евразийцами пути – «сопоставление вмещающих ландшафтов и истории населяющих их этносов» – принцип был предложен П.Н. Савицким для изучения России – Евразии и, с точки зрения Гумилева, является верным [2, с. 26]. Во-вторых, Л.Н. Гумилев, опираясь на труды евразийских теоретиков, почитал возможным объединить историю, географию и природоведение в одну науку – в этом он видел и главную научную перспективу и главное научное достижение евразийцев [2, с. 30].

Наконец, Л.Н. Гумилев всегда позиционировал себя как ученого и только ученого. Евразийцы же были не только учеными, но и идеологами, политиками, общественными деятелями. Все это Льву Николаевичу было решительно чуждо. Он принимал и именно поэтому критически переосмысливал научную, собственно историческую теорию евразийцев, игнорируя все прочие ее составляющие (если, конечно, это было возможно). Отказывать Гумилеву в приверженности евразийским началам на том основании (помимо прочего), что он позиционировал Тимура как мусульманина, а Савицкий – как наследника традиций чингизидов – именно так постулирует М. Ларюэль [6, с. 59] – представляется нам надуманным [См. подробнее: 9]. Ведь и в рамках марксизма возможны построения различных картин мира. Если признать, что все советские историки были марксистами в 1940– 1970-х гг., то и полемики между ними быть не может ни по общим, ни по частным вопроса – вот логика М. Ларюэль, никак не соответствующая действительности.

Л.Н. Гумилев не популяризатор евразийцев, пересказавший их построения близко к тексту; он их продолжатель, он их интерпретатор. Оттолкнувшись от евразийства, Гумилев, действительно, выдвинул положения, под которыми, должно быть, не подписались бы ни Трубецкой, ни Савицкий. Однако это не перечеркивает того факта, что евразийская теория стала краеугольным камнем (не единственным) для теоретических конструкций Гумилева.

Список источников и литературы

1. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / предисл. С.Б. Лаврова. М.: Прогресс, 1993. 576 с.

2. *Гумилев Л.Н.* Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации /предисл. С.Б. Лаврова. М.: Прогресс, 1993. 576 с.

3. *Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре // Гумилев Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. Приложения.

4. *Гумилев Л.Н.* В какое время мы живем // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации /предисл. С.Б. Лаврова. М.: Прогресс, 1993. 576 с.

5. *Из писем* П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву // Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М.: Экопрос, 1994.

6. *Ларюэль М.* Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Евразия. Люди и миры. (Сборник статей из журнала «Вестник Евразии»). М.: Наталис, 2003. С. 50-64.

7. *Гумилев Л.Н.* Выбор веры // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / предисл. С.Б. Лаврова. М.: Прогресс, 1993. 576 с.

8. *Гумилев Л.Н.* «Меня называют евразийцем…» // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации /предисл. С.Б. Лаврова. М.: Прогресс, 1993. 576 с.

9. *Сорокин Ю.А.* Л.Н. Гумилев об эмире Тимуре // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. IV Междунар. науч. конф. Омск, 2005. С. 32–36.

Y.A. Sorokin

L.N. Gumilev - Eurasian last?

Summary: In this article the methodological principles and ideas of Eurasianism, which shared, complementary or criticizing L.N. Gumilyov. Positions L.N. Gumilyov on specific historical subjects of national history were compared with estimates of Eurasians (N.S. Trubetskoy, P.N. Savitsky). Based on an analysis of published works and personal correspondence researcher founded conclusions defining L.N. Gumilyov as a successor and in-terpretatora Eurasians.

Key words: L.N. Gumilyov Eurasian, Eurasian nationalism.

УДК 930.1:94 (574)

Ж.А. Ермекбай

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА А.В. РЕМНЕВА

Аннотация: В статье предпринята попытка осмысления наследия российского профессора А.В. Ремнева по исследованию отдельных вопросов истории Казахстана. Охарактеризованы новые подходы исследователя к изучению имперской политики в Сибири, Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Особое внимание уделено работам А.В. Ремнева, посвященным различным аспектам политики Российской империи в Казахской степи, а также разнообразным колонизационным практикам местной администрации, направленным на интеграцию этого региона. Отмечена репрезентативная источниковая база исследований А.В. Ремнева по истории Казахстана.

Ключевые слова: Степной край, Азиатская Россия, Казахстан, Центральная Азия, татары, Ремнев, Венюков.

В 2013 г. в Омском государственном университете имени Ф.М. Достоевского прошла научная конференция, посвященная памяти доктора исторических наук, профессора Анатолия Викторовича Ремнева. На конференции соратники, друзья, коллеги из России и Казахстана выступили с докладами, посвященными памяти и наследию А.В. Ремнева. В числе участников конференции был и я.

Мое знакомство с профессором А.В. Ремневым произошло в 1998 г. в стенах Омского университета на одной из научных конференций. В дальнейшем мы пересекались на научных форумах, конференциях, в научно-образовательных учреждениях и архивах, в различных городах.

Профессора Ремнева интересовали не только вопросы имперской политики в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в Казахской степи, которая полностью вошла в состав империи во второй половине XIX в. Он активно работал по различным аспектам внутренней политики царской администрации в Казахской степи как одном из обширных регионов Центральной Азии, волею судьбы вошедшей в состав Российской империи. Названия докладов и статей свидетельствуют об этом: «История образования Омской области», «Источники по истории административной политики самодержавия в Сибири XIX – начала XX вв. (Общая характеристика)», «Естественные границы» империи и степь в геополитической конструкции М.И. Венюкова», «Степной отдел Российского императорского общества востоковедения», «Ориенталистский дискурс и российская имперская практика (к постановке проблемы)», «Русская гражданственность», «обрусение» и имперская армия: к дискуссии о воинской повинности казахов в 70-х годах XIX столетия», «Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи», «Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX века)», «Язык и алфавит в имперской политике в казахской степи (вторая половина XIX века)», «Степное генерал-губернаторство в административных планах самодержавия конца XIX – начала XX вв.», «Степное генерал-губернаторство в имперской географии власти» и др. Ряд работ был написан в соавторстве с коллегой Н.Г. Суворовой, в их числе совместная монография «Колонизация Азиатской России: имперский и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века», статьи «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации», «Научная экспертиза колонизации азиатских территорий Российской империи».

Перечень научных публикаций говорит о внимании ученого к вопросам управления Казахской степью со стороны царской администрации. А.В. Ремневым были выявлены уникальные документальные материалы в центральных и местных архивах России и Казахстана, свидетельствующие об эволюции управления этой огромной территорией. Сибирское и Оренбургское генерал-губернаторства на основе военно-топографических экспедиций, сведений дипломатов, военных, чиновников, купцов и гражданских путешественников по линии Русского географического общества и по другим источникам, внимательно изучали особенности экономического развития кочевого хозяйства, торговли, местных национальных обычаев и традиций в хозяйственной, социальной и правовой системах, сложившихся в казахском ауле.

Одной из причин, способствовавших постановке вопросов истории русско-казахских отношений, были международные научные форумы по истории Степного края, которые с 1998 г. приняли традиционную форму общения ученых России и Казахстана. Одним из организаторов международных конференций, посвященных русско-казахским взаимоотношениям, был профессор А.В. Ремнев, работавший в ту пору проректором по научной работе Омского государственного университета. Вклад Анатолия Викторовича в проведение конференций, посвященных Степному краю, был исключительным.

На первой конференции «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.)», состоявшейся в 1998 г. в стенах Омского университета, профессор Ремнев выступил с обстоятельным докладом на пленарном заседании на тему: «История образования Омской области». В своем выступлении А.В. Ремнев обратил внимание на тот факт, что «Омск сыграл важную роль в развитии русско-казахских политических и социально-экономических связей. В этом процессе сближения двух народов, завершившемся присоединением и длительным пребыванием Казахстана в составе сначала Российской империи, а затем и СССР, образование так называемой первой Омской области, на мой взгляд, имело ключевое значение» [1, с. 6]. Профессор Ремнев подробно рассмотрел вопросы, связанные с организацией системы управления в казахской степи, правильно отмечая, что этому «<…> способствовала смерть в 1817 г. хана Букея (Бокея), а в

1819 г. – хана Среднего жуза Вали (Уали). Российское правительство решило воспользоваться этим обстоятельством, чтобы вообще упразднить здесь ханскую власть и не назначать нового хана. Петербург переходит от системы косвенного управления к более жесткому подчинению казахского населения, вводя систему совместного управления, но только на низовом уровне и под контролем со стороны царской администрации» [1, с. 7–8]. Смею отметить, что А.В. Ремнев хорошо знал историографию изучаемой проблемы не только российских, зарубежных авторов, но и казахстанских ученых. Он внимательно следил за публикациями, выходящими в Казахстане, и в своих поездках по республике заглядывал в книжные лавки и приобретал литературу. Не раз обращался к коллегам в целях приобретения необходимых книг, особенно по государственной программе «Культурное наследие», посвященной истории Казахстана.

На второй конференции «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.)», которая состоялась в 2001 г. в Кокшетауском государственном университете им. Ш.Ш. Уалиханова, профессор А.В. Ремнев в качестве модератора прекрасно руководил научной сессией, где и сам выступил с докладом на тему: «Естественные границы» империи и степь в геополитической конструкции М.И. Венюкова» [2, с. 4–8]. Обращаясь к идеям и образу военного офицера Академии генерального штаба, активного сотрудника Русского географического общества М.И. Венюкова, посвятившего жизнь исследованию Азиатской России и сопредельных ей стран, А.В. Ремнев показал географию расширения пределов Российской империи с учетом этапов процесса имперского расширения в Азии. Казахстан был важным стратегическим регионом Азиатской России и это понимали государственные деятели, дипломаты, военные и чиновники. На основе идей М.И. Венюкова профессору Ремневу удалось показать значимость Казахской степи и ее скорейшего освоения в контексте расширения и укрепления пограничных рубежей Российской империи. Данная публикация ценна, с научной точки зрения, как объективная оценка процесса расширения границ Российской империи за счет сопредельных территорий, и здесь справедливо, показаны цели военно-казачьей колонизации Степи, реформы государственного чиновника М.М. Сперанского, да и сами взгляды Венюкова, отражающие внутреннюю и внешнюю политику России в Центральной Азии.

Основательным было выступление профессора А.В. Ремнева на форуме в стенах Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева в 2003 г. В ту пору я работал в этом университете и принимал своих коллег из России. В докладе «Ориенталистский дискурс и российская имперская практика (к постановке проблемы)» Ремневым были определены возможности ориентализма для изучения Российской империи второй половины XIX в. Кратко характеризуя геополитическое состояние Российской империи в середине XIX в., особенно после поражения в Крымской войне, которое, по его словам, «<…> ознаменовалось всплеском общественного внимания к Востоку и формированием новых политико-географических «образов» Российской Азии. Географическое и этнографическое освоение зауральских территорий сопровождалось исследовательским бумом» [3, с. 84]. Основное внимание Ремнев уделил имперской географии новых территорий и народов, когда «География, этнография и история Востока, мотивированные потребностями «знания-власти», развиваются под явным запросом имперской практики. В качестве экспертов, обсуждавших имперские проблемы <…>, можно видеть ведущих российских ученых, которые осуществляли интеллектуальный транзит достижений западной политической и экономической науки и практики, определяли различные варианты российского видения Востока» [3, с. 85]. Это выступление запомнилось мне новым подходом российского ученого в исследовании имперской политики в Азиатской России, когда в середине XIX в. Казахский край окончательно вошел в состав империи. До Ремнева никто из казахстанских и российских исследователей не рассматривал в таком русле политику царизма в Центральной Азии.

Ученый скрупулёзно изучал архивные материалы, и мне не раз приходилось это видеть в Государственном историческом архиве Омской области и Центральном государственном архиве Республики Казахстан. Интересные сведения мы находим в одном из его докладов, посвященном Степному отделу Российского императорского общества востоковедения, открывшемуся в Омске в начале XX столетия. Здесь внимание ученого обращено на малоизвестные факты, свидетельствующие об интересе царской администрации к изучению восточных окраин империи, где, по мнению капитана Генерального штаба В. Попова, «… Омск … виделся естественным центром для востоковедных исследований уже в силу того, что отсюда распространяется политическое и экономическое влияние России не только на Казахскую степь, но и на Монголию и Западный Китай» [4, с. 71].

Нельзя не отметить актуальные работы профессора А.В. Ремнева, написанные в последние годы жизни и посвященные различным проблемам воинской повинности, ислама, языка, алфавита казахов и деятельности татар в Казахской степи в контексте имперской политики царизма в Азиатской России. В казахстанской историографии эти вопросы малоизучены и практически отсутствуют труды, где можно найти на них ответы. А.В. Ремнев часто бывал в научных командировках в Казахстане и хорошо знал историографию изучаемой проблемы, об этом также можно судить по индексу цитирования им трудов казахстанских ученых. Если была интересная с научной точки зрения работа, то он обязательно делал ссылку на неё. Изучая вопрос, связанный с деятельностью татарских миссионеров в Казахской степи, Ремневым высказана интересная мысль по поводу политики империи в отношении ислама в 1860–1880-х гг., когда «<…> произошел поворот от политики веротерпимости (и даже покровительства) к ограничению влияния мусульманского фактора на казахское население. <…> Толерантная лексика в отношении ислама сменяется агрессивными обвинениями мусульман в фанатизме, невозможности мирного сосуществования двух религий и даже антиисламской фобии. Империя начинает позиционировать себя в качестве защитника народов, которые подвергаются экономической и культурной экспансии со стороны татар. Таким образом, «мусульманский вопрос» в казахской степи вобрал в себя помимо конфессиональной составляющей опасение, что империя проигрывает на востоке империи культурную борьбу, а политика обрусения казахов помимо традиционной угрозы мусульманского фактора из Центральной Азии столкнулась с татарским национально-религиозным проектом» [5].

К сожалению, ограниченные рамки доклада не позволяют раскрыть актуальность и других трудов из научного наследия дорогого нам человека. От себя скажу, что в одной из приватных бесед Анатолий Викторович сказал, что почти заканчивает серию публикаций, посвященных некоторым вопросам русско-казахских отношений. Вероятно, стоит подумать о возможности объединения статей А.В. Ремнева по казахстанской тематике и систематизации этого материала в рамках монографии, посвященной малоизученным вопросам имперской политики в Казахской степи.

Список источников и литературы

1. Ремнев А.В. История образования Омской области // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.): Международная научная конференция, посвященная 175-летию образования Омской области: Тезисы докладов и сообщений. Омск: Омский госуниверситет, 1998. С. 6–14.

2. *Ремнев А.В.* «Естественные границы» империи и степь в геополитической конструкции М.И. Венюкова // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.: II Международная научная конференция: Тезисы докладов и сообщений / Под ред. А.П. Толочко. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. С. 4 – 8.

3. Ремнев А.В. Ориенталистский дискурс и российская имперская практика (к постановке проблемы) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Международный Евразийский форум (III научная конференция): Тезисы докладов и сообщений / Под ред. А.П. Толочко. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. С. 83–86.

4. Ремнев А.В. Степной отдел Российского императорского общества востоковедения // Народы Евразии: культура и общество: Третий международный евразийский научный форум: тезисы докладов и сообщений / Под ред. С.А. Абдыманапова. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2004. С. 71-73.

5. Ремнев А.В. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX века) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2006. Вып. 32 [отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков]. С. 238–277.

J.A. Ermekbaev

Issues stories of Kazakhstan the work of professor A.V. Remnev

Summary: The article makes an attempt to understand the heritage of the russian professor A.V. Remnev to study specific questions in the history of Kazakhstan. We characterize new approaches to the study researchers imperial policy in Siberia, Central Asia and the Far East. Particular attention is paid to the work of A.V. Remnev devoted to various aspects of the policy of the Russian Empire in the Kazakh steppe, as well as a variety of colonization practices of local authorities aimed at the integration of the region. The sources noted the representative research base A.V. Remnev on the history of Kazakhstan.

Key words: Steppe Region, Asian Russia, Kazakhstan, Central Asia, the Tatars, belts, Venyukov, Speransky.

УДК 94(47)+930.2

И.В. Побережников

АКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ КЕЙСЫ

Исследование выполнено за счет гранта РНФ №14-18-01625 «Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX вв.): региональное измерение»

Аннотация: В статье обоснована эвристическая ценность акторного подхода в изучении российской имперской модернизации. Показана специфика российской модернизации, которая осуществлялась в условиях незавершенного освоения территорий. Выявлены региональные особенности модернизации на примере Урала, Северо-Западной Сибири, Дальнего Востока. Показана вариативность акторных структур в различных региональных контекстах.

Ключевые слова: Россия, империя, модернизация, акторы, государство, бюрократия, самоуправление, предприниматели, профессионалы, пространство, фронтир, освоение, регион, Урал, Северо-Западная Сибирь, Дальний Восток.

Одной из ключевых предпосылок успешной реализации модернизационного проекта является наличие в современном российском обществе действующих субъектов, способных выступить акторами модернизации. Но на вопрос об их присутствии и локализации дается множество отве-

тов: от утверждений, что модернизация в России невозможна за отсутствием субъектов модернизации, до признания в качестве возможных акторов модернизации, например, среднего класса или чиновников [См., например: 1–3]. В этой связи высокую актуальность приобретает вопрос об адекватных методологических схемах исторического анализа формирования акторов модернизации, эволюции акторных структур, модернизационных стратегий акторов, исторического опыта формирования социальных статусов и идентичностей различных акторных групп, а также выработки технологий увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способов их преобразования в реальные модерные возможности.

Тема российских модернизаций активно разрабатывалась на протяжении последних десятилетий в отечественной литературе. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций [См., например: 4–5]. Однако проблема движущих сил российских модернизаций XVIII – начала XX в., ее агентов и проводников в страновом и региональном измерении еще не являлась предметом комплексного изучения и теоретико-методологической рефлексии. Между тем без ее освоения невозможно понимание фундаментальных особенностей российского пути развития.

Между тем в рамках классической модернизационной парадигмы исследователи редко обращались к анализу движущих социальных сил модернизации, влияния социальных коалиций или, наоборот, противостояний на ход и характер модернизации. К числу немногих исключений можно отнести фундаментальный труд Б. Мура (1967), выделившего три траектории модернизации в зависимости от того, кто выступал в качестве лидера или основной движущей силы процесса – буржуазия, дворянство или крестьянство [6]. Вряд ли возможно эффективное применение и марксистского «классового подхода», который, как правило, сводился к объявлению одного класса «господствующим», а другого – «эксплуатируемым» [7, с. 58–59].

Соответственно, до сих пор в отечественной исторической литературе модернизация изучалась преимущественно на страновом (или региональном) макроуровне в формате осуществления модернизационных субпроцессов (индустриализации, урбанизации, демографической революции, бюрократизации, демократизации, рационализации, профессионализации, образовательной революции). В подобных исследованиях модернизация обыкновенно превращалась в автоматический процесс, направляемый анонимными закономерностями и дирижируемый государством как почти единственным модернизационным актором.

Представляется, что использование акторного подхода может открыть новые горизонты при изучении российских модернизаций, позволит существенно обновить инструментарий этих исследований. Термин актор или социальный актор, означающий того, кто совершает действия, занимается социальной деятельностью, уже получил право широкой прописки в социологии, политологии, теории международных отношений, социальной психологии, антропологии. При этом под актором может подразумеваться как индивид, так и группа лиц, социальная страта, организационная структура, предприятие, общественное движение и т.д.

Предварительный историографический анализ социальных раскладов в контексте российской имперской модернизации выявил две точки зрения по вопросу о роли государства: 1) государство – по сути, единственный актор модернизации; 2) дуалистический характер имперской модернизации, что подразумевает наличие по меньшей мере двух потоков или уровней: доминирующей, преимущественно этатистской и спонтанной, низовой нонэтатистской модернизации.

Что касается роли отдельных социальных категорий, то здесь мы имеем дело с дихотомической системой историографических координат, представленной оптимистическим и пессимистическим полюсами.

Согласно одному подходу, крестьянство было вполне подвержено буржуазной эволюции, процессам социальной дифференциации, расслоения в результате воздействия капитализма, способно включиться в модернизационные процессы. По мнению других, для крестьянства были характерны тенденция архаизации, мощная тяга к организационному усилению общины, нерациональный образ жизни, глубокая покорность климату и природной стихии, хитрость и ограниченность, – поэтому оно в целом не готово участвовать в модернизационных процессах.

Согласно одной точке зрения, в России сложилась буржуазия как класс капиталистического общества, сформировалось свое предпринимательство. Оппоненты же полагают, что русская буржуазия оставалась социокультурно неприкаянной; православие не давало твердой санкции на предпринимательство, на богатство; поэтому русский купец и промышленник зачастую становился монахом или гулякой, меценатом или революционером.

Для одних плавный процесс формирования пролетариата капиталистической формации начинается еще в рамках традиционного феодального общества – с предпролетариата. Для других русские рабочие воспроизводили и развивали коллективистские ценности крестьянства и принципиально отличались от европейских рабочих: если европейский город создавал для рабочего среду воспроизводства новых потребностей, стимулировал тягу рабочих к респектабельности, новым видам досуга (футбол, семейные прогулки в парках, отпуск на морском побережье), то русский рабочий не был укоренен в городе, жил обычно в фабричных казармах, без семьи, а отдых для него означал кабак, публичный дом и коллективные драки («стенки»).

Согласно мнению одних, в России была активная, подвижническая, креативная интеллигенция, готовая жить по нормам модерного общества, активно функционирующая в рамках гражданского общества. По мнению же других, интеллигенция разделяла антикапиталистические настроения, для нее было характерно отсутствие «любования индустриальными творениями», восхищение капитализмом; интеллигенция была «разорвана» – следствие социокультурного раскола, вызванного вестернизацией Петра I, и не способна к конструктивной созидательной деятельности [8, с. 18–19]. Сам по себе такой разброс мнений свидетельствует, что вопрос о движущих силах, акторах российской модернизации, является недостаточно изученным, дискуссионным.

Колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее сфер. Пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. Исторически получилось так, что, по меньшей мере, на протяжении XVIII – начала XX в. российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения. Данная особенность странового развития не была уникальной, характерной только для России, она проявлялась также в истории других стран (например, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии). Представляется, что модернизацию в условиях незавершенного освоения можно квалифицировать как фронтирную. Как известно, концепция фронтира, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр. Дж. Тернером для объяснения истории США XIX в., стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в прошлом которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток». При этом последователи концепции Тернера расширили понимание фронтира, показав односторонность тернеровского представления о пограничных условиях как ключевом факторе формирования страновых особенностей и обратив внимание на несомненную значимость для истории общества традиций, «ввезенных» из метрополии, характера и степени интенсивности взаимоотношений «ядра» и «границы», «запада» и «востока» [9–17].

Для России, как страны фронтирной модернизации, был характерен освоенческий синдром, что выразилось в подвижности населения; дифференциации пространства страны на центр (ядро) и периферию, различавшиеся по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам; в наличии доступных пограничных областей, богатых ресурсами и служивших клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов; в возможности для лиц и групп, считавших себя незаслуженно обиженными, не сумевших обеспечить себе удовлетворительных условий существования, мечтавших культивировать нетрадиционные представления, переселиться в пограничные области; в потребности в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов; в проблеме адаптации и ассимиляции, возникавшей вследствие притока мигрантов на периферийные территории; в растянутости по времени колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение); в экстенсивном характере аграрной экономики; в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, в различной степени заселенности и освоенности территорий; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т.п. [см.: 18].

При этом административное освоение порой опережало хозяйственное и социокультурное. Основные принципы и этапы административной интеграции восточных регионов в единое имперское пространство, своеобразного «административного фронтира», были довольно точно сформулированы, как отмечал известный историк А.В. Ремнев, в отчете восточно-сибирского генерал-губернатора Д.Г. Анучина за 1879 г.: первоначально на вновь присоединенных территориях вводится сильная и в значительной степени автономная военно-административная система управления в виде генерал-губернаторства или наместничества, сохраняются традиционные институты власти для аборигенного населения, создаются лишь самые необходимые государственные учреждения на местах, прежде всего полицейские и фискальные; со временем, по мере упрочения связей «окраины» с «ближайшими частями государства, когда тяготение к русскому центру укреплялось вполне и местные условия сглаживались и приближались к общим русским, правительство решалось ввести такую область в общую систему управления и непосредственно подчинить ее центральным правительственным установлениям» [цит. по: 19, с. 63]. С этой точки зрения, резюмирует А.В. Ремнев, существовавшее административное устройство Сибири рассматривалось как «переходная форма».

Очевидно, необходимо серьезно учитывать пространственную неравномерность модернизационных процессов внутри страны, в рамках различных регионов. Региональные и субрегиональные общности по-разному ведут себя в общестрановом модернизационном контексте: выступают региональным фактором модернизации или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов. Естественно, складывающиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не остаются неизменными.

Исторически формировавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров регионы различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации. Данное обстоятельство оправдывает регионориентированный подход к изучению модернизации, фокусированный на выявление субстрановых, региональных вариантов модернизации. Попытаемся в данной работе сопоставить три больших по площади, но очень отличных региона России, в разной степени подвергшихся воздействию модернизации (Урал, Северо-Западная Сибирь, Дальний Восток).

Включение Урала в состав Российского государства собственно совпадает с эпохой становления последнего на базе Московского великого княжества на протяжении XV–XVII вв. Эпоха

фронтирной модернизации в истории Урала (XVIII–XIX вв.) в технологическом плане в основном совпала с протоиндустриализацией (становление и развитие мануфактурной промышленности). Предпосылками протоиндустриализации выступали обеспеченность региона полезными ископаемыми (руды черных и цветных металлов) и другими ресурсами (реки, лес), необходимыми для развития горнометаллургического производства, а также определенный уровень освоенности региона, по крайней мере, в его средней части (сеть постоянных сельских и городских населенных пунктов). На данном этапе в регионе усилиями русской администрации с опорой на местные демографические и природные ресурсы был создан комплекс металлургических заводов, началось экономическое освоение лесостепных территорий. Уже в первой четверти XVIII в. горнозаводский сегмент уральской промышленности стал ведущим и стратегически значимым для всей Российской империи. В связи с этим модернизационные процессы в металлургии и смежных отраслях приобрели первенствующее значение в экономической модернизации Урала [см.: 20, с. 447–502]. С начала XVIII в. хозяйственная специфика региона и его историческая судьба определялись промышленностью.

Урал в XVIII в. еще сохранял множество фронтирных черт (в частности, межэтнические конфликты, башкирские восстания, движение 1773–1775 гг., в значительной степени явившееся реакцией населения на «наступление» государства на окраины, на регуляризацию казачества, на заводское строительство на башкирских землях; юг региона только начал заселяться и осваиваться русскими), но постепенно черты особости, фронтирного «экстрима» стирались. Хотя опасность набегов киргиз-кайсаков на южном пограничье сохранялась до середины XIX в., во второй половине XIX столетия Оренбургский край утратил статус пограничного, в связи с чем в 1881 г. был упразднен пост оренбургского генерал-губернатора. Социально-институциональная структура и менталитет региона еще в значительной степени носили традиционный характер, хотя постепенно (фрагментарно) подвергались модернизации. Происходила рационализация бюрократической организации, нарастали модерные черты в сознании заводского и городского населения. Создание в конце XIX в. общеуральской железнодорожной сети содействовало развитию рынка промышленного сырья и топлива, оптимизации внутрирегиональных экономических связей [см.: 21, с. 205–214]. Но некоторые проявления региональной специфики, в частности, связанные с незавершенностью освоения, сохранялись до рубежа XIX—XX вв. (например, военные черты в системе местного управления, мощные традиционные анклавы в сельской местности, высокий удельный вес военизированного казачьего сословия в составе населения Оренбургской губернии и др.).

Помимо субстрановых регионов-моторов модернизации всегда существовали ее периферийные зоны. К числу последних, в частности, относился север Западной Сибири, экономика которого на протяжении фактически XVII–XIX вв. носила ярко выраженный «фронтирный» характер [22].

Север Западной Сибири был первым зауральским регионом, с которым познакомились славяне. Именно здесь были проложены первые пути в Сибирь. При этом освоение северных территорий Западной Сибири имело свою существенную специфику, которая обусловливалась огромной площадью, крайне суровыми природно-климатическими условиями, малонаселенностью, малочисленностью населения по сравнению с более южными районами.

Тем не менее интересно, в какой степени он испытывал импульсы модернизации, которая в указанный период разворачивалась в общероссийском масштабе. Проявлениями модернизации стали: 1) рационализация административно-территориального устройства, восходящая еще к началу XVIII в., но при этом длительная консервация локальных отличий, в значительной степени обусловленная сохранением традиционных структур низового управления [23; 24]; 2) интенсификация хозяйственно-экономической интеграции края в рыночную макроструктуру страны; 3) рост

интереса к окраинам как к источникам различных ресурсов для растущей экономики страны и заметная активизация географических исследований на Обском Севере, носивших практический характер; 4) активизация миссионерско-просветительской деятельности на севере Западной Сибири (хотя христианизация коренных народов края и отличалась поверхностным характером и неравномерностью, но она сопровождалась распространением просвещения, трансформацией норм обычного права, появлением новых тем и образов в искусстве туземного населения; более глубоким было русское влияние в сфере материальной культуры местных народов – происходили изменения в жилище, летней одежде, системе питания, внедрялись покупные вещи вместо традиционных, трансформациям подвергались производственные технологии) [25–27]. Большинство населения Северо-Западной Сибири в начале XX в. жило еще в условиях традиционности, а проблемы освоения явно превалировали над проблемами модернизации. Тем не менее в XIX – начале XX века освоенческие процессы приобрели более комплексный и динамичный характер, что способствовало ускорению интеграции региона в общестрановое пространство[28]. В качестве гипотезы можно высказать мысль, что на Севере «эхо» общероссийской модернизации пока еще лишь стимулировало ускорение процессов освоения региона.

Процесс освоения русскими Дальнего Востока имел ряд особенностей в сравнении с освоением Сибири. Тихоокеанская территория была присоединена и освоена позже, чем Сибирь. Берегов Тихого океана русские достигли только в 1639 г. Закрепление за Россией левобережья Амура, Приморья и Сахалина относится лишь в середине и второй половине XIX в. Динамика русского освоения тихоокеанских берегов была обусловлена действием ряда факторов: крайняя отдаленность региона от центра, сложная геополитическая ситуация, международная конкуренция, пограничные конфликты с Цинской империей, длительная неурегулированность вопросов границы [29, с. 73 - 75]. В этой связи особенно велика была в процессе освоения Дальнего Востока роль государства, серьезный акцент делался на повышение обороноспособности региона. Под эгидой государства, начиная с Первой и Второй Камчатских экспедиций, проводились академические исследования территории Дальнего Востока, направленные на разведку естественных богатств, открытие, освоение и закрепление за Россией новых земель в этой части Тихого океана, создание условий для заселения края, расширения земледелия, торговли и промыслов.

Лишь во второй половине XIX в., после стабилизации границы на Дальнем Востоке, активизировалось освоение территорий Приамурья и Уссурийского края, где были поселены казаки, стали привлекаться переселенцы-крестьяне. Колонизация по-прежнему в значительной степени мотивировалась стратегическими соображениями. Специалисты отмечают связь переселенческой политики в Приамурье с внешнеполитической обстановкой (так, бюджетные ассигнования на переселения конца 1850-х и начала 1880-х годов были связаны в первом случае со второй опиумной войной, а значит с существенной военной угрозой Приамурью от англичан и французов, во втором случае – с военной опасностью со стороны Китая на рубеже 1870–1880-х годов в связи со спором на центральноазиатском участке русско-китайской границы) [30, с. 117].

В 1850-е гг. были основаны важнейшие торговые и административные центры на Дальнем Востоке: Николаевск, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, что стимулировало развитие промышленности и сельского хозяйства в крае. В 1890-е гг. был построен Уссурийский участок Транссибирской магистрали, а в 1897–1903 гг. – Китайско-Восточная железная дорога, что в совокупности с мерами по заселению и основанию городов способствовало закреплению дальневосточной окраины за Россией, а также ее социально-демографическому, хозяйственному и социокультурному развитию. При этом именно государство играло ключевую роль в колонизации Дальнего Востока, регулируя приток переселенцев на тихоокеанскую окраину в ходе «Столыпинской» аграрной реформы, выступая главным субъектом строительства Транссибирской магистра-

ли, КВЖД и Амурской железной дороги [31, с. 34 - 36; 32]. Правда, в процессе сооружения Транссибирской магистрали и её дальневосточных звеньев на службу государственным интересам привлекалось и частное предпринимательство, подрядчики казны, которые выполняли большую часть работ на низовом уровне, а также доставляли на стройку необходимые материалы [30, с. 115].

Сопоставляя рассмотренные региональные варианты развития, можно сделать вывод, что характер и динамика модернизации существенно различались во фронтирных обществах. Вариативность была обусловлена размерами регионов, разницей во времени их присоединения, составом населения, геополитическим положением и уровнем безопасности, ресурсным обеспечением, временем начала модернизации, ролью государства и рынка как механизмов развития. Огромную роль играли природно-климатические условия территорий, их геополитический статус, время присоединения. Из трех регионов наиболее благоприятные для модернизации условия имелись на Урале: достаточная освоенность территории к XVIII в., богатство естественными ресурсами, возможность заниматься производительным сельским хозяйством, фрагментарные геополитические риски (преимущественно на юге региона, на башкирском и киргиз-кайсацком фронтире). В результате именно Урал в XVIII в. стал одним из страновых лидеров протоиндустриальной модернизации, несмотря на то что процессы освоения еще были далеки до завершения. Северо-Западная Сибирь присоединялась к Российскому государству почти одновременно с Уралом, фактически в XVIII в. было покончено с угрозой нападений со стороны «кочевников тундры» – самоедов, однако неблагоприятные климатические условия серьезно затормозили не только освоение, но даже заселение региона русскими, которые оставались немногочисленными до рубежа XIX–XX вв. О модернизации применительно к Северо-Западной Сибири данного периода можно говорить лишь условно, поскольку население в основной своей массе все еще находилось во власти традиции. Что касается Дальнего Востока, то позднее присоединение не дало возможности для развертывания интенсивных модернизационных процессов в изучаемый период. Поздняя стабилизация границы, позднее формирование демографических основ региона, необходимость решать проблемы обеспечения безопасности не благоприятствовали модернизации, тем не менее во второй половине XIX – начале XX в. заметными становятся явления и процессы, которые связывают именно с модернизацией: урбанизация, развитие торговли, промышленного производства и т.д.

Региональные условия накладывали отпечаток на профиль акторов модернизации. Более благоприятные условия модернизации на Урале способствовали большей комплексности совокупности акторов, включавшей гражданские и территориально-отраслевые административно-бюрократические структуры; органы самоуправления; общественные организации; профессиональные сообщества и т.д. При этом очень важную роль здесь играла ведущая группа уральского и самая престижная группа российского предпринимательства (горнозаводчики), которая сформировалась и эволюционировала в непосредственной связи с «волнами» модернизации [33]. Архаичный характер освоенческой «протомодернизации» на Севере Западной Сибири обусловил и доминирующий состав ее агентов: местная немногочисленная бюрократия; торговцы и рыбопромышленники; священники, миссионеры; ученые – исследователи края. Что касается Дальнего Востока, то запоздалое освоение и поздняя модернизация в сложных геополитических условиях обусловили гораздо большую роль государства, бюрократии и военных.

Список источников и литературы

1. *Кто и куда стремится вести Россию*? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, Интерцентр, 2001. 451 с.

2. *Яковлев А.А.* Агенты модернизации. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 426 с.

3. *Возможна ли модернизация в России*? (материалы «круглого стола») // Мир России. 2008. № 2. С. 69–91.

4. *Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.

5. *Большакова О.В.* Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. М, 2003. С. 139–157.

6. *Moore B.Jr.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966. 516 p.

7. *Алаев Л.Б.* Марксизм // Теория и методология истории. Волгоград: Учитель, 2014. С. 55–89.

8. *Побережников И.В.* Акторы российской имперской модернизации: проблемы и перспективы исследования // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С.49–66.

9. *Тёрнер Ф. Дж.* Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.

10. *Саймонс А.М.* Социальные силы в американской истории. М.: Гос. изд-во, 1925. 227 с.

11. *Кук Р.* Граница и метрополия: опыт Канады: доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М.: Наука, 1970. 12 с.

12. *Кушнер Г.* Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М., 1993. С. 136–151.

13. *Шейд У. Дж.* Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования ранней республики // Американский ежегодник, 2002. М., 2004. С. 9–32.

14. *Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005. 334 с.

15. *Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: ИДМИ, 2001. 114 с.

16. *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 193 с.

17. *Каппелер А.* Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII вв. // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47 – 64.

18. *Побережников И.В.* Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Новый хронограф, 2013. С. 246–274.

19. *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60–73.

20. *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 884 с.

21. *Гаврилов Д. В.* Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: избр. тр. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 616 с.

22. *Побережников И.В.* Канадский и сибирский фронтир: общее и особенное (XVI – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 25–30.

23. *Судьбы народов* Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822—1941 гг.) / Сборник документов. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. 320 с.

24. *Сословно-правовое положение* и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. 238 с.

25. *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: историко-географический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 305 с.

26. *Ямал – знакомый и неизвестный*. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. 238 с.

27. *История Ямала*. Екатеринбург, 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 2. Российская колонизация. 324 с.

28. *Побережников И.В*. Ямал в контексте российской модернизации XIX – начала XX в. // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. № 2 (65): Ямал в панораме Российской истории. Салехард, 2010. С. 21–29.

29. *Киреев А.А*. Специфика дальневосточной границы России: теория и история // Ойкумена. 2009. № 2. С.70–82.

30. *Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е.С*. Принципы реализации колонизационной политики правительства в Приморской области рубежа XIX–XX вв.: управление развитием транспорта, промышленности и переселения // Ойкумена. 2009. № 3. С. 112 – 120.

31. *Галлямова Л.И.* Дальний Восток в контексте государственной политики России на Тихом океане // Россия и АТР. Научный журнал Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2012. С. 29 – 41.

32. *Бурилова В.С*. История формирования территориально-промышленных структур Приморского края в середине XIX – начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2003. 128 с.

33. *Неклюдов Е.Г*. Уральские заводчики в контексте российской имперской модернизации // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 45–51.

I.V. Poberezhnikov

Actors Russian imperial modernization: regional case studies

Summary: The author provides arguments in favour of an heuristic value of actor approach in studying of Russian Empire modernization. Specificity of the Russian modernization which was carried out in the conditions of not complete development of territories is proved. Regional features of modernisation are revealed on an examples of Urals, Northwest Siberia, Far East. Variability of actor structures in various regional contexts is shown.

Keywords: Russia empire modernization actors the state bureaucracy self-government businessmen professionals space frontier development region Urals Northwest Siberia Far East.

УДК 930.23

И.Р. Соколовский

ТЕРМИНЫ С КОРНЕМ «ИМПЕР-» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX В., ПОСВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ XVI–XVII ВВ.

Аннотация: В работе рассматривается употребление терминов с корнем «импер-» в отечественной исторической литературе, увидевшей свет в XX в. и посвященной истории Сибири XVI–XVII в. Такое ограничение позволяет посмотреть, как менялось употребление терминов, относящихся к семантическому полю «империя». Мы видим, что, во-первых, термин «империя» употреблялся историками не только по отношению к России «императорского периода», но и в отношении других стран, как европейских («Римская империя», «Священная Римская империя Германской нации»), так и неевропейских, причем под час довольно неожиданно. Нами выявлено минимум два случая. Кроме того, термин «империя» употреблялся историками в библиографических контекстах, в составе названий организаций и учреждений, которые были создателями тех или иных исторических источников.

Нами были выявлены как минимум два контекста, где слова с корнем «импер-» носят понятийный характер. Первым таким контекстом является идеологизированное понятие «империа-

лизм», которое употреблялось некоторыми сибирскими исследователями. Вторым контекстом является употребление слова «империя» не как названия периода, государства или способа правления, а как понятия. В работе Яна Вилема Велувенкампа слово империя используется в качестве «экономического» термина.

Ключевые слова: империя, империализм, европейский, неевропейский, титул, понятие, имперский, императорский.

Невозможно дать оценку современного состояния и развития региональных исследований в рамках имперской истории, если они не включены в широкий историографический контекст. Предложенные профессором А.В. Ремневым концепции имперской географии власти, ментального конструирования сибирского пространства, дискурсивных практик постколониальной теории могут работать, когда мы хорошо понимаем контекст их функционирования. Таким контекстом является не только история сама по себе, но и история ее изучения – историография. Если мы говорим о «новой имперской истории», то мы должны отличать ее от «старой», а для этого, надо понимать, как эта история функционировала.

Провозглашение России империей, а русского царя – императором положило начало «императорскому периоду» русской истории. Совершенно очевидно, что эти изменения ввели термины «империя», «император» в лексикон историков, которые писали об истории XVIII–XIX вв. Они должны били пользоваться этой терминологией, чтобы описывать политические реалии изучаемого периода. Однако в XIX–XX в. продолжали трудиться и другие историки, которые писали об истории XVI-XVII в., когда императорской формы власти в России еще не было, она была всего лишь Московским царством. Хотя вопрос о статусе царского титула и имел важную политическую окраску и трактовался неоднозначно, формально все же употребление в трудах этих историков терминов с корнем «импер-» не могло отсылать к внутрироссийскому политическому контексту, так как института «империи» в тот момент еще не существовало.

Если же института не было, то в каком контексте употреблялась «имперская» терминология? Для выявления этого контекста нами была выбрана литература, посвященная именно XVI-XVII вв. По большей части эта литература была создана в XX в., мы только слегка вышли за эти рамки, как в конец XIX в., так и в начало XXI в. и можем обосновать свой выбор в каждом конкретном случае. Территориально это по большей части литература о Сибири. Почему были выбраны хронологические рамки XVI–XVII вв.? Во-первых, эта литература ближе к нашим непосредственным научным интересам. Во-вторых, она гораздо более обозрима, чем литература о более позднем периоде, который, к сожалению, привлекал куда большее внимание историков, даже если мы ограничиваем себя только сибирским регионом. В-третьих, в литературе, посвященной более позднему периоду, отдельные оригинальные словоупотребления «утонули» бы в общей массе слов, которые отражали бы реалии данного периода. Было бы трудно разглядеть специфику тех словоупотреблений, которые не «описывали» бы напрямую институты императорской власти, их значение и функции. Для создания более или менее репрезентативной картины нами было просмотрено около 40 работ, в которых выявлено несколько сотен упоминаний слов с корнем «импер-». Анализ этих упоминаний позволил показать интересную картину функционирования данных терминов в ролях, которые мы условно назвали «понятийной» и «номинативной». К словам, употребленным в «номинативной» функции, мы отнесли те слова, которые называли какие-либо институты или явления, связанные с так или иначе понимаемой «императорской властью». В таких случаях «номинативным» употреблением мы считали не только называние «императором» «Императора Священной Римской империи», который носил этот титул в латинских источниках, вышедших из его канцелярии, но называние «императором» китайского «вана», который до конца XVI в. не имел пред-

ставления ни о каких латинских титулах. «Понятийным» употреблением мы считаем таковое, при котором «империя» не используется как имя некоего предмета, а предполагает осмысление некоторого феномена, который сам себя империей не считает и не называет. Например, к «понятийному» словоупотреблению мы относим всякий разговор об «империализме» или об «имперской политике». Возможно, суть этого различения можно будет уяснить ниже, где мы приведем несколько конкретных примеров.

Во-первых, в сочинениях историков термин «империя» использовался для обозначения Российской империи, которой они были сначала современниками, затем — потомками. И, соответственно, для именования глав этого политического образования. Например, в 1876 г. Н.Е. Бранденбург писал о впечатлении, которое Петр I производил на современников и потомков: «понятного и даже простительного увлечения колоссальной фигурой первого русского императора» [1, с. I] Однако уже через 70 лет, три поколения, русские императоры могли упоминаться в ироническом контексте, как, например, у Н.М. Фальковского: «О санитарном состоянии всех этих прудов отчасти свидетельствует следующее: в 1732 и 1733 гг. по особому приказанию императрицы Анны, любившей кваканье лягушек, они свозились в пруды из разных мест» [2, с. 113]

Зачастую, историкам невозможно обойтись без упоминания империи при цитировании документов, созданных в «имперский» период. Например, А.А. Преображенский иронически цитирует царских чиновников: «Между тем одно официальное издание Комитета министров уверяло своих читателей, что переселенческое движение – это «стремление населения империи к более правильному и равномерному самораспределению по всей государственной территории России» [3, с. 119] Например, в работе Аполовой при цитировании ленинского тезиса о том, что «капитализм Российской империи развивался вглубь и вширь» [4, с. 6].

Или же историк использует термин «империя» нейтрально, просто для обозначения этого явления, например, когда А.А. Преображенскому надо было дать негативный пример для сравнения с изучаемым периодом он написал: «Незадолго до крушения российского самодержавия по всей империи от столиц до захолустья по рукам чинов полиции ходили пачки листов с описанием примет разыскиваемых «политических», [3, с. 127]. Другим типом источников могут служить те, что вышли не из-под пера русских современников империи, а иностранцев. Кушнер, опубликовавший свою работу в 1920-е гг., приводит такие цитаты из английского источника, характеризующего русский двор: «Гордость нераздельна с невежеством, — писал он далее, — и поэтому ваша милость не удивитесь, если действия этого двора проникнуты гордостью и тщеславием». «Международное право не могло с успехом привиться в стране, где нет ничего похожего на университет», и «в разговоре с русскими министрами упоминать о Гуго Гроции и Пуффендорфе было бы все равно, как толковать... с диваном Константинопольским». Он пишет, что просил «самым патетическим образом императрицу снизойти» к его несчастному положению... »[5, с. 239]. Чем плотнее историк работал над тематикой «имперского периода», тем чаще в его текстах встречаются слова с корнем «импер-». Например, вся ранняя история русского Урала тесно связана именно с имперским периодом, когда регион приобрел свое индустриально-хозяйственное значение, поэтому в монографиях о ней встречаются такие цитаты: «Татищев не оставил научных трудов по истории Урала, но в «Лексиконе Российском» наметил свою периодизацию истории горного дела на Урале, выделив XVII в. – начало строительства заводов в крае; первую четверть XVIII в. – создание большого количества заводов и появление органов горнозаводского управления; 30-е годы XVIII в. – период, когда «злостные и ненасытные лакомством правители» нанесли вред уральской металлургии в связи с передачей ряда казенных заводов в частные руки, и, наконец, 40-е годы XVIII в.— время правления императрицы Елизаветы Петровны, с которой В. Н. Татищев связывал надежду на возвращение к политике Петра I по отношению к горному делу» [6, с. 30]. Институты императорской

власти часто упоминаются в монографии Н.Г. Аполловой [4]. Ну и, разумеется, совершенно логично было бы отметить, что иностранные историки упоминают империю, когда пишут об «имперском периоде», приведем только цитату из Я.В. Велувенкампа: «Госпожа Люпс уехала в Амстердам лишь в 1725 г., после смерти Петра I. В следующем году она послала императрице Екатерине письмо, в котором благодарила ее за возможность объединиться со своим мужем» [7, с. 204].

Поскольку империя подарила огромное количество институтов и учреждений, содержащих в своем названии ссылки на связь либо с институтом, либо с особой императора, то прилагательное «имперский», разумеется, присутствует в названии целого сонма важнейших источников, которые используют историки XVI–XVII вв., даже если они не пишут об истории империи. Приведем лишь пару примеров: А.А. Введенский, например, упоминает «Списки населенных мест Российской империи» [8, с. 107], Ф.Г. Сафронов «Полное собрание законов Российской империи» [9, с. 3], эту же публикацию упоминает среди своих источников и О.Н. Вилков [10, с. 21 - 22] и так далее. То есть «библиографические» отсылки к империи постоянно присутствуют в исторической литературе, поскольку названия ее институтов и учреждений сохранились в названиях книг, изданных этими учреждениями или для них.

До 1917 г. представление о незыблемости «имперских» институтов было настолько прочным, что один из историков, писавших до 1917 г., И.Я. Гурлянд, использует такое понятие, как «доимперский период», когда пишет о «мыслью о роли общины в процессе исторического развития внутреннего управления до-императорскаго периода»» [11, с. 11].

В XX в. термин «империи» становится настолько общим местом для исследователей истории XVIII–XIX вв., что они иногда впадают в ошибку «анахронизма», называя Петровскую Россию империей даже в те моменты, когда она таковой еще не являлась. Например, они пишут, что «до реформы 1708–1710 г., оформившей разделение Российской империи на восемь губерний...» [6, с. 295], забывая, что Россия была провозглашена империей только в октябре 1721 г., а в этот момент она все еще была «Московским царством», «Русью», согласно царскому титулу Петра Алексеевича. Поэтому употребление термина «империя» в отношении России 1710 г. – это «анахронизм» (в форме «прохронизма»). В другом случае, когда Н.М. Фальковский цитирует К. Маркса, правда, непонятно, впал ли К. Маркс в анахронизме или об использовании слова «империя» в понятийном смысле: «Ни одна нация не находилась в таком удаленном от всех морей положении, в каком пребывала первоначально империя Петра Великого» [2].

Поскольку «империя» как политический институт не была русским изобретением, а возникла в центральном Средиземноморье, то исследователи употребляют термины с корнем «импер» всякий раз, когда ссылаются на европейские государства, в частности, на предка всех европейских империй — Римскую империю: «по словам Гиббона, на основании одних медалей можно установить путешествия императора Адриана» [5, с. 4].

Римская империя, как известно, оставила после себя наследников, одним из которых оказалась Византия, а другим, после долгих пертурбаций, — «Священная Римская империя Германской нации», на которую имеется очень много ссылок в трудах историков русского нового времени. Например, Новоселский пишет о том, что крымский хан Казы Гирей в 1604 г. заключил соглашение с императором этой империи [12, с. 42]. В очерках по истории СССР постоянно упоминаются имперские послы и русские посольства к императорскому двору, например, представители Священной Римской империи — послы Аллегрети и Лорбах, которые выдвинули идею союза христианских государей (православных и католиков) для борьбы с Турцией и Крымом [13, с. 355]. Историки не забывают о высоком месте этой империи в иерархии феодальных государств, ссылаясь на свидетельство Г.К. Котошихина о том, как в грамотах к турецкому султану, составляемых на «большой александрийской бумаге», «травы пишутца сверху до половины листа, и по краям боль-

шие до низу, и внизу травы ж, и вверху середи трав в трех кругах царская и турското салтана титлы пишутца золотом все; а дело пишетца с половины листа», так же «писалось» и в царских грамотах к императору Священной Римской империи [14, с. 393]. А.А. Преображенский пишет о наказе русским послам к германскому императору от 1588 г., где сообщалось: «А ныне в Сибири государь наш городы поставил и церкви освятил и воевод по городам посажал с своими людьми и Сибирская земля вся... и все князи Сибирского государства и вогуличи и остяки по Оби по великой реке все... служат и ясак государевым воеводам платят» [3, с. 50]. Я.В. Велувенкамп пишет о дипломатическом поручении Марселиса, который совместно с московским торговым иноземцем Дитрихом Ангеларом отправился по заданию царя к курфюрсту бранденбургскому, германскому императору и королю Дании приглашением принять участие в мирных переговорах [7, с. 161]. Д.Я. Резун вспоминает об этой империи, когда пишет о биографии такого яркого персонажа сибирской истории, как И. Ермес: «Ермес был выходцем из "Священной Римской империи", которая когда-то объединяла Испанию, Германию...» [15, с. 63]

Интересно, что в русском языке существует краткая форма прилагательного «императорский» — «имперский». Этим прилагательным русские историки пользовались для перевода немецкого слова Reich, например, немецкий термин Reichstadt, переводился как «имперский», а не «императорский» город [13, с. 533, 463; 3,с. 46]. Эта оппозиция «имперский» — «императорский» в русском языке присутствует преимущественно в составе названий должностей или учреждений, а также является понятийным различением, например, между «империалистической политикой» и «политикой императора».

Еще одной наследницей Римской империя была Восточная Римская империя — Византия. Эту «империю» упоминают в своих текстах те историки, которые затрагивали либо ранний период, либо какие-то темы с глубокими корнями, уходящими в историю христианства, наиболее часто эта ссылка присутствует у историков Церкви. Кулишер, например, вспоминает про «договор Олега с императорами Львом и Александром» [5, с. 14] Например, говорится «о византийской церкви, находившейся в свое время в полном подчинении у императорской власти» [14, с. 307–308]. Про одного из христианских богословов, живших в Византии, которую он называет еще «Восточной Римской империей», пишет Д.Я. Резун: «в Восточной Римской империи, в Византии, большой известностью пользовался Василий Великий, архиепископ Кападокийский (329–379 гг.), один из отцов христианской церкви» [15, с.32]. Дореволюционный историк Н.Ф. Каптерев называет византийских императоров «греческими»: «С другой стороны несомненно, и то, что в церковных грекофильских стремлениях царя Алексея Михайловича не последнюю роль играли и политические мотивы, так как Алексей Михайлович считал себя преемником древних благочестивых греческих императоров не только в делах веры и благочестия, но и законным наследником царства, верил, что ему или его преемникам, действительно, суждено в будущем владеть самым Константинополем и всеми православными народами, томящимися под турецким игом» [16].

Использовали историки термин «империя» для обозначения неевропейских потестарных образований, прежде всего – турецкой и китайской «империй». Османская империя могла считаться преемницей Византии, так как турецкий султан официально имел титул «императора». Поэтому империей ее именовали как дореволюционные историки: «вообще в турецкой империи, не было и нет своей собственной типографии, в которой бы они (греки) могли печатать свои книги в неиспорченном виде» [16], так и послереволюционные, например, Кулишер, который писал о том, что «в странах Востока, например, в Османской империи» долгое время сохранялись традиции существования отдельных «гостиных дворов» для иноземных купцов [5, с. 208]. Или Новосельский, который цитировал источник про «Московию, которая на огромном пространстве граничит с Турецкою империею» [12]. Современные историки Курлаев и Манькова пишут про то, что «в это время

еще продолжалась война России с Османской империей за Правобережную Украину» [17, с. 260], даже иностранные авторы не могут обойти эту империю стороной, отмечая, например, что «обычно в периоды мира между Персией и Османской империей выгоднее доставлять шелк-сырец в Западную Европу через Средиземное море и мыс Доброй Надежды» [7, с. 80].

Термином «император» отечественные сибиреведы часто переводят китайский термин «wang», называя Китай — «империей». Наиболее «популярным» у сибиреведов является маньчжурский император с девизом правления «Каньси», который правил довольно долго (1662–1722) и отличался активной внешней политикой. Не забывают и его предшественника: «грамота, отправленная с ними к царю Шамшакану (маньчжурскому императору Шуньчжи, захватившему власть в Китае), так и не была доставлена по назначению» [17, с. 196]. «Нарастающая борьба Джунгарии с Китайской империей изменила расстановку сил в верховьях Оби» — пишет И.П. Каменецкий [18]. «Одним из наиболее ярких представителей этих агрессивных настроений явился второй представитель новой династии, император Кан-сй (1662–1723)» – отмечает В.И. Шунков [19, с. 187]. Особенно часто «Китайская империя», которую он называет «Цинской», по династии, упоминается в работах О.Н. Вилкова: «В связи с военными действиями между монгольскими властями, в которых небезучастную позицию занимала Цинская империя, китайские товары на Ямышевскую ярмарку, оставались нераспроданными», «впервые проник в Цинскую империю в 1674 г.» и др. [10, с. 199]. Упоминается она и во второй его монографии, «Развитие производительных сил Русского государства, его географическое сближение с Цинской империей», «В Приказе Большой Казны о товарах, привезенных из Цинской империи Ф.И. Байковым, И.С. Перфильевым и Сеиткулом Аблиным сказано: «А книг покупке товаров Федор Байков не подал, а сказал, что де у него подъячего не было, а книг писать было некому, а он сам грамоте не умеет». «Несколько видоизмененного маршрута, проходившего через земли енисейских киргизов, а также через монгольские и китайские земли Саинг Лоджана-хана, Очироя-хана и императора Кан-си, торговым людям, идущим «сухим путем на лошадях со вьюками», требовалось около 9–10 недель». Но часто он говорит просто о «Китае», не упоминая форму правления: «Все это вместе взятое и привело к тому, что торговцы начали искать в Китай новые, более удобные торговые пути, обращая свои взоры, главным образом, на восточные рубежи страны, которые к этому времени, с присоединением Забайкалья и Даурии к Русскому государству, вышли к границам Китая» [20, с. 253–254, 87–88, 97]. «Цинской империей» называется Китай и в работе Н.Г. Аполловой: «Это переселение затянулось до 1760 г., быть может, вследствие осложнения внешнеполитической обстановки на юго-восточной границе (после оккупации Джунгарии Циньской империей)» [4]. Просто «Китайской империей» называют её также С.В. Бахрушин и Токарев: «Угроза агрессии со стороны Китайской империи, определившаяся к началу 1660-х гг., еще более встревожила якутскую администрацию» [21, с. 310].

Еще одна империя — монгольская, она же татарская. «Возможно, что это русская переделка монгольского слова «даруги», как назывались административные округа, на которые делилась Монгольская империя, и ее часть – Золотая Орда» — писали в «Очерках истории СССР» середины 1950-х гг. [13, с. 798]. Когда о том же предмете Гурлянд писал до революции, он использовал другую терминологию, ссылаясь на источники: «куда бы ни приходили (к императору татарскому) к нему с данью или посольством, обязаны также давать под них лошадей, подводы (currus)» [11].

На наш взгляд, одним из самых интересных аспектов использования слова «империя» отечественными сибиреведами XX в. является использование этого слова в качестве понятия. К «понятийным» мы относим случаи, когда в тексте сибиреведа или иного историка отечества, занимающегося XVI–XVIII в., речь идёт ни о географическом явлении, ни о политическом режиме, а некой типологии политических явлений. Например, о разных полиэтничных потестарных образованиях, где исследователь может выделить «господствующий» этнос, язык которого оказывается

языком системы принятия решений («императорского двора», бюрократии или прото-бюрократии, или ещё какой-нибудь формы «управления») причем «подчиненные» (недостаточно представленные в системе принятия решений) этносы сохраняют свой язык и культуру в областях, не попадающих в сферу «имперской» политики. В таком смысле, конечно, и Китай XVII в., и Монгольское ханство XIV в., и Французская Республика 1939 г. одинаково оказываются «империями».

Первый пример использования «империи» в понятийном смысле мы, на наш взгляд, обнаружили у С.В. Бахрушина, который еще в 1940 г. писал о «складывавшейся феодальной империи» [22]. В этом же смысле этот термин использовал В.И. Шунков, кода писал: «Претензии сибирских служилых людей добиться общего признания за ними права на землю и крепостных встречали настойчивый и постоянный отказ со стороны правящих кругов империи» [Цит. по: 23, с. 209]. В определенном смысле их предшественником можно считать В.О. Ключевского, который рассматривал «расширение государственной территории, создание Всероссийской империи», как один из «главных фактов» «нового периода русской истории (со второго десятилетия XVII в.)», но его интерпретация была подвергнута критике советскими историками, в частности О.Н. Вилковым [20, с.23–34].

Можно было бы предположить, что историки должны были быть очень чувствительны к идеологическому влиянию (и давлению), однако наиболее идеологизировнные тексты принадлежат географу В.В. Покшишевскому. В своей работе 1951 г. он широко использует понятие «империализм», который характеризуется как «оголтелый», с «агрессивной политикой», как «последний этап капитализма», склонный к «авантюрам»: «для оправдания агрессивной политики самого оголтелого империализма», «в период империализма - последнего этапа капитализма», «оградило этот край от угрозы захвата его английским империализмом», «в ряде случаев оградило их население от агрессии и захвата отсталыми соседями или крупными империалистическими державами», «одним из средств осуществления затеянных царским правительством империалистических авантюр» [24, с. 8,14, 18, 156]. Понятие «империализм» фигурирует в исторических работах до 1989 г.: «второй том посвящен истории развития региона в период капитализма и его империалистической стадии с 1861 по 1917 г.» [6, с. 8], но затем постепенно выходит из употребления историками.

Интересное толкование понятия «империя» мы находим в работе И.П. Каменецкого, который полемизирует с Л.Р. Кызласовым, который утверждает: «Как чудовищный каток, империя, подминая под себя десятки сибирских племен н народов, тысячами своих активных членов неотвратимо докатилась до побережья Тихого океана и перевалилась в Северную Америку». И.П. Каменецкий так формулирует свою оценку этого понимания: «Эти, и подобные им, полемические, а точнее публицистические высказывания, имеющиеся в современных научных изданиях, (...), объективно вводят в заблуждение неискушенного читателя, невольно формируют у него представление об имперском и доимперском российском государстве как о неком гигантском монстре Левиафане-Гулливере, захватившем в рекордно короткий срок громадную территорию Сибири и поглотившим возникшие и неуспевшие оформиться в государственные образования патриархальные сибирские народности, которые до прихода русских переживали «золотой век» в своем развитии» [18].

Понятие «имперский регионализм», развиваемое И.Л. Дамешек, не обойдено вниманием историками, занимающимися более ранними периодами истории Сибири [25].

Завершая наш обзор употребления термина «империя», скажем еще пару слов об иностранцах. Наш современник, голландский исследователь Ян Виллем Велувенкамп употребляет термин «империя» как американизм, в экономическом смысле: «Марселис и Аккема продолжали расширять свою империю по добыче железной руды и производству оружия» [7, с. 159].

Не надо забывать о цитировании иностранных источников в трудах отечественных сибиреведов и историков XVII в. вообще. Претензии русских царей, сначала Рюриковичей, потом Рома-

новых, на «императорскую позицию» в мировой феодальной структуре находили некоторую, пускай неформальную поддержку среди иностранцев, которые вынуждены были осмыслять размеры и мощь Московского царства, особенно когда оно вышло на просторы Сибири и растянулось фактически от Балтики до Тихого океана. Поэтому не удивительно, что Московское царство «империей», а Алексея Михайловича — «императором» называл Самюэль Коллинз; Н.Ф. Демидова цитировала его без купюр [26, с. 181] .

Возможно, кому-то наши результаты могут показаться довольно банальными. Поэтому, подводя итог ментальному конструированию пространства «империй» в сознании и дискурсивной практике сибирских историков, мы добавим еще некоторые уточнения.

Во-первых, термин «империи» у историков расположены не только во времени, но и в пространстве, или наоборот. То есть существует некий «хронотоп» империй, к которому сибирские историки так или иначе обращались, даже при условии, что Московское царство в изучаемый период империей не было. Что же это за империи? Во-первых, это «империи» европейских создателей и пользователей самого термина («Римская империя», «Священная Римская империя германской нации»). Во-вторых, историки называли «империями» ряд неевропейских государств как прямых наследников европейской Римской империи (Византия, Османская империя турок), так и потестарные образования, которые о своей «предшественнице», наградившей их таким именем в сознании европейцев, и слыхом не слыхивали, таких как Китай, прежде всего послеманьчжурский, или Монгольское ханство.

Если мы нанесем полученные результаты на «ленту времени», то мы получим ряд: Рим — Византия – Священная Римская империя германской нации – Монгольское ханство – Османская империя – Цинская империя – Всероссийская империя. Если же мы нанесем «империи» сибирских историков на карту, то получим такую цепочку (двигаясь с севера на юг и с запада на восток): Священная Римская империя германской нации – Рим – Византия – Османская империя – Монгольское ханство – Цинская империя. Всероссийская империя, провозглашенная Петром I, будет в центре этого круга. А теперь о «банальности» таких результатов. Владыка иранских земель долгие годы носил титул «царя царей», который в VII в. даже принимали византийские императоры. Ему подчинялись обширные земли, до сих пор населенные разными, не всегда иноязычными народами. Но иранского «императора» в сознании историков нет, хотя Иран упоминается довольно часто, но просто как Иран [3, с. 50] или Персия [12, с. 39 и др.; 7, с. 80; 20, с. 86–87]. Кроме того, титул «царь царей» использовали для обозначения своего статуса некоторые владыки Империи Великих Моголов, которая официально называется империей в отечественной историографии. Однако она не попала в поле зрения отечественных сибиреведов XX в. Еще более экзотический пример «империй», согласно историографической традиции, это «империи» инков и ацтеков, которые тоже не попали в сферу внимания рассматриваемых авторов даже в качестве примеров схожей или отличной социальности.

Когда мы можем принять во внимание не только то, о чем говорится, но и то, о чем умалчивается, мы сможем понять, что в ментальной хронологии и географии историков XX в., писавших о «доимперском» периоде русской истории, «империя» играла большую роль. Хотя территориально их «поле зрения» было ограничено «империями», либо непосредственно граничившими с русскими владенимями, либо обладавшими значительным весом в Европе (европоцентризм отечественной историографии очевиден и не нуждается в объяснениях). Надо отметить, что Азия достаточно хорошо представлена в сибиреведении, но не очень глубоко. Историческая же память сибиреведов об империи достаточно глубока и доходит фактически до «Августа кесаря», что не удивительно и объясняется мощным византийским влиянием на Русь и связью Византии с Римом как культурным образцом. Получается историческая связь по родственной модели «дед – отец – внук» – первый, второй и третий Рим.

Поскольку историческая память об «империях» так глубока, то не стоит удивляться общеизвестному, но слабо осмысленному «библиографическому» присутствию империи в трудах отечественных сибиреведов. Термин «империя» употреблялся историками в библиографических контекстах, в составе названий организаций и учреждений, которые были создателями тех или иных исторических источников, причем иногда парадоксально, как, например, Свод законов Российской империи включает больше трех томов законоположений «доимперского периода», а «Императорская археографическая комиссия» издает документы даже «доцарского периода». Такое «библиографическое» присутствие империи объяснялось не только долгой памятью, но еще и скудостью источниковой базы ранних сибиреведческих исследований XVII в.

Важным аспектом науки является, на наш взгляд, не только сбор и систематизация фактов, но и их объяснение. Связь между различными явлениями устанавливается в «понятии», когда, например, разрозненные явления человеческой жизни или природного мира подводятся под понятие «феодализма», «империи», «живой клетки», «поля» и т. д. Нами были выявлены как минимум два контекста, где слова с корнем «импер-» носят понятийный характер. Первым таким контекстом является идеологизированное понятие «империализм», которое употреблялось некоторыми сибирскими исследователями. Вторым контекстом является употребление слова «империя» не как названия периода, государства или способа правления, а как понятия в дискуссии о роли русского периода в истории Сибири для аборигенных народов. Оба этих случая, на наш взгляд, показывают некоторую «эмпиричность» сибиреведческих исследований. Первый случай, с «империализмом», поскольку принадлежит перу талантилвого географа, но не историка. Второй случай – поскольку связан с кризисной ситуацией, когда старая парадигма не удовлетворяет чаяниям как минимум части историков и требует, по их мнению, своего пересмотра.

В работах историков, занимающихся XVII–XVIII вв., нашла отражение не только седая древность, но и вещи более современные, навеянные языком капитализма, в его «последней стадии». У Яна Вилема Велувенкампа слово «империя» используется в качестве «экономического» термина для описания крупного мануфактурного предприятия. С уверенностью сказать, принадлежит ли этот термин самому автору или его переводчику, без голландского оригинала нельзя, но этот пример, конечно, весьма характерен.

Всякое понятие является метафорой, то есть переносом на социальные явления термина, которым до этого обозначалось что-либо более приземленное, вроде как «голова» человека превращается в «Главу государства» (официальный титул Юзефа Пилсудского в 1918–1922 гг.), а «подбородок» превращается в «кагана-хана». Так и слово «империя» первоначально означало «воплощать, производить», откуда связь со словом «эксперимент» из романских языков, а в славянских (от пра-формы «*pariti»), возможно, с «парением» и «паром» (ср. др.-инд. parayati «ведет», приводимое в словаре Фасмера). Как мы помним, изначально в Римской республике «император» был должностным лицом, способным неуклонно проводить избранную народом в данный момент политическую линию. Поэтому было приятно обнаружить, что эта семантическая структура до сих пор жива в русском языке, что отражено в работе В.А. Александрова и Н.Н. Покровского в выражении «вряд ли можно императивно датировать...» [27, с.12].

Список источников и литературы

1. *Бранденбург Н.Е.* Материалы для истории артиллерийского управления в России: Приказ артиллерии (1701–1720). СПб.: Типография артиллерийского журнала. 1876. 555 с.

2. *Фальковский Н.И.* История водоснабжения в России. М.-Л.: Издательство министерства коммунального хозяйства РСФСР, 1947. 307 с.

3. *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVII – начале XVIII века. М.: Наука. 1972. 392 с.

4. *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 371 с.

5. *Кулишер И.М.* История русской торговли и промышленности / Сост. А.В. Куряев. Челябинск: Социум, 2003. 557 + ix с. (переизд., первое изд. 1922).

6. *История Урала* с древнейших времен до 1861 года. М.: Наука, 1989. 608 с.

7. *Велувенкамп Ян Виллем*. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550 – 1785. М.: РОССПЭН, 2006. 328 с.

8. *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М.: Соцекгиз. 1962. 308 с.

9. *Сафронов Ф.Г.* Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1967. 96 с.

10. *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.

11. *Гурлянд И.Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900. 348 с.

12. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 448 с.

13. *Очерки истории СССР*. Т. 6: Период феодализма XVII в., М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 1046 с.

14. *Калишевич З.Е.* Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М.: Наука, 1961. С. 392 – 411.

15. *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск: Наука, 1993. 246 с.

16. *Каптерев Н.Ф.* Патриах Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1- 2 М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.

17. *Курлаев Е.А., Манькова И.Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики: научное издание; Отв. ред. Л.В. Сапоговская; РАН, УрО, Ин-т истории и археологии. Москва: Древлехранилище, 2005. 321, [2] с.

18. *Каменецкий И.П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв.. опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири. Омск: [б. и.], 2005

19. *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). — М.: Изд-во АН СССР, 1956. 432 с.

20. *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI - начала XVIII в. Новосибирск: Наука 1990. 368 с.

21. *Якутия в XVII* в., Якутск: Якутское книжное издательство, 1953. 439 с.

22. *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // Исторические записки. М.: Издательство АН СССР, 1940. С. 98–128.

23. *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1975. 248 с.

24. *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири: (историко-географические очерки) Иркутск, 1951. 208 с.

25. *Хромых А.С.* Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI – первая четверть XVII века); Отв. ред. Г.Ф. Быконя. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2012. 308 с.

26. *Демидова Н Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1987. 225 с.

27. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество в Сибири в XVII веке. Новосибирск, Наука. 1990. 400 с.

I.R. Sokolovsky

The terms with the root «imperiya-» in the historical literature of XX century about the history of Siberia of XVI-XVII c.

Summary: This paper analyses the use of the terms with the root «imperial» in Russian historical literature of the XX century about the history of Siberia in XVI-XVII. This scope allows us to see how varied was the use of terms related to the semantic field of «empire». We see that the term «empire» was used by historians, not only in stories about Russia of «the imperial period», but also in narratives about other countries, European («Roman Empire», «The Holy Roman Empire of the German Nation»), and non-European (China. Turkey, Mongolia) alike, sometimes quite unexpectedly. We h ave identified at least two cases, when the term was also used to the bibliographic contexts, as part of the names of organizations and institutions that have been creators of various historical sources. We have identified at least two contexts where words with the root «imperial» had conceptual nature. The first such context is ideologized concept of «imperialism» that was used by some researchers of Siberian past. The second context is the use of the word «empire» as a concept in Post-Soviet discussions. In the work of Jan Willem Veluwenkamp word empire used as «economic» terms for refering to large enterprise.

Key words: Empire, imperialism, European, non-European, title, concept, Imperial.

УДК 930.85

В.О. Бобровников

К ИСТОРИИ (МЕЖ)ИМПЕРСКИХ ТРАНСФЕРОВ XIX – XX ВВ.: ИНОРОДЦЫ/ТУЗЕМЦЫ КАВКАЗА И АЛЖИРА

Аннотация. История империй колониальной эпохи (не обязательно и не во всем колониальных) вообще обнаруживает немало поразительных совпадений. При всем различии Алжира и Кавказа, а также владевших ими Франции и России имперский период их истории имеет много общего. Параллели обнаруживают проекты и режимы косвенного управления, институты низовой сельской администрации, восприятие неполноправных мусульманских подданных (туземцев/инородцев) в метрополиях. Чем это объяснить? Простой случайностью, закономерностью развития империй или заимствованием административно-политического опыта? Что служило источником для подражания? Наконец, кто, что, почему и у кого заимствовал? Пытаясь найти ответы на эти вопросы, статья проливает свет на пока еще малоизученную историю трансферов (и культурных переводов) практик косвенного управления сконструированными европейцами категорий туземного и инородческого населения на окраинах и в колониях великих держав колониальной эпохи (не обязательно и не во всем колониальных). Она основывается на большом массиве первоисточников и литературе на русском, французском и арабском языках, собранных автором за последние годы на Кавказе, в России и во Франции. Хронологически работа ограничена периодом имперского строительства французского колониального Алжира и русского Кавказского края, падающим на 1830-е – 1900-е гг. Основное внимание статьи обращено на сравнительное изучение конструирования мусульманского пограничья европейских империй на микроуровне. Она вносит вклад в осмысление столкновения колониальных держав с исламом в историческом контексте сопротивления мусульман европейской экспансии XIX в. Автор полагает, что режимы косвенного управления, известные как военно-народное управление среди горцев-мусульман русского Кавказа и арабские бюро среди туземцев-мусульман французского Алжира, на самом деле не сохраняли, а изобретали местную управленческую и правовую традицию.

Ключевые слова: колониальный дискурс, изобретение традиций, военно-народное управление, община, обычное право, трансфер, мусульмане, Алжир, Кавказ.

Расположенные на окраинах Французской колониальной и Российской империй Алжир и Кавказ – два очень непохожих региона. Их география, история и этнография различны. Даже ассоциации они вызывают разные. Кавказ – это, прежде всего, горы и «горцы», которых в XIX в., завоевывая, «замиряли» русские, хотя в состав региона входят еще приморские низменности, полупустыни и степи, например Ногайская степь с кочевым и полукочевым населением. Львиная доля территории Алжира занята пустыней – знаменитой Большой Сахарой, хотя и здесь есть крупные горные массивы как Кабилия и Аурес, степные плато Атласа и Малой Сахары и прибрежная полоса [ср. 1, с. 3; 2, с. 230–237]. Ко времени французского завоевания здесь жили в основном кочевые и полукочевые арабские и берберские племена. Оба региона сложились под властью Османской империи и двух европейских держав – Франции и России. До французского завоевания Алжиром называлась только узкая прибрежная полоса современного Алжира. Кавказ в свою очередь получил свои привычные очертания на южных границах Российской империи и СССР. В XVIII – середине XIX в. даже столица русского Кавказа неоднократно переезжала, сползая к югу, из Астрахани через укрепленные станицы степного Предкавказья в Тифлис [3, с. С. 55–56, 84–85].

История империй колониальной эпохи (не обязательно и не во всем колониальных) вообще обнаруживает немало поразительных совпадений. На это не раз указывали представители новой имперской истории [4; 5, с. 25; 6, с. 141–142], в том числе А.В. Ремнев [7, с. 285; 8, с. 165 – 166, 222 и др.], который и лично не раз говорил мне об этом. При всем различии Алжира и Кавказа, а также владевших ими Франции и России имперский период их истории имеет много общего. Параллели обнаруживают проекты и режимы косвенного управления, институты низовой сельской администрации, восприятие неполноправных мусульманских подданных (туземцев/инородцев) в метрополиях. Чем это объяснить? Простой случайностью, закономерностью развития империй или заимствованием административно-политического опыта? Что служило источником для подражания? Наконец, кто, что, почему и у кого заимствовал? Пытаясь найти ответы на поставленные выше вопросы, я обратился к нормативным, документальным и нарративным источникам и литературе на русском, французском и арабском языках, собранным мной в архивах и библиотеках Махачкалы, Тбилиси, Москвы, Петербурга, Парижа и Токио. Хронологически эта работа ограничена периодом создания французского Магриба и русского Кавказского края, падающим в Алжире на 1830–1900, а на Северном Кавказе – на 1844–1905 гг.

Военные территории в колониальной географии империй

Завоевание Францией Алжира, как и российское продвижение на Кавказ, носило колониальный характер. Главным признаком колонии в обоих случаях был туземный статус завоеванного населения (франц. indigènat), автономного, но ущемленного в правах по сравнению с гражданами метрополии или Центральной России. Туземный кодекс был отменен в Алжире лишь в 1919 и 1936 гг. (полностью лишь в 1945), а на Кавказе после революции 1917 г. [9, p. 16, 119, 126–127; 3, с. 186–187]. Массовая колонизация значительной части земель Алжира, Закавказья и Северо-Западного Кавказа в последней трети XIX в. соединяла и Алжир, и Кавказ с Туркестаном с метрополиями. Вместе с тем особенно в Алжире она способствовала созданию общин европейских колонистов, которые нередко противопоставляли себя метрополии, отстаивая свое право на равные привилегии с жителями метрополии или центра империи. Кавказ последней трети XIX и первой четверти XX в. послужил полигоном для имперских реформ. Разработанная здесь система косвенного, военно-народного, управления была перенесена в Туркестан, завоеванный Россией позднее.

Присоединение Алжира к Франции, а Кавказа к России было совершено руками военных. Они же первые десятилетия после начала завоевания управляли обоими регионами. До 1844 г. высшей военной и гражданской властью на русском Кавказе был командующий Отдельным Грузинским (впоследствии Кавказским) корпусом, главный штаб и ставка которого находились в Тифлисе. На Кавказе надолго сохранилась память о деяниях «проконсула Кавказа» А.П. Ермолова. При этом немалыми полномочиями обладали начальники флангов и даже участков Кавказской линии – прикрывавшей южные рубежи империи укрепленной цепи крепостей и казачьих станиц, которая в эту эпоху постепенно перерезала весь регион по рекам и Главному Кавказскому хребту. Нередко они представляли на местах высшее начальство империи [10, p. 14–16]. Похожее положение сложилось в Алжире 1830–1845 гг., когда на всех оккупированных территориях был установлен военный режим. Как вспоминал Пейн, военный начальник в Бу-Саада, «я чувствовал себя едва не королем и обладал неограниченной свободой рук. Великие племена всадников Ходны, эти кочевники Улед Наиль, не знали другого начальника, кроме меня, и не слушались никого другого» [11, p. 1659]. Алжир занимал первое место среди заморских территорий Франции, хотя система и режимы управления здесь неоднократно и часто менялись. То же можно сказать о Кавказском наместничестве 1844–1881 гг., упраздненном после назначения вел. кн. Михаила Николаевича главой Государственного совета, но вновь восстановленном между двумя русскими революциями (1905–1917).

Сложившийся в общественном мнении метрополии образ мусульманина-дикаря предопределил методы покорения обоих регионов и способы управления ими. Во многом сходны были исходные установки завоевания, видение «Алжирии» и Кавказа как дикой разбойной вольницы на границах цивилизованной Европы [12, p. 25–29; 3, с. 308–314]. Подлинные причины завоевания были различны. Однако предлогом к завоеванию в обоих случаях была борьба с разбоями на границах – набегами горцев и алжирским пиратством. Генерал Ермолов, с именем которого связано начало Кавказской войны (1817), и его преемники были уверены, что говорить с горцами можно только на языке силы, как с неразумными малыми детьми. Гуманные методы, по их мнению, годились только для Европы, а не на «диком» Востоке, к которому они относили и Кавказ. Похожие взгляды о неразвитости арабов Алжира высказывал маршал Т.Р. Бюжо, при котором было завершено покорение большей части Алжира за исключением территорий юга (1840-е гг.). Интересно, что завоевание в обоих случаях обозначалось одним и тем же понятием «умиротворение» (франц. pacification) [13, p. 149]. Восстававшие племена подвергались карательным экспедициям, их дома и имущество уничтожалось, а сами они вытеснялись вглубь страны, подобно тому, как «немирные горцы» выдавливались в горы Дагестана и Чечни, а на Западном Кавказе за Кубань.

После завершения завоевания и Алжир, и Кавказ были разделены на территории, находившиеся под военным и гражданским управлением. Введение в Алжире первых гражданских территорий, управлявшихся по законам метрополии, было начато по королевскому ордонансу 18 апреля 1845 г. Основной же частью страны в 1830–1860-е гг. управляли военные [9, p. 7–8]. В 1845 г. Алжир разделили на три провинции – Алжир, Оран и Константину. Каждой управлял французский дивизионный генерал. Провинции состояли из военных подразделений (subdivisions militaires), а последние – из кругов [палаток] (cercles) [1, с. 51, 107]. Интересно, что военные подразделения создавались французами в границах халифатов – административных районов государства джихада Абд ал-Кадира (Абделькадира), возглавившего вооруженное сопротивление французскому завоеванию и сыгравшего в истории современного Алжира роль, подобную Шамилю на Северном Кавказе. Управление колонией не раз менялось. Власть и суд в алжирских селениях принадлежали арабскому аге (agha des Arabes), назначавшемуся из числа алжирской военной знати (джуад). Затем его сменил старший офицер французской армии.

На Кавказе подобное деление было введено раньше. Перешедшие под протекторат империи царства и княжества Грузии и ханства иранского Азербайджана еще в первой трети столетия были поставлены под контроль российских военных. В 1846–1849 гг. более «цивилизованное», по мысли имперских законодателей, Закавказье было поделено, как и внутренняя Россия, на губернии. Северный Кавказ и Дагестан в 1860–1861 гг. были разделены на три области, администрация которых продолжала набираться из офицеров и унтер-офицеров Кавказской армии. Система управления обеими регионами была мозаичной, но в Кавказском крае она была сложнее из-за более пестрого этноконфессионального состава населения [3, с. 186–189]. В отличие от Алжира на русском Кавказе мусульмане не составляли большинства. Здесь были территории с давним преобладанием христиан разных конфессий. На Северном Кавказе имелись общины горских евреев-иудаистов и кочевавшие на его восточных границах племена калмыков-буддистов. К тому же империя переселяла в Закавказье армянских иммигрантов из Османской империи и общины христианских сектантов из России, выполнявшие во время войн с Турцией роль буфера. Значительные территории в долинах рек Терек и Кубань еще во времена Кавказской войны были закреплены за казачьими станицами, приписанными к Кавказской линии. Как и во французском Алжире при военном режиме 1830–1845 гг., представители разных конфессий и этнических групп нередко занимали одни и те же земли, особенно в Восточном Закавказье.

Истоки анализируемой системы управления нужно искать в Османской империи и зависимых от нее мусульманских политических образованиях XVI–XVIII вв. В частности, после завоевания Магриба полицейские и судебные функции по управлению завоеванными землями турки передали части местного населения. В таком случае они не меняли ни системы управления, ни суда, ни обычного права местного берберского и арабского населения. На государственную службу принимались целые племена. Они образовывали освобожденную от податей «туземную» армию и полицию (махзен), в обязанности которой входил сбор налогов со всех прочих сельских общин и племен, отправление правосудия и подавление возмущений против османского владычества [14, с. 205]. На первых порах похожая «туземная администрация» сохранялась во французском Алжире. Похоже, что и русские военные переняли ее у османов (и иранцев). По мере завоевания и колонизации мусульманских регионов Востока европейцы все больше реформировали османскую систему косвенного управления. Внешне ее институты как будто оставались прежними. Но постепенно организация туземного суда и власти неузнаваемо изменилась под влиянием новой, колониальной идеологии.

Социальная инженерия империи: туземная «родовая община» и «народное право»

Целью гражданских властей (и поддерживавших их европейских колонистов) и в Алжире, и на Кавказе было скорейшее слияние окраины с метрополией, ассимиляция, как ее называли в Алжире. В С.-Петербурге их интересы защищали чиновники МВД. Военные же власти (и Военное министерство Российской империи) в пику им объявляло целью туземной/инородческой политики сохранение местных традиций самоуправления с опорой на туземные обычаи. Но не нужно слишком доверять имперским чиновникам на слово. В действительности народные традиции инородцев и туземцев конструировались в ходе колониального завоевания и создания инородческого косвенного управления. Из социалистических учений того времени военные, управлявшие Кавказом и Алжиром, усвоили идею об опоре на первобытную родовую общину (сельское общество), которая при некоторой модернизации может быть двигателем социального прогресса. Среди французских военных были последователи сен-симонизма и фурьеризма, а между чиновниками на русском Кавказе встречались даже народники и социалисты. Другой опорой имперского строительства и постепенной «цивилизации» туземцев они считали народный обычай, адат, при помощи которого они

надеялись перебороть влияние на туземцев шариата, религиозного «фанатизма» и связанного с ними мусульманского повстанчества (мюридизма), которого так боялись и русские, и французы [15, с. 98–99].

По мысли российской администрации, реформа правового обычая и общины имели целью подготовить переход аборигенов к полному принятию российского гражданства и распространения на окраины законодательства империи. Видение имперскими законодателями инородцев напоминает их восприятие крестьян, освобожденных от крепостной зависимости в 1861 г. Недаром структура и даже названия институтов управления поразительно сходны. Для крестьян и туземцев создавались сходные уровни местной власти: сельское общество и волость. Определенные параллели обнаруживают пореформенные горские или народные суды и судебные учреждения в русской деревне. И те, и другие учитывали местный правовой обычай. Резюмируя такое положение, известный дореволюционный юрист Н.С. Таганцев отмечал, что «обычное право является правоисточником для судебной власти… для некоторых инородцев окраин и для сельского населения империи» [16, с. 149]. Действие общероссийского законодательства в русской деревне и на окраинах было ограничено. По Уложению о наказаниях 1845 г. инородцы были временно изъяты из-под действия общих уголовных законов (ст. 168) «по состоянию их нравов и образу жизни». На основании ст. 102 Общего положения о крестьянах, волостные суды, а также волостные и сельские старосты при определении наказаний учитывали действие обычаев и в области уголовной юрисдикции этих судов.

Решение опереться на общину отмечает перелом в системе местного управления туземцами и во французском Алжире, и на русском Кавказе. Интересно, что произошел он почти одновременно, в конце 1850-х – 1860-е гг. Еще в 1848–1863 гг. основной социальной ячейкой на военных территориях французского Алжира считались «замиренные» оседлые и кочевые племена. Офицеры арабских бюро даже создавали туземные племена, например, в горах Кабилии, под руководством старшин (амин) деревень. Но уже в 1856 г. военный министр, которому подчинялся Алжир, в докладе императору объявил «первоочередной задачей в области управления дробление племен» на племенные фракции – дуары. Численность изобретенных колонизаторами дуаров была унифицирована: в каждый вошло от 2 до 3 тысяч туземцев. Крупные племена дробились, а мелкие объединялись в дуары. В 1863–1868 гг. 789 племен было преобразовано в 1189 дуаров, к декабрю 1870 г. еще 372 племени подверглись дроблению на 667 дуаров [9, p. 89]. Прежде дуар означал лагерь племенной фракции бедуинов, внутрь которого на ночь загоняли принадлежащие им стада. Переведенное на язык колониального строительства это слово стало пониматься как «зародыш арабской коммуны». Оно стало связано с определенной территорией.

Дробление племен можно сравнить с уничтожением «вольных обществ» Восточного Кавказа, разделенных в 1858–1867 гг. на территориальные округа, наибства и сельские общества. В местном арабоязычном делопроизводстве последние продолжали именовать джамаатами, кстати, синонимом алжирского джемаа, таджмаит, реформированный французскими военными), однако значение этого понятия (как и в случае с дуарами в Алжире) резко изменилось, что не всегда учитывается в историографии [Многие отечественные историки и этнологи отмечали преемственность между дороссийской деревней и пореформенной общиной на Северном Кавказе. Основой для такого заключения является анахроничное перенесение черт, выявленных полевыми обследованиями в пореформенной деревне последней четверти XIX–XX вв., на сельские общины дороссийского Дагестана. См., например: 17; Критику такого подхода см.: 18, с. 142–147]. Джамаат превратился в бессословную общину (1868). В нее допускались свободные общинники (уздени) и уравненные с ними в правах освобожденные к 1867 г. рабы. Чтобы войти в сельское общество, знатные семьи из числа беков подавали прошение окружному начальству. Были созданы новые ор-

ганы управления общиной, включавшие в себя старшину (бегавул) с помощниками и сельский суд в составе кади и знатоков местного адата. Реформированный джамаат стал основным посредником между горцами и военными властями наместничества. Он отвечал за уплату налогов, поддержание правопорядка, выдачу разбойников и повстанцев, ремонт дорог и выделение подвод для нужд войск, проходящих по ее территории [19]. Туземцев-мусульман освободили от воинского призыва, как и прочие категории инородцев. В армию и горскую милицию (жандармерию) принимали лишь добровольцев.

Особый тип косвенного управления получил название военно-народного (или военно-адатного). Его создателем был наместник кавказский кн. А.И. Барятинский (1856–1862), а в жизнь его воплотил его преемник, младший брат Александра II, вел. кн. Михаил Николаевич (1862–1881). Административная власть была сосредоточена в руках офицеров под руководством главнокомандующего Кавказской армией, а туземцы получили право обращаться к адату в суде и управлении [20, с. 4]. Реформа преследовала несколько целей. Одной из них была модернизация местного права, имевшая целью подготовить переход горцев к российскому законодательству. Была унифицирована система управления горцами-мусульманами. Осуществить проект военно-народного управления в наиболее полном виде удалось только в Дагестане. В области была создана централизованная трехступенчатая система власти, от сельских старшин до начальников округов и области. Идея Барятинского заменить шариат адатом провалилась. В туземные суды были включены шариатские судьи (кади). Шариату остались подсудны гражданские иски, опекунские дела, споры по завещаниям и религиозно-благотворительным имуществам (вакф). По обычному праву разбирались мелкие уголовные правонарушения и поземельные споры. Решения сельских судов могли обжаловаться в месячный срок в окружных [21, с. 435]. Тяжбы горцев с русскими решались по общим законам империи в мировых судах.

Система, подобная военно-народному управлению, была введена в Алжире 1840-х –1860-х гг. в рамках «туземной» или «арабской политики». Еще в начале 1840-х гг. маршал Бюжо создал в Алжире отдельное Арабское управление под руководством генерала Е. Дома. С 1844 г. здесь были созданы своеобразные институты косвенного управления, получившие название арабских бюро (bureaux arabes). Окончательно структура и обязанности арабских бюро были утверждены циркуляром маршала Мак-Магона 21 марта 1867 г. Они имели смешанную франко-алжирскую администрацию. При старших офицерах французской армии, руководивших кругами (cercles), были учреждены бюро второго класса. Каждое включало врача, переводчика, кади (ходжа), двух секретарей, судебного исполнителя (чауш) и отряд «туземных» полицейских (спаги, мохазни). При генералах, стоявших во главе военных подразделений (subdivisions mili-taires), были сформированы бюро первого класса и единое политическое бюро при генерал-губернаторе Алжира (1867). Арабские бюро собирали налоги, оказывали коренному мусульманскому населению юридическую, а с 1867 г. и врачебную помощь [1, с. 117 – 125; Подробнее об этом см.: 22]. Число бюро с 1844 по 1870 г. выросло в два с половиной раза – от 21 до 49. Всего в их сети было задействовано до 200 французских офицеров. Под их властью находилось до 2 млн. туземцев [9, p. 39].

Временем наибольшего расцвета арабских бюро была Вторая империя. В 1854 г. по всему Алжиру была создана единая иерархия судебных учреждений (диал. араб. мн. маха-кем, ед.ч. махакма) для разбора исков туземцев по обычному праву и шариату. Ее низшим звеном был сельский кади, имевший право обращаться к местному адату при решении уголовных дел. Решения его обжаловались в апелляционных судах (маджалла), созданных в провинциальных центрах. Новые бесплатные мусульманские суды, свободные от волокиты, имели большой успех в алжирской деревне. С падением Второй империи декретом 24 декабря 1870 г. политическое бюро и подчинявшаяся ему сеть арабских бюро были упразднены. Территории, относившиеся к военному управле-

нию, сокращались за счет передачи управления ими гражданским властям. В 1871 г. была полностью реформирована и ограничена сеть мусульманских судов. Лишь небольшая часть арабских бюро продолжала действовать на Южных территориях, где они сменили название на туземные, но сохранили прежние полномочия и функции до 1956 г. На остальной части Алжира они исчезают уже в 70-е и начале 80-х гг. XIX в. На Кавказе система косвенного управления в целом продержалась до упразднения советских шариатских судов в 1922–1927 гг. [Подробнее об этом см.: 23, с. 182–209; 24].

Трансферы колониального знания

Параллели между Кавказом и Алжиром поражают. Поэтому они давно привлекают внимание современных историков, причем преимущественно русистов и кавказоведов [10, p. 34; 18, с. 171–175; 3, с. 205–210; 23]. Вместе с тем обнаружить конкретные факты заимствований между двумя империями очень непросто. Переписка между высшими чиновниками Российской империи в Тифлисе и С.-Петербурге вроде бы показывает интерес к управлению туземцами в соперничающих империях. В частности, в письмах, которыми еще в 1840-х гг. обменивались командующий Кавказским корпусом генерал Е.А. Головин, военный министр А.И. Чернышев и Николай I, настойчиво проводилась мысль о необходимости использовать на Кавказе опыт колониального строительства в британской Индии и французском Алжире. «Не подлежит никакому сомнению, что средства политические [склонение на сторону России мусульманской знати и наибов Шамиля. – В.Б.], которыми англичане успели распространить владычество свое в Индии, с такою же пользою могут быть употреблены и здесь [на Кавказе. – В.Б.]», – писал Головин Чернышеву в 1842 г. В свою очередь, последний, поддерживая это предложение, докладывал царю: «Нельзя... допустить мысли, что мероприятия, которые удаются англичанам в Индии, французам в Алжире, всегда останутся тщетными в поисках наших» [25, ф. Военно-ученого управления Главного штаба (ВУА), д. 6482, л. 9, 42].

Архивные источники также свидетельствуют, что чиновники Военного министерства, курировавшего окраины, МВД и МИДа, внимательно изучали колониальный опыт Великобритании и Франции. В фондах Архива внешней политики Российской империи в Москве хранятся сотни, если не тысячи донесений российских консулов в Османской империи и Франции, в которых детально описываются успехи и провалы «туземной политики» за рубежом [26, ф. 149. Турецкий стол (новый); ф. 249. Генконсульство в Константинополе; Ср.: 27, л. 85, 114–116]. Немало российских историков XIX–XX вв. искали в них сведения о том, что реально происходило на Ближнем Востоке и в Северной Африке, однако совершенно игнорировали жанровые особенности, мотивы и официозный характер этой информации [См., например: 28, с. 175; 29, с. 175, 205; 30, с. 14; 31, с. 7, 17 – 18 и проч.]. Из российской и советской историографии мы знаем, что, пока завоевание Кавказа не было завершено, Франция посылала к «немирным горцам» разные военные экспедиции. В частности, «осенью 1863 г. русское посольство в Стамбуле уведомило С.-Петербург об отправке на Кавказ французской военной комиссии» в составе двух офицеров генерального штаба и восьми других офицеров (инженерных войск и др.) «с каким-то тайным поручением от французского правительства» [32, с. 172]. Вместе с тем эти крайне ангажированные интерпретации никак не подтверждаются современной французской историографией, которая молчит об изучении во Франции русского Кавказа. Это позволяет предположить, что трансляция колониального знания была в основном односторонней и направлялась из Западной Европы в Россию.

В архивах алжирской колониальной администрации во Франции я также не обнаружил никаких данных об изучении ими опыта русского Кавказа уже после завершения завоевания региона. Серьезным препятствием для французских чиновников и ориенталистов должен был быть языковой барьер. Знание русского языка не было распространено в Европе. Наоборот, французский язык

был в то время средством международной политики и общения (подобно английскому в наши дни), и российские дипломаты, политики и ученые нередко знали его в совершенстве, не хуже, если не лучше родного. Именно на французском языке общался со своими французскими коллегами капитан А.Н. Куропаткин, командированный в середине 1870-х гг. в Германию, Францию и Алжир, но прославившийся больше своим участием в завоевании и управлении Туркестана и поражениями в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Вместе с тем немало научных описаний недавних российских приобретений печаталось на Кавказе, как на русском, так и на французском, что должно было сделать их доступными французам. Важным каналом связей были переводы французских ориенталистов. В качестве примера можно указать на компиляцию общих норм шариата, подготовленную Н.Е. Торнау и изданную им при поддержке II законодательного Отделения канцелярии ЕИВ в 1850 г. [6].

Пожалуй, большее значение имел трансфер научно-практического знания, осуществлявшийся между разными восточными и западными окраинами и колониями одной империи. Работ на эту тему мало. Пожалуй, лучше всего вся важность и перспективность изучения этой проблемы показана в недавнем объемном труде М.Д. Долбилова о русификации западных окраин пореформенной России [6]. Он прекрасно показал, что судьба бросала многих высших военных и гражданских чиновников империи с Западных окраин на Кавказ, а затем в Туркестан и даже в Сибирь. Так, первый наместник кавказский граф М.С. Воронцов сначала руководил Новороссией. Правитель Туркестана генерал А.П. Кауфман начинал карьеру на Западных окраинах и участвовал в завоевании Кавказа, а преемник вел. кн. Михаила Николаевича генерал А.М. Дондуков-Корсаков (1882–1890), носивший сложный титул главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, был до этого генерал-губернатором Юго-Западного края и командовал Киевским военным округом. В завоевании и управлении Туркестана участвовали офицеры Кавказской армии, в том числе и из туземцев, как генерал М. Алиханов-Аварский родом из Дагестана (Аварии). Такие перемещения способствовали трансляции имперских проектов, разработанных в Литве или на Украине, затем развитых на Кавказе и, наконец, привитых на почве Туркестана, Казахской степи и Сибири. К тому же многие из этих военных были учеными-любителями. В их ближайшее окружение входили и ученые-эксперты.

Интересно, что немало военных и ученых, участвовавших в завоевании и управлении Кавказом, Туркестаном и другими восточными мусульманскими окраинами империи, были командированы во второй трети или половине XIX в. на Ближний Восток и в Северную Африку. В 1853 г. еще не до конца завоеванный тогда французами Алжир посетил Дондуков-Корсаков. Будущий казанский миссионер Николай Ильминский объехал в 1851–1853 гг. Египет, Палестину и Сирию, Служивший в российском консульстве в Константинополе географ П.А. Чихачев совершал длительные экспедиции по Северной Африке в 1835 и 1877–1878 гг. Участник завоевания Средней Азии генерал А.Н. Куропаткин был направлен Академией Генштаба в 1874 г. в Алжир, где отличился в военной экспедиции французских войск в Сахару. В этих командировках они изучали французский опыт «умиротворения» и управления туземцами-мусульманами. Некоторые из них оставили подробные записки и письма о своих путешествиях. Среди последних выделяется военно-топографическое и историко-краеведческое описание А.Н. Куропаткина «Алжирия», выпущенное в С.-Петербурге вскоре после его возвращения из длительной зарубежной командировки в 1877 г. Куропаткин сознательно избегает сопоставлений французской политики в Алжире с российской на Кавказе и в Туркестане. Вместе с тем он делает упор на темы, актуальные для управления восточными окраинами России: туземную милицию (жандармерии); косвенное управление через арабские бюро; туземный суд кади; наказания и налоги; надзору за туземной администрацией; ирригацию; товарное хлопководство; европейскую колонизацию. Обращают на себя внимание пе-

реводы французских понятий по аналогии с российскими, например, «военно-народное» управление военными территориями, «туземцы», «мюридизм» и проч. [1, с. 52, 127–128].

Первые исследователи обоих регионов колониальной эпохи немало вдохновлялись бескорыстным служением цивилизаторской миссии «белого человека на мусульманском Востоке. Кредо многих из них неплохо выразил юрист и этнограф из Тифлиса Е.А. Егиазаров: «Изучение окраин России представляет двоякого рода интерес – научный и практический. Народы, живущие там, находятся на разных ступенях гражданственности; общественные союзы, учреждения и институты, выработанные их правовою жизнью, можно одновременно изучать в различных фазисах развития и таким образом проследить ход их естественного роста. И так как юридический быт народов Востока вообще и наших окраин в частности представляет новые данные для исследования, то изучение и сопоставление последних с результатами, добытыми новейшею наукой о праве, может пролить новый свет на законы преемственного, поступательного развития права и учреждений вообще. В практическом же отношении изучение окраин важно потому, что может дать в распоряжение законодателя необходимый для законодательных целей материал и вообще облегчить его задачи в распространении культуры и гражданственности. Не дело исследователя, конечно, давать законодателю указания насчет того, как реорганизовать общественные учреждения и согласовать их с общими законами государства, требованиями времени и местными условиями. Он обязан лишь подвергнуть научному анализу различные элементы учреждений, чтобы раскрыть начала, одухотворяющие их» [33, С. I–II]. Я думаю, что под этим позитивистским ориенталистским кредо подписались бы многие первые исследователи не только русского Кавказа, но и французского Алжира.

Не следует преувеличивать значения научной экспертизы и трансфера знания в управлении колониями. Не нужно представлять военных краеведов и этнографов эпохи империй простых исполнителей «социального заказа» колонизаторов. Связи науки и политики всегда были очень непросты. Конечно, опыт соперничавших держав тщательно изучался. Однако высшие чиновники Российской империи, например, нередко пользовались им для лоббирования собственных интересов в интригах, разворачивавшихся в центральных и региональных имперских ведомствах. В частности, Чернышев пытался подорвать в глазах царя влияние наместника кавказского Воронцова, упрекая его в недостаточно хорошем знакомстве с кавказской действительностью и аналогичными проектами, успешно осуществленными за границей. Несмотря на обилие переводов, многие из них так и не удалось использовать в административной практике. Так, компиляция Н.Е. Торнау, о которой говорилось выше, оказалась слишком привязана к практике маликитской религиозно-правовой школе (мазхаб), доминирующей в Магрибе, но невозможной на Кавказе. Записи «обычного права» (‘адат, ‘урф) туземцев также не удалось использовать в судах. Туземцы-мусульмане не желали судиться по адатным кодексам. Гораздо больше значения туземные адаты получили в социальной теории после переработки знаменитыми социологами М.М. Ковалевским в России и Э. Дюркгеймом во Франции [34, с. 8, 25–26].

Заключение

Что можно сказать о причинах отмеченных выше многочисленных совпадений в устройстве колониального Алжира и дореволюционного Кавказа? Вкратце я бы сформулировал ответ на него следующим образом. Разобранные в работе совпадения относятся к разнотипным явлениям, которые, однако, можно разделить на две большие категории. За исключением отдельных случайных совпадений это сознательный обмен колониальным опытом либо общие закономерности колониального строительства. Последние, в свою очередь, можно разделить на общие и более частные, региональные. Общим стереотипом эпохи колониальных империй было представление о «бремени белых» на Востоке. Ориентализм был в XIX в. общеевропейским дискурсом власти и описания колонизуемого общества, разделяемым разными колониальными державами. Как показал Э. Саид, в

истоке его лежит французская философия Просвещения, которую хорошо знали и любили в России во время завоевания Кавказа. В большинстве случаев колонизация начиналась с завоевания и «умиротворения опасных дикарей». В этом отношении французский Алжир и российский Кавказ не представляют ничего оригинального. Военная оккупация колонизуемых территорий неизбежно вела к передаче власти и управления в руки военных.

Косвенное управление было также распространено на начальной стадии целого ряда колониальных империй, испанской в Латинской Америке, британской в Индии, французской в Черной Африке и Индокитае. В системах такого управления, включая арабские бюро и военно-народное управление, заметны местные региональные влияния. Сходство обеих систем нужно искать в османском наследии – ведь оба региона до прихода европейцев входили в сферу влияния Османской империи на ее границах. Источники показывают, что русские и французы «учились» у турок и иранцев, которым принадлежала часть Алжира и Закавказья. Французы заимствовали у них обычай принимать на государственную службу целые племена, образовывавшие освобожденную от податей «туземную» армию и полицию (махзен). Выходцы из правящих элит иранского и османского Закавказья переходили на русскую службу. По мере колонизации европейцы реформировали османскую систему косвенного управления. Внешне ее институты как будто оставались прежними, понятийный аппарат власти и управления тоже не претерпел до XX в. особых перемен, но организация суда и власти мусульманской деревни неузнаваемо изменилась. На юге Алжира и в Дагестанской области, где системы косвенного управления продержались дольше, они превратились в гибридные колониальные учреждения.

Трансфер моделей колониальных реформ шел через ученых, публицистов, дипломатов и военных. Последние стояли у истоков колониальной науки в Алжире и на Кавказе. Среди военных чиновников обеих держав на местах было немало увлеченных, хотя и непрофессиональных археологов и этнографов, на энтузиазме которых были осуществлены первые научные описания регионов. Значение этих работ было осознано последующими поколениями ученых и политиков. С включением обоих регионов в состав Франции и России к их изучению подключились профессиональные ученые. Основным предметом их научных изысканий стала сельская община. Общие установки позитивистской науки последней трети XIX в. заставляли видеть в ней осколок первобытного быта и одновременно зародыш будущего устройства человечества. При этом не нужно представлять военных краеведов и этнографов эпохи империй как простых исполнителей «социального заказа» колонизаторов. С результатами ученых изысканий власти колоний и метрополии нередко знакомились из популярных переложений в публицистике. Важным каналом связей были переводы в России французских ориенталистов. К пониманию важности науки правительство постепенно приходит в период разработки планов глобальных преобразований колоний и восточных окраин страны.

Некоторое сходство в типах колониальных институтов и сроках реформ в какой-то степени объясняется обменом колониальным опытом. Англичане и французы порой копировали методы изучения и применения адата из российской кавказской практики. Например, французские военные, подобно русским офицерам в Черкесии, Кабарде и Дагестане, собирали и записывали обычное право кабилов в Алжире. Архивные источники свидетельствуют, что при подготовке судебно-административной реформы 1860-х гг. российские чиновники тщательно изучали опыт Англии и Франции. Немало российских ученых и военных командировались правительством на Ближний Восток. Что за этим стояло – научный или политический интерес? Маскируясь первым, российские консульства на Ближнем Востоке вместе с тем занимались разведкой, если не шпионажем. Мусульманские элиты Алжира и Кавказа тоже включились в трансфер идей и образов империй. При этом их видение проблемы было немало затуманено ориенталистскими иллюзиями и просто

плохим знанием международной ситуации. Параллели в колониальном строительстве и их межимперский трансфер еще ждут специального исследования. Несомненно, эти темы представляют большой интерес, как и в целом изучение связей и влияний ученых и политиков минувшей колониальной эпохи.

Список источников и литературы

1. *Куропаткин [А.Н.]* Алжирия. СПб. Типография В.А. Полетики,1877. 310 с.

2. *Видясова М.Ф.* Социальные структуры доколониального Магриба: генезис и эволюция. М.: Наука, 1987. 305 с.

3. *Северный Кавказ* в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

4. *Российская империя* в сравнительной перспективе: сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 384 с.

5. *Миллер А.И.* Новая история Российской империи: региональный или ситуационный подход // Азиатская Россия: люди и структуры империи. К 50-летию профессора А.В. Ремнева. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 7–22.

6. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

7. *Ремнев А.В.* Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начало XX в. // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 286-319.

8. *Ремнев А.В.* Степное генерал-губернаторство в имперской географии власти // Азиатская Россия: люди и структуры империи. К 50-летию профессора А.В. Ремнева. Омск, 2005. С. 163–222.

9. *Collot C.* Les institutions de l' Algérie durant la periode coloniale (1830–1962). P.; Alger, 1987. 343 p.

10. *Jersild A.* Orientalism and Empire. North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal; L., 2002. 253 p.

11. *Yacono X.* Bureaux arabes // Encyclopedie berbire. T. XI. Aix-en-Provence, 1992. P. 1659.

12. *Frémeaux J.* La France et l'Islam depuis 1789. P., 1991. 291 p.

13. *Frémeaux J.* Les bureaux arabes dans l' Algérie de la conqukte. P., 1993. 310 p.

14. *Иванов Н.И.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М.: Наука, 1984. 235 с.

15. *Бобровников В.О.*, *Кемпер М.* Мюридизм // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Вып. 5. М., 2012. С. 98–99.

16. *Таганцев Н.С.* Уголовное право. Ч. I. СПб.: Гос. Тип., 1902. 823 с.

17. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988. 243 с.

18. *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие (очерки по истории и этнографии права нагорного Дагестана). М.: Восточная литература, 2002. 368 с.

19. *Хазихи* кава'ид фи байан джама'ат кура вилайат ад-Дагистан ва фи табдир умури-хим ва-л-хукук ал-ваджиба 'ала ахали ал-кура ли-л-фадишахиййа ва ли-л-джама'а [Проект положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области, на араб. яз.]. Порт-Петровский, 1868. С. 2–28.

20. *Воронцов-Дашков И.И.* Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Тифлис: Государственная типография, 1907. 164 с.

21. *Проект* положения об управлении Дагестанской областью // Акты Кавказской археографической комиссии. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 434–437.

22. *Yacono X*. Les bureaux arabes et les transformations des genres de vie indigunes dans l'ouest du Tell algérois. Paris, 1953. 448 p.

23. *Бобровников В.О.* Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010. С. 182–209.

24. Бобровников В.О., Конев А.Ю. Свои «чужие»: инородцы и туземцы в Российской империи // Ориентализм vs. ориенталистика / Сост. В.О. Бобровников, С.Д. Мири. М., 2016. С. 188–198.

25. *РГВИА*

26. *АВПРИ*

27. *Архив Министерства иностранных дел* Англии // Институт научной информации по общественным наукам РАН (М., ИНИОН). F.O. 424/85 confidential (4002).

28. *Берже А. П.* Выселение горцев с Кавказа // *Русская старина*. Т. XXXIII. 1882. С. 161-176, 337-363.

29. *Фадеев Р.А*. Собрание соч. Т. I. Ч. I. СПб., 1889. 642 с.

30. *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Нальчик: Логос, 1992. 200 с.

31. *Бадерхан Ф.* Адыгская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 120 с.

32. *Дзидзария Г.А*. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум: Алашара, 1975. 530 с.

33. *Егиазаров С.А*. Городские цехи. Организация и внутреннее управление закавказских амкарств // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. XIV. Вып. 2. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. 450 с.

34. *Обычай и закон* в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. / Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. Т. I. До присоединения к России. М.: Издательский дом Марджани, 2009. 248 с.

V.O. Bobrovnikov

To the question of (inter)imperial transfers XIX – XX c.: aliens/natives in Caucasus and Algeria

Summary: The article addresses the little-studied history of (inter)imperial transfers (and cultural translations) of colonial knowledge between competing imperial polities (whose power was not always of colonial nature) at the colonial age. As such it sheds new light on striking similarities of deficient colonial nationhood of alien/native Muslims in different colonial borderlands. It draws on large range of first-hand sources and literature in Russian, French and Arabic gathered by the author during his extensive field and archival work in the Caucasus, Russia, and France in the last years. Providing readers with a comparative history of imperial building in Russian Caucasus and French Algeria in the 1830s–1905, Vladimir Bobrovnikov contributes to the growing literature on the modern European encounter with Islamic insurgency, and reminds us of the im-perial background of modern Muslim regions constructed by colonizers at the margins of the Is-lamic World. The focus of study is made on the regimes of indirect rule introduced in the impe-rial borderlands of Russia and France. Namely, it concerns the so-called bureaux arabes in French Algeria and military-native administration in the Caucasus Vice-Royalty. Special atten-tion is paid to the ideology of the legal reforms in Russia and France. Bobrovnikov argues that so-called mountaineers' 'traditions' of village community and customary law were, in fact, most-ly invented by military colonial regimes, then changed and accommodated for the purposes of modern centralized state-building by local Muslim officials, imperial lawmakers and ethnog-raphers of the late imperial times.

Key words: colonial discourse, invention of traditions, military-native administration, vil-lage community, customary law, trasfer, Muslims, Algeria, Caucasus.

УДК 94(47)

В.М. Рынков

НА ПУТИ К КОЛОНИАЛЬНОМУ БУДУЩЕМУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья содержит анализ основных тенденций в развитии экономики Сибири во второй половине 1914–1916 гг. Автор обосновывает вывод о том, что под влиянием Первой мировой войны народное хозяйство Сибири быстро эволюционировало по пути утраты элементов самостоятельности и самодостаточности. Правительство воспринимало Сибирь как периферию, и за счет ущемления ее интересов пыталось решать некоторые проблемы снабжения армии и сбережения экономического потенциала регионов европейской части государства. Многие экономисты и общественные деятели Сибири отмечали ухудшение стратегических позиций сибирской экономики, усиление ее зависимости от Центра, подчеркивали ключевую роль и инициативу государства в навязывании таких невыгодных условий хозяйственного взаимодействии с другими регионами.

После установления советской власти был сформирован совершенно другой социально-экономический строй, кардинально отличавшийся от дореволюционного. Но именно при советской власти произошло дальнейшее усиление экономического неравноправия окраин по отношению к Центру и их бесправия в выработке приоритетов регионального развития, то есть получили развитие именно те черты взаимодействия центра и периферии, которые интенсифицировались в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Сибирь, Первая мировая война, колония, сельское хозяйство, транспорт, промышленность, общественное движение.

В настоящей статье будет рассмотрено влияние Первой мировой войны на тенденции развития основных отраслей экономики Сибири, проанализирована их региональная специфика. Исследовательский интерес будет сфокусирован на достаточно узком ракурсе этого широкого проблемного поля, а именно на влиянии военной мобилизации экономики на характер взаимодействия центра и периферии государства. Изучение данной проблемы потребует анализа статистических материалов, отражающих реальную картину состояния экономики и сдвиги в экономическом взаимодействии европейской части Российской империи и Сибири. Но, кроме объективных тенденций, представляется немаловажной оценка направления и результатов экономических трансформаций 1914–1916 гг. современниками событий, и прежде всего людьми, выступавшими в качестве экспертов в публичном информационном пространстве Сибири – с трибуны общественных форумов различного уровня и в печати. Ведь значение имеют не только экономические сдвиги сами по себе, но и то, как их представляет и трактует общество устами своих идеологов.

Для начала необходимо в самом общем плане охарактеризовать экономическое положение изучаемой территории, ее место и роль в российской экономике. Сибирь, если трактовать ее в тех широких географических рамках, как это было принято в начале XX в., занимала около половины территории Российской империи. К 1913 г. здесь проживало лишь 11,2 млн. чел., или 6,5% ее населения. Девять из десяти сибиряков являлись жителями сельской местности. Доля городского населения оставалась в полтора раза ниже российских показателей. К нему не относили обитателей многочисленных рабочих поселков в глухих и диких уголках. Ярко выраженная аграрная структура сибирской экономики проявлялась в том, что сельское хозяйство составляло 78% всей валовой продукции, а на долю промышленности приходилось лишь 22%. Половину аграрного производства составляло земледелие, четверть – маслоделие и шестую часть – животноводство.

Удельный вес Сибири в общем объеме аграрной продукции России перед войной составлял 9%, что свидетельствует о том, что уровень развития аграрной экономики здесь превышал общероссийский.

Не удивительно, что сибирская индустрия в значительной мере ориентировалась на обслуживание аграрного сектора. 3/5 промышленности было связано с переработкой сельскохозяйственного сырья, 1/3 приходилась на горнодобывающую и горнозаводскую отрасли. Предприятий, способных производить конечную продукцию для армии, было очень немного. Значительной оставалась доля кустарной промышленности, тесно переплетавшейся с крестьянскими промыслами. Вместе с тем Сибирь обладала огромными запасами полезных ископаемых, и с их разработкой государство и предприниматели связывали большие надежды на развитие российского промышленного производства.

Одним из основных ограничителей сибирской экономики оставалась слабая сеть транспортных коммуникаций. Связь с европейской частью России обеспечивала единственная железнодорожная линия – Транссибирская магистраль. Удаленность от центра делала доставку грузов дорогой и длительной. Объемы поставок любой продукции из Сибири находились в полной зависимости от работы железной дороги, что в условиях войны создавало большой стратегический риск.

Война потребовала масштабных, невиданных ранее заготовок самой разнообразной сельскохозяйственной продукции. В европейской части России организация поставок легла преимущественно на земские органы. В Сибири, за отсутствием таковых, этим занимались непосредственно представители государственной администрации. Уполномоченным по заготовкам хлеба в Сибири был назначен заведующий сельскохозяйственными складами переселенческого управления Н.Ф. фон Штейн. Губернскими уполномоченными стали сибирские губернаторы. Единственным исключением являлся заведующий переселенческим управлением Акмолинской области А.В. Цеклинский, занявший должность уполномоченного по заготовке хлеба. Заготовки масла в Западной Сибири возложили на бывшего инспектора по маслоделию в Енисейской губернии С.М. Кочергина. На местах, в качестве представителей губернских уполномоченных, часто выступали уездные и городские руководители полиции или служащие правительственных агрономических учреждений.

Самоорганизация общества посредством участия кооперативных и предпринимательских объединений в налаживании заготовок в Сибири играла подчиненную роль. Впрочем, с 1915 г. они получили возможность проводить периодические съезды и совещания, главным образом для обсуждения вопросов, связанных с поставками для армии и иной помощью фронту. В 1915–1916 г. в Сибири получили регистрацию более десятка новых кооперативных союзов, быстро расширявших круг своих членов. Состоялось несколько губернских и общесибирских кооперативных съездов. Провели свои съезды и сибирские отделения союза городов, образовались западно-сибирское и восточно-сибирское отделения этого союза.

Общественность работала в тесном взаимодействии с чиновниками, а некоторые съезды проходили при участии уполномоченных Министерства земледелия и Особого совещания по финансированию. Но была и оборотная сторона этого общественного оживления. Она как раз связана с актуализацией колониального дискурса. В частности, все громче и смелее звучали заявления о необходимости введения в Сибири земств. Но этим дело не ограничивалось. Участники многих мероприятий требовали освобождения от казенной опеки организаций, занятых обеспечением фронта и обслуживанием потребительских нужд населения. Кооперация претендовала на то, что в отсутствие земств она может выполнять часть их хозяйственных функций. В ходе «великого отступления» 1915 г. проводилась эвакуация на восток промышленных предприятий и учебных заведений. Сибирская общественность старалась заявить свои претензии на преимущественное по-

лучение материальных и интеллектуальных ресурсов, техники и оборудования. Речь шла об обосновании права азиатских окраин на опережающее развитие как колониальных территорий, нуждавшихся в компенсаторных инвестициях для выравнивания с уровнем экономики европейских губерний [1].

Но вернемся к продовольственным заготовкам. Осуществляя масштабные закупки сельскохозяйственной продукции, правительство пошло по пути регулирования заготовительных цен с использованием принципа региональной тарификации. Для Сибири оказались предусмотрены самые низкие в России заготовительные цены. Приведем несколько примеров. Твердые цены, использовавшиеся уполномоченными для закупок пшеницы, весной 1915 г. составляли в европейской части страны 105–150 коп. за пуд, в Уфимской губернии – 95 коп., в Западной Сибири – 80–85 коп. [2, с. 355–356, 367–368.] В январе 1916 г. твердые цены установили в разных губерниях европейской части страны от 140 до 165 коп. за пуд пшеницы. Рыночные цены повсеместно незначительно отличались от биржевых в ту или иную сторону. В Сибири с 3 января 1916 г. действовали казенные цены на пшеницу в 1 руб. 13 коп. для Тобольской губ., 1 руб. 10 коп. для Курганского района, 1 руб. 20 коп. для Акмолинской обл., 1 руб. 26 коп. для Томской губ. За Уралом они были на 3–8 коп. ниже биржевых [2, с. 380–381; 3]. Осенью 1916 г. стало заметно расхождение между твердыми ценами на хлеб и общим уровнем рыночных цен. Утвержденные Особым совещанием по продовольствию 9 сентября 1916 г. цены на пшеницу в 1 руб. 52 коп. для Сибири оказались близки к цене, действовавшей во многих губерниях Поволжья и Черноземного центра [2, с. 393]. Но просуществовал этот порядок недолго. 24 марта 1917 г. временное правительство вернулось к прежним способам сегментации хлебного рынка. Для Сибири утвердили цену в 255 коп. за пуд, тогда как в европейской части России разброс цен был в зафиксирован в диапазоне 296–326 коп. (на 10–20% выше), и только в хлебопроизводящих губерниях черноземного центра действовала твердая цена в 240 коп. [2, с. 402–405]. Аналогичные сведения можно было бы привести по другим видам зерновых, но пшеница являлась важнейшим предметом вывоза, поэтому ею можно ограничиться.

Другим важнейшим для сибирской экономики продуктом являлось масло. В 1916 г., когда Особое совещание по продовольствию установило твердые цены на масло. Для разных регионов Сибири они варьировались от 49,5 до 55,5 руб. за пуд для первого сорта, а для европейской части страны составляли 80,5 руб. за пуд., то есть на 32–38%выше [4, ф. 1783, оп. 2, д. 98, л. 11–12.]. Аналогичная картина наблюдалась в мясных заготовках. Впрочем, следует оговориться, что рыночные цены на мясо в Сибири традиционно были существенно ниже, чем в Европейской части России, и, установив в 1916 г. для Западной Сибири и Степного края твердую цену, превышавшую рыночную, Особое совещание по финансированию вызвало негативную реакцию сибирских заготовителей и мясоторговцев. Опасаясь массового забоя скота, они убедили Центр понизить цены [5, с. 93–95].

Позиция государственной власти обосновывалась не идеологическими, а сугубо прагматическими мотивами. Цены для Сибири устанавливались ниже не потому, что эту территорию намеревались ущемлять в качестве колонии. Просто дорогая доставка товара заставляла снижать закупочные цены. Дело не столько и причинах установления для Сибири более низких заготовительных цен, а в том, что участвовавшие в заготовках сибирские крестьяне получали меньшую компенсацию за единицу поставленной государству продукции, чем сельские жители европейских территорий. Но за ценовой политикой скрывалось отношение к аграрной экономике европейской части России, как к экономике метрополии, нуждающейся в дополнительных подпорках, тогда как применительно к Сибири такие задачи не ставились. Напротив, заботы местной общественности о поддержании сельского хозяйства Сибири на грани рентабельности мало влияли на позиции Центра.

Наиболее очевидно это становится, если присмотреться к государственной маслозаготовительной политике. Здесь как раз ценовые сравнения не отражают главных проблем. До 1916 г. сравнивать заготовительные цены на сибирское масло было вообще не с чем – казна в других местах его не закупала. Будучи перед войной самой товарной и высокодоходной, ориентированной преимущественно на экспорт отраслью, сибирское маслоделие заняло в государственной заготовительной политике особое место. Производимое в европейской части России масло, как и раньше, направлялось на удовлетворение нужд местного населения. Интендантство планировало обеспечить армию маслом сибирского производства, полагая, что его вырабатывается вполне достаточно для того, чтобы, взамен прервавшегося экспорта, обеспечить запросы интендантства. Но данное намерение диктовалось не заботой о поддержании сибирского маслоделия, а задачами минимизации государственных расходов. В конце августа 1914 г. Главное управление земледелия и землеустройства, отвечавшее в то время за заготовки продовольствия для армии, заключило с Союзом сибирских маслодельных артелей договор о монопольных поставках масла казне. Потом уполномоченный по заготовкам масла в Западной Сибири С.М. Кочергин инициировал реквизицию масла у частных фирм и, разорив многие из них, устранил серьезных конкурентов на пути кооперативного союза. В начале 1915 г. правительство установило государственную монополию на заготовку этого продукта. Цены, первоначально зафиксированные на уровне, близком к рыночному, по мере монополизации рынка опускались. К концу войны упали ниже порога рентабельности, медленно разоряя маслоделов. Общая выработка масла сократилась за годы войны примерно на треть, но основная часть рынка перешла под контроль Союза Сибирских маслодельных артелей, что гарантировало достаточный для снабжения армии объем заготовок.

Хорошо известно, что в советский период власть неоднократно использовала Сибирь в качестве плацдарма для «обкатки» новых и весьма рискованных экономических экспериментов. Нечто подобное произошло и в данном случае. Столичные чиновники произвели монополизацию одной отдельно взятой отрасли, обладавшей самым высоким потенциалом рентабельности и окупаемости, можно сказать, наибольшим запасом прочности. Причем производители масла в европейской части государства оказались застрахованы от подобных экспериментов и имели возможность относительно свободно сбывать свою продукцию гражданским заготовителям, включая частных. Установление масляной монополии можно признать акцией удачной с точки зрения обеспечения интересов казны, но губительной для сибирских маслоделов.

Общественность Сибири громко заявляла свою отрицательную оценку мероприятий правительства. Одним из первых выступил Н.Л. Скалозубов, стоявший у истоков превращения масляного промысла в серьезную экспортную отрасль сибирской экономики [6]. В 1917 г. позиция лидеров маслодельной кооперации стала более консолидированной. Они однозначно считали, что послевоенное возрождение отрасли может осуществиться только на условиях поэтапного разгосударствления и монополизации в руках кооперативных союзов, способных выстроить экономические связи в интересах сибирской экономики и населения [7].

Регулирование заготовительных цен, установление монополии, выход на рынок государства в качестве ключевого заготовителя, заинтересованного в вывозе определенных видов продукции – все это повлекло серьезную трансформацию архитектоники хозяйства Сибири. Отраслевая структура сельского хозяйства Сибири к завершению мировой войны оказалась менее товарной. В региональном вывозе возросла доля сырых продуктов. И это несмотря на некоторые усилия по созданию здесь консервного производства. Более того, само наращивание вывоза лимитировалось не производительностью, а недостаточностью инфраструктуры – помещений для хранения и мощностей для переработки, удобных путей вывоза. По вполне понятным причинам за годы войны не нашлось средств на строительство элеваторов, зернохранилищ, мясо- и маслохолодильников. Ве-

лось, правда, активное железнодорожное строительство. Но строившиеся ветки ориентировались на вывоз сырья в европейскую часть государства, а не на обретение регионом собственных связей с внешним миром.

1915–1917 гг. стали временем активного осмысления сложившейся ситуации. Экономические эксперты много размышляли над военными и главным образом послевоенными перспективами развития народного хозяйства Сибири. И пришли к совершенно неутешительному выводу – Сибирь при ее нынешней инфраструктуре исчерпала потенциал роста. Дальнейшие аграрные переселения были нецелесообразны. Условием для наращивания объемов выпуска сельскохозяйственной продукции являлось строительство сети элеваторов, мукомольных предприятий (для размола части хлеба его приходилось везти из Сибири на Урал), холодильников для хранения не только масла, но и мяса, рыбы. Тогда вывоз этой продукции возможно было бы нарастить в разы. Сама же транспортировка требовала дальнейшего увеличения численности и улучшения качества вагонов-холодильников. Данный вопрос некоторыми авторами был переведен в практическую плоскость. Предметом обсуждения стали конкретные масштабы и места строительства [8, 9].

Индустриальный сектор сибирской экономики, будучи второстепенным по объему выпускаемой продукции, испытал даже более глубокое воздействие войны. Здесь, прежде всего, следует отметить интенсивный рост железнодорожных перевозок (за 1913–1916 г. – на 158%) и даже увеличение рентабельности транспорта. Кроме того, в годы войны активизировалось железнодорожное строительство. Модернизация путей, по которым эшелоны шли из Сибири на запад через Екатеринбург и Челябинск, позволила на 43% усилить их пропускную способность. На этот период пришлись основные работы по завершению возведения Алтайской железной дороги, на частные средства строились Ачинск-Минусинская и Кольчугинская железные дороги, начались работы по постройке Южно-Сибирской магистрали. Общая протяженность железнодорожных путей возросла с 5 850 до 7 600 км, или на 30%.

На первый взгляд, это было отрадное явление. Железнодорожные коммуникации являлись становым хребтом экономики Сибири, локомотивом ее развития. Но если до войны железные дороги предоставляли сибирскому макрорегиону широкие возможности для расширения внутреннего производства, то теперь они стали высасывать из него ресурсы. Об этом свидетельствует анализ структуры грузопотоков, претерпевших кардинальные изменения. Война разорвала хозяйственные связи, переориентировала движение грузов в сторону фронта. Примерно вдвое возрос объем транзитных грузов, ввозимых в Россию через Владивосток, причем в равной степени этот прирост приходился на перевозки воинских и частных товаров. Таким образом, европейская часть России стала получать через Сибирь более широкий круг продукции [10].

Серьезные изменения коснулись и структуры вывоза из Сибири. В первый год войны 73% всего вывоза составляли хлебные грузы. Причем его отправляли преимущественно в зерне (76%), и лишь меньшая часть покидала пределы региона в обработанном виде (крупы и мука, семена и отруби). Из других продовольственных товаров важную роль играл вывоз масла и мяса. За 1914–1916 гг. региональный экспорт каждого из них увеличился примерно наполовину [11], что было связано не только с ростом производства, но и с сокращением внутреннего потребления. Отмечая, как на фоне роста вывоза мяса из района Омской железной дороги, в том числе и за счет массового забоя крестьянского скота в Сибири, не изменился ни вывоз, ни обработка побочных продуктов животноводства, кожевенного и шерстяного производства, сибирские экономисты и статистики однозначно воспринимали эту тенденцию как усиление колониальных тенденций в экономическом развитии Сибири. Не случайно один из них, Ф. Самойлов, отметил, что Западная Сибирь в отношении обработки сельскохозяйственного сырья «по-прежнему находится в положении колонии» [12, № 48, с. 338]. Между прочим, было очевидно, что строящиеся новые ветки, все направ-

ленные к вывозу сырых материалов в центральную Россию, после войны могли только усилить сырьевой характер сибирской экономики.

Усиление неравноправия товарообменных операций действительно представлялось очевидным не только специалистам, способным анализировать экономическую статистику и трактовавшим происходившие процессы в колониальном дискурсе, но и рядовым обывателям. За вторую половину 1914–1916 г. резко упал ввоз в Сибирь товаров широкого потребления, сократились внутрирегиональные перевозки продовольствия, что в конечном итоге породило дефицит многих товаров. Весь ввоз в Сибирь по железным дорогам сократился до 1/3 от довоенного уровня. Это вызвало ухудшение снабжения сибирского населения промышленными товарами и многими продовольственными, завозившимися ранее из европейской части империи. Причем, если цены на продовольственную продукцию местного производства росли незначительно, то цены на предметы ввоза в Сибирь повышались стремительно. Что это, как не свидетельство усиления неэквивалентности обмена европейской части России и Сибири?

В промышленном развитии Сибири ситуация развивалась не столь однозначно. Мощный подъем испытала угледобывающая отрасль, что в условиях потери польских угольных предприятий представлялось легко объяснимой закономерностью. Растущие перевозки железных дорог обеспечивали повышенный спрос, усилился вывоз угля на Урал. Это обстоятельство могло стать предпосылкой для наращивания собственного производства конечной продукции в послевоенной перспективе.

Иначе складывалась ситуация в сфере переработки сельскохозяйственной продукции (кожевенная промышленность, металлообработка и др.). Они, несмотря на локальные меры по модернизации, оказались в глубоком кризисе из-за недостатка сырья. С осени 1915 г. и здесь возникли серьезные проблемы. Заготовка сырых продуктов сосредоточилась в руках государственных уполномоченных, которые значительную их часть направляли из Сибири в центральные губернии [13, с. 452]. Для предприятий европейской части страны это явилось благом, но в Сибири доступ производителей к местному сырью оказался ограничен. Прямые последствия замены рыночных отношений распределительными для них оказались негативными. По этой причине к 1916 г. стало невозможно поддерживать производительность многих предприятий, оставшихся вне централизованной системы снабжения. В частности, после длительных мытарств в 1916 г. предприятия Иркутской губернии и Забайкальской области стали снабжаться кожей напрямую от Монгольской экспедиции. Это позволило преодолеть проблему дефицита сырья и развернуть в Восточной Сибири массовое изготовление обуви и предметов интендантского снаряжения. Но более мощные и многочисленные предприятия Тобольской и Томской губернии не получали достаточного количества сырья, и это сдерживало их производство. Поэтому к 1917 г. в Сибири осталось только 15 комиссий по приемке кожевенной продукции для армии, менее половины от действовавших с конца 1914 г.

Похожая ситуация сложилась в металлургии и металлообработке. Конечно, высокий спрос на продукцию для армии подстегнул ускоренное переоборудование многих производств и создание отдельных новых. Количество сибирских металлообрабатывающих предприятий увеличилось за годы войны с 23 до 43. Для их снабжения металлами были вновь пущены в действие после реконструкции Гурьевский, Абаканский и Петровский железоделательные заводы. Но масштабные планы по строительству и пуску Кузнецкого металлургического (рельсопрокатного и железоделательного) завода так и не были реализованы. В конце 1916 г. возобновил плавку чугуна Новониколаевский металлургический завод. На Риддеровских рудниках на Алтае вновь стали выплавлять серебро и поставлять цинк на военные заводы центра России. Но вопросы, связанные с реорганизацией производства, решались крайне медленно. Казенные кредиты на такие цели не отпускались. Производство меди сократилось почти в три раза, причем в самый «провальный» 1916 г. ее выплавка составила лишь 16% от довоенного объема [14, с. 452–459]. В то же время уральские за-

воды, поставлявшие до войны почти 70% металлов в сибирский регион, в военных условиях почти не имели возможность снабжать своих восточных соседей чугуном и сталью. А совокупное производство металлов в Сибири составляло около 10% от довоенной потребности, хотя для полноценной работы на оборону требовалось расширить потребление металла.

Государственные программы инвестиций в развитие сибирской экономики отсутствовали, а местные силы справиться с серьезными задачами не имели возможности. Мобилизационный потенциал сибирской промышленности оказался почти ограничен уже имевшейся технологической базой и даже не собственным сырьем, а тем, что оставалось от его запасов после обеспечения предприятий Урала и центральных регионов России.

Относительное качественное отставание сибирской индустрии от российской под влиянием войны усилилось. Притом сибирская промышленность за годы войны стала еще более сырьевой и сильнее ориентированной на обслуживание нужд центра страны, и эта трансформация, происходившая под влиянием объективных причин, шла в разрез с интересами стратегического развития макрорегиона. Уровень самостоятельности и самодостаточности индустрии сибирских губерний неуклонно понижался.

Движение вспять можно наблюдать и в социальной структуре населения азиатских регионов России. Речь идет, конечно, не о классических группах населения, среди которых возрастание удельного веса индустриальных рабочих и интеллигенции, интенсивное протекавшее в годы Первой мировой войны, конечно, следует отнести к переменам модернизационного характера. Сибирь долгие десятилетия являлась местом ссылки и каторги для политических и уголовных преступников. Местная интеллигенция воспринимала данное обстоятельство как символ зависимости окраины от метрополии и давно ставила вопрос об отказе от этой порочной практики [15, с. 198–244]. Российскую территорию за Уралом многое роднило с колониями типа Австралии и Новой Зеландии, где долгое время каторжники составляли существенную долю населения. Первые годы XX столетия с ее массовым переселением и умеренным использованием Сибири в качестве места ссылки и каторги привели к переменам в структуре сибирского населения, в которой удельный вес принудительных поселенцев пошел на убыль. Мировая война принесла кардинальные изменения в пенитенциарную практику российской власти. С первых месяцев войны Сибирь стала местом ссылки сначала подданных враждебных держав, затем российских подданных, этнически связанных с воюющими против России державами. Сюда же направляли высланных из прифронтовых районов по подозрению в политической нелояльности и спешно отправленных в административную ссылку участников оппозиционных движений [16]. Наконец, именно в Сибири оказалось сосредоточено до 350 тыс. военнопленных. Причем их дислокация привела к тому, что бескрайние сибирские таежные и степные пространства покрылись сетью специально отстроенных концентрационных лагерей. Все это словно опрокинуло время вспять, вернув Сибирь в то далекое прошлое, когда значительную долю вновь прибывавшего населения составляли узники и ссыльные. Оговоримся, что количественные параметры этих социально-демографических перемен даже современная историография представляет приблизительно, не говоря уже о масштабах влияния принудительно доставленных в Сибирь на ее экономику.

Вызовы Первой мировой войны серьезно активизировали поиск местной интеллигенцией моделей регионального развития Сибири, попытки по-новому переосмыслить место данной территории в российском экономическом пространстве. В результате сформировалось устойчивое понимание того, что для обеспечения безопасности страны в будущем нужно превратить Сибирь во «второй эшелон» стратегического производства. Однако практика административного и хозяйственного управления способствовала как раз противоположным процессам. В военное время центральные и местные власти почти ничего не сделали ни для формирования в Сибири самостоя-

тельной промышленности, ни для организации законченного цикла производства и обработки сельскохозяйственной продукции. Напрямую или косвенно формируя условия межрегионального товарообмена, государство вело себя как метрополия по отношению к колониальной окраине. Сибирь в 1914–1917 гг. сделала шаг от хозяйственной самостоятельности, которая с таким трудом завоевывалась в предшествовавшие десятилетия и находилась еще в зачаточной стадии, обратно к положению экономически зависимой окраины, эксплуатируемой в интересах имперского центра.

Другое дело, что начавшаяся после Февраля 1917 г. пятилетняя эпоха революции и Гражданской войны обернулась колоссальным потрясением всего хозяйственного организма России в целом и каждого ее региона в частности. Дальнейшая эволюция большинства заложенных в годы Первой мировой войны тенденций оказалась надолго прервана. Много лет спустя советская власть пошла по пути индустриализации Сибири нагоняющим темпом. Но общий вектор взаимодействия Центра с окраинами, в которых экономика периферии была полностью подчинена имперским целям, а освоение новых пространств происходило в значительной мере усилиями принудительно доставленных в Сибирь людских контингентов, окончательно сложился в первое советское десятилетие и достиг своего логически завершенного вида в рамках сталинской хозяйственной модели. Настоящее колониальное будущее Сибири было еще впереди.

Список источников и литературы

1. *К вопросу* о насаждении промышленности в Западной Сибири. Томск: Тип. П.К. Орловой, 1916. 39 с.

2. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 487 с.

3. *Омский* телеграф (Омск). 1917. 19 февр.

4. *ГАРФ*

5. *Рынков В.М.* Государственное регулирование аграрного рынка Сибири в годы Первой мировой войны в оценках Омского сельскохозяйственного и кооперативного съезда (2–12 января 1916 года) // Исторический ежегодник. 2007. Новосибирск: Рипэл, 2007. С. 88–103.

6. *Менщиков В.Н.* Общественная позиция Н.Л. Скалозубова по «масляному вопросу» в годы Первой мировой войны // Социальные конфликты в истории России: Мат. Всерос. науч. конф. Омск, 2004. С. 135–138.

7. *Рынков В.М.* Конец масляной монополии в Сибири (1918 г.) // Кооперация Сибири: проблемы социальной и экономической истории: Сб. науч. тр. Новосибирск: Сибпринт, 2013. Вып. 7. С. 253 – 269.

8. *Неопиханов А.А.* К проекту элеваторного строительства в Западной Сибири в районе Омской железной дороги // Вестник Омской железной дороги. Омск, 1916. № 21. С. 137–139; № 22. С. 143–146. № 23; С. 155–157; № 24 С. 169–170; № 25. С. 179–180; № 26–27. С. 190–193.

9. *Неопиханов А.А.*О холодильном оборудовании Омской железной дороги. 1916. № 21. С. 136–136; № 22. С. 146–149; № 23. С. 157–159; № 24. С. 170–173.

10. *Самсонов А*. Роль Владивостокского порта в истории Современной войны // Вестник Омской железной дороги. 1916. № 17. С. 104–105.

11. *Фомин А.А.* Товарные перевозки по железным дорогам Сибири в 1913–1916 гг. // Труды Сибирского статистического управления. Вып. 7.: Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 2. Новониколаевск, 1922. С. 59–62.

12. *Самойлов Ф.* Краткий обзор коммерческой деятельности Омской железной дороги за 1916 год // Вестник Омской железной дороги. 1917. № 46. С. 279–282; № 47. С. 232–236; № 48. С. 337–240; № 49. С. 240–242.

13. *Букшпан Я.М.* Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л.: РАНИОН–Ин-т экономики; Гос. изд-во, 1929. 541 с.

14. *Свешников Н.А.* Экономика Сибири в период империализма: учебное пособие. М.: Изд-во министерства высшего и среднеспециального образования СССР, 1975. 240 с.

15. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, экономическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 556 с.

16. *Сибирская* жизнь (Томск), 1915. 23 янв., 26 сент., 11 окт.

V.M .Rynkov

On the way towards colonial future: Siberian economy transformations during the First World War

Summary: The article deals with the main tendencies in the development of Siberian economy in the second half of 1914–1916. The author validates a conclusion that under the influence of the First World War national economy of Siberia evolved very quickly while losing some elements of independence and self-reliance. A government perceived Siberia as a suburb and tried to solve some problems of army supply and saving of economic potential of the regions in European part of Russia at the expense of impairment of Siberia interests. A lot of Siberian economists and public men noticed worsening of Siberian economy strategic position and strengthening its dependence from the Center, and underlined the key role and initiative of the state in intrusion such disadvantageous conditions of economy cooperation with other regions.

After Soviet regime establishing another socio-economic system was formed, different from the pre-revolutionary one. But during Soviet regime the further strengthening of economic exclusion of the suburbs towards the Center and deprivation of their rights in regional development priorities elaboration took place. The characteristics of center-suburb interaction developed which were intensified during the First World War.

Key words: Siberia, the First World War, colony, agricultural economy, transport, industry, social movement.

УДК 94 (470).084.3

Д.А. Аманжолова

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭТНОБЮРОКРАТИИ В 1920-Е ГГ.

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта РГНФ № 15-31-14001 «Этнические элиты в национальной политике России»

Аннотация. Автор анализирует, как формировалось и налаживалось организационно-политическое сотрудничество центра и национальной автономии в условиях поиска оптимального баланса общегосударственных и этнорегиональных интересов, адаптации моделей политического поведения рекрутируемых в аппарат управления представителей разных поколений этнических активистов к требованиям развивающейся советской государственности. Обсуждаются степень и масштабы ее унификации или модификации под воздействием этносоциальных факторов и особенностей, новационных и инерционных черт политической культуры советской этнобюрократии.

Ключевые слова: Советская государственность, национальная политика, этнобюрократия, этносоциальные факторы.

Проблемы формирования советской этнобюрократии в 1920-е годы определялись совокупностью факторов, среди которых не только преобразования во всех областях жизни, но и непосредственно организация органов власти и управления. В отличие от дореволюционной она становилась намного более сложной и разветвленной, что обусловило резкий рост численности чиновничества: партийные органы, советы во главе с исполкомами, хозяйственные структуры, освобожденный аппарат общественных организаций (каждая ветвь от краевых до волостных и даже аульно-сельских аппаратов). Все эти звенья необходимо было наполнить количественно, обеспечить преобладание в них представителей самоопределившегося этноса и одновременно мало-мальский профессионализм. К тому же политизация этничности должна была совмещаться с укреплением классового подхода, обеспечивая преобладание рабочих и крестьян в составе управленцев, преимущественно коммунистов. Данные условия реализовались с большим трудом практически во всех национальных регионах, в т.ч. в Казахстане. Активная политика контроля за привлеченной в органы власти старой интеллигенцией и создание новой в ходе т.н. «коренизации» существенно влияли на идейно-политические процессы в рядах этноэлиты в 1920-е гг., в т.ч. вовлеченной в партийно-государственную номенклатуру.

Привлекая национальную интеллигенцию к сотрудничеству, большевики исходили, прежде всего, из соображений укрепления власти на местах. В июле 1919 г., сразу после создания КирВРК, И.В. Сталин писал секретарю ЦК РКП(б) Е.Д. Стасовой об одном из главных лиц в автономистском движении Алаш А. Байтурсынове: «Я его не считал и не считаю революционером-коммунистом или сочувствующим, тем не менее его присутствие в ревкоме необходимо» [Цит. по: 1, с. 52]. Алашордынцы, ориентируясь на официальные документы РКП(б) о национальном самоопределении, в начале 1920-х гг., кажется, поверили в возможность его реализации при Советской власти. Вступая в компартию, Байтурсынов 4 апреля 1920 г. писал в своем заявлении: «Освобожденный казахский народ может получить счастье только вместе со всей угнетенной частью человечества, то есть в мировой революции, мировой федерации» [2]. В РКП(б) вступили также А. Алибеков, А. Кенжин, Н. Байдильдин, М. Саматов и др. Как свидетельствовал Х. Габбасов, в начале 1920-х гг. бывшие алашордынцы обсуждали идею коллективного вступления в партию для «завоевания веса в политической жизни» и «без различия, разделяют ли они в принципе программу ВКП(б)». В конце концов возобладал здравый смысл, и, не желая никого обманывать, решили «предоставить каждому право вступления, согласно его убеждений» [3, с. 92].

Наверно, особенно искренно и наивно выразил эйфорию, охватившую часть интеллигенции по мере очищения территории края от белых и в связи с провозглашением большевиками намерения дать автономию казахам, Ж. Акпаев. В телеграмме в КирВРК 10 марта 1920 г. он восторженно и несколько выспренно писал из Семипалатинска: «Искренне и сердечно приветствую Кирревком за несение тяжелой и ответственной миссии по созданию фундамента автономии Казахстана и по осуществлению заветной мечты и чаяния казак-киргизского народа за народоправство.

Завершить стройное здание казахской автономии возможно при твердом выполнении требования моральной формулы I. Христа: «Несть Еллин, несть Иудей», – формулы, являющейся квинтэссенцией человеческого сердца, произведением человеческого ума и сокровищницею общечеловеческой культуры. Воодушевление степи, во имя отчизны, да послужит фактором для объединения Казахстана…» [4, с. 236]. Алашордынцы на самом деле по инициативе и под контролем власти энергично включились в создание советской автономии. А. Ермеков возглавил представительство Киркрая в Москве, Х. Габбасов был уполномоченным КирВРК при Сибревкоме, Б. Сарсенев – сотрудником краевой комиссии по созыву учредительного всеказахского съезда, В. Таначев – завподотделом законодательных предположений КирВРК, А. Кенжин – заввнешкольным отделом КирВРК. В советских органах в начале 1920-х гг. работали также Б. Каратаев

(он не был членом Алаш), И. Омаров, К. Таттибаев, И. Терегулов, С. Дощанов, А. Козбагаров, С. Кадирбаев и др. Ж. Акпаев возглавлял ряд юридических учреждений Семипалатинской и Сырдарьинской губерний, служил инспектором народного образования и участвовал в этнографической работе. Непосредственное участие в подготовке учредительного съезда, провозгласившего образование КАССР, сборе историко-статистических, экономических, этнографических и картографических, данных и материалов для определения границ автономии, рассмотрении вопроса во ВЦИКе и его комиссиях приняли А. Байтурсынов, А. Ермеков, Х. Габбасов, Г. Алибеков и др.

Но уже 17 мая 1920 г. Байтурсынов в письме В.И. Ленину так подвел 10-месячный итог работы Кирревкома, в который был включен: «...им не сделано ничего». Взаимное недоверие между представителями центра и населением, в русско-казахских отношениях на всех уровнях, считал он, можно преодолеть лишь с помощью национальной интеллигенции, которая «ни за какие личные блага и выгоды» сознательно не продаст своего народа, но, так же как и он, является жертвой взаимных подозрений и настороженности. «Настоящие» идейные коммунисты и столь же идейные националы, не обремененные погоней за властью и личным благополучием, – их союз в управлении он считал единственным условием практического осуществления автономии [5, с. 59–61, 63].

Член КЦИК, заместитель главы Семипалатинского губисполкома Большаков в секретном докладе в губком партии в 1921 г. отмечал, что население, особенно казахское, «продолжает жить и мыслить по примеру своих дедов и отцов. Оно знает советскую власть по названию, а судит о ней по тем поступкам и поведению всех начальствующих лиц… От работы некоторых наших «работников» часто веет ужасами средневековья, разнузданностью, подчас превосходящими разнузданность колчаковских времен, бандитизмом, что подрывает всякую веру у трудящихся масс в свою рабоче-крестьянскую власть» [6, ф. 1235, оп. 99, д. 106, л. 69-75, 67].

Довольно скоро подавляющее большинство старой интеллигенции было оттеснено от активной общественно-политической практики. Алашордынцы вернулись к тому, с чего когда-то начинали, – культурно-просветительной и научно-педагогической работе, а также возобновили литературное творчество. Байтурсынов, в частности, поначалу выдвинутый на наиболее крупный пост наркома просвещения, в связи с исключением его из партии в ноябре 1921 г. вполне прямо подтвердил: составление учебников как часть культурнической миссии для него неизмеримо важнее, нежели посещение партсобраний [5, с. 100].

В советских условиях алашская интеллигенция, особенно когда не могла напрямую участвовать в преобразованиях, оказывала влияние на управленческие кадры и интеллигенцию благодаря авторитету, прочным личным и этносоциальным взаимозависимостям, а также традиционным и наиболее сильным для казахской культуры средством – образным словом, многослойным иносказанием, народной и поэтической мудростью. Как и в дореволюционный период, газетные статьи могли содержать аллегории и интерпретации текущих событий «не в прямом смысле, а в виде народных поговорок, иносказательных и прочее, глубокий, истинный смысл которых уловить могут только «свои» люди, а последние уже должны будут толковать их массам населения». Таким образом русскоязычная часть чиновников отстранялась от социально-психологических и культурных инструментов влияния, игравших «громадную роль во всей общественной жизни» казахов [5, с. 177].

Нельзя сказать, что присланные из центра руководители не видели сложность стоявших перед ними задач. Однако они во многом оказались заложниками той идеологии, которой преданно служили, и которая лишь в очень общем виде отвечала на конкретные вопросы жизни. В «ловушку» национальной государственности попали и большевики, и националы. Правда, одни стремились использовать ее как средство для утверждения классовой справедливости, а другие уповали

на нее как на универсальное лекарство в лечении всех болячек этносоциального организма. Ни то, ни другое не могло быть осуществлено исключительно административными и политическими инструментами, которым тогда отдавалось наибольшее предпочтение.

Особенно трудно было преодолевать взаимное недоверие и постоянные разногласия, возникавшие во взаимоотношениях с работниками-националами, а также эмиссарами из Москвы, поразному видевшими задачи и средства их решения на месте. Тем более что к выдвиженцам из националов отношение было столь же скептическим, что и у «туземцев» к «русским колонизаторам и шовинистам». Между тем быстро обозначившиеся противоречия социального развития, ошибки и радикализм в реализации коммунистического проекта в этносоциальной среде, колоссальный рост бюрократизма и сохранение классовых приоритетов во всем порождали скепсис, разочарование, а также разногласия в рядах малочисленного образованного класса, прежде всего в зависимости от социального происхождения и стажа принадлежности к большевистскому движению в регионе.

Ответсекретарь Киробкома РКП (б) Г.А. Коростелев писал, в частности, Сталину в октябре 1921 г.: «Съезд, нужно сказать, работников не дал [2-й съезд Советов республики. – *Д.А.*]. На поверхности все время крутится киргизская интеллигенция, да и та все одна и та же. Насколько трудно привлечь киргизскую бедноту, видно из того, что в краевую киргизскую партшколу не можем набрать полный комплект курсантов». «Покрутившись» и осознав непоколебимую решимость большевиков реализовать свой революционный замысел, многие предпочли все-таки приспособиться и даже встроиться в новую систему, используя подвернувшиеся шансы (катастрофический дефицит образованных людей, хаотизация социальной жизни, появление новых возможностей в разных сферах и т.д.) как лифт для социального возвышения, роста благосостояния и престижного потребления.

Получив пост «киргизского наркома, – рассказывал Коростелев, – таковой отправлялся в степь и там сидел 5 – 6 месяцев, не заглядывая в свой наркомат». Ему уже в марте 1922 г. вторил председатель проверочной комиссии ЦК РКП (б) А. Жиханов: «Киргизы все интеллигенты, рабочих почти нет, работать среди масс не умеют. В силу этого создается наглядный карьеризм и шкурничество, а именно поездки на собрания на лошадях, хотя это очень недалеко, и вообще ни шагу... Никогда не выступают ни по какому вопросу». Одной из главных проблем в «коренизации» аппарата оставалось также стремление не допустить к руководящим должностям представителей или единомышленников разгромленной во время Гражданской войны Алаш-Орды. Это было крайне затруднительно, потому что подавляющее большинство образованной части казахов так или иначе примыкало к ней и продолжало находиться под влиянием, как признавал Жиханов, «старика Букейханова» [4, с. 353-357] – лидера Алаш, отказавшегося от любой политической деятельности.

Между тем в руководстве КАССР почти сразу начались и стали перманентными конфликты. Поводами служили «грехи» сотрудничества с антибольшевистскими силами или «несвоевременное» признание советской власти, взаимная подозрительность присланных из центра и местных работников в уклонениях от интернациональной линии к шовинизму или национализму, личные амбиции, бесконечные перегруппировки одних и тех же лиц, интриги и обиды. Все это дополнялось взаимными обвинениями в «колонизаторстве», незнании национальной специфики или карьеризме, нечистоплотности и прочих прегрешениях. Синдром бескомпромиссности, непримиримость и безоглядная уверенность в непогрешимости избранной стратегии и тактики, культивировавшиеся Лениным в партии большевиков и подкрепленные особенностями массовой культуры, традициями и ментальностью всего общества, определили многое в судьбе страны и наших героев.

Немаловажно иметь в виду и возрастные характеристики. Сегодня 40-летние деятели считаются молодыми, а перешагнувшие за шестой десяток составляют немалую часть общественно-политической элиты и воспринимаются вполне работоспособными. Между тем практически все видные персонажи 1920-х гг. находились в расцвете сил. Самому старшему, прослывшему, однако, уже стариком, – Букейханову – в 1922 г. было всего 52 года; Байтурсынову – 49, Акпаеву – 46, Тынышпаеву – 43, Ермекову – 40, Х. Досмухамедову – 39, Дулатову – 37, Ж. Досмухамедову – 36, Габбасову и Кенжину – по 35, Марсекову, Аймаутову и Асфендиарову – по 33. Это были еще перспективные по возрасту, но вполне сложившиеся личности, имевшие за плечами не только богатый творческий задел, практику администрирования при разных режимах, но и драматичный опыт политической борьбы, компромиссов и альянсов, переговоров и противостояний.

Аналогичным жизненным опытом обладали в той или иной степени немногие из большевистских руководителей: Пестковскому было 50 лет, Радус-Зеньковичу – 45, Коростелеву – 37. Среди казахов-большевиков сопоставимый по значимости с алашординцами политический багаж имел, пожалуй, лишь 38-летний Джангильдин, быстро оказавшийся, однако, во многом заложником своих амбиций, самолюбия и тщеславия. Остальные выдвинулись благодаря участию в установлении советской власти на местах и не могли похвастаться, несмотря на аналогичный возраст, достаточным политическим мастерством: Мендешеву было 40, Айтиеву – 36, Мурзагалиеву и Арганчееву - по 35. На этом фоне Каратаев в свои 62 года выглядел патриархом, но именно поэтому он оставался работником регионального уровня. К тому же власть все более активно выдвигала не наиболее сильных, образованных, обладающих специальными знаниями и опытом, полных сил представителей интеллигенции, а людей управляемых, готовых подчиняться воле партийных лидеров. Такие персонажи всегда обнаруживаются, сознательно или нерационально превращаясь в инструмент для решения разнообразных задач.

14 апреля 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б) рассмотрело положение в Казахстане. Наряду с установками по привлечению представителей интеллигенции в центре и особенно на местах, усилению борьбы с колонизаторским уклоном, повышению политической культуры партийцев, развитию национальной печати и общественных организаций, предлагалось действительно изжить разногласия среди кирработников, ранее принадлежавших к «левой» и «правой» группировкам. Киробком должен был использовать их «независимо от их принадлежности к тем или иным группировкам в прошлом на основе партийных решений» и одновременно усилить выдвижение молодых [7, с. 67–70]. Одновременно IV областная конференция РКП(б) предписала «взять решительный курс на освещение, усиление, насыщение всех аппаратов действительными пролетарскими и батрацкими элементами» [8, с. 128–133, 176].

Общая характеристика партийно-советского руководства республики была дана к XIII съезду партии (май 1924 г.). Из 190 лидеров КАССР насчитывалось «туземцев 38, нетуземцев, говорящих на туземном языке, – 6», к работникам всероссийского и областного уровня относились 7, губернского – 148, уездного – 25. При этом рабочих и крестьян было по 39 чел. 113 из 190 имели возраст 34–35 лет, партстаж до 1917 г. – 4, в 1917 г. с марта до октября большевиками стали 25, в 1917–1919 гг. – 93, в 1920–1922–59. Не состояли в других партиях 179; 8 прежде были меньшевиками, 1 – анархистом, 2 отнесены к прочим. Высшее образование имели лишь 6, среднее – 70, 112 – низшее, у двух человек оно не указано. 70 чел. имели стаж практической работы в данной области от 1 до 2 лет [9, ф. 17, оп. 68, д. 186, л. 57].

Качество чиновничьего «класса» далеко не отвечало принципам «социалистической чистоты». Один из руководителей республики признавал, что из 16 низовых работников 14 – взяточники [9, ф. 17, оп. 25, д. 6, л. 62 об]. Краевая РКИ обнаружила, что т.н. болезненным явлениям с июля 1925 по июль 1926 гг. оказались подвержены именно служащие, причем чаще всего это пьянство

(36% служащих) и уголовные преступления (4,3%) [10, ф.10, оп.1, д. 345, л. 26–27]. В 1927 г. среди партийцев КАССР такого рода проблемами было охвачено 8,2%, тогда как по всему СССР – 7,6%. Самыми распространенными были пьянство, растраты, взятки, превышение власти – по этим вопросам в краевой контрольной комиссии рассматривалось в 1926 г. 208 дел коммунистов, причем ответработники чаще всего привлекались за пьянство. Как заметил член КрайКК И.Н. Морозов, «ответственные работники в КССР нуждаются в серьезном партвоспитании». Число жалоб по поводу бюрократизма от V до VI партконференции выросло на 296% [9, ф. 17, оп. 25, д. 6, л. 139 об., 143 об., 144 об. – 145].

Бдительный внутрипартийный контроль за чистотой рядов своих адептов создавал для всех вступивших в РКП(б) казахских активистов дополнительную напряженность, ставшую в 1920-е гг. перманентной. В 1919 г. прошла перерегистрация коммунистов, в 1920 г. в связи с введением единого образца партбилета она была проведена вновь. С августа 1921 г. по февраль 1922 г. шла чистка рядов партии в республике, и к сентябрю ЦКК исключила из РКП(б) Мурзагалиева как бывшего чиновника и члена облуправы Алаш-Орды, а областная контрольная комиссия – С.Д. Арганчеева. Весной началась Всероссийская партийная перепись с обменом документов, в 1922–1924 гг. контрольные комиссии парткомов КАССР вынесли решения об очищении от 1512 чел., «не оправдавших доверия». В 1925 г. состоялась проверка непроизводственных партячеек, в 1925–1926 – выборочная проверка аульно-сельских, в 1927 г. коммунисты вновь прошли испытание Всесоюзной партпереписью, а летом 1929 г. по решению XVI конференции ВКП(б) началась новая генеральная чистка.

Все эти акции вызывали массу неизбежных проблем, в т.ч. провоцировали конфликтные отношения, стремление использовать спущенные сверху механизмы в борьбе амбиций и для удовлетворения карьерных интересов путем устранения соперников. Достаточно активно практиковались с этой целью частые ротации работников из одних регионов в другие под всевозможными благовидными предлогами (а не менее частые административно-территориальные преобразования давали еще один повод для этого), что позволяло отстранить от ключевых постов неугодных и выдвинуть сторонников. Определенную роль играли также родственные и клановые связи, хотя придавать им решающее значение во всех случаях вряд ли правомерно.

Даже для не запятнавших себя сотрудничеством с «классовыми врагами» до, в период революции и во время Гражданской войны все это было сильным испытанием выдержки, ума и адаптивности. Бывшим же алашординцам приходилось практически ежедневно находиться еще и под гнетом уже неисправимого крамольного прошлого. Всем требовалось постоянно доказывать свою лояльность власти и ее идеологии, что заставляло некоторых вообще отказываться от советской работы и даже выходить из партии. К тому же одной из причин разнообразных чисток в этот период была острая внутрипартийная борьба с различными «оппозициями» в центре, отзывавшаяся даже на рядовом партийно-советском составе. Вдобавок каждый ответственный работник на большинстве уровней системы управления в силу острого дефицита подготовленных кадров совмещал, как правило, несколько должностей. Наряду с колоссальной физической и умственной нагрузкой, хронической усталостью, психологическое давление не могло не сказываться на поведении и настроениях людей.

Конфликтный характер отношений среди руководителей республики был очевиден. Мендешев 2 марта 1922 г. так изложил Сталину свою точку зрения на раздоры: приезд Юдовского «совпал с крайне неблагоприятным моментом, когда националистически-шовинистические группы киргиз, в том числе многие партийные, вроде Ауэзовых, Нахимжанов, Байдильдиных, увидя наше трудное положение в борьбе с голодом, определенно стали поднимать головы и предъявлять для своей работы такие условия, которые повели бы к полному раскассированию действительно

подлинных представителей трудящихся киргиз. Они выдвинули комиссию из киргиз, которая будет распределять кирработников, думая таким путем создать обособленную группу под своим влиянием и повести к дальнейшему отрыву киргиз от партии. Я встал против такой группировки. Т. Юдовский присоединился к этой группе, которая этим обстоятельством еще более подкрепилась и повела решительное наступление на коммунистов-киргиз, являющихся представителями трудящихся бедных масс на парткоференции, называя их сплошь колонизаторами. Тов. Юдовский – работник с уклоном и невыдержанный. Он очень увлечен работой в Семиречье и никак не хочет понять, что у нас не такие условия, как там.

Под влиянием наших национал-коммунистов он стремится поставить киргизское население против русского населения, что при соотношении этих групп населения в Киргизии и при слабой классовой дифференциации может повести только к гражданской войне.

… Тов. Мурзагалиев, которого я очень любил за его энергичность, оказался очень большим интриганом. В деле натравливания на меня молодежи и Юдовского он играет очень большую роль. Он пристал тоже к националистам и пляшет сейчас под их дудку» [4, с. 350–353. В.Г. Юдовский решением Оргбюро ЦК РКП(б) в феврале 1922 г. был направлен в КАССР уполномоченным ЦК РКП(б)].

В сентябре 1922 г. сотрудники ГПУ, характеризуя основные группировки в Казахстане, обвинили Рыскулова в связи с группой Байтурсынова уже как алашординца, наряду с другими туркестанцами Ходжановым, Досмухамедовым и Дивеевым. В ГПУ подозревали казахских националов не только в естественной борьбе против «колонизаторства», но нередко в умышленной ее провокации. Опасностью считалось также стремление части этих деятелей к объединению Башкирии, Казахстана и Туркестана, а также других территорий Средней Азии по аналогии с рыскуловским проектом 1920 года в «Средне-Азиатскую восточную мусульманскую федерацию автономных Восточных республик», созданию своей компартии с центром в Ташкенте и республиканскими обкомами. На III съезде советов КАССР (октябрь 1922 г.) попытки бывших алашординцев провести своих представителей в президиум не удались [5, с. 109-110, 129].

1 декабря 1924 г. появилось очередное письмо ЦК РКП(б) парторганизациям Казахстана, где заявлялось о дополнительном росте трудностей в связи с реорганизацией территории: она выросла еще больше, а низкая плотность населения, отсутствие инфраструктуры, крайняя отсталость хозяйственной и культурной базы сохранялись. Понятно, что разногласия, уклоны и противоречия в кругу националов, как и между ними, с одной стороны, и «работниками-европейцами» – с другой, вызывали резонные опасения в центре. Однако рецепты ЦК прописал стандартные, и звучали они в основном как пожелания «объединиться, усилить, принять меры, проработать» [7, с. 72–74] и т.п., а не точные прописи процедур, доз, инструментов и режима лечения, и потому не возымели должного эффекта.

Нужно иметь в виду и организационную перестройку, происходившую в 1920-е годы, которая сопровождалась частой сменой руководства. Состав Киробкома партии с 1921 по 1925 гг. увеличился с 14 до 28 чел., с 1921 по октябрь 1924 г. его возглавлял президиум, затем бюро (от 5 до 7 чел.), вдобавок с сентября 1924 г. появился секретариат со своим статусом, а с 5 апреля 1922 по октябрь 1924 г. по решению и назначению ЦК РКП(б) работало еще и Кирбюро ЦК партии, стоявшее над обкомом. Его возглавил сначала упоминавшийся уже В.Г. Юдовский, но вскоре сменил ответсекретарь обкома Г.А. Коростелев, а также входили председатель КирСТО А.И. Вайнштейн, председатель КирЦИКа С.М. Мендешев и председатель КирЭКОСО и заместитель главы правительства В.И. Вельман. За июнь 1921 – февраль 1925 гг. первыми или ответственными секретарями Киробкома партии побывали М.М. Мурзагалиев, М.М. Костеловская, Г.А. Коростелев, В.И. Нанейшвили. Пост второго секретаря в феврале 1922 г. получил А.М. Асылбеков, но через

год на эту должность никого не избрали, а еще через год ее восстановили, избрав И.М. Курамысова. Всего за 1920-е гг. в республике сменилось 7 первых руководителей парторганов, из них лишь Мурзагалиев в течение полугода (январь-июль 1921 г.) представлял титульный этнос (повод для освобождения – совмещение с должностью главы правительства, с января 1923 до середины 1926 гг. работал представителем КАССР при СНК РСФСР в Москве). Дольше всех продержался Ф.И. Голощекин (июль 1925 – январь 1933 гг.). При этом все назначенцы Москвы до того вообще не имели отношения к региону (если не считать И.А. Акулова и Г.А. Коростелева, работавших в Оренбурге, и Голощекина, имевшего небольшой и не вполне удачный опыт общения с мусульманами в соседней Башкирии и в Турккомиссии в Туркестанской АССР) и не знали казахского языка. Структура местных органов партии в эти годы также пережила немало реорганизаций.

В мае 1924 г. в составе Киробкома партии было 10 казахов и 9 русских (2 секретаря – русский и казах), из них 12 с мест, в т.ч. секретари всех губкомов. Из 10 членов первого состава Президиума КазЦИК казахов было 6, из 14 наркомов – 5 [9, ф. 17, оп. 68, д. 189, л. 35–42]. Казахи составляли 38% работников уездных парторганов [9, ф. 17, оп. 68, д. 53, л. 150; д. 58, л. 19, 26, 38]. Для увеличения числа знающих язык использовались практикантство и организация курсов при КазЦИК и ведомствах для националов, групп «европейцев» для изучения казахского языка, однако в краевых учреждениях знающих его было лишь 5%. В мае 1926 г. ответственность за коренизацию была возложена на НК РКИ, сама она теперь преследовала цель не просто механического «процентного замещения должностей», а становилась функциональной. Коренизации за период от полугода до 2 лет подлежали кадры по 42 должностям среднетехнического персонала номенклатуры административных и хозяйственных учреждений [11, с. 82–95, 164–165; 6, ф. 1235, оп. 122, д. 166, л. 98 об.; оп. 123, д. 69, л. 9–10; 9, оп. 84, д. 1056, л. 11].

Голощекин признавал: мотивом к отказу от т.н. процентной коренизации было то, «что на основе политики прошлого периода мы выбрали в партийный, советский, профессиональный и хозяйственный аппараты все грамотное и полуграмотное, что было и есть среди казаков (киргиз)» [9, ф. 17, оп. 25, д. 6, л. 49]. Информотдел ЦК партии и Киробком РКП(б) считали: «особенно мало киргиз в губернском и уездном масштабе». Констатировалась отчужденность между русскими и казахскими работниками вследствие «лучшей марксистской подготовки» русских, а также «1) недоговоренность между работниками киргизами и русскими, 2) некоторая тяга отошедших от работы киргизских работников к работе, 3) недостаток спайки и связанности между русскими и киргизскими партработниками». Осложняющими факторами были «а) стремление (в большинстве случаев на почве личных недовольств) отделаться от целого ряда русских товарищей, б) стремление киргизской молодежи к захвату ответственных краевых постов и вытеснению старых работников киргиз с руководящей работы» [9, ф. 17, оп. 67, д. 83, л. 8–9, 17–23].

2 марта 1926 г. Казкрайком ВКП(б) направил на места письмо «О межнациональных отношениях и группировках внутри партийных организаций», поскольку обнаружились новые подтверждения группировочной борьбы, особенно в ходе перевыборов советов. Трудно было, по признанию руководящего органа, «сказать, кто больше разлагает» - беспартийные представители родов «наши партряды или наоборот». Эти явления наблюдались во всех региональных организациях ВКП(б), а обилие принятых резолюций тоже повсюду не сопровождалось существенными результатами, порождая пессимизм среди партийцев как по поводу возможности решить проблему в силу ее злостной укорененности, так и в отношении действенности принимавшихся решений.

В качестве лекарства от хронической болезни предлагалось различать низовую массу коммунистов, родовыми связями «спаянную» с беспартийными в ауле (для них назначались «воспитание, пример, еще раз воспитание и пример») и руководящую часть. В последней проявлялись не только принципиальные расхождения, но и борьба за личное влияние и за власть, и безответствен-

ность вследствие отрыва от масс, что порождало доносы, в т.ч. «с групповой целью» и утаивание «дезорганизующих действий групповых руководителей». Для этой части, наносящей наибольший вред, полагалась ударная доза специальных мероприятий. Среди них собрания актива с обсуждением разногласий, «организация низов для вскрытия» действий группировщиков и давления на них, наказание наиболее отличившихся, вплоть до исключения из партии, деловой подбор кадров и, конечно, отрыв национальных партийных верхов от идеологического влияния Алаш, представителей которого все же разрешалось использовать в советских органах [5, с. 205–208].

Впрочем, положение в Казахстане не было исключением – сходные проблемы давали о себе знать во многих автономиях (Крым, Киргизия, Татарстан, Бурят-Монголия, Киргизия, Юго-Осетия, Каракалпакия, Дагестан, Татария) [12, с. 355–359], где культурная и социально-политическая консолидация этнических общностей была далека от завершения, а радикальные советские преобразования делали ее скачкообразной и потому еще более противоречивой и болезненной. К тому же еще в начале 1920-х гг. из разных мест в Москву поступали выводы о сходных проблемах: один из корреспондентов писал о впечатлениях, полученных на Урале: «…сплошь и рядом у нас здесь господствует система выдвигания креатур при единоличии в управлении…» [6, ф. 5451, оп. 5, д. 620, л. 16].

Ф.И. Голощекин на VI партконференции (ноябрь 1927 г.) привел данные по выдвижению: в Кара-Калпакской области, по 6 губерниям и Кустанайскому округу за 1926 год выдвинуто 412 чел., из них на областную, губернскую и окружную работу – 112, уездную – 149, волостную и районную – 185, казахов из числа выдвиженцев было 152, остальные – русские. На партработу было выдвинуто 59 чел., профсоюзную – 22, советскую – 72, хозяйственно-кооперативную – 27. На краевую работу попали 147 чел., губернскую – 11, уездную – 22. В связи с районированием он предложил основную работу по выдвижению возложить на губкомы, хорошим работникам пообещав: после наблюдения «возьмем себе, а плохое пошлем вам перерабатывать (смех)» [9, ф. 17, оп. 25, д. 6, л. 73 об.].

Массовый призыв во власть представителей социальных низов, наряду с кампанией по оживлению советов, должен был укрепить базу советской системы. Однако минимальная общая и политическая культура, искусственность навязываемых стандартов гражданственности порождали цинизм, иждивенческое отношение к власти, различные способы социальной мимикрии и латентное доминирование индивидуальных интересов над общественными. Это определяло низкое качество управленческой культуры и самой номенклатуры. «Рекруты» из народа в отличие от алашевцев и представителей центра имели недостаточное образование, минимальный опыт публичной общественной практики, знаний, умений и навыков решения социально-экономических, культурных и пр. вопросов; поверхностное освоение большевизма, принципов функционирования власти. Устоявшиеся формы регулирования социальных притязаний, компромисса групповых интересов, позиционирования и статуса в системе властных отношений на основе взаимодействия кочевых общин, отсутствие представлений и опыта в процедурах создания советов приводили к встраиванию традиционных норм организации управления в новый формат. Одновременно дали о себе знать живучие мотивы престижного потребления и корыстного использования административного ресурса.

В результате политизации этничности постепенно была выстроена и реализовалась практика идейно-политической подготовки и карьерного роста управленца, когда на каждом этапе и в каждом звене при их неразрывной взаимной увязке он систематически проходил серьезную проверку на идеологическую «чистоту», ответственность, умение подчинять личные цели интересам дела партии, организаторские навыки и т.д. Взамен выросших в начале 1920-х гг. проявлений мздоимства, «комчванства», гонки за престижным потреблением власть организовала продуман-

ную иерархическую систему мер материальной и социальной поддержки чиновников, которая служила важным стимулом к строгому соблюдению корпоративной дисциплины, безусловному исполнению служебных обязанностей, преданности официальной идеологии. Общекультурная подготовка новой бюрократии была гораздо слабее уже в силу ее экстремальной краткосрочности. Проблемы формирования этнобюрократии определялись такими факторами, как быстрый численный рост при объективно низком уровне образования и культуры, приоритет классовой оценки перспектив выдвижения и карьерного роста в ущерб деловым качествам, формализация критериев большевизации и коренизации, противоречия взаимодействия этносоциальных и идейно-политических начал в организационной и управленческой практике представителей разных групп в составе чиновничества всех уровней и звеньев динамично развивавшейся советской системы.

Список источников и литературы

1. *Аманжолова Д.А.* Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации // Россия и Казахстан: проблемы истории (XX – начало XXI вв.). М.: ИРИ РАН, 2006. С. 14–83.

2. *Казахстанская правда*. 1991. 8 июня, 10 сентября.

3. *Красный террор*: Политическая история Казахстана (сб. документальных материалов политических репрессий 20–50-х годов XX века). Алматы: ТОО «Типография оперативной печати», 2008. 307 с.

4. *Россия и Центральная Азия*. 1905–1925 гг. Сб. документов. Караганды: Изд-во КарГУ, 2005. 494 с.

5. *Движение Алаш*. Сб. документов. Алматы, 2007. Т.3.Кн.1. 304 с.

6. *ГАРФ*

7. *КПСС и Советское правительство о Казахстане*. 1917–1977 гг. Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Казахстан, 1978. 394 с

8. *Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях* съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.1. Алма-Ата: Казахстан, 1981. 399 с.

9. *РГАСПИ*

10. *ГАЖО*

11. *Вехи консолидации*. Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг. (К 70-летию Компартии Казахстана). Сб. документов. Алма-Ата: Казахстан, 1990. 231 с.

12. *ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос*. Книга 1. 1918–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

Д.А. Amanzholova

The problems of Formation of the Soviet Ethnobureaucracy in the 1920s

Summary. The author analyzes how to configure and build the organizational and political cooperation between the center and national autonomy in terms of finding the optimal balance of national and ethno-regional interests, adaptation of models of political behavior recruited into the machine control of different generations of ethnic activists to the requirements of developing the Soviet state. Discusses the extent and scope of its unification or modification under the influence of ethno-social factors and features, novation and inertial features of the political culture of the Soviet Ethnobureaucracy.

Key words: Soviet state, Ethnobureaucracy, national policy, ethno-social factors.

УДК 94:343.264(=162.1)(571)

С. А. Мулина

ПАМЯТЬ О СИБИРИ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода», проект №13-01-00070

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования образа Сибири в межвоенной Польше. По мнению автора, несмотря на изменившиеся политические условия, существовали факторы, способствовавшие консервации в польском обществе образа Сибири, оформившегося в рамках романтической традиции XIX в.

Ключевые слова: польская ссылка, образ Сибири, память.

На формирование польского образа Сибири большое воздействие оказала карательная политика самодержавия. Польская ссылка создала «черную легенду» Сибири, образ «проклятой земли», «ледяного пекла», «края вечных снегов и вечной тоски», получивший широкое распространение в польской мемуарной прозе, поэзии и художественной литературе XIX в. [1]. Как отмечала В. Сливовская, в литературных произведениях и художественных полотнах на первый план неизменно проступал мотив ужаса, вне зависимости от того, имел автор собственный сибирский опыт или никогда не был за Уралом [2]. События начала XX в., прежде всего, восстановление независимого польского государства, гибель Российской империи и появление советского государства должны были изменить традиционное восприятие поляками Сибири, освободить польское общество от «сибирского комплекса» и позволить взглянуть на Зауралье «взглядом нейтрального зрителя».

Анализ польской публицистики межвоенного периода позволяет говорить, что интерес к Сибири в польском обществе сохранился. В середине 1930-х гг. польский корреспондент, анализируя многочисленную литературу о Зауралье, констатировал что «Сибирь становится модной» [3, s. 61]. Создание независимого польского государства актуализировало изучение героической борьбы польского народа за свободу, тем более что сибирское прошлое имели многие известные политические деятели польского государства, в том числе Юзеф Пилсудский, которому официально был присвоен титул «Великий Сибиряк». Образ польского политического ссыльного оставался социально значимым. Книги о Сибири можно было встретить практически в каждом польском доме [4, s. 6]. Все это создавало уверенность, что «Сибирь никогда не исчезнет из памяти, сколько бы ни было там тяжелых и неприятных воспоминаний, сколько бы ни было каторг, принудительных арестантских работ, тюрем, расстрелов, сколько бы ни было концентрационных лагерей и чрезвычайных судов» [5, s. 29].

Насколько были объективны польские публицисты и писатели, писавшие о Сибири в 1920–1930-е гг., вопрос спорный. С одной стороны, произведения А. Янты-Полчинского, Ф. Оссендовского и других польских авторов, несомненно, отличаются от польско-сибирской прозы более раннего периода рядом акцентов. С другой стороны, авторы межвоенного периода, описывая Сибирь, сталкиваются с иной политической реальностью. Антибольшевистские настроения становятся той почвой, которая вновь искажает взгляды польских обозревателей. Так, острые споры вызывало и вызывает литературное наследие польского путешественника, журналиста, общественного деятеля, состоявшего в годы Гражданской войны на службе у А.В. Колчака, Фердинанда Оссендовского. Его роман «И звери, и люди, и боги» [6], переведенный с английского на поль-

ский язык в 1923 г., вызывал живой интерес общественности и одновременно критику специалистов, пытающихся уличить автора в фактических неточностях и политических инсинуациях. Интерес к Советской России и происходящим там переменам породил значительное количество «туристической» литературы о восточном соседе Второй Речи Посполитой. Но, по мнению современных исследователей, польские репортажи из страны Советов, несмотря на искреннее желание авторов быть объективными, содержали массу заблуждений, порожденных как «наивностью» репортеров того времени, так и усилиями советской власти по моделированию образа советского государства напоказ [7].

Амбиции старого поколения сибиряков (*сибиряками в Польше называли ссыльных*. – Прим. *С. М.*) подкреплялись публикацией мемуаров и других исторических источников, касающихся освободительной борьбы поляков. Большую роль в выявлении и тиражировании подобных материалов играл «Союз Сибиряков» и его печатный орган – журнал «Сибиряк», основанный в 1934 г. Их деятельность способствовала укреплению в общественном сознании образа политических ссыльных как героев, окруженных нимбом благородства и мученичества. «Союз Сибиряков» стремился сохранить память о поляках, расстрелянных и умерших в сибирских тюрьмах, и пропагандировал идеалы, которыми сибиряки руководствовались в далеком изгнании, прежде всего, стремление посвятить все свои силы, вплоть до собственной жизни, на пользу родине. Историческая секция Союза занималась сбором научной литературы и беллетристики, посвященной Сибири как земле «векового польского мученичества», экспонатов для музеев, подготовкой к печати материалов по истории, поиском информации о польских захоронениях [8, s. 65]. Во втором номере журнала «Сибиряк» была размещена анкета, включающая в себя вопросы об отношении читателей к тематике журнала. Редакция спрашивала, интересуется ли читатель сибирскими вопросами, пробовал ли написать воспоминания об этом крае, имеет ли собственные или чужие заметки, фотографии, газеты, документы, связанные с Сибирью? [9, s. 55]. Позднее была разработана более детальная анкета, где, кроме выше упомянутой информации, респонденту требовалось указать личные данные и назвать причины, по которым он в свое время оказался в Сибири. Анкета предлагала ответить на вопросы, входил ли читатель в польскую организацию в местах ссылки, каковы были цели этой организации, её численность, а также охарактеризовать собственную деятельность в Сибири [10, s. 26]. Нам не известны итоги этого своеобразного анкетирования, но само по себе появление таких опросников позволяет говорить о наличии интереса к истории польской ссылки.

В межвоенный период были опубликованы несколько воспоминаний участников польского восстания 1863 г. (например, Влоджимежа Четвертинского, Вацлава Лясоцкого), но основную часть воспоминаний, увидевших свет в межвоенные десятилетия, составили воспоминания тех, кто познакомился с Сибирью на рубеже XIX–XX вв. В основном это были участники польского и российского революционного движения. В их воспоминаниях образ Сибири выглядел вполне традиционно. Восхищаясь ее природным богатством, зажиточностью крестьян, мемуаристы продолжали воспринимать Сибирь как большой морозный и негостеприимный край, ставший могилой для многих тысяч соотечественников. Появление новых источников способствовало росту интереса к истории польской ссылки профессиональных историков. Большинству работ межвоенного периода был свойствен героико-мартирологический дух. Ссыльные поляки героизировались, рисовались «энтузиастами», «людьми действия», исповедующими «возвышенные этические идеалы» [11]. Крупным явлением в историографии темы стала монография М. Яника [12]. Созданная на основе польской мемуаристики, она содержала отрывки мемуарных памятников, некоторые из которых в настоящее время утрачены. Анализируя различные подходы ссыльных к осознанию своей роли в Сибири, М. Яник традиционно говорит о цивилизаторской миссии поляков и подчеркивает их влияние на российское революционное движение. Активизация научной деятельности, много-

численные дискуссии, прошедшие в Польше в 1920 – 1930-е гг. по отдельным вопросам польского освободительного движения [13], имели чрезвычайную важность для становления польской науки, способствовали выявлению и накоплению материалов по польско-сибирской истории, но практически не изменили традиционного восприятия Сибири польской общественностью.

Большой резонанс в польском обществе имела книга адъютанта Ю. Пилсудского Мечислава Лепецкого. Он дважды побывал в Сибири, в 1933 и 1936 годах. Описывая свои путешествия, он попытался представить образ Сибири «без предрассудков», «не вызывая на уста проклятия». «Наша страна свободная, – писал М. Лепецкий, – младшее поколение уже даже не помнит лет неволи, а Россия, как и Сибирь, для нас только географическое понятие, не отличающееся от Англии, Франции или же Аргентины» [14, s. 26]. Ревизионизм автора наиболее ярко проявился в описании села Акатуй, где находилась знаменитая Акатуйская каторжная тюрьма. Эта, с точки зрения путешественников XIX в., «самая печальная» местность во всем Забайкальском крае вызвала у Лепецкого совершенно иное чувство – «не ужас, а восхищение» [14, s. 294].

Книга М. Лепецкого вызвала волну самых разнообразных откликов. Вице-президент II Управления Краковского округа «Союза Сибиряков» Михал Сабатович призвал начать ревизию устаревшего мировоззрения, где Сибирь воспринималась не иначе как «могила» или «национальный мавзолей». Сабатович отмечал, что в Сибири поляки, хотя и страдали, но имели возможность хозяйственной инициативы, и только «колонизаторская недееспособность» так и не позволила создать за Уралом польское государственное владение [15, s. 14]. Экономический фактор присутствовал и в размышлениях автора обширных воспоминаний о Сибири Романа Дыбоского. В докладе, подготовленном для выступления на V съезде «Союза Сибиряков», он отметил, что Сибирь является страной «фантастических возможностей» не только для русских, но и для поляков. Повторив ряд данных, приведенных в книге Лепецкого, в том числе о природных богатствах Сибири и сокращении ее населения, напомнив собравшимся о некотором отличии Сибири от европейской России, и о том, что Москва, как в царские, так и в советские времена, всегда мирилась с некоторыми региональными требованиями, Дыбоский пришел к заключению, что в настоящее время «Сибирь может и должна стать предметом нового интереса для польского общества». Ученый предполагал, что в скором времени в Сибири снова появятся «легионы путешественников из Польши, на этот раз добровольных, и – дай Бог – смелых и предприимчивых». Они разовьют творческую хозяйственную деятельность с пользой для себя, с выгодой для местного населения и снова продемонстрируют цивилизаторскую силу польской культуры, как это сделали ссыльные поляки [16, s. 44].

Подобные мысли, получившие развитие на страницах журнала «Сибиряк», являлись составной частью идеи прометеизма - политического проекта, представленном главой польского государства Юзефом Пилсудским. Его целью было ослабление Российской империи путем организации под покровительством Польши унии народов, покоренных Россией или тех, которым грозила её экспансия. Идея величия Второй Речи Посполитой подкреплялась разного рода мессианизмами и сверхдержавными идеями, доказывавшими, что физическая граница государства не может быть границей польских интересов и устремлений. В данном контексте Сибирь рассматривалась как важнейшая цель польской культурной и хозяйственной экспансии. Несмотря на политические условия межвоенного времени и закрытость Советской России для Европы, поляки продолжали верить, что Сибирь «еще может стать великим рынком сбыта польских товаров». При главном и окружных правлениях «Союза Сибиряков» были созданы специальные экономические секции, задачей которых являлся сбор материалов по вопросу возможной хозяйственной экспансии на Дальний Восток и Сибирь. Поиск новых рынков сбыта на Востоке осмысливался как исполнение исторического предназначения Польши, призванной быть посредником между Западом и Востоком в обмене материальных и духовных достижений.

Политические реалии межвоенного времени ставили под сомнение возможность дальнейшей реализации дореволюционной модели цивилизаторской миссии поляков в Сибири. Известный польский экономист В. Коморовский скептически оценил результат трехвековой польской колонизации Сибири, указывая, что к началу 1930-х гг. за Уралом осталось лишь 80 тысяч поляков. Сравнив это количество с 5–6 миллионами польских колонистов в Америке (в основном эмигрантов второй половины XIX в. и первого десятилетия XX в.), а также с 500–600 тысячами поляков, эмигрировавших во Францию, главным образом, после мировой войны, Коморовский сделал заключение, что Сибирь была лишь местом ссылки борцов за свободу Польши, а не «территорией польской хозяйственной экспансии» [17, s. 33]. При этом он отмечал, что теоретически колонизация Зауралья возможна во всех природных зонах, так как регион богат, а население его незначительно.

Политическое противостояние России и Польши заставляло сомневаться в том, что Сибирь стала для поляков страной нейтральной. Многие не могли себе представить, что Сибирь, как полагал Лепецкий, может стать «раем для туристов, страной надежд для влюбленных, краем, в котором влюбленные будут проводить свой медовый месяц» [18, s. 26]. По мнению польского востоковеда и политика В. Бончковского, широкое польско-российское и польско-сибирское культурное или хозяйственное сотрудничество, при котором могла бы осуществляться добровольная эмиграция избытка польской интеллигенции в Россию, является «фантазией и вредной утопией», деморализует сибиряков и их окружение. В новых условиях задачей сибиряка должен быть «не наивный взгляд на Россию», не воспоминания о «дешевом сибирском масле, отличной баранине, рыбалке, начинающейся от входных дверей собственного дома», а «достойное представление исторической истины, говорящей о железной конкуренции, и мирной, и военной, какая существует между Москвой и Польшей» [19, s. 3].

Частью прометеизма являлась также идея федерализации Сибири. В Польской социалистической партии со времени 3 съезда (июль 1895) формально действовало постановление, согласно которому «угнетенные народы» рассматривались силой, «которая при соответствующих условиях будет решать судьбу царизма» и, следовательно, лучшим средством свержения царизма станет «отделение от сегодняшнего российского государства угнетенных царизмом народов» [20, с. 36]. Нерешенной в этом проекте оставалась дилемма: можно ли русских считать угнетенным народом, а значит, и потенциальным союзником в борьбе с царизмом, или же, наоборот, – русский народ органически сросся с государственной идеей имперской России, жертвами которой являются Польша и другие нерусские народы? В рамках этой установки в межвоенный период на страницах польской печати был поставлен вопрос об оказании помощи сибирским народам в деле освобождения от «московских оков». Сибирь, охваченная «брожением национального возрождения», следуя историческому примеру Северной Америки, должна была стать классической страной, «ожидающей рождения нового Вашингтона» [21, s. 65].

В целом, восстановление польской государственности только укрепило «повстанческую традицию» в научной, общественной и политической мысли Польши. Воспоминания ссыльных, в большом количестве опубликованные в межвоенный период, способствовали укреплению старых шляхетских традиций в восприятии Сибири, как места изгнания, страдания, смерти. Идеи прометеизма хотя и способствовали росту интереса к Востоку и некоторому прагматизму в его оценке, усиливали идеологическое противостояние Польши и России. В результате образ Сибири в сознании поляков и «с проклятиями», и «без проклятий» во многом оставался в рамках мемуарной традиции XIX в.

Список источников и литературы

1. *Trojanowiczowa Z.* Sybir romantyków / w oprac. materiałów wspomnieniowych uczestniczył Jerzy Fiećko. Poznań: «W drodze», 1993. 602 s.

2. *Сливовская В.* Польская Сибирь – мифы и действительность // Новая Польша. 2010. № 1 [Электронный ресурс] URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=1262

3. *A. Z.* Najnowsza literatura podrużnicza i syberyjska / A. Z. // Sybirak. 1935. № 1 (5). S. 61–63.

4. Syberja – druga Ojczyzna Polaków // Sybirak. Warszawa, 1934. Nr. 1. S. 6–7.

5. *Zemło J.* Syberja nie znika z pamięci // Sybirak. Warszawa, 1934. Nr. 1. S. 28–29.

6. Оссендовский Ф. И люди, и звери, и боги // География – Geografia [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://www.geografia.ru/ossend1.html

7. *Гондович Я.* Театр в тюрьме. В поисках правды об СССР. Польский репортаж межвоенных лет // Новая Польша. 2010. № 2. [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http : //novpol.ru/index.php?id=1269

8. *Z życia* Organizacji Sybirak // Sybirak. 1935. № 1 (5). S. 64–72 .

9. *Ankieta* // Sybirak. 1934. Nr. 2. S. 55.

10. *Ankieta* Sekcji Historycznej // Sybirak. Warszawa, 1934. Nr. 3–4. S. 26.

11. *Пилсудский Б.* Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 13–30.

12. *Janik M.* Dzieje polaków na Syberji. Kraków, 1928 // Biblioteka Zesłańca. Warszawa – Wrocław, 1991. S. 1–472.

13. *Michalska-Bracha L.* Między pamięcią a historiografią. Lwowskie debaty o powstaniu styczniowym (1864–1939) / Lidia Michalska-Bracha. Kielce : Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 2001. 404 s.

14. *Lepecki M.* Sybir bez przekleństw : podróż do miejsc zesłania Marszałka Piłsudskiego; Sybir wspomnień. Łomianki : Wydawnictwo LTW, 2012. 297 s.

15. *Sabatowicz M.* O nasz stosunek do Sybiru // Sybirak. Warszawa, 1935. Nr. 2 (6). S. 13–15.

16. *Streszczenie* referatu prof. R. Dyboskiego p. t. «Możliwości syberyjskie» // Sybirak. 1934. № 2. Warszawa październik. S. 44.

17. *Komorowski W.* Syberja jako czynnik gospodarstwa światowego // Sybirak. Warszawa, 1936. Nr. 2 (10). S. 24–34.

18. *Zabęski A.* Syberja z przekleństwem czy bez przekleństw? // Sybirak. 1935. № 1 (5). Warszawa – marzec. S. 22–29.

19. *Bączkowski W.* Istota problemu tradycji syberackiej // Sybirak. Warszawa, 1934. №. 3–4. S. 1 – 4.

20. *Новак А.* Россия в польской политической мысли XX века // Историк и художник. 2008. № 1–2 (15–16). С. 25–42.

21. *Bączkowski W.* Syberja czeka na swego Waszyngtona // Sybirak. 1935. № 2 (6). S. 55–65.

S.A. Mulina

Memory of Siberia in the interwar Poland

Summary: The article analyzes the process of forming the image of Siberia in interwar Poland. The author believes that, despite the changing political conditions have existed factors that contributed to the preservation in the Polish society, the image of Siberia, which was formed in the framework of the romantic tradition of the XIX century.

Key words: Polish exile, the image of Siberia, memory.

УДК 930.2

А.К. Бустанов

ИСЛАМ И ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ВИЗУАЛЬНОСТИ

Аннотация. В докладе предлагаются способы интерпретации культурного опыта советских мусульман через призму фотографий и фотоальбомов, созданных в среде исламской элиты. Меня интересует черно-белый язык советской исламской визуальности, ставший заметным явлением в послевоенный период. Фотографии могут быть информативны и при консервативном подходе, при чтении их как текста, но более интересным нам представляется сам момент фотографии, паттерны визуальности и движение в визуальном ряде. Фотография – это скорее акт созидания, а не только репрезентация реальности. Именно в коллекциях фотографий наиболее ярко отражается советская исламская идентичность, поскольку она во многом и создавалась фотокамерой. Имеющиеся в нашем распоряжении фотографии 1940–1980-х гг. происходят исключительно из частных архивов. Для каждого из владельцев фотоальбомы были или являются объектами конструирования коллективной памяти. Будучи однажды созданными для трансляции определенных идей (исламского патриотизма, образованности, советского модерна и т.п.) фотографии инструментализируются их владельцами, меняя свое место в фотоальбомах и обретая или теряя подписи к ним. Внимание к визуальному в советском исламе позволяет отойти от привычного текстуального исторического нарратива и выводит обсуждение сугубо исламоведческих тем в более широкое поле постколониальных дискуссий о восприятии себя и других.

Ключевые слова: визуальность, ислам, фотографии, ориентализм, политика памяти.

Современные исследователи истории ислама в Советском Союзе сходятся во мнении, что в послевоенный период сложилась особая идентичность советских мусульман, гармонично сочетавшая в себе преданность социалистическим идеалам, использование официальной риторики и ассоциацию с исламской идеологией и практикой [1, 2]. Главным образом, изучение этой идентичности и вообще культурного опыта советских мусульман основывается на анализе письменных (обычно официальных русскоязычных делопроизводственных документов) или этнографических источников [3, 4]. Визуальное обычно воспринимается как дополнение, иллюстрация к тому, что сообщает текст. Важным исключением из этой тенденции служит недавнее обращение В.О. Бобровникова к визуальному языку советской пропаганды, а именно к плакатам раннего советского периода, на которых обильно использовалась стилистика ориентализма [5]. Если плакаты выстраивают вертикаль и иерархию, их язык императивен, поскольку это обращение власти к народу, то фотография чаще обращена в горизонтальную плоскость, создаваясь и циркулируя в некоторой социальной группе. Фотография (как и плакаты) – очень информативный, но сложный источник, поэтому не удивительно, что в книгах и статьях о советском прошлом фотографии обычно служат иллюстрацией авторского нарратива. Тем не менее имеет смысл обратить пристальное внимание на сами фотографии советских мусульман как самостоятельный культурный феномен, имеющий потенциал для более широких дискуссий о проявлениях советского и пост-колониальном опыте мусульман России. Кроме того, фотографии рассказывают нам историю о транснациональных и трансрегиональных связях, практически забытых в довольно многочисленных исследованиях по отдельным областям и регионам.

В этом докладе я постараюсь поставить проблему интерпретации фотографий и фотоальбомов советских мусульман послевоенного периода, с опорой на работу, проделанную С.Н. Абашиным в его фундаментальной монографии о советском кишлаке [6].

Имеющиеся в моем расположении сканы фотографий были сделаны с оригиналов, хранящихся в нескольких частных архивах – Абдулбари Исаева в Санкт-Петербурге, Аббаса Бибарсова

в с. Средняя Елюзань Пензенской области, Габделхабира Яруллина в Казани, Изуддина Магомедова в с. Муни Республики Дагестан и Муртазали Якупова в с. Чиркей Республики Дагестан. Каждый из этих архивов сложился в советский период и имеет сложный характер: здесь есть и старые арабские рукописи, и проповеди советского времени, дневники, письма и, конечно, многочисленные фотографии. Каждый частный архив имеет свою специфику и должен анализироваться как самостоятельная информационная единица. Тем не менее эти архивы красноречиво свидетельствуют о наличии тесных социальных связей внутри группы советского исламского духовенства, в том числе через рассылаемые друг другу копии фотографий, поэтому рассмотрение одного типа визуальных источников отдельно имеет право на существование.

Если брать фотографии всерьез, то перед нами может быть как минимум две опции для обсуждения их значимости: 1) читать их как текст, т.е. пытаться интерпретировать то, что непосредственно изображено на каждом из снимков и их совокупности; 2) погрузиться в культуру фотографии: что, кем и как должно было изображаться, какого эффекта хотел добиться фотограф, каков язык общения фотографии с аудиторией.

Фотография как текст

Чтобы хоть как-то упорядочить более двух тысяч сканов фотографий, я попытался их классифицировать тематически. В первую очередь, меня заинтересовала такая тема, как церемониал в Духовных Управлениях. Из того, что мы видим на фотографиях, я выделил церемонию выборов муфтия (1951, 1975, 1980), встречи делегаций из мусульманских стран, демонстрацию копии Корана ‘Усмана и шкатулки с волосом Пророка Мухаммада на главных праздниках, похороны исламских деятелей и возложение венков к памятнику Ленина. Почти каждая из этих церемоний, в том виде, как она отражена на фотографиях, несет в себе симбиоз исламских и советских практик. Например, если в 1951 г. выборы муфтия происходили в мечети г. Уфы, то в 1975 и 1980 гг. муфтии избирались в специальном зале с президиумом, стульями для делегатов, выборы сопровождались речами и голосованием, иногда на фоне портрета Ленина. Похожую картину советизации исламских практик мы наблюдаем на фотографиях с «пленумов» и конференций духовных лиц.

Особый пласт «очевидной» информации на фотоснимках связан с этнографией: нередко в кадр попадали обычные люди, скорее всего не специально одевшиеся для съемок. На снимках с многолюдной толпой на праздниках мы видим популярные широкополые шляпы. Их не снимали даже во время молитвы. В 1950-е гг. мы видим седоволосых, с длинными бородами и одетых в тулупы верующих, прошедших через гонения на религию. Их лица не театральны, хотя очевидно, что фотограф хотел запечатлеть в толпе именно их.

Женский вопрос занимает особое место. Мы часто видим на снимках супруг духовных деятелей, обращает внимание на себя то, как они одеты в домашней обстановке. Мы не увидим со вкусом подобранных платков с заколками, а лишь белую шаль, по-бухарски свободно покрывающую голову и плечи представительниц слабого пола. Очевидно, что такие платки набрасывались, лишь когда приходили гости.

Обычно при публикации подобных фотографий исследователи ограничиваются пояснением того, кто именно на них изображен. В самом деле, если обратить внимание на «номенклатуру» духовных деятелей, то можно попытаться реконструировать социальные связи между ними, прочные и слабые контакты. Например, имам ленинградской мечети, а позднее муфтий Габделбари Исаев (1907–1983) и муфтий САДУМ Зияутдин Бабаханов (1908–1982) знали друг друга очень хорошо, их совместные фотографии, в том числе в семейном кругу, мы встречаем с 1950-х гг.

Ориентализм или Само-ориентализация?

Если попытаться отойти от поверхностного текстуального прочтения советских фотоснимков, то мы увидим нечто большее. Например, намеренное стремление само-ориентализироваться,

представить себя и мир вокруг себя частью экзотического Востока. Об этом говорит одежда, которую выбирали духовные лица для официальных церемоний, зная, что они будут сниматься на камеру. Эта одежда – роскошные среднеазиатские («бухарские») халаты, изощренно украшенные тюрбаны – с одной стороны, подчеркивала живучий «исламский престиж Бухары» [7], а с другой – создавала экзотическую ауру, особенно контрастировавшую с повседневностью брежневского застоя. Стоило бывшему мастеру по деревообработке переодеться из серого костюма в чапан с чалмой, он тут же превращался в обладателя сокровенных знаний, восточного мудреца. Такой образ, создавался в сознании советских людей послевоенной поры через литературу, пропаганду и кинематограф. На некоторых фотографиях уровень такой ориентализации настолько высок, что создается впечатление, что Советского Союза не было. Советская реальность нисколько не отражена на таких фотографиях, передающих атмосферу собрания ученых –*‘улама*.

Арабографическая книжность, обильно представленная на фотоснимках, казалось бы, тоже должна работать на легитимацию статуса советских исламских деятелей, но тропы саморепрезентации иногда уводят нас в другом направлении: пожилой человек в очках с толстой книгой в руках на фоне шкафов с богатой библиотекой – далеко не обязательно имам или муфтий, это скорее визуальный троп для изображения людей творческих профессий, интеллигенции. Особенно если фотограф не был сам носителем той культуры, которую он снимал, от него можно было ожидать воспроизведения стереотипов из более широкой социальной среды.

Более всего духу ориентализма были подвержены студенты из европейской части России, отправлявшиеся на учебу в медресе Мир-и ‘Араб в Бухаре. Они любили снимать средневековую тимуридскую архитектуру и фотографироваться на ее фоне, потому что она воспроизводила их представления о загадочном Востоке. Причем студенты не вели себя только как туристы, они сами участвовали в создании этого Советского Востока. Простой пример: во время поездки в г. Хива татарский студент, а позднее уфимский имам Аббас Бибарсов увидел группу людей, пивших чай на подушках. Бибарсов снял калоши, присоединился к компании, взял в руки пиалу и попросил спутника сфотографировать его в таком антураже. Получившийся снимок по стилистике с легкостью можно было бы добавить в «Туркестанский альбом» (1865–1872) А.Л. Куна.

Список источников и литературы

1. *Abashin S.N.* A Prayer for Rain: Practicing being Soviet and Muslim // Journal of Islamic Studies. 2014, vol. 25, № 2. P. 178–200.

2. *Tasar E.* Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991. Ph.D. Dissertation. Harvard University, 2010. 585 p.

3. *Бабаджанов М.М., Муминов А.К., Олкотт М.Б.* Мухаммаджан Хиндустани о формировании «советского ислама» в Средней Азии) // Восток. 2004. № 5. С. 43–59.

4. *Миннуллин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930е гг.). Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани, 2006. 220 с.

5. *Плакат Советского Востока.* 1918–1940. Альбом-каталог / Сост. М. Филатова при участии В. Бобровникова. М., 2013. 317 р.

6. *Абашин С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 848 с. Десятый очерк «Ошобинские альбомы».

7. *Frank A.J.* Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige. Leiden, Boston, 2012. 215 p.

A.K. Bustanov

Islam and The Language of Soviet Visuality

Summary: This paper suggests possible ways of interpretation of the cultural experience of Soviet Muslims through the prism of photographs and photo-albums, created for and by the Muslim elites. I am interested in a black-and-white language of Soviet Islamic visuality that became important in the after-war period. Photographs can be very informative also traditionally approached as texts, but I find more promising to look at the photographic events, patterns of visuality and a visual set in motion. Photograph is an act of creation rather than simply representation of reality. It is in the photograph collections that a hybrid Soviet Muslim identity finds its most spectacular expression since this identity was in a large extend build up by photo cameras. Photo shots taken between the 1940s and 1980s that I have at my disposal all originate from the private archives exclusively. Each of the keepers of such collections deals with them as important objects in constructing collective memory. Once created to transmit certain ideas (be it Islamic patriotism, literacy, Soviet modernity or else) the photographs are being instrumentalized by their holders, changing their place in the albums, finding or loosing inscriptions on them. Attention to visuality of Soviet Islam gives us a chance to distance from a traditional text-centered historical narrative and brings the discussion of specific topics from the field of Islamic studies to a broader platform of post-colonial debates on perception of self and others.

Key words: visuality, Islam, photographs, Orientalism, memory politics.

УДК 316.723

А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ СДВИГ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА:
В ПОИСКАХ НОВОЙ МИФОЛОГИИ ИСТОРИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Новый сакральный центр России в социальном окружении: проблемы взаимодействия с государственными, религиозными, медийными институтами», проект № 14-01-00431.

Аннотация. В статье обсуждаются теоретико-методологические аспекты новой мифологии истории - распространенных в массовом сознании представлений о развитии исторического процесса. Работа базируется на эмпирических материалах, полученных в результате полевого этнографического исследования нового сакрального центра в районе деревни Окунево Муромцевского района Омской области. Выявляются тенденции, характерные для эпохи постмодерна и постиндустриального общества. К изучению эмпирики новых практик и мифологий применяется концепция иеротопии, акцентирующая творческий характер сакрализации пространства. Рассмотрен археологический фактор как основа хронотопа сакрального комплекса. Проанализированы аспекты взаимовлияние актуальной мифологии и глобальной информационной среды. Сделан вывод о принципиальном сходстве традиционных, архаичных и новейших социальных практик и мифологических мотивов. При этом вторые зачастую представляют собой результат ревитализации, реактуализации и направленной модернизации первых.

*Ключевые слова: н*овая мифология истории, постмодерн, постиндустриальное общество, новые сакральные пространства, иеротопии, хронотоп, Окунево, глобальное информационное пространство.

Поздне- и постсоветская эпоха характеризуется бурным ростом новых социальных движений и практик. Эти явления обусловлены решительным наступлением постмодернизма, развитием постиндустриального общества, ростом оккультных, эсхатологических настроений, экологическим кризисом, психологической и социальной неустроенностью в условиях текущих социально-экономических трансформаций. Все большее распространение получает идеология Нью-Эйдж, духовный дауншифтинг, экзотические восточные культы и практики, антиконсьюмеристские и экологические движения. В рамках этих движений формируются новые идеологии, социокультурные практики, мифология, изобретаются обрядность и традиции. Все указанные процессы по праву являются предметом полевой этнографии, а следовательно, могут и должны изучаться этнографическими методами.

Между тем в отечественной науке пока относительно редки исследования антропологии постсоветских трансформаций и этнографической эмпирики новых социокультурных явлений, сформировавшихся в эпоху постмодерна и постиндустриального общества. Эти исследования призваны отразить современную тенденцию расширения исследовательского пространства полевой этнографии, ее сдвиг в сторону изучения городских культур, меньшинств, нетрадиционных религиозных движений, неформальных субкультур, изобретаемых традиций и обрядности.

На фоне мировоззренческого кризиса постсоветской эпохи как грибы после дождя развились новые сакральные центры: Аркаим на южном Урале, Церковь Последнего Завета и Обитель Рассвета в Красноярском крае, скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе, сейды Кольского полуострова и многие другие.

В 2012–2014 гг. авторы совместно с другими сотрудниками инициировали специальное этнографическое обследование известного сакрального центра, сформировавшегося в течение последних двадцати с лишним лет в районе д. Окунево Муромцевского района Омской области (материалы изложены в [1]). Целью исследования было выявить психологические, исторические, социокультурные факторы, способствовавшие превращению одного из рядовых сел Западной Сибири в мощный сакральный центр, обладающий огромной притягательной силой для самых разных религиозных объединений и групп населения [2]. Каждый год Окунево посещают несколько десятков тысяч человек. Люди приезжают из самых разных регионов России и из многих стран мира. Путешествие в эти места становится своего рода модой, обязательным ритуалом для медийных персон и представителей так называемой творческой «элиты» современной России. Неудивительно, что столь яркий социокультурный феномен привлек внимание специалистов, затронувших в своих публикациях различные его аспекты [3–8; 9, с. 73–74; 10–12].

В ходе нашего полевого исследования удалось зафиксировать материалы, относящиеся к характерным для настоящего духовного состояния российского общества представлениям о развитии исторического процесса. Акцентируя внимание на главный, по нашему мнению, отличительный признак данного комплекса представлений, мы обозначили его выражением «новая мифология истории». Эмпирические данные по теме изложены в отдельных статьях [13, 14]; в настоящей работе остановимся на некоторых объяснительных теоретических концептах, обобщающих эти материалы.

Новый сакральный комплекс как иеротопия

Начиная с 2011 г. один из авторов настоящей работы опубликовал серию текстов, в которых к сибирскому материалу применялась концепция иеротопии, разработанная российским историком культуры А. Лидовым [15–18]. Видимо, с нашей легкой руки этот концепт начал использоваться в работах ученых Сибири [19–21]. Иеротопия – это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры такого творчества. По словам

автора концепта, «иеротопия как тип деятельности глубоко укоренена в природе человека, который… вначале стихийно, потом осмысленно формирует конкретную среду своего общения с высшим миром» [22, с. 12]. Для определения понятия «сакрального пространства» чаще всего обращаются к наследию выдающегося антрополога и культуролога Мирча Элиаде [23, с. 337], широко использовавшего понятие «иерофании». «Любая… иерофания преображает место, …и оно, до того простое, пустое, ничего не значившее – профанное, становится священным». Надо полагать, что именно творческий процесс превращения профанного, мирского в сакральное, иерофанию и есть предмет иеротопии.

В ряде работ, опираясь, прежде всего, на наш полевой «окуневский» опыт, мы предприняли попытку применить теорию иеротопии к эмпирике новейших сакральных комплексов эпохи постмодерна [2, с. 112; 15; 24]. Чуть позже аналогичная идея получает распространение в трудах других ученых (см., например, [20, 21]). В статье, фактически содержащей программу изучения новых сакральных комплексов, В.А. Шнирельман рассматривает концепцию иеротопии в качестве одного из методологических подходов к изучению экзотических явлений современного религиозного ренессанса [25, с. 3 – 4].

Феномен Окунева укладывается в концепцию иеротопии, подчеркивающую творческий аспект деятельности по преображению профанного пространства в сакральное. Отличительной чертой и особым объектом этнографического и антропологического изучения Окунева делает то обстоятельство, что этот комплекс сформировался в настоящую эпоху постиндустриального общества и постмодерна. Традиционные архетипы и комплексы легко встраиваются, а порой и лежат в основании новой мифологии, формирующейся в рамках новых сакральных пространств (иеротопий). Мифологизированное мышление свободно включает эти архетипы в свой репертуар. В слегка модернизированном виде они выступают как существенный компонент сознания, формирующегося в настоящую эпоху торжества мистики, оккультизма, эзотерики.

Археологический объект – основа хронотопа сакрального комплекса

Наш интерес к вновь возникшим сакральным пространствам не был полностью спонтанным и базировался на предшествующем опыте изучения святилищ, функционирующих в сфере традиционной культуры. Даже поверхностное сравнение демонстрировало общность ритуальных практик, получивших развитие в рамках традиционных и новейших сакральных комплексов. При этом отмечается ревитализация архаичных мифологических мотивов [26, с. 205–207, 216–223 сл.], без труда обнаруживающих себя в мифологии бурно развивающихся современных сакральных центров [13; 15].

Одним из таких наиболее ярких мотивов является приуроченность традиционных святилищ к символически «вечным» объектам: горе, пещере, отдельным большим камням, деревьям, живописным озерам или речным долинам. Эти и подобные объекты, связывающие воедино пространство и время (вечность!), составляют естественную основу хронотопа культового комплекса. Мы используем понятие «хронотоп» в том его значении, которое было разработано в трудах выдающегося российского культуролога М.М. Бахтина применительно к литературе и, отчасти, мифологии. По Бахтину, хронотоп – это существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе [27, ср.: 28, с. 115–159]. Полагаем, что данное понятие также адекватно отражает и процесс освоения сакрального пространства [29; 30].

В ряду хронотопических объектов особое положение занимают выделяющиеся на местности археологические памятники разных эпох. Неслучайно многие традиционные святилища имеют четкую привязку к археологическим памятникам (или к старинным архитектурным ансамблям), а иногда и располагаются непосредственно на их месте [см., например: 18; 31].

Новейшие сакральные пространства ассоциированы с археологическими объектами еще в большей степени, нежели традиционные. Многие места силы современной эпохи в той

или иной степени связаны с памятниками археологии: скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве [15, с. 133–134; 32, p. 275–276], дольмены на Кавказе [33]. Аркаим [34–36] и «принцесса» Укока [15, с. 129–133; 32, p. 266–268; 37, с. 43–45; 38, с. 22 – 30; 39, p. 50– 51, 66; 40, p. 18–19; 41, p. 283–287, 294–297; 42, p. 41–44; 43, p. 74–84, 88–93] – самые известные в России случаи (в Европе наиболее популярен, конечно, Стоунхендж). Типовой механизм формирования таких центров основан на идее реактуализации, пробуждения, активации сакрального потенциала археологических объектов, наделяемых сверхъестественными функциями. Эти представления зачастую подкреплены мифом, что именно данная территория была колыбелью древнейших суперцивилизаций и с нее начнется спасение всего человечества [20, с. 97–98; 44, с. 114–116].

Оккультно-мистическая «свистопляска» вокруг археологических памятников рассматривается специалистами в числе важнейших социокультурных факторов, определяющих становление и развитие модных постмодернистских течений современной археологической мысли [45, с. 344 сл., ср.: 46; 47, с. 559 – 590]. Эта свистопляска растет и ширится, вовлекая в свою орбиту все новые археологические объекты [21; 48, с. 78 – 79; 49]. Ныне, к большому удивлению самих археологов, археологические памятники классифицируются не только по типам, хронологии и культурной принадлежности, но и по критерию их восприятия в современной культуре, связи с новейшими сакральными пространствами и мифологией истории [50 – 53].

Окунево занимает промежуточное положение между центрами, полностью ассоциированными с конкретными археологическими объектами (Аркаим, Укок, возможно, Долина Царей), и локусами, никак внешне не связанными с археологическими памятниками [Обитель рассвета виссарионовцев в красноярской тайге, см.: 54]. Археологический контекст «окуневского феномена» расплывчатый, неконкретный и точно не определяющий.

Тем не менее, аспект «древних цивилизаций» присутствует уже в рассказах о рождении феномена, а именно – о прибытии сюда из Индии в 1992 г. гражданки США латвийского происхождения Расмы Розитис, получившей духовное имя Раджани. В конце концов Расма оказалась в Окуневе, основала общину последователей Бабаджи – бабаджистов и храм – *ашрам*, к слову сказать, единственный в России. «Археологический» контекст сыграл в этом выборе существенную роль. Причудливое осмысление археологического наследия Окунева характерно также для мифологии «ведических православных» (ревнителей древнеславянских традиций), и для других культурно-религиозных групп [12, с. 296–300; 13].

Ядром сакрального пространства является Татарский увал. Сейчас это место называется Омкар и осмысляется как пуп Земли, энергетический центр. Вероятно, определенную роль в его сакрализации сыграло то обстоятельство, что здесь расположен памятник ОМ V, интерпретируемый специалистами как культовый комплекс переходного и раннежелезного времени [55, с. 87–91]. Важнейшая роль в окуневской мифологии отводится личности выдающегося российского археолога, исследователя окуневских древностей Владимира Ивановича Матющенко (1928–2005) [12, с. 297–298; 13; 44]. Примечательно, что археолог в мифологическом контексте выступает в качестве верховного демиурга – дарителя высших сакральных знаний [ср. фрагмент записанного нами текста: «*… он (В.И. Матющенко. – А.С.)… раскрыл много глубин и исторических фактов*». 13, с. 46].

В 2014 г. непосредственно на «пупе Земли» (Татарском Увале) – главном месте сакрального комплекса – появился столб, установленный последователями Бабаджи, на котором был помещен текст, разъясняющий официальный символ веры религиозного объединения:

ОМКАР ШИВА ДХАМ –

ОЗНАЧАЕТ МЕСТО, ОТКУДА НАЧАЛОСЬ ТВОРЕНИЕ

Археологические раскопки на Татарском увале под руководством профессора Матющенко подтвердили, что живописное правобережье Тары сыздавна служило местом священнодействия для многих проживающих здесь народов.

В настоящее время общиной «Омкар Шива Дхам» здесь проводится возрожденный Бабаджи огненный ритуал - ХАВАН (ЯГЬЯ), в древности изобретенный ришами для очищения окружающей среды…

Как видно, текст содержит мотив сакрализации образа археолога и полноценное его включение в священный пантеон. Можно констатировать, что археологическое наследие («архетип древних цивилизаций») является одним из главных факторов, легитимизирующих сакральность пространства.

В наши дни археологические памятники подвергаются сакрализации более охотно, нежели пещеры, деревья или камни. В эпоху постмодерна и информационных технологий использовать объектом своих фантазий столь интеллектуально насыщенный комплекс, как археологический памятник, стало модно и престижно. Однако качественных различий здесь нет: новая оккультно-мистическая мифология, связанная с археологическими объектами, является лишь модернизацией весьма архаичных традиционных представлений и архетипов.

Актуальная мифология и информационная среда

Феномен новых сакральных пространств органично встроен в структуру широкого социокультурного дискурса. Особая роль в этом процессе принадлежит СМИ и сетевым сообществам. Телевизионный контент переполнен рассуждениями об аномальных зонах, внеземных пришельцах, древних богах, порталах, загадочных цивилизациях, пирамидах Египта и Перу, Стоунхендже, Баальбеке, Наске, дольменах, вытянутых черепах, скрытых фактах археологии, мистических тайнах, гламурных шаманах, привлекательных ведьмах, приворотной магии, чудесных исцелениях. Проблема соотношения и взаимовлияния медиа (в широком смысле слова, включая кроме собственно СМИ художественную и научную литературу) и неомифологий новых сакральных пространств нашла свое отражение в специальных публикациях об Аркаиме [34; 56; 57], алтайской «принцессе» из Укока, Долине Царей и, конкретно, Аржаане 2 в Тыве [15], дольменах и анастасиевцах в Краснодарском крае [33].

Архаичные мотивы эсхатологии, катастрофизма, превращения Хаоса в Космос активно возрождаются в неомифологии религиозных движений и сакральных пространств новейшего времени [58]. Громкий резонанс и крайне эмоциональную дискуссию в прессе вызвала история с «алтайской принцессой», как в общественном дискурсе именуется открытая археологами на Алтае мумия молодой женщины пазырыкской культуры. В общественном сознании «принцесса» превратилась в символ национальной идентичности алтайцев. С ее «местью» связывались катастрофические землетрясения на Алтае начала 2000-х годов (название статьи польской исследовательницы Агнешки Халембы об этой истории метафорически обыгрывает ситуацию: «Что испытываешь, когда религия уходит у тебя из-под ног?» [41]) и даже расстрел Белого дома и война в Чечне.

Омский регион является великолепным полигоном для изучения рассматриваемых явлений. Здесь наблюдается высокая концентрация новых религиозных движений, сакральных пространств, организаций и отдельных лиц, назначение и деятельность которых имеет явную мистико-эзотерическую направленность.

Окуневский сакральный комплекс – один из самых популярных сюжетов федеральных и местных телеканалов. Передачи и специальные большие проекты об Окуневе, демонстрировавшиеся, как правило, неоднократно и в самое праймовое время, подготовили телекомпании Первый канал, НТВ (как минимум три большие передачи), РЕН ТВ (два больших проекта), ДТВ (три проекта), ТВ-Центр, 5 Канал, ГТРК «Иртыш». С большими передачами выступили звезды телеэфира Кирилл Набутов, Анна Чапман и др. Об Окуневе режиссерами Иваном Головневым и Владимиром

Головневым сняты неигровые фильмы. Картина Владимира Головнева участвовала в 2008 г. в конкурсной программе Международного фестиваля в Амстердаме. Оба главных героя этой ленты, Валёк и Сережа, были в числе наших информаторов [См.: 12, с. 300; 14, с. 63–67].

Анализируя окуневские материалы, мы выделили ряд характерных для современного мифологического сознания тенденций:

– запредельный, эзотерический, иррационально-мистический опыт как источник знаний о прошлом и будущем;

– ревитализация и модернизация традиционных образов и мотивов, инвенциональные технологии конструирования новых сюжетов: порталы (=иномирье), храмы, магические кристаллы, живая вода волшебных озер, сновидения как источник духовного преображения;

– сциентизм, засилье паранаучной и техницистской фразеологии (голографическое поле, выходящее в навь, флеш-модули с записью нашего сознания, Афиней, Лемурия, Атлантида и т.п.). При этом, отторжение и жесткое неприятие рациональной науки – характерен афоризм-оксюморон нашего окуневского информатора: «Невежественнее современной науки ничего нет»;

– конспирология, архетип Великой Тайны за семью печатями; заговор темных сил, скрывающих знания от широких масс; воплощение принципа «удивительное рядом – но оно запрещено».

В сущности, те же тенденции, но зачастую в утрированной форме характерны и для соответствующих сюжетов СМИ. И здесь фантазии порой просто удивительны. Археологическая саргатская культура в программе Анны Чапман трансформировалась в народ саргатов, живших 8 тыс. лет назад и отличавшихся исполинскими ростом и силой. Яркая, но совсем не уникальная находка захоронений людей с искусственно деформированными черепами, породила грандиозную мифологическую конструкцию, в которой присутствовали и древние жрицы, и прилеты инопланетян, и контакты с потусторонним миром.

С другой стороны, вызывающие широкий общественный резонанс научные идеи зачастую довольно органично вплетаются в актуальную мифологию. Так, в захватывающем повествовании о совершавшихся в течение сотен тысяч лет экспедициях на Землю внеземных рас, связанных с этими событиями космических катастрофах, отмечаются рассуждения о генах и ДНК («*чем [чище] наше ДНК, чем больше мы приближены к космическим родам, тем мы духовнее*»). По всей видимости, мы здесь встречаемся с рефлексией на модные в научном мире идеи гаплогрупп, популяционной генетики, геногеографии и т.п. [См.: 59, с. 38; 60–64].

Современные технологии и сетевая культура создают новые возможности циркуляции информационных потоков. Формирующиеся в массовом сознании неомифологические конструкции популяризуются, творчески перерабатываются и обогащаются в медийном пространстве, а затем возвращаются широким массам в модернизированном виде.

Список источников и литературы

1. *Селезнев А.Г.* Отчет о проведенных в 2012–2013 гг. Среднеиртышской этнографической экспедицией полевых работах по изучению современного сакрального центра в районе д. Окунево Муромцевского района Омской области. Омск, 2014. 99 л. + илл. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. Т-8.

2. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А*. Сакральный центр как творческий процесс: окуневский феномен // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск: ИД «Наука», 2013. С. 107–113.

3. *Белая Д.А.* Новый туристский бренд Омской области – Окуневский Ковчег // Молодежь, наука, творчество-2011: сб. ст. IX межвуз. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (Омск, 17–20 мая 2011 г.). Омск: ОГИС, 2011. Ч. 2. С.9–10.

4. *Бут М.О.* «Окуневский ковчег» – новый тип религиозной общины в постсоветской России // Студент и научно-технический прогресс: материалы 50-й юбилейн. междунар. науч. студен. конф. (13–19 апр. 2012 г.). Этнография. Новосибирск: НГУ, 2012. С. 77–78.

5. *Гутыра В.И.* Молодежь в Окунево: мода или осознанный выбор? // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. 20. С. 354–356.

6. *Любимова Г.В.* Новые формы фестивальной культуры сельского населения Сибири (фольклорно-этнографический фестиваль «Солнцестояние» в Муромцевском районе Омской области) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011.Т. 17. С. 304–307.

7. *Феоктистова И.К.* Новое мифологическое пространство: истоки формирования образа (деревня Окунево Муромцевского района Омской области) // Народная культура Сибири : материалы XIX науч. семинара Сиб. регион. вуз. центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. С. 154–159.

8. *Феоктистова И.К.* Неомифология Урала и Сибири: сравнительный аспект // Дергачевские чтения-2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Т. 3. С. 189–194.

9. *Шереметьева М.В.* Некоторые проблемы становления родноверия в современной исследовательской литературе: Проблема термина // Вестн. Ом. ун-та. 2014. № 1. С. 73–77.

10. *Яшин В.Б.* Материалы по оккультной археологии Западной Сибири. 1. Храм Ханумана // Историческая наука в Омском педагогическом институте. Омск: ОГПИ, 1992. С. 70–78.

11. *Яшин В.Б.* Представления о севере Омской области в современных нетрадиционных религиозных учениях // Таре – 400 лет: пробл. соц.-экон. освоения Сибири. Омск, 1994. Ч. 2. Археология и этнография. География и экология. С. 88–93.

12. *Головнева Е., Шмидт И.* Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 291 – 321.

13. *Селезнев А.Г.* Новая мифология истории: архетип древних цивилизаций и сакральный центр в районе деревни Окунево // Этногр. обозрение. 2014. № 5. С. 41–59.

14. *Селезнева И.А.* Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Этногр. обозрение. 2014. № 5. С. 59–73.

15. *Селезнев А.Г.* Старые и новые иеротопии Сибири: технология конструирования религиозной идентичности // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. – Омск: Полиграф. центр КАН, 2011. – С. 123–136.

16. *Селезнев А.Г.* Иеротопия мусульманских священных мест в Сибири (постановка проблемы) // Ислам в России и за ее пределами: история культуры и общества. СПб.; Магас; МАЭ РАН, 2011. С. 523–530.

17. *Селезнев А.Г.* Исламские иеротопии в Сибири: сакральные пространства и религиозная идентичность // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации. Барнаул: АлтГПА, 2012. С. 170–177.

18. *Селезнев А.Г.* Исламские культовые комплексы Астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 111–119.

19. *Семенова В.И.* Иеротопия Тюмени (сакральное пространство города конца XVI–XVIII вв.) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 280–283.

20. *Яшин В.Б.* Иеротопические мотивы и локусные культы в новых религиозных движениях // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 95–99.

21. *Яшин В.Б.* Реактуализация архаических мифо-ритуальных практик в современной России на примере куатовской иеротопии (социологические и религиоведческие аспекты) // Современные проблемы науки и образования. – 2014. № 5; URL: www.science-education.ru/119–14593 (дата обращения: 14. 11.2015).

22. *Лидов А.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Феория, 2009. 352 с.

23. *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.

24. *Селезнев А.Г.* Современные иеротопии в Сибири: технология конструирования новых культурно-религиозных идентичностей // Сибирский сборник-4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 282–292.

25. *Шнирельман В.А.* Места силы: конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии // Этногр. обозрение. 2014. № 5. С. 3–9.

26. *Чернявская Ю.* Идентичность на фоне мифа // Антропологический форум. 2008. №8. С. 198–226.

27. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

28. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. –396 с.

29. *Селезнев А.Г.* Хронотоп как фактор формирования новых сакральных пространств // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы X Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГАУ, 2014. Ч. II. С. 174–179.

30. *Селезнев А.Г.* Археологический памятник как основа хронотопа сакрального пространства (к 120-летию со дня рождения Михаила Михайловича Бахтина) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Барнаул; Омск : Изд. дом «Наука», 2015. С. 96–99.

31. *Штырков С.А.* Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 228 с.

32. *Broz L.* Spirits, Genes and Walt Disney's Deer: Creativity in Identity and Archaeology Disputes (Altai, Siberia) // The archaeological encounter: anthropological perspective. – St. Andrews: Centre for Amerindian, Latin American and Caribbean Studies, University of St. Andrews, 2011. P. 263 – 297.

33. *Андреева Ю.О.* «Места силы», «духи дольменов» и «знания первоистоков»: археологические памятники и движение New Age «Анастасия» // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 73–87.

34. *Шнирельман В.А.* Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 133–167.

35. *Шнирельман В.А.* Аркаим и Стоунхендж между прошлым и будущим // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 19–40.

36. *Шнирельман В.А.* Конструирование исторического наследия – случай Аркаима // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 53–65.

37. *Михайлов Д.А.* Алтайский национализм и археология // Этногр. обозрение. – 2013. № 1. - С. 37–51.

38. *Плетц Г., Соенов В.И., Константинов Н.А., Робинсон Э.* Международное значение репатриации укокской принцессы (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами?) // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014. № 7(19). С. 17 – 45.

39. *Broz L.* Substance, Conduct and History: «Altaian-ness» in the Twenty-First Century // Sibirica. 2009. Vol. 8, No. 2, Summer. P. 43–70.

40. *Halemba A.* The Telengits of Southern Siberia: Landscape, Religion and Knowledge in Motion. London: Routledge, 2006. 222 pp.

41. *Halemba A.* What does it feel like when your religion moves under your feet? Religion, Earthquakes and National Unity in the Republic of Altai, Russian Federation // Zeitschrift fьr Ethnologie. 2008. Bd. 133. H. 2. P. 283–299.

42. *Mikhailov D.A.* Altai Nationalism and Archeology // Anthropology and Archeology of Eurasia. 2013, Fall. Vol. 52. № 2. P. 33–50.

43. *Plets G., Konstantinov N., Soenov V., Robinsson E.* Repatriation, Doxa, and Contested Heritages: The Return of the Altai Princess in an International Perspective // Anthropology and Archeology of Eurasia. 2013, Fall. Vol. 52. № 2. P. 73–98.

44. *Яшин В.Б.* Классик археологии и «неклассическая» археология // Vita scientificus, или Археолог В. И. Матющенко: сб. науч. тр., посвящ. 85-летию со дня рождения В.И. Матющенко – археолога, ученого, педагога. Омск: Издательство: Полиграфический центр КАН, 2014. С. 108–131.

45. *Клейн Л.С.* История археологической мысли. В 2-х томах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011. Т. 2. 626 с.

46. *Клейн Л.* Рациональный взгляд на успехи мистики // В защиту науки. 2012. № 10. С. 57–68.

47. *Клейн Л.С.* История антропологических учений / под ред. Л.Б. Вишняцкого. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. 744 с.

48. *Богатова О.* Конструирование сакрального социального пространства эрзянского неоязыческого ритуала // Соколовский С.В. (отв. ред.) Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 59–81: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://static.iea.ras.ru/books/InnovationsInAnthropology-Sokolovsky.pdf (дата обращения: 06.06.2015).

49. Шнирельман В. Археология и религия: вызовы постмодерна // Соколовский С.В. (отв. ред.) Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 82–121: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL:\http://static.iea.ras.ru/books/InnovationsInAnthropology-Sokolovsky.pdf (дата обращения: 06.06.2015).

50. *Андреев В.М.* Археологический памятник в современном культурном пространстве: культурологический анализ: Дисс. … канд. культурол.. Челябинск, 2014. 233 с.

51. *Водясов Е.В.* Археологическое наследие в современном общественном сознании жителей Томска // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 66–73.

52. *Дрягин В.В.* Археология в общественном сознании омичей // Vita scientificus, или Археолог В. И. Матющенко: сб. науч. тр., посвящ. 85-летию со дня рождения В.И. Матющенко — археолога, ученого, педагога. Омск: Полиграфический центр КАН, 2014. С. 216–224.

53. *Шнирельман В.А.* «Арийцы», «народная археология» и общество: проблемные взаимоотношения // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 34–42.

54. *Urbacczyk J.* Last testament churc – the power of unanimity // Сибирский сборник – 4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб: МАЭ РАН, 2014. P. 293–304.

55. *Матющенко В.И., Полеводов А.В.* Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

56. *Куприянова Е.В.* Заповедник «Аркаим» и проблемы популяризации археологии на Юж-

ном Урале // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 12 (341). История. Вып. 60. С. 22–29.

57. *Куприянова Е.В.* Поселение Аркаим и популяризация археологии на Южном Урале (к вопросу о проблемах взаимодействия науки и массового сознания) // Этногр. обозрение. 2014. № 5. С. 146–161.

58. *Ахметова М.В.* Конец света в одной отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ; РГГУ, 2010. 336 с.

59. *Абашин С.* Расизм, этнография и образование: вопросы и сомнения // Расизм в языке образования / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2008. С. 27–46.

60. *Клейн Л.С.* Была ли гаплогруппа R1a1 арийской и славянской? // Клейн Л.С. Этногенез и археология. СПб.: Евразия, 2013. Т. 1. С. 385–396.

61. *Клейн Л.С.* Была ли гаплогруппа R1a1 арийской и славянской? // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 534–540.

62. *Клейн Л.С.* Происхождение славян, версия биохимическая // Российский археологический ежегодник. 2015. №5. С. 651–664.

63. [*Соколовский С.В.*] Комментарии к лекции С. Боринской «Гены и народы». 2012: [Элекстронный ресурс]: URL: http://theoryandpractice.ru/seminars/29399-geny-i-narody-26-5 (дата обращения: 08.12.2015).

64. [*Соколовский С.В.*] Комментарии к лекции С. Дробышевского «Происхождение человеческих рас». 2013: [Элекстронный ресурс]: URL: http://postnauka.ru/video/14293 (дата обращения: 08.12.2015).

A.G. Seleznev, I.A. Selezneva

World outlook shift of the postmodern age: searching for the new mythology of history

Summary. The theoretical and methodological aspects of the new mythology of history - widespread in the mass consciousness ideas on historical process – are discussed in the paper. The work is based on empirical material obtained by ethnographic field study of a new sacred center in the village of Okunevo (Omsk oblast, Muromtsevo district). Trends of postmodern and post-industrial society are revealed. The concept of hierotopy that stressed the creative nature of the space sacralization is applied to the new practices and mythologies empiricism. The archaeological factor as the basis of the chronotope of the sacral complex was considered. The relevant aspects of the interaction of the actual mythology and global information environment were analyzed. The conclusion about the fundamental similarity of the traditional, archaic and modern social practices and mythological motifs was made. The latter are often the result of revitalization, reactualization and direct modernization of the first.

Key words: A new mythology of history, postmodern, postindustrial society, new sacral spaces, hierotopies, chronotope, Okunevo, global information environment.

УДК 316.014

К.В. Григоричев

«АЗИЯ», «КИТАЙ», «ВОСТОК»: ПОСТИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ «КИТАЙСКОГО» РЫНКА

Аннотация. В статье рассматривается процесс конструирования образов Азии, Китая, Востока в повседневных практиках, связанных с «китайскими» рынками в сибирских городах. Конструируемые образы совмещают представления о постимперском и постсоветском пространстве. Такое пространство (Восток) включает имперскую/советскую периферию, охватывающую территории и общества от Кавказа и Средней Азии до Китая и Монголии. «Китайский» рынок здесь выступает не только пространством конструирования такого образа, но и механизмом его освоения.

Ключевые слова: постимперское пространство, Восток, образ, «китайский» рынок.

В российских медиа, риторике власти и, особенно, в коммуникативном пространстве социальных интернет-сетей (Facebook, ВКонтакте и другие) в последние несколько лет довольно активно обсуждается проблематика, связанная с имперской и советской периферией. В большинстве своем далекие от научного дискурса, такие дискуссии, как мне представляется, в значительной степени являются способом осмысления новой системы отношений России со странами и обществами, некогда составлявшими окраины империи, «братские республики» и ближайшее пограничье страны. Такое осмысление закономерно основывается на мифах и стереотипах, так или иначе связанных с представлением об этих территориях и обществах, как о некоем постимперском пространстве. Пространстве, административно не связанном, но культурно, экономически, исторически тяготеющем к современной Россией как с некоему «ядру империи». Советский Союз здесь оказывается своего рода «наследником» имперской России в системе отношений с периферией.

Осмысление и конструирование новых образов этой периферии происходит на основе образов, предлагаемых масс-медиа. И хотя все, «что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря медиа» [1, с. 8], представления о таком «постимперском» пространстве неизбежно выходят за пределы медиа и реализуются в практиках взаимодействия с мигрантами – представителями периферии в рамках тех или иных городских локальностей. Такой локальностью, ставшей привычным и, кажется, уже неотъемлемым элементом сибирских и дальневосточных городов России в последние двадцать – двадцать пять лет, являются этнические и, прежде всего, «китайские» рынки. Превращающиеся, по выражению В.И. Дятлова, в «уходящую натуру» [2], такие рынки осмысливаются в нешироком спектре исследований с позиций их экономических функций [3], внутренних механизмов жизнедеятельности [4], инструментов этнизации городского пространства [5]. Однако функции этих объектов, как мне представляется, заметно шире уже в силу комплексности самого феномена, его тесной взаимосвязью не только с городом, но и включенности в трансграничные экономические потоки.

В своей статье я попытаюсь показать, как сквозь призму «китайского» рынка жители сибирского города видят такое «постимперское» пространство и выстраивают взаимодействие с ним. В основе моих рассуждений лежат наблюдения за «этническими» рынками Иркутска, проведенные в 2009–2015 гг., и серия интервью с горожанами 2014–2015 гг. Значительная часть этих работ выполнялась в рамках проекта «Этнические рынки» в переселенческом обществе востока России: «место встречи» и взаимной адаптации мигрантов и принимающего общества (рубежи XIX–XX и XX–XXI веков)», выполнявшегося в 2014 г. в Лаборатории исторической и политической демографии Иркутского госуниверситета (Проект Р222-ОУ-037 «Этнические рынки» в переселенче-

ском обществе востока России: «место встречи» и взаимной адаптации мигрантов и принимающего общества (рубежи XIX–XX и XX–XXI веков), Программа стратегического развития ИГУ на 2012–2016 гг.).

Широкий спектр живых и неживых актантов (в терминологии Брюно Латура [6]), включенных в жизнь рынков, обусловливает, на мой взгляд, существование и не менее широкого спектра символов и смыслов, которые они несут. С этой точки зрения, «китайский» рынок представляется чрезвычайно интересным комплексом таких символов, интерпретация которого выводит далеко за пределы собственно рынка. В своем тексте я попытаюсь взглянуть на «китайский» рынок как на, своего рода, линзу, фокусирующую представления городского сообщества о Китае, Азии, Востоке. Это пространство, возвратившееся в повседневность России в конце XX века, в массовом сознании и медиа рефлексируется не только как самостоятельные государства и общества, но и во много как бывшая периферия Российской империи. Символическое возвращение этой периферии из области «внешнеполитической», отделенной от горожанина в советскую эпоху, в сферу повседневного постсоветского города потребовало конструирование новых образов и связей. Пережитое почти столетие назад собственно постимперское переживается по-новому как реальность сегодняшнего дня, чему в немалой степени способствует властная риторика об «естественном» и «историческом» партнерстве.

Динамика развития «китайских» рынков в городах Сибири и, в том числе в Иркутске, превращает этот новый для России феномен в чрезвычайно удачный инструмент для подобных рефлексий. Здесь, в ограниченном пространстве торга и контакта, концентрируются люди, вещи, практики, которые не только репрезентируют «другое», но и позволяют выделить его из городской экономики, обособить как специфическое пространство. Среднестатистический горожанин, не искушенный ни в экономике, ни в теории этничности, легко различает «китайский» и иные рынки, проводя границу не только по внешним атрибутам, но и по экономической, социальной и иным специализациям.

Разведение рынков вообще и «китайских» рынков как особого явления приводит к потребности определить, назвать последние. Поскольку под «рынком» в современном контексте все чаще понимаются крупные торговые комплексы (например, в Иркутске – «Центральный», «Ручей» и другие, представляющие собой более современные, «регулярные» формы торговли), устоявшееся с 1990-х название «китайский рынок» требует если не замены, то некоего уточнения. Так в рефлексиях горожан появляется почти ушедшее слово «базар», противопоставляемое «рынку» как более организованной форме торговли.

«Обычный базар. Не рынок, это – базар, где каждый хвалит свой товар, где-то можно с ним поговорить, чтоб дешевле купить, он уступит, и прочее».

Вместе с новым названием приходит и образ «восточного базара», как наиболее близкой формы нерегулярной торговли, имеющей специфическую систему организации торгового пространства и собственную логику процесса торговли.

«Как на востоке базары, примерно так выглядит… Как объяснить, вот так же за рубежом, когда был, видел, как устроена эта восточная торговля, эти палатки, и это сразу бросается в глаза, это сразу видно. Если говорить именно про подобные рынки – это Таиланд, Турция, на фотографии видел Вьетнам. Два раза я был в Турции, в разных частях, и это – один в один».

Образ «восточного базара» здесь – это не столько узнавание, сколько конструирование представления о «восточной торговле», «базаре» и торговцах. Образ, формирующийся на основе синтеза априорных представлений о «Востоке», художественных и медийных образов (включая образы «Востока» и «восточного базара», созданные Л. Соловьевым в «Повести о Ходже Насреддине»), прямого или косвенного знакомства с «челноками» (не обязательно китайцами, но почти

всегда связанных с «Востоком»). Иными словами, здесь на личностно-бытовом уровне во вненаучной среде происходит конструирование постсоветского «восточного рынка» как особой формы базарности. Процесс близкий (а возможно, отчасти и лежащий в основе) изобретению «постсоветского восточного базара» в антропологических текстах, основанного, по мысли И. Пешкова, «на основе синтеза общего и частного, не-исторических обобщений и экзотизации (или в более сложной версии де-экзотизации ранее экзотизированного феномена)» [7, с.117].

Вместе с изобретением восточного базара в рамках «китайского» рынка складывается и конструкт «Востока» – более символического, нежели географического пространства. Способы и характер организации «китайского» рынка обеспечивает органичного совмещения в его рамках столь разных «востоков»: Северо-Восточной Азии, постсоветской Центральной Азии, Кавказа и Закавказья, которые, как отдельные ряды на рынке, оказываются не самостоятельными пространствами, а лишь элементами более масштабной конструкции. Такой взгляд, как мне кажется, хорошо объясняет, каким образом в представлениях иркутян, например, непротиворечиво сочетаются «китайский» статус рынка «Маньчжурии» и широкая представленность здесь торговцев-мигрантов из среднеазиатских республик. В эту же логику укладываются и среднеазиатский сегмент, многие годы успешно действовавший в составе иркутского рынка «Шанхай», и реклама «товаров из Киргизии» в составе вновь открытого рынка «Китай-город», агрессивно продвигаемого в иркутской рекламе именно как «китайский рынок». Не менее органично в образ «китайки», как «восточного рынка», укладываются и «кавказские» («азербайджанские») ряды, которые в этой перспективе репрезентируют не собственно Кавказ (Закавказье), а еще один элемент «Востока» как периферии империи. Фактически, вся «не европейская» периферия бывшего СССР, а в значительной степени и Российской империи, объединяется здесь в конструкт «Востока». «Востока» не далекого и загадочного, а «своего» – освоенного челноками и туристами, осмысленного через образы приграничных и курортных районов. Рынок становится важнейшим элементом конструирования того образа Китая и Востока, который востребован и уже привычен рядовому «потребителю» [7, с.193–210; 8].

«Этнический» рынок, однако, не остается лишь «окном на Восток» – пассивной картинкой, чистым образом вновь открываемой имперской/советской периферии. Все более широкое участие в деятельности подобных рынков «своих» групп («русские», «буряты», шире – «местные») приводит к тому, что «китайки», фактически утрачивая функции инструмента выживания, становятся механизмом включения сибирского города в конструируемый «Восток». Причем такая инклюзия происходит через рефлексию особого образа «китайского рынка», складывающегося у горожан:

«Знаете, скорее всего, «китайка» – это такой образ, уже закрепившийся в умах именно иркутян, что любой такой рынок, где работают любые мигранты, даже, например, не из Азии, именно не китайцы, а, например, из Средней Азии, тоже, наверное, «китайка» будет называться».

«Китайский» рынок, таким образом, становиться брендом, подчеркиваемым внешней «китайскостью», но это уже не бренд собственно китайской торговли, а скорее, конструкта «Востока». Китайским (и собственно этническим) остается лишь фасад рынка, его внешнее оформление, обращенное к городу. Однако и такое оформление (подчеркнуто «китайское» с акцентированными атрибутами «китайской культуры» – сочетание красного и желтого цветов, мифические фигуры драконов, иероглифы) представляет собой собственное «прочтение» Китая, в котором последний присутствует лишь как условность, едва намеченная крупными штрихами. Внутренняя же организация и содержание пространства «китайки» уже далеко не всегда определяется торговцами из Китая. Привычной картиной для этнических рынков Иркутска стали китайские торговцы, продающие на «китайском» рынке в павильоне под названием «Бишкекские ряды» товары, произведен-

ные в КНР, Кыргызстане, России и Беларуси. Номинальные функции «продавца» при этом зачастую выполняют «местные» жители города или мигранты, прибывшие из области. Такие ситуации вполне типичны не только для крупнейших, но и периферийных «китайских» рынков города [9].

В результате «китайский рынок» становится символом синтетического образа «Востока», включающего не только различные части «дальней» и «ближней» Азии, но и пространство самого сибирского города, ставшего площадкой для подобного синтеза. В этом образе внутренняя периферия России (Сибирь и Дальний Восток) органично стыкуется с периферией внешней (обобщенный «Восток», включающий пространство от Кавказа до Северо-Восточной Азии). Географическое противоречие здесь успешно разрешаются условностью образа, в котором восток России органично сопрягается с глобальным «Востоком», где бы последний не находился географически.

Символическая функция этнического рынка, однако, не исключает и его прагматической нагрузки. «Этнический» (чаще «китайский») рынок становится своего рода интерфейсом («терминалом») включения города во внешние системы отношений, связанными с движением людей, вещей, информации. Являясь одновременно одним из наиболее крупных реципиентов прямого импорта из КНР или транзитного через Казахстан и Кыргызстан, «китайский» рынок становится инструментом включения городского пространства в трансграничные взаимодействия, выступая точкой материального опосредования множества систем отношений [10, с.105], лежащих далеко за пределами конкретной локальности. Собирая два ключевых потока китайского импорта (из северо-восточного – через Забайкальск и Монголию и западного – через Кыргызстан [11, с. 187]), «китайские» рынки Иркутска включают город в масштабную систему товарных, человеческих, финансовых потоков Северо-Восточной Азии. Иными словами, «китайские» рынки при всей их архаичности как формы торговли, оказались для города одним из мощнейших инструментов модернизации и глобализации, включение в систему трансграничных взаимодействий. Близкие выводы о роли постсоветских рынков делаются исследователями на материалах не только бывшего СССР, но и Восточной Европы [12; 13].

В этом контексте этнические рынки становятся не просто местом встречи и взаимного узнавания культур. Сыграв роль ворот, через которые «Китай вошел в российские города», «китайские» рынки становятся порталом с двусторонним движением, через который городские сообщества осваивают Китай и шире – Восток, инструментом включения сибирского города в широкий мир Азии. В значительной мере этот «Китай» и «Восток» представляют собой плохо оформленный конструкт, часто нелогичный и наполненный различными оксюморонами, образами, возникающими и изменяющимися в процессе познания. В этом процессе происходит встреча с некогда утраченной имперской/советской периферией, отчасти узнаваемой, отчасти конструируемой в соответствии с текущими потребностями. Возникающая при этом пространственно-культурная перспектива дополняется хронологическим измерением, в котором постимперское встречается с постсоветским. И «китайский» рынок, как точка совмещения множества перспектив, оказывается эффективным инструментом не только конструирования «Востока», но и освоения этого «воображенного» пространства.

Список источников и литературы

1. *Луман Н.* Реальность масс-медиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.

2. *Трансграничные миграции* и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. 396 с.

3. *Журавская Т.Н.* «Китайский» торговый центр vs. «китайский» рынок: что изменилось со времени запрета на торговлю иностранцев на розничных рынках. На примере Амурской области // Полития. 2012. № 4 (67). С.104–123.

4. *Дятлов В.И., Кузнецов Р.Э.* «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4. С. 56–71.

5. *Дятлов В.И., Григоричев К.В.* Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8–19.

6. *Латур Б.* Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: ИД «Территория будущего», 2006. С. 199-223.

7. *Переселенческое общество Азиатской России*: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.

8. *Бляхер Л.Е., Григоричев К.В.* Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в российском социуме // Полития. 2015. №1. С. 24 – 38.

9. *Григоричев К.В., Пинигина Ю.Н.* Два мира на Мира, 2: «китайский» рынок в повседневности города // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 136-153.

10. *Вахштайн В.* Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Том 4. № 1. С. 94 – 115.

11. *Пешков И.О.* Базар и вещи. Репрезентации товарно-вещевых рынков в перспективе материалистического поворота // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 180 – 194.

12. *Hawelmeier G.* Postsocialist Bazaars: Diversity, Solidarity and Conflict in the Marketplace // Laboratorium. 2013. Vol. 5(1). P. 42–66.

13. *Humphry C., Skvirskaja V.* Trading places: Post-socialist container markets and the city // Focaal. European Journal of Antropology. 2009. Vol.55. P. 61–73.

K. Grigorichev

«Asia», «China», «East»: post-imperial space in the light of a «Chinese» market

Summary. The article discusses the process of constructing the image of Asia, China, East in everyday practices related to the «Chinese» markets in the Siberian cities. A constructed image combines the idea of a post-imperial and post-Soviet space. Such space ("East") includes imperial / Soviet periphery, covering the territories and societies from the Caucasus and Central Asia to China and Mongolia. In the framework of this image «Chinese» markets are not only the space for design of the image, but the mechanism of its appropriation.

Key words: post-imperial space, the East, the «Chinese» market.

УДК 930.2

И.О. Пешков

СТАТУС ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ НОВОЙ ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИИ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. В статье представлены возможности постколониальной теории для исследования Внутренней Азии. Анализируются практики включения монголов в маньчжурскую систему управления и политика превращения монгольских земель в колонию Китая с особым статусом.

Ключевые слова: имперская история, постколониальная теория, Внутренняя Азия, Внешняя Монголия.

Несмотря на огромную роль китайско-российской геополитической конкуренции в истории монгольских народов, колониальные и антиколониальные стратегии долгое время находились на периферии исследовательских интересов. Не умаляя научный потенциал традиционных подходов к колониальным практикам, следует заметить, что новая постколониальная перспектива в гуманитарных дисциплинах является определенным вызовом для исследователей Внутренней Азии, реакция на который требует взвешенной оценки эффективности нового научного словаря для исследования колониальных практик Цинского правительства. Новая имперская история и постколониальная теория дают возможность в новом свете увидеть колониальный опыт как сложную сетку локальных практик создания, ограничения и отрицания колониального государства участниками колониального контакта на приграничных территориях. Целью статьи является определение «степени применимости» (методологического статуса и релевантности) этих дискурсов для исследования Внутренней Азии, а также их влияние на новые подходы к маньчжурским колониальным практикам в регионе.

Появление постколониальной перспективы было результатом радикальных сдвигов в гуманитарных областях знания, вызванных французским постструктурализмом, школой Анналов, школой мир-системного анализа и гендерной перспективой в историографии. Решающую роль сыграл также растущий интерес в историографии к голосу «других» (от молчащего большинства до subaltern studies), семиотике власти и психологическим аспектам исторических процессов. Не менее важным аспектом были и радикальные перемены в этической базе научных практик: однозначная (априорная) критика всех форм колониализма, акцент на сознательную политизацию исследований и поиск форм новой субъективности [1]. Эти новации, часто стирающие грань между историографией и литературой создали определенные барьеры в принятии постколониальных направлений профессиональными историками.

С точки зрения новых подходов к колониальному опыту, приоритеты переносятся с классической исторической проблематики (государственная политика, военные действия, экономическая политика) на семиотическое поле власти во всех ее проявлениях и специфику установок по отношению к колониальным авторитетам. В этой антропологической перспективе очень важным является резкое расширение психологической базы анализа индивидуального и группового действия [2, с.170-183]. В наиболее радикальных формах историческим источником становится рассказ о поступке, который интерпретируется в рамках определенных гипотез о человеческом поведении.

Для исследований Внутренней Азии интересна сама попытка создания радикально новых форм исследования колониального опыта: сложной взаимозависимости метрополии и колонии, роли локальных институтов (образовательных, военных, религиозных) в строительстве империи и культурной инфраструктуре колониальной политики. Микроподходы, основанные на пересмотре отношений между групповым и индивидуальным опытом, также создают новые возможности анализа колониальных практик. Очень важным аспектом является и акцент на субъективной стороне исторических процессов: специфики лояльности (к династии или к Китаю), смены социальных ролей и культурное влияние границы как альтернативы существующего порядка. Не менее важным является и сложный процесс создания антиколониальных движений, часто на базе колониальных институтов. Новые подходы к изучению колониальных практик Цинского правительства в рамках новой имперской истории дают примеры достаточно сложных культурных систем и ключевого влияния системы управления китайско-российской границей на цинскую политику по отношению к северо-востоку империи. В этой перспективе появляется возможность одновременного анализа практик включения монголов в маньчжурскую систему управления и политики превращения монгольских земель в колонию Китая с особым статусом. Противоречивость колониальной политики вместе со сложным статусом монголов в маньчжурской картине мира, с одной стороны, приводи-

ло к решающей роли военных институтов в процессах управления Монголией, с другой – усиливало или даже создавало потенциальные структуры сопротивления колонизации. Как и в других случаях колониального контакта, парадоксальным результатом колониальных практик было возникновение новых форм социальной идентичности, частично или абсолютно свободных от контроля империи.

Важным аспектом является и колониальное правовое поле (правовой плюрализм, создания автономий, особый статус внешних территорий) практик управления новыми территориями [3, pp. 310-324]. Новый словарь постколониальной перспективы дал возможность поставить вопросы об эластичных формах адаптации правового поля в интересах метрополии («старые монгольские законы» во время Циньской династии) и реальной роли монгольской автономии (компромисс с потенциально сильным регионом или очень тонкой формой влияния на монгольскую политическую культуру) [4, pp. 287-309].

Применение новых форм анализа по отношению к империи династии Цинь имеет свою специфику. Приход к власти в Китае маньчжурской династии является одним из важнейших событий мировой истории и истории монгольских народов. С одной стороны на смену последней китайской династии пришла последняя «варварская» династия, в который раз показывая сложные отношения между этническим Китаем и Внутренней Азией. С другой, в отличие от предыдущих династий, – маньчжуры должны были ответить и ответили на вызов российской экспансии на северо-востоке Азии и западной экспансии на юге. Будучи региональным проводником колониальных практик, Китай одновременно терял международный престиж и сам становился жертвой колониальных практик европейских стран. Кроме этого, на время правления последней династии пришелся сильнейший экономико-демографический кризис, в результате которого ограничение выброса населения на «пустые земли» кочевников стало политической и экономической проблемой страны [5, pp. 503–530]. Специфика Маньчжурской династии состояла в их постепенной трансформации из кочевников в создателей империи на базе аграрно-бюрократического общества. Это приводило к определенному конфликту между китайской и маньчжурской картиной мира, а также к особой роли кочевников в политике управления империей. Эта роль приводила к противоречивым отношениям к монголам как к союзникам, учителям [6, p. 384] и колониальным подданным. Приближение маньчжуров к китайской культуре приводит к постепенному отдалению от них монголов и созданию точек напряжения на периферии империи. Кроме этого, постепенный переход маньчжуров на китайскую модель мира приводит к трансформации восприятия ими монголов из учителей в варваров. Создание во многом на базе монгольской культуры маньчжурского культурного канона и многоэтнической элиты приводит к одновременному инструментальному использованию монгольских культурных и религиозных форм в деле имперского строительства [6, p. 833].

С точки зрения новых подходов, цинский колониальный архив по отношению к Монголии состоит из опыта контролируемой автономии, милитаризации фронтира и опыта управления внешними территориями. Цинская империя представляла собой достаточно сложную систему колониальных практик, относительно приспособленных к локальному культурному полю. Это разнообразие часто упрощается историками из Китая (и не только), которые с одной стороны считают маньчжуров варварской династией, с другой – во многом гипертрофируют китайские компоненты и недооценивают маньчжурские [7]. Динамические процессы создания маньчжурско-монгольского культурного комплекса и его постепенное срастание с китайским миром в этой перспективе явно выпадает из виду. В этом ключе очень важны маньчжурские и монгольские источники, не только в силу большей информативности, но и в силу отличного от китайских документов политического дискурса, во многом принятого маньчжурами из монгольской культуры. С другой стороны в среде

специалистов по истории маньчжуров имеет место идеализация государства династии Цинь как гармоничного проекта управления в условиях этнического и конфессионального разнообразия и немного некритическое отношение к национальной политике маньчжуров [6]. Эффективность и разнообразие средств управления не может заслонить факта выталкивания кочевников Внутренней Азии из имперских структур и неудачи построения многоэтнического Китая под предводительством последней династии.

Политика Цинов по отношению к монголам во многом определялась системой управления российско-китайской границей [8]. С одной стороны, это приводило к милитаризации границы, с другой – к попыткам жесткого контроля над Монголией [4]. Встреча двух аграрно–бюрократических империй на землях монголов во многом сделала монголов заложниками российско-китайских отношений. Граница привела к особенной роли военных институтов и стратегического значения трансграничных сообществ. В этой перспективе конкуренция между китайскими и российскими приграничными институтами за контроль над монголами заслуживает пристального внимания именно в перспективе практик двойной лояльности, роли приграничной торговли и институтов образования. Не менее интересны и причины, по которым политика Циньского правительства по отношению к монголам и эвенкам приводила к обратным результатам: их выталкиванию в сторону России. В этой перспективы мягкие (субъективные) подходы постколониальной перспективы могут оказаться очень эффективными. Анализы должны опираться не только на реконструкции монгольского и китайского образа ситуации, но и ожиданий, которые не могла реализовать Империя.

Новые подходы к колониальным практикам могут быть относительно полезны как источник новых теорий среднего уровня, но нуждаются в доработке и адаптации в случае исследований Внутренней Азии. Особенно это касается неевропейского колониального опыта, способы моральной оценки и научного анализа которого нуждаются в разработке. Очень перспективным кажется возможность постановки вопросов о формах презентации колониального опыта, социальной роли ученых и возможности преодоления колониального сентиментализма в историографии. При помощи постколониальной перспективы анализ колониальной политики династии Цинь по отношению к Монголии может быть обогащен перспективой микро-уровня и новыми моделями семиотики власти. Особенно интересны причины выталкивания Монголов из Империи при одновременных декларациях поддержки и стратегического значения Монголии. Следует также обратить внимание, что исследователи истории Монголии циньского периода сталкиваются с попытками синизации Цинов или идеализации Маньчжурской империи. В силу сильной идеологической нагрузки и концентрации на западноевропейских моделях колониального контакта новые подходы не в состоянии монополизировать историографию колониальных практик, но могут дополнить традиционные подходы и стать основой для радикального расширения поля исторического анализа.

Список источников и литературы

1. *Domańska E.* Badania postkolonialne, L. Gandhi, Teoria postkolonialna, Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2008.

2. *Тлостанова М.В.* Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания (начало) // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2008. Т. 10. Вып. 5–6 (44–45).

3. *Heuschert D.* Legal Pluralism in the Qing Empire: Manchu Legislation for the Mongols // The International History Review. 1998. Vol. 20. №. 2 (Jun.).

4. *Di Cosmo N.* Qing Colonial Administration in Inner Asia // The International History Review. 1998. Vol. 20, №. 2 (Jun.).

5. *Reardon-Anderson J*. Land Use and Society in Manchuria and Inner Mongolia during the Qing Dynasty // Environmental History. 2000. Vol. 5. №. 4 (Oct.).

6. *Rawski E. S.* Presidential Address: Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History // The Journal of Asian Studies. 1996. Vol. 55. №. 4 (Nov.) Pp. 829–850.

7. *Zhao G*. Reinventing China: Imperial Qing Ideology and the Rise of Modern Chinese National Identity in the Early Twentieth Century // Modern China. 2006. Vol. 32. № 1 (Jan.). Pp. 3–30.

8. *Hsu I. C.Y.* Russia's Special Position in China during the Early Ch'ing Period // Slavic Review. 1964. Vol. 23. №. 4 (Dec.). Pp. 688–700.

I.O. Peshkov

Status of Mongolia External in perspective new imperial history and postcolonial theory

Summary. This paper presents the possibility of post-colonial theory to the study of Inner Asia. The practice of inclusion of the Mongols in the Manchurian management and policy system transformation of Mongolian land in China's colony with a special status.

Key words: Imperial History, postcolonial theory, Inner Asia, Outer Mongolia.

УДК 316.32

Н.А. Томилов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ КАЗАХСТАНЦЕВ И РОССИЯН И ИХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Аннотация. Рассматриваются вопросы общей характеристики общностей людей и прежде всего признаков социально-политических (исторических) общностей. Раскрывается сложение исторических общностей россиян и казахстанцев, выявляются их характеристики и социально-политические функции в развитии России и Казахстана, характеризуется сопряженность этих общностей с цивилизационными процессами внутри данных государств и в целом в евразийском пространстве.

Ключевые слова: общность, социально-политическая общность, нация, цивилизация, субцивилизационная система, межэтническое и межконфессиональное согласие.

На протяжении нового и новейшего времени в истории цивилизованной части человечества усиливались интеграционные процессы в различных областях жизнедеятельности людей. Сегодня в условиях глобализации прежде всего экономической жизни эти процессы приобретают еще более интенсивный характер. С другой стороны, закономерны и дифференционные процессы, разделяющие человечество на различные виды общностей и определяющие политические, экономические, социокультурные пространства с их границами. Изучение возникновения, развития и функционирования этих общностей актуально, т.к. эти общности в жизни человечества во многом играют ведущую роль, определяют стабильность мирного существования человечества и толерантность межэтнических и межконфессиональных отношений внутри таких общностей.

Как правило, такие общности возникают в полиэтническом и нередко в поликонфессиональном пространствах в рамках отдельных государств. Так, в России складывалась и развивалась историческая общность россиян, в Казахстане общность казахстанцев и т.д. Вопросами формирования, развития и функционирования этих общностей занимаются ученые разных научных дисциплин и, прежде всего, политологи, социологи, историки, культурологи, философы, этнологи, психологи.

Под общностью нами понимается определенное множество людей, связанных общими социальными, политическими, экономическими и культурными характеристиками (признаками) и территориальными границами. В жизнедеятельности людей могут возникать как однофакторные, так и двухфакторные и многофакторные общности. Примерами однофакторных общностей могут быть конфессиональные, этнические, социально-профессиональные и т. п. общности, примерами двухфакторных общностей – этноконфессиональные, социально-экономические, социально-политические, социокультурные и т. п. общности. В ситуациях длительного взаимодействия групп людей с отличающимися компонентами и формами их жизнедеятельности, как правило, в рамках одного государства возникают и многофакторные общности с достаточно значительным и существенным по содержанию объемом общих черт в различных сферах социальных, экономических, политических и культурных процессов.

И все же, когда речь идет о сложении и функционировании общностей в рамках одного государства, чаще всего их определяют как социально-политические общности, вкладывая в это понятие широкое значение. В состав признаков таких общностей включают совокупность этнических общностей (этносов и национальных групп), общую (единую) экономику, государственно-организованное общество, единую территориальную структуру, общие мировоззренческие установки (складываются через системы воспитания и образования), общие ценности и общие явления в культуре, общие интересы, языковую общность (через государственный язык или языки межнационального общения с учетом прав родных языков), общие нормы поведения (с учетом норм поведения в различных этнических и социальных средах), сложившаяся конфессиональная структура с укрепившимся в качестве нормы жизни межконфессиональным согласием. И здесь явно заметен многофакторный характер такой общности. Фактически это не только социально-политическая, но и культурная (в т.ч. этнокультурная) общность.

Разработки в российской науке темы социально-политической общности россиян сопрягают эту общность с темой формирования и укрепления российской нации [1]. Так, в понятие «российская нация» вкладывается смысл, что оно олицетворяет «… гражданское единство россиян всех социально-профессиональных групп и поколений, политических взглядов, места жительства и других обстоятельств, российскую гражданскую идентичность…» [1, с. II]. В.А. Тишков совершенно правомерно и доказательно утверждает, что «… гражданская нация не противоречит существованию этнических наций». И далее он пишет: «Более того, мы делаем фундаментальный вывод, что поддержка и укрепление региональных и этнических сообществ россиян есть одно из важнейших условий формирования российского народа – исторической и социально-политической общности, которая представляет собой “единство в многообразии”» [2, с. 3]. И эта методологическая установка является базовой при изучении таких общностей как казахстанцы и россияне.

Действительно, в России (и в современной, и в прошлой) основным видом исторической, а точнее, социально-политической общности являются россияне или, по-другому: российский народ. Эта общность стала результатом совместного проживания и совместной деятельности различных социально-профессиональных слоев, этнических общностей, демографических групп, конфессий и т. д. в рамках российской государственности, с которой эта общность россиян прочно сопряжена. Данная общность обладает многими общими явлениями: общими политическими интересами и целями, образовательными и, шире, культурными процессами, общими ценностями и в целом нормами поведения, общими мировоззренческими и психологическими установками (общей идеологией), в какой-то мере общими бытовыми условиями жизни (несмотря на значительный диапазон различий в этой сфере), достаточно прочной толерантностью в межконфессиональных и межэтнических отношениях. Эти общие черты в жизни россиян складывались веками, их

объем особенно значительно возрастал на протяжении последних трех столетий, поэтому общность россиян определяется и как историческая общность.

Как мы стремились выше утверждать, в мире существуют и взаимодействуют различные виды общностей – социальные, социально-экономические, социально-политические, социально-культурные с разновидностью этнокультурных общностей, этнические, конфессиональные общности и др. Все они имеют свою структуру и, соответственно, ряд субобщностей. Но в процессе жизнедеятельности людей они сопряжены друг с другом (все или только какие-то виды общностей) и образуют фактически как бы одну систему. Тем не менее, в разных (природных, государственных, экономических и т. д.) условиях жизни людей в исторически сложившихся формах их совместной жизнедеятельности могут превалировать какие-то одни виды общностей. В России имеется значительное разнообразие в социальной, культурной, демографической и т.д. сферах, но много общего (и в какой-то мере единого), прежде всего, в социально-политической области, которая определяет наличие общих черт во всех сферах жизнедеятельности россиян. Исходя из этого и ряда других факторов россияне (российский народ) и являются, прежде всего, социально-политической общностью.

Такого рода общности напрямую сопряжены и с цивилизационными процессами, в т.ч. и в России, В.В. Путин, будучи президентом Российской Федерации, в своем выступлении перед Федеральным собранием РФ 26 апреля 2007 г. подчеркнул, что «... духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность». И далее он отметил: «Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом экономических и политических отношений».

Понятие «цивилизация» в науке чаще всего связывается с понятием «культура» и рассматривается «...как форма организации всеобщей социокультурной связи индивидов в целостный организм» [3, с. 24]. В цивилизационных процессах значительна роль как профессиональной, так и народной культуры, а также как городской, так и сельской культуры. Чтобы поднять страну на более высокий уровень развития цивилизации, необходимо способствовать как сохранению, так и модернизации культуры.

Заметим и то, что цивилизации существуют не только в глобальных формах – межконтинентальных, континентальных, провинциальных, но и в виде областных и региональных субцивилизаций. Такая большая цивилизация, как европейская, имеет множество разнообразных субконтинентальных и локальных разновидностей культуры. В качестве такой цивилизационной системы выделяется российская цивилизация, а в ней в том числе сибирская цивилизационная система, о которой нам приходилось писать уже не один раз [5; 6; 7; 8; 9; 10]. Наша концепция нашла поддержку в научной среде. Так, например, вот что пишет об этом новосибирский ученый Е.А. Тюгашев: «По площади ойкумены и численности населения Сибирь как субцивилизация не уступает многим локальным цивилизациям прошлого. Н.А. Томилов даже предлагает выделять сибирскую цивилизацию» [11, с. 11–12] с присущими ей характерными чертами. В данном случае проблема рассматривается с позиции этнографической и отчасти культурологической наук, поэтому наше понимание цивилизации солидаризируется с подходом тех ученых, которые воспринимают цивилизацию в основном как синоним культуры в ее широком понимании и как уровень развития культуры в ее социокультурном понимании, как пишет об этом, например, Ю.Р. Горелова [12, с. 17–30].

Отметим, что одна и та же социально-политическая субобщность может входить в состав разных более широкого уровня такого рода общностей. Так, например, такая социальная общность как сибирское казачество, является частью социально-политической общности российского казачества. В свою очередь, последняя входит в целом в историческую (социально-политическую) общность, россиян и является ее субобщностью. Но одновременно сибирское казачество представляет собой и часть социально-культурной общности сибиряков, а в цивилизационном плане образует часть сибирской цивилизации [13, См. об этом: с. 4–11].

С позиции характеристики сибирской цивилизации (а к такой работе в глобальном масштабе еще только предстоит приступить) в ней можно выделить в качестве основных, наиболее общих следующие черты: 1) полиэтничность культуры; 2) своеобразие культуры, явившееся результатом прямого взаимодействия европейских и азиатских культур (западной и восточной цивилизаций, а шире Запада и Востока); 3) нахождение ее в качестве субкультуры в составе российской цивилизации, входящей, в свою очередь, в европейскую цивилизацию как ее субцивилизация; 4) особая сибирская философская мысль.

Этими чертами обладает и социокультурная общность сибирского казачества. Но ей сегодня присущи некоторые отличительные черты, отчасти определяемые стремлением казачества избавиться от гнета прошлого, связанного с гонениями его в советское время. К ним можно отнести, по крайней мере, определенное стремление опираться на ценности православной культуры, на русскую идентичность в этническом плане, на военные традиции России самодержавного периода. Мы считаем, что на современном этапе истории казачества это закономерные явления. Тем не менее, видимо, нужна более прочная интегрированность российского казачества в современное российское общество. И эти процессы должны изучаться учеными разных направлений – политологами, социологами, культурологами, историками, этнографами, психологами, философами и др.

В основу выдвинутых положений о цивилизационных процессах в Сибири легли и исследования омскими учеными этнической истории (включая ее современный этап) и культуры целого ряда коренных народов и национальных групп сибирского региона и отчасти Казахстана. Мы отсылаем читателей к информации об этих исследованиях в Сибири, которая имеется как в монографическом виде [14; 15], так и в отдельных статьях [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Омские ученые уже три с половиной десятка лет проводят исследования среди казахов и Казахстана, и России [25; 26], а также среди немецкого и русского населения Северного Казахстана. Имеются уже и монографические издания [27; 28; 29]. Кроме того, состоялось несколько защит кандидатских диссертаций по этнологии и музееведению, связанных с изучением этих народов [30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37].

Отметим и тот факт, что многие вопросы по изучению этнических общностей Казахстана и прилегающих районов Сибири (шире – регионов России, где проживают казахи) регулярно обсуждаются на проводимых омскими учреждениями (иногда совместно с казахстанскими учреждениями) научных мероприятиях. Назовем наиболее значимые из них (значимые по составу участников и по содержанию докладов и дискуссий) – это Международная научная конференция «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири) (1994 г.), XII Международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Алматы, 2004 г.), Международная научно-практическая конференция «Казахи Омского Прииртышья: история и современность» (Омск, 2007 г.), V Международная научная конференция «Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность» (Караганда, 2007 г.), Международная научно-практическая конференция «Казахи России: история и современность» (Омск, 2009 г.), Международный научно-практический семинар «Казахстан и Россия:

научное и культурное взаимодействие и сотрудничество» (Омск, 2010 г.), Международная научно-практическая конференция «Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные вопросы» (Омск, 2014 г.) и др. Вопросы сложения и развития социально-политической общности казахстанцев также обсуждались на этих научных форумах.

В Казахстане сегодня утверждается положение о том, что в этом полиэтничном государстве (здесь проживают граждане 137 национальностей [38] и наиболее многочисленные из них – это казахи, русские, немцы, украинцы, узбеки, уйгуры и др.) казахстанцы – это единый народ как социально-политическая общность. О казахстанцах как великом народе говорил и президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, выступая 15 декабря 2010 г. на торжественном собрании, посвященном Дню независимости РК. При этом он подчеркнул: «Мы в Казахстане создали интегрирующую модель мира и согласия, ядром которой стала Ассамблея народа Казахстана. Путь нашей независимости – это путь ответственности всех 140 этносов за судьбу общей родины. Нам важно передать традиции дружбы и согласия будущим поколениям казахстанцев» [39].

В научных кругах Казахстана сегодня интенсивно разрабатываются вопросы межэтнического и межконфессионального согласия, консолидации казахстанского общества на основе взаимодействия этнических общностей и мирных отношений между ними, равенства возможностей для проживающих здесь этносов и национальных групп, характера доминирующих партнерских отношений между наиболее многочисленными здесь казахами и русскими и др. Изучаются и задачи укрепления единого казахстанского народа как социально-политической общности.

Так, С.Т. Сейдуманов отмечает, что изучение и решение такого ряда задач, политики в этой сфере межэтнических и межконфессиональных отношений «… учитывает главную тенденцию формирования национальной идентичности и способствует образованию единого народа, где общность судеб выступает главным связующим началом» [38, с. 46].

Тема казахстанцев как социально-политической общности требует более углубленного исследования. Необходимо решить задачу периодизации становления и последующего развития этой общности, а также исследовать ее историю по периодам и этапам, выяснить насколько она исторична (или только современна?), дать развернутую (с определением всех черт и признаков) характеристику казахстанцев и т.д. Такого рода исследования необходимы, прежде всего, с практической стороны дела – нужно преодолевать иной подход к этой проблеме, когда культивируется и казахская национальная идея. По мнению ряда ученых Казахстана, в этом государстве «… существует только одна нация, которую составляют казахи, тогда как все остальные проживающие в республике народы являются диаспорами» [40, с. 97]. Важно выяснить насколько далеко зашли здесь процессы этнокультурного взаимодействия, возможно ли вести речь об этнокультурной общности или только об этнополитической общности и т.д. В любом случае решение этих задач, безусловно, будет иметь большую роль в воспитании межэтнического сознания в республике [41].

Результативность в таких исследованиях может быть более весомой, если проводить параллельное изучение казахстанской (в РК) и российской (в РФ) социально-политических общностей.

В заключение выскажем несколько предложений в плане активизации исследований по данной тематике. Неплохо было бы учредить и издавать совместный журнал «Казахстан и Россия» (или «Народы Казахстана и России»), провести Международную научно-практическую конференцию (или даже конгресс) «Народы Казахстана и России», продолжить проведение регулярных (раз в пять лет) Международных научных конгрессов «Этническая история и культура народов Евразии», издавать этнографические книги (или серию) о народах и национальных группах пограничных территорий Казахстана и России, создать в Омске научно-исследовательский Институт истории и социокультурных исследований народов Евразии» (имеется в виду евразийское пространство).

Наверное, правильным будет и регулярное проведение Международного научно-практического семинара «Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество», пустив его по городам, прежде всего, пограничных территорий Казахстана и России.

23 января 2012 г. вышла статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» [42]. Отрадно то, что в ней дана откровенная оценка сегодняшней ситуации роста в России межэтнической и межконфессиональной напряженности, достаточно четко обозначены основные проблемы в национальной политике и поставлены задачи по их решению.

Своевременными представляются предложения В.В. Путина усилить роль образования в приобретении гражданами и особенно мигрантами гуманитарного знания как основы самоидентичности российского народа и создать в федеральных органах власти специальный коллегиальный орган для решения национальных вопросов в стране.

Отметим все же, что среди учебных предметов им названы русский язык, русская литература, отечественная история, и в этот перечень не вошла этнография – наука об историко-культурных общностях, прежде всего о народах, их истории, культуре, социальном развитии и т.д. А ведь именно этнографические знания в первую очередь играют существенную роль в формировании мировоззрения у граждан разных национальностей, направленного на возрастание уважения к истории и культуре народов страны и на укрепление представлений об общности исторических судеб народов России и о россиянах как исторической общности, сложившейся на основе российской цивилизации. О необходимости введения всеобщего этнографического образования в таком многонациональном государстве, как Россия, ученые заявляли не раз в 1980–1990-х гг., в том числе и через опубликованную в 1992 г. в журнале «Этнографическое обозрение» резолюцию «Об этнографическом образовании в высшей и средней школе России» [43, с. 138 – 140].

И еще одно предложение. Конечно, все мы, ученые, поддерживаем идею о необходимости создания системы подготовки профессионалов-этнографов (или этносоциологов) в сфере высшего образования, с тем чтобы они могли работать в регионах страны как чиновники и успешно справляться с решением задач в области национальной политики, осуществляя, прежде всего, меры по профилактике межнациональных конфликтов и по стабилизации межнациональных отношений в позитивном направлении. Именно такая категория чиновников (можно сказать, инженеров национальной сферы страны) необходима сегодня и в будущем, как для России, так и для других стран СНГ. Как нам представляется, именно они будут способны осуществлять стратегические направления национальной политики – способствовать развитию всех народов, заботиться о межнациональном мире в регионах и стране в целом, укреплять историческую общность россиян.

Список источников и литературы

1. *Российская нация*: Становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Издание Мин-ва регионал. развития РФ и Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2008. 308 с.

2. *Тишков В. А.* Введение // Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие. М.: Наука, 2008. С. 3–5.

3. *Кузьмин В. А.* Проблемы межцивилизационных взаимодействий // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2000. Вып. 3. С. 24–26.

4. *Послание Президента России Д. А. Медведева* Федеральному собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. // Парламентская газета. 2009, 13 ноября.

5. *Томилов Н.А.* Историко-этнографические общности и место сибирской провинции в ареалах российской и мировой цивилизаций // Этнокультурные взаимодействия в Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. С. 14–17.

6. *Томилов Н.А.* Северо-азиатская культурная провинция и ее место в ареалах российской и мировой цивилизации // Россия и Восток: история и культура: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск: ОФ ОИИФФ, 1997. С. 158–166.

7. *Томилов Н.А.* Сельская культура как звено сибирско-российской цивилизации // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Омскбланкиздат, 2010. Ч. 1. С. 43–48.

8. *Томилов Н.А.* Сибирская культурная провинция и ее место в российской и мировой цивилизациях // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Т. II. С. 339–347.

9. *Томилов Н.А.* Сибирская культурная провинция и ее место в российской и мировой цивилизациях // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2006. Вып. 2. Кн. 2. С. 110–120.

10. *Томилов Н.А.* Сибирская провинция: ее социокультурный потенциал и роль в евразийском культурном поле // Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия – Сибирь – Казахстан: материалы VI Всерос. науч. и науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 3–5 октября 2006 г.). Омск: б. и., 2006. Ч. 1. 2006. С. 7–12.

11. *Тюгашев Е.А.* Диалог культур и цивилизаций: методологический анализ // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. Вып. 8. С. 7–13.

12. *Горелова Ю.Р.* Культурология. Омск: Изд-во Омск. ин-та предпринимательства и права, 2005. 288 с.

13. *Жигунова М.А., Томилов Н.А.* Феномен казачества и его роль в российском обществе // Сибирское казачество: история и современность: Сб. науч. ст. Омск : Наука, 2011. С. 4–11.

14. *Захарова И.В., Томилов Н.А.* Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / Отв. ред. В.П. Корзун, В. И. Матющенко. Омск: Издательск. дом «Наука», 2007. 400 с.

15. *Томилов Н.А.* Народная культура городского населения Сибири: Очерки историографии и теории историко-этнографических исследований / Отв. ред. В.П. Корзун. Омск: Издательск. дом «Наука», 2010. 164 с.

16. *Алисов Д А., Томилов Н.А.* Научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии за 15 лет // Культурологические исследования в Сибири. 2008. № 2. С. 11–27.

17. *Бережнова М.Л., Томилов Н.А.* Слово о кафедре // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск: ОмГУ, 2005. С. 5–24.

18. *Корусенко С.Н., Смирнова Е.Ю., Томилов Н.А.* Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН в 2006–2010 годах // Культурологические исследования в Сибири. 2011. № 2. С. 7–13.

19. *Корусенко С.Н., Смирнова Т.Б., Томилов Н.А.* Омскому этнографическому научному центру 35 лет // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 266 – 269.

20. *Смирнова Е.Ю.* Список научных трудов омских этнографов (1999–2004 годы) // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск: ОмГУ, 2005. С. 348–473.

21. *Смирнова Е.Ю., Томилов Н.А.* Научные издания Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН 2006–2010 годов // Культурологические исследования в Сибири. 2011. № 2. С. 22–26.

22. *Томилов Н.А.* Омский научный этнографический центр и его теоретические исследования // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011. С. 319–336.

23. *Томилов Н., Жигунова М.* Омский научный этнографический центр: штрихи к портрету // Антропология академической жизни: Междисциплинарные исследования. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. II. С. 285–295.

24. *Томилов Н.А., Смирнова Е.Ю.* Научные издания, подготовленные омскими этнографами (1999–2005 годы) // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск: ОмГУ, 2005. С. 334–347;

25. *Ахметова Ш.К., Томилов Н.А.* Казахи Западной Сибири в исследованиях российских и казахстанских ученых XIX – начала XXI веков // Казахи России: история и современность. Омск: ОмГУ, 2010. Т. 1. С. 35–49.

26. *Ахметова Ш.К., Томилов Н.А.* Чокан Валиханов и этнографическая наука в Омске // Жизнь и наследие Ч. Ч. Валиханова: сборник научных статей, посвященных 175-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова. Омск: б. и., 2010. С. 21–27.

27. *Ахметова Ш.К.* Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде / Отв. ред. Н. А. Томилов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2002. 104 с.

28. *Культура казахов* в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея / В.Б. Богомолов, И.В. Захарова, Н.А. Томилов и др.; гл. ред. серии Н.А. Томилов, отв. ред. тома И.В. Захарова, Н.А. Томилов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1995. 268 с. – (Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев).

29. *Подопригора Ю.И.* Немцы Павлоградского Прииртышья / Ред. Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. Алматы: ТОО «Полиграфсервис», 2010. 160 с.

30. *Ахметова Ш.К.* Современные этнические процессы у городских казахов Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2001. 21 с.

31. *Дайрабаева А.А.* Традиционное орнаментальное искусство казахов степной зоны Западной Сибири конца XIX – XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. 22 с.

32. *Матвеев А.В.* Сухопутные коммуникации и традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья в XVIII – первой трети XX вв. (по данным этнографии и археологии): Автореф. дис…. к. и. н. Омск, 2003. 19 с.

33. *Подопригора Ю.И.* Этнический и конфессиональный состав немцев Павлодарского Прииртышья в XX – начале XXI века: автореф. дис…. к. и. н. Томск, 2009. 19 с.

34. *Проваторова О.М.* Современные этнические процессы у казахов Западной Сибири: Автореф. дис. ... к. и. н. Л., 1986. 18 с.

35. *Сарсамбекова А.С.* Казахи Западной Сибири и сопредельных территорий Казахстана: этнокультурные связи и процессы (конец XX – начало XXI в.): автореф. дис. ... к. и. н.. Томск, 2009. 20 с.

36. *Смагулов Б.К.* Погребальный обряд казахов Омской области конца XIX – XX вв.: автореф. дис. ... к. и. н. Омск, 2002. 22 с.

37. *Смелякова А.В.* Казахские этнографические коллекции в музейных собраниях Западной Сибири. Кемерово: Автореф. дис. ... к. культурол. н., 2009. 23 с.

38. *Сейдуманов С.Т.* Казахстанская модель межэтнического согласия на примере г. Алматы // Казахстанская модель межэтнического согласия: состояние и перспективы. Научно-практическая конференция: 26 февраля 2007 г., Алматы, 2007. С. 45–50.

39. *Выступление президента Республики Казахстан* Н. А. Назарбаева на торжественном собрании, посвященном Дню независимости Республики Казахстан. 15.12.2010 г.: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/speeches/summit_conference_sittings_meetings/vystuplenie_prezidenta_respubliki_k

40. *Кадыржанов Р.К.* Национальная идея и национальная политика в современном Казахстане // Казахстанская модель межэтнического согласия: состояние и перспективы. Алматы: КИСИ, 2007. С. 96–106.

41. *Мукажанова А.Ж.* Особенности воспитания межнационального согласия казахстанцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2009. № 1. С. 83–88.

42. *Путин В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012, 23 января. № 7 (5493). С. 1, 4.

43. *Резолюция* Международной научно-практической конференции «Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование»: «Об этнографическом образовании в высшей и средней школе России». 28 мая 1992 г. Омск // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 138–140.

N.A. Tomilov

Historical community of Kazakhstanis Russians and their sociopolitical role

Summary. Questions of general characteristics of human communities and signs of socio-political (historical) communities are considered in the article. The formation of historical communities of citizens of Kazakhstan and citizens of Russia are explained, it's characteristics and socio-political function in the development of Russia and Kazakhstan are identified, relatedness of these communities with civilizational processes in these countries and in the whole Eurasian space is characterized also.

Key words: community, the socio-political community, the nation, civilization, sub civilization system, inter-ethnic and inter-confessional harmony.

УДК 342.2

О.В. Марченко

ИМПЕРСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Данная статья представляет собой попытку дать политико-правовую оценку некоторых сложных вопросов самоидентификации современной России с точки зрения имперской модели государственности и соответствующих ей внешнеполитических и внутригосударственных стратегий.

Ключевые слова: форма государственного устройства, имперская модель государственности, федерация, «сырьевая империя», внешнеполитические ресурсы власти.

В современном правовом культурном поле сама постановка вопроса об имперской модели современной российской государственности, с формально-юридической точки зрения, может показаться совершенно некорректной, поскольку данная модель по самой своей сути противоречит основам конституционного строя, закрепленным в Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. Конституционный строй (в узком смысле) представляет собой способ организации государства, закрепленный в нормах его конституции и получивший дальнейшую регламентацию в законодательстве. Согласно этим нормам, основу организации российской государственности в настоящее время составляют либерально-демократические ценности, в числе которых: федеративная форма государственного единства, а также принципы разделения властей, народовластия (народного суверенитета), местного самоуправления, правового государства и др.

Федеративное государство, с правовой точки зрения, по определению не может быть империей, так как в классическом понимании все империи унитарны. Вместе с тем популярная в отечественной государственно-правовой науке дихотомическая парадигма «федеративное государство versus унитарное государство» может быть приемлема по отношению к России с формально-юридических позиций, и при этом неприемлема с политологической точки зрения. Так, по мнению некоторых ученых, традиционное бинарное противопоставление федерализма унитарному государству, демократии – авторитаризму, централизации – децентрализации «скорее мешает, нежели помогает политологам правильно понять происходящие процессы во всей их сложности» [1, с. 64].

И, следуя принятому в правовой науке разделению понятий юридической и фактической конституции государства, можно сказать, что то, как определена форма государства в его основном законе (конституции), далеко не всегда соответствует положению вещей, существующему в объективной реальности. Федеративная форма государственного единства вообще не относится к числу распространенных – в современном мире всего два с лишним десятка федеративных государств. При этом среди них не так уж много таких, в название которых входило бы слово «федерация». Тем не менее по существу они являются федеративными государствами. Россия же, наоборот, по существу не федерация, хотя в ее официальном названии это слово фигурирует с 1918 г. Иными словами, «федерализм в России в его нынешней форме выступает как административный диктат центра при формальном корпоративном интересе и выгоде субъектов» [2, с. 11], что само по себе для федерализма несвойственно.

Современная форма российского государственного устройства обладает определенной спецификой, обусловленной целым комплексом проблем как старых, унаследованных еще от Российской империи или Советского Союза, так и новых, благоприобретенных [3, с. 8–9]. По мнению большинства исследователей, одной из наиболее явных и существенных особенностей российского федерализма является его асимметричность, под которой подразумевается неравномерность масштабов и статусов субъектов Российской Федерации. С одной стороны, формально они обладают абсолютно равными правами во взаимоотношениях как друг с другом, так и с центром. С другой – существует классификация субъектов на виды, в числе которых – республики, обладающие практически полным «набором» государственно-образующих признаков, вплоть до собственной конституции (основного закона) и гражданства, и так называемые субъекты «второго порядка», не имеющие таких политико-правовых возможностей. Кроме того, асимметрия проявляется также в дифференциации регионов в политическом, социальном и экономическом отношениях, в том числе – по уровню жизни населения.

К числу проявлений особого, характерного для имперской модели, типа взаимоотношений центра с регионами, можно также отнести: государственный, инициированный «сверху», характер российского федерализма; смешанный этнотерриториальный характер субъектов Российской Федерации; противоречие между «суперпрезидентством» и «суперцентрализмом» в одних сферах и регионализмом в других, и др.

В некоторых правовых исследованиях также говорится о том, что «в условиях большой протяженности и многонациональности России и с учетом ее энергетических, ресурсных перспектив отдельные элементы имперской модели вполне интегрируются в отечественную доктрину правового государства и демократического общества, сопрягаются с элементами либеральной модели правового государства, что крайне актуально для обеспечения национальной безопасности России» [4, с. 3].

Происходя от латинского, термин «империя» (лат. imperium) означает «власть государства». Характерными признаками империи являются: высокая концентрация власти; распространение ее на обширную территорию; многонациональный состав населения, которому присущи

значительная этническая и культурная разнородность; мощный бюрократический аппарат. Перечисленные характеристики базируются на определении империи, данном Ф. Броделем [5, с. 11], и вполне соответствуют сегодняшним российским реалиям.

Здесь особую сложность для анализа представляет собой проблема центральной верховной власти. По Конституции 1993 г. Президент Российской Федерации организационно не входит ни в одну из ветвей власти, формально занимая особое правовое положение главы государства, то есть стоит над ветвями власти, обладая исключительными полномочиями по отношению к любой из них. Таким образом, в России фактически вновь возрожден авторитарный политический режим личной власти. Об этом пишут юристы М.А Краснов и И.Г. Шаблинский, по мнению которых в России сформировался «персоналистский режим, под которым мы понимаем несбалансированное сосредоточение властных прерогатив, как явных, так и скрытых, в руках политического моносубъекта, коим выступает Президент РФ» [6, с. 10]. Одним из проявлений такой высокоцентрализованной модели власти стало президентское нормотворчество, осуществляемое в режиме конкурирующей компетенции с парламентом. Для обозначения этого явления в юридической литературе в 90-е годы В.О. Лучинным был предложен термин «указное право» [см.: 7]. При этом нельзя не принимать во внимание тот факт, что «указное право» возникло в современной России не на пустом месте. Это отнюдь не новое политико-правовое явление имеет глубокие исторические корни, основывается на национальных стереотипах поведения, ставших, по сути, государственно-политической традицией.

Необходимо отметить, что понятие империи в науке относится к числу дискуссионных и достаточно «размытых», среди ученых до сих пор не существует единого мнения о том, какие признаки присущи данному типу государственных образований, и, соответственно, что же понимать под империей. Если как-то обобщить существующие точки зрения, можно сказать, что большинство специалистов к числу особенностей имперских государств относят следующие:

1) масштабность территории, контролируемой имперской властью;

2) этническая, религиозная, культурная, экономическая и социальная гетерогенность;

3) особый тип отношений между центром и периферией;

4) феномен длительного существования и жизнеспособности;

5) определенный универсализм политических и культурных ориентаций, выраженный в имперской идеологии или господствующем типе культуры;

6) особый статус правителя, в том числе его сакрализация;

7) стремление к гегемонии на мировой арене и т.д.

Таким образом, современная Россия если и не представляет собой империю в классическом понимании этого термина, то уж точно обладает ее отдельными характеристиками в политологическом смысле.

В последнее время в специальной литературе и публицистике появился термин «сырьевая империя», характеризующий модель стратегического позиционирования России как с внутригосударственной, так и с внешнеполитической точек зрения. Эта так называемая стратегия «сырьевой империи», блокировавшая в конечном итоге развитие российского производства, состоит в том, что, пользуясь зависимостью внешнего мира от российского сырья, Россия может диктовать свою политическую волю. При этом само по себе понятие стратегии «сырьевой империи» изначально содержит внутреннее противоречие – в классической имперской семантике источником сырья являются страны-колонии, выступающие в роли «сырьевого придатка» имперского центра, который, производя высокие технологии, за счет своего технологического преимущества и обладает положением центра [8].

Совершенно очевидно, что реализовывать подобную стратагему, не становясь при этом сырьевым придатком Западной Европы, можно только опираясь на соответствующие ресурсы вла-

сти, наличие которых и позволяет использовать вместо термина «сырьевой придаток» понятие «сырьевая империя». Ресурсы политической власти могут быть как материальными, так и нематериальными, а также включать в себя те элементы государственного устройства, политического режима, территориальной организации власти, которые оказывают непосредственное влияние на формирование и осуществление внешней политики страны [9, с. 94].

К числу ресурсов, которыми в настоящее время располагает Россия, можно отнести: территориально-географические ресурсы; демографические ресурсы, в том числе фактор этноконфессионального состава населения; экономические ресурсы; военные ресурсы; социально-психологические, идеологические, информационно-пропагандистские и институционально-дипломатические ресурсы. Среди них центральное место занимают человеческий ресурс (единственный ресурс политической власти, способный самовоспроизводиться и создавать другие виды ресурсов) и военный. При этом военные ресурсы России могут быть оценены двояко. С одной стороны, Россия по-прежнему остается ведущей ядерной державой, которая по мощи сопоставима только с США. С другой в настоящее время американский ВВП превосходит российский в 10–11 раз, ВВП каждой из трех других «старых» ядерных держав (Великобритании, Франции, Китая) также в несколько раз больше российского, а значит, эти страны обладают гораздо большими экономическими возможностями поддерживать, модернизировать и наращивать свой военный потенциал. И, конечно же, невозможно переоценить значение нефтяного сектора экономики, в случае потери которого Россию ожидают не самые лучшие времена, о чем наглядно свидетельствуют события уходящего года.

Вместе с тем понятие «сырьевой империи» характеризует не только внешнеполитическую, но и внутригосударственную стратегию России, вступая в когнитивный диссонанс с пониманием империи уже в культурологическом смысле, согласно которому империя есть не что иное, как «борьба цивилизации с варварским смыслом внутри своей культуры и варварскими окраинами» [10].

Сырьевая держава сама является варварской по определению, так как нещадно эксплуатирует либо свои природные ресурсы, либо собственных граждан. В условиях бюрократической игры вокруг ресурсов региональные и федеральные российские политические и бюрократические элиты озабочены только собственным обогащением, пытаясь приблизиться к стандартам уровня жизни передовых цивилизаций. Не удивительно, что для абсолютного большинства населения дискуссия относительно природы (унитарная, федеративная или какая-то иная) российского государства не представляет смысла. Поскольку, как справедливо отмечают некоторые исследователи [11, с. 61], как ни определяй устройство нашего государства (империя, деспотия, конституционная монархия, советская социалистическая республика или просто федерация), в своей глубинной сути оно для общественного сознания остается неизменным.

Список источников и литературы

1. *Мендрас М.* Как региональные элиты защищают свою власть // Pro et Contra. 2000. Том 5. № 1. С. 63–79.

2. *Арсеньев В.Р.* Федеративное устройство и стратегии развития России // Российская государственность: уровни власти. Теория и практика современного государственного строительства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2001. С. 9–12.

3. *Петров Н.* Федерализм по-российски // Pro et Contra. 2000. Том 5. № 1. С. 7–31.

4. *Свечинская Я.Э.* Имперская идеология в российской государственно-правовой мысли: Дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 169 с.

5. *Дамешек И.Л.* Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск: Иркутский гос. пед. ун-т, 2005. 246 с.

6. *Краснов М.А., Шаблинский И.Г.* Российская система власти: треугольник с одним углом. М.: Институт права и публичной политики, 2008. 231 с.

7. *Лучин В. О.* Указное право в России. М.: ХГЦ «Велес», 1996. 52 с.

8. *Багдасарян В.Э.* Газовые торги и крах стратегии «сырьевой империи»: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://vbagdasaryan.ru/gazovyie-torgi-i-krah-strategii-syirevoy-imperii/

9. *Малыгин А*. Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. 2001. Том 6. № 4. С. 94–117.

10. *Кантор В.* От Русской империи к националистической деспотии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mion.sgu.ru/empires/docs/Kantor.doc

11. *Ольшанский Д.* Дезинтеграция: новые симптомы старой болезни // Pro et Contra. 2000. Том 5. № 1. С. 34–62.

O.V. Marchenko

Imperial strategics of the authorities of modern Russia: political and legal aspect

Summar.: The article is devoted to the political and legal assessment of some difficult questions of self-identification of modern Russia from the point of view of imperial model of statehood and the foreign policy and interstate strategy corresponding to it.

Key words: form of government, imperial model of statehood, federation, «raw empire», resources of the power.

УДК 930

Л.В. Татаурова

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ И АРХЕОЛОГИЯ РУССКИХ

Аннотация. В статье представлен анализ научных публикаций А.В. Ремнева в материалах международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях». Публикации представляют различные аспекты российского освоения Сибири: политические мотивации, народную колонизацию и изучение самого главного исторического персонажа в истории Сибири – Ермака. Анализируемые работы А.В. Ремнева рассматриваются в контексте археологических изысканий автора и других исследователей-археологов. Включены материалы мемуарного характера.

Ключевые слова: история, археология русских, исторические личности, наследие А.В. Ремнева.

Анатолий Викторович Ремнев в мои студенческие годы был моим учителем в университете. Молодой кандидат наук, только что вернувшийся из Ленинграда, он читал нам лекции в одном из семестров на втором курсе, у одной группы вел семинары. Но наше научное знакомство произошло почти через 20 лет. Помимо административной и общественной работы Анатолий Викторович вел и разносторонние научные исследования, проводил международные конференции, симпозиумы, привлекая к участию в них иностранцев, занимающихся историей России. В научном пространстве нас объединил интерес к русской истории Сибири, в период, который у нас принято называть Новым временем (XVII–XIX вв.). Вероятно, поэтому в 1999 г. Анатолий Викторович предложил посетить участникам очередного научного симпозиума мою археологическую экспедицию в Большереченском районе, близ озера Изюк. на правом берегу Иртыша, напротив села Евгащино.

Участники конференции вместе с А.В. Ремневым прибыли к нам по Иртышу на прогулочном теплоходе «Москва». Они с интересом посетили раскоп, прослушали мои рассказы о том, как в конце XVII в. на это место пришли русские крестьяне и служилые люди, построили здесь деревню. О том, как археологический материал может рассказать об их хозяйственных занятиях и о том, как в конце XIX в. деревне пришлось переселиться на противоположный левый берег Иртыша из-за постоянных разливов реки и основать современное село Евгащино. Затем экскурсанты (а среди них было большинство ученых-иностранцев из дальнего зарубежья, которые прекрасно владели русским языком) поехали в д. Окунево посмотреть на «центр мира и религий». И пока они набирались впечатлений от путешествия на автобусе по деревенским и проселочным дорогам, мне пришлось переквалифицироваться из руководителя экспедиции в специалиста по борщу и шашлыкам. Правда, банкет мы устраивали в нескольких километрах от базы моего отряда, в урочище Темеряк. в красивейшем сосновом бору. К моменту приезда участников с экскурсии, которые запоздали, потому что немного заблудились, я готовила борщ. И ученый народ тут же стал обсуждать, анализируя состав используемых мною продуктов, что это – борщ или щи?… И, глядя на готовящийся шашлык, утверждать, что они вегетарианцы. Я сказала об этом Анатолию Викторовичу. Он в ответ: «За столом видно будет». И действительно, после «первой» борщ с деревенской сметаной и шашлык пошли на ура. Этот сюжет приведен здесь не только как воспоминание о проведенном совместном мероприятии, но и как пример дальновидности, на мой взгляд, А.В. Ремнева как научного исследователя. И она в том, что эта поездка показала иностранцам-руссковедам настоящую Россию, «не причесанную» специально к их приезду, а такую, какая есть: с нашими дорогами, богом забытыми деревнями и совершенно замечательными людьми. Позднее Анатолий Викторович не единожды рассказывал, что многие из участников этого симпозиума запомнили именно эту поездку.

Вероятно, описанный сюжет способствовал нашему дальнейшему и уже научному сотрудничеству с А.В. Ремневым. В 2001 г. с накоплением собственных материалов по археологии русских и активизацией археологических исследований в сибирских городах возникла идея проведения конференции, которая объединила бы исследователей, занимающихся Новым временем. Причем не только археологов, но и историков, и этнографов, и других специалистов [1; 2]. Конечно же, я пригласила к участию в конференции и Анатолия Викторовича. Правда, выслушав меня, он, подумав, сказал: «Интересная идея, но, Лариса, я же не археолог» (эту фразу, несмотря на участие почти во всех моих конференциях, он повторял всегда). Конечно, пришлось убеждать, что археология и ее роль в исторической науке – это не только раскопки и артефакты, это, прежде всего, исторические реконструкции на основе анализа найденных артефактов и всех возможных источников (письменных, исторических, этнографических, результатов междисциплинарных и естественнонаучных исследований). Кроме того, очень жаль, что историки не используют археологические материалы в исторических нарративах (вспомните пример с портретом Витуса Беринга). Он согласился.

Сегодня, перечитывая, его статьи в сборниках конференции «Культура русских в археологических исследованиях» видится, хоть и, вероятно, спонтанная, последовательность изложения исторических процессов в Сибири, связанных с ее российским освоением: политическая мотивация [3], народная колонизация [4]. и изучение самого главного исторического персонажа в истории Сибири – Ермака [5].

Рассматривая политические процессы колонизации Сибири, А.В. Ремнев затронул самый значительный аспект этого процесса – формирование этнической группы русских сибиряков: «Оторванные от мест своего компактного проживания украинцы и белорусы, хотя и сохраняли достаточно долго свой язык, черты бытовой культуры, в условиях Сибири и Дальнего Востока, ока-

завшись рассеяны (хотя и проживали отдельными поселениями) среди выходцев из великорусских губерний, сибирских старожилов и коренных сибирских и дальневосточных народов, были более восприимчивы к культурным заимствованиям. Отсутствие постоянных контактов с местами выхода, непривычная природная среда, условия хозяйственной деятельности, смешанный состав городского населения, разнородный этнический состав рабочих на золотых приисках и стройках стимулировали процессы единения в «большую русскую нацию» [3, с. 23]. Вопрос об этнической принадлежности сибирского населения в XVII - XVIII вв., памятники которого мы изучаем археологическими методами и считаем русскими, неизменно вставал в дискуссионном пространстве конференции. Анализ археологических материалов, этнографических и исторических источников доказал справедливость приведенной выше цитаты [6; 7]. Кроме культурной, по мнению А.В. Ремнева, необходима была и экономическая интеграция Сибири и Дальнего Востока в Россию. Анализируя этот процесс, Анатолий Викторович приводит одну любопытную цитату: «… в 1910 г. ….бывший чиновник Комитета Сибирской железной дороги И.И. Тхоржевский с удовлетворением отмечал: "По обе стороны Урала тянулась, конечно, одна и та же Россия, только в разные периоды ее заселения, как бы в разные геологические эпохи. Впрочем, Западная Сибирь уже заметно сближалась с востоком европейской России″» [3, с. 26]. Заключение, характеризующее развитие сибирской культуры как уже пройденный ранее этап этого процесса на территории метрополии очень четко проявляется и в археологическом материале, например, в самом массовом – керамике. Гончарный круг и русское керамическое производство, которое принесли в Сибирь переселенцы, прошло здесь вновь все этапы своего становления [8]. Так, по материалам европейской России, лепная посуда (изготовленная методами скульптурной лепки без использования гончарного круга) исчезает в X–XII вв. [9, с. 24]. В Сибири она доживает до середины XX в., причем даже в специализированном гончарном производстве мастера, владея гончарным кругом, посуду предпочитали делать частично или полностью методом скульптурной лепки [10, с. 59], а на круге лишь обрабатывали поверхность.

Анализ «народной колонизации» Сибири, обилие пригодных для сельского хозяйства земель и отсутствие крепостного права сформировали иной, отличный от европейского образ сибирского крестьянина. Основой консолидации которого, по мнению А.В. Ремнева, стало православие. «Сцементировать разнородное русское общество на азиатских окраинах призвана была Русская православная церковь. «Русскую землю» крестьянин воспринимал как «христианское пространство», где живут православные люди, как территорию, отмеченную христианскими маркерами» [4, с. 36]. По археологическим материалам это прослеживается в погребальном обряде. Так на памятнике Изюк-I (Большереченский район Омской области) нательные кресты, как элемент погребального обряда, и маркер православия, обнаружены почти во всех могилах – на 261-м погребении (264 умерших) зафиксировано 205 нательных крестиков и один кожаный. Еще четыре крестика обнаружены в культурном слое поселения, три могли иметь отношение к кладбищу [7]. Количество нательных крестиков связано с двумя дополняющими друг друга факторами: «...использование культовых православных амулетов характерно лишь для самых ранних этапов приобщения к христианству, когда принявшие крещение стремились демонстрировать свой переход к новой религии...» «...обычай хоронить с крестиком возрождается, по-видимому, в XVII в., когда реформа Никона вызвала жесткое противостояние официальной церкви и старообрядчества (вплоть до запрета медного литья). Вновь возникла потребность демонстрировать принадлежность к конкретному течению православия...» [11]. В сибирских условиях «работал» еще один фактор – не только принадлежность к православию, но и принадлежность к русской (российской) народности, то есть консолидация по вере и национальной принадлежности среди местного «инородного» населения.

Последней работой Анатолия Викторовича, связанной с тематикой конференции «Культура русских в археологических исследованиях», стала статья, посвященная Ермаку – центральной фигуре в сибирской истории. Он анализирует образ Ермака в православном контексте XVII–XVIII вв., художественно-историческом осмыслении его образа в XIX в.: «для русских сибиряков, которые пришли на новую землю, нужен был свой исторический символ, подчеркивающий важные элементы их идентичности: сохраняющуюся «русскость» и историческое право на Сибирь. Ермак выступал в этом случае как объединяющий знак и поучение в формирующейся коллективной культурной памяти региона», отношение к Ермаку в советское время и в современности [5]. Особый интерес эта тема имела потому, что на эту же конференцию тюменские коллеги-археологи представили результаты археологического исследования места последнего боя Ермака [12]. Поэтому очень хотелось на дискуссионном поле научного форума выслушать точки зрения авторов обоих докладов, которые с помощью разных подходов пытались осмыслить, оценить и понять роль самой значимой личности в сибирской истории. Но…

В 2011 г. волею судеб конференция «Культура русских в археологических исследованиях», уже получившая статус международной, проходила в г. Тара (Омская область). Она была частью мероприятий по гранту ФЦП Министерства образования и науки Российской Федерации «Междисциплинарные методы и технологии в археологии русских: история, технология, человек». Кроме его публикации в сборнике конференции у нас с Анатолием Викторовичем была договоренность, что часть статей молодых исследователей будет опубликована в нашем ВАКовском «Вестнике Омского университета», редактором которого он был. Анатолий Викторович собирался поехать в Тару и как докладчик, а мне всегда было важно, чтобы все желающие поучаствовать в конференции и приславшие статьи в сборник обязательно приехали. Тем более очень хотелось послушать на одной площадке доклады, посвященные Ермаку. Я позвонила Анатолию Викторовичу вечером 19 ноября, в субботу, и сказала, что в Тару мы выезжаем в понедельник, 21-го. Он ответил мне усталым и грустным голосом, что очень хочет поехать, так как лет 20 не был в Таре, посмотреть, как много там изменилось. Но в понедельник врачебный консилиум, который он, к сожалению, не может пропустить. Не знаю, почему, но при всем понимании ситуации его отказ расстроил меня до слез. После конференции мы встретились на его кафедре. Я справилась о здоровье, прогнозах врачей. Он был весел, потому что доктора обнадежили улучшением, шутил над своим внешним видом после лечения, спрашивал об итогах конференции. В ответ вручила ему материалы конференции, он порадовался, что по сравнению с первой конференцией сборник значительно «потолстел», говорили о статьях в «Вестник». А через два месяца Анатолия Викторовича не стало.

Список источников и литературы

1. *Татаурова Л.В.* Культура русских в археологических исследованиях: проблемы и перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. педагогич. ун-та, 2002. С.3–8.

2. *Татаурова Л.В.* Основные направления в изучении культуры русских Сибири по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С.16–25.

3. *Ремнев А.В.* Как сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX века // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. педагогич. ун-та, 2002. С. 15–28.

4. *Ремнев А.В.* Как «чужая» земля становилась «русской»: народное историческое сознание в имперских стратегиях «обрусения» азиатских окраин // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во «Апельсин», 2008. С. 27–38.

5. *Ремнев А.В.* Ермак в исторической памяти, имперских и национальных сценариях и нарративах // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 153–168.

6. *Татаурова Л.В.* Кто вы есть, русские сибиряки? // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сборник научных трудов. Челябинск, Изд. центр ЮУрГУ, 2009. С. 161–166

7. *Татаурова Л.В.* Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I. Омск: Изд-во «Апельсин», 2010. С. 11–26.

8. *Татаурова Л.В.*, Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веках (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель Полиграфист, 2014. С. 206–218.

9. *Розенфельдт Р.Л.* Домашняя утварь. Керамика //Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: «Наука», 1997. С. 22–28.

10. *Новиков А.В.* Традиционное гончарство русского населения лесостепи Западной Сибири в конце XIX − первой половине XX в. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Сибирская издательская фирма РАН, 1999. С. 52–76.

11. *Макаров Л.Д.* Погребальный обряд славяно–русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 6. С. 193–232.

12. *Матвеев А.В.* В поисках места гибели атамана Ермака // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 127–145.

L.V. Tataurova

Historical narratives and archeology of Russians

Summary. This article is devoted to analysis of scientific publications of A.V Remnev in materials of the international scientific conference "Culture of Russians in Archaeological Researches". Material of publications represent various aspects of the Russian development of Siberia: political motivations, national colonization, and studying of the most important historical character in the history of Siberia – Yermak. Works of A.V. Remnev are considered in the context of archaeological researches of the author of this article and other researchers-archeologists. Although were included some materials of memoirs character.

Keywords: history, archeology of Russians, historic figures, A.V. Remnev's heritage.

УДК 930.1

Г. Кендербай

МЕМОРИАЛЬНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ ПАМЯТИ А.В. РЕМНЕВА В КОЛУМБИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. В статье освещена работа секционного заседания и «круглого стола» памяти профессора А.В. Ремнева. Мероприятия проходили в рамках ежегодной конференции Общества изучения Центральной Евразии в Институте Гарримана при Колумбийском университете. Охарактеризованы основные проблемы, представленные в докладах участников. Показан вклад А.В. Ремнева в развитие современных имперских и региональных исследований.

Ключевые слова: А.В. Ремнев, Российская империя, Сибирь, региональная история, имперская история, ментальная история.

23–26 октября 2014 г. в Институте Гарримана при Колумбийском университете (г. Нью-Йорк) состоялась 15-я Международная конференция Общества изучения Центральной Евразии (CESS). В рамках конференции были проведены секция и «круглый стол», посвященные памяти выдающегося сибирского историка профессора Анатолия Викторовича Ремнева. Участниками обеих площадок стали российские, казахстанские и американские историки, среди них: Леонид Горизонтов (Высшая школа экономики Национальный исследовательский университет, г. Москва), Дина Аманжолова (Институт российской истории РАН, г. Москва), Наталья Суворова (Омский государственный университет), Светлана Мулина (Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина), Анна Афанасьева (Институт всеобщей истории РАН, г. Москва), Гульмира Султангалиева (Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан), Джейн Бэрбэнк (Нью-Йоркский университет, США), Натаниэль Найт (университет Сетон Холл, г. Нью-Джерси, США), Дэвид Рэйнбоу (Колумбийский университет, г. Нью-Йорк, США) и Гульнар Кендербай (Колумбийский университет, г. Нью-Йорк, США).

Историки представили результаты своих исследований на темы, которые некогда изучал сам А.В. Ремнев. Проблематика докладов охватывала широкий спектр тем, включая идеи областничества и федерализма в имперском контексте, их влияния на формирование колониальных административных структур империи; российские представления об имперской цивилизационной миссии в современном официальном и общественном дискурсах, колонизационные практики, направленные на реализацию этой миссии в Сибири и, наконец, интеллектуальная история региона, которая была наиболее ярко воплощена в работах сибирских областников. Наряду с обсуждением общих тенденций, в своих выступлениях участники дискуссии «стремились подчеркнуть специфические тенденции российской колонизации, которые отличают ее от западного колониального опыта. Историки рассматривают свое участие в обоих мероприятиях как возможность не только поделиться своими воспоминаниями о Ремневе – учителе и коллеге, о совместных проектах, но и как шанс обсудить актуальные направления и исследовательские перспективы в области имперской истории России и Сибири.

Докладом Гульмиры Султангалиевой было открыто секционное заседание «Воображая пространства и народы в Сибири» под председательством Гульнар Кендербай. Г. Султангалиева представила доклад по теме «Младшие чиновники по особым поручениям в системе управления Казахской степью во второй половине XIX в.: чины, функции и направления деятельности». Исследование проводилось на основе архивных материалов, извлеченных из Центрального Государственного архива Республики Казахстан. Анализируя функции нового слоя казахских чиновников, введенных по Временному положению 1868 г., докладчик предложила новые способы изучения работы колониальной администрации в многонациональной империи. В частности, автором были показаны механизмы, связанные с практикой назначения казахов на более низкие бюрократические позиции, используя такие инструменты, как жалование, пенсии и знаки отличия. В докладе Дины Аманжоловой «О некоторых аспектах сотрудничества лидеров Алаш и сибирских областников» была подчеркнута важность экономических, социальных и культурных аспектов сотрудничества между лидерами казахского национального движения Алаш и руководителями Сибирского областнического движения в период 1905–1920 гг. Докладчиком были представлены в качестве площадок совместного сотрудничества: этнографические и социальные исследования, политические и общественные форумы, избирательные кампании, общественная поддержка инородцев, призванных российскими властями в 1916–1917 гг.; разработка и реализация проектов автономизации, которые предусматривали сотрудничество между Алаш Ордой и Сибирским правительством, сопротивление большевикам и другие мероприятия.

Предметом доклада Дэвида Рейнбоу «Жизнь Сибири: биология, как метафора в позднеимперской России» стало выявление и интерпретация биологических метафор, используемых при формировании сибирской идентичности в период резких трансформаций в демографической ситуации, административном устройстве и инфраструктуре региона. Имперские чиновники, региональные элиты, политические ссыльные и сибирские интеллектуалы, участвующие в этих изменениях, разделяли мнение, что они привносили «жизнь», «возрождение», «рост» и «зрелость» в региональное развитие. Доклад Д. Рейнбоу исследовал использование метафоры жизни в сибирском контексте, ее влияние на сибирскую идентичность и ее содействие включению Сибири в рамки более широких российских и глобальных дискурсов цивилизации, прогресса. Последний доклад секции, озаглавленный «Объясняя эпидемии в имперских контекстах: российские ответы на чуму в казахской степи в конце XIX – начале XX в.», был представлен Анной Афанасьевой. В докладе была показана неоднозначная природа дискурсов, политики и практик со стороны центральных и местных органов власти, российских врачей и кочевников Казахстана на распространение эпидемии чумы в казахской степи. В своем заключительном слове дискуссант секции Джейн Бэрбэнк отметила, что благодаря выступлениям докладчиков у участников секции сложилось более красочная и богатая картина Российской империи. В частности, она подчеркнула что политические, географические, экономические, языковые, культурные стратегии и практики со временем динамично и наглядно изменяли карты и понимание империи в целом.

Выступления в рамках «круглого стола» «Вспоминая жизнь и творчество Анатолия Ремнева» были отмечены теплой, неформальной и непринужденной атмосферой. Это произошло в значительной степени из-за выступлений Леонида Горизонтова, Натальи Суворовой и Светланы Мулиной – учеников, близких друзей и коллег Анатолия Ремнева. «Круглый стол» проводился под председательством Натаниэля Найта. Н. Суворова подготовила для участников «круглого стола» презентацию, в которой были затронуты малоизвестные аспекты биографии А.В. Ремнева. Редкие фотографии из личного архива А.В. Ремнева представили детские и студенческие годы; ученого в кругу родственников, друзей и коллег. Часть фотографий раздела «Научный туризм» представляла участников одного из ранних русско-американских научных семинаров в Омске. Именно она вызвала самые яркие воспоминания и комментарии участников «круглого стола», включая Джейн Бэрбэнк, которая лично присутствовала на этом мероприятии. Н. Суворова также поделилась результатами долгосрочного совместного с А.В. Ремневым проекта «Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX веков». Она указала на значительный теоретико-методологический вклад профессора А.В. Ремнева, в частности на предложенную им концепцию географии власти, которая была реализована на сибирском материале и нашла отражение в исследованиях ментального строительства сибирского пространства и иных колонизационных практик. Исследования А.В. Ремнева способствовали складыванию самостоятельного направления в области изучения Сибири.

После презентации последовало выступление ученицы А.В. Ремнева – Светланы Мулиной. Она поделилась своими впечатлениями о периоде обучения у А.В. Ремнева, который повлиял на ее личностное развитие и ее научную карьеру. С. Мулина отметила, что среди прочих интересов профессор Ремнев обращался к исследованию различных аспектов польской ссылки в Сибирь на разных этапах имперского периода. Он был одним из немногих историков, который отметил важность изучения «польского вопроса» в имперском контексте. Польские ссыльные в Сибирь рассматривались им и как жертва российской имперской власти, и как средство имперской экспансии России в Сибири. Имперские власти широко использовали ссыльных поляков в местной администрации и армии. С. Мулина подчеркнула, что анализ взаимодействий польских ссыльных с местным населением может способствовать лучшему пониманию межэтнического контекста, в кото-

ром происходили процессы «осибирячивания» местного населения. Размышления С. Мулиной помогли обогатить наши знания о личности Ремнева, добавив к его образу одаренного ученого качества внимательного наставника и друга.

Близкий друг и коллега Ремнева Леонид Горизонтов представил дальнейшее развитие этих качеств, цитируя некоторые из личных писем Ремнева. Указывая на богатое научное содержание этих писем, Л. Горизонтов сделал важное замечание о плодотворности специального исследования личной переписки А.В. Ремнева с его друзьями и коллегами. Г. Султангалиева также поделилась личными воспоминаниями о стажировке в Центре славянских исследований при Университете Хоккайдо в Японии, которую она проходила в одно время с А. Ремневым.

По итогам выступлений на секционных заседаниях и «круглом столе», которые проводились под эгидой CESS в рамках ежегодной конференции в Нью-Йорке, участники пришли к мнению о необходимости продолжать мероприятия, посвященные памяти А.В. Ремнева, в виде семинаров, конференций и других форм академического сотрудничества. Изучая научное наследие Ремнева, эти площадки могут превратиться в исследовательские центры для обсуждения широкого круга вопросов, изучению которых была посвящена жизнь Анатолия Викторовича Ремнева.

G. Kendirbai

The Remnev Initiative at the University of Columbia

Summary. In this article the work of the breakout session and round-table memory of Professor A.V. Remnev. Events were held in the framework of the annual conference of the Central Eurasian Studies Society (CESS) at the Harriman Institute of Columbia University in the City of New York. Outlined the main issues presented in the reports of the participants. The contribution of A.V. Remnev in the development of modern imperial and regional studies.

Key words: A.V. Remnev, the Russian Empire, Siberia, regional history, imperial history, mental history.

РАЗДЕЛ 2

АЗИАТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ, ЭТНИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

УДК 94(47)(57).05

В.Г. Вовина

«СЪЕХАЛИ В СИБИРЬ…»: КУРГОМЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. В статье анализируются данные по истории Кургоменской волости – одной из крестьянских волостей среднего Подвинья, входившей в состав Важского уезда. В центре анализа переписная книге 1710 г., в которой отражены изменения, связанные с тяготами, привнесенными в жизнь волости новациями Петровской эпохи.

Ключевые слова: микроистория, Кургоменская волость, Поважье, переписная книга, Петровская эпоха.

Исследования по истории крестьян было приоритетным направлением в советской исторической науке, история черносошных, государственных и удельных крестьян в том числе. Из важнейших работ по допетровскому периоду достаточно назвать «Аграрную историю северо-запада России» под ред. А.Л. Шапиро [1–5]. Крестьянами Русского Севера, в частности Подвинья, занимался А.И. Копанев [6; 7]. С 1990-х гг. эти темы отошли на периферию исследовательских интересов. Зато появились новые направления, например, микроистория. В западной литературе она давно разрабатывалась как история отдельных сел, деревень и т.д. Таким образом, интерес был смещен с больших социальных групп (классов, сословий и пр.) на мелкие социумы, закрытые сообщества и микромиры. Так, например, строятся исследования русских монастырей историками школы З.В. Дмитриевой [8–12]. При этом большую роль по-прежнему играют материалы разного рода государственных описаний.

А.И. Копанев когда-то посвятил исследование отдельно взятой крестьянской волости Русского Севера – Куростровской волости, опираясь на сохранившиеся куростровские столбцы в составе Архива СПбИИ РАН [13]. Наша же статья – первый опыт в исследовании Кургомени. Кургомень – удаленная от центра местность, расположенная в Среднем Подвинье, на правом берегу Северной Двины. Она близко соседствовала на правом берегу с Топецкой, Конецгорской, Троицкой и Борецкой волостями, а на левом берегу с Тулгасской волостью (при впадении в Двину реки Тулгас). Это типично северно-русская местность, затерянная в лесах, изрезанная речками, впадающими в Северную Двину (на правом берегу реки Топса, Нондрус, ручей Ундыш), для которой и сегодня проблемой является транспортная связь по дорогам даже с Архангельском, а в древности, разумеется, все связи с внешним миром существовали только по Двине и ее притокам. Крупнейшим пунктом в округе в настоящее время является Березник, когда-то Березницкая волость (ниже по Двине, чем Кургомень). Название же Борецкой волости относит нас к временам, когда там имели владения бывшие «двинские бояре», а затем и крупнейшие новгородские землевладельцы Борецкие.

К сожалению, по Кургомени не сохранилось такого компактного архива актового материала, как по Куростровской волости. В древности Кургомень, видимо, была частью территорий, определяемых как Заволочье и принадлежавших Новгороду. Находящаяся ниже Кургомени по те-

чению Двины, но сравнительно неподалеку от нее Усть-Вага упоминается на деревянном цилиндре-замке № 19, который был найден при раскопках в Новгороде в слое XI в. [14, рис. 5 (2)], а также в известном уставе новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г.[15, с. 117; 16].

Но владения великих князей с течением столетий придвигались к этим местам все ближе. В Двинской уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1397 г. упомянуты следующие местности Двинской земли: «<…>А на Орлеце дворяном хоженого белка; а езды и позовы от Орлеца до Матигор две белки езду, до Колмогор две белки, до Куреострова две белки, до Чюхчелема две белки, до Ухтеострова две белки, до Кургии две белки, до Княжаострова четыре белки, до Лисичаострова семь бел, а до Конечных дворов десять бел, до Нонаксы дватцать бел, до Уны тритцать бел; а се Орлеца вверх по Двине до Кривого белка, до Ракулы две белки, до Наволока три белки, до Челмахты четыре белки, до Емци пять бел, до Калеи десять бел, до Кириегор семнатцать бел, до Тоимы до Нижние тритцать бел<…>» [17, № 13]. Последнее из названий – правый приток Двины река Нижняя Тойма (Тойма, как и Усть-Вага, упомянута в грамоте князя Святослава Ольговича) – это местность, лежащая уже сравнительно неподалеку от Кургомени. Устье Нижней Тоймы и одноименное поселение расположено на правобережье немного выше Кургомени и Топсы (в дальнейшем, как и Кургомень, Нижне-Тоемская волость, как и Верхотоемская относились к Подвинскому стану Важского уезда). Итак, мы знаем, что в конце XIV в. рука наместника великого князя доставала до Нижней Тоймы, однако Кургоменская боярщина была в это время частью новгородских владений и попала под власть великого князя лишь после 1471 г.

Впервые Кургомень в форме «Кургонема» упоминается в духовной Ивана Тойвита о вкладе в Михайловский Архангельский монастырь второй пол. XV в. Духовная сохранилась в списке XVII в. Среди прочих своих имуществ Иван Тойвит завещал в монастырь «что порубили (речь идет о волостных разрубах земли, производившихся подворно и определявших количество земли за каждым двором и соответствующий этому расклад платежей. Следовательно, Иван Тойвит имел в Кургонемской и Низовской третях часть своей пашенной земли, поскольку «поралье» – подать с плуга) Тойвита в поралье, выдали голец Федору Тимофееву в семи сорокех, в Кургонемской да в Низовской трети» [18, с. 253]. Этим же столетием датируется купчая Шилы и его братьев на село Кургонемское, сохранившаяся также в списке XVII в.: «Се купил Шило у Еремея и у его детей село Кургонемское. А дал на нем семь сороков белки, овцу пополовку. И потом Шиловы дети Глебе з братиею придали два рубля к старым кунам отца своего купли, а взял два ти рубли Гришка Павлов, Сава Михайлов. А купили Шиловы дети и двор и земли по Еремееву заводу по старому собе и свои детем одерн. А дали овцу пополонку…» [18, с. 259]. Третья из двинских грамот, где упомянута Кургомень, также датируется XV в., и дошла до нас в пергаменном подлиннике, хранящемся в ОР РНБ. Это данная Ивана Михайлова с женой Федосьей Никите Федоровичу и дочери Евдокии «на село земли Онашиньское на Кургонеми, да двое порт, шюбу да чюпрюне, да приданую девку Феню» [18, с. 264; 6, «Девка Феня», очевидно, холопского происхождения. См.: с. 182–187]. Далее сказано, что «межа тому селу по старым межам, и пожни и с притеребы». Среди послухов обозначен, между прочих, «поп Василей, служитель святого Николы». Итак, мы знаем, что в XV в. существовала Кургоменская (Кургонемская) треть, а также одноименное село Кургонемь, в третьей из перечисленных грамот название «Кургомень» упомянуто просто как обозначение местности. Известно также, что там находился храм св. Николы.

Кургоменская черносошная волость в XVI–XVII вв. была частью Важского уезда (В XVIII в.) это были уже удельные земли (Кургоменский приказ Шенкурского уезда). Материалы по истории Кургомени с конца XVIII в. хранятся в РГИА в фонде Департамента уделов). Как известно, сохранилась Важская уставная грамота от 21 марта 1552 г. Кургомень (как и другие крестьянские волости среднего Подвинья) в ней, правда, не упомянута. Но мы узнаем, что Важский уезд в

середине XVI в. делился на два округа – Шенкурский и Вельский, центрами которых были соответствующие города Шенкурск и Вельск. Шенкурский округ делился на станы: Подвинский, Ледский и Ровдинский. Каждым из округов управляли избранные земские головы, а также существовали и более мелкие должности в системе местного земского самоуправления, такие как становые и волостные судьи [4, т. 1, с. 296]. Кургомень в XVI в. входила в состав Подвинского стана. В Важской уставной грамоте названы трое волостных крестьян Подвинского стана: царь пожаловал грамотой среди прочих «Подвинского стану Ивашку Григорьева сына Нараболду, да Туфанка Иванова сына, да Олексейка Иванова сына»[17, № 234 Уставная Важская грамота 1552 г.]. Нужно думать, что именно эти крестьяне, хотя мы не знаем, к каким волостям Подвинского стана они принадлежали, были в середине шестнадцатого столетия «лучшими людьми» всей этой земли и представляли ее интересы в отношениях с государственной властью. Именно они, в числе других важан, послали челобитную царю (ответом на которую и была Важская уставная грамота), в которой жаловались, что «в станех и в волостех многие деревни запустели от прежних наших важеских наместников, и от их тиунов, и от доводчиков, и от обыскных грамот, и от лихих людей, от татей и от розбойников, и от костарей; а важского-де им наместника и пошлинных людей впредь прокормити не мочно, и от того-де у них в станех и в волостях многие деревни запустели и крестьяне-де у них от того насилства и продаж и татеб с посадов разошлись по иным городам, а из станов и из волостей хрестьяне розошлись в монастыри безсрочно и без отказу, а иные-де посадские люди и становые и волостные кой-куда безвестно розбрелись порознь, и на тех-де на досталных на посадских людех и на становых и на волостных хрестьянех наши важеские наместники и их тиуны корм свой, а праветчики и доводчики побор свой емлют на них сполна, а тем-де посадским людем и становым и волостным досталным хрестьяном вперед от наших наместников и от их пошлинных людей, от продаж, всяких податей тянуть сполна немочно» [17, № 234 Уставная Важская грамота 1552 г.]. После этого по царскому повелению делами Шенкурского уезда стали ведать «излюбленные головы Илья Фенютин с товарыщи десять человек, которых излюбили шенкурцы посадские люди и становые и волостные», а «судные и обыскные и всякие дела» должны быть «у излюбленных голов записывати земскому дияку, которого излюбя выберут себе все шенкурцы посадские люди и становые и волостные, которые приписаны судом к Шенкурье» [17, № 234 Уставная Важская грамота 1552 г.].

Считается, что первым описанием Важского уезда было несохранившееся описание Ивана Петровича Заболоцкого 1550 г., но есть основания думать, что Поважье описывалось и ранее 1550-х гг.[19, с. 538]. В следующем XVII столетии Важский уезд был подразделен на четыре четверти: Верховажскую, Шенкурскую, Подвинскую и Кокшенскую. Кургоменская волость была частью Подвинской четверти [4, т. 1 с. 61–62]. В Архиве СПбИИ РАН хранятся материалы по XVII в., включающие описания Подвинской четверти Важского уезда: Переписная книга Важского уезда (Шенкурской и Подвинской четвертей) 1665 г. с указанием «тяглового солдатского жеребья», копия с писцовой книги Подвинской четверти 1677–1681 гг. письма Б.В. Яковлева и А. Карпова [20, колл. 115, № 306], копия XVIII в. с писцовой книги Подвинской четверти писцов К.Г. Благово и П. Тютчева [20, колл. 115, № 307] и некоторые другие материалы. Результаты изучения Кургоменской волости в XVII вв. будут изложены нами в отдельной статье.

Внимание исследователей уже привлекали некоторые крестьянские хозяйства Важского уезда, находившиеся вблизи Кургомени. А.И. Копанев рассмотрел материалы по хозяйству одного из крестьян соседней с Кургоменью Топецкой волости. Это был по его выражению «деревенский богатей» Богдан Иванов сын Подберезный, вступивший в середине XVII в. в имущественные отношения с Антониево-Сийским монастырем (заложивший монастырю свою деревню). В этой деревне (12 десятин земли) у него было два двора, в одном из которых жил он сам с семьей, а в дру-

гом – крестьянин-половник. Хозяйство Подберезного А.И. Копанев охарактеризовал следующим образом: «В лесу выгорожен телятник, используемый как выгон (“исстари под пашней не бывал”). Во дворах все обычные постройки, у хозяина “изба с голубцом”, две “скотные избы” свидетельствуют о животноводческой отрасти хозяйства. Гумно “за дворами на поле”, крытое, там 2 овина и 2 вороховика. Поодаль “на угоре” амбар с сенцами, где вкладчик “живет…с своими запасы” и “поварня квасная”. О размерах земледельческого хозяйства Подберезного можно судить по количеству собранного осенью 1653 г. хлеба: в двух “кладнях” 214 суслонов ржи (в суслоне 20 снопов), 5 прясел жита (по 8 промежков в прясле) и 4 промежка овса. Суслон в 20 снопов давал умолот около одного пуда, следовательно, ржи в “кладенях” было около 200 пудов, жита в 5 пряслах – около 300 пудов и овса в 4 промежках около 20 пудов, да в амбаре хлебных запасов было 54 пуда. Итак, в один год собиралось свыше 500 пудов хлеба. В хозяйстве было 3 лошади и свыше 10 голов крупного рогатого скота, среди которого преобладали быки. Сена собрано 503 кучи, причем 183 кучи получена на закладной пожне» [7, с. 173–174]. Однако после того как земли Подберезного попали в монастырь, его наследники уже не смогли возродить хозяйство. Но при самом Подберезном, видимо, наличие такого крупного хозяйства по соседству должно было отразиться на жизни не только топецких, но и кургоменских крестьян, тем более что обе волости находились в непосредственной близости, и крестьяне Топецкой волости, как увидим ниже, в начале XVIII в. иногда («наездом») использовали землю Кургоменской волости.

Материалы по Кургомени за первую половину XVIII в. отложились в делопроизводстве Архангелогородской уездной избы в Архиве СПбИИ РАН. Наиболее ранние сведения содержатся в переписной книге Ваги и уезда 1710 г. [20, ф. 10, оп. 3. № 2(2)]. Описание Кургоменской волости, которое далее является предметом данного исследования, расположено на лл. 723–732 об. Очевидно, это первое описание не только за Петровский период, но и с конца XVII в., во всяком случае в нем дважды упоминаются запустения, случившиеся еще в 1682 г. В заключительной части описания данные сравниваются с переписью 1678 г., которая, видимо, и была предыдущей по времени. Поручниками при составлении переписи были выборные люди земский судейка Дементий Гаврилов, церковный приказчик Семен Силин, сотский Дмитрий Чюраков, десятник Осип Никифоров и Емельян Осипов, а также лучшие и другие крестьяне Кургоменской волости Никита Тимофиев, Матфей Никитин и другие, и за всех них «руку приложил» земской дьячок Иван Тимофиев. Таким образом, мы видим работающим волостное самоуправление, так как и эти выборные должностные лица, и другие крестьяне участвовали «у переписки и у досмотру з бурмистрами» (л. 732 об.). Из поименованных в самой переписи (а значит, проживавших в Кургоменской волости) поручников было четверо: в самой описи обнаруживается церковный приказчик Семен Силин 50-ти годов (деревня, «что был починок Ильинской»), Никита Тимофиев 43-х годов, Матвей Никитин 45-ти годов (оба из деревни Калининской), десятник Осип Никифоров 20-ти годов упомянут в деревне Селивановской, а десятник Емельян Осипов из деревни Другая Новинки – 30-ти годов). Видимо, именно они считались «лучшими» крестьянами волости и в силу этого принадлежали к ее административной верхушке. Остается делать вывод, что остальные двое поручников (сотский Дмитрий Чюраков и земский судейка Дементий Гаврилов) проживали в Важском уезде, но не к Кургоменской волости.

Прежде всего, обращает внимание тот факт, что на Кургомени в 1710 г. уже нет храма св. Николы, о котором нам известно в XV в. Между тем, описание волости 1710 г. как раз и начинается сюжетом о церквях: «Волость Кургоменская. А в ней погост, на погосте два храма, оба древяные: храм Воздвижения Честнаго Креста, другий Святаго пророка Илии. Колоколница на столбах, на ней четыре колокола неболших, в том числе один битой. У тех церквей служыт поп Никита Федосиев, а жывет он на церковной белой земле в деревни Тимофиевской, дьячек, пономарь и тра-

пезник. А дворы их на тяглой земле. О том явно в деревни Елизаровской на погостех двор. Просвирница Фотина Козмина дочь».

Волость состояла из погоста, на котором находились две деревянные церкви, девятнадцати деревень, двух пустошей и починка. Почти все деревни оказались размером в 1–2 двора. Самой благополучной выглядит деревня Калининская, где числилось пять живущих дворов и только один пустой двор и одно пустое бобыльское место [Ср.: по А.И. Копаневу в XVI в. средний размер деревни на Двине 3,9 двора, хотя в ряде волостей в среднем приходилось 2 двора. В качестве малодворных исследователь особо выделяет волости нижнего течения Двины. См.: 6, с. 117–118].

Как зафиксировано в описании, по сравнению с 1678 г. запустело 25 крестьянских дворов и тринадцать дворовых мест, не считая погорелых (причем эти «дворовые места» в прошлой описи были записаны дворами). Полностью «в пусте» оказалась одна деревня и пустошь.

Причины столь бедственного положения, видимо, были различны. Некоторые крестьяне умерли (иногда с пометою «умре бездетен»). Но самая частая причина значится как то, что владелец земли «збрел безвестно», иногда с пояснением: вдова из деревни Елизаровской Анисия Лукианова «от скудости збрела в мир скитатца», Аврам Миронов из деревни Ефремовской в 1706 г. «от скудости збрел в ыные уезды», как и Павел Андреев из селища Лисинцовское, Окуловское тож, Козьма Терентьев из деревни Калининской «от хлебной скудости збрел безвестно, а тяглым ево жеребьем владеет тое ж деревни племянник ево родной Алексий Ульянов, припустя своеми жеребьи», в 1706 г. в деревне Мырцовской сразу четверо крестьян «збрели безвестно в ыные уезды», в 1707 и 1708 гг. из деревни Никитинской крестьяне «от пожара… збрели безвестно», Иван Демидов из деревни Прокопьевская в 1704 г. «збрел безвестно», Афанасий Максимов из деревни Селивановской в 1709 г. «от хлебной скудости збрел безвестно», тогда же «збрел безвестно» Кирила Михайлов из деревни Куликовской.

Обращает на себя внимание тот факт, что заметная часть крестьян «сьехали в Сибирь»: в 1709 г. двое крестьян деревни Тимофеевской, крестьянин Петр Герасимов из деревни Ефремовской в 1706 г. «з женою и з детми сьехал в Сибирь», то же сделал еще в 1700 г. и Никита Марков из селища Лисинцовское, в том же 1700 г. крестьянин деревни Другая Новинки Петр Лукин «сьехал в Сибирь на выделном оброке», из деревни Анкидиновской Федор Никитин с братьями в 1703 г. «сьехал в Сибирь», из деревни Гавриловской крестьяне Иван Карпов и Максим Семенов «сьехали в Сибирь», крестьянин Антон Афонасьев из деревни Куликовской «сьехал в Сибирь» еще в 1682 г., а Кирила Михайлов из той же деревни последовал за ним в 1708 г.

Некоторые крестьяне были взяты на государственные работы: в плотники в Таганрог Феоктист Григорьев из деревни Елизаровская, Иван Пиминов из деревни Никитинской в 1702 г. «взят в плотники на Таганрог и умре», крестьяне Сергей Осинов и Никифор Никитин из деревни, «что была пустошь Самсоновская», также не оказались в наличии, поскольку в 1703 г. «взяты в семерики под Ладогу и померли», а сын Никифора Василий «взят в рекрутные салдаты в 705-м», в 1708 г. «сшел под Ладогу в семеричной работе» Федор Филипов из деревни Куликовская.

Некоторые крестьяне оказались хоть и в наличии, но неплатежеспособны: Иван Григорьев из деревни Федосеевской «от скудости кормитца в мире своею работою», крестьянин той же деревни Лука Трофимов «умре, а сын ево Емельян старой скитаетца в мире», луговая земля в деревне Самсоновской запустела «от скудости и платежа денежных доходов», крестьянин деревни Никитинской Макар Антонов «скитаетца в мире», двор Степана Герасимова из деревни Артемовской «запустел в 709-м (*1709. – В. В.*) году от того, что он вне ума, а жывет во дворе у брата своего Федосея».

Неблагополучие коснулось и церковного клира: церковный дьячок Григорий Васильев «за недостатками от денежного платежа, збрел безвестно», пономарь Тарас Иванов «от недостатков своих жывет у попа Никиты в одном дворе, кормитца мирским подаянием».

Иногда причины запустения связаны с природными катаклизмами. В четырех деревнях упоминаются «погорелые» дворы и пожар как причина запустения. Другая причина была связана с особенностью местности. Разливы рек, которыми изобиловали здешние места, давали большие сенокосные угодья с хорошей травой, но они же и приносили несчастья, о чем помнили очень долго. Например, на речке Нондрусе (приток Северной Двины) «сенокосную землю на волоки болшими вешными водами побило и сметало в речку Нондрус в давных летех, а вновь припахать негде», а в деревне Калининской еще в давнем 1682 г. «бобылское место» Спиридона Агафонова «вешнею водою сметало в ручей» (видимо, речь идет о ручье Ундыш вблизи совр. д. Кургомень (в том ее конце, где была расположена бывш. д. Калининская), оброчные сенные угодья деревни Ильинской «запустели от того, что по скаске тое волости всех крестьян ту пожню водою сметало в реку Двину и вешними льдами содрало всю без остатка в давных летех». Некоторые запустевшие земельные участки обрабатывались «наездом» крестьянами соседних деревень и даже волостей: Топецкой волости (ныне – д. Топса) и Тулгаской волости.

Материал описи дает нам возможность увидеть жизнь крестьянской волости в раннюю имперскую эпоху, когда шел еще первый период Северной войны, но когда на черносошных крестьян падали дополнительные тяготы, связанные именно с новыми имперскими задачами государства. В целом, видно, что все это оказалось разрушительным для волости, которую тогда же постигли и неурожаи, отмечаемые как «скудость» и «хлебная скудость», пожары и наводнения. Мы видим картину разорения деревень и запустения пашенных угодий.

Разумеется, для того, чтобы более объективно оценить эти явления, следует сравнить их с состоянием волости в предшествующие и последующие периоды, что мы думаем сделать в дальнейшем, используя сохранившиеся материалы.

Список источников и литературы

1. *Аграрная история северо-запада России*. Вторая половина XV – начало XVI в. Л.: «Наука», 1971. 402 с.

2. *Данилова Л.В*. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV–XVI вв. М.: АН СССР, 1955. 440 с.

3. *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право, М.: «Русская» типо-литография, 1884. 399 с.

4. *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII вв. Т.1. Областное деление Поморья; Землевладение и общественный строй; Органы самоуправления. М.: Издание Имп. о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1909. 105 с.; Т. 2. М.: Издание Имп. о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1912. 311, 45, 30 с.

5. *Островская М.А.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI – XVII в. СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1913. 340 с.

6. *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л. «Наука», 1978. 245 с.

7. *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л.: «Наука», 1984. 242 с.

8. *Дмитриева З.В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 346 с.

9. *Сазонова Т.В*. Кирилло-Новоезерский монастырь: Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI– XVII вв. М.; СПб.: Альянс-Археo, 2011. 416 с.

10. *Дадыкина М.В.* Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI–XVII века: Исследование. Тексты. СПб.: Альянс-Археo, 2011. 383 с.

11. *Башнин Н.В.* Синодики Дионисиево-Глушицкого монастыря XVII–XVIII вв.: Проблемы изучения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3. С. 12 – 13.

12. *Башнин Н.В.* Монастыри и окружающий мир в конце XVI–XIX в. // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 141–148.

13. *Копанев А.И.* Куростровская волость во второй половине XVI в. (Из истории подвинского крестьянства) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 146 –156.

14. *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.

15. *Памятники русского права*. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Сост. А.А. Зимин. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. 442 с.

16. *Щапов Я.Н.* Новый список Новгородского устава князя Святослава Ольговича (из собрания Е.Е. Егорова) // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1963. Вып. 26. С. 397–398.

17. *Акты Археографической экспедиции*. СПб., 1836. Т. I. № 13. 410 с.

18. *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. М.-Л.: Ин-т истории Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1949. 408 с.

19. *Васильев Ю.С.* Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII веков // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда: б.и., 1970. С. 537–562.

20. *Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук*

V.G. Vovina

« Fled to Siberia ...»: Kurgomen' parish in Petrine era

Summary. This article analyzes data on the history of the Kurgomenskoy parish - a peasant townships average Dvina , Kurgomen' was part of the Vaga county (yezd) . In the center of the analysis of the census book of 1710 , which reflects the changes associated with the hardships brought about in the life of the parish innovations Petrine era.

Key words : micro history, Kurgomenskaya parish, Povazhe , census book, Petrine era.

УДК 94(47).05; 94(47).06

М.О. Акишин

ЯМЫШЕВСКОЕ ОЗЕРО В ПРИГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ДЖУНГАРИИ В XVII В.

Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда.
Грант № 14-28-00045

Аннотация. В статье рассматривается становление приграничного сотрудничества Русского государства с Джунгарским ханством. Устанавливается, что оно было вызвано объективной взаимозависимостью земледельческих и кочевых народов, их потребностью в торговле. Особым случаем развития этих торговых отношений стала потребность русских переселенцев в соли для пищевых и промысловых целей, которую можно было удовлетворить только за счет соляных промыслов на приграничной территории. Проблемы организации этого приграничного сотрудничества, несмотря на достаточно острые конфликты, были урегулированы с помощью межгосударственных переговоров и заключения международных договоров. Одним из результатов сотрудничества и конфликтов у Ямышевского озера стало строительство Омской крепости.

Ключевые слова: Россия, западные монголы-ойраты, приграничное сотрудничество, правовое регулирование международной торговли, история Омска.

А.В. Ремнев внес большой вклад в исследование истории Омска, изучение формирования восточных рубежей нашей страны и этнополитические процессы в Сибири и Степном крае. Отталкиваясь от этой тематики исследований выдающегося ученого, остановлюсь на одном из эпизодов приграничного сотрудничества в ареале, в котором в будущем возникли Омск и Павлодар, – истории русских экспедиций XVII в. за солью к Ямыш-озеру и формирования там первой в Сибири и на Дальнем Востоке международной торговой ярмарки.

Под приграничным сотрудничеством государств понимается институт международного права, регулирующий связи приграничных территорий сопредельных государств на основе согласованных действий компетентных органов сторон путем заключения между ними межгосударственных соглашений. Приграничное сотрудничество у Ямыш-озера будет рассмотрено в аспекте становления этого международно-правового института в русско-монгольских отношениях в XVII в.

Возникновение промысла на Ямышевском озере

Присоединение Сибирского ханства к России остро поставило вопрос обеспечения русских служилых и промышленных людей солью, являвшейся в то время не только пищевым продуктом, но необходимой и для обработки шкурок пушного зверя. В конце XVI в. в Москве появилась информация о возможности добычи соли непосредственно в Сибири. По предположению Г.Ф. Миллера, сведения о соленом озере в Посольском приказе получили «на основании рассказов татар» [1, т. I, с. 285]. Сохранилась также легенда, что ермаковские казаки вели торговлю с бухарскими караванами около соляных озер на юге Сибири [2, с. 188].

В наказе князю А. Елецкому 1593–1594 гг., отправленному с отрядом служилых людей для постройки острога на р. Таре, поручалось: «…послать из нового города татар и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привести в стругех, и давать в росход служивым людем» [1, т. I, с. 352]. Речь в наказе шла о «Соляном озере», находившемся на правом берегу Иртыша (в 60 км к юго-востоку от современного Павлодара), которое татары и ойраты называли «Ямыш», а русские – «Ямышева». Г.Ф. Миллер писал о нем: «Сие озеро продолговато-круглое, имеет в окружности с небольшим девять верст и отстоит от реки Иртыша на шесть верст с половиною. Оно не глубоко, и можно везде видеть дно, на котором множество ключей, из которых истекает вода, столь много соли в себе содержащая, что соль и при умеренном исхождении паров без огня сама собой садится и дно якобы толстым черепом покрывает» [1, т. III, с. 482].

Видимо, Елецкий не только заложил Тару, но успешно справился с задачей организации добычи соли. Первое известие о походе служилых людей из Тары за солью к Ямыш-озеру сохранилось за 1601 г. [3, ф. 214. Сибирский приказ, кн. 11, л. 69 об.]. Но походы за солью на Ямыш-озеро, видимо, совершались и ранее. В состав гарнизона Тары были включены местные татары. Одной из их обязанностей было участие в походах к Ямыш-озеру за солью, которая, видимо, возникла с момента их возвращения в 1595 г. в Аялынской и Малогородской волости, откуда их пытался вывести «царевич» Али. В 1604 г. аялынские татары в числе своих обычных служб назвали обязанность «по соль ходить» [3, ф. 214. Сибирский приказ, кн. 11, л. 80 об.]. В 1629 г. служилые татары писали в своей челобитной: «Служим мы, холопи твои, тебе, государю, многие лета, как Тарской город поставлен, и твои государевы службы, зимние и летние, служим мы холопи твои беспрестанно, за один с литвою и с конными казаками, и по соль на Ямышь озеро нас, холопей твоих, посылают же» [4, с. 166].

В XVI в. эта территория находилась на окраинах Сибирского ханства. Отмечу, что даже в 1675 г. Н.Г. Спафарий, говоря о Ямышевском озере, указывал: «…и здесь кончается царство Си-

бирского рубежа» [5, с. 35–36]. После похода Ермака и московских воевод 1590-х гг. именно в эти районы откочевал Кучум, а затем там кочевали его дети и внуки – «Кучумовичи». Известно, что в первые десятилетия XVII в. территория Ямыш-озера находилась под контролем сибирских татар и только затем стала местом перекочевок ойратов [1, т. II, с. 42–43, 664].

Следует отметить, что московские власти всегда рассматривали эту территорию и народы, на них обитавшие, как часть Русского государства. В 1730-е гг. на переговорах джунгарские послы заявляли, что «напред сего вверх по Иртышу на Омь реке учинена была за границу засека, и люди его на тех землях жили… а другая речка имеется под Кузнецким уездом, также с Россиею за границу, которая пала в Обь реку. И называется Черная Омь». Обосновывая свои притязания, джунгары говорили, что «по ту сторону реки Оми вырезан был на дереве военной человек на коне при всей военной аммуниции. И положено было, чтоб далее оного знаку российским и их людям не переходить» [3, ф. 113. Зюнгорские дела, оп. 1. 1595–1736 гг., д. 1. л, 32–32 об.]. В ответ российские дипломаты заявили, что, с точки зрения международного права, между Россией и Джунгарией не существует государственной границы, т.к. между двумя государствами никогда не заключались договоры о разграничении.

Становление русско-ойратских отношений и Ямышевский промысел

В конце XVI в. в степях южной Сибири появились западные монголы-ойраты. В июне 1596 г. воевода Тары князь Ф.П. Елецкий отправил в разведку в степь двух служилых людей. Вернувшись, они сообщили, что в районе оз. Иссык-Куль между ойратами и «кучумлянами» произошло сражение. В 1598 г. новый тарский воевода А.М. Воейков получил от своих разведчиков сообщение о том, что к р. Оби прикочевали с юга 500 ойратов. В 1606–1607 гг. ойраты заняли бассейн Иртыша в районе рек Оми, Камышлова и южнее [6, с. 65].

В 1607 г. ойратские послы ездили в Москву и от имени ойратов заявили о желании жить «под высокой государевой рукой» при условии разрешения им кочевать по Иртышу и приезжать с торгами в сибирские города. По предложению послов обсуждался проект о строительстве русского острога на р. Оми. В приказе Казанского дворца и в 1608 г. тарскому воеводе было предписано послать в степь голову А. Поленова для разведки «городового места… у соляного озера или на Оми реке по конец наших ясачных волостей». Но уже в 1609 г. тайши отказались подтвердить данные ранее обещания. Узнав об этом, в приказе Казанского дворца предписали воеводам: «…и вы б к ним приказали, чтоб они на нашей Сибирской земле по Иртышу и по Оми и по Камышлову и к соляным озерам не кочевали… и шли… прочь» [7, с. 21–30, 39–44].

Несмотря на противодействие русских, ойраты взяли под контроль регион Ямыш-озера. Впервые о встрече с ойратами около озера сообщил ротмистр Воин Волконовский, ездивший туда в 1609 г. с отрядом служилых за солью [7, с. 36]. В 1611 г. тобольские воеводы писали: «В Тобольске соли нет, а с Тары соль по два года не присылована для того, что калмыки озера отняли» [1, т. II, с. 259]. В том же году властям было предписано начать военные действия против ойратов, чтобы изгнать их за пределы русских владений. В 1612 и 1613 г. из Тары было совершено несколько успешных походов против ойратов [7, с. 40–42].

Для того, чтобы решить вопрос с дефицитом соли, тобольские воеводы, видимо, предприняли разведку других соляных озер. Известно, что в 1613 г. из Тобольска была послана экспедиция во главе с ротмистром литовского списка Барташом Станиславовым разведать «соляного озера вверх по Иртышу, за Тарской город». Эта экспедиция, «соляное де озеро проведав», привезла соль в Тобольск [1, т. II, с. 294]. Однако после успехов русских походов 1611–1613 гг. экспедиции для добычи соли на Ямыш-озеро вновь стали регулярными [1, т. II, с. 270]. Известно, например, об экспедициях 1615 и 1617 гг. [3, ф. 199. Портфели Г.Ф. Миллера, портф. 482, ч. 1, д. 6, л. 128–128 об.].

Конфликты удалось урегулировать дипломатическими средствами. В 1616 г. из Тобольска к ойратам было отправлено посольство. Принял его дэрбэтский Далай-тайша, которого называют «всею Колмацкою землею царем, а сам он себя царем не пишет». От имени всех тайшей он заявил, что «они государю служить и во всем рады и под его высокою рукою быть готовы» [7, с. 52, 53]. В 1618 г. послы ойратов были в Москве, где 14 апреля им была вручена царская жалованная грамота. Царь Михаил Федорович дал согласие принять ойратов «под... царского величества высокую руку», обещал им защиту от недругов и право торговли в сибирских городах [7, с. 75–76].

Однако эти заверения только временно ослабили накал пограничных споров. В 1620 г. в окрестностях Ямыш-озера вновь поселилась большая группа ойратов, что сразу же привело к вооруженным столкновениям. В 1621 г. у экспедиции Астафия Харламова произошла стычка с ойратами, в результате которой несколько черкес, служивших в русской казачьей службе, «перебежали к калмыкам» [1, т. II, с. 109, 358]. В это же время в экспедиции ротмистра литовского списка Бартоша Станиславового, ходившей за солью к Ямыш-озеру, «учинилась измена от литовских и от немецких людей». Соли этим экспедициям добыть не удалось [1, т. II, с. 663].

В 1623 г. царской грамотой ойратским послам было запрещено посещать Москву и разрешалось только приезжать в Тюмень и другие сибирские города «с лошадьми для торгу» [7, с. 131–132]. В ответ ойраты в 1620-х гг. перекрыли торговые пути из Средней Азии в Сибирь и усилили натиск на тюркское население Тарского, Тюменского и Кузнецкого уездов. Столкновения у Ямыш-озера происходили в 1623, 1625 гг. Атаман Иван Воинов сообщил о нападении в 1625 г.: «И у соляного озера кочюют многие колмыцкие люди и нас ... те калмыцкие люди у соляного пристанища в осторожке осадили» [7, с. 111–112].

Можно предположить, что именно в обстановке обострения русско-ойратских противоречий экспедиции к Ямыш-озеру стали снаряжаться тобольскими воеводами путем сбора ратных людей со всего разряда. Так, в 1626 г. в экспедицию с сыном боярским Саввой Французаниным было послано 604 служилых людей, отправившихся на 16 дощаниках и семи ладьях [8, с. 102]. В 1628 г. в экспедицию с сыном боярским Б. Аршинским было послано не менее 425 служилых людей [9, с. 51–55]. Эти экспедиции стали обеспечивать потребности всего Тобольского разряда. В 1623 г. соли было привезено 6753½ пуда, в 1624 г. – 12619 пудов, в 1625 г. – 10784½ пуда [4, с. 270].

В 1626 г. в Москве вновь обсуждался проект строительства острога у соляного озера. Тобольским воеводам было предписано: «...допросити сибирских городов служилых и всяких людей, которыя бывали у Ямыша-озера … мочно ли у Ямыш-озера жилой острог поставить, и пашни, и сенные покосы, и леса, и рыбные ловли у самого ли острогу будут или вдали». Согласно этому указу, тобольские воеводы князь А.А. Хованский и И.В. Волынский, «поставя в съезжей избе, роспрашивали тобольских детей боярских и атаманов и служивых людей». Они рассказали, что острог можно поставить, но ни для жилья, ни для пашен местная песчаная почва непригодна.

В 1626 г. в экспедицию к Ямыш-озеру было отправлен отряд в 600 служилых во главе с казачьим головой Грозой Ивановым и Дм. Черкасовым, которым было поручено проверить возможность строительства острога у озера. Эта экспедиция сумела добыть рекордные 56 тыс. пудов соли, но отчет о возможности постройки острога был неблагоприятен. В «доезде» Гроза Иванов и Дм. Черкасов выступили за строительство острога и представили даже чертеж месту его возможной постройки, но при этом они отмечали: «…в тех местах пашенных мест нет, и пашни завесть и хлеба на служилых и на жилецких тутошних людей напахать негде, и всяких угодий мало, и лесу хоромного нету». Ознакомившись с этими документами, в приказе Казанского дворца было решено острога на Ямыш-озере не ставить [10, с. 341–343; 11, с. 159–160].

Русско-ойратские отношения, между тем, оставались напряженными. В 1628 г. воеводы Тары попытались принудить ясачных татар выплатить задолженности по ясаку, что вызвало восстание 1628–1631 гг. В 1634 г. кучумовичи и ойраты совершили набеги на Тару и Тюмень, разорили Барабинскую волость [12, с. 117]. Рост напряженности отразился на ямышевском промысле. В августе 1634 г. русский отряд во главе с детьми боярскими Михаилом Ушаковым и Иваном Астраханцевым был окружен на Ямыш-озере, а затем осажден во временном острожке отрядом тайши Куйши, насчитывающим две тысячи «куяшников». Только после отступления отряда Куйши служилые смогли погрузить соль и с «береженьем» отступить в русские владения [1, т. II, с. 123, 479–480].

Ямышевский промысел в правление Батур-хунтайджи

В 1635 г. Батур-хунтайджи сумел объединить ойратов Западной Монголии и Южной Сибири, создав Джунгарское ханство. По мнению И.Я. Златкина, для его 20-летнего правления была характерна преимущественно внутриполитическая деятельность, направленная на консолидацию ойратов, экономическое и политическое укрепление ханства, объединение сил всей Монголии для отражения нарастающей угрозы со стороны маньчжуров [13, с. 98].

Батур-хунтайджи был сторонником добрососедских отношений с Россией и, в частности, нормализации дипломатическими средствами приграничного сотрудничества у Ямыш-озера. В 1635 г. послы хунтайджи говорили тарскому воеводе, что он «…предлагает доставлять ежегодно через своих людей соль из озера Ямышева для судов, приходящих туда из Тобольска, о чем Кулатайша имеет уже приказ» [1, т. III, с. 10]. В 1636 г. Батур-хунтайджи подтвердил лично эти предложения тобольскому послу Томиле Петрову [1, т. III, с. 11].

В 1638 г. экспедицию во главе с казачьим головой Богданом Аршинским радушно встретили тайши ойратов, кочевавших около Ямыш-озера. Они вступили с ним в переговоры и дали шерть, «что им быть под государевою царского величества высокою рукою, и ему государю служить и прямить, и под ево государевы городы и на волости не приходить, и государевых русских людей и татар на зверовых промыслех и на рыбных ловлях не грабить и не побивать, и от солянова Ямыша озера к судам соль на верблюдех и на лошадях возить». Ойраты, действительно, привезли к русским судам на своих верблюдах и лошадях необходимое количество соли. Приняв шеть, Аршинский одарил тайшей сукнами. Вернувшись в Тобольск, он составил статейный список, т.е. дипломатический отчет о поездке, а не обычную отписку [1, т. II, с. 128–129, 527–528].

В 1640 г. тобольский воевода П. Пронский отправил к Батур-хунтайджи послов с богатыми дарами и просьбой «от соляново Ямыша озера на верблюдах соль в суды возить» [1, т. II, с. 252–253]. В том же году через своего посла хунтайджи передал: «…он де, контайша, прикажет Кулетайши итти на весну к соляным озерам и то твое государево жалованье велит ему принять у соляных озер и велит у соляных озер тебе, государь, служить, в суды соль возить, а для той воски и под торговых людей в подводы пошлет с ним, с Кулою, 100 верблюдов» [13, с. 122]. Джунгары согласились «для верности» давать в аманаты своих «лучших людей» пока русские грузили соль на Ямыш-озере, чтобы избежать «задоров и ссор» [4, с. 79].

Экспедиции к Ямыш-озеру отправлялись из Тобольска, но в них участвовали отряды служилых людей из всех городов разряда – Тюмени, Туринска, Пелыма, Березова, Сургута, Томска, Кузнецка. В Тобольск они прибывали на пяти-, двенадцатисаженных дощаниках, имевших команду из 25 служилых людей и поднимавших 1600–2000 пудов соли каждая. Отправлялся караван обычно в конце мая – начале июня, в дороге к нему присоединялись дощаники и служилые люди из Тары. Общая численность экспедиции достигала 600 и более служилых людей. Дощаники были вооружены пушками, а служилые – пищалями, о чем, в частности, свидетельствуют данные об экспедициях тобольского казачьего головы Якова Шульгина и сына боярского Лариона Чеботова (1650 г.), тобольского сына боярского Меньшого Ремезова (1654 г.) [1, т. III, с. 308, 338]. Прибы-

вала экспедиция к Ямыш-озеру в начале августа и, нагрузив суда солью, в конце августа – начале сентября отправлялась в обратный путь [4, с. 124; 8, с. 102–103].

Промысел соли на Ямыш-озере привел к развитию торговли. По замечанию Г.Ф. Миллера, русские жители ежегодно отправлялись туда «буд-то на ярманку и там с калмыками и бухарцами… отправляли купечество» [1, т. III, с. 472, 482]. Как правило, перед отправкой судов воеводы наказывали служилым людям «с калмыцкими людьми торговать всякими своими товарами, какими торговали наперед сего». Вместе со служилыми людьми приезжали и торговые люди. Ярмарка открывалась «в пост Успения богородицы» (15 августа) и продолжалась две – три недели [14, т. V, с. 525; 16, с. 181, 309].

Ямышевский промысел в правление Сенге-тайши

В 1653 г. Батур-хунтайджи скончался, завещав положение «первенствующего члена» ойратского чулгана своему младшему сыну Сенге, что вызвало недовольство старших. Только в 1661 г. Сенге удалось «соединить под свою власть разрозненные поколения зюнгар». Внутренние проблемы Джунгарского ханства негативно сказались на отношениях с Россией. Сенге почти на десятилетие прервал дипломатические связи, а после их восстановления ставил вопросы о двоеданцах и поддерживал набеги енисейских кыргызов на русские владения. В этих условиях Русское государство вновь вступило в дипломатические отношения с другими ойратскими тайшами [13, с. 137].

Наиболее тесные и регулярные связи с русскими поддерживал хошоутский Аблай-тайша. В 1658 г. письменный голова И. Полуехтов, возглавлявший экспедицию к Ямыш-озеру, писал тюменским воеводам: «В прошлом де во 166 году приехал ис калмыцких улусов к Ямышу-озеру от Аблая-тайши тобольский бухаретин Курманка Аблин, а ему, Ивану, сказал: приезжали де при нем… в улус к Облаю-тайше царевичи, Кучюмовы внучата, и просили у него, Аблая, на помочь людей, чтоб им идти под государевы городы войною. И Аблай де на помочь людей им не дал» [16, с. 52].

В январе 1662 г. посол Аблая, Ирки-мулла, был принят в Москве, в Посольском приказе. Он сообщил, что владение Аблая находится в шести неделях езды от г. Тары, что у тайши 40 тыс. воинов, у его брата Очирту – 60 тыс., что «была де у Облая-тайши ссора з братом Сейкуломтейшею за отзывные улусные люди, только де ныне они живут в миру». В мае 1662 г. он получил для Аблая жалованную грамоту царя Алексея Михайловича [13, с. 138].

В 1666 г. Аблай-тайша писал на имя царя Алексея Михайловича: «В прошлом де году ходил ис Тобольска к Ямышеву озеру голова стрелецкой Иван Власов с служилыми людьми и, идучи, повоевали брата его … родного Чюрты-тайши улус и людей побили м животы и ясырь поимали». В Посольском приказе предписали тобольским воеводам провести об этом розыск [15, с. 142 –143].

После открытия Ямышевской дороги в Китай посольством Ф.И. Байкова (1654–1658 гг.) ей стали пользоваться русские дипломаты и торговцы. С 1660-х гг., при организации государевых торговых караванов в Китай, Ямышевское озеро стало одним из перевалочных пунктов, где государевы купцы закупали у джунгар верблюдов для продолжения пути к Пекину. Через Ямышевскую ярмарку в Китай ездили также бухарские и русские купцы для частной торговли [16, с. 171–172, 197–199; 15, с. 72, 138, 179, 197, 233, 368–469; 17, с. 40].

На Ямышевском озере проводился и обмен пленными. Так, в 1656/57 г. Кучумовичи около озера передали русским 22 пленных ясачных татар [1, т. III, с. 396]. В 1661 г. джунгарский посол передал тобольским воеводам послание от Аблая-тайши, в котором говорилось: «Выслал… ис Калмыцкие земли Аблай-тайша ваших государевых Барабинских волостей громленых ясашных людей 33 человека, которых ясашных людей громили Улузан-тайши люди и царевичи в прошлом

во 168 году. И тех де он ясашных людей отдал на Таре, а достальных… хотел выслать к соле к Ямышу-озеру» [15, с. 77].

Конфликтная ситуация в связи с Ямышевским промыслом возникла в 1663/64 г., когда в Тобольске задержали джунгарского посла Серена. В 1665/66 г. за солью к Ямыш-озеру ездил отряд тобольского письменного головы Ивана Селиверстова. Вернувшись из экспедиции, он сообщил воеводам, что Ончон-лаба говорил ему, что если посла не отпустят, то джунгары «так же учнут государевым людем всякое дурно и тесноту у Ямыша-озера чинить» [15, с. 182]. В 1668 г. в Тобольске об этом уже официально заявили джунгарские послы: если Серена не отпустят, «…они де … у Ямыша-озера русских людей поемлют» [15, с. 195].

Сам Серен, прося отпустить его из Тобольска, обещал: «…он де, Серен, с товарыщем и з братьями и со всем своим родством по вся годы станут великим государем служить, у Ямыш-озера все дощаники нагружать солью на своих подводах». В 1668 г. в коллективной челобитной тобольские, пелымские, тюменские, тарские, березовские, сургутские и туринские служилые люди, которые готовились к экспедиции во главе со стрелецким головой Самойлом Блудовым на Ямыш-озеро, просили отпустить Серена [15, с. 182, 233]. Только после этого посол вернулся в Джунгарию.

Ямышевский промысел в правление Галдан-хана

В конце 1670 г. Сенге-тайши был убит в результате заговора, организованного его старшими братьями. 27-летний Галдан, один из десяти сыновей Батур-хунтайджи, решил отомстить за брата. В 1671 г. с согласия далай-ламы он вернулся в Джунгарию, где с помощью сторонников Сенге и своей матери навел порядок, казнив одного из главарей заговора – своего сводного брата Цэцэн-тайши и его единомышленников. Вскоре Галдан превратился в единовластного правителя ханства [13, с. 250].

В 1670-х гг. Галдан перешел к завоеваниям. В 1678 г. он овладел Восточным Туркестаном. В эти годы наблюдалось и некоторое обострение в русско-джунгарских отношениях. В августе 1672 г. экспедиция во главе с письменным головой Львом Поскочиным к Ямыш-озеру была встречена недружелюбно: джунгары явились к озеру раньше и ожидали приезда русских. «И как из займища на степь ратные люди вышли и хановы, собрався, многие люди, конные и пешие, с ружьем и с копьи, и с луками, и с пищальми дорогу заняли и ратных людей к соли пропустить и соли дать не хотели, а говорили, чтоб им дать торг и купить б у них всякие товары по их цене». Поскочин вынужден был усилить ушедшую вперед группу русских ратных людей полусотней человек, а ойратам велел объявить: «Чтоб они … ратных людей к озеру пропустили без зацепки, а торг им повольной дан будет в то время как … ратные люди на Ямыш-озере соль возьмут и покупать у них товары станут, как цена обдержит... И калмыки … по соль пропустили» [15, с. 245–246].

В 1677 г. около Ямыш-озера произошел новый конфликт между отрядом Федора Поленова и джунгарами Галдана-хана: «…с Ямыша де озера соли не давали, просили от того на Гаганатайшу подарков больших... И у служилых де руских людей… с теми калмыки за то, что соли не дали, учинилась драка, бились ослопьем, и руских служилых людей 7 человек биты насмерть, а иные многие биты ж, и соль де из Ямыша-озера взяли за дракою. А торгу де у Ямыша-озера с калмыками не было… А бухарцев де с торгом у Ямыш-озеро не было ж, а соль взяли в полный груз» [15, с. 318].

В 1679 г. служилый Ф. Леонтьев доносил тобольскому воеводе, что Галдан-хан готовит новое нападение на экспедицию к Ямыш-озеру. Это сообщение в последующем подтвердилось. Письменный голова Иван Талызин, возглавлявший в 1679 г. экспедицию за солью, доложил воеводе, что ему удалось полностью загрузить дощаники солью и доставить в Тобольск, несмотря на «калмыцкие обиды и разорения» [3, ф. 199. Портфели Г.Ф. Миллера, портф. 482, ч. 1, д. 11, л. 39 об. – 40, 44–48].

Однако джунгары были заинтересованы в торговле с русскими, что снижало остроту конфликтов. В 1674 г. вместе с письменным головой Иваном Тютчевым, возглавлявшим экспедицию к Ямыш-озеру, в Тобольск приехали хошоутские послы, которые затем были препровождены в Москву [15, с. 274]. В Посольском приказе послы говорили: «Да и на Ямышеве озере как берут царского величества служилыя люди соль, и тайши де их тем людем, которые приезжают по соль, потому ж чинят всякое вспоможение, провожают их и товары к ним всякие присылают и лошадей и всякие съестные запасы продавать им велят» [15, с. 261, 288].

Приграничное сотрудничество у Ямыш-озеро стало уже обычным в русско-джунгарских отношениях. Согласно данным О.Н. Вилкова, в 60–70-е гг. XVII в. ежегодно из Тобольска за ямышевской солью отправлялось до 40 казенных дощаников, которые сопровождало иногда более 700 служилых людей. К ним присоединялись от четырех до 11 частных дощаников, принадлежавших служилым, посадским, крестьянам и «всяких чинов людям». Команду на частных дощаниках составляли «наемные гулящие» и «работные люди» численностью от 36 до 157 чел. [8, с. 102].

Соляной промысел и торговля на Ямыш-озере привлекли внимание выдающихся мыслителей 60–70-х гг. XVII в. Ю. Крижанич предлагал поставить острог при Ямыш-озере и расширить торговлю на местной ярмарке: «Имея острог на Иртыше у Соленого озера, мы могли бы ежегодно добывать у калмыков 30 или 40 тысяч сырых воловьих и овечьих кож. Нам следовало бы тут же возле самородной соли дубить их в бочках. Так делают англичане, потому что кожи от этого бывают толще и крепче» [18, с. 41].

Описание добычи соли и торга у Ямыш-озера составил Н.Г. Спафарий: «…протока течет из Иртыша быстрая, а вода в ней белая, и здесь близко есть возле реки Иртыша 3 озера: два – направо, а третье – налево, все соленые. А по-татарски слывет Ямышево озеро… а на тех озерах ежегодно ходят из Тобольска и из Томского и из иных сибирских городов по 30 и по 40 дощаников по соль, и соль собирают в дощаники из озера самородную в пост Успения Богородицы… А в то время, как русские люди собирают соль из озера, учинится ярмарок. И приходят многие тысячи людей: калмыки, и бухарцы, и татары и торгуют с русскими людьми. И они продают лошади, и ясырь, и иные китайские товары. И держат тот ярмарок недели по 2 и по 3, и русские люди, взяв соль и торгуя, возвращаются к Тобольску, а калмыки и прочие – в улусы свои, и то место остается опять пусто». Спафарий поддерживал проект строительства острога у Ямыш-озера [5, с. 35–36].

В конце 1670-х гг. Галдан приступил к покорению Халхи, преследуя цель объединения всех монгольских земель, что привело к улучшению отношений с Русским государством. В 1678 г. в Тобольск прибыли послы Голдана. Они вручили воеводе письмо хана, в котором тот писал о своем стремлении, «чтоб пограничный соседственный союз держать и задоров на границах не было». Посольство было препровождено в Москву. В Посольском приказе послам было заявлено: «…царского величества подданных грабят и побивают Галдановы улусные люди тех, которые ходят по соль к Ямышю-озеру. А довелось было Галдану-тайше про то розыскивать и тем людем по розыску чинить наказание». В ответ посол говорил, что «он, Галдан контайша … воров де сыщет, чтоб де задоров и ссор меж ими не было» [15, с. 323]. Возможно, в результате этих договоренностей появился царский указ о сборе на Ямышевской ярмарке двадцатой пошлины с бухарцев и джунгар. В сибирских городах они облагались десятой пошлиной [19, т. III. № 1474, с. 163–164].

Смягчение позиции Голдана в отношении России объяснялось нарастанием конфликта с Цинской империей. В 1688 г. он, собрав войско до 30 тыс. чел., вторгся в Халху. Владетельные князья Халхи бежали от Галдана в Китай и направили в Пекин просьбы о принятии их в подданство. В ходе войны 1690 – 1697 гг. цинским войскам удалось нанести ряд сокрушительных поражений Голдану. В конце этой войны, 13 марта 1697 г. Голдан занемог и умер. Смерть Голдана положила конец военным действиям. Халха стала частью Цинской империи.

Ямышевский промысел в первой четверти XVIII в.

В 1689 г. Цэван-Рабдан провозгласил себя новым правителем Джунгарского ханства и сумел установить союзнические отношения с Китаем и Россией. В 1694 г. в послании Цэван-Рабдана к царям Ивану и Петру содержалась даже просьба о принятии подданства и переходе ойратов на Волгу к калмыкам [20, с. 218]. После укрепления своих позиций хан изменил позицию. В 1701 г. на приеме у Петра I джунгарские послы жаловались на строительство острогов в Юго-Западной Сибири и угрожали: «…буде царского величества людей не унять, впредь будут ссоры» [21, с. 12].

Одной из зон конфликтов была Барабинская степь. Населявшие ее барабинские татары считались российскими подданными, но вынуждены были платить дань и в Джунгарию. В конце XVII в. здесь начал формироваться русский земледельческий район. 29 февраля 1708 г. Петр I повелел воеводе Кузнецка М. Овцыну построить острог в устье Бии и Катуни «со всякими крепостми» «в пристойном месте для збору ясашной казны и к селению пашенных крестьян». Строительство Бикатунской крепости было завершено летом 1709 г. В эти же годы на границах с Джунгарией был построен еще целый ряд острогов: Абаканский (1707 г.), Саянский (1709 г.), Чаусский (1713 г.), Бердский (1716 г.), Белоярский (1717 г.), Бийский (1718 г.).

Несмотря на все противоречия, соляной промысел оставался стабильным. В 1699 г. к Ямыш-озеру пошло 25 казенных дощаников с 840 служилыми и работными людьми [8, с. 102]. В 1701 г. торговля солью была объявлена государственной монополией, воеводам предписывалось наблюдать, чтоб у Ямыш-озера «кроме казенной соли нихто не добывал и не продавал» [3, ф. 199. Портфели Г.Ф. Миллера, портф. 482, ч. 1, д. 6, л. 45–46]. Но частная торговля на Ямыш-озере не прекратилась и сохранила большой размах. В 1703 г. на Ямышевской ярмарке русскими, бухарцами и калмыками было продано различных товаров на 58 000–62 000 руб. Ежегодные сборы таможенных пошлин на Ямышевской ярмарке достигали около 3000 руб. [8, с. 102].

24 мая 1714 г. состоялся именной указ о походе в Прииртышье л.-гв. капитана И.Д. Бухольца. В июле 1715 г. в Бухольц выступил в поход и 1 октября заложил крепость у Ямыш-озера. Цэван-Рабдан воспринял строительство крепости как вторжение в свои владения. С 9 февраля по 28 апреля 1716 г. джунгары предприняли ее осаду. Русские вынуждены были отступить, но на устье р. Оми заложили новую крепость. Затем Бухольц сдал команду над омским гарнизоном майору Вельяминову-Зернову и выехал в Петербург. Отъезд Бухольца не означал отказа от продолжения продвижения в степь. В 1717 г. отряд подполковника П. Ступина восстановил крепость на Ямыш-озере [22, с. 3 – 21]. С 1722 г. была установлена «подрядная система» добычи и перевозки соли [3, ф. 199. Портфели Г.Ф. Миллера, портф. 482, ч. 1, д. 6, л. 211–215].

Заключение

Становление русско-монгольского приграничного сотрудничества на Ямыш-озере было вызвано потребностями русских переселенцев в соли, объективной взаимозависимостью земледельческих и кочевых народов, их потребности во взаимной торговле. Эти объективные условия были осознаны на государственном уровне, стали предметом межгосударственных переговоров и международных соглашений, привели к оформлению международно-правового института приграничного сотрудничества. При этом русские и монголы так и не смогли провести делимитацию и демаркацию границы. В начале XVIII в. Русское государство, воспользовавшись ослаблением Джунгарского ханства, построило в районе соляного промысла Омскую и Ямышевскую крепости, защитив свои границы, начало формирования которых было заложено покорением Сибирского ханства в конце XVI в.

Список источников и литературы

1. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. Т. I. 630 с., ил.; М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. Т. II. 796 с.; М.: Из. Фирма «Вост. лит.» РАН, 2005. Т. III. 598 с., илл.

2. *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII – XVII вв. Новосибирск: «Наука», 2006. LXXII, 504 с.

3. *РГАДА*

4. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3, ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд. АН СССР, 1955. 375, 1 с.

5. *Милеску Спафарий Н.Г.* Россия и Китай. Кишинев: «Картя молдовеняскэ», 1960. 516 с., ил.

6. *Пузанов В.Д.* Русско-ойратские отношения на юге Сибири в первой трети XVII в. // Известия Уральского государственного университета. 2010, № 2(76). С. 64 – 76.

7. *Русско-монгольские отношения*. 1607–1636. Сб. док. /Отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: «Вост. лит.», 1959. 352 с., ил.

8. *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: «Наука», 1990. 368 с.

9. *Первое столетие сибирских городов. XVII век* / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 191 с.

10. *Русская историческая библиоте*ка, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: Тип. Ф.Г. Елковского и Ко, 1884. Т. VIII. 700 с.

11. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: «Наука», 1991. 401 с.

12. *Волкова К.В.* Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Новосибирск: Наука, Сибир. отд., 1965. С. 111–127.

13. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: «Наука», 1983. 332 с.

14. *Акты исторические*, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб.: Тип. II отд. е.и.в. канцелярии, 1842. Т. V. 565 с.

15. *Русско-монгольские отношения*. 1654–1685. Сб. док. /Отв. ред. Н.Ф. Демидова. М.: «Вост. лит.», 1996. 560 с., ил.

16. *Русско-китайские отношения в XVII в*. Материалы и документы: в 2 т. Т. 1. 1608 – 1683. / Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.: «Наука», 1969. 614 с.

17. *Русско-монгольские отношения. 1685–1691*. Сб. док. / Отв. ред. Н.Ф. Демидова. М.: «Вост. лит.», 2000. 488 с., ил.

18. *Крижанич Ю.* Политика. М.: «Новый Свет», 1997. 527 с.

19. *ПСЗ РИ-I.* СПб.: Тип. II отд. е.и.в. канцелярии, 1830.

20. *Международные отношения в Центральной Азии*. XVII–XVIII вв. Документы и материалы / Сост. Гуревич Б.П., Моисеев В.А. Кн. 1. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 375 с.

21. *Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул: «Азбука», 1998. 174 с.

22. *Акишин М.О.* Джунгаское ханство во внешней политике Петра Великого // Paleobureaucratica: Сборник статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой. М.: «Древлехранилище», 2012. С. 3–21.

M.O. Akishin

Jamyshew a lake in the border between Russia and Dzungaria in the XVII century

Summary. In the theses of the report considers the formation of trade relations between the Russian state and the zunghar khanate. It is determined that it was caused by objective interdependence between agricultural and nomadic peoples. A special case of the development of these trade relations was the need of Russian immigrants in salt for food and industrial purposes, which could be met only at the expense of the salt fisheries in the border area. Problems of organization of this cross-border cooperation, in spite of the sharp conflicts that were resolved through international negotiations. Salt production at lake Yamyshev led to the development of the center for fair trade and the normalization of Russian-Oirat relations.

Key words: Russia, Western Mongols-Oirats, international trade, cross-border cooperation.

УДК 94(57):930

А.Ю. Конев

НАРОДЫ СИБИРИ В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ ИМПЕРИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Аннотация. В статье анализируются актуальные тенденции изучения отечественными и зарубежными историками политики в отношении индигенных народов Сибири с момента их вхождения в состав Русского государства и до начала XX века. Особое внимание уделено трактовкам феномена «имперскости» и вопросу о наличии/отсутствии колониальных черт в «инородческой» политике царского правительства. Рассматривается роль сословной парадигмы в исследовании социальной истории автохтонных народов региона, их положение в структуре российского общества, а также применение «истории понятий» к изучению терминологии, посредством которой империя описывала и классифицировала коренных обитателей Сибири.

Ключевые слова: империя, историография, методология, иноземцы, инородцы, сословная парадигма, история понятий, Сибирь.

Замысел написания подобной статьи у автора созрел давно, так как за период с начала 1990-х гг. сформировался достаточно большой корпус работ, посвященных различным аспектам политики Российской империи в отношении народов Сибири, которых принято называть коренными. Эта научная литература ещё не стала предметом сколько-нибудь пристального историографического внимания. Вместе с тем дальнейшая плодотворная разработка интересующего нас круга вопросов становится весьма затруднительной без соответствующей рефлексии относительно новейших исследований. Безусловно, что в докладе, представленном на конференции, невозможно было охватить все аспекты темы и проанализировать все значимые труды коллег. Тем не менее надеюсь, что в рамках этой публикации удастся проследить актуальные тенденции и выявить некоторые важные результаты, появившиеся и достигнутые в изучении положения, которое занимали сибирские народы в социально-правовой системе Российской империи.

Данное исследование выполнено в ключе проблемно-тематической историографии. Оно направленно на изучение процесса трансформации взглядов и подходов историков по интересующему нас кругу вопросов в течение последних двадцати пяти лет. Соответственно, способ построения материала нацелен на выделение проблемных историографических блоков, прежде всего,

теоретико-методологических представлений, с позиции которых изучаются вопросы политики Российского государства в отношении индигенных народов Сибири и социально-правового положения этих народов в составе империи. Рассматривается влияние теоретических разработок зарубежных исследователей на взгляды их российских коллег. В совокупности с этим применяются историко-генетический метод и метод перспективного анализа, позволяющие выявить значение тех или иных идей для последующего историографического процесса.

Исторические судьбы нерусских народов Сибири в новейшей литературе вплетаются в широкий контекст процесса формирования Российской империи, приращавшей не только Сибирью, но и Средней Азией, Кавказом, территориями Восточной и Северной Европы. Определенные сложности в изучении феномена «имперскости» связаны с отсутствием общепризнанной дефиниции понятия «империя», накопившимися и закрепившимися за ним отрицательными коннотациями, которые актуализируются современной политической риторикой.

Перспективы дальнейшего изучения имперской проблематики связываются с переходом концепта «империи» из «категории исторического термина в статус аналитической модели, позволяющей осмыслить исторический опыт» [1, с. 19]. В последние годы многие привычные подходы к истории империй были пересмотрены, в частности, способы их классификации: разделение на морские и континентальные, традиционные и модерные [2, с. 31].

Одним из наиболее дискуссионных аспектов вопроса о России как империи является применимость к российским реалиям понятий «метрополия» и «колония». Отмечу, что негативный смысл, закрепившийся за словом «колониальный» продолжает оказывать влияние на сознание исследователей. Вместе с тем в новейшей исторической и антропологической литературе отчетливо проявилась тенденция к отказу от сугубо отрицательной характеристики колониальных практик. Совершенно прав Юрий Слезкин, полагая, что «столкновение культур не может быть полностью описано в терминах угнетения», а «колониальные представления не могут быть целиком сведены к грубому «политическому факту» [3, с. 16]. По мнению А.В. Головнева колонизацию, как прямой контакт различных систем адаптации и деятельности, следует рассматривать как «один из ключевых механизмов социального развития и преобразования, своего рода социохимическую реакцию смешения и взаимодействия культур в конкурентном и нередко продуктивном диалоге». Интересно и его наблюдение относительно того, что «метрополия – не столько место, сколько качество, которое способно перемещаться». Этим обусловлено затухание старых и появление новых очагов экспансии, а также движение «колонизации вспять» [4, с. 13–14].

Учитывая особенности России как континентальной империи, часть российских историков рассматривают «колониальную терминологию» как совершенно неуместную применительно к характеристике положения Сибири в составе России. Обращается внимание на отсутствие институтов и режима колониального управления, дискриминирующего индигенное население [5, с. 185; 6, с. 132]. Майкл Ходорковский, напротив, подчеркивает, что развитие колониальных органов управления в России опережало становление таковых же в большинстве западноевропейских держав. Признавая, что в Сибири «колониальная ситуация была менее очевидной», он полагает, что Казанский приказ, в ведении которого с середины XVI в. оказались завоеванные территории на востоке (в том числе и Сибирь), «можно назвать первым колониальным учреждением Московской империи» [7, с. 87, 89]. Виллард Сандерленд допускает возможность рассматривать Казанский приказ «как своего рода Совет по делам обеих Индий для новых владений царя, но лишь до некоторой степени». Он отмечает, что только в XVIII в. русские власти «стали считать свою державу колониальной империей по европейскому образцу» [8, с. 119, 124]. А.В. Ремнев, напротив, акцентирует внимание на антиколониальном правительственном дискурсе, формировавшемся с начала XIX в., что, впрочем, так и не позволило «преодолеть амбивалентности в определении статуса азиатских

территорий» [9, с. 175]. Авторы вступительной статьи к недавно вышедшему на русском языке знаменитому труду Б.Э. Нольде, не отрицают элементов «классического колониализма» в политике Москвы на начальных стадиях присоединения практически всех регионов начиная с середины XVI в., но подчеркивают, что это сменялось политикой «встраивания» местных сообществ «в единое российское социальное пространство» [10, с. 30]. Ряд исследователей приходит к вполне обоснованному выводу, что сам по себе факт включения какой-либо территории и даже заселение её русскими ещё не означал, что данное пространство, с точки зрения «воображаемой географии», и народы его населявшие автоматически становились частью территории и подданными империи [11, с. 170; 12, с. 117]. А.И. Миллер полагает, что тактика «присвоения» сибирских пространств состояла в «смене статуса территории от колониального к “родному”» [11, с. 170]. Своеобразную попытку уйти от колониальной проблематики в её традиционной трактовке можно усматривать в интерпретации «сибирской эпопеи» через призму концепции фронтира [13, 14, 15]. Правда, на мой взгляд, это переводит обсуждение тезиса о Сибири как колонии лишь в иную плоскость теоретических рассуждений.

Представляется, что вряд ли можно полностью отрицать существование колониальных черт как в политико-административной, так и в экономической практике российской власти в Сибири XVI–XIX столетий. Вопрос в том, в силу каких обстоятельств и насколько осознанно правительство такой практики придерживалось, с какого времени приграничные/фронтирные территории становились собственно российской периферией, а коренное население приобретало статус полноценных/полноправных подданных.

По мнению Андреаса Каппелера «особенно инновационным» к изучению империи обещает стать региональный подход, полагая, что посредством него преодолеваются недостатки традиционного «централистского» и «этноцентричного» взгляда на историю России. При этом в его рамках становится возможным «наряду с этническими конфликтами рассматривать более или менее мирное сосуществование различных религиозных и этнических групп» [16, с. 279]. В отечественном сибиреведении наиболее полно соответствующий теоретико-методологический потенциал был реализован Ремневым при изучении истории административного управления в Сибири и на Дальнем Востоке в XIX – начале XX вв. [17, 18]. Миллер, напротив, полагает, что региональный подход не избавляет от тенденциозности иного рода, явственно обозначившейся с 1990-х гг. в региональных исторических нарративах, вызванной ростом национального и регионального самосознания, процессами этнической мобилизации, политическим заказом региональных элит. По его мнению, при анализе империи как полиэтничной структуры логичнее мыслить в категориях ситуационного подхода. Такой подход предполагает условное определение границ изучаемого пространства, отказ от концентрации на одном акторе, смещение фокуса внимания с акторов на процесс их взаимодействия и выявление логики их поведения [11, с. 27–30].

Важнейшим аспектом заявленной темы является вопрос о месте народов Сибири в социальной структуре российского государства и общества. Исследование этого вопроса тесным образом увязано с выяснением особенностей вступления сибирских «иноземцев» в российское подданство, их правового, предписанного законом, статуса и фактического положения. В последние два десятилетия существенное значение в изучении социальной истории автохтонных народов региона и политики, в отношении них проводившейся приобрела сословная парадигма.

Замечу, что ещё авторы третьего тома пятитомной «Истории Сибири» высказали мысль, что при царизме сибирские народы «причислялись к податному сословию “инородцев”» [19, с. 104]. В силу господства представлений о существовании четырех основных сословий и классовом характере социальной стратификации в императорской России такая трактовка правового статуса ясачных народов не получила широкого признания в советской историографии. Только в 1983 г. в

статье «Организация управления народами Сибири в XIX – начале XX века» Л.М. Дамешек заявил о стремлении «представить организацию управления народами Сибири» этого периода «как определенным сословием» [20, с. 77]. Указание на то, что сибирские инородцы по своему статусу представляли особое сословие, содержится также в историко-правоведческом исследовании М.М. Федорова. Правда, исследователь ограничился формальным анализом соответствующих положений Устава 1822 г., не рассматривая результатов их практического воплощения [21]. Вообще, тезис об инородцах как сословии в этих работах всесторонне не обосновывался, не определялись четко и временные рамки существования такой социальной страты. Вместе с тем именно труды Федорова и Дамешека оказали существенное влияние на исследования не только историков, но и представителей юридической науки, активно интересующихся сегодня законодательными основами «инородческой» политики в России. Рост числа междисциплинарных исследований на стыке истории, этнографии, права, политологии стал характерной чертой в изучении обозначенной проблематики.

Заметное воздействие на актуализацию сословного дискурса в изучении отношений между государством и нерусскими народностями оказала точка зрения А. Каппелера о большем значении в российской имперской системе сословной принадлежности в сравнении с принадлежностью к этнической или конфессиональной группе. При этом главной методологической задачей, которую поставил австрийский историк в своем исследовании о многонациональной/многонародной империи, было «намерение преодолеть русоцентристский подход к истории России, скорректировав его посредством “полиэтничной оптики”». Он попытался показать «этносы периферии» в роли активных «соучаствующих в историческом процессе сил», а не просто объектами государственной политики [22, с. 10–11]. Правда, по мнению редакторов сборника «Новая имперская история постсоветского пространства», в данной работе Каппелера представлена скорее «сумма национальных опытов включенных в империю народов», а «сложные конфигурации национальных, сословных и конфессиональных взаимоотношений» сведены к «бинарным противопоставлениям “русифицирующего центра” национальным окраинам» [1, с. 20].

Отечественные историки подхватили идею австрийского русиста. Так, Б.Н. Миронов отмечает, что «этнические и национальные критерии не служили определяющими для продвижения по социальной лестнице». Поэтому он приходит к выводу, что «между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь» [23, с. 32]. Если брать во внимание многонациональный состав российской чиновной, военной, научной и культурной элит XVIII–XIX в., то такое утверждение вроде бы имеет все основания. Но изменение оптики и объекта исследовательского интереса не приводит к столь однозначным выводам. Внимательный анализ социально-правового положения основной массы коренного нерусского населения Поволжья, Урала и Сибири и соответствующей классификационной терминологии не позволяет безоговорочно согласиться с тем, что этническая или, как тогда говорили, «племенная» составляющая была вообще выведена за скобки правительственной политики в социальной сфере. Произошло это в силу нескольких причин. Во-первых, тезис о примате лояльности и сословной принадлежности, как принципов, на которых строилась империя, снижает остроту «войны» национальных и националистических исторических нарративов. Во-вторых, позволяет обходить непростой вопрос о Сибири как колонии и прежде всего на начальных этапах её присвоения и освоения русскими. В-третьих, к этому подвигла развернувшаяся дискуссия этнографов и антропологов вокруг терминов «этнос», «народность», «национальность» и вопрос об адекватности применения разнообразных этнонимов и этнополитонимов для описания автохтонных сообществ дореволюционной России. И если ранее в этнографической и исторической литературе большое внимание уделялось выяснению этносоциального содержания административных единиц, созданных русскими для сибирских туземцев (волостей, улусов, управ), то в последнее время

исследователи все больше сосредотачиваются на том, как границы этнические соотносились и совмещались с протосословными и сословными. Это касается, в первую очередь, таких категорий, как служилые и захребетные татары, бухарцы, казачество [24; 25; 26].

Заметной современной отечественной работой о правовом статусе нерусских народов имперских окраин стала глава в монографии Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, посвященная сословному строю в России [27, с. 657–718]. Пожалуй, впервые, категория инородцев исследуется здесь как органическая часть сословной имперской системы. Так как эта монография носит обобщающий характер, в ней достаточно подробно рассмотрены теоретические вопросы. Исследовательницы в целом согласились [27, с. 13–15] с точкой зрения Г.Л. Фриза, что «даже на уровне юридической терминологии государство не учреждало системы четырех сословий, – скорее оно учредило четыре юридических состояния, включавших в себя целый мир из многих различных сословий» [28, с. 140]. Они также предлагают различать «состояние» и «сословие» не только на терминологическом, но и на сущностном уровне, отметив, что сословия как юридически оформленные группы формировались в рамках состояний. Появление инородческого сословия в Сибири представлено авторами не как одномоментное действие государства, вызванное принятием «Устава об управлении инородцев» 1822 г., а как достаточно длительный процесс, связанный с введением этого и последовавших за ним в XIX в. законодательных актов. Замечу, что акцент был сделан не столько на практике реализации, сколько на характеристике соответствующих законоположений. При этом Иванова и Желтова не заметили неоднозначности определения юридического статуса различных инородческих разрядов, прежде всего разряда «оседлых», в отношении которого (в отличие от «кочевых»), законодатель термин «сословие» не употреблял. Если обратиться к положениям соответствующего тома «Свода законов Российской империи» [29, с. 1, 226–251], то инородцы в юридическом смысле, да и по факту, скорее представляли собой состояние в составе разных сословных (этносословных) групп, чем единое сословие. В этой связи следует учесть и точку зрения Элис К. Виртшафтер [30], новизна которой, по мнению С.В. Польского, заключается в признании того факта, что официальные документы не являются прямым отражением социальной реальности, а скорее отражают представления современников. Поэтому при изучении социального важно самоопределение тех или иных групп [31, с. 171]. С исследованием этого аспекта, как мне представляется, связаны перспективы дальнейшего изучения феномена сословности в целом и в отношении инородцев в частности.

Отмечу, что нивелирование значения этнического и конфессионального фактора в пользу сословного применительно к первому столетию присвоения Сибири Россией приводит иногда к весьма некорректным выводам. Так, Л.И. Шерстова полагает, что туземные народы «с самого начала присоединения Сибири и в ходе последнего тут же включались в социально-экономическую структуру государства через объясачивание и сразу же двигались по пути оформления особого российского податного сословия» [32, с. 132]. Оценка начальных этапов интеграции сибирских автохтонов посредством подобных категорических императивов слишком упрощает исторические реалии.

Индигенное население, принявшее ясачное подданство, далеко не «тут же» и не «сразу» включалось в социальную структуру Русского государства как такового, тем более оформлялось в особое сословие. И дело даже не в том, что существование сословий в России данного периода – вопрос спорный, а в том, что эта разношерстная масса населения не имела четко определенного юридического статуса. Как пишет А.С. Зуев, Соборное Уложение «не заметило» сибирских иноземцев и никак не прописало их статус в структуре государства [33, с. 8]. Добавлю, что специфика их положения определялась шертями и воеводскими наказами, в частности особой статьей последних – «жалованным словом».

Представляется, что подчинение многочисленных народов Урала и Сибири в XVI–XVII вв. происходило не путем их политико-административного и социально-экономического поглощения или встраивания в существующие институции, как это чаще всего трактуется исследователями. Интеграция осуществлялась способом достройки к соответствующим системам государства не существовавших до того и не достающих структур и связей. Русское государство в прямом смысле прирастало не только территориями и населяющими их людьми, но и соответствующими социальными и административными формами и институтами, постепенно становясь империей.

Определяющее влияние на восприятие автохтонных жителей русскими, и на правовой статус ясачных подданных в конце XVI–начале XVIII в. имел религиозный фактор. В соответствии с представлениями этого времени переход в православие превращал иноверца не просто в полноценного подlанного московского царя, но и до известной степени в русского. Напротив, остававшиеся в иноверии «подданными в полном смысле этого слова так и не становились» [34, с. 6]. Словосочетание «ясачные иноземцы», на мой взгляд, само по себе выводило автохтонное население за рамки чиновного деления Московской Руси. Войти в него «ясачному человеку» можно было только приняв крещение, верстаясь затем в число служилых людей или пребывая на положении холопов у русских. Принятая до первого десятилетия XVIII в. практика обязательного исключения новокрещёных из ясачного оклада и привычной социальной среды способствовала их ускоренной ассимиляции в русском окружении. Другими словами, принятие православия имело свойство перформативности: оно было равносильно смене социального и правового статуса и, в известной мере, – этнической принадлежности, сопровождаясь перемещением человека в иное административное, социальное и сакральное пространство. Характерно, что до середины XVIII в. основным собирательно-обобщающим термином для обозначения новоиспеченных и становящихся подданными из числа сибирских автохтонов было слово «иноземцы».

В этой связи мне бы хотелось перейти к такой, совершенно новой методологической парадигме в изучении интересующей нас проблематики как, «история понятий». Первыми исследованиями, проторившими дорогу в сфере изучения терминологии, применявшейся для номинации нерусских народов Российской империи, стали работы С.В. Соколовского [35, 36] и Дж. Слокума [37]. Публикации российского антрополога посвящены изучению социальных представлений, истории идей и порожденных ими терминов, замещавших в историческом прошлом понятие «коренные народы». Важной новацией исследования Соколовского является попытка семантического анализа, призванного обнаружить в соответствующей терминологии (*туземцы*, *иноземцы*, *инородцы*) способ установления связи между пространством/территорией и проживающим там населением. В центр внимания статьи Слокума, вышедшей ещё в 1998 г. на английском и опубликованной на русском языке только в 2005 г., поставлен термин «инородцы» и соответствующая социальная группа. Статья представляет хороший образец дискурсивного анализа одного из важнейших понятий имперского законодательства и колониальной политики. Основные положения, выдвинутые Соколовским и Слокумом, сохраняют свою актуальность. Вместе с тем в указанных работах недостаточно исследовано происхождение указанных терминов и понятий, не всегда верно определены время появления их в языке официальных документов и продолжительность употребления. Без этого сложно составить адекватное представление о зарождении идеи оформления такой новой социально-правовой категории империи как инородцы. Новейшие работы историков, посвящённые классификационной терминологии нерусского населения царской России, не только развивают, но в ряде моментов корректируют выводы обоих вышеназванных авторов. Ниже я остановлюсь на отдельных положениях некоторых из этих публикаций.

Как установил П.С. Игнаткин, начало номинации народов Урала и Зауралья «иноземцами» было положено во второй половине XVI в. иерархами Церкви и столичными приказными служа-

щими. Проследив на материалах XVII в. смысловые связи этого соционима, он согласился с выводами А.А. Люцидарской, М.А. Демина, Т.А. Опариной и А.С. Зуева, что термин «иноземцы» указывал на незавершенность процесса интеграции сибирских автохтонов в состав Российского государства, обозначал религиозно-культурные и этнические различия между туземным и русским населением [38]. Замечу, что длительное бытование термина «иноземцы» в отношении коренных обитателей Сибири было связано не только с тем, что в массе своей они не принадлежали к Русской православной церкви, но и с тогдашним восприятием Сибири скорее не как периферии, обладающей комплексом признаков, присущих Русскому государству, а как пограничной/фронтирной территории с размытыми культурно-цивилизационными параметрами. «Государство дальнее и состоит меж бусурманских и иных вер многих земель» – так характеризуется положение сибирского региона в именном указе царевны Софьи и царей Ивана и Петра Алексеевичей сибирскому митрополиту Павлу от 5 апреля 1685 г. [39, № 1117, с. 663].

Истории возникновения и развития понятия «инородцы» посвящены статьи В.О. Бобровникова [40] и А.Ю. Конева [41]. Результаты данных исследований позволили проследить генезис этого термина и уточнить время его появления в российской политико-правовой лексике, глубже понять роль сибирского фактора в колониальной политике России. Показано, что история инородческого дискурса не может быть ограничена законодательной практикой 1822–1917 гг., истоки его уходят в колониальную идеологию эпохи просвещения XVIII столетия. В работе Бобровникова также прослежены сложные связи и взаимные влияния между фронтирами империи в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии через законодательство, военных и гражданских чиновников, местные элиты, земельную и школьную политику. Установлено, что замена понятия «инородцы» на «туземцев», а впоследствии – на «коренные народы» не помешала инородческому дискурсу продолжать оказывать влияние на ранние советские проекты по нациестроительству и модернизации восточных окраин страны.

Так чем же управляла Российская империя, кто был объектом её осмысленного внутриполитического воздействия и контрагентом – народы (этнические группы), социальные/сословные страты, между которыми представители этих народов/групп были распределены, конфессиональные сообщества или административно-территориальные образования, в которые были встроены традиционные социальные общности? Как мне представляется, мы не найдем однозначного ответа на этот вопрос в современной исторической литературе. Все зависит от подхода и оптики конкретного исследователя или группы исследователей, объединенных общей позицией.

Дж. Бербанк и Ф. Купер полагают, что империя управляла *различиями*, имея в виду, что в царской России власть не стремилась нивелировать этническое и конфессиональное многообразие, а ставила его себе на службу [42]. Думаю, что корректнее говорить об управлении *разнообразием*. Представления о соответствующих различиях были весьма подвижны и не всегда достаточно четкие. Вероятно поэтому этноконфессиональная принадлежность хотя и бралась в расчёт, но никогда не была единственным определяющим фактором правового статуса подданных русских царей. Очевидно, что учет своеобразия состава населения восточных окраин в XVII – начале XX вв. находил выражение в формировании и существовании особых социальных категорий, причудливо сочетавших в себе этнический, вероисповедный и сословный признаки.

Список источников и литературы

1. *В поисках* новой имперской истории // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань: «Центр исследований национализма и империи», 2004. С. 7–29.

2. *Миллер А.И.* Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада // Политическая наука. М., 2013. № 3. С. 30–42.

3. *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Авторизованный пер. с английского О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.

4. *Головнев А.В.* Колонизация в антропологии движения // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 4–14.

5. *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.

6. *Никитин Н.И.* Присоединение Сибири // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: «Русская панорама», 2011. С. 115–145.

7. *Ходорковский М.* В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 85–91.

8. *Сандерленд В.* Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–149.

9. *Ремнев А.* Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 150–181.

10. *Азнабаев А., Анисимов М., Артамонов В.* и др. Империография Бориса Нольде // Нольде Б.Э. История формирования Российской империи / Пер. с фр. Л.Ф. Сахибгареевой, под ред. И.В. Кучумова; отв. ред. акад. В.А. Тишков. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013. С. 11–114.

11. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.

12. *Шаблей П.С.* Подданство в Азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 99 - 122.

13. *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://history.nsc.ru/kapital/project/frontier/index.html

14. *Побережников И.В.* Канадский и российский фронтир: общее и особенное (XVI – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 25–30.

15. *Хромых А.С.* Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI – первая четверть XVII века) / Отв. ред. Г.Ф. Быконя. Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2012. 312 с.

16. *Каппелер А.* «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги// Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 265–282.

17. *Ремнев А.В.* Сибирский вариант управленческой организации XIX – начала XX в. // Вестник РГНФ. 2001. № 3. С. 36–45.

18. *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 552 с.

19. *История* Сибири с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т.3. Л.: Наука, 1968. 530 с.

20. *Дамешек Л.М.* Организация управления народами Сибири в XIX – начале XX века // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 1983. С. 75–89.

21. *Федоров М.М.* История правового положения народов Восточной Сибири в составе России (XVII – начало XIX в). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. 192 с.

22. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя (возникновение, история, распад). М.: «Традиция» – «Прогресс-Традиция», 2000. 344 с.

23. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х томах. СПб.: «Дмитрий Буланин». 1999. Т. 1. 549 с.

24. *Крих А.А.* Тюркский компонент в составе западносибирского казачества (первая половина XIX в.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. ст. к 50-летию со дня рождения проф. А.В. Ремнева. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 510 - 523.

25. *Тычинских З.А.* К истории формирования служилого татарского сословия в Сибири (конец XVI–XVII вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 96–104.

26. *Корусенко С.Н.* Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Издат. дом «Наука», 2011. 248 с.

27. *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.

28. *Фриз Г.Л.* Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 121–162.

29. *Свод* законов Российской империи. Т. 9. Законы о состояниях. СПб.: Типография II отд. е.и.в. канцелярии, 1833.

30. *Wirtschafter Elise. K.* Social Categories in Russian Imperial History // Cahiers du monde russe. Vol. 1/50. 2009. p. 231 - 250.

31. *Польской С.В.* «Сословная парадигма» и социальная реальность: сословный строй в России XVII–XVIII вв. как историографическая проблема // Гражданское общество и публичная власть: проблемы взаимодействия и управления: Сб. материалов I Межвузовской научно-практической конференции. Самара 29 ноября 2011 г. / Под ред. Т.Н. Казанковой, М.М. Леонова. Самара: САГМУ, 2012. С. 166–174.

32. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

33. *Зуев А.С.* Адаптация Российским государством социальных и потестарных структур сибирских народов (конец XVI–XVII в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XX в.: Мат-лы VII Всеросс. науч. конф. Новосибирск: Нонпарель, 2011. С. 3–13.

34. *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.

35. *Соколовский С.В.* Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 74–89.

36. *Соколовский С.В.* Образы других в российской науке, политике и праве. М.: Путь, 2001. 235 с.

37. *Слокум Дж.У.* Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М., 2005. С. 502–531.

38. *Игнаткин П.С.* Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 92–94.

39. *ПСЗ РИ-I.* СПб.: Типография II отд. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. II.

40. *Бобровников В.О.* Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 259–291.

41. *Конев А.Ю.* «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117–120.

42. *Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010. 511 p.

A.Yu. Konev

Peoples of Siberia in the social and legal dimension of the empire: modern approaches to research

Summary. Actual tendencies of national and foreign historical research into the policy with regard to indigenous peoples of Siberia since their merge with the Russian State until the beginning of XX century are analysed in the article. Special attention is paid to interpretation of the phenomenon of the "imperia complex" and the issue of presence/absence of colonial attributes of the "inorodtsy" policy of the tsar's government. The role of the class paradigm in research into social history of autochthonous peoples of the region and their position in the structure of the Russian society as well as application of "history of concepts" in study of the terms which were used by the empire to describe and classify indigenous inhabitants of Siberia are considered.

Key words: empire, historiography, methodology, inozemtsy, inorodtsy, class paradigm, history of concepts, Siberia.

УДК 93/94

С.Н. Корусенко

ТАТАРЫ СИБИРИ В ИСТОЧНИКАХ XVII-XX ВВ.: ЭТНОСОСЛОВНЫЕ ШТУДИИ

Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К

Аннотация. Сегодня татары Сибири – это конгломерат различных этнических компонентов, из которых выделяются три большие группы: местные – различные тюркоязычные группы, бухарцы – выходцы из разных регионов Средней Азии, пришлые – различные группы поволжско-приуральских татар. В результате действий административной системы Русского, а затем Российского государства и СССР менялись идентичности тюркоязычного населения, расселенного на юге Сибири. Одновременно на протяжении длительного времени сосуществовали рядом групповые самоназвания, сословные и этноконфессиональные определения, ряд из которых становится этнонимами (экзо- и этно-). Трансформация происходила на протяжении всего хронологического периода. По материалам собранных в 1970-е – 2000-е гг. родословных в составе современных татар Сибири в качестве второго уровня самосознания (первый – татары) используются понятия, по которым можно выявить названные три основные группы. С сибирскими татарами идентифицируют

себя те, чьи предки в основном были местного происхождения. К сибирским причисляют себя и потомки поволжско-уральских татар, рожденные в Сибири (региональная идентичность), сохраняя этногенетическое сознание. Следующим уровнем этнического самосознания сибирских татар является их память о групповых различиях более крупного (тарлык, тоболлык, тюмелык, бараба) и мелкого порядка (курдак, саргач, аялы, туралы). Также выявляются различные группы пришлых татар – башкирские, уфимские, казанские, российские, мишари и т.п. В местах компактного расселения бухарцев в 1970-е гг. большинство потомков бухарцев старшего поколения идентифицировали себя бухарскими татарами. Последующие поколения помнят о своем бухарском происхождении, но себя называют татарами.

Ключевые слова: сибирские татары; идентичности тюркоязычного населения; групповые, сословные и этноконфессиональные определения.

Сегодня татары Сибири – это конгломерат различных этнических компонентов, которых условно можно разделить на три большие группы: местные – различные этнотерриториальные группы тюркоязычного населения; ранние мигранты или бухарцы – выходцы из разных регионов Средней Азии; поздние переселенцы – различные группы поволжско-приуральских татар [1, с. 24–25], которые стали переселяться в Сибирь в небольшом количестве еще во время правления Кучума, однако массовые переселения татар из Европейской России отмечаются лишь со второй половины XIX в. В результате действий административной системы Российского государства и СССР менялись идентичности тюркоязычного населения, расселенного на юге Сибири. Одновременно на протяжении длительного времени сосуществовали рядом групповые самоназвания, сословные и этноконфессиональные определения, ряд из которых становится этнонимами (экзо- и эндо-). Трансформация происходила на протяжении всего хронологического периода. В настоящее время на уровне этногенетического сознания по материалам собранных генеалогий выявляются различные варианты этнической идентичности татар Сибири. Таким образом, основной целью данной работы является выявление трансформации идентичностей тюркоязычного населения юга Западной Сибири на протяжении XVII–XX вв., которую предлагается рассматривать с точки зрения этносоциальной структуры данного населения.

Источники для проведения данного исследования можно разделить на несколько групп. Первая группа включает в себя статистические (опубликованные и неопубликованные) источники – материалы переписей населения, как первичные (ясачные, дозорные книги, ревизские сказки, материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г.), так и статистические результаты переписей населения советского периода. В первичных материалах указывалась как сословная, так и этническая характеристика населения. Однако важное значение приобретает также отнесение того или иного населения к определенной волости. В частности, к волости Оброчных чувальщиков были отнесены пришлые в XVIII в. поволжско-приуральские татары, которые расселились в деревнях тобольских татар, в отличие от которых они платили не ясак, а подушную подать.

Ко второй группе источников можно отнести делопроизводственные документы – челобитные, прошения, материалы землеустроительных комиссий и т.д. В этих документах, составленных в основном русскими писцами, отражены не только определения местного населения со стороны управляющих органов, но и восприятия самих себя местным населением, особенно в тех моментах, когда они отстаивали свои права. К третьей группе источников относятся работы исследователей, в которых даются описания народов Сибири. В этом плане наиболее информативными являются материалы из портфелей Г.Ф. Миллера, подготовленные и опубликованные А.Х. Элертом, в частности описание путешествия по Иртышу [2, с. 75–99]. В этой группе выделяются также работы Б.О. Долгих и Н.А. Томилова. Б.О. Долгих проделана огромная работа по изучению ясачных

книг и других документов, характеризующих население Сибири в XVII в., на основе которых он выделил различные группы в этническом и социальном плане [3]. Классификация местных тюркоязычных групп и их особенности формирования и этнического развития представлены в работах Н.А. Томилова [4, 5].

Четвертая группа источников включает родословные татар Сибири, собранные участниками этнографических экспедиций Омского государственного университета и Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Сбор родословных осуществлялся по определенной схеме, где один из важных пунктов связан с этнической принадлежностью опрашиваемых и его предков, т.е. выяснялись различные уровни этнического самосознания и этногенетическое сознание. Родословные татар охватывают в основном 3–4 поколения по прямой линии, т.е. большинство татар не обладают значительной глубиной генеалогической памяти. Разработанная автором методика позволила реконструировать многочисленные генеалогические схемы татар Сибири на основе соединения собранных родословных и первичных материалов переписей населения XVIII–XIX вв. [6, 7]. С начала XXI в. активно ведутся работы по поиску рукописных арабографических родословий *шаджара* (шэжэрэ, сечере – сиб.тат.), их переводу и анализу. В настоящее время в государственных и семейных архивах обнаружено несколько вариантов арабографических родословных элитных бухарских родов [8]. Анализ обнаруженных шаджара и сопоставление их сведений с реконструированными генеалогиями современного населения позволили также проследить трансформацию или сохранение этнической идентичности потомков сибирских бухарцев [9, 10].

Общеизвестно, что этноним «татары» для тюркоязычного населения Западной Сибири являлся экзоэтнонимом, им в административных документах обозначался ряд народов, говорящих на тюркских языках. В конце XVI – начале XVII в., т.е. во время начального освоения Сибири Московским государством основную часть тюркоязычных групп Западно-Сибирской равнины составляли различные родоплеменные образования. Осваивая территорию Сибири и включая местное население в систему налогообложения, административные органы Московского государства создавали волостные единицы для централизации сборов налогов. Волости образовывались с учетом общности происхождения как в этническом, так и в социальном плане. Именно такой подход, отраженный в делопроизводственных документах, позволил Б.О. Долгих выявить родоплеменной состав населения Сибири в XVII в., где он выделил и группы тюркоязычного населения юга Западной Сибири [3].

Дальнейшее исследование этнической истории данного населения связано с именем Н.А. Томилова, который на основе огромного количества источников (материалы ревизий населения, полевые этнографические материалы и т.д.) предложил схему дифференциации территориально-этнических групп сибирских татар с выделением локальных групп этнографического характера [4, с. 246–247]. Им же были выявлены, насколько это представилось возможным, этнические компоненты в составе как территориально-этнических групп, так и локальных групп. В целом, необходимо отметить, что сложение как территориально-этнических, так и локальных групп тюркоязычного населения юга Западной Сибири продолжалось на протяжении XVII–XIX вв. Несмотря на различия в формировании групп, можно выделить общие моменты, которые обусловлены включением в состав ряда групп пришлого населения, представленного как выходцами из Средней Азии (т.н. сибирские бухарцы), так и переселенцами из Поволжья и Приуралья. Именно сочетание этих основных этнических компонентов (различные группы местного тюркоязычного населения и пришлые названные группы) и привело к сложению территориально-этнических групп.

Основное внимание в данной статье уделено социальной и этнической структуре татар Среднего Прииртышья, а именно территории Тарского уезда, которая включает в себя в настоящее

время часть северных районов Омской области и небольшую смежную территорию Тюменской области. В Тарском уезде сложилось две группы – курдакско-саргатские и тарские татары. Понятие «этносоциальная структура населения» неразрывно связана с изучением этнических (или социально-этнических) процессов. Их значение заключается не только в трансформации этнического и социального состава населения, но и в последствиях межэтнической интеграции или внутриэтнической консолидации. Этносоциальная структура тесно связана с понятием этнической истории и является ее неотъемлемой частью. В качестве раздела этнической истории как научного направления, сложившегося на стыке истории и этнологии, Н.А. Томилов выделяет этносоциальную историю, под которой понимает не только «динамику этнических свойств социальных институтов, отношений этнических общностей, но и историю этносоциальных организмов (эсо) и ***в целом всех этносоциальных объединений*** (выделено мной. – *С.К.*)» [11, с. 18]. Этносоциальная структура – это, прежде всего, совокупность этносоциальных сообществ, проживающих в границах общей территории. В последнее десятилетие активизировались исследования Сибири и ее населения (в основном русского) с точки зрения этносоциальной структуры, на которую огромное влияние оказала имперская политика государства [см., напр.: 12, 13, 14, 15, 16].

Тюркское население Тарского уезда по своему этническому и этносоциальному составу на всем протяжении заявленного хронологического отрезка не являлось однородным. В XVII в. его основной анклав составляли местные тюркоязычные группы, включенные после присоединения этих территорий к Русскому государству в разные социальные категории – ясачные, служилые и захребетные татары. В этот же период, в основном с середины XVII в., начинает формироваться этносословная группа бухарцев, первоначально незначительная по численности. Ясачное население (в отличие от служилых и захребетных татар, а позднее и бухарцев, которые первоначально в документах фиксировались как «юртовские бухарцы») фактически сразу было включено в волостную систему управления, а сами волости были сформированы с учетом этногрупповых различий. Наличие немногочисленных знаний о местном населении привело к тому, что на протяжении XVII в. в делопроизводственных документах постоянно менялось количество волостей. Дальнейшие изменения волостей происходили в связи с политикой государства как по отношению к инородческому населению Сибири, так и в целом административного переустройства России. Волости образовывались с учетом социального положения и налогообложения разных групп тюркского населения и, в свою очередь, в дальнейшем выступили в качестве определения этнических границ групп.

Первые сведения о волостной структуре тюркского населения Тарского уезда в XVII в. приведены Б.О. Долгих и основаны на анализе ясачных книг. Автор приводит численность плательщиков ясака по 9 волостям – Саргач (Ишим-томак), Тебендя, Котлубахтина, Я-Иртыш, Отуз, Тав, Тав-отуз (Куллары), Коурдак и Аялы [3, с. 50].

В дозорной книге Тарского уезда 1701 г. [17, ф. 214, кн. 1182] переписано по поселениям (внутри – по дворам) все мужское население, принадлежавшие им пашни, сенокосные и другие угодья, определены местонахождения поселений и угодий, формы владения ими как у местного (татары), так и у пришлого населения. В этой книге содержатся сведения по социальной стратификации населения. Из 425 листов с оборотами описание татарских поселений занимает 74 листа (348–422 об.), т.е. чуть менее 20% текста, что само за себя говорит о соотношении русского и аборигенного населения в Тарском уезде в начале XVIII в. В данной книге нет сведений о бухарцах, которым посвящена отдельная – Тарская дозорная книга этого же года [17, ф. 214, кн. 119]. Дозорные книги являются ценным источником для выявления этносоциальных категорий тюркоязычного населения, т.к. для периода XVII - XIX вв. в исторических источниках отмечается не этническая, а социальная и/или сословная принадлежность, а социальные границы не всегда совпадали с этническими.

У местного тюркоязычного населения условно можно выделить 4 основные социальные категории: ясачные татары, служилые татары, захребетные татары и юртовские бухарцы. Помимо этого имеются сведения о казанцах (10 человек взрослых и один ребенок – 0,9 % тюркоязычного населения), которые были расселены в деревнях вокруг г. Тары, в самой Таре и в более отдаленных от города поселениях, в основном в острожках. В большинстве своем они не имели земли, а часть из них – и скота. Три человека проживали в семьях бухарцев, остальные – своим двором. Среди татар проживали 8 калмыков. Почти все они являлись дворовыми людьми у служилых татар, что подтверждает тот факт, что они были взяты в плен в результате военных столкновений. У бухарцев в качестве дворовых людей записано 26 человек, у 23 из которых указано, что он калмык. Таким образом, дворовые люди составили 2,7%, большая часть которого отнесена к калмыкам. В состав бухарцев также вошли калмыки. Так, про одного бухарца написано, что «отец его родом был калмык и умре» [17, ф. 214, кн. 119, л. 21], а еще один бухарец родился в «Калмыкской земле» [17, ф. 214, кн. 119, л. 27 об.].

В этот период служилые (а также захребетные) татары и бухарцы не имели своих волостей, т.к. первая категория входила в сферу управления в целом служилыми людьми Тарского уезда, а вторая категория выделялась своим положением, во многом определяемым государством.

Первая и наиболее многочисленная этносоциальная группа – ясачные татары (вместе с детьми и братьями их насчитывается в дозорной книге 841 человек, что составляет 66,4% переписанного тюркоязычного населения). Ее основу составляло местное тюркоязычное население. При описании деревень, заселенных ясачными татарами, всегда указывалась волость – Аялынская, Коурдацкая, Кулларская, Отуская, Тебендинская. Далее шло перечисление имен ясачных определенной деревни, указывались дети и количество скота. Пашни, сенокосные и другие угодья были общими, и обычно эти сведения даны в конце описания каждого населенного пункта. Ясачные волости чаще всего формировались по этнонимическому признаку. Например, Аялынская волость была названа по этнической общности *аялы,* на основе которой впоследствии сформировалась локальная группа в составе тарских татар. Так же была основана и Коурдакская волость. В то же время названия волостей Кулларской и Тебендинской связаны с существовавшими еще во времена Сибирского ханства Кулларским и Тебендинским городками. В дальнейшем, во второй половине XVIII в., эти волости были преобразованы в Саргатскую и Тав-Отузскую, название которых связано с этнонимами тюркоязычного населения.

В описаниях некоторых деревень встречаются *князцы*, которые по своему социальному (а в приведенном примере и по имущественному) положению выделяются среди рядовых общинников:

«Деревня Усть-Тарская, Тартамак та ж на устье Тары реки. Живут ясашные татаровя.

Князец Иткучук Бучкаков сказал, скота у него – пять лошадей, рогатого столько же, двадцать овец.

Ясашные татары

Токмашко Чатаев...» [17, ф. 214, кн. 1182, л. 365].

По мнению С.В. Бахрушина, во времена Сибирского ханства князцы выполняли функцию сборщиков ясака с «черных людей», за что были освобождены от его уплаты [18, с. 157]. Эта функция князцов «перешла по наследству» от Сибирского юрта к Московскому государству, однако с течением времени князцы были включены в податное сословие и их положение все больше приравнивалось к рядовым ясачникам. Приведенный пример показывает несколько обособленное положение Иткучука Бучкакова, предка современных татар Князевых, получивших свою фамилию именно от его княжеского титула [6, с. 52–53], т.к. он записан отдельно от ясачных татар. Остальные 8 князцов записаны вместе с жителями тех деревень, в которых они проживали, и в имущественном отношении или незначительно выделялись количеством скота, или имели столько же

скота, сколько и остальные ясачные татары. В целом, на протяжении XVIII – первой четверти XIX вв. категория ясачных людей оставалась более или менее стабильной.

Служилых и захребетных татар невозможно рассматривать по отдельности, т.к. они взаимосвязаны – только в тех деревнях, где переписаны служилые татары, идет описание и захребетных татар. С.В. Бахрушин выводит происхождение татарского служилого сословия от прежних феодалов – «тарханов», куда он включает туземных князей (беков), мурз, племенных князцов и отчасти духовную знать. Звание служилого татарина было наследственным. Они несли разнообразные воинские повинности наравне с русскими служилыми людьми, участвовали в ямской гоньбе, использовались для различных поручений, требовавших знания местных условий и связей с населением [18, с. 163].

Представители данной социальной группы были освобождены от уплаты ясака. Б.О. Долгих предположил, что в составе служилых татар Тарского уезда было значительное количество местного тюркоязычного населения, и прежде всего аялынцев [3, с. 49]. Н.А. Томилов отмечает, что, как и тобольские и тюменские татары, они совершали ежегодные походы на юг к Ямышеву озеру за солью, посылались на службу в Тару, Томск и некоторые другие города и острожки, участвовали в военных походах. Постоянным местом их жительства были деревни, расположенные около г. Тары [4, с. 145]. По материалам дозорной книги это такие деревни, как Киргап (приводятся современные названия деревень), Айткулово, Атак, Речапово, Большие Туралы, Сеитово, Себеляково. Из них только деревня «Туралинских юрт» расположена на левом берегу Иртыша, остальные – на правом вдоль берега. Это подтверждает мнение Б.О. Долгих о местном компоненте служилых татар, т.к. при изучении расселения автохтонного тюркоязычного населения С.С. Тихоновым был сделан вывод о том, что основные их земельные владения, а также поселения были расположены вдоль правого берега Иртыша [19, с. 214]. Таким образом, служилые татары, несмотря на прохождение службы, оставались на своих землях. В XVII в. начинается перевод служилого населения на землю. Пожалуй, наиболее подробно этот вопрос освещен в работе Н.Г. Аполловой, касающейся именно территории Прииртышья, куда входил и Тарский уезд. Автор рассматривает этот процесс относительно русского служилого населения. Она отмечает, что начало оседания на землю русского служилого населения на данной территории происходило в первой четверти XVII в., приводя в пример материалы «Дозорной книги Тарского уезда 1624 г.», где переписаны селения русских служилых людей, представлявшие в большинстве своем деревни-однодворки [20, с. 84]. На протяжении XVII в. служилые люди постепенно осваивали все новые земельные угодья. Можно предположить, что у служилых татар имелись свои земельные угодья до оседания на землю русских служилых людей, т. к. в состав служилых татар, как уже упоминалось выше, по мнению Бахрушина, вошли туземные князья, мурзы, племенные князцы и отчасти духовная знать. К концу XVII – началу XVIII вв. ситуация на территории Тарского уезда становится стабильной: русские продвинулись уже далеко вверх по Иртышу, прекратились набеги калмыков и т. д. Поэтому именно в это время произошло увеличение количества «оседлых» служилых людей, приписанных к различным деревням и имевших в своем распоряжении значительное количество земельных угодий. Таким образом, нам представляется, что именно начиная со второй четверти XVII в. шел процесс оседания служилых татар на землю. В результате массового перевода категории служилых людей на «службу с пашни» во второй половине XVII в. земли служилых татар были закреплены за ними юридически. В материалах дозорной книги вокруг г. Тары зафиксировано 61 служилый и 62 захребетных татар. Всего с детьми и братьями их было соответственно 118 и 99 человек (9,3% и 7,8% тюркоязычного населения).

В услужении у служилых татар были захребетники – «обедневшие сородичи, которые по тем или иным причинам не вошли в разряд служилых» и «живя» «за хребтом» более состоятель-

ных своих соплеменников ...были обязаны своим хозяевам известными повинностями» [18, с. 170]. В количественном отношении служилых и захребетных татар было немного по сравнению с общей массой ясачных людей. С.В. Бахрушин отмечает, что основную массу захребетников составляли чужеродцы. Но анализ сведений дозорной книги позволяет усомниться в слишком большом количестве «чужеродцев». Часть захребетных (21 двор) не имели как пашенных, так и сенокосных угодий. В то же время большинство захребетных (40 дворов) владели как пашенными, так и сенокосными угодьями. Это является косвенным подтверждением того, что они были выходцами из местных родоплеменных групп. Об этом свидетельствует и тот факт, что имеются указания на «старинное владение» этими землями.

На протяжении XVIII в. служилое население Тарского уезда (как русское, так и татарское) было переведено в другие категории в связи со своей ненужностью, т.к. в этот период были освоены уже более южные и восточные территории. Если большинство русских служилых людей были поверстаны в крестьяне, то служилые татары и их захребетники были отнесены к категории ясачных. Во второй половине XVIII в. в Тарском округе создана отдельная волость – Подгородная, к которой были приписаны потомки служилых и захребетных татар, а в материалах 4-й ревизии (1782 г.) населения появились такие определения, как «старинная ясачная дочь» и «староясачные татары» для разграничения тех, кто издавна платил ясак, и тех, кто совсем недавно был переведен в категорию ясачных.

Сибирские бухарцы представляют особую этносословную группу. Изначально это понятие означало выходцев из регионов Средней Азии, однако на протяжении второй половины XVII – начала XX в. данное понятие становится этносословным определением [21, с. 19–28]. Бухарцев также называли сартами (например, у Миллера читаем: «…бухарцы как на их собственном национальном языке, так и татарами называются словом "сарт"» [2, с. 89]). В делопроизводственных документах начала XIX в. прошения подаются от «бухарцев и ташкенцев». Такое объединенное понятие, судя из текста документа, появляется во второй половине XVIII в. и существует до реформ М.М. Сперанского. Частенько в документах к администрации бухарцы называли себя иноземцами. В состав бухарцев в разное время включались в небольшом количестве калмыки, каракалпаки, киргизы (казахи).

Толчком к формированию бухарцев как этносословной группы стало учреждение в Сибири Бухарского купечества в 1595 г. Указ царя Федора Ивановича фактически закрепил существовавшие еще до прихода русских торговые отношения Средней Азии и Сибирских ханств. Однако численность бухарцев на протяжении первой половины XVII в. оставалась ничтожной. Грамота царя Михаила Федоровича 1645 г. всячески способствовала привлечению бухарцев в Сибирь на постоянное место жительства. В тексте констатируется тот факт, что, занимаясь торговлей, бухарцы активно начали осваивать и земельные пространства. Русское правительство, всячески поддерживая развитие торговли со среднеазиатскими государствами, не препятствовало развитию и других занятий иноземцев, тем самым привлекая их остаться на постоянное место жительства в Сибири. И на протяжении второй половины XVII в. бухарцы не платили никаких налогов на приобретенные ими земли, пока правительство не озаботилось этим вопросом и не провело ревизию бухарских владений, результаты которой по Тарскому уезду отражены в отдельной дозорной книге 1701 г. Здесь переписано 82 двора, всего 161 бухарец мужского пола с детьми и братьями (12,9% тюркоязычного населения Тарского уезда). На протяжении XVIII в. происходит численное увеличение бухарцев, связанное с переселением новых родов, в основном уже не из районов Средней Азии, а из джунгарских земель – т.н. зенгорские бухарцы.

Первоначально основной деятельностью бухарцев была торговля, и именно этот фактор стал решающим в обособлении этой группы от других социальных категорий за счет выданных им

особых привилегий. В дальнейшем, когда начинается земледельческое освоение территории Сибири бухарцами, российское правительство делает попытки включить данную группу в систему налогообложения и административного подчинения. По сути, бухарцы, проживавшие в деревнях сибирских татар, мало чем отличались от ясачного населения и служилых татар, так же занимались скотоводством, земледелием, рыболовством и т.д. В то же время в правительствующих кругах сложился образ бухарцев как торговых деятелей. Именно это обстоятельство и определяло появление все новых указов относительно бухарцев, которые все больше способствовали обособлению этой этносословной группы. И здесь нельзя не отметить противоречивость власти, которая, с одной стороны, выдавала обещания и позволяла пользоваться определенными привилегиями как в части торговли, так и в части налогообложения, а также позволяла закреплять за собой огромные земельные угодья, с другой – пыталась подчинить себе и включить в фискальную и административную системы. И этот процесс происходил на протяжении XVIII – первой трети XIX в.

Окончательному оформлению сибирских бухарцев как этносословной группы способствовал высочайший рескрипт 1787 г. к бывшему Сибирскому генерал-губернатору Кашкину, в котором подтверждались все привилегии, а также разрешалось ввести свое управление делами. С этого времени была узаконена сформированная чуть ранее Бухарская волость в Тарском округе; в Тобольском и Тюменском округах бухарцы находились в ведении бухарского старшины и лишь к середине XIX в. (материалы 9-й ревизии) были созданы Бухарские волости в Тобольском округе и Тюменском уезде.

К концу XVIII в. на территории Тарского уезда (к этому времени он значился как Тарский округ. – *С.К.*) окончательно сформировалась волостная структура, включившая все тюркоязычное население данной территории. В районе Тарского Прииртышья на территории расселения тарских татар в материалах 4-й и 5-й ревизий значатся следующие волости: ясачные – Аялынская, Подгородная, Остяцкая; Бухарская волость, к которой были приписаны в основном бухарцы. На территории расселения курдакско-саргатских татар существовали Коурдацкая, Саргатская, Тавская и Отузская. В 1816 г. на территории Тарского округа (в селениях вокруг г. Тары) была сформирована Порушная волость, создание которой, как считают исследователи, было связано со значительным переселением татар из Барабинской лесостепи [5, с. 99].

На протяжении XVII–XIX вв. волости татар и бухарцев являлись административно-фискальными, а не территориальными единицами, учитывая не только разнообразие социальных групп населения, но и сложившееся также чересполосное расселение инородческого и русского населения. Волостная структура периодически подвергалась изменениям. Население одной деревни могло быть приписано к 2–4, а то и 5 волостям. Так, например, население д. Сеитово Тарского уезда Тобольской губернии (ныне – Тарский район Омской области) в начале XIX в. было приписано к пяти волостям – Аялынской, Бухарской, Остяцкой, Подгородной и Порушной. Совместное проживание представителей разных социальных групп зафиксировано также Миллером в его путевых записках:

«Sibeljak-aul (д. Себеляково. – *С.К.*), на восточном берегу, в 1 версте от Бутаковой. Заселена служилыми, ясачными и бухарцами <…>

Godsch-aul, по-русски Саидовы юрты (д. Сеитово. – С.К.), на восточном берегу, в 5 верстах от [аула] Sibeljak. Заселена служилыми, ясачными и бухарцами. Между [аулом] Sibeljak и этой деревней Иртыш образует излучину к северо-востоку, имеющую 20 верст в окружности таким образом, что местность, охваченная этой излучиной реки, имеет ширину едва в полверсты [аула] Sibeljak <…>

Abdal-aul (не существует. – *С.К.*), на восточном берегу, в 3 верстах от аула Godsch. Заселена ясачными, служилыми и бухарцами <…>

Aptisch-aul (не существует. – *С.К.*), на восточном берегу. Заселена бухарцами и захребетными татрами. Захребетные татары называют себя также по-татарски с русским окончанием – туралинцы. Они ничего не платят в казну и вместо этого раньше их использовали подобно служилым людям для работы на соляных дощаниках до Ямышева озера, что сейчас, однако, уже не происходит <…>

Atak-aul (д. Атак. – *С.К.*), на восточном берегу, в полуверсте от аула Aptisch. Заселена бухарцами и захребетными татарами <…>

Kirgap-aul (д. Киргап. – *С.К.*), две деревни на восточном берегу, в 3 верстах от Иткулевой. Заселены бухарцами, служилыми и захребетными татарами. Нижняя деревня для зимних жилищ, а верхняя – для летних» [2, с. 90–92].

Причину такой волостной группировки татарского населения Г.Т. Бакиева объяснила тем, что, «переселяясь в другие селения, пришельцы в административном и фискальном отношении попрежнему оставались членами той волости, из которой происходили» [22, с. 54]. В действительности волости создавались уже в то время, когда существовала определенная категория населения. Например, бухарцы во время правления Екатерины II добились права на свою, Бухарскую, волость, хотя и были расселены по разным населенным пунктам изначально, еще до создания волости. Еще один пример связан со служилыми татарами и их захребетниками, давно расселенными по разным деревням и проживавшими совместно с ясачными, для которых в последней четверти XVIII в. была создана отдельная Подгородная вол. в Тарском округе, когда служилых этого округа перевели на ясак. Известен также факт создания новой волости в связи с переселением из других мест в уже существующие татарские поселения в том же Тарском округе – Порушной, к которой приписали переселившихся в начале XIX в. татар из Барабинской лесостепи. Или, о чем писалось ранее, в этот же период была создана отдельная волость Оброчных чувальщиков для татар-переселенцев из Европейской России, которые в реальности расселились в различных поселениях местных татар. То есть волость в начале XIX в. закрепляла уже существующие различные группы населения в зависимости от их податного обложения со стороны государства.

Такая волостная структура просуществовала на протяжении всего XIX в. Так, в журнале Тобольского окружного по крестьянским делам присутствия отмечалось (запись № 91 от 1 июля 1895 г.): «Особенности татарских волостей: бухарцы расселились почти по всем татарским юртам; крайне оригинальная группировка волостей с татарским населением "…заключавшаяся в том, что почти в каждом татарском селении жители его принадлежат не к одной какой-то инородческой волости, а чуть не ко всем"… Еще более разбросано население Бухарской волости, имеющее свое инородческое управление также в г. Тобольске, но самые дальние юрты той волости находятся в пределах Тюменского и Тарского округов» [23, ф. 479, оп. 2, д. 51, л. 37, 38].

Социальная структура тюркоязычного населения Западной Сибири претерпела изменения в связи с принятием «Устава об управлении инородцев» (1822 г.). Ясачные татары были отнесены к категории оседлых инородцев и приравнены в обязанностях с государственными крестьянами. Данный процесс не был одномоментным актом. В ответ на причисление татар к категории оседлых инородцев и уравнение их в податях с государственными крестьянами, основным занятием которых было земледелие, в центр пошли «жалобы староясачных татар, от кучумовичей происшедших, на то, что их отнесли к оседлым инородцам и отменили ясак» [23, ф. 3, оп.1, д. 620, л. 20]. В конце 1827 г. была организована ясачная комиссия для определения правомерности таких действий. В результате работы комиссии большая часть татар была отнесена к оседлым инородцам, несмотря на то, что земледелие не являлось их основным занятием (особенно это касалось заболотных татар, которые вовсе не занимались земледелием). Переходное состояние от ясачных к инородцам хорошо прослеживается по материалам 8-й (1834 г.)

и 9-й (1950 г.) ревизий населения, в которых указываются то инородцы, то инородцы из ясачных татар, то ясачные инородцы и т.п.

Параллельно предполагалось укрупнить волости: по Уставу 1822 г. в Сибири предусматривалось причисление «оседлых инородцев», «прежде рассеянных между россиянами», к русским деревням. «Инородческие» селения, если число душ в них не оказывалось достаточным для составления «особенной волости», полагалось включать в состав русских волостей [24, с. 155]. Однако местные татар забросали власти жалобами, и данная попытка не увенчалась успехом. Для татар важным аргументом в пользу оставления своих волостей явился конфессиональный фактор. Мало того, дальнейшая унификация населения привела к тому, что были упразднены волости, созданные в связи с особым статусом или особым податным обложением населения (например, в середине XIX в. были упразднены Порушная и Подгородная волости в Тарском округе Тобольской губ., а их население приписано к Аялынской инородческой вол.).

С бухарцами ситуация складывалась иначе. Бухарцами Тобольского, Тюменского и Тарского округов было подано прошение в Сибирский комитет об оставлении им всех их привилегий, в котором перечислялись указы всех предыдущих правителей, начиная с грамоты царя Михаила Федоровича от 1645 г. «По рассмотрении всех сих сведений Сибирский комитет рассуждал, что по роду промышленности бухарцы могут быть разделены на два разряда: одни занимаются земледелием, другие же торговлею. Состояние первых ясно определено вышеприведенным докладом Правительствующего сената, т.е. сравнением их в податях с государственными крестьянами, а потому и надлежит распространить на них во всей силе правила, относительно оседлых земледельцев в Уставе о сибирских инородцах изложенные» [23, ф. 3, оп. 1, д. 620, л. 30]. Бухарцы, занимавшиеся торговлей, были отнесены к купечеству. Бухарцы по-прежнему имели свое управление и свои волости, что выделяло их и способствовало сохранению определенных групповых границ.

Этносоциальный состав тюркоязычного населения Среднего Прииртышья конца XIX в. вычленяется из материалов Всеобщей переписи населения 1897 г. В материалах данной переписи отсутствовал пункт об этнической принадлежности, народности, национальности и т.п. Однако сочетание сословного состояния, языка и веры позволяет выявить этническую характеристику населения, что и сделано было С.К. Паткановым [25]. Например, сочетание «инородец, вера – мусульманская, язык – татарский» означал потомков местных тюркоязычных групп. Бухарцы четко вычленяются по своему сословному состоянию, т.к. все они были приписаны к Бухарской волости, а в пункте о сословии записаны бухарцами. Поволжско-приуральские татары массово начали переселяться в Сибирь со второй половины XIX в., хотя незначительные переселения случались и раньше. В материалах 10-й (1858 г.) ревизии и переписи 1897 г. они записаны государственными крестьянами, и только в сочетании с верой и родным языком становиться понятным их пришлое происхождение.

К концу XIX в. изменилось соотношение основных трех этносоциальных групп в составе тюркоязычного населения юга Западной Сибири, что хорошо видно на примере Тарского уезда Тобольской губернии. Изменилось не только общее количество татар и бухарцев, но и их соотношение, по сравнению с началом XVIII в. (материалы дозорных книг), а сами группы стали более унифицированными. В материалах переписи 1897 г. по Тарскому уезду учтены: инородцы (местные) – 6841 (47,8%) чел.; бухарцы – 4515 (31,5%) чел.; государственные крестьяне (поволжско-приуральские татары) – 2962 (20,7%) чел. [25, с. 2-3].

Советская власть поставила национальный вопрос на одно из первых приоритетов, включив пункт о народности/национальности в переписной лист переписи населения 1926 г., по которой в Сибири учтены татары (совместно местные и пришлые), бухарцы, отдельно прописаны барабинские татары. В документах местных властей в 1920-е гг. употреблялись понятия татары-туземцы и

татары-бухарцы. В 1926 г. была упразднена Бухарская волость в Тарском уезде. К началу 1930-х гг. бухарцы местной администрацией учитывались уже в составе татар, что и отразилось в материалах всех последующих советских переписей.

По материалам собранных в 1970-е – 2000-е гг. родословных в составе современных татар Сибири в качестве второго уровня самосознания (первый – татары) используются понятия, по которым можно выявить названные вначале три основные группы, хотя на протяжении длительного совместного проживания они значительно перемешались посредством браков. С сибирскими татарами идентифицируют себя те, чьи предки в основном были местного происхождения. К сибирским причисляют себя и потомки поволжско-приуральских татар, рожденные в Сибири (региональная идентичность), сохраняя этногенетическое сознание. Следующим уровнем этнического самосознания сибирских татар является их память о групповых различиях более крупного (тарлык, тоболлык, тюмелык, бараба) и мелкого порядка (курдак, саргач, аялы, туралы). Также выявляются различные группы пришлых татар – башкирские, уфимские, казанские, российские, мишари и т.п. В местах компактного расселения бухарцев в бывшем Тарском округе (современные Большереченский и Тарский районы Омской области) в 1970-е гг. большинство потомков бухарцев старшего поколения идентифицировали себя бухарскими татарами. Последующие поколения помнят о своем бухарском происхождении, но себя называют татарами.

Список источников и литературы

1. *Татары.* М.: Наука, 2001 г. 583 с. (Серия «Народы и культуры»)

2. *Сибирь* XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (Серия «История Сибири. Первоисточники»; Вып. VI).

3. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 622 с. (Труды Института этнографии; Т. 55).

4. *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 276 с.

5. *Томилов Н.А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.

6. *Корусенко С.Н.* Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII – XX веках. Омск: Изд. дом. «Наука», 2006. 218 с.

7. *Корусенко С.Н.* Методика реконструкции генеалогий татарского населения Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск – Уфа,1997. С.74–76.

8. *Бустанов А.К.* Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 11. Омск: Изд. дом «Наука», 2009. С. 195–230.

9. *Bustanov A.K., Korusenko S.N.* Genealogy of the Siberian Bukharians: the Imyaminov clan // Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2010. № 2(38). С. 97–105.

10. *Bustanov A.K., Korusenko S.N.* Genealogy of the Siberian Bukharians: Shikhovs // Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2014. № 4(42). С. 136–145.

11. *Томилов Н.А.* Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. 218 с.

12. *Бережнова М.Л.* Роль теории в интерпретации этнографических материалов (на примере реконструкции социального статуса сибирских крестьян XVIII–XX веков) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2011. С. 188–190.

13. *Кабакова Н.В.* Формирование населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Омск: Изд-во СибАДИ, 2008. 213 с.

14. *Крих А.А.* Этносоциальные группы сибиряков в имперской практике XVII–XIX вв. // Роль государства в хозяйственном и культурном освоении Азиатской России XVII–начала XX века. Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ плюс, 2007. С. 151–158.

15. *Крих А.А.* Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Издат. Дом «Наука», 2012. 296 с.

16. *Суворова Н.Г.* Волость как инструмент интеграции русского и инородческого населения Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 2. С. 160–173.

17. *РГАДА*

18. *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. М.,1955. Т. III. Ч. 2. С. 153–175.

19. *Тихонов С.С.* Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г.Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 8. Омск, 2004. С. 200–233.

20. *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. 370 с.

21. *Корусенко С.Н.* Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Изд. дом. «Наука», 2011. 248 с.

22. *Бакиева Г.Т.* Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень – Москва, 2003. 258 с.

23. *ГИАОО*

24. *Сословно-правовое* положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX в.): Сборник правовых актов и документов / ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. 238 с.

25. *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. II. СПб., 1911. 432 с.

S. N. Korusenko

The Siberian Tatars in the sources of the XVII-XX c.: ethnoestates studies

Summary. The modern Siberian Tatars are a conglomeration of different ethnic components from which three big groups can be singled out: the locals – different Turkic – speaking groups, the Boukhartsy – people of various Central Asian descents, and the aliens – different groups of the Volga and Ural Tatars. As a result of the activity of the Russian and the Soviet state the identities of the Turkic – speaking population settled in the south of Siberia were changing. Simultaneously, during a long time there cohabited group self-nominations, estates and ethnoconfessional definitions some of which have become ethnonyms (exo - and ethno-). The transformation was happening during the whole chronological period. At the level of ethnogenetic conscience, based on the materials of the genealogies gathered, various variants of ethnic identification of the Siberian Tatars are discovered.

According to the materials of the genealogies gathered in 1970-2000-es in the body of the modern Siberian Tatars as the second level of self-perception (the first is the Tatars) there are used the notions according to which one can trace the above mentioned three basic groups. Those whose ancestors were mainly of local origin identify with the Siberian Tatars. The descendants of the Volga-Ural Tatars born in Siberia identify themselves as the Siberian Tatars (regional identity), preserving the ethnogenetic conscience. The next level of ethnic identity of the Siberian Tatars is their memory of the group differences, of large (*tarlyk, tobollyk, tyumenlyk, baraba*) and small scale (*kourduck, sarguch, ayalyh, touralyh*) Also,

there are distinguished different groups of the alien Tatars – the Bashkirsky, Oufimsky, Kazansky, Russian, Mishary, etc. In the places of compact habitation of the *Boukhartsy* in the 1970-es the majority of the descendants of the older *Boukhartsy* identified themselves with the Boukhara Tatars. The following generations remember their Boukhara origin, but call themselves Tatars.

Key words: Siberian Tatars; the identities of the Turkic – speaking population; self-nominations, estates and ethnoconfessional definitions.

УДК 316.42(571.12)

И.С. Томилов

ИЗМЕНЕНИЕ СОСЛОВНОГО СОСТАВА ГОРОДОВ ПОРЕФОРМЕННОЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. Изменения численности городского населения являются зеркальным отражением развития экономики, управления, социальной сферы жизни обывателей. Благодаря этому можно судить о миграционных процессах, уровне рождаемости и брачности, естественном и искусственном приростах и многих других демографических процессах, влияющих на уклад и общественный быт. В рамках данного исследования найдет отражение динамика численности различных категорий городского населения Тобольской губернии на различных временных отсечках пореформенного периода. В течение второй половины XIX – начале XX вв. отмечена положительная тенденция в увеличении численности горожан, ставшая возможной, по нашему мнению, благодаря возрастающим процессам как внутренней (из сел в города), так и внешней (из Европейской России в Сибирь) миграции, а также строительству Сибирской железной дороги. Как видно, в этом явлении больше превалировали искусственные факторы, чем естественные. Трансформационные процессы, набравшие ход на рубеже XIX – XX вв., непосредственно коснулись социального состава жителей городов. Размывание сословных границ, численное преобладание одних и значительное сокращение других категорий населения – все это было следствием модернизационных и урбанистических преобразований, в той или иной мере повлиявших на социально-демографическое положение городов исследуемого региона.

Ключевые слова: город, Тобольская губерния, пореформенный период, сословия, категория, трансформация, социальная структура, общество.

Вторая половина XIX – начало XX вв. ознаменовались значительными трансформационными процессами, коснувшимися разных областей жизнедеятельности населения. Не в последнюю очередь эти изменения коснулись социального состава городов, в том числе западносибирских регионов.

Относительное соотношение сословий в городах Тобольской губернии было неодинаковым. Численность категории населения во многом зависела от статусно-функционального назначения города. В сельскохозяйственных районах (Курган, Тюкалинск, Ишим, Ялуторовск) больше сосредотачивались крестьяне, в торгово-экономической Тюмени – купцы и мещане, в административном Тобольске – чиновники и дворяне [1, с. 37].

Объектом исследования выступает социальная структура городского общества Тобольской губернии на протяжении пореформенного периода в истории России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Предметом является изучение динамических процессов в составе объекта под воздействием трансформационных изменений в социально-демографической обстановке представленного региона.

Объект-предметная составляющая работы требует применения большого методологического аппарата. Анализ обширной темы представляется сложным в рамках какой-либо отдельной

научной отрасли, поэтому при реализации поставленной задачи найдет применение междисциплинарный подход, совместивший в данном случае достижения статистики, демографии, истории, урбанистики, социологии, экономики и др. Наряду с этим решение задач базируется на популярной в отечественной науке теории модернизации, в свою очередь, опирающейся на новые нетрадиционные формы как направления в развитии городов. При помощи сравнительно-исторического метода путем сравнения городов одного региона с городами другой области выделяются общие и особенные признаки через познание различных ступеней одного и того же явления. Метод призван выявить и сопоставить природу объекта исследования, определить его тенденции в развитии и охарактеризовать происходившие на протяжении более полувека изменения в культуре повседневности. При анализе количественных показателей требуется привлечение методологии и приемов статистики, среди которых: сводка информации и ее группировка, составление статистических таблиц, показатели вариации, вычисление средних значений, относительных и абсолютных величин и т.д.

Наконец, в основе любого научно-исторического исследования заложены принципы и методы исторического познания, а именно принципы историзма, объективности, комплексности и научной достоверности.

В начале 60-х гг. XIX в. наибольшее число священнослужителей и дворян было зафиксировано в Тобольске (758 и 886 чел. соответственно), купцов и мещан – в Тюмени (904 и 7 373). В целом, в сословной структуре губернского центра в абсолютном отношении преобладали мещане и военные (6 335 и 3 314 соответственно), в процентной оценке военные доминировали также в северных городах края – в Сургуте (79,3 %) и Березове (38,5 %). Такое положение вещей было продиктовано включением в состав военнослужащих представителей казачества. Это сословие являлось обособленным видом вооруженных сил, которое к концу XIX в. относилось к категории военных не по факту несения службы, а скорее в силу исторически сложившейся традиции. Представленные характеристики края можно соотнести с аналогичными показателями сословной структуры горожан Европейской России на 1858 г. Здесь в среднем дворяне составляли 5,2 %, духовные лица – около 1,6, собственно городские категории (мещане, почетные граждане, купцы, ремесленники) – до 54,7, «сельские» сословия (крестьяне) – примерно 20,2, военные – не более 14,1, остальные – 4,2 % [2, с. 47].

В пореформенные десятилетия, благодаря внедряющимся преобразованиям, существенно меняется социальный облик городов Тобольской губернии. К 1880 г. процент мещан в городских поселениях достиг 45,8 (в соседней Томской губернии, для сравнения, – 49,5 %). Только в Тобольске и Тюмени кумулятивно проживало свыше 14 тыс. чел., относивших себя к этой категории. Главными причинами подобной тенденции сибиреведы считают рост интенсивности процесса переселения, а также смягчение тягловой повинности и введение ряда относительных привилегий, предназначенных для «мещанского общества».

Состояние военных за два десятилетия кардинально не изменилось. В регионах Западной Сибири их количество незначительно выросло, однако за это время доля военных в городах сократилась на 1/5 – с 25 до 20 %. При этом в относительном значении лидировали Ишим (22,7 %), Тобольск (23,2), Березов (35,5), Сургут (57,9 %), Тара (73,4 %). Благодаря казачеству отличавшиеся ранее в этом плане северные города края это преимущество уже утратили: высочайшим решением Государственного совета начиная с 1882 г. сургутские и березовские казачьи команды были ликвидированы. После этого по разным причинам далеко не все представители этого сословия выразили желание вступать в состав Сибирского казачьего войска, в большей степени примеряя статус мещан. Вследствие этого, доля военных в губернии понизилась до 16,3 % (в той же Томской губернии – до 13,2). Кроме этого, несмотря на некоторый абсолютный рост, за 20 лет уменьшились

доли почетных граждан и купцов (в каждом случае – с 5,5 до 3,8 %), дворян (с 5,9 до 4,2), а духовенство одновременно сократилось как в процентном, так и числовом значении. До 3,5 раз возросла численность крестьян в городах (до 21,9 %), большая часть из которых по-прежнему проживала в Тюмени (29,3 % горожан), Кургане (31,4) и Ялуторовске (41,4). Точное количество ссыльных достоверно отразить сложно, но, судя по отдельным источникам, их численность возросла до 4,4 тыс. (около 7-8 % горожан) [2, с. 47-50].

Согласно Всероссийской переписи 1897 г., в 10 городах губернии проживал 87 351 обыватель. Из них почти половина (47,27 % горожан, или 41 292 чел.) причисляла себя к крестьянам, мещане составляли 39,8 % (34 729 чел.) (для сравнения, в Томской губернии – до 56,9 %), еще чуть менее 6 % (5 185) считали себя дворянами. Продолжало сокращаться число священнослужителей и купцов – 1 408 и 1 092 чел. (соответственно по 2 и 1,7 %), к иностранцам было отнесено 99 чел. (0,1 %), 4 % горожан (3 546) – к другим сословиям [3, с. 46-47, 62]. В половине городов региона (Курган, Ишим, Туринск, Тюкалинск, Тюмень) крестьяне составляли большинство населения. Высоким оставался удельный вес мещан. Несмотря на то что ссыльные не учитывались в итогах Переписи, их численность продолжала оставаться значительной. Только в одном Кургане к 1899 г. проживало более 2,8 тыс. ссыльнопоселенцев (около четверти горожан), а в Тюкалинске их удельный вес к 1911 г. составлял почти 38 %.

К 1910 г. в социальном составе городского населения губернии произошли новые существенные изменения. Весомо сокращается доля дворянства (около 1,8 %), только в Тобольске их численность уменьшилась в 2,5 раза (с 2 445 до 976 чел.). Аналогичная динамика зафиксирована в отношении духовенства, теперь не превышавшего 0,6 % от числа горожан. Несущественно увеличилась численность купцов в абсолютном весе, одновременно потеряв в относительном. Самыми массовыми, как и прежде, остались крестьяне (около 36,3 %) и мещане (до 44,2 %). Процент этих категорий резко возрос в городских поселениях, располагавшихся на пути Транссибирской железнодорожной магистрали.

Таким образом, в течение пяти десятилетий устойчиво и значительно снизилась численность духовенства (с 2,9 до 0,6 %), купцов (с 5,5 до 1,9 %), дворян (с 5,9 до 1,8 %) и военных (с 31,7 до 1 %). Интересно, что в процентном соотношении священнослужители и воинские категории практически стремятся к нулю. Значительная часть в сословной структуре города приходилась на мещан, являвшихся самым многочисленным сословием почти на всем протяжении второй половины XIX – начала XX вв., исключая результаты Всероссийской переписи 1897 г. Доля этой группы горожан в течение полувека колебалась в границах 40–48 %. За счет снижения численности других сословий процентно увеличилась почти в 6 раз (с 6,1 до 36,3 %) доля городских крестьян.

Прогресс в социально-экономическом и социокультурном развитии к началу XX в. привел к росту соотношения собственно городских слоев среди жителей городов края (интеллигенция, торговые и промышленные слои и пр.) и сокращению численности духовенства, чиновников, военных.

Динамика проявляется в снижении удельного веса представителей привилегированных городских сословий (почти в 9 раз), за счет чего возрастает доля неблагородных слоев общества – крестьян и мещан (с 53 до 80 %). К началу мировой войны обе категории составляли вместе более 4/5 всех горожан Тобольской губернии. Громадный рост крестьянства городоведы склонны увязывать с результатами реформы февраля 1861 г., ставшей одним из двигателей в активизации развития капиталистических отношений. Соглашаясь в целом в этом вопросе с известными сибиреведами, к вышеупомянутым факторам, в нашем представлении, стоит причислить начавшееся к рубежу столетий разделение сословной структуры городского населения по профессионально-доходному признаку.

Впоследствии либеральных преобразований второй трети XIX в. был запущен процесс разложения сословного строя России. Однако если в европейских областях страны оно трансформировалось в классовое размежевание, то в городских поселениях Тобольской губернии, в силу малочисленности рабочих (пролетариат) и промышленников с предприятиями фабрично-заводского типа (буржуазия), чаще фиксировалось деление по способу получения прибыли и профессиональному признаку. Другими словами, существовавшая на протяжении столетий сословная структура общества к началу XX в. уже отставала от экономического развития региона. Вследствие этого, она во многом тормозила обозначившийся подъем своими устаревшими патриархально-феодальными порядками. По сути, быть кадровым военным, представителем казачества или духовенства стало экономически проигрышно. В новую созревавшую структуру абсолютно не вписывалась группа неопределенных категорий и неформальных разновидностей – ссыльных, разночинцев и других маргинальных кругов. В итоге, к 1913–1914 гг. они практически пропадают со страниц официальных статистических документов: входят в состав других категорий и весомо снижают данные граф из разряда «прочие». Тем не менее, утрачивая свои привилегии в процессе становления общественной классовости, сословия продолжали играть значительную роль в структуре городского населения.

Н.М. Ядринцев подчеркивал: «С самого завоевания вплоть до наших дней народонаселение Сибири разделялось на 2 класса: на рабский класс из невольников и лиц закабаленных, класс многочисленный, состоящий из инородцев, и зажиточный класс – рабовладельцев-кабалителей… Когда запрещено было держать рабов, рабство … в сущности не уничтожилось, оно приобрело только новую форму кабалы и существует в форме торговой кабалы до сегодня». Деятель областничества считал, что монополисты и спекулянты управляют обществом и, преследуя личные цели наживы, закабаляют людей, угождают властям и «рисуются благотворителями» [4, с. 281, 294].

Теоретически базировавшиеся по задумке авторов на принципе всесословности, буржуазные преобразования в ходе практической реализации не могли не учитывать сословную структуру. Они размыли рамки социальных групп, содействовали дифференциации категорий, но в силу действующей нормативно-правовой базы и патриархальных привычек не установили бессословность в обществе.

Таким образом, в пореформенный период последствия реформ не имели возможности реально способствовать созданию института гражданства. Сословное законодательство являлось слабо разработанным и не давало четких определений для существовавших категорий городских обывателей. Отставая от жизни, оно в большей степени способствовало размыванию социального состава населения [2, с. 54]. В течение 2-й половины XIX – начале XX вв. городское население Тобольской губернии неизменно увеличивалось, что было обусловлено, в большей степени, искусственными факторами (строительством железной дороги, увеличивающимся переселением и миграцией селян).

Список источников и литературы

1. *Павлов А.* 3000 верст по рекам Сибири: Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень, 1878. 164 с.

2. *Гончаров Ю.М.* Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX– XX вв. // Города Сибири XVIII – начала XX вв.: сб. науч. ст. Барнаул, 2002. С. 36-64.

3. *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого: изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1899–1905. Т. LXXVIII. Тобольская губерния. СПб., 1905.

4. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. 472 с.

I.S. Tomilov

Change the class composition of cities post Tobolsk province

Summary. Changes in urban population are mirrored in the development of economy, management and social spheres of life of the inhabitants. This makes it possible to judge about migration processes, the level of fertility and nuptiality, natural and artificial growths, and many other demographic processes that affect life and society. In this study reflects the population dynamics of different categories of the urban population of Tobolsk province at different time cutoffs in the postreform period. During the second half of XIX – early XX centuries were marked positive trend in the increase in the number of citizens, made possible, in our opinion, due to the increasing processes both internal (from rural to urban areas) and external (from European Russia to Siberia) migration, as well as the construction of the Siberian railway. As can be seen, this phenomenon was more prevalent artificial than natural. Transformation processes, who received the course at the turn of XIX – XX centuries, directly affected the social composition of urban residents. The blurring of class boundaries, the numerical predominance of one and a significant reduction in other categories of the population – all this was a consequence of modernization and urban transformation, in one way or another influenced the socio-demographic situation of cities in the region under study.

Key words: the city of Tobolsk province, the post-reform period, class, category, transformation, social structure, society.

УДК 304.2

В.И. Дятлов

«ЖЕЛТЫЙ ВОПРОС» НА ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ЭПИТЕТ «ЖЕЛТЫЙ» В ОЦЕНКЕ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. Тяжелейшие проблемы колонизации только что присоединенного к России Дальнего Востока, соседство с великими азиатскими цивилизациями и империями породили в позднеимперской России мощный комплекс страхов и опасений, которые чаще всего формулировались в категориях «желтой опасности». Природа этого страха – и природа отношения вообще – воплощена в эпитете «желтый». Это был господствующий дискурс, а не просто часть случайно сложившегося термина и понятия. Эпитет «желтый» употребляется наряду с этнонимами и обозначениями подданства. Конкретные проблемы развития региона, вопросы его управления – в той части, что связаны с мигрантами, обычно рассматривались в категориях этничности или подданства. Но как только анализ выходил в плоскость выстраивания геополитики, стратегии, общего взгляда на роль региона в стране и в мире – начинает господствовать «желтый» дискурс. Массовые антикитайские настроения, геополитические страхи и устремления и расовая теория, соединившись, породили синдром «желтой опасности». «Желтые» в этой системе взглядов выглядели наиболее опасной расой для «белых». Тезис о тотальной, природной несовместимости «желтой» и «белой» рас исключал возможность даже относительно мирного сосуществования. Расовые отличия виделись настолько великими, что ставили под вопрос принадлежность к единой человеческой общности. Огромную жизненную энергию придавало синдрому подключение ресурсов отечественного концепта «монгольского ига» и массового антисемитизма. В позднеимперской России были решительные противники и яростные сторонники синдрома «желтой опасности». Однако использование ими терминологии и образов, дискурса этого синдрома только вело к его усилению, укрепляло его легитимность.

Ключевые слова: китайские мигранты, Дальний Восток, «желтая опасность», «желтый вопрос», расизм, ксенофобия.

Присоединив во второй половине Х1Х в. Дальний Восток, Россия обрела и огромный комплекс сложнейших геополитических, экономических, политических проблем. По большей части они оценивались государственными деятелями, столичными и региональными чиновниками, военными, разнообразными экспертами, журналистами и публицистами, учеными, просвещенными обывателями в категориях «желтый вопрос», «желтая проблема», «желтый труд», «желтая опасность».

В этих терминах оценивалось теснейшее соседство с гигантским по населению Китаем, «четыре тысячи километров проблем» границы с ним, по замечательному выражению Акихиро Ивасита [1]. Гремучая смесь из стремления к экспансии в Китай и страха перед тем, что этот «спящий проснется». И неожиданный – и потому еще более тревожный – процесс модернизации и державного усиления также соседней теперь Японии. И полная неосвоенность только что присоединенного Дальнего Востока в политическом, военном, демографическом, экономическом отношениях. Оторванность его от метрополии, почти полная до строительства Транссиба. Опасная зависимость задачи освоения региона от ресурсов Китая. А такое освоение было стратегическим направлением деятельности властей позднеимперской России.

И, наконец, острейшая проблема трудовых мигрантов из Китая, в меньшей степени – из Кореи и Японии. Именно способ вербализации оценки миграционной ситуации властями и различными кругами российского общества – предмет рассмотрения в докладе.

Освоение Дальнего Востока, создание там первичной административной, военной, коммуникационной, экономической инфраструктуры, ее обслуживание, поддержание элементарной жизнедеятельности формирующегося населения – все это создало огромный спрос на рабочую силу, удовлетворить который за счет российских источников было просто невозможно. Этот платежеспособный спрос создал мощный и постоянно растущий приток мигрантов из соседних стран.

Преобладающий по численности поток из Китая составляли временные, в значительной части сезонные, мигранты. Это были одинокие мужчины, т.к. миграция женщин была запрещена китайскими законами. Отсюда и преобладающая миграционная стратегия, направленная на временное пребывание в России, минимальную адаптацию к принимающему обществу. Китайские мигранты преобладали в торговле и личных услугах, ремеслах, коммунальном хозяйстве, строительстве, золотодобывающей промышленности, заметную роль играли в сельском хозяйстве в качестве арендаторов и наемных рабочих.

Вторая по численности группа – мигранты из Кореи. По форме – трудовые мигранты, по сути – почти беженцы от невыносимых условий жизни. Перебирались в Россию семьями и с твердым намерениям остаться там навсегда. Это создавало огромный стимул к адаптации – они стремились получить российское подданство, во многом для этого массово принимали православие, стремились дать детям российское образование и знание языка. Составляя самый низкооплачиваемый и бесправный слой рабочих на золотых приисках и в городской экономике, они заняли заметное место в сельском хозяйстве. Российские власти быстро и высоко оценили их лояльность, умение вести сельское хозяйство в этом регионе, огромное трудолюбие. С проблемами и трудностями, но им удалось добиться российского подданства для значительной части переселенцев, права на получение земли и возможности создавать свои деревни. Довольно быстро сформировалась немногочисленная, но энергичная, русифицированная и получившая современное образование элита.

Японских мигрантов было мало, около пяти тысяч человек в 1902 г., но они нашли свою нишу в экономике, занявшись профессиями, требующими современного образования и ремесленной квалификации.

Это был, видимо, первый в истории России случай массовых трансграничных трудовых миграций, не организованных властями империи. Точных оценок численности мигрантов нет в силу постоянных изменений, сезонности, слабой постановки учета и контроля. Но в некоторые годы их численность превышала сотню тысяч человек (по оценке А.Г. Ларина 200-250 тыс. в 1910 г.), т.е. составляла 10-12% населения региона [2, с. 20 - 21]. На этой рабочей силе держались сельское хозяйство, золотопромышленность, строительство, сфера обслуживания и личных услуг, торговля и общественное питание.

Полная зависимость от труда мигрантов была вполне осознанна и активно переживалась и обсуждалась властями и населением региона. И это была для них не абстрактная, оторванная от обыденной жизни проблема. Массовая миграция сформировала ситуацию массового же, повседневного, обыденного контакта. Контакта как нормы. И это требовало выработки отношения, стереотипов как механизмов регулирования взаимоотношений, формирования комплекса поведенческих практик. Проблема осознавалась в качестве критически важной не только для властей и населения Дальнего Востока, но и империи в целом.

Сложная смесь понимания ценности мигрантов как колонизационного ресурса и страха перед ними была сформулирована владивостокским переселенческим чиновником и публицистом А. Пановым. Он писал, что без китайцев Дальний Восток не будет освоен и потому неизбежно потерян для России. Но массовое применение их труда может привести к «окитаиванию» региона и такой же неизбежной его потере [3, с. 53 – 116; 4, с. 241 - 282].

Распространенность такого понимания не означала унификации отношения к мигрантам. В текстах тех лет можно проследить и спокойно-доброжелательное отношение, и расчетливо-прагматическое, и панически-враждебное. Но сближает все эти позиции чувство отчужденности.

Моя гипотеза состоит в том, что природа этого страха – и природа отношения вообще – воплощена в эпитете «желтый». Это господствующий дискурс, а не просто часть случайно сложившегося термина и понятия.

Стоит подчеркнуть, что, как правило, эпитет «желтый» употребляется наряду с этнонимами и обозначениями подданства: читающая грамотная публика, да и значительная часть неграмотного населения, особенно на Дальнем Востоке, знала, что есть китайцы, японцы, корейцы, монголы, есть подданные китайского или японского императоров. Многие хорошо представляли, в чем состоят различия между ними. Чиновники, военные, профессиональные эксперты, анализируя структуру населения, особенно мигрантской его части, структуру хозяев торговых и промышленных предприятий, другие конкретные явления и процессы в регионе привычно мыслят в этих категориях.

Они хорошо видели и разницу миграционных стратегий различных этнических групп. В соответствии с этим зачастую выстраивалась и политика администрации. Так, например, анти-корейская кампания генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера, известного исследователя и знатока региона, основывалась на ясном понимании того, что корейцы – отличный колонизационный материал: работящие, лояльные, готовые к интеграции, полезные, а в аграрной сфере просто незаменимые люди. Однако, в отличие от предшествующих генерал-губернаторов, он опасался именно этих качеств. Суть его политики была сконцентрирована во фразе о том, что он предпочитает видеть Дальний Восток пустыней для русских, но не цветущим садом для «желтых». Он считал регион резервной территорией, местом жизни будущих поколений россиян. Поэтому оседание здесь их потенциальных конкурентов он решительно не приветствовал. Он предпочитал временных гостей, «перелетных птиц» – китайцев, которые искали здесь не новый дом, а возможность заработка [5, с. 137].

Нам важна здесь языковая стратегия этого проекта – рестриктивные меры против корейцев как мера по борьбе против «желтых». Корейцы, адаптационные усилия которых очевидны, в качестве будущих россиян не признаются по причине того, что они «желтые».

Проблема «желтизны» рассматривалась как одно из главных, если не главное, препятствий для территориальной экспансии в Китае, для захвата Маньчжурии например. И хотя в публицистике появлялись соображения о том, что Россия много каких народов присоединила и сделала их в конечном счете русскими, этот взгляд явно не преобладал. Очень важно в этом контексте то, что азиатские подданные империи, те же буряты или якуты, например, в категориях «желтые» не идентифицируются. По отношению к ним используется сословная система категорий, а в последние годы империи – появляются и этнические маркеры.

Представление о несовместимости с «желтыми» стимулировало и экзотический проект создания «Желтороссии» - классической колонии империи, но не ее части, пусть даже с особым статусом» [6]. Место для «Желтороссии» отводилось в этих проектах разное – или заселенный китайцами Дальний Восток, или тем или иным способом аннексированная часть Китая. В любом случае колониальный статус расценивался как способ решения проблемы «желтых» подданных империи путем выстраивания внутренней границы.

Если давать общую оценку, то конкретные проблемы развития региона, вопросы его управления – в той части, что связаны с мигрантами – обычно рассматривались в категориях этничности или подданства. Но, как только анализ выходил в плоскость выстраивания геополитики, стратегии, общего взгляда на роль региона в стране и в мире, начинает господствовать «желтый» дискурс. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть работы таких вдумчивых аналитиков как В.В. Граве, В.К. Арсеньев. Это отчетливо прослеживается в таких стратегических документах, как ежегодные Всеподданнейшие доклады приамурских генерал-губернаторов.

Из Всеподданнейшего отчета приамурского генерал-губернатора (за 1893, 1894 и 1895 гг.): «Много лет покоившаяся на прибрежьях Тихого океана желтая раса ныне потревожена назойливыми чужеземцами и невольно встрепенулась… Перед ними предстало надвигающееся европейское владычество. Поднялась голова этой расы, Япония, население которой по островному своему положению и примеси энергической и интеллигентной малайской крови, является мозгом и нервными центрами гигантского туловища – Китая и Кореи. Началась, пока и глухая, борьба пятисотмиллионной желтой расы с европейскими выходцами» [7, с. 167]. Характерно, что перед этим идет тщательный и обстоятельный анализ ситуации с мигрантами в регионе, и оцениваются выгоды и риски от присутствия именно китайцев, корейцев и японцев, а не агрегированных «желтых». Геополитический анализ, однако, потребовал иного категориального аппарата.

Советская власть – в других терминах, в другом контексте, но в чем-то продолжила такое понимание и такой курс. Корейцы и китайцы были выдавлены или депортированы с Дальнего Востока из опасения того, что могут стать «пятой колонной» для Японии. При этом были очевидны недружественные, а то и просто враждебные отношения их между собой. И единственное, что давало основание верить в такую коллаборацию, их «желтизна».

Причины господства такого подхода уходят в комплекс настороженности, страхов, опасений, высокомерия и неуверенности, сложившийся при решении сложнейших проблем Дальнего Востока. Эти настроения обрели слова, образы и объяснения в чрезвычайно популярной тогда расовой теории, которая рассматривалась как последнее достижение научной мысли и была вполне респектабельной. Она исходила из презумпции природной, органической принадлежности человека к «расе», в которой биологические характеристики предопределяют интеллектуальные, моральные и духовные. Принадлежность к «расе» не является вопросом личностного выбора, ибо нельзя выбрать цвет кожи или разрез глаз. Биологические характеристики, принадлежность к «расе» предопределяют для носителей такого понимания и ключевые характеристики человека как социального существа.

Массовые антикитайские настроения, геополитические страхи и устремления и расовая теория, соединившись, породили синдром «желтой опасности». «Желтые» в этой системе взглядов выглядели наиболее опасной расой для «белых». За нею виделись огромная и мобилизованная численность, мощь древней китайской империи и цивилизации, растущая сила и амбиции модернизирующейся Японии. А модернизация позволяли «желтым» присвоить и использовать научно-технические, экономические и военные достижения европейской цивилизации для непримиримой борьбы с нею же. Тезис о тотальной, природной несовместимости «желтой» и «белой» рас исключал возможность даже относительно мирного сосуществования. Расовые отличия виделись настолько великими, что ставили под вопрос принадлежность к единой человеческой общности.

Убедительность такого подхода усиливало подключение ресурса других мощных в России ксенофобских комплексов. Этому совершенно не мешало то, что они иногда противоречили друг другу или вообще были взаимоисключающими. «Спящий Китай» часто предстает символом застоя, рутины, деспотии, антитеза развитию и прогрессу. Однако во многих идеологических конструкциях китайцы предстают и символом «торгашества» – и тогда ставятся в один ряд с евреями. Вплоть до идеи совместного китайско-еврейского заговора, направленного на уничтожение европейского «белого» мира.

Огромную жизненную энергию придавало синдрому подключение ресурсов отечественного концепта «монгольского ига». К этому времени он уже господствовал в историческом сознании, в качестве важнейшего постулата вошел в школьные и университетские учебники, его основные положения казались настолько очевидными, что выглядели уже трюизмами. Такой синтез дал мощную метафору «нового монгольского нашествия», «панмонголизма». «Желтые» рассматривались в контексте нового «монгольского нашествия» и грядущего «ига» – как новые кочевники, новое варварство. Создавался огромный кумулятивный эффект, ведь с XIX века и по настоящее время в массовом сознании, официальной идеологии, школьных учебных программах господствует представление об «иге» как самой страшной катастрофе в истории страны. Такое понимание «панмонголизма» совсем не имело в виду реальных монголов того времени. Мистические «монголы» «панмонголизма» выступают символом «желтизны», «нашествия», «ига». Это сливается в инфернальный страх «войны миров». Выдающийся образец этого дают знаменитые работы В.С. Соловьева «Панмонголизм» и «Три разговора о войне, прогрессе и конце человеческой истории». По жанру это скорее пророчества о «предстоящем страшном столкновении двух миров», «о панмонголизме и азиатском нашествии на Европу» [8, с. 233; 9, с. 635–762]. Уже не на расовой основе, но это идея о принципиальной несовместимости и неизбежной смертельной войне миров.

Идея «желтой опасности» разделялась в России далеко не всеми. Националистически настроенный публицист П. Тимофеев, призывающий бороться с засильем в стране евреев, китайцев, иностранцев, восхищается японским национализмом и призывает учиться у него [10, с. 16–22], Социалист С.Н. Тавокин переводит проблему в плоскость классовой борьбы: «свет, избавление от ярма капитализма, разрешение социалистического вопроса произойдет с Востока» [11, с. 4, 31].

Однако отрицание «желтой опасности» не сопровождается у них протестом против употребления самого эпитета «желтый» или его игнорированием в собственных текстах. Даже решительный противник расовой теории, политический ссыльный-народник и выдающийся исследователь Сибири Д. Клеменц, принципиально и аргументированно отрицая «желтую опасность», возможность объединения столь разных народов, как китайцы, японцы и монголы, тем более для совместной экспансии против Европы, привычно пользуется соответствующей терминологией, даже не закавычивая ее [12, с. 36–56].

И только внимательный наблюдатель и тонкий аналитик Д.И. Шрейдер практически не пользуется словом «желтый» и не мыслит в этих категориях. «На манз да и на всех прочих ино-

родцев, не исключая японцев, занимающих ныне едва ли не первое место на всем азиатском Востоке, европеец – безразлично: на нашей ли далекой окраине, в Индии, на Малайском архипелаге и т.д. – всегда привык смотреть, как на людей низшей породы. С ними не сближаются… обыватели равно не знают их и равно чужды им» [13, с. 82].

Признание нечеловеческой или недочеловеческой природы «желтых», их дегуманизация, становилось естественной и необходимой предпосылкой для демонизации «чужого», для превращения реального или потенциального противника в смертельного врага. Демонизация относится не только к синдрому «желтой опасности». При сопоставлении всех «великих ксенофобий» XX в. бросается в глаза элемент трансцендентности, запредельности опасности от того или иного «чужого». Угроза с их стороны воспринимается не как что-то рациональное или поддающееся рациональному обоснованию и/или объяснению, по крайней мере, описанию, а как нечто таинственно-грозное, глобальное, всеобще-вездесущее, мало зависящее от действий, воли и решений отдельных людей.

Вот характерное высказывание профессора П. Ухтубужского: «Известно, что желтые народы питают органическую ненависть к европейцам, а к нам, русским, в особенности […] Они мечтают […] о завоевании всего мира […] Нашествие желтых на богатые области Сибири уже началось. Правда, это, как выражаются у нас, «мирное», экономическое нашествие, но и при этом мирном нашествии русские вытесняются желтыми, которые захватывают торговлю, промыслы, заработки и т.д.». «Народами правит Бог. Побеждают те народы, которые защищают Добро и Истину. Если в Азии столкнется Россия, несущая народам свет Православия, с желтыми народами, погрязающими во тьме язычества, то в исходе этой борьбы не может быть сомнений. Крест одержит победу над Драконом, олицетворяющим «князя мира сего» [14, с. 64 – 65, 75, 85].

«Чужой», представляющий опасность, предстает не в облике конкретного «противника», имеющего совершенно реальные интересы, несущие в себе угрозу, пусть даже смертельную. Он становится персонификацией «абсолютного зла», воплощением тотальной чужеродности, принципиальной несовместимости. Аналогом Дьявола. С ним невозможно договориться, сторговаться, достичь компромисса. Его логику невозможно понять. Конфликт с ним – это тотальное противостояние, смертельная война до полного уничтожения одной из сторон. А неконкретность, невидимость «врага» делает сомнительным возможность победы над ним. Запредельность и смертельность угрозы вытекает из того, что ее носитель – человек принципиально иного мира, и в этом смысле – скорее не человек, а мыслящее и разумное существо. Расовый подход подразумевал настолько принципиально качественные отличия, что практически выводил представителей других рас из категории людей с их моралью и системами ценностей. Поэтому «желтые», «муравьи», даже «макаки» предстают как враг с нечеловеческой, инопланетянской логикой и мотивацией действий.

Таким образом, отношение к синдрому «желтой опасности» в позднеимперской России было сложным и неоднозначным. Были и его решительные противники, и яростные сторонники. Причем и те, и другие часто исходили из разных, иногда взаимоисключающих, посылок. Было много тех, кто отвергал основные положения синдрома или стремился понять, насколько миграционная и геополитическая ситуация России, связанная с соседством с дальневосточными странами и народами, несет в себе реальные риски и угрозы для страны. Однако использование ими терминологии и образов, дискурса синдрома «желтой опасности» только вело к его усилению, укрепляло его легитимность.

Список источников и литературы:

1. *Ивасита Акихиро*. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница / Ивасита Акихиро / пер с яп. М.: АСТ: Восток – Запад: 2006. 336 с.

2. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. / А.Г. Ларин. М.: Восточная книга: 2009. 512 с.

3. *Панов А.* Желтый вопрос в Приамурье // Вопросы колонизации. 1910. Вып. 7. С. 53–116.

4. *Панов А.* Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Вопросы колонизации. 1912. Вып. 11. С. 241–282.

5. *Граве В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет Уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб., 1912. 465 с.

6. *Левитов И.* Желтороссия как буферная колония. (Доклад, читанный в общем собрании Общества для содействия русской промышленности и торговли 16 мая 1905 г.). СПб., 1905. 120 с.

7. *Всеподданнейший* отчет Приамурского Генерал-Губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб, 1895. 172 с.

8. *Соловьев Вл.* Панмонголизм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 233.

9. *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. // Владимир Сергеевич Соловьев. Сочинения в двух томах / Второе издание. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 635–762.

10. *Тимофеев П.* Порто-франко на Дальнем Востоке и русский космополитизм. М., 1908. 39 с.

11. *Тавокин С.Н.* К вопросу о «желтой опасности». Киев: Изд-во «Восточная библиотека», 1914. 32 с.

12. *Клеменц Д.* Беглые заметки о желтой опасности // Русское богатство. 1905. № 7. С. 36–56.

13. *Шрейдер Д.И.* Наш Дальний Восток. СПб., 1897. 468 с.

14. *Ухтубужский П.* Русский народ в Азии. 1) Переселение в Сибирь. 2) Желтая опасность. Издание Русского народного союза Михаила Архангела. СПб., 1913. 86 с.

V.I. Dyatlov

Pre-revolutionary Far-Eastern «Yellow issue»:
epithet «yellow» in assessment of migration situation

Summary. The hardest problems of colonization of just incorporated Far East, vicinity with great Asian civilizations and empires caused late imperial Russia a strong complex of fears and anxiety, which more often was formulated in categories of «Yellow peril». The nature of this fear and attitude in general is being described by the epithet «yellow». It was not just a part of accidentally formed term and concept, but it was the dominant discourse. The epithet «yellow» is being used equally with ethnonyms and designation of citizenship. Particular problems of region development and governing associated with migrants were usually scrutinized under the categories of ethnicity or nationality. «Yellow» discourse starts to dominate as soon as the analysis comes to geopolitics, strategy and general point of view on the role of the region in the country and world in general. Mass anti-Chinese attitude, geopolitical fears and desires and racial theory combined generated the syndrome of «yellow» danger. In this belief system the «yellow» ones seemed the most dangerous race for the «white» ones. The thesis about the total and innate incompatibility of «yellow» and «white» races eliminated the possibility of even relatively peaceful coexistence. Race differences seemed to be so tremendous that belonging to the common human community was called into question. Domestic concept of the «Mongol yoke» and massive anti-Semitism in addition gave real strength to the syndrome. In late imperial Russia there were determined opponents and staunch defenders of the syndrome of «yellow» danger. However, the terminology, images and syndrome discourse that they used brought to the syndrome reinforcement and consolidation of its legitimacy.

Key words: Chinese migrants, Far East, «yellow peril», «yellow issue», racism, xenophobia.

УДК 316.347

В.В. Николаев, Е.В. Самушкина

ЭТНИЧНОСТЬ АЛТАЙЦЕВ В ДИСКУРСАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Исследование выполнено в рамках Плана НИР X.100.3.3. Традиционное мировоззрение коренных народов Южной Сибири во взаимодействии с мировыми, национальными и новыми религиями: способы устойчивости, пути изменений (XX – начало XXI в.).

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность алтайской интеллектуальной элиты по конструированию идентичностей. На основе анализа архивных документов, материалов периодической печати и исторической публицистики выявляются две модели социокультурной модернизации коренного тюркоязычного населения Горного Алтая в конце XIX – начале XX вв. На фоне активной модернизации в России в аборигенном сообществе региона формулируются несколько стратегий развития тюркоязычного населения: от программ, нивелирующих этническую идентичность, до проектов, мобилизующих этническую составляющую. Первая модель представлена алтайскими интеллектуалами в рамках работы Алтайской духовной миссии. Формируется общероссийская идентичность с акцентом на религиозной – православной. Особенности традиционной и материальной культуры, социальные институты объявляются пережитками старины, от которых необходимо избавиться для успешного существования группы в будущем. Родной язык рассматривается главным маркером идентичности алтайцев. Вторая модель ориентирована на актуализацию этнической идентичности. Отмечая необходимость модернизации культуры при помощи институтов образования, алтайская элита настаивает на сохранении цивилизационной специфики, хозяйственного уклада, традиционных верований. Особое внимание уделяется образам прошлого. Ссылаясь на существование государства ойратов, возводит корни автохтонного населения к Джунгарской империи. В рамках дискурса формулируется идея о преемственности с данным государством, миф о «престижных» первопредках с развитой письменность, культурой и соционормативной сферой.

Ключевые слова: этничность, социо-культурная модернизация, этнонациональные движения, символы этнической группы, образы прошлого, Алтайская духовная миссия.

Процесс активной модернизации России в конце XIX – начале XX вв. затронул и окраины империи. В Горном Алтае на рубеже веков в результате череды административных, земельных реформ началась трансформация традиционной социальной структуры, появились первые проекты социально-политического устройства и организации аборигенного населения. Модернизация на Алтае выражалась в актуализации традиционных форм самоидентификации, в обращении к прошлому в среде интеллектуальной элиты региона. Данная социальная группа актуализировала свою деятельность по конструированию идентичностей. В статье будут рассмотрены две модели модернизации аборигенного тюркоязычного населения Горного Алтая, выявлены символы и идентификационные практики, представляющие этническую общность. Источниковая база данного исследования – документы общественных организаций, личные фонды, хранящиеся в региональных архивах, материалы прессы и исторической публицистики.

В работе будет рассмотрена деятельность алтайской интеллектуальной элиты по формированию символической системы, дискуссии о путях развития алтайцев. Анализ алтайской идентичности будет осуществлен в контексте рассмотрения социокультурной модернизации. Изучение

конструктивистской деятельности интеллектуальной элиты позволит выявить системы символов, путей развития этнической группы в общественно-политических дискурсах конца XIX – начала XX вв.

Анализируя общественно-политические дискурсы, представляющие пути трансформации аборигенного сообщества, можно выделить два основополагающих проекта. Первый обращается к христианской традиции, к ассимиляционной модели, предложенной Алтайской духовной миссией (далее - АДМ). Второй проект основывается на программах, подчеркивающих этническую и религиозную идентичность аборигенного населения.

Просвещение аборигенного населения, приобщение его к «высокой» культуре являются основными целями и институтов Православной церкви. Ученый и церковный деятель Н. И. Ильминский сформулировал целую систему обращения инородцев в православную веру, которая включала образовательный блок, например, перевод на инородческие языки учебников истории с соответствующей адаптацией к местному контексту, работа над просвещением женщин, консервативных в лингвистическом и культурном планах [1]. Основными пунктами системы Н.И. Ильминского являлось формирование педагогических кадров из числа коренного населения, издание литературы на аборигенных языках и преподавание, в том числе на родном языке для автохтонного населения.

Смена религиозной идентичности среди коренного тюркоязычного населения, согласно концепции миссии, предполагала отказ от родовой и постепенно от этнической идентичности. Деятели Алтайской духовной миссии предлагали отказаться от цивилизационной специфики, выраженной в форме хозяйственной деятельности, в пользу занятия земледелием. Этому должна была способствовать создаваемая сеть миссионерских поселений, где под «присмотром» сотрудников миссии и при участии крещеных аборигенов и русских происходила трансляция навыков оседлого земледелия, нового образа жизни и этническая «перековка» новокрещенов. Так, М.В. Чевалков – первый алтайский писатель, основатель алтайской литературы, служитель Русской Православной церкви, в басне «Пахарь и охотник» доказывает необходимость перехода алтайцев к оседлому образу жизни, изменению традиционных устоев [2].

В начале 1910-х гг. часть элиты, воспитанная институтами Алтайской духовной миссии предлагает свою программу модернизации аборигенной культуры. Некоторыми священниками из числа крещеных алтайцев предлагается создание «Дружеского союза деятелей по возрождению туземцев Алтая». Основателями организации проводится идея о бесправии и отсутствии должного уровня образования среди «инородцев», несмотря на усилия со стороны миссии, а также мысль о необходимости принятия христианства, воспитания активного члена общества при сохранении некоторых особенностей этнической культуры. Не раз в документах союза встречается образ «спящей во тьме невежества туземной окраине» [3, ф. 1. Личный фонд Г.Н. Потанина, д. 4462]. Невежеством аборигенного населения, согласно авторам проекта устава, можно объяснить приверженность алтайцев традиционному кочевому хозяйству, культуре и прошлому. Также отмечается роль АДМ по защите интересов автохтонного населения от «пришлого элемента», к которому причисляли русских сибиряков-старожилов. При этом вновь прибывшие крестьяне рассматриваются как более активные, трудолюбивые и культурные по сравнению с аборигенным населением. Пассивность, необразованность алтайцев лидерами организации связывается с политикой государства, а также недостаточной активностью православной миссии, которую, прежде всего, объясняют недостатком средств и кадров. В документах союза подчеркивается важность участия в деле спасения «инородцев» гражданами в независимости от этнической идентичности и социального статуса, необходимость самому населению региона участвовать в деле просвещения аборигенного населения. Резюмируя, всем единичным, разрозненным силам необходимо объединиться, слиться в одну

нравственно дисциплинированную, сплоченную и организованную силу – союз. «Сказанное сейчас относится, конечно, ко всем деятелям по просвещению инородцев, русские то или инородцы» [3, л. 3].

Второй дискурс, ориентированный на сохранение культурных и хозяйственных особенностей автохтонного населения, обращение к героическому прошлому алтайцев формируется деятелями Алтайской Горной Думы. Лидеры алтайской интеллигенции: Г.И. Гуркин, В.Т. Тибер-Петров, А. Кульджин, Г.М. Токмашев и др. на съездах данного органа формируют программу действий, где обозначают главные проблемы, стоящие перед индигенным населением. Период с конца 1910-х до середины 1920-х гг. в Горном Алтае проходит под знаком построения автономии, обращения к традиционной алтайской культуре и прошлому тюркоязычного населения.

Идеологическую основу концепций, представляющих образы прошлого, особенности развития коренного тюркоязычного населения составляют теоретические наработки популярного в общественно-публицистическом дискурсе Сибири 1910-х гг. движения областников. Областники, полемизируя в общественном пространстве с иерархами церкви, предлагали свое видение развития тюркоязычного населения региона. Областной строй, по мысли Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, базируется на самобытности регионов, сформировавшейся в результате территориального и этнографического самообразования. За основу управления должен быть положен принцип «единство в многообразии». В своих работах известный общественный деятель и этнограф отрицает европоцентристские схемы, предложенные эволюционистами, и в духе цивилизационного подхода отмечает право «каждого народа, племени» на самобытность, иной путь развития. Негативно оценивали областники и русификаторскую политику государства, церкви, видя в мероприятиях по насаждению религии, единого образа жизни и административного строя угрозу тотального единообразия [4, с. 174].

Не без участия идеологов областнического движения в Сибири в 1910-е гг. возникают общественные организации по изучению культуры и быта тюркоязычного населения («Общество любителей изучения Алтая», национальная секция при «Союзе сибиряков-областников», Алтайский национальный комитет, Алтайское инородческое культурно-просветительское общество и др.). Проводятся съезды коренного тюркоязычного населения, где обсуждаются вопросы территориальной и этнокультурной автономии, возрождения культуры автохтонных народов, сохранения историко-культурного наследия, образования музеев, представляющих «самобытную алтайскую культуру», формирования алтайской образовательной системы.

Залогом успешного развития алтайцев, согласно идеям региональной элиты, являлась возможность организации политической автономии. Так, в 1918 г. на заседаниях Алтайской Горной Думы обсуждался вопрос об учреждении республики Ойрот. Необходимость существования административного образования объяснялась алтайскими интеллектуалами существующими среди автохтонного населения преданиями об Ойрот-хане и его пришествии [5, ф. 1, оп. 1, д. 1529, л. 157]. Ссылаясь на фольклорное наследие, события средневековой истории, представители интеллигенции обосновывают географические границы республики, которая должна объединить Алтай, Хакасию, Туву и часть Монголии. Территориальные рамки, по идее авторов документа, сопоставимы с границами государства ойратов (Джунгарией), существовавшего в Центральной Азии в XVII–XVIII в. Основание Республики Ойрот, по идее участников съезда, является «воплощением мечты туземного населения», а также обоснованно геополитически и экономически. В проекте учреждения автономии отмечается необходимость создания административного управления согласно нормам обычного права, например, выборность всех должностей. Предлагалось использовать названия должностей, органов управления позаимствованных из лексики представителей Джунгарского государства – каган, курултай, ярлык и т.д. Каганом на съезде выбрали журналиста,

общественного деятеля В.И. Анучина, приглашенного на «инородческий съезд» в качестве эксперта. Ему от улалинского съезда выдается специальный «ярлык».

Согласно разработчикам проекта основой экономики нового государственного образования должно было стать традиционное скотоводство и охота, что подчеркивало хозяйственную и этническую особенность региона, позволило бы сохранить кочевой образ жизни. Еще одной особенностью нового государственного образования, провозглашенной базовой ценностью, необходимой для трансляции потомкам, должно было стать низкое социальное расслоение, отсутствие буржуазии как класса [5, ф. 1, оп. 1, д. 1529, л. 157 об.].

Несмотря на жесткую этническую ориентированность, интеллектуальной элитой обозначается и проблема необходимости модернизации традиционной культуры в современных ей условиях. В программах развития алтайцев предлагается через институты начального и среднего образования, учреждения культуры воспитать социально активных граждан из среды местного населения.

В рамках первой модели развития аборигенного населения алтайскими интеллектуалами в соответствии с прозелитическими целями Алтайской духовной миссии предлагается выход за пределы родовой ограниченности и консолидацию общества на основе единого надродового вероисповедания. По сути, воспроизводится характерный для изучаемого периода позитивистский дискурс с акцентом на ассимиляторские практики. Пути развития описываются в терминах прогресса и предполагают отказ от хозяйственной, социокультурной специфики алтайцев, вписание аборигенного сообщества в общероссийскую идентичность.

Вторая модель развития алтайцев ориентирована на формирование и мобилизацию этнической идентичности, обращение к цивилизационной специфике, противопоставление русской культуре с сохранением общероссийской идентичности. Одной из парадигм дискурса становится сохранение традиционных социальных институтов в целях развития этнокультурной общности коренного тюркоязычного населения региона. Несмотря на использование цивилизационного подхода в описании культуры, в данной модели обозначена и прогрессистская парадигма.

Список источников и литературы

1. *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера.: монография. Москва: Новое лит. обозрение, 2008. 509 с.

2. *Чевалков М.В.* Пахарь и охотник // Мудрый богатырь: поэмы, стихи, басни. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1987. С. 6–11.

3. *НБ ТГУ*

4. *Коваляшкина Е.П.* «Инородческий вопрос в Сибири»: Концепция государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 323 с.

5. *ОГКУ ЦДНИ ТО*

V.V. Nikolaev, E.V. Savushkina

Ethnicity Altaians in discourse

Social and cultural modernization (the end of the XIX - the beginning of the XX century)

Summary. The article describes the activities of the intellectual elite of the Altai on the construction of identities. Based on the analysis of archival documents, materials, periodicals and historical journalism reveals two models of social and cultural modernization of indigenous Turkic-speaking population of the Altai Mountains in the late nineteenth - early twentieth centuries. Against the background of the active modernization in Russia in the aboriginal community in the region formulated several strategies of Turkic-speaking population from the programs, leveling ethnic identity to projects that mobilize ethnic

component. The first model presented Altai intellectuals in the framework of the Altai Spiritual Mission. Formed All-Russian identity, with emphasis on the religious - Orthodox. Features traditional and material culture, social institutions are declared relics of antiquity, which will get rid of the necessary for the success of the band in the future. Mother tongue is considered a major marker of Altai identity. The second model focuses on the actualization of ethnic identity. Noting the need to modernize the culture by means of educational institutions, Altai elite insists on maintaining the specificity of civilization, economic structure, traditional beliefs. Particular attention is paid to the images of the past. Referring to the existence of the state Oirats, raises the roots of the indigenous population to the Junggar Empire. Within the discourse formulated the idea of continuity with the State, the myth of the "prestigious" ancestor developed written language, culture and socio-regulatory sphere.

Key words: ethnicity, socio-cultural modernization, ethno-national movements, ethnic group symbols, images of the past, Altai spiritual mission.

УДК 336.2(571.1/.5)(091)

Л.М. Дамешек

РОССИЯ И НАРОДЫ СИБИРИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНКОРПОРАЦИИ

Аннотация. Рассматриваются историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи. Предложены результаты компаративного анализа аграрной политики империи в отношении народов Сибири, сравнение ее с аналогичными мероприятиями правительства в других колонизуемых районах страны. Анализируются как экономические, так и политико-административные методы инкорпорации. Особое внимание уделяется значению развития земледелия у народов Сибири в плане хозяйственного, бытового и духовного сближения с русским население региона.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, инородцы, методы инкорпорации.

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На востоке империи процесс властного освоения новых территорий в XVII в. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные и экономические методы. Вновь присоединенные территории правительство теперь стало рассматривать не только как плацдарм для дальнейшего расширения границ государства на восток, но и как важный источник поступления в казну ценной сибирской пушнины. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и иноверцев из-за земли. Когда в 1639 г. татарские жители волостей Ермолаевой, Колмаковой и др. в Западной Сибири пожаловались государю, что «русские крестьяне …поселились дворами своими на их землях», отняли пашни и покосы, а в «наших угодьях промышляют бобров, лисиц и соболей», местные воеводы немедленно приняли сторону «иноверцев» и со своей стороны обратились в Москву с просьбой «свести» русских крестьян с «иноверческих» земель, что и было

сделано. Аналогичные принципы правительственного подхода к «иноверческим делам» можно наблюдать и на Дальнем Востоке на примере действия там отряда Е. П. Хабарова в 1649 г. На Амуре Хабаров, вместо того чтобы призывать «иноверцев» в русское подданство «ласкою и приветом», как требовали того царские инструкции от начальников всех отрядов землепроходцев, грабил, жег, насиловал и убивал. Именно поэтому в сентябре 1653 г. он был отстранен от должности прибывшим с инспекционной поездкой из Москвы дворянином Д.И. Зиновьевым, а новым приказным человеком на Амуре назначен О. Степанов.

В XVII в. для московских Романовых Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди». Правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболь был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала превращаться в подсобное занятие – с одной стороны. С другой – интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. В XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

Однако распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только экономическую, но и их социокультурную инкорпорацию в составе империи, а в конечном итоге превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски. В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно такую задачу колонизации Сибири видели современники, отстаивающие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи.

К занятию земледелием народы Сибири приобщились в разное время и в различной степени. Объясняется это отличиями в природно-климатических условиях мест обитания и степенью интенсивности влияния русской деревни. На примере бурят Иркутской губернии хорошо видно, что первое место в области земледелия занимали бурятские роды, проживающие совместно с русскими в удобных для хлебопашества долинах рек. Приемы агротехники, календарные сроки и даже религиозные обряды, связанные с началом и окончанием полевых работ, были заимствованы ими у русских крестьян.

Уборку урожая начинали в конце августа – перовой декаде сентября. Сначала косили овес и ячмень, во второй половине сентября жали рожь и пшеницу. Сжатый хлеб связывали в снопы и складывали в копны. После окончания жатвы снопы свозили в усадьбу в специальные загороди – овин или гумно. По окончании полевых работ земледельцы-аборигены устраивали праздник урожая. Во время уборки урожая на краю пашни оставляли пучок срезанных колосьев – это была доля «хозяина» земли. Такой обычай был заимствован у русских крестьян, которые оставляли в поле несжатый клок хлеба для предохранения земли от бесплодия.

На систему земледелия существенное влияние оказывали природные условия. У якутов преобладала подсечно-переложная система, у хакасов под влиянием русских крестьян выработалась парозалежная система. У бурят Иркутской губернии господствовала паровая двухпольная система полеводства. Вся культивируемая площадь делилась на два клина: один находился под паром, другой – под посевом. У забайкальских бурят существовала парозалежная система земледелия [1, с. 210].

Наибольших успехов в земледелии добивались «инородцы», пахотные угодья которых находились на границах волостей, смежных с землями, занимаемыми русскими крестьянами. В хозяйстве жителей Аскизского ведомства Енисейской губернии (у хакасов), в Иркутской губернии у бурят Балаганского, Иркутского и Нижнеудинского округов уже в середине XIX в. земледелие стало играть доминирующую роль. Современники не раз отмечали, что у них отлично родится рожь, пшеница, ячмень, овес. Неслучайно на публичной сельскохозяйственной выставке в 1858 г. в Иркутске многие буряты были награждены медалями и похвальными листами за успехи в земледелии.

Под влиянием русских крестьян у всех народов Сибири, перешедших к оседлому образу жизни, были заведены огороды. На них с успехом культивировались картофель, огурцы, морковь, свекла, капуста. Даже в северной Якутии, в Олекминском округе, в 1890 г. местные жители-якуты собрали 30 тыс. пудов картофеля.

По мере успехов земледелия оно все больше приобретало товарный характер. В ряде «инородческих» хозяйств различных губерний на продажу хлеба приходилось до 70 % всего урожая. Хлеб сбывался на золотые прииски, винокуренные заводы, в различные казенные места.

В целях повышения эффективности своего хозяйства богатая верхушка «инородцев» приобретала современные по тогдашним понятиям орудия сельскохозяйственного производства: сенокосилки и конные грабли, железные плуги, бороны, конные и даже паровые молотилки, веялки, строили водяные мельницы. Среди «инородцев» появились представили крупных европейских фирм, производящих сельскохозяйственное оборудование: «Мак-Кормик» и «Осборн».

Развитие земледелия и сенокошения у народов Сибири имело большое значение в переходе их к оседлости. Татары, буряты, хакасы по примеру русских крестьян начали рубить деревянные дома, амбары, хозяйственные постройки. В связи с этим у них стало развиваться плотничное ремесло, они научились делать телеги, сани, сохи, бороны. Большое распространение получили извозный промысел, заготовка и сплав леса, прокладка дорог. Определенное значение у «инородцев», как и у русских крестьян, получил отхожий промысел, вызванный необходимостью дополнительных заработков для содержания семьи и уплаты налогов. В хозяйстве народов Сибири значение его было неодинаковым и колебалось от 20 % у забайкальских бурят до 7–9 % у татар, хакасов, якутов.

Цивилизаторские тенденции империи, связанные с приобщением сибирских «инородцев» к земледелию и оседлости, ярко проявились в аграрной и административной политике самодержавия. Правительство сознавало, что задача «окрестьянивания» аборигенов не может быть решена только при помощи эмпирических примеров. Важной составляющей хозяйственной адаптации аборигенов к общероссийской системе стала экономическая политика.

На протяжении всего имперского периода истории Сибири в этой политике прослеживается сочетание методов материального и морального поощрения с неприкрытым администрированием. К первым следует отнести систематическую раздачу «инородцам» ссуды деньгами и семенами для проведения посевных работ, предоставление различных, порой весьма значительных, налоговых льгот, всевозможные поощрения родоначальников за успехи в земледелии. Примером другого рода является «Положение о развитии хлебопашества» Иркутского гражданского губернатора

И. Трескина, в котором жестко определялись размеры «инородческой» запашки, сроки проведения полевых работ и способы наказания «огурщиков» (ослушников) [2, ф. 7, оп. 7, д. 24]. Это положение получило широкое распространение, неукоснительно соблюдалось и надолго осталось в памяти населения. Впоследствии даже ссыльные декабристы отзывались о нем как о благодетельной мере, искренне полагая, что именно Трескин приучил к земледелию и оседлости кочевых бурят.

Вопрос о способах приобщения аборигенов к земледелию и оседлости постоянно находился в поле зрения правительства. В наказах сенаторским ревизиям и ясачным комиссиям Сибири традиционно предписывалось обратить на него особенное внимание. Наибольшее значение данный вопрос приобрел после введения в 1822 г. «Устава об управлении инородцев» М.М. Сперанского, которым народы Сибири были разделены на три категории: оседлых, кочевых и бродячих. В соответствии с Уставом оседлые аборигены сравнивались с крестьянами во всех податях и повинностях, кроме рекрутской. Экономические выгоды правительства при перечислении кочевников в разряд оседлых были несомненны. Поземельное устройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании должно было не только привести к росту оседлости, образованию земельных излишков, но и возведению их в гораздо более высокий податной оклад государственных крестьян.

В пореформенный период эти идеи получили дальнейшее развитие. Несмотря на зигзаги в аграрной политике империи в Сибири, на всех этапах ее разработки и проведения присутствовал «инородческий» вопрос. Его место в аграрном законодательстве определялось надеждами правительства на значительные земельные изъятия у «инородцев» с целью образования переселенческого земельного фонда и последующей хозяйственной и социокультурной интеграции с русским крестьянским населением региона. В конечном итоге правительство решило провести землеустройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании, наделив их 15-десятинным наделом. Земля отводилась не в собственность, а в пользование «инородческих» обществ. Отчуждение и залог земельных наделов запрещались. За пользование землей аборигены обязывались платить казне оброчную, а впоследствии поземельную подать.

Аграрные законы конца XIX – начала XX в. распространялись на всю территорию Сибири, за исключением Якутской области. Категория «бродячих инородцев» также не подлежала землеустройству. Империя исходила из постулата признания верховного права собственности на все сибирские земли за государством и Кабинетом, поэтому земля отводилась аборигенам не в собственность, а в пользование. За исключением скотоводов Забайкальской области, все остальные «инородцы» по окончании землеустройства переводились в разряд оседлых.

В дополнение к аграрным законам 1896–1901 гг. в 1905–1917 гг. в форме указов Сената было принято еще около 20 актов о земельном устройстве коренного населения. Особое внимание при этом уделялось убеждению аборигенов в законности землеустройства и переводу их в категорию оседлых, обоснованию минимальных норм земельных наделов [3, с. 43].

Поначалу к проведению землеустройства аборигенов правительство подходило очень осторожно. Основной причиной этому являлись широкие протесты коренного населения и наличие свободного фонда пустопорожних земель, пригодных для колонизации. В ходе революции 1905–1907 гг. национальное движение народов Сибири значительно активизировалось. Потенциальная опасность одновременного выступления русского и «инородческого» крестьянства заставила правительство приостановить землеустроительные работы на землях коренного населения.

После 1907 г. в условиях Столыпинской аграрной реформы и значительного роста переселенческого движения сибирский земельный фонд стал одним их основных средств решения аграрных противоречий империи. Для этого периода характерны многочисленные категорические требования правительства об активизации землеустройства и сокращении земельных наделов аборигенов. Даже Якутия, на территорию которой землеустройство никогда не распространялось, стала

рассматриваться как возможный резервный район для переселения крестьян из центра страны. Создаются специальные «инородческие» землеустроительные партии, а с 1915 г. землеустроительные работы стали вестись исключительно на «инородческих» землях. Из серии правительственных распоряжений этого периода обращает на себя внимание указание главноуправляющего землеустройством и переселением А.В. Кривошеина сибирским губернаторам о необходимости всячески содействовать чиновникам землеустроительных партий по обращению земельных излишков «инородцев» в переселенческий фонд.

Тем не менее к 1917 г. землеустройство народов Сибири, за исключением территории Горного Алтая, так и не было завершено. В Томской губернии, например, работами было охвачено 55 % земель коренного населения, в Тобольской – менее половины. Но и в этих условиях земельные отрезки у аборигенов были очень велики. У бурят Иркутской губернии они составляли 945 115 дес., или 47 % дореформенного землепользования; у бурят Забайкальской области – 2 061 000 дес., или 30 %; у хакасов Енисейской губернии – 670 000 (33 %); у аборигенов Томской губернии – 59 000 дес. (34 %); в Горном Алтае – 121 622 дес. (25 %); в Тобольской губернии – 27 407 дес. (2 %), а всего по Сибири 3 884 188 дес. – 29 % [3, с. 76-81]. Большая часть земельных отрезков была использована для образования резервного переселенческого фонда. Компаративный анализ аграрной политики империи в отношении народов Сибири, сравнение ее с аналогичными мероприятиями правительства в других колонизуемых районах страны – Башкирии, Казахстане, Туркестане и др. – позволяют сделать вывод о том, что для всех этих окраинных территорий характерна сословная неполноправность «инородцев» в отношении прав землепользования. В начале XX в. империя отказалась от провозглашенного в XVII в. курса на признание незыблемости прав сибирских народов на занимаемые ими земли. Новые политические и экономические интересы империи в Азиатской России потребовали и выработки новых контуров национальной политики, одним из приоритетов которой стала идея «слияния» аборигенного населения Сибири с коренным русским населением государства.

Развитие земледелия и связанный с ним рост оседлости, постоянные многообразные контакты с русским населением, численно многократно превосходящим аборигенное, приводили к проникновению русской культуры во все сферы жизни аборигенов – от хозяйственной до культурно-бытовой. Во многих местах возникали «инородческие» поселения по русскому типу, некоторые из них не отличались от русских селений, другие представляли собой переходный тип. С середины XIX в. все большее распространение получают стационарные деревянные юрты, а с конца XIX столетия – зажиточные «инородцы» стали обзаводиться просторными деревянными домами, бытовая обстановка которых не отличалась от обстановки русских крестьян. В таких домах ставилась глинобитная русская печь, служащая для обогрева жилья и выпечки хлеба. Кроме русской обязательно присутствовала небольшая печурка для установки котла, в котором готовилась пища. Это была дань древнему обычаю – готовить пищу и напитки в чугунных котлах. В некоторых домах появились умывальники. Дома внутри не белили, пол не красили. Периодически, по примеру русских крестьян, пол тщательно мыли теплой водой и терли песком. Вместе с домами русского типа появились и русские надворные постройки: амбары, сараи, ворота, заборы, сени, бани – вначале «черные», а потом и «белые».

Таким образом, активное крестьянское движение на восток приводило к стиранию этнографической границы между Европейской и Азиатской Россией. Наметившееся стихийное «обрусение инородцев» на практике было экономически обусловленным явлением, порожденным мощностью интеграционных процессов на востоке империи.

Список источников и литературы:

1. *Сибирь в составе Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение. 2007. 368 с.
2. *ГАИО*
3. *Дамешек Л.М.* Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII – нач. XX в.) (Серия «Азиатская Россия»). Иркутск: ЗАО «Восточно-Сибирская издательская компания». 2007. 320 с.

L.M. Dameshek

Russia and the peoples of Siberia in the Changing Space Empire: the historical experience of incorporation

Summary. Historical and typological models of integrating the outlying territories of the Russian Empire. Proposed results of comparative analysis of agricultural policy of the empire against the peoples of Siberia, its comparison with similar activities in other government colonized areas of the country. Particular attention is paid to the value of agriculture among the peoples of Siberia in terms of economic, civil and spiritual rapprochement with the Russian people in the region.

Key words: Russia, Siberia, the foreigners, the incorporation of methods.

УДК 94(470/57)

И.Л. Дамешек

РЕСУРСНЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье исследуется влияние ресурсного, национального, географического и иных факторов на окраинную политику империи. Существенное влияние на формирование и развитие имперских процессов в регионах оказывали не только субъективные, но и объективные факторы – этнические и природно-климатические особенности территорий. Регионы России в силу их исторической специфики представляли собой различные варианты имперских процессов. Все это порождало поливариантность имперской идеологии и практики в региональном измерении. Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах наблюдается стремление царизма опереться на местную элиту. Влияние этнического фактора на формирование окраиной политики проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности региона, удаленность от центра. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями.

Влияние ресурсного фактора находило выражение в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, о временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т.д.

В конце XIX в. в связи усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономического и политико-административное пространство значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и

изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработке единого законодательства.

Ключевые слова: Россия, империя, центр, окраина, регионализм, управление.

Отношения центра и периферии складывались в течение длительного периода. Существенное влияние на формирование и развитие имперских процессов в регионах оказывали не только субъективные, но и объективные факторы, такие как этнические и природно-климатические особенности территорий.

Действие этнического фактора всегда имеет определенную временную, т.е. историческую и в то же время географическую локализацию. Изолированное изучение этносов вне рамок конкретной природно-географической среды обитания не позволяет в полной мере раскрыть механизм формирования и функционирования подходов государства в отношении той или иной этнической группы. С точки зрения системного представления значимости и места окраин во внутренней политики империи, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о роли естественно-географического и этнического факторов в окраинной политике. По своей структуре Российская империя была «составным» государством. В ее состав входили регионы как со значительной степенью автономии, так и с локальным самоуправлением, но сильно интегрированным в административную систему империи. Регионы России в силу их исторической специфики (времени и формы вхождения в состав империи, этнического, конфессионального состава населения и др.) представляли собой различные варианты имперских процессов. Все это порождало поливариантность имперской идеологии и имперской практики в региональном измерении [1, с. 317].

Образование Российской империи проходило на протяжении длительного времени, и не было результатом стихийно действующих обстоятельств. Стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для российского государства. Этот процесс можно наблюдать и на примере других «цивилизаций» Европы и США. В большинстве случаев типология данного явления вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов – от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов. Однако несомненно, что способы приобретения тех или иных территорий государством оказывали немаловажное влияние на выстраивание впоследствии политической линии взаимоотношений «центра» и «периферии».

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории, в первую очередь, объяснялась геополитическим факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизационном движении присутствовали и экономические мотивы. В то время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь – политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, присущей «каждой стране на любом этапе ее истории».

Процесс «оцентровывания границ» завершился лишь во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. Итогом территориальной экспансии стало превращение России в крупнейшее государство мира площадью около 22 млн. кв. км. с населением 178 млн. человек (с Финляндией и Польшей к 1914 г.) К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административ-

ных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения [2, с. 28]. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Россию не раз сотрясали мощные национальные конфликты. Для исследуемого нами периода отметим восстания 1830 – 1831 и 1863 гг. в Польше, движение Шамиля на Кавказе, волнения местного населения в Туркестане в 1916 г. Перечень этот можно продолжить. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Объектом статьи является правительственная политика по отношению к окраинам государства. Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и конкретно-исторических методов. Общенаучные методы направлены на решение задач в познавательско-исследовательской деятельности. Автором были использованы ряд подобных методов: исторический и логический; метод восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. Любая реальность – это не только данность, прежде всего, она имеет свою историю возникновения, развития и исчезновения. Поэтому, в конкретном случае, окраинная политика Российской империи должна изучаться синхронно и диахронно – то есть в пространственном и временном выражении. В содержательном аспекте исторический метод раскрывает конкретный мир явлений, а логический – их внутреннюю суть.

Применение метода компаративного анализа (включающего историко-генетический и историко-системный методы) позволило по-новому рассмотреть одну из центральных проблем настоящего исследования – взаимоотношений центра и регионов в императорской России, более зримо представить идеологию и практику империи в таком принципиально важном для нее вопросе, как централизация и деконцентрация власти в центре и на местах. Именно в рамках сочетания конкретного и абстрактного мышления возможно говорить о несомненной связи имперской политики на окраинах с общероссийскими политическими и управленческими процессами, с одной стороны, и о причинно-следственной обусловленности региональных мотивов в управлении с логикой развития окраин империи – с другой.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса центр – национальная окраина (периферия) был вопрос о характере вхождения той или иной территории в Россию, о существовании или наоборот отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т.д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, к примеру, были Польша и Финляндия. Однако автономии эти были различны по содержанию. Они развивались спорадически, размер самой автономии зависел от многих, в том числе внутри и внешнеполитических факторов. Однако стратегической линией правительственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное пространство империи, что особенно откровенно проявилось в эпоху контрреформ.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Имперские власти были вынуждены учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «инородческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концен-

трация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии были просто несопоставимы.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – Польша, Финляндия, Кавказ, Сибирь – наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани «привилегии и земли лояльной татарской аристократии …были сохранены», на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока «шел процесс формирование местных элит, состоящих из представителей…родовой знати и старшин местных народов…» [3, с. 117], представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т.д. Более того, в регионах коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов.

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и его населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Так, например, «своя» финансовая система существовала в Финляндии. Без одобрения сейма вводить новые налоги в Финляндии было нельзя. Княжество имело свою таможенную границу, а таможенное законодательство предоставляло право беспошлинной торговли с Россией в то время как российские товары облагались пошлиной. Денежные средства княжество имело право хранить в зарубежных банках [4, с. 269]. Для другой западной окраины – Польши – конституция 1815 г. гарантировала несомненную самостоятельность именно в области финансов. По мнению Е.А. Правиловой, специально изучавшей этот вопрос в хронологических рамках 1815–1866 гг., область финансов «представляла собой ту деятельность, где правительство Царства обладало наибольшей самостоятельностью» В 1815–1830 гг. Царство Польское было наделено важнейшими атрибутами финансовой самостоятельности: бюджетной автономией, казной и самостоятельной ответственностью по государственному долгу [5, с. 236–237]. Реализацию этих же принципов, предусматривающих особую гибкость и осторожность по отношению к нерусскому населению окраин империи, можно наблюдать и в Сибири. Уже в XVII в. применительно к этому Зауральскому краю по мере продвижения русских колонистов с запада на восток правительственные указы требовали не допускать столкновения «новоприходчиков» и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения ими основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Ясак, в совокупном обложении исчисляющийся в размерах гораздо меньше налогов русского крестьянства, являлся важной статьей государственных, а середины XVIII в. личных доходов Дома Романовых. Тем не менее «инородцы», принявшие православие, в соответствии с действующим в империи законодательством освобождались на три года от уплаты ясака [6, т. 7. № 5847].

Однако наиболее массовой льготой этнического характера стало решение правительства об освобождении «инородцев» от военной службы [7, с. 112–121], несмотря на введение всеобщей воинской повинности в 1874 г.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраиной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности региона. О влиянии географической среды на экономику и социальные процессы в отечественной историографии есть немало работ, в том числе сибирских историков [8]. Несмотря на опреде-

ленные различия в походах к теме, исследователей этой проблематики в принципе объединяет то, что большинство авторов акцент в научных изысканиях делают на изучении одного аспекта этой сложной и многогранной тем – влияние географического фактора на хозяйственную деятельность человека. Социальную же сущность взаимодействия человека и природы, как представляется, наиболее отчетливо выражает тезис Л.Н. Гумилева, согласно которому этнос представляет собой не что иное, как продукт процесса адаптации к определенному ландшафту [9]. Поэтому думается, что в этом плане данная проблематика еще ждет своего исследователя. Мы же в связи с рассматриваемым сюжетом отметим, что природно-географический и тесно связанный с ним ресурсный факторы оказывали существенное влияние на окраинною политику России.

Исследователи истории Сибири более раннего периода единодушны в том мнении, что при выборе методов колонизации решающими являлись географический и фактор природных ресурсов. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. В исследуемом автором хронологическом отрезке времени это были Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов, как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия,…и точного исполнения законов и распоряжений правительства». Наряду с генерал-губернаторами в ряде территорий, как, например, на Кавказе, существовал институт наместников, обладающих широкими военными и административными правами по управлению регионом. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов. Здесь небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления были тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири начиная со времени Н.Н. Муравьева (впоследствии Амурского), обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатический канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий. Исследование корпоративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля.

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись ресурсными факторами, экономическими потребностями инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерченский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах начали действовать специальные переселенческие отделы.

Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т.д.

На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов несомненное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, в частности, развитие средств связи, системы

коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи.

В конце XIX в. в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономического и политико-административное пространство значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработке единого законодательства.

Список источников и литературы

1. *Ремнев А.В.* Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: МОНФ, 2001. С. 317–344.

2. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр., доп. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 566 с.

3. *Каменский А.Б.* Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе: Сборник статей / Под редакцией А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 115–139.

4. *Новикова И.Н.* Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX вв. // Пространство власти: исторический опыт и вызовы современности. М.: МОНФ, 2001. С. 264–288.

5. *Правилова Е.А.* Россия и Царство Польское: механизмы бюджетно-финансовых отношений в имперской системе (1815–1866) // Пространство власти: исторический опыт и вызовы современности. М.: МОНФ, 2001. С. 235–263.

6. *ПСЗ РИ - II*

7. *Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX века. Иркутск: Изд-во ИГУ,1986. 164 с.

8. *Дулов А.В.* Географическая среда и история России: XVI – середина XIX в. М.: Наука, 1983. 255 с.

9. *Анучин В.А.* Географический фактор в истории России. М.: Мысль, 1982. 287 с.

10.*Зуляр Ю.А.* Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. 496 с.

9. Гумилев Л.Н. Люди и природа Великой степи // Вопросы истории. 1987. № 11. С. 64–77.

I.L. Dameshek

Resource and geopolitical factors In the outskirts of the policy of the Russian Empire

Summary. The article examines resource, national, geographical, and other factors which influenced on marginal policy of the Russian Empire. Both subjective and objective factors, in particular ethnic, natural, and climatic, had significant impact on the imperial processes in the regions. The regions of Russia, owing to their historic specificity, represented different variants of imperial processes. All that caused polyvariety of imperial ideology and practice in the regions. Ethnic factor undoubtedly affected

the development of administrative infrastructure of the Empire. In the marginal lands the influence of ethnosocial factor was particularly crucial at the beginning of annexation of the territories. The sovereign tended to seek support from the local elite. Influence of the ethnic factor on the marginal policy manifested along with other conditions, among which geographical features and remoteness from the imperial center were the most important. The geographical factor influenced directly on the administrative and territorial division, government institutions' activity, civil servants' powers and authority. In the Russian Empire there were relevant authorities to govern those territories.

The resource factor exerted influence on the legislative policy. Over the XVIIIth and XIXth centuries a number of laws were adopted, among others the laws on the protection of Siberian forests, interruption of sable hunting in order to restore its population, etc.

At the end of the XIX th century the significance of the ethnic and geographical factors in the domestic policy was changed due to increased integration of marginal territories to the All–Russian economic, political and administrative space. The tendency towards economic integration, which was regarded as an important initiative for political consolidation of the Empire and elimination of national separatism, became predominating. That caused changes in administrative and sociocultural policy of the imperial center towards the province, and as a consequence, unified legislation was drafted.

Keywords: Russia, Empire, imperial center, marginal, regionalism, government.

УДК 94(575)"19"

С.Н. Абашин

Империя собирает сведения (кишлак Ошоба в представлениях чиновников Туркестана)

Статья представляет собой сокращённый вариант главы «Империя» из моей книги «Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией» (М.: Новое литературное обозрение, 2015).

Аннотация. В статье анализируются сведения российских посольств, востоковедов и военных, материалы официального делопроизводства имперских властей, которые создавались в связи с присоединением, организацией управления и сбора налогов с населения горного кишлака Ошоба. Выявлены расхождения между представлениями колониальных властей и реалиями сложно организованного традиционного общества. Показаны попытки колониальной администрации в организации учета экономического пространства, его классификации, установления и сбора налогов, а также причины их неэффективности. Сохранение ряда хозяйственных отраслей, не интегрированных в колониальную экономику, объясняется неспособностью чиновников повседневно контролировать население и стремлением не вызывать протестных настроений. Выявлены различные классификации местного населения, отмечены сложности выработки механизмов и категорий учета населения, сбора данных. Сведения о кишлаке Ошоба, как одном из объектов наблюдения колониальных властей, характеризуют интересы власти, использование полученных знаний в управлении населением, расширение сферы контроля.

Ключевые слова: империя, колониальное управление, колониальная экономика, классификации населения.

Британский историк Рональд Робинсон в статье с провокационным названием «Неевропейские основания европейского империализма», которая была опубликована в 1972 г., провозгласил

необходимость создания новой «теории империализма» [1, p. 117–140]. «Старые» теории исходили исключительно из логики капиталистического развития Европы, которой понадобились колонии (как рынки сбыта и эксплуатации ресурсов) и которая, соответственно, безраздельно господствовала в них. По мнению Робинсона, «...новая теория должна признать, что империализм в равной мере был производной как самой европейской экспансии, так и сотрудничества (или отказа от сотрудничества), демонстрируемого его местными жертвами. Мощные силы, генерируемые индустриальной Европой, требовалось объединить с элементами аграрных обществ остального мира. Без этого империя не смогла бы функционировать...» [1, p. 118]. Другими словами, империи создавались, как считает автор, совместно европейцами и неевропейцами через взаимное сотрудничество.

Европа, писал Робинсон, приходила в другие части света, конечно, со своими представлениями и интересами, но могла создавать какую-то устойчивую систему управления, только переводя свою власть на язык «местной политической экономии». По убеждению британского историка, без коллаборационистов (исключая какой бы то ни было негативный оттенок этого слова), или посредников, т.е. людей, которые сами заинтересованы в приходе европейцев, империи невозможны. «Финансовые сухожилия, а также и военные и административные мускулы империализма использовались при посредничестве местных элит самих завоеванных стран...» [1, p. 120]. С точки зрения медиаторов, внешние завоеватели приносят с собой новые источники власти и богатства, которые могут быть использованы местной элитой и послужить для укрепления её могущества, а значит, колониальное управление местным элитам было нужно не меньше, если не больше, чем иноземным. Завоеватели же имели довольно ограниченные силы, чтобы полностью контролировать коллаборационистов и использовать их исключительно в своих собственных интересах.

Несмотря на то, что в такого рода рассуждениях проглядывает стремление оправдать колониальную политику, они представляют тем не менее целый ряд привлекательных возможностей. Эта точка зрения позволяет увидеть более сложный репертуар поведения колонизируемых и колонизаторов, нежели простая схема доминирования, подчинения и сопротивления, которая все взаимоотношения в колонизованном сообществе сводит к довольно ограниченному набору реакций на действия извне. Схема Робинсона также ставит под вопрос всесилие европейской колониальной власти, её безграничную способность односторонне создавать знание о неевропейцах и навязывать свои представления и предрассудки подчинённым обществам, вынуждая их безоговорочно принимать новые категории и порядки.

В настоящем очерке я попытаюсь приложить эту схему к Средней Азии. В частности, попытаюсь проанализировать то, как выглядел мало чем примечательный, запрятанный в горах, далеко от городов, кишлак Ошоба в разного рода документах, составленных российскими имперскими чиновниками, какими ошобинское сообщество и отношения внутри него представлялись в их глазах, что именно в первую очередь интересовало колониальную власть. Тот факт, что источников не так уж и много, сам по себе важен, так как позволяет легко обнаружить лакуны, разрывы, и ошибки в колониальном знании, увидеть, с одной стороны, как эта неполнота последнего возникает, а с другой – как благодаря такой неполноте образуются диспропорции во взаимодействиях колонизаторов и колонизируемых, как она используется для управления и подчинения, каким образом слабость превращается в силу.

В России первые сведения о юго-восточных предгорьях Кураминского хребта стали появляться в первой половине XIX в., когда через перевал Кендыр-даван (Кендырлик) [Этот перевал на высоте чуть более 2000 м был очень древней дорогой из Ферганы в Ташкент (2, с. 56, 78, 119; 3, с. 351)], разделяющий долину р. Ахангаран и Ферганскую долину, началось интенсивное передвижение российских посольств, направлявшихся в Коканд или из Коканда [4, с. 66: «Из Ташкента в Кокан дорога идёт через места: Бишарык, Шайдан, Акджар, Кокан, всего 3 дня, на телегах 6...»;

См. также: 5]. Эти данные содержались в дорожниках с более или менее подробным описанием пути следования. Такие дорожники выполняли двойную задачу: с одной стороны, давали какое-то общее представление о регионе, который путешественник мог ограниченно наблюдать, а с другой – фиксировали маршрут, по которому могли продвигаться войска в случае необходимости.

Российский военный А. Хорошхин, который побывал в Фергане в 1867 г., оставил краткую характеристику здешних селений: «Мулла-мир – таджикское селение в 30–40 дворов...», «В Бодархане [Бабадархане] 100 дворов; жители таджики. Влево от Бодархана (...) стоит городок Пангаз в 1000 дворов; за Бодарханом (...) кышлак Курук в 100 дворов, затем городок Шайдан в 500 дворов...», «Влево от Шайдана (...) лежит селение Курумсаран [Гурум-сарай] в 300 дворов; (...) кышлак Кудаш в 40 дворов и (...) городок Аш [Ашт] в 1000 дворов; вправо (...) находится укрепление Камыш-курган...» [6, с. 30 - 32]. Ошоба, которая располагалась чуть в стороне от основных транспортных артерий, была незаметна для путешественников-разведчиков и отсутствует в списке.

Первые систематические сведения о системе управления Кокандским ханством были собраны в 1875 г. востоковедом А.Л. Куном, который имел возможность работать с официальными документами. Российского учёного интересовали прежде всего экономические возможности ханства, в первую очередь – собираемые налоги. В это время, по его информации, территория современного Аштского района входила в состав отдельного Бабадарханского бекства. Это бекство, состоявшее из двенадцати «значительных селений» (правда, автор их не назвал), поставляло в казну 6 тыс. батманов зерна натурального налога [Как пояснял Кун, один батман был равен 4 пудам, или примерно 65 кг, и стоил 1,5-2 рубля (7, с. 66)], 1,2 тыс. тилля [1 тилля был равен 3,6 рубля (7, с. 66)] – налог-танап с огородных и хлопковых культур, 6 тыс. тилля – налог-закят на скот, 300 тилля – налог-закят «на базарные весы» и 1 тыс. тилля на ввозимые и вывозимые товары [7, с. 66]. По сравнению с другими кокандскими бекствами, Бабадарханское давало относительно меньше налогов с зерна и базара, зато больше – с огородных культур и скота. Это вполне соответствовало горным условиям хозяйства, где преобладали сады и животноводство. Одну из главных налоговых статей составляли таможенные сборы, поскольку в селении Бабадархан находился таможенный пункт, через который шло интенсивное движение товаров в Ташкент и далее в казахскую степь, Россию и обратно (и далее в Китай). Рядом с Камыш-курганом находились также крупные солеразработки, известные во всём Кокандском ханстве.

Собранные Куном сведения дают самое общее представление об экономике этого уголка Ферганской долины, но ничего не говорят о хозяйственной жизни Ошобы. Отдельный кишлак не существовал для российского востоковеда, которому была интереснее картина в целом – система политического управления и экономический строй Кокандского ханства. Эта картина не должна была быть слишком детальной, а её контуры рисовались лишь по некоторым узнаваемым точкам.

Завоевание ханства заставило российскую власть задуматься о переустройстве территории, приведении её в тот порядок, который был бы понятен новым правителям. В сентябре 1875 г., когда весь правый берег Сырдарьи отошёл по договору с Насреддинханом к Туркестанскому краю, российская власть вместе с проведением военных операций приступила к организации управления и сбору сведений о подвластной территории. В составе Наманганского отдела был образован Чустский участок, к которому отнесли территории бывшего Чустского и Бабадарханского бекств. В декабре 1875 г. начальник Наманганского отдела, генерал Скобелев дал указание полковнику Меллер-Закомельскому установить «хотя бы приблизительные» данные о числе дворов всех селений участка, численности «душ мужского пола», «происхождении их и занятиях», площади возделываемой земли, количестве базаров и лавок, а также назначить новых или утвердить прежних «аксакалов и аминов» [8, с. 44]. Тогда же Скобелев дал указание рассмотреть вопрос о целесообразности создания отдельного Бабадарханского участка.

После прекращения активных боевых действий, ликвидации Кокандского ханства и образования в феврале 1876 г. Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства началась систематическая административная разметка вновь присоединённых к империи земель.

Наманганский отдел был расформирован, и на его территории возникло два уезда – Наманганский и Чустский. Чустский уезд, в свою очередь, состоял из девяти волостей, в том числе Аштской и Бабадарханской, которые раньше составляли одно Бабадарханское бекство. Уездный начальник занимался полицейскими, хозяйственными и военными делами. В 1887 г. Чустский уезд был ликвидирован, а его территория – включена в состав Наманганского уезда, однако на месте бывшего уезда сформировали Чустский участок. В обязанностях участкового пристава осталось исполнение исключительно полицейских функций. Позднее пять волостей, включая Аштскую и Бабадарханскую, составили отдельный Чадакский участок.

Согласно разграничению, сделанному в 1876–1877 гг., в Аштскую волость вошли селения Ашт, Ошоба, Гудас, Пунук, Ак-джар, Аштлык, Ак-кудук, Баштал, Пискокат, в Бабадарханскую – Бабадархан, Пангаз, Шайдан, Камыш-курган, Мулламир, Дулана (Карамазар), Курук. Граница между волостями пролегла между Ошобой и Шайданом. В 1884 г. Аштская волость включала в себя шесть сельских обществ: 1) Верхний Ашт (в том числе селение Пискокат), 2) Нижний Ашт, 3) Гудас, 4) Пунук, 5) Ошоба, 6) Ак-джар (в том числе селение Аштлык). Такое разделение, с небольшими изменениями [В 1909 г. селение Аштлык было уже в составе сельского общества Верхний Ашт], осталось вплоть до 1917 г.

Административное устройство в глазах российских чиновников было тесно связано с представлениями о территориальности. Империя осознавала себя как пространство, имеющее центры и окраины, площади и границы, которые следовало измерять, наносить на карты и которые были основными ориентирами в организации управления. При этом расположение пунктов, где находились институты власти (не в последнюю очередь – военные базы), расстояние, а значит, и скорость сообщения (передвижения войск), между ними становились главными критериями для распределения территории на единицы управления. Разумеется, такая логика вступала в противоречие с местными практиками и представлениями о дальности и близости, для которых важнее были совсем другие критерии – происхождение и брачно-ритуальные контакты, хозяйственные циклы и водные системы и пр.

В колониальной картине кишлак Ошоба (в российских документах использовалась транскрипция Ашаба) был всего лишь точкой на карте, но в действительности ошобинское сообщество представляло собой сложно организованное пространство. Сам по себе посёлок был типичной зимовкой, куда население собиралось только в наиболее холодные периоды года. Весной те местные жители, которые занимались животноводством (выращивали коз и овец), уходили далеко на горные пастбища, рассеиваясь по всему Кураминскому хребту. Значительная часть ошобинцев переселялись на лето в длинное, растянутое на десятки километров, горное ущелье, по которому протекала речка Ошоба-сай (*сой*) и которое полковник Пичугин в своём донесении в 1875 г. назвал Ашабинским ущельем. Здесь они использовали небольшие речные поймы, большие и маленькие родники, которые стекали со склонов или выходили из-под земли, для полива и возделывания садов и огородов. Какая-то часть ошобинцев-земледельцев спускалась в Аштскую степь, а какая-то – уходила ещё дальше в горы, чтобы обрабатывать земельные участки, которые возникли вокруг небольших родников и речушек. У ошобинского учителя истории Умурзака Маматкулова, по его словам, был список с указанием 81 родника-булак (*булоқ*) [По левую сторону от Ошобы (в направлении Ашта) самыми крупными были родники Чукуркам-булак, Ак-кудук-булак, Кызыл-кудук-булак, Уч-хатун-булак, Аксинджат. По правую сторону от Ошобы (в направлении Шайдана и Пангаза) – Тахтапез-булак, Новолик-булак. По словам Маматкулова, родники орошали в прошлом

около 130–140 га земли.]: одни из них были естественными, а другие искусственными – ошобинцы в степи или на горных склонах копали колодцы и выводили воду из них на поверхность [Эта система называется кяризами. Самая глубокая шахта-колодец достигала 17 *қулоч* (*қулоч* – расстояние в размах обеих рук, около 1,5–1,8 м), и иногда, чтобы вывести воду в одном месте, затрачивали от одного-двух до семи-десяти лет работы]. У некоторых родников жители иногда оставались и на зиму, а сами эти места по сути превращались в выселки с постоянным населением, которое тем не менее не теряло связей с Ошобой и ошобинским сообществом.

Вся эта запутанная картина расселения и сезонной миграции никак не учитывалась в административной сетке колониального управления [Такого рода несовпадение колониальных и повседневных практик было особенно заметно в районах с кочевым населением (см.: 9, p. 119–127)]. Власть не имела сил и инструментов, чтобы отслеживать все перемещения людей. Когда же выселки вдруг обнаруживались, то российские чиновники помещали новые элементы в уже существующее административное пространство, исходя из своих собственных представлений о территории и расстоянии. Именно таким образом «дача» Аксинджат, один из выселков Ошобы, в 1890-е гг. оказалась приписанной к сельскому обществу Гудас [10, с. 110, 111. В «даче», куда были включены Аксинджат, Тудак и какие-то другие мелкие поселения, насчитывалось 59 землевладельцев].

Одной из главных забот имперской власти помимо сохранения спокойствия на завоёванной территории и её военного контроля был сбор налогов. Вновь приобретённые земли должны были как минимум окупать текущие расходы на администрацию, а по возможности и приносить империи доходы. Однако последняя задача была достигнута лишь к 1910–1911 гг. [См. подробнее: 11, с. 271–301]. Тем не менее полный учёт экономического производства, его классификация, установление налогов и полный их сбор были, пожалуй, самой главной заботой российской власти в Туркестане.

В первые три-четыре года своего присутствия в Фергане власть продолжала применять некоторые прежние, использовавшиеся в Кокандском ханстве, виды налогообложения. Часть налогов (базарные сборы, лесные, наследственные и пр.) была отменена – то ли за невозможностью их учитывать и контролировать, то ли из-за желания успокоить страсти после кровопролитной войны. Закятные сборы на торговлю были заменены сборами на право заниматься торговлей (процент не с оборота, а с капитала). Были оставлены два главных налога – танап (определённый сбор с единицы площади, засеянной культурой, которую невозможно измерить по объёму) и хераджа (десятая доля действительного урожая). В прошлом эти два налога собирались местными чиновниками, которые каждый год измеряли посевы и урожаи. Российская власть в Ферганской области поначалу решила собирать налоги в тех размерах, как они были зафиксированы в старых кокандских записях [Подробнее см.: 12, p. 739–769].

Таблица 1. Записи налоговых сборов в Ошобе в 1879 г.

Налогооблагаемые сельхозкультуры	Общая площадь посевов (дес.)	Общий размер налога (пуды)
Танапные сборы		
Виноградники	?	257 5/32
Другие посадки	?	514
Табак	-	-
Дыни	-	-
Хераджные подати		
Итальянское просо		
Лучшее	59 1/4	?

Среднее	16 1/2	?
Худшее	-	?
Пшеница		
Лучшая	157 3/8	786
Средняя	230 1/4	575
Худшая	84 1/2	101
Сорго		
Лучшее	21 7/8	109
Среднее	1	3
Худшее	1/8	-
Лён		
Лучший	7 1/2	15
Средний	5 3/3 (?)	20
Худший	-	-
Ячмень		
Лучший	13 1/8	644 (?)
Средний	43 27/32	109
Худший	8 3/4	10
Просо		
Лучшее	7 1/2	15
Среднее	2 1/2	3
Худшее	-	-

Источник: Свод поступлений танапных податей по Чустскому уезду в 1879 г. [13, ф. 276, оп. 1, д. 887в. Л. 8об., 9, 22об., 23, 34об., 35, 45об., 46, 65об., 66, 75об., 76, 82об., 83].

В архивах я нашёл записи 1879 г. о налогах с сельского общества Ошоба (табл. 1). Они довольно подробно зафиксировали структуру и размеры (не всех, а лишь налогооблагаемых!) посевов в том виде, как это представлялось кокандской власти накануне российского завоевания, переведя их в русские единицы измерения. Из записей мы узнаём, что общая посевная площадь составляла чуть больше 650 дес. (около 710 га), две трети из которых отводились под пшеницу (*буғдой*), остальное − под ячмень (*арпа*), сорго (*жўхори*), лён (*зиғир*), итальянское (*қўноқ*) и другие виды проса (*тариқ*). К этому надо добавить неучтённые в архивном документе садовые и огородные насаждения, которые могли занимать немалую территорию – не менее 100 га.

Однако ежегодное составление таких списков, учитывающих реальную засеваемую площадь и реальный урожай по каждой сельскохозяйственной культуре, требовало от власти непомерных затрат времени и сил, наличия своих специалистов-землемеров и множества платных помощников из числа местных жителей, а также вызывало риски беспрерывных конфликтов по поводу недостачи налога. Несколько лет беспрестанных попыток отслеживать хозяйственную деятельность населения Ферганской долины привели власть к решению ограничиться определением общих размеров возделываемых земель отдельных сельских обществ, главной сельскохозяйственной культуры, которая здесь выращивается, и расчётом раз в несколько лет среднего размера её урожая [14, с. 265]. Вместо танапа и хераджа был введён один денежный (поземельный) налог – в размере 10% от общей стоимости условного урожая, рассчитанную сумму должно было выплачивать общество в целом, внутреннюю же раскладку предлагалось устанавливать самим жителям.

Эта упрощённая схема исчисления и сбора налога была введена по указанию генерал-губернатора Кауфмана в 1880 г., а в 1886 г. она была узаконена Положением об управлении Туркестанским краем.

Сбор поземельного и других налогов превратился из местных споров между конкретным землевладельцем и сборщиком налогов, как было при хане, в отношения между уездным начальником, с одной стороны, волостным управителем – с другой, сельским старшиной – с третьей, и отдельным крестьянином – с четвёртой. Первый на основании переговоров с волостным и полученных расчётов, порой весьма далёких от реальности, исчислял ожидаемые суммы сборов, после чего волостной в переговорах со старшиной распределял их выплату между сельскими обществами и, наконец, внутри общества старшина договаривался с каждым землевладельцем о доле последнего в общей сумме. Такая ситуация больше устраивала российских чиновников, так как значительная часть споров и конфликтов переводилась на самый низкий уровень управления, колониальная же власть оставалась от них в стороне.

В 1898 г. поземельная подать с Ошобы составляла 498 руб. 96 коп. [Сравнительная таблица о количестве земли и налогов с сельских обществ Наманганского уезда, 1898 г. 13, ф. 19, оп. 1, д. 33441. Л. 8 об.], т.е. меньше рубля на одного землевладельца. В 1899 г. в сельском обществе были произведены подробная съёмка и описание территории [Экспликация на дачу Ферганской области Наманганского уезда Ашабинского сельского общества, селения Ашаба Аштской волости. 13, ф. 19, оп. 1, д. 34081. Л. 1–29. Далее я привожу расчёты и цитаты из этого дела без ссылок] и выявлено, в частности, что общая орошаемая площадь составляет 751 дес. (около 820 га), примерно столько же, сколько по записям 1877 г. Из них 251,7 дес. (275 га) находились под пшеницей. По результатам съёмки все земли оказались разделены на три «дачи»: собственно вокруг селения Ошоба, отдельно горные участки (было, в частности, упомянуто местечко Тахтапез) и третья «дача» – Аксинджат, которая была, как я упоминал выше, описана в составе Гудасского сельского общества. В 1910 г. чиновники опубликовали часть сведений из экспликации (табл. 2).

Таблица 2. Данные экспликации в Ошобе в 1899 г.

Дачи	Аксинджат	Ошоба	Тахтапез
Землевладельцы (чел.)	58	457	64
Орошаемые земли (дес.)			
в том числе:			
усадьбы и насаждения (дес.)	34,1	357,9	120,4
пар (дес.)	-	19,3	-
перелог (дес.)	53,8	158,6	43,55
Богарные земли (дес.)	-	-	-
Необрабатываемые земли (дес.)			
в том числе:			
вода и дороги (дес.)	1,8	62,9	2,1
прочее (дес.)	71,8	236,75	57,2
Налог на 1 дес. орошаемой земли (руб.)	0,71	1,08	0,81
Налог на 1 дес. обрабатываемой земли (руб.)	1,12	1,75	1,12
Всего налог (руб.)	38,36	581,7	133,08

Источники: 10, с. 14, 15, 18, 110, 111; 13, ф. 19, оп. 1, д. 34081. Л. 1-29.

На каждую «дачу» производился отдельный расчёт налога, т.е. она становилась основной податной единицей.

Путём измерений было установлено, что общая площадь одной «дачи» Ошоба (включая земли в кишлаке, вокруг кишлака и в выселках по ущелью) составляет чуть больше 835 дес. (около 900 га), в том числе орошаемых – около 535 дес. (около 580 га) и засеваемых – около 332 дес. (около 360 га). Колониальные чиновники указали в документе показатели как в десятинах, так и в танапах [Стандартный танап (*таноб*) соответствовал примерно четвёртой части десятины, правда, как обращали внимание колониальные чиновники, местные способы измерения отличались от принятых в России и поэтому в каждом конкретном случае соотношение танапов и десятин могло варьироваться], которые соответствовали местной традиции измерения: всего в «даче» Ошоба оказалось 5013 танапов, из них 3215 танапов обрабатываемой земли.

Взяв в июле «пробный умолот пшеницы», составив протоколы, собрав отпечатки пальцев у местных жителей и поставив печать у сельского старосты, комиссия установила, что средний урожай пшеницы в данной местности составляет 35 пудов (573,3 кг) с 1 дес., средняя цена за пуд пшеницы – 50 коп., следовательно, средний валовой доход от десятины пшеницы равен 17 руб. 50 коп. Поскольку пшеница была преобладающей культурой (44% от всех посевов, ещё 30% составляли лесонасаждения, остальное – прочие посевы, клевер, сады, виноградники), то вся засеваемая площадь (332,4 дес.) умножалась на указанный средний доход и получался валовой доход в размере 5817 руб. 10% этой суммы – 581 руб. 70 коп. – назначались «даче» в качестве государственного поземельного налога. Вместе с налогами на вторую «дачу» – Тахтапез общая сумма подати со всего сельского общества увеличилась по сравнению с прежним уровнем почти на 40% [В «даче» Тахтапез подать составила 133,08 руб. (О рассмотрении податных расчётов по Аштской волости Наманганского уезда, 1900-1901 гг.13, ф. 19, оп. 1, д. 33491. Л. 45 об., 46)].

Также российские чиновники подробно описали систему орошения Ошобы:

Земли дачи расположены в горных ущельях и орошаются снеговой водою Гарван-сая (то же Ашаба-сай) и ключевою.

Гарван-сай образуется из двух саев: Куюнды-сай – с запада и Урта-сай – с востока. Эти два сая берут начало в горах тех названий. Гарван-сай принимает в себя с правой стороны Ингичке-сай и с левой – Кызыл-Алма-сай, которые берут начало в горах вне дачи.

В разных местах дачи есть много ключей. Самый большой ключ Булак-Баши находится близ впадения Кызыл-Алма-сая в Гарван-сай. В годы с обыкновенным достатком снега в горах орошение дачи вполне достаточное для всех её земель; в 1899-м же, исключительно маловодном году, снеговой воды было очень мало, и дача орошалась почти исключительно только ключевой водою, которой также было меньше, чем бывает в обыкновенные годы, а потому в самом низу дачи, ниже Мазар-Баба-Чинар [15, с. 319–347], посевы пшеницы, расположенные в открытой местности и потому требующие более частой поливки, получили недостаточное орошение.

После снежной зимы земли дачи получают постоянное орошение, а в маловодные годы – очередное, причём вся вода расходуется в 11 дней, из которых 8 дней орошаются поля 8-ми кварталов дачи, каждый по 1 дню, и остальные 3 дня вода отпускается на те поля нижней части дачи, которым её не хватило в очередной день.

25 октября 1899 г. сначала сельский старшина, а затем депутаты (о них см. ниже) удостоверили документы. В конце стояли также подписи «комиссара», подполковника Николая Ивановича Янцына, землемеров Лавра Анфимовича Клугина и Акила Фаддеевича Микрюкова.

17 марта 1900 г. комиссар IV участка наманганской поземельно-податной комиссии официально объявил местному населению налоговый расчёт по всем «дачам», «причём на этот расчёт возражений не последовало». В материалах дела также указано, что ещё в мае 1898 г. жителям Ошобы было объявлено:

те из упоминаемых в ст. 255 Положения искусственно орошаемых обрабатываемых земель, кои не будут указаны как принадлежащие населению, не будут сняты на планы, не войдут в выдаваемые по ст. 263 Положения свидетельства на владение и не будут подлежать утверждению за населением

Данная фраза означала, что «дача» становилась не только податной единицей, но и владельцем всей нанесённой на карту и описанной территории [Согласно Положению об управлении Туркестанским краем 1886 г. владельцем (и фактически собственником) считался каждый отдельный землевладелец, но его права были опосредованы и в какой-то мере ограничены сельским обществом]. Это объясняет, почему российских чиновников при составлении экспликации интересовала не столько классификация посевных культур, как это было в записях 1877 г., сколько классификация всех типов земли – обрабатываемых и необрабатываемых – и точная привязка их к местности (к делу приложена соответствующая карта). В последнем они нуждались и для более корректного расчёта поземельного налога, и для определения земель, остающихся у государства или переходящих в его собственность, которая к тому времени также стала интересовать колониальную власть Туркестана как новое потенциальное поле деятельности, например для проведения каналов и переселения русских (или русскоязычных) крестьян или для инвестирования в добычу ископаемых.

Итак, мы имеем явное стремление власти к большему контролю над экономикой и собственностью местных жителей. Но возникает вопрос: насколько эффективен был этот контроль и укрывали ли ошобинцы какую-то часть своей жизни от колониального взгляда? В частности, можно осторожно предположить, что, видимо, часть земли в горной местности, а также богарные посевы могли не попасть в поле зрения российских чиновников [О проблеме учёта и налогообложения богарных земель см.: 16, p. 61–78]. Хотя ошобинцев, как следует из документов экспликации, предупредили, что неуказанная земля не будет записана в качестве их собственности, для местных жителей такая угроза была не слишком ясной. В повседневной жизни они поступали в основном по своим собственным правилам и обычаям, которые регулировали практическое землевладение и землепользование, появление каких-то посторонних людей, претендующих на эти (повторю – горные) земли, было крайне маловероятно. К тому же этот обман был не особенно существенным, так как горные участки и богарные поля засевались и давали урожаи очень нерегулярно, а значит, колониальной власти было трудно уследить за этими землями.

Примечательно, что в 1909-1910 гг. была проведена дополнительная проверка ошобинских земель. В результате к имеющейся земле были добавлены новые площади и на них установлен дополнительный налог [13, ф. 19, оп. 1, д. 3369. Л. 26об., 27; 17, с. 340, 341]. Обращает на себя внимание то, что в основном вновь записанные за сельским обществом территории составляли необрабатываемые земли и выгоны, которые жители кишлака решили официально оформить в своё владение, избежав таким образом их полного отчуждения в государственную собственность.

Впрочем, главное даже не в том, что местное население что-то скрывало от колониальной власти, а в том, что предложенные последней способы измерения и начисления налогов оставляли целые сферы экономической деятельности вне какого-либо государственного наблюдения. П.Е. Кузнецов, который в начале XX в. путешествовал по этому региону, отмечал, что население здешних предгорий живёт «посевами хлебных злаков, отхожими промыслами, торговлею ситцами с курамою и продажей абрикосов» [18, с. 17, 21]. Налоговая система, которая делала акцент на посевах пшеницы, не учитывала важных для местной экономики садовых (шелковица-тутовник, яблоки, абрикосы, грецкий орех и пр.) и огородных культур, имевших в том числе и товарный характер – эта продукция вывозилась на рынки в Коканд и Чуст [В начале 1880-х гг., как говорят мест-

ные предания, некто Тошмат первым стал сажать картошку, помидоры и капусту, возможно – для продажи русским]. Причём доходность этих культур могла значительно превышать прибыль от пшеницы [Валовый доход от садов мог составлять 240 руб. на десятину, от виноградников – 120 руб. (19, с. 23)]. Колониальная экономика никак не учитывала местных женских промыслов – изготовление ковров и паласов, которыми Ошоба славилась и которые составляли одну из статей доходов её жителей. Наконец, в учёт не попадала, пожалуй, самая доходная и главная в глазах населения сфера – разведение мелкого рогатого скота (овец и коз) [Кибиточную подать, т.е. фиксированный налог на скот, платили только жители кочевых волостей и аульных обществ, Ошоба же считалась земледельческим сообществом]. Все эти хозяйственные отрасли, по сути дела, были выведены из-под государственного контроля и полностью отданы на откуп самомэ местному сообществу и тем местным способам регулирования, которые в данной общине сложились.

Могла ли колониальная власть при желании увидеть (измерить, подсчитать) дополнительные, часто тщательно спрятанные источники доходов и установить на них налоги? Может быть, чиновники сознательно закрывали глаза, надеясь на умиротворение завоёванного населения? Вряд ли на эти вопросы можно ответить однозначно. В случае с Ошобой неспособность повседневно контролировать население и стремление не вызывать протестных настроений, по-видимому, дополняли друг друга и сдерживали власть от резких решений.

Вернусь ещё раз к проблеме собственности. Несмотря на то, что сбор налогов имел коллективный характер, российская власть Положением 1886 г. закрепила статус частной земельной собственности в Туркестанском крае. Правда, по этому вопросу велись довольно бурные дебаты между различными партиями чиновников и экспертов [Подробнее см. мои статьи: 20–22]. Первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман пытался отстоять ту точку зрения, что земельная собственность в регионе должна быть государственной, а пользование землёй – подворным или даже общинным. В 1871 и 1873 гг. Кауфман направлял в Санкт-Петербург свои предложения по земельному устройству Туркестана, при этом он отмечал, что земельные отношения у оседлого населения Средней Азии были «запутаны, неясны и разнообразны», но в них был один основной принцип, безусловно исключающий «...во всех этих отношениях признание начала “частной собственности”, характеризующего наше европейское понятие о землевладении...», поскольку все местные землевладельцы были поставлены в зависимость от государства [14, с. 228]. Однако ревизионная комиссия под руководством сенатора Ф.К. Гирса, начавшая свою работу сразу после смерти Кауфмана, выступила резко против кауфманской идеи огосударствления земель и потребовала юридического оформления полной частной собственности. Члены комиссии пришли к выводу, что «...Каждое селение в Туркестанском крае разделяется на участки, владельцы которых пользуются ими на праве полной собственности...» [23, с. 346].

Положение об управлении Туркестанским краем зафиксировало в статье 255, что «...За оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном, потомственном его владении, пользовании и распоряжении (земли амляковые), на установленных местным обычаем основаниях...» [24, с. 407; См. подробнее: 25, 26]. В этой формулировке не было прямого указания на полную собственность, а отсылка к местным обычаям вроде бы давала зацепку для существования различных форм коллективного земле- и водопользования, что отчасти отражало, видимо, настроения кауфманцев. Однако обрабатываемая земля всё-таки не была названа государственной собственностью, а фраза о потомственном владении, пользовании и распоряжении фактически означала признание частной собственности, на чём настаивали гирсовцы [27, с. 57, 58]. Положение, хотя и признавало сельское общество основным плательщиком налогов, тем не менее допускало и выделение частного землевладельца в самостоятельную налоговую единицу, и куплю-продажу земельных участков (с переходом налоговых обязательств).

Хлопковый бум, который охватил Туркестан в начале XX в., поставил точку в спорах о частной собственности. Производство этого продукта основывалось на системе кредитов, которые выдавались крестьянину, нередко под залог земли, с обязательством выплаты суммы с процентами после продажи выращенного хлопка. В этой системе, зависящей от колебаний цен и кредитных ставок, происходили массовые разорения и переход земель из одних рук в другие [См.: 25; 28]. В Ошобе хлопок не выращивался, но бум купли-продажи земли, видимо, охватил и местное население. В 2010 г. в семейном архиве Я.А. я обнаружил несколько документов о купле-продаже земли. Вот один из них [Я выражаю большую признательность Бахтияру Бабаджанову за перевод этих документов и за комментарии к ним]:

1324 8-го раби‘ ал-аввал ([1 мая] 1906).

Свидетельство от старшины Ашобы.

Дано настоящее свидетельство жителям Ашобы Асамаддину и его матери, престарелой Халджан в том, что принадлежащий им участок земли – а его границы таковы: на западе граница длиной в 40 гязов [Гяз (газ) – около 0,9 метра. Речь идёт об участке размером примерно в 2 танапа] примыкает к наследственной земле Худайбирды, сына мулла Ир-нийаза, и частично, длиной в 10 гязов, к наследной земле Джин-бая, сына Ходжабиргана; северная сторона границы длиной в 30 гязов полностью примыкает к наследственной земле Гайиб-назара, сына Исмаил-бая; с востока граница длиной в 50 гязов примыкает частично к наследной земле Адина, сына Кара-ходжи, и частично к земле Ниматаллахустада [См.: 15, с. 259–290], сына Ахунджана; с юга граница длиной в 30 гязов примыкает к наследной земле Таш-фулада ,сына Базар-бая, – все границы которой ясно обозначены, в моем присутствии и в присутствии незаинтересованных людей, чьи имена будут приведены ниже, за сумму сорок два с половиной золотых [Имеется в виду, видимо, российский золотой рубль] [этот участок] был продан Мумин-баю, сыну ‘Абд ал-Вахид-бая, и деньги были получены сполна. Упомянутый участок земли принадлежит им [продавцам] по закону и никому не заложен, и никто не является его совладельцем на паях, и земля является их [продавцов] законным имуществом. Об этом свидетельствую я и беру в качестве гарантов следующих достойных доверия лиц: Кирк-йигита, сына Риза-кули; Иш-Мухаммада, сына Мингбаши Ир-Назар-бая; Гайиб-Назара, сына Исмаил-бая, и ставлю свою печать.

Аксакал Ашобы [подписи на документе нет, но есть печать с надписью на кириллице: «Ашабинский сельский старшина, Аштской волости Наманганского уезда Ферганской области»]

Другой документ:

Запродажная

Границы участка земли, находящегося в кишлаке Ашоба в местечке Куюнди-булак: с запада примыкают к горам Баламалик, с востока тоже примыкают к горам Баламалик, с юга – к частному владению Али, сына Уста Саййида, а с севера – тоже к горам Баламалик. Все границы ясно обозначены. Площадь земли равна примерно пяти танапам.

В год хиджры 1329 г. 4-го мухаррама, что соответствует христианской дате 23 декабря 1910 г., жители Ашобы Мирза Алим Аксакал, сын Тахир-бая, и второй Мухаммад-заман, сын Мухаммад-Камала, явились в Дар ал-Кудат [казийский/ народный суд], сделали заявление согласно почитаемому шариату. А их заявление, соответствующее шариату и согласное с ним и сделанное в правомочном состоянии, было таково: «Мы признаём, что передаём все свои права, подтверждённые шариатски, на названный участок земли за сумму сто шестьдесят рублей жителям Ашобы – Нур-Али и Ир-Али, сыновьям Рахим-бай шайха. Названную сумму денег мы получили сполна. Ещё одна часть земельного участка, принадлежащая нам, отделена от названной [проданной] ясными знаками с четырёх сторон. Проданный участок разделён дорогой».

Всему этому были свидетелями: Иш-Мухаммад, сын Пир-Мухаммада; Гайиб-бай, сын Исмаил бая; Ашур-Мухаммад-бай, сын Сафар-Мирган; Мухаммад-Алим, сын упомянутого Ашур-Мухаммада.

По просьбе покупателей и свидетелей я, Саййид Мирза Ходжа, написал это и подписался в присутствии упомянутых выше покупателей и продавцов, а также свидетелей, приклеил две марки по пять копеек, принял двадцать копеек за печать и записал это в тетрадь.

Подпись поставлена мной: Кади Иса Ходжа Ишан, сын Кади Камаладдина [Этот же судья фигурирует в одном из архивных дел, которое я цитирую в заключении. Судя по частоте упоминаний в архиве, семья Камалиддина-ходжа, жившая в Аште, имела большое влияние: сам Камалиддин-ходжа был активным участником разного рода общественных событий, а его сын Баба-ходжа баллотировался в 1907 г. на должность волостного управителя (см.: 13, ф. 19, оп. 1, д. 1996. [б.л.]; 13, ф. 19, оп. 1, д. 8669. Л. 50об., 51). Соблазнительно было бы предположить, что этот Баба-ходжа и есть будущий сподвижник Рахманкула-курбаши – Бува-ходжа (см.: 15, с. 71–107)].

Печать поставлена мной [неразборчиво]

Печать казия: Кадий Мулла Гани Ходжа, сын Кади Камаладдина Ходжи.

Документ под номером 688, четверг [В конце стоит печать с оттиском с неразборчивой надписью на кириллице, справа наклеены две марки комиссионного сбора по 5 коп. с указанием даты составления документа].

В Ошобе не выращивался хлопок, но и её экономика была втянута в процесс перераспределения земли. Причём оно не обязательно шло в одном направлении – от бедных и маломощных хозяйств к богатым. Да, этой категории соответствует первая из упомянутых сделок, где покупателем был будущий сельский старшина Муминбай Абдувахидов (свидетелем же, кстати, являлся бывший волостной управитель Эшмат Ирназаров). Однако во втором случае покупателями были Нурали и Эрали, шейхи святого места Бобои-об [См.: 15, с. 319–347], а одним из продавцов – бывший сельский старшина Мирзаолим Таирбаев, которому, видимо, потребовалась крупная сумма наличности для каких-то нужд.

Хочу обратить внимание на то, что, признав права местного населения на земельную собственность, российская власть имела очень ограниченные возможности для контроля за всеми изменениями состояния собственности – наследованиями, разделами, дарениями, куплями-продажами, залогами и т.д. Согласно тому же Положению об управлении Туркестанским краем, все сделки размером не более 300 руб. были отданы на утверждение местного народного суда, сделки свыше 300 руб. должны были оформляться и, соответственно, отслеживаться российскими чиновниками. В 1910 г. за эту сумму можно было купить, как следует из документов, около 9 танапов, или почти 2,5 га, поливной земли. В малоземельной Ошобе, где доход от сельского хозяйства не был высоким, сделки такого масштаба заключались, судя по всему, очень редко − большинство же сделок были меньше указанного уровня.

При оформлении запродажной 1910 г. были соблюдены все нормы российского закона того времени: сделка утверждена официальным народным судьёй, ей присвоен порядковый номер, под которым она была записана в книге казия, на документ приклеены две марки комиссионного сбора по 5 коп., казию оплачены услуги в размере 40 коп. Что же касается запродажной 1906 г., то его статус не вполне понятен. Внешне документ повторяет структуру официальной информации о совершённой купле-продаже участка, но ни номера, ни марок, ни печати и подписи народного судьи на нём нет. И хотя он засвидетельствован официальным лицом – сельским старшиной, формально такая бумага не должна была иметь юридической силы ни по российскому закону, ни, судя по всему, по шариату (старшина не имел полномочий судьи). Остаётся только гадать, в чём заключалась её функция: очевидно, такого рода юридически несостоятельные документы всё-таки служи-

ли вполне достаточным свидетельством совершения сделки для внутреннего, ошобинского пользования [Любопытно, что в 2000-е гг. потомок покупателя предъявил эти документы как основание для своих претензий на земельные участки, о которых в них говорилось]. Выходит, что местное сообщество само имитировало присутствие закона (российского и шариатского) – даже тогда, когда власть (российская и шариатская) не имела возможности следить за его выполнением.

Контроль и сбор любой статистики самым тесным образом связаны с классификацией людей, деятельности и явлений, а также с идеей последовательности, закономерности и детерминизма [29, p. 181–195]. Парадокс, однако, заключается в том, что эти классификации по-разному использовались в тех или иных контекстах и вызывали разные и вовсе не однозначные эффекты. В статистических справочниках колониального периода мы находим некий набор цифр, имеющий несистематический и противоречивый характер. Российская власть применяет время от времени то одни, то другие категории для описания местного населения, но как эти категории помогают ей управлять и доминировать – остаётся неясным. Да и сама власть, судя по всему, сомневается в том, что она контролирует ситуацию с помощью статистики.

Одним из первых, что интересовало колониальных чиновников, были данные о численности местного населения. Но обеспечение даже этого, казалось бы, самого элементарного знания вызывало много вопросов и трудностей [30, с. 11 - 19]. Вот что писал в 1900 г. один из русских исследователей региона П.Е. Кузнецов [31, с. 33, 34]:

«…Все туземцы вообще подозрительно относятся к собиранию русскими разного рода статистических сведений, в особенности же сведений о численности населения: они обыкновенно думают, что, делая подсчёт жителей, русские намерены брать их в страшную для них военную службу, ссылать в Сибирь или выдворять из Туркестана в другие места империи. Поэтому туземцы при представлении сведений о численности населения показывают его в большинстве случаев, по крайней мере, вдвое меньше, чем следует. Так, например, если у отца есть двое уже семейных сыновей, то при подсчёте о них умалчивают, показывают только одного отца. Что же касается различных сборов с населения, то они уплачиваются совместно, т.е. отец и сыновья раскладывают уплату их между собою. Возможно, что я и ошибаюсь, но в справедливости этого мнения меня убеждают сами же туземцы: несколько административных лиц из них спрашивали меня, что лучше лично для них: представлять ли начальству преувеличенные сведения или уменьшенные».

Самые ранние из найденных мной сведений о численности ошобинского населения датируются примерно 1877–1878 гг. – по данным «Списка кишлакам области», в селении было 105 «домов» и 525 душ [13, ф. 19, оп. 1, д. 28098. Л. 25 (Список кишлакам области, а также родам и отдельным кочевого населения с распределением на уезды и волости.) Этот список не датирован, но его примерную дату можно определить, судя по тому, что в нём числится Чимионский уезд, который был создан в 1876 г. и ликвидирован в 1879 г.]. Последнее число образовалось в результате механического умножения 105-ти на пять – такова была обычная практика счёта у российских статистиков в первые годы существования Туркестанского края, когда считалось, что в среднем в каждом домохозяйстве должно быть пять человек [Хотя многие исследователи уже тогда ставили это утверждение под сомнение: 32, с. 121]. По данным второй половины 1880 – первой половины 1881 г., в Ошобе было уже 303 дома [13, ф. 19, оп. 1, д. 451, л. 132], а к декабрю 1881 г. – 300 [13, ф. 19, оп. 1, д. 635, л. 17. Эту цифру упоминает таджикский этнограф Н. Турсунов, говоря о 1880 г. См.: 33, с. 228], в 1883 г. – 310 «дворов» [13, ф. 19, оп. 1, д. 833, л. 33]. Такие сведения собирались, как правило, путём опроса сельских старшин, очень редко колониальные чиновники имели возможность обойти населённый пункт лично и подсчитать его жителей.

В 1884–1885 гг. российская администрация предприняла попытку составить сводный «список всех оседлых поселений Ферганской области». Начальник Чустского уезда в своём рапорте

пояснял, что составляет свой список, используя податные списки кокандского времени. Он же отмечал, что полученные таким образом цифры иногда не совпадают с данными ежегодных отчётов сельских старшин. Эта разница видна и на примере Ошобы. В документе, составленном чустским начальником, фигурируют два числа: 422 двора и 310 (последнее зачёркнуто) [13, ф. 19, оп. 1, д. 1178, л. 34 (О представлении подробных списков всех оседлых поселений Ферганской области. 5 июня 1884 – 30 июля 1885 г.)]. Поскольку 310 – показатель, который отражён и в других российских документах, то 422 – это, судя по всему, заимствование из кокандских записей.

Итак, мы уже имеем несколько разных чисел: 422, потом 105, а затем 300–310. Можно предположить, что в Ошобе было 422 дома к моменту российского завоевания, после погрома в ноябре 1875 г., о котором я писал в первом очерке настоящей книги, число дворов сократилось в четыре раза – до 105-ти, остальные жители либо погибли, либо бежали. К началу 1880-х гг. многие беженцы вернулись обратно и численность ошобинского населения достигла 300–310 дворов, т.е. примерно трёх четвёртых от начального уровня.

Проблемой для учёта являются не только наличие разных цифр, но и сами понятия дома и двора, с помощью которых оценивалась численность жителей. Что понималось под этими понятиями в кокандское время, что – в 1877–1879 и в 1880–1884 гг., как они соотносились с понятиями брачной пары или семьи и, соответственно, какую реальность они фиксировали – неясно. В случае с кочевым населением, которое должно было платить кибиточную подать, такая неясность вызывала вполне ясные последствия, так как несколько семей могли записываться одной «кибиткой» и платить уменьшенный налог [34, с. 64]. Что же касается оседлого населения, то в установленной для него системе податной единицей стало сельское общество в целом (а с 1900 г. – «дача»), раскладка же налогов внутри него оставлялась колониальной властью на усмотрение самих членов общества и его выборных руководителей. Поскольку размер налога исчислялся в зависимости от обрабатываемой площади, то предполагалось, что раскладка будет устанавливаться в зависимости от количества земли, находящейся в фактическом владении той или иной группы. Это означало, что численность домов/ дворов не представляла для колониальной власти важного практического вопроса. Местные жители сами решали, на основании каких критериев они будут определять, чту является двором: в одних случаях это могло было совместное проживание, в других – совместное питание «из одного казана», в-третьих – крепость родственных связей [См. мою статью: 35, с. 5, 6]. Также местные жители сами решали, на основании каких критериев – размер земли, число взрослых членов семьи или едоков и т.д. – налог распределяется между жителями кишлака. По сути, сельский старшина, который доставлял эти сведения уездному начальнику или участковому приставу, транслировал местные представления, которые могли меняться во времени или корректироваться в зависимости от каких-то личных или коллективных интересов.

Почти двадцать лет (с момента завоевания) данные о численности населения Ошобы ограничивались весьма приблизительным знанием количества дворов в кишлаке. Ни точного числа жителей, ни их половозрастного состава, ни каких-то других – социальных, экономических, культурных – характеристик новая власть не фиксировала. Эти характеристики её, конечно, интересовали, но ни подготовленных людей, ни финансов – и, по-видимому, практической надобности – для такой процедуры подсчёта не было. Чиновники ограничивались единичными примерами и личными оценками, а также экстраполяционными расчётами, которые относились ко всему Туркестанскому краю или к отдельным его областям.

По-настоящему подробные описания появились только в конце 1890-х гг.: в 1897 г. была проведена всеобщая перепись населения и в 1899 – поземельно-податное описание сельского общества, о котором я уже говорил выше.

В 1897 г. переписной процесс был организован по хозяйствам: переписчик узнавал о численности членов хозяйства, их именах, семейном положении, поле, возрасте, занятиях, вероисповедании, родном языке, грамотности, месте рождения и проживания, сословии, физических недостатках [36; Анализ значения переписей см.: 37]. Как был организован сбор этой информации на самом деле – неизвестно. Наиболее правдоподобный из возможных сценариев выглядит так: к приезду назначенного переписчика и его переводчика в кишлаке организовывался общий сход жителей, на который собирались мужчины – главы семей, они поочередно подходили к переписчику и сообщали ему требуемые сведения; сельский старшина и депутаты-пятидесятники, которые обязаны были здесь же присутствовать, уточняли, корректировали или дополняли эту информацию. Заполненные листки отвезли в Санкт-Петербург, где их обработкой занялись столичные статистики. К сожалению, данные были опубликованы лишь в целом по области, по уездам и городам, результаты же по Ошобе остались неизвестными.

Экспликация 1899 г. даёт весьма ограниченный набор сведений о местном населении. В сельском обществе Ошоба, в двух «дачах», чиновники насчитали 521 землевладельца [10, с. 11, 111] (если добавить «дачу» Аксинджат из сельского общества Гудас, то общее число предполагаемых ошобинских землевладельцев составит 579). К документу приложен полный поимённый их список, выполненный арабской графикой в тюркской традиции (добавление к имени отца «-оглы» (*ўғли*), т.е. сын такого-то, вместо русифицированного «-ов», как часто писали российские чиновники). Не совсем понятной, правда, является сама категория «землевладелец» – кто и как определял её состав, были ли это все женатые мужчины кишлака или только главы больших семей, включающих несколько брачных пар. Некоторые жители Ошобы могли иметь сразу несколько земельных участков, т.е. значиться землевладельцами одновременно в двух (и даже трёх, учитывая Аксинджат) «дачах». В «даче» Ошоба 6 землевладельцев не имели земли, а владели только домами – их участки могли находиться в других «дачах». Отдельно в документе были указаны местные жители, которые проживали за пределами кишлака. В «даче» Ошоба таковых оказалось 29 человек: 15 – в Ташкентском уезде, 6 – в Андижанском, 2 – Узгенском, 6 – в Наманганском. Экспликация, таким образом, не предложила какой-либо внятной общей характеристики населения, сосредоточившись больше на определении тех, кто имеет права владельцев/ налогоплательщиков в Ошобе.

Пожалуй, самые подробные сведения об ошобинцах дал опубликованный в 1909 г. Статистическим комитетом Ферганской области «Список населённых мест», который, как отмечали его составители, появился в результате уточнения данных переписи 1897 г. В нём говорилось, что в сельском обществе (селении) Ошоба находилось 457 хозяйств, из них 417 земельных, 40 – безземельных, и всего проживало 2400 человек, включая 1341 мужчину и 1059 женщин [38, с. 121].

В связи с этой информацией возникает сразу несколько вопросов.

Какой смысл вкладывали составители «Списка» в понятие хозяйства? Число хозяйств в 1909 г. в полтора раза больше, чем число дворов в 1880 г. Означает ли это, что численность населения Ошобы за почти тридцать лет выросла примерно в такой же пропорции, или мы имеем дело с процессом распада больших семейных групп, которые могли скрываться за термином «двор», на более мелкие семейные ячейки-хозяйства? Непонятно также, почему число хозяйств в сельском обществе в 1909 г. равно (что само по себе подозрительно) числу землевладельцев в одной только «даче» Ошоба в 1899 г., при том, что численность населения за десять лет должна была заметно вырасти, но никак не уменьшиться? Связано ли это с недоучётом многих ошобинцев в 1909 г. либо с тем, что категория хозяйства образовывалась как-то иначе, чем категория землевладельца? По обоим вопросам имеющихся данных недостаточно, чтобы делать какие-то выводы. Замечу лишь, что составителей «Списка» не интересовала такая категория жителей, как временно отсутствую-

щие (которая была в экспликации), а значит, какая-то часть населения, регулярно выезжавшего на заработки, оказалась вне поля их зрения.

Любопытно наличие в «Списке» двух отдельных категорий хозяйств – земельных и безземельных, причём, если сравнивать с 1899 г., когда эти две категории также учитывались, в 1909 г. число безземельных хозяйств было намного больше числа безземельных землевладельцев. Означает ли это, что за десять лет в ошобинском сообществе произошли серьёзные процессы внутреннего расслоения и перераспределения земли? Или же в 1909 г. статистики вдруг увидели то, на что раньше не обращали внимания или что им было не под силу контролировать [Российские учёные и политики разрабатывали более сложное категориальное деление населения на разные группы и субгруппы, прежде всего национальные и социально-экономические, в том числе на примере детального статистического описания отдельных селений Средней Азии, но это не носило массового характера, а скорее было знанием узкого круга специалистов, которые к тому же продолжали спорить друг с другом о принципах категоризации (см.: 39; 40]? И снова ответа нет. Подчеркну лишь тот факт, что в 1909 г. колониальных чиновников по-прежнему волновал главным образом земельный вопрос – никакой другой хозяйственной деятельности местных жителей они не регистрировали.

В 1909 г. впервые появились данные о половом составе населения Ошобы. Обращает, впрочем, на себя внимание большая разница между числом мужчин и женщин (что было характерно для всей статистики по Ферганской области [36, с. 31]). Некоторые современники объясняли такую разницу, в частности, более высокой смертностью женщин [41. с. 335; 42. с. 121, 122]. Другие отмечали, что при опросах, которые проводились представителями колониальной власти, местные жители нередко скрывали реальное число членов семьи женского пола [43, с. 23, 24], а российские чиновники не всегда имели возможность эту цифру проверить, поскольку старались не нарушать местного этикета женского затворничества.

Наконец, в «Списке» фигурирует ещё одна категория – национальность, которая, следовательно, оказывается в числе наиболее важных тем, интересующих колониальную власть [44]. В графе преобладающей национальности в «Списке» ошобинцы названы киргизами, что является явной ошибкой, поскольку ни сами жители кишлака так себя никогда не именовали, ни соседи не употребляли это слово по отношению к ним. Путаница говорит о том, что национальную классификацию устанавливали отдельные чиновники колониальной власти, которых, видимо, ввёл в заблуждение тот факт, что ошобинцы, как и большинство ферганских киргизов, живут в горах и занимаются животноводством. Очевидная ошибка указывает также на то, как легкомысленно относились чиновники к процедуре установления национальности, ставя её в зависимость от множества случайных обстоятельств.

***

Британский историк Александр Моррисон в книге «Российское управление в Самарканде» пишет, что «Русские (...) не могли предотвратить подчинения местной управленческой машины теми, кто обладал властью на низовом, сельском уровне (…) Государственной властью и государственным авторитетом манипулировали, используя их в разнообразных целях, будь то личное обогащение или создание патронажной системы, посредством которой царское правительство замещало должности на местах. Провал был вызван не столько отсутствием реального принуждения, кадров или денег, сколько нехваткой знаний...» [45, с. 199, 200]. Автор считает, что Российская империя, как и все остальные европейские империи в своих колониях, была неспособна установить эффективное управление в Средней Азии и модернизировать местное общество, превращая его в некое подобие себя или собственных представлений о современности и цивилизации. Моррисон отмечает не только слабость российской власти, но и преемственность между доколониаль-

ными и колониальными режимами, рассматривая местные элиты как заинтересованных участников имперского управления [45, p. 5]. Только подключение к внешним, колониальным механизмам доминирования местных механизмов управления и регулирования давало возможность российским чиновникам господствовать в регионе, в том числе осуществлять свои проекты его трансформации, причём распределение выгод и дивидендов от этих проектов также было многосторонним и не обязательно несправедливым.

С тезисом о слабости российской колониальной власти спорить трудно. Если посмотреть на то, как чиновники использовали накопленные ими знания для контроля за локальными сообществами – такими, как Ошоба, то окажется, что их знания были далеко не полными и даже ошибочными, а сама власть неэффективной. А если удаётся, убрав колониальное искажение, увидеть, что происходило в таких сообществах, то там обнаруживаются социальные разграничения, свои сильные и слабые, победители и проигравшие, свои противоречия и борьба, не сводимые к оппозиции колонизаторов/ колонизируемых. Российские чиновники вынуждены были опираться на те или иные местные группировки, члены которых вольно или невольно превращались в коллаборационистов.

Однако я бы сделал тем не менее несколько уточнений к этому тезису [46]. Российская империя всё-таки пыталась создавать на завоёванных территориях институты и пространства, которые могла бы обустраивать полностью или почти полностью по собственному плану, – это города и промышленное производство (фабрики, железные дороги), русские и «русско-туземные» школы, суды, тюрьмы, клиники и т.д. Отдельные сельские районы, селения и социальные группы по тем или иным причинам также становились объектом пристального внимания колониальных чиновников, и они учились использовать свои знания, чтобы управлять ими. Контроль за этими, часто ключевыми и опорными, пунктами и сообществами позволял колониальной власти удерживать всё завоёванное пространство в своём подчинении, не вникая в специфические детали, не заглядывая пристально во все уголки, не тратя времени и средств на их изучение. Значительная часть местного общества, особенно в стороне от городов и железных дорог, продолжала, конечно, жить со своими классификациями времени, географии, истории и социальных делений, но и она менялась, пусть очень медленно, незаметно, в результате множества хаотических движений, без какого-то плана и прямого воздействия со стороны колонизаторов. Колониальное влияние со временем кумулятивно набирало силу, власть расширяла сферу своего контроля, захватывала всё новые и новые области – в территориальном и социальном смысле, рекрутировала и сама взращивала лояльных «туземцев». Эту динамику следует учитывать, внося соответствующую поправку в оценку колониальной политики в Туркестане.

Далее, тезис о слабости российской власти вовсе не означает, что мы не должны говорить о колониальном характере присутствия Российской империи в Средней Азии и существенной диспропорции между российскими завоевателями, подчинившими себе регион, и местным обществом, которое оказалось в составе страны с иной политической и культурной иерархией [Здесь я встаю на сторону антрополога Николаса Диркса, который упрекал сторонников кембриджской школы за то, что они недооценивают конфликтное напряжение между колонизаторами и колонизированными: 47, p. 303–315]. На мой взгляд, мы должны видеть всё пространство колониальной власти, которое не было гомогенным – в нём были точки сильного и слабого напряжения противоречий, в одних таких точках конфликт между колонизаторами и колонизованными был острее и предопределял динамику событий, в других – колониальные диспропорции были менее заметными, чем диспропорции внутри самого местного общества.

Список источников и литературы

1. *Robinson R.* Non-European foundations of European imperialism: Sketch for a theory of collaboration // Studies in the Theory of Imperialism / Roger Owen, Bob Sutcliffe (eds). London: Longman, 1972. P. 117–140.

2. *Бабур-наме.* Записки Бабура. Ташкент: Главная редакция энциклопедий Института Востоковедения АН Узбекистана, 1993. 463 с.

3. *Мирза-Мухаммад-Хайдар*. Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан, 1996. 728 с.

4. *Потанин Г.* Показания сибирского казака Максимова о Коканском владении // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. 28. № 3. СПб., 1860. С. 65–75.

5. *Карта Коканского ханства*, составлена при Штабе Отдельного Сибирского корпуса из разных материалов вновь поверенных и исправленных. Омск 1841-го года // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 3. СПб., 1849.

6. *Сборник статей*, касающихся до Туркестанского края, А.П. Хорошхина. СПб.: [б.и.], 1876. 552 с.

7. *Кун А.* Очерки Коканского ханства // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 12. Вып. 1. 1876. С. 59 – 70.

8. *Серебренников А*. К истории Коканского похода (статья четвёртая) // Военный сборник. 1901. № 9.

9. *Martin V.* Lawand Customin the Steppe: The Kazakhsof the Middle Horde and Russian Colonialismin the Nineteenth Century. Curzon Press, 2001. 244 p.

10. *Материалы для статистического описания* Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ (1897–99 гг.) / Г.С. Назаров (состав.). Вып. 3. Скобелев: Ферганский областной статистический комитет, 1910.

11. *Правилова Е.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801-1917. М.: Новое издательство, 2006. 456 с.

12. *Penati B*. Notes on the Birth of Russian Turkestan's Fiscal System: A View from the Fergana *Oblast'* // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2010. № 53. P. 739-769.

13. *ЦГА РУз*

14. *Проект всеподданнейшего отчёта* генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1885. 503 с.

15. *Абашин С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 950 с.

16. *Penati B*. Swamps, sorghum and saxauls: marginal lands and the fate of Russian Turkestan (1880–1915) // Central Asian Survey (CAS). 2010, vol. 29, № 1. P. 61–78.

17. *Земли коренного оседлого населения* Ферганской области: по данным поземельно-податных комиссий к 1916 г., собранным и обработанным организацией по экономическим исследованиям в бассейне р. Сыр-Дарьи Отдела Зем. Улучш. М.: Т.Э.С., 1924.

18. *Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда // Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества. Т. XI, вып. 2, ч. 1. Ташкент, 1915. С. 1–25.

19. *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань: [б.и.], 1886. 244 с.

20. *Абашин С.Н.* Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации в 1860–1880 годах // Вестник Евразии. 2001. № 4. С. 35–62.

21. *Абашин С.Н.* Община в Туркестане в оценках и спорах русских администраторов начала 80-х гг. XIX в. (По материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан) //

Сборник Русского исторического общества. Т. 5. Россия и Средняя Азия. М.: Русская панорама, 2002. С. 71–88.

22. *Абашин С.Н.* Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (Вакуфное дело дахбитского медресе. 1892–1900) // Сборник Русского исторического общества. Т. 7. Россия и мусульманский мир. М.: Русская панорама, 2003. С. 163–191.

23. *Отчёт ревизующего*, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса. СПб.: [б.и.], 1884. 464 с.

24. *Положение об управлении Туркестанского края* // Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины / Ю. Семёнов (состав.). М.: Старый сад, 1997.

25. *Савицкий А.П.* Поземельный вопрос в Туркестане (в проектах и законах 1867–1886 гг.). Ташкент: СамГУ, 1963. 208 с.

26. *Юлдашев А.* Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.). Ташкент: Узбекистан, 1969. 256 с.

27. *Кривошеин А.В.* Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб.: [б.и.], 1913. 88 с.

28. *Демидов А.П.* Экономические очерки хлопководства и хлопковой торговли и промышленности Туркестана. М.: Центральное управление печати ВСНХ СССР, 1926. 248 с.

29. *Hacking I.* How should we do the history of statistics? // The Foucault Effect. Studies in Governmentality / G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds.). Harvester Wheatsheaf, 1991. P. 181–195.

30. Киселёв В. Демографическая статистика в колониальном Туркестане во второй половине XIX веке // O‘zbekistontarixi. 2002. № 1. С. 11–19.

31. *Кузнецов П.Е.* О таджиках Ташкентского уезда (краткий отчёт) // Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества. Т. II, вып. II. Ташкент, 1900.

32. *Буняковский А.В.* О пространстве и населении Туркестанского края // Материалы для статистики Туркестанского края / Н. Маев (ред.). Вып. 1. СПб.: Издание Туркестанского статистического комитета, 1872.

33.*Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX вв. (историко-этнографические очерки). Душанбе: Ирфон, 1976. 305 с.

34. *Терентьев М.А.* Статистические очерки Среднеазиатской России // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т. 4. СПб., 1874. С. 1–129.

35. *Абашин С.Н.* Статистика как инструмент этнографического исследования (узбекская семья в XX в.) // Этнографическое обозрение. 1999. № 1. С. 3–16.

36. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи*, 1897 г. Т. 89. Ферганская область / Н. Тройницкий (ред.). СПб.: Издание ЦСК МВД, 1904. 179 с.

37. *Darrow D.* Censusasa Technology of Empire // Ab Imperio. 2002. № 4. С. 145–176.

38. *Список населённых мест Ферганской области*. Новый Маргелан: Ферганский областной статистический комитет, 1909. 161 с.

39. *Юферев В.* Хозяйство сартов Ферганской области. Ташкент: Главное управление землеустройства и земледелия, Переселенческое управление, 1911. 49 с.

40. *Бюджеты 45 хозяйств* Ферганской области по обследованию 1915 г. с приложением очерка «Хозяйства сартов Туркестанского уезда Сыр-Дарьинской области». М.: Издание Экономического совещания ТССР, [1924].

41. *Костенко Л.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. 1. СПб.: [б.и.], 1880. 480 с.

42. *Кушелевский В.И.* Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т. 2. Новый Маргелан: Ферганский областной статистический комитет, 1891. 481 с.

43. *Лыкошин Н.С.* Чапуллукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области. Опыт исследования экономических и бытовых условий жизни её населения // Справочная книжка Самаркандской области. Т. 8. Самарканд: Издание Самаркандского областного статистического комитета, 1906.

44. *Абашин С.Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. 302 с.

45. *Morrison A.* Russian Rule in Samarkand, 1868-1910: A Comparison with British India (Oxford and New York: Oxford University Press, 2008). 400 p.

46. *[Рец. на] Alexander Morrison*. Russian Rule in Samarkand, 1868-1910: A Comparison with British India (Oxford and New York: Oxford University Press, 2008). 400 pp., maps. ISBN-13: 978-019-954-737-1 // Ab Imperio. 2009. № 2. С. 380-387.

47. *Dirks N.* Castes of Mind: Colonialism and Making of Modern India. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 303-315.

S.N. Abashin

Empire collects information
(Oshoba kishlak officials in representations of Turkestan)

Summary. The article analyzes the Russian embassies information, Orientalists, and military materials of the official proceedings of the imperial authorities, which were created in connection with the acquisition, management and organization of the collection of taxes from the population of the mountain village Oshoba. Revealed discrepancies between perceptions and realities of the colonial authorities organized complex of traditional society. Showing attempts of the colonial administration in organizing the accounting economic space, its classification, the establishment and collection of taxes, as well as the reasons for their ineffectiveness. Saving a number of economic sectors are not integrated into the colonial economy is due to the inability of officials on a daily basis to control the population and the desire not to cause dissent. Identified different classifications of the local population, marked by the complexity of developing mechanisms and categories of the population accounting data collection. Information about the village Oshoba as one of the objects of observation of the colonial authorities, characterize the interests of power, the use of the knowledge gained in population management, control expansion of the sphere.

Key words: empire, colonial rule, the colonial economy, population classification.

РАЗДЕЛ 3

ИНСТИТУТЫ ИМПЕРИИ

УДК 94(47)+94(571)

Н.П. Матханова

СИБИРСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ И ЕПИСКОПЫ XIX В.: КОНТАКТЫ, КОНФЛИКТЫ, КОМПРОМИССЫ…

Аннотация. В статье прослеживаются взаимоотношения между главами светской и духовной властей в Сибири XIX в. Привлекая широкий круг разнообразных источников, автор представляет разные варианты этих взаимоотношений – от сотрудничества и взаимопомощи до конфронтации и конфликтов. Выявлены некоторые объективные и субъективные факторы, способствовавшие или препятствовавшие успешной совместной деятельности. Особое внимание обращено на роль отдельных личностей и межличностных отношений.

Ключевые слова: Русская православная церковь, государство, Россия, Сибирь, духовенство, архиереи, администрация, губернаторы, миссионерство.

Тема сформулирована мною в соответствии с названием конференции. ибо относится и к структурам, и к людям империи. Эту тему, причем в империологическом ключе, поднимал в одной из своих статей и А.В. Ремнев. Он отмечал: «Местные власти на окраинах нередко оказывались в ситуации, когда общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила в противоречие с колонизационными задачами. С православным миссионерством как культурообразующим компонентом русского нациостроительства в Азиатской России успешно конкурировала установка расширительного толкования русскости. Самодержавие не могло не учитывать высокой степени устойчивости русских крестьян – старообрядцев и духоборов – к ассимиляции в иноэтнической среде, сохранения ими русскости при отдаленности от русских культурных центров» [1, с.118–119].

Проблема взаимоотношений между церковными и светскими властями в наши дни вновь стала остро актуальной, а для XVIII–XIX вв. она была одной из самых важных для понимания истории управления, общественной мысли и многих сторон жизни русского общества.

В статье я попытаюсь обозначить несколько вариантов этих взаимоотношений и наметить некоторые влиявшие на их характер факторы.

И в XIX столетии, как и ранее, сохранялся «основной принцип союза церкви и государства… принцип общности интересов и взаимной поддержки» [2, с. 8]. Контакты, тесное взаимодействие были естественной и обязательной частью политики и повседневной деятельности государственных и церковных институтов, но конкретный характер этого взаимодействия зависел от ряда факторов, как объективных, так и субъективных, т.е. от людей.

Начну с институционального фактора. Если абстрагироваться от сакральной стороны вопроса, то следует отметить, что главы епархий были «встроены» в церковную вертикаль примерно так же, как главы губерний – в светскую. При этом, будучи формально равными губернаторам и независимыми от них, на деле архиереи находились на иерархической лестнице ниже, что было

следствием общей подчиненности церкви государству. По закону «все чины, служащие в губерниях, в том числе и архиереи, даже не состоящие в прямом подчинении губернатора, несмотря на равные классные чины, должны “оказывать ему всяческое уважение” и являться по первому его требованию» [3, с. 64]. На практике эта конструкция была не такой жесткой и не такой прямолинейной.

Институциональная неопределенность создавала поле для проявления различных флюктуаций. В большинстве случаев отношения были корректными, но встречались ситуации, когда установленная законом иерархия не соблюдалась. Отклонения могли быть как в ту, так и в другую сторону. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков признавал в архиепископе Иннокентии (Вениаминове) старшего – и не только по возрасту. Советы и просьбы владыки воспринимались им как указания к неуклонному исполнению. Несколькими десятилетиями раньше иркутский епископ Вениамин (Багрянский) оказался в крайне униженном положении: губернатор Н.И. Трескин получил донос на него, а затем, по словам архиепископа Нила (Исаковича), «сжалился; но зато нещадно показывал, какое влияние на него имеет. В торжественные дни, например, архиерей вышлет говорить проповедь, а Трескин пошлет городничего сказать – не надо… и налой тотчас унесут» [4, с. 555, 556]. Об этом факте не раз писали, порой воспринимая его как некую норму, но это совсем не так [5, с. 504–506; 3, с. 64; 6, с. 84–85].

Самый известный и самый острый конфликт произошел между архиепископом иркутским Иринеем (Нестеровичем) и высшей местной администрацией во главе с генерал-губернатором А.С. Лавинским. Е.Н. Туманик утверждает, что в основе его лежало стремление владыки «намерение постепенного проникновения духовной власти в среду административно-государственной жизни, завоевание, пусть не закрепленное законом, прежних средневековых позиций в государственной системе… иметь власть (хотя бы фактическую!), соединяющую воедино духовное и светское начала» и что душой противостоявшей ему партии был городничий, ссыльный декабрист А.Н. Муравьев [7, с. 401]. «В конце концов архиепископ был смещен практически насильно, и в сопровождении государственного чиновника отправлен в дальний монастырь» [7, с. 405].

Менее экстравагантным, но достаточно острым был конфликт между иркутским епископом Михаилом (Бурдуковым) и тем же Трескиным. Как утверждали духовные власти, любимец губернатора исправник Лоскутов высек протоиерея Орлова, что категорически отрицали все представители гражданской администрации. Об этой истории писали А.В. Ремнев в статье об И.Б. Пестеле [8], иркутский историк А.Н. Гаращенко в монографии, посвященной Трескину и Цейдлеру [9, с. 193–195], мною опубликована подборка документов о ней в «Известиях Иркутского университета» [10]. Здесь проявились два важных для раскрытия заявленной темы момента. Во-первых, духовенство имело возможность влиять на свою православную паству, независимо от иерархического уровня – Михаил обратился с увещевательными и грозными письмами и к самому Лоскутову, и к его матери. Во-вторых, и это оказалось решающим – владыка апеллировал к Св. Синоду и к министру духовных дел А.Н. Голицыну. В конце концов скандал, доведенный до монарха, стал последним камнем, перевесившим чашу, и был упомянут в решении Александра I об отставке Пестеля и Трескина.

И в другой раз, в иных условиях и при иных обстоятельствах, вмешательство влиятельных духовных лиц в Петербурге переломило ситуацию в регионе. Столкновение восточносибирского генерал-губернатора Д.Г. Анучина с архиепископом Вениамином (Благонравовым) в начале 1880-х гг. решилось в пользу главы церковной администрации благодаря вмешательству К.П. Победоносцева. Конечно, с наступлением нового царствования изменился и общий правительственный курс, но на местах это воспринималось именно как результат личного покровительства. Вениамин писал 7 марта 1883 г. своему старинному другу архиепископу Владимиру (Петрову): «Кажется, мы берем верх над

либеральным начальником края» [11, с.156]. Об аналогичной истории вспоминал томский губернатор В.И. Мерцалов, о чем речь пойдет позже.

Тем не менее сотрудничество светской и духовной властей было неизбежно, в Сибири к сферам их совместной деятельности в первую очередь относилось обращение в православие «инородцев», привлечение в лоно официальной церкви старообрядцев, а позже и сектантов. В этой сфере особенно явно сказывалось влияние такого фактора, как сходство или расхождение в направленности действий, приоритетах церкви и государства на окраинах. Не меньшее значение имели и общественно-политические процессы в стране, новые настроения в образованном обществе, проникавшие в ряды и управленческого корпуса, и духовенства.

Миссионерская деятельность духовенства нередко казалась светским властям чрезмерно усердной, противоречащей фискальным, внутри- и внешнеполитическим задачам государства. Известны случаи скрытого и даже открытого противодействия представителей местной администрации. Чаще всего разногласия были связаны с изменением положения новокрещеных и их отношениями с некрещеными, а также и с вопросом об отводе земли новокрещеным. Некоторые архиереи стремились вывести – и вполне искренне – вопрос на принципиальный уровень. Архиепископ Вениамин (Благонравов), по мнению Н.В. Цыремпилова, открыто критиковал российскую политику в отношении буддизма, считая эту конфессию главной помехой в деле христианизации бурят [12, с.7, 170]. Многие православные миссионеры активно использовали в печати слова и словосочетания - маркеры: «идолослужение», «ламайское жречество», «капища», «кумирни» и т.д. [12, с. 214]. В то же время в правительственных документах обычно употреблялись совершенно иные термины: положение главного ламы сравнивалось «с тем, в каком находятся церкви российские под епархиальным в губерниях управлением» [13, с.146]; говорилось о «ламайском духовенстве», «прихожанах» [12, с.159, 160].

Далеко не все архиереи считали интерес к буддизму предосудительным. Некоторые современные исследователи даже употребляют термин «православная буддология» и называют одним из основоположником либерального ее направления архиепископа Нила (Исаковича) [14]. Вениамина же в начале его управления миссией сравнивали «с Нероном и Диоклетианом для забайкальских язычников», а в 1885 г. генерал-губернатор Д.Г. Анучин открыто называл архиепископа «фанатиком», который «готов сжечь на костре» некрещеных бурят [11, с.181].

Довольно успешно сотрудничали епископы и начальники Алтайской духовной миссии с губернаторами и иными деятелями администрации. Этому, очевидно, способствовали авторитет и подвижническая деятельность руководителей и сотрудников миссии.

Очень острой проблемой, в которой интересы церковного и светского начальства расходились особенно часто, была анти-старообрядческая деятельность духовенства. Заботясь о фискальных интересах казны, сибирские власти опасались «чрезмерного усердия» духовенства в его работе среди старообрядцев. Этот вопрос неоднократно рассматривался в работах по истории старообрядчества и по истории управления. Традиционным для светских властей Сибири было предпочтение успешной хозяйственной деятельности старообрядцев усилиям православных священников по их обращению и стремление доказать возможность использования убеждений и «увещеваний духовных пастырей» и вообще «не строгих, но кротких мер» [1]. А.В. Ремнев, как уже отмечалось, отмечал предпочтение колонизационных задач установке на распространение официального православия.

Как и всегда, существенное влияние оказывали и личные качества, и межличностные отношения. Архиереи и губернаторы были не только деятелями церковной и светской администрации, но и живыми людьми, очень разными и находившимися в очень разных человеческих отношениях.

Губернатор В.А. Арцимович (губернатор в 1854 – 1858 гг.) писал родным: «Вскоре по приезде моем в Тобольск я заметил стремление духовенства к обращению инородцев в православие с

помощию правительственных мер. Против этого я восстал и, несмотря на несогласие с мнением архиепископа, остановил это вредное направление, клонящееся только к стеснению инородцев» [16, л.18 об.]. Приехал он в 1854 г., когда Тобольским архиепископом был Георгий (Ящуржинский). Живший в ссылке в Тобольске декабрист М.А. Фонвизин в 1851 г. писал о нем же другу Е.П. Оболенскому: «У нас перед глазами не пастырь, а волк в пастырской одежде... Разъезды по епархии архиерея есть только предлог брать взятки с священно- и церковнослужителей» [17, с. 362]. Томский губернатор В.И. Мерцалов вспоминал, что епископ Петр (Екатериновский) при его предшественнике привык «смотреть на администрацию как на свою служебную силу, обязанную беспрекословно исполнять все его требования». Особенно возмущали преследования и вымогательства по отношению к переселенцам-старообрядцам – образцовым подданным, рослым, могучим, красивым, абсолютно трезвым, честным, исправно платящим налоги и повинности. Когда губернатор попытался оказать сопротивление, владыка Петр пригрозил пожаловаться Победоносцеву. «Угроза подействовала. Супруненко знал, что такое всесильный Константин Петрович, и поторопился предписать исправнику безотлагательно разлучить все 16 или 17 пар», обвенчанных по беспоповскому обряду. Женщины, свезенные в тесное казенное помещение, начали болеть, несколько грудных детей умерло. По требованию генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова распоряжение Супруненко было отменено, а самому ему было приказано подать в отставку. Но узнав о болезни и отъезде Казнакова, архиерей Петр возобновил свои требования, которым Мерцалов решительно сопротивлялся [18, с. 80–81].

Ситуация осложнилась с появлением в составе офицерско-чиновничьего корпуса людей с либеральными настроениями – таких, как В.А. Арцимович, В.И. Мерцалов и др. Архиепископ Вениамин утверждал, что «индифферентизм образованных классов к успехам миссии» иногда переходил «в глумление над нею или даже прямое противодействие миссии» [19, с.15]. В феврале 1881 г. он возмущался посещением генерал-губернатором Д.Г. Анучиным Гусиноозерского дацана, а еще больше его рассказом «об отличном порядке у лам и их благоговении при совершении молебна за царя». Архиепископ даже сделал заключение, что «наши либералы любят всякую веру, кроме своей православной» [11, с.142].

Разумеется, были не только конфликты, и не только архиереи были порой недовольны позицией губернаторов. Нередко главы епархий вмешивались или пытались вмешаться в кадровую политику губернаторов и генерал-губернаторов. Так, иркутский архиепископ Парфений (Попов) и енисейский епископ Никодим (Казанцев) просили уволить или хотя бы перевести чиновников-поляков, которые якобы противодействовали священникам. Известно влияние св. Иннокентия на М.С. Корсакова в вопросе об отставке якутского губернатора Ю.И. Штубендорфа, который после нескольких лет более или менее благополучного и даже успешного управления стал вызывать нарекания, жалобы и прямые обвинения со стороны местного населения [20].

Н.Н. Муравьева-Амурского и архиепископа Иннокентия (Вениаминова) связывало глубокое взаимное уважение, выливавшееся в разносторонние поддержку и сотрудничество, особенно в решении «амурского вопроса», в подготовке проектов освоения и колонизации Приамурья [15, с.153, 192]. При этом Иннокентий позволял себе критические замечания в откровенной переписке с Д.В. Хитровым в адрес приближенных Муравьева. Хитров в письме от 1 октября 1860 г. своему доброму знакомому К.В. Невоструеву пересказывал слова Иннокентия: «Деспотизм и монополия господствуют пока во всей силе, и простому люду доводится терпеть и терпеть до смерти. На словах стараются улучшить все уголки земного шара, а на деле все идет наизнанку. Наши духовные в Камчатке, Гижиге и Охотске вот уже четыре года не имеют ни пылинки муки и ни фунта соли» [21, ф. 109, секр. арх. оп. 3, д. 1309. л. 15]. И все же архиепископ не шел на открытые конфликты. Вот как Иннокентий объяснял в 1855 г. свою линию на поиски компромисса: «Пятнадцатилетний

опыт научил меня, что жалобы, как бы они ни были справедливы, ни к чему не ведут» [22, с. 17], если «заведутся неприятности между архиереем и губернатором в такой дали (которые заводятся обыкновенно отнюдь не от ревности по истине, а от оскорбления самолюбия), тогда, можно себе представить, что из этого будет!» [22, с. 27]. Авторитет свт. Иннокентия и понимание масштаба его личности, а также и его личные отношения с генерал-губернаторами приводили к тому, что, как правило, мнение архиепископа уважалось всеми деятелями администрации. В частности, ему удалось получить согласие Муравьева-Амурского на размещение архиерейской кафедры не в Николаевске-на-Амуре, а в Благовещенске. В целом, если отношения архиепископа Иннокентия с генерал-губернатором М.С. Корсаковым можно охарактеризовать как союз при очевидном превосходстве главы духовной власти, то сотрудничество Иннокентия с Муравьевым-Амурским было союзом равных.

Для сибирских губернаторов и епископов XIX в. был характерен весь возможный спектр взаимоотношений: от сотрудничества до конфронтации, от взаимной поддержки до острого конфликта, от дружбы до вражды. Однако чаще всего удавалось сохранять взаимную поддержку по большинству вопросов. Причины отступлений от этого были как объективные – прежде всего неясность в распределении полномочий, в субординационных вопросах, несовпадение интересов и приоритетов церкви и государства, так и субъективные – наличие или отсутствие у конкретных людей мудрости, честности, готовности к поискам разумного компромисса.

Список источников и литературы:

1. *Ремнев А.В.* Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / [В.Н. Гинев, А.В. Гладышев, Л.Е. Горизонтов и др.; Центр Вудро Вильсона, Ин-т им. Кеннана]. Воронеж, 2004. С. 112–146.

2. *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в./ Отв. ред. С.О. Шмидт. Новосибирск: Наука, 1974. 394 с.

3. *Римский С.В.* Русская православная церковь в XIX веке / С.В. Римский. – Ростов-на-Дону: [б. и.], 1997. 385 с. : ил. (Ученые записки / Донской юрид. ин-т; т.7).

4. *[Нил]*. Иерархи, преемствовавшие Иннокентию Святому на кафедре Иркутской паствы // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1861. № 50. С. 537 –540; № 51. С. 554 –560; № 52. С. 571–580.

5. *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1899. №. 6. С. 481 –508.

6. *Наумова О.Е.* Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX в. Иркутск : Иркутский гос. техн. ун-т, 1996. 215 с.

7. *Туманик Е.Н.* «Бунт» архиепископа Иринея: причины и тайные пружины // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания / серия «Археография и источниковедение Сибири». Вып. 20. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 399–405.

8. *Ремнев А.В.* Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 141–149.

9. *Гаращенко А.Н.* Трескин и Цейдлер – иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX в. Иркутск: Земля Иркутская; Оттиск, 2014. 400 с.

10. *Матханова Н.П.* Дело «О ссоре между духовными и гражданскими властями в Сибири» // Известия Иркутского государственного университета. 2015. Т. 11. Серия «История». С. 133–159.

11. *Письма Вениамина*, архиепископа Иркутского к Казанскому архиепископу Владимиру (1862–1889 гг.). / с предисл. и примеч. К.В. Харламповича. / с предисл. и примеч. К.В. Харламповича. М.: Имп. общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1913. 218 с.

12. *Цыремпилов Н.В.* Буддизм и Империя: бурятская буддийская община в России (XVIII – начало XX в.). Улан-Удэ: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, 2013. 335 с.

13. *Кочетов А.Н.* Ламаизм. М.: Наука, 1973. 199 с.

14. *Уланов М.С.* Буддизм в русской культуре конца XIX – первой половины XX века. Элиста: КалмГУ, 2006. 115 с.

15. *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск: изд-во СО РАН, 1998. 428 с.

16. *Арцимович В.А.* Описание поездки по Сибирскому краю // ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 42.

17. *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. I. Дневник и письма / изд. подг. С.В. Житомирской, С.В. Мироненко / серия «Полярная звезда» Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1979 428 с.

18. *Мерцалов В.И.* Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина. 1917. № 4/6 С. 14–33; № 7/9. С. 38–89.

19. *[Виноградов А.А.]* Двадцатипятилетие епископского служения высокопреосвященнейшего Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского. Иркутск: типогр, А.А. Сизых, 1888. 204 с.

20. *Матханова Н.П.* Юлий Иванович Штубендорф. Губернатор на фронтире и исследователь Сибири // Немецкий этнос в Сибири. Вып. 3. Новосибирск, 2002. С. 90–98.

21. *ГАРФ*

22. *Письма Иннокентия*, митрополита Московского и Коломенского / собр. И.П. Барсуковым. Кн.2. 1855–1865. СПб.: Синодальная типография, 1898. 496 с.

N.P. Matkhanova

Siberian guvernors and diocesans in the nineteenth century: contacts, conflicts, compromises…

Summary. The article traces the relationship between the heads of secular and spiritual authorities in Siberia in the XIX century. Attracting a wide variety of sources, the author presents different versions of these relationships: of cooperation and mutual assistance to confrontation and conflicts. Identified some objective and subjective factors that promoted or impeded successful joint activities. Particular attention is paid to the role of individual personalities and interpersonal relationships.

Key words: The Russian Orthodox Church, the state, Russia, Siberia, the clergy, the diocesans, the administration, the governors, the missionaries.

УДК 94(47)083

М.В. Шиловский

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В ОТНОШЕНИИ ГЛАВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ АЗИАТСКОЙ РОССИИ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XX В.)

Аннотация. Рассматривается политика центральной власти в вопросах подбора и назначения глав территориально-административных образований (воевод, генерал-губернаторов и губернаторов) Азиатской России со времени начала присоединения Сибири до февраля 1917 г. Анализируются и сопоставляются применительно к каждой исторической эпохе (конец XVI – начало XVIII вв., XVIII – началоXIX вв., 1822 – февр. 1917 г.) такие параметры высших чиновников региона, как возраст вступления в должность, образование, социальное происхождение, национальность, время пребывания на руководящем посту, классные чины согласно «Табели о рангах» с це-

лью выявления общих закономерностей, специфики исторической эпохи и территориальной принадлежности (Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Степной край). Эволюция отечественной государственно-административной системы и ее высших управленческих кадров на региональном уровне в избранных хронологических рамках рассматривается с позиций концепции рационализации власти от малограмотной бюрократии, предназначенной для выполнения приказаний московских и петербургских канцелярий к профессиональной, образованной, действующей в пределах полномочий, определенных законом в государственных интересах.

Ключевые слова: Азиатская Россия, воевода, генерал-губернатор, губернатор, «Табель о рангах», генерал-губернаторство, губерния, область.

Актуальность изучения управленческой структуры и административного аппарата в избранных мной территориальных и хронологических рамках емко определил выдающийся сибирский историк - регионовед А.В. Ремнев. «Насущность ретроспективного взгляда объясняется известной схожестью многих проблем, с которыми вынуждено сталкиваться руководство в организации управления сибирским регионом, – отмечал он. – Учет как положительного, так и отрицательного опыта регионального управления позволит в значительной степени предвидеть, а значит, и избежать многих негативных последствий, нередко вызываемых реформами. Актуальность взаимоотношений центра и регионов сохраняется, имея тенденцию к обострению» [1, с. 36]. В процессе освоения Азиатской России для центральной власти вопросы подбора, назначения и контроля глав территорий являлись актуальными. К тому же изначально возник кадровый дефицит для заполнения вакансий в управленческом аппарате за Уралом. Данное обстоятельство констатировалось в течение всей истории региона.

Так, в середине XVIII в. местные управленцы постоянно жаловались на то, что в «Сибирской губернии в городах в воеводах обстоит нужда, а в некоторых городах воевод нет, а исправляют воеводские должности из тамошних дворян и детей боярских» [Цит. по: 2, с. 192]. Совсем недавно, в 2008 г., оказалось, что в стране «кадровый голод» и он касается руководителей регионов. «Нет скамейки запасных. Каждый раз ломаем головы, как найти кадры для замещения высших должностей в регионах», – сетовал тогдашний президент РФ Д. В. Медведев [3]. К тому же, как заметила омская исследовательница Ю.В. Попова: «России присуща персонификация политического пространства, рассмотрение и понимание его сквозь призму личности. Об этом свидетельствует отношение населения к политическим лидерам» [4, с. 219]. Поэтому цари, императоры, генеральные секретари, президенты занимают в глазах обывателей первенствующее положение по сравнению с другими властными структурами. Примерно в такой же плоскости рассматриваются региональные лидеры: воеводы, генерал-губернаторы, губернаторы, первые секретари, главы администраций, постсоветские губернаторы.

Несмотря на определенные отличия, административно-территориальное деление и управленческий корпус изучаемой территории имел и постоянные константы. Основными структурами, составляющими организационный каркас Сибири и Дальнего Востока дореволюционного периода, являлись разряды, генерал-губернаторства, губернии и области. Вопросы истории организации управления и персонального состава их начальствующего состава разрабатывались в трудах В.И. Вагина, Л.М. Дамешека, М.О. Акишина, А.В. Ремнева, М.П. Матхановой, Н.И. Дубининой, В.Д. Гахова, А.В. Яковенко, Д.Я. Резуна, Л.П. Бердниковой и др. При обилии публикаций по отдельным временным этапам в историографии темы имеются существенные лакуны, дискуссионные вопросы, недостаточно изученные сюжеты, четко выраженное «огораживание отдельных периодов, отсутствие сквозных исследований на протяжении избранного для анализа временного интервала. Учитывая научную значимость и состояние разработки темы, автор на основе имею-

щихся фрагментарных сведений попытался выявить основные характеристики высших должностных лиц территориально-административных образований (воеводы, генерал-губернаторы, губернаторы).

Руководство присоединенной территорией от Урала до Тихого океана осуществляли с конца XVI в. Посольский приказ, Приказ дьяка Варфоломея Иванова, а затем Сибирский приказ (1637–1710, 1730–1765), судьями которого царь назначал пользовавшихся его доверием представителей московской боярской аристократии. За 73 года функционирования управленческой структуры во главе ее побывало 8 чел., т. е. средний срок нахождения в должности составил 9 лет, самый высокий показатель для высших управленческих органов региона в течение всего изучаемого времени, обусловленный московской пропиской территориального приказа.

При преобладании в колонизационном потоке русских среди сибирских воевод XVII в. мы встречаем потомка крымских князей Ю.А. Сулешова, «ливонского немца» Д.А. Францбекова, англичанина А.А. Барнешлева (Вильгельм Бернслей) и т. д. Для этого времени характерно назначение на воеводские должности служилых людей по отечеству из Европейской России, присылаемых по московской разнарядке. Среди них можно выделить две основные категории: «репрессированные», для которых служба за Уралом являлась разновидностью ссылки (П.И. Барятинский, И.В. Траханиотов, Ф.И. Шереметев, А.И. Бахтияров-Ростовский, А.В. Голицын) и представители определенного круга дворянских фамилий, традиционно занимавших воеводские места в Сибири (Кольцовы-Масальские, Щербатовы, Барятинские и др.).

Деятельность воевод осуществлялась на основании специальных царских грамот и наказов. С учетом отдаленности территории и быстро меняющейся ситуации инструкции заканчивались универсальным клише, впервые воспроизведенном в наказе тарскому воеводе Ф.А. Елецкому в 1595 г.: «дела делать и смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государю прибыльнее». В компетенцию разрядных управленцев входило: организация походов для приведения в подданство аборигенов и сбор с них ясака, оборона городов, организация пашни и осуществление суда. В приграничных районах уездные воеводы организовывали сбор информации о «соседях» и осуществляли внешнеполитические функции. Пришедшие на смену воеводам губернаторы наделялись обширными полномочиями: управленческими, хозяйственными, финансовыми, военными, внешнеполитическими.

Характерной чертой сибирской управленческой элиты вплоть до начала XIX в. (реформы М.М. Сперанского) являлось ее вовлеченность в коррупцию, казнокрадство, а также административный произвол в условиях отдаленности региона и отсутствия эффективной системы контроля, сдержек и противовесов в отношении воевод и пришедших им на смену губернаторов. Основным средством пресечения злоупотребления местных администраторов являлись челобитные на них от городских общин в Тобольск и Москву. Воеводе вменялось в обязанность отправить прошение в Сибирский приказ, в случае необходимости сопроводив ее своим комментарием. Законным считался отказ общества подчиняться «плохому» управленцу, что оформлялось в виде отказной челобитной.

В XVIII в. срок службы сибирских воевод продлевается с двух до трех лет, а с 1760 г. – до пяти. Кадровый дефицит удовлетворялся и за счет перемещения высокопоставленных чиновников. Высшие должности провинциальных и городовых воевод «оказались в распоряжении отставных офицеров из природных российских дворян, которые быстрее всего выслуживали штаб-офицерские чины на военной службе. Военный чин, потомственный дворянский статус, продолжительные сроки воеводства делали таких дворян-чиновников в представлении населения полноправными хозяевами уезда, немногим отличавшимся от воевод XVII в.» [5, с. 258].

Во главе Сибирской губернии (1711–1780 гг.) побывало 10 чел., т. е. в среднем губернаторский срок ограничивался 7 годами. 18 лет гигантским краем управлял Д.И. Чичерин, чуть более

года – И.А. Шипов. Половина высших должностных лиц к моменту назначения уже служила в регионе, а Ф.И. Соймонов по делу А.П. Волынского был бит кнутом и выслан в Охотск (февраль-сентябрь 1741 г.). Трое из общей совокупности относились к родовитой аристократии и имели княжеские титулы, один происходил из боярского рода, все остальные являлись выходцами из дворян, служивших в армии, гвардии, на флоте и произведенные в бригадиры, генерал-майоры, контр-адмиралы. Трое за служебные злоупотребления в Сибири оказывались под следствием. Для двоих дело завершилось увольнением от должностей, князя М.П. Гагарина, растратившего 305 тыс. казенных денег, повесили в Петербурге. И в XVIII в. среди высокопоставленных чиновников Азиатской России была достаточно высокой доля иностранцев. Так, в числе 15 иркутских провинциальных воевод, вице губернаторов и губернаторов за 1724–1783 гг. их число составило 6 человек или 40 %. Среди них мы встречаем: Ланга Лоренца, родившегося предположительно в Стокгольме; выходца из Швеции В.В. Якоби; Вульфа Ивана, «нации польской пруса», капитана шведской армии, пленного; Фрауендорфа, фон Карла Львовича, из иноземных дворян; Бриля Адама Ивановича, из иноземных дворян; Кличку Франца Николаевича (Франтишек Миколаш), из чешских крестьян [6, с. 215–223].

Последняя по времени зачистка Сибири от коррупционеров и злоупотребляющих властью чиновников осуществляется М.М. Сперанским в ходе ревизии Сибирской губернии в 1819–1821 гг. Главным основанием для возбуждения 74 следственных дел являлось «лихоимство» в разных видах на общую сумму 2874 тыс. руб. Злоупотребления были столь существенны, что, по мнению ревизора, «всякий другой край, менее обильный, был бы подавлен ими совершенно». По итогам ревизии два губернатора, томский Д.В. Илличевский и иркутский Н.И. Трескин оказались под судом, а всего обвиняемых «по всем следствиям» набралось 680 чел. [7, с. 43].

Преемниками сибирских (тобольских) губернаторов с 1822 г. стали западно-сибирские (с 1882 г. Степные) и восточно-сибирские (с 1887 г. иркутские) генерал-губернаторы. Всего за 60 лет на посту западно-сибирского генерал-губернатора сменилось 9 чел., в среднем по 6,6 лет на каждого. Все они, за исключением князя П.Д. Горчакова, были выходцами из мелкопоместных дворян, окончили военные училища (кадетские корпуса) и к моменту назначения в Западную Сибирь имели воинское звание генерал-лейтенант. Военная ипостась западно-сибирских генерал-губернаторов определялась еще и тем, что они одновременно являлись наказными атаманами Сибирского казачьего войска (СКВ), командирами Отдельного Сибирского корпуса, а затем командующими Западно-Сибирского военного округа (1865–1882). Степные генерал-губернаторы одновременно являлись командующими войсками Омского военного округа (с 1899 г. Сибирского, с 1906 г. снова Омского) и наказными атаманами СКВ. Всего их до февраля 1917 г. было 6, на момент назначения находящихся в звании генерал-лейтенанта, командовавших кавалерийскими соединениями (дивизиями и корпусами).

Более пестрым выглядел генерал-губернаторский корпус в Восточной Сибири. Всего в 1822–1917 гг. на должности главного начальника края здесь побывало 19 чел. Средний срок пребывания составил 6 лет. За исключением троих (тайных советников А.С. Лавинского, Л.М. Князева, действительного статского советника А.И. Пильца) все остальные были генералами. Но, в отличие от Омска, среди них присутствовала значительная прослойка правоохранителей. В.Я. Руперт, А.И. Пантелеев, П.И. Кутайсов служили в жандармском ведомстве, Н.П. Синельников до Иркутска руководил всеми тюрьмами империи, А.П. Фредерикс был генерал-полицмейстером в Царстве Польском.

В 1884 г. из Восточно-сибирского генерал-губернаторства выделяется Приамурское. Всего до февраля 1917 г. во главе его находилось 6 чел., в том числе пятеро на момент назначения генерал-лейтенантов. В 1910 г. принимается решение о разделении военной и гражданской власти на

Дальнем востоке и первым гражданским генерал-губернатором назначается шталмейстер, бывший Тобольский и Томский губернатор Н.Л. Гондатти. Таким образом, с 1822 г. в Азиатской России на должностях генерал-губернаторов побывало 40 чел. К ним необходимо добавить еще троих Сибирских генерал-губернаторов – И.О. Селифонтова, И.Б. Пестеля и М.М. Сперанского. Общее количество главных начальников составило 43. Из них 7 гражданских и 36 военных.

Наиболее массовый слой управленцев анализируемого уровня в дореволюционный период представляли начальники губерний и областей. Всего тогда в Азиатской России работало 222 губернатора [8, с. 666–670]. Имеются установочные данные (годы жизни, время пребывания в должности, классные чины согласно «Табели о рангах» ко времени назначения и во время нахождения начальником губернии или области) на 218 из них. Некоторые из них управляли не одним территориально-административным образованием. Так, И.И. Крафт последовательно работал губернатором Якутской области, а затем Енисейской губернии; А.М. Корнилов – Иркутской и Тобольской губерний; И.К. Педашенко – Забайкальской области и Енисейской губернии; М.С. Корсаков – Забайкальской области, а затем возглавлял Восточно-Сибирское генерал-губернаторство; П.Ф. Унтербергер – Приморскую область и Приамурское генерал-губернаторство. О Н.Л. Гондатти говорилось выше. Таким образом, во главе губерний и областей региона в изучаемое время находилось 214 чел. На момент назначения их можно разделить на военных (генерал от инфантерии, генерал-лейтенанты, генерал-майоры, контр-адмиралы, бригадир, полковники) – 107 чел. и штатских (тайные советники, действительные статские советники, статские советники, надворные и коллежские советники) – 107 чел. Согласно «Табели о рангах» они распределились следующим образом: генерал от инфантерии (2-й класс) – 1, генерал-лейтенант (3 класс) – 21, контр-адмирал (4 класс) – 5, генерал-майор (4 класс) – 72, бригадир (5 класс) – 1, полковник (6 класс) – 7, тайный советник (3 класс) – 3, действительный статский советник (4 класс) – 75, статский советник (5 класс) – 31, коллежский советник (6 класс) – 2, надворный советник (7 класс) – 2. Как видим, ключевые позиции в губернаторском корпусе занимали генерал-майоры и действительные статские советники, на долю которых приходилось 68 % от общего числа представителей изучаемой совокупности.

Таким образом, в XVIII в. возраст руководителей территориально-административных образований в Азиатской России колебался в пределах 39–60 лет, в среднем они управляли в течение 7 лет. Примерно треть за злоупотребления и коррупцию оказывались под следствием. Генерал-губернаторы (1822–1917) имели возраст к моменту назначения 50–60 лет, находились в должности в среднем 6–6,6 года и являлись преимущественно военными в звании генерал-лейтенантов, имея за плечами богатый опыт военно-административной службы и участия в боевых действиях. Начальники губерний (1780–1917) вступали в должность в возрасте 34–65 лет, находились на ней в среднем 3,5 года. В течение XIX в. происходила замена преимущественно военных гражданскими чиновниками с высшим, в том числе юридическим образованием.

Список источников и литературы

1. *Ремнев А.В.* Сибирский вариант управленческой организации XIX–начала XX в. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 3. С. 36–45.

2. *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: организация и состав государственного аппарата. М., Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 408 с.

3. *Новая газета*. 2008. Июль. № 29.

4. *Попова Ю.В.* К возможности формирования гражданского общества в современной России // Вестник Омского ун-та. 2011. № 1. С. 215–220.

5. *Ананьев Д.А*. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск: Сова, 2005. 264 с.

6. *Власть в Сибири* XVI – начало XX века. Межархивный справочник. Новосибирск: МАСС-Медиа-Центр, 2002. 296 с.

7. *Дамешек И.Л.* Сибирские реформы М.М. Сперанского как проявление имперского регионализма // Государственные реформы М.М. Сперанского в исторической ретроспективе. Новосибирск: Сибирская академия гос. службы, 2005. С. 41–48.

8. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г., Матханова Н.П.* Губернаторы и генерал-губернаторы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 3. С. 666 - 671.

M.V. Shilovskiy

Tsarist autocracy's cadre policy towards the heads of territorial units of Asiatic Russia (late XVI - early XX centuries)

Summary. The paper considers selection and appointment policy carried out by the central authorities towards the heads of territorial units (voivodes, Governors-General and Governors) of Asiatic Russia from the beginning of Siberia's appropriation until the February 1917 Revolution. The author analyzes and compares in regard to each period of history (late XVI - early XVIII centuries; XVIII - early XIX centuries; 1822- February, 1917) such evaluation parameters of the regional senior level officials as the time of the assumption of office; education; social background; nationality; tenure of appointment; class ranks according to the «Table of Ranks» in order to reveal common patterns and specifics of historical periods and territorial belonging (Western Siberia, Eastern Siberia, Far East, the Steppe krai). Evolution of Russia's administrative system and its regional senior level officials are viewed from a rationalist perspective. The author analyzes transformation of the barely literate officialdom designed to obey orders from the Moscow and Saint-Petersburg chancelleries to a professional and educated bureaucracy acting in the public interest within the limits of its competence and legal authority.

Key words: Asiatic Russia, voivode, Governor-General, Governor, Table of Ranks, Governorate General, Governorate, Oblast.

УДК 929.731

А.А. Козлова

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ

Аннотация: В данной статье рассматривается система государственной власти, сформировавшаяся в России во второй четверти XVIII в. Оказавшись на престоле неожиданно не только для окружающих, но и для самой себя, Анна Иоанновна встала перед решением проблемы: какие органы управления наиболее оптимально позволят ей оформить систему эффективной политической власти и кто из государственных деятелей способен ей помочь? Статья посвящена рассмотрению системы государственных органов, созданных или восстановленных императрицей, а также тем государственным деятелям, которые фактически и осуществляли управление в десятилетнее правление Анны Иоанновны.

Ключевые слова: кондиции, Правительствующий Сенат, Верховный Тайный совет, верховники, кабинет министров, фавориты, временщики, абсолютизм.

Проблема государственной власти в нашей стране является актуальной для любого периода истории, поскольку управление государством зачастую осуществлялось и в наше время осуществляется не только государственными органами, институтами, но и отдельными людьми, чьи долж-

ности далеко не всегда соответствуют их влиянию на политику правителя и страны в целом. Таким образом, серьезной проблемой является вопрос: кто же в действительности принимает основные государственные решения и определяет государственную политику, а значит – кто несет ответственность за принятые правительственные решения.

XVIII в. начался с многочисленных преобразований Петра Великого, которые коснулись, конечно же, в значительной степени и системы управления государством, постепенно превращавшимся из религиозного в светское. К концу правления Петра I общество серьезно устало от экспериментов в различных областях жизни, поэтому наступил процесс переосмысления. Это же мы можем сказать и об административной сфере, которая так и не была приведена в единую и слаженную систему. Поэтому нерешенная задача должна была продолжить рассматриваться петровскими преемниками. Это было тем более сложным, что эти преемники зачастую были людьми на троне случайными, поэтому нуждались в делах управления в помощи, как отдельных советников, так и новых органов власти, которые они были вынуждены создавать. Е.В. Анисимов, на наш взгляд, справедливо пишет о том, что петровский корабль, потеряв своего царственного шкипера, несся по воле ветров, никем не управляемый [1, с. 162]. Теперь не было такого масштаба центральной государственной фигуры, вокруг которой вращался бы государственный механизм.

Целью данной работы является попытка выяснить особенности системы государственного управления, сложившейся в период царствования Анны Иоанновны. Исходя из этой цели, определились и хронологические рамки, совпадающие с годами правления данной императрицы, т.е. 1730–1740 гг., хотя, в некоторых аспектах придется обращаться и к периоду, наступившему сразу после смерти Петра I. Источниковой базой будут служить следующие источники: 1) законодательные акты аннинского царствования [2] и 2) источники личного происхождения (мемуары современников исследуемых событий) [3; 4; 5].

Изучением системы органов государственного управления занимались историки XIX в., в результате были изданы как обобщающие труды [6; 7], так и специальные работы [8], кроме того, большинство историков, писавших о развитии государства в целом, не могли обойти и тему органов управления страной [9].

Российская императрица Анна Иоанновна взошла на трон в 1730 г. при особых обстоятельствах, когда русская аристократия в лице Верховного тайного совета попыталась получить значительную часть власти. Верховники, фактически осуществлявшие управление страной начиная со времени царствования Екатерины I, посчитали, что пора получить и официальную власть и трансформировать еще не окрепший русский абсолютизм в олигархическую форму при номинальной правительнице, взяв при этом за образец политическую систему Швеции или Англии. Именно с этой целью они обратились к Курляндской герцогине, племяннице Петра I, приглашая ее на русский престол, но с определенными условиями, которые она должна была подписать. Кондиции предполагали серьезное ограничение прав государыни, причем как в вопросах управления страной (нельзя начать войну, заключать мир, жаловать чины выше полковничьих и т.д.), так и в личной жизни (запрет выходить замуж и иметь наследников). Авторам этого документа было совершенно очевидно, что далеко не все претенденты согласятся на подобные условия: они прекрасно ориентировались в той сложной финансовой ситуации, в которой оказалась герцогиня. Они представили свои кондиции как пожелания если не народа, то, по крайней мере, достаточно широких слоев населения. Кроме «верховников» ситуацией хотели воспользоваться и некоторые другие крупные сановники, предлагавшие свои планы политической реформы [10]. Анна согласилась на предложение, но сама ждала случая, как избавиться от кондиций, поэтому, ощутив поддержку части провинциального дворянства, обвинила верховников в обмане и аннулировала документ. Следующий шаг императрицы был вполне логичен: ликвидировать Верховный тайный совет, который состоял

из сторонников ограничения императорской власти, а затем наказать и самих его руководителей, обвинив в попытке государственного переворота. Остальные проекты обнародованы не были, но их общий смысл сводился к стремлению создать некий коллективный дворянский орган с целью государственного контроля.

Отказавшись от этого правительства, императрица должна была создавать новую систему управления. В качестве правящего органа новая императрица провозглашает Сенат, восстанавливая его права, делая его Правительственным, а затем заявляет, что будет править по законам своего великого дяди. Но полностью властные полномочия Сената будут восстановлены и даже расширены лишь с приходом к власти Елизаветы Петровны. Сенат от Анны Иоанновны получил наименование Правительствующего, а некоторые из бывших членов Верховного тайного совета даже были включены в его состав. Всего сенаторами был назначен 21 человек, которые и должны были осуществлять управление всеми основными сферами жизнедеятельности государства. Именно сюда поступали личные распоряжения императрицы, она периодически посещала заседания Сената, правда, с течением времени это происходило все реже.

1 июня 1730 г. был издан указ о разделении Правительствующего Сената на департаменты: 1) о духовных делах, 2) о военных, сухопутных и морских делах, 3) о Камер-коллегии делах, доходах и расходах государства, 4) о юстиции и челобитческих делах, 5) о купецких делах и Государственных заводах, фабриках и бергверках. Каждый департамент должен был состоять из четырех-пяти человек, которые в случае рассмотрения на заседании Сената вопросов, входивших в компетенцию их департамента, должны были представить доклад [2, т. 8, № 5570]. Цель декларировалась очень благородная, чтобы не было волокиты в делах, нужно было сначала рассмотреть компетентным людям, а затем уже представить остальным на рассмотрение. Фактически же разделение на департаменты при Анне не было осуществлено.

2 октября 1730 г. императрица создает при Сенате должности генерал-прокурора и обер-прокурора [2, т. 8, № 5625]. Основной задачей новых должностных лиц были борьба с лихоимством, взятками, казнокрадством и защита интересов обычных подданных государыни.

Как свидетельствуют «Журналы Правительствующего Сената», в первый год правления сенаторы время от времени отправлялись на доклады к государыне, но затем это стало происходить однажды в неделю по субботам. По приказу императрицы восстанавливаются взаимоотношения Сената и некоторых других органов власти: так, были восстановлены конференции Сената и Синода, отчеты представителей коллегий в случае необходимости, высказанной сенаторами.

Несколько позже, в 1731 г., Анна Иоанновна создает кабинет министров, состоявший из трех человек, при этом данный орган больше напоминает собрание ближайших советников, нежели официальный государственный орган власти. Фактически, этот орган власти, как и Сенат, был восстановлен, поскольку еще Петр I в 1704 г. создал кабинет Его Императорского Величества [7, с. 5]. Официальный указ о создании аннинского кабинета был издан 10 ноября, первоначально в него вошли канцлер граф Головкин, вице-канцлер граф Остерман, действительный тайный советник князь Черкасский [2, т. 8, № 5871]. После смерти Головкина его место последовательно занимали П.И. Ягужинский, затем последовательно А.П. Волынский и А.П. Бестужев-Рюмин. На заседания кабинета приглашались и другие должностные липа (Б.Х. Миних. А.И. Ушаков, князь А.И. Шаховский и др.) [12, с. 71]. Сначала официально было заявлено, что кабинет-министры будут заниматься работай секретарей, представляя государственные бумаги императрице, а также передавая ее пожелания и решения. Но поскольку мы говорим об абсолютной монархии, когда совершенно очевидно, что возрастание значения человека или органа власти целиком зависело от степени близости к правителю, то нужно отметить, что очень скоро полномочия этого органа власти серьезно расширились.

Кабинет министров был создан по инициативе А.И. Остермана, опытного государственного деятеля еще Петровского времени, прекрасно понимавшего и саму Анну, и степень ее потенциального участия в государственных делах. Выявить роль остальных членов достаточно проблематично, поскольку нет необходимых источников. Здесь, по всей видимости, уместно согласиться с Т.А. Беловой, которая утверждает, что из-за отсутствия стенограмм заседаний невозможно определить даже ход обсуждений отдельных вопросов, не говоря уже о личном вкладе каждого деятеля [11, с. 151]. А в 1735 г. кабинет министров становится верхушкой бюрократической пирамиды, поскольку получает право решать все государственные вопросы, без какого бы то ни было (даже формального) участия государыни, так как подписи кабинет-министров приравниваются к визе императрицы (так называемая функция промульгации). Указ об этом вышел 9 июня 1735 г. [2, т. 9, № 6745]. Налицо передача части полномочий и власти этому органу, в то же время зачастую он выполняет функции коллективного секретаря или канцелярии, способного разъяснить Анне Иоанновне какие-либо государственные вопросы, требовавшие длительного внимания и тщательного рассмотрения. Кабинет, конечно, был поставлен выше Сената и мог принимать решения самостоятельно как коллективный представитель власти императрицы, при этом не стоит думать, что государыня не следила за его деятельностью, она, безусловно, могла вмешаться в любой момент, хотя зачастую предпочитала этого не делать.

Кроме этих органов, продолжали свою деятельность коллегии, созданные Петром Великим. Однако и здесь произошли некоторые изменения. Так, согласно указу от 8 октября 1731 г., в одну коллегию объединили берг-коллегию, мануфактур-коллегию и коммерц-коллегию, а все дела решались в трех экспедициях: 1) к коммерции принадлежащие, 2) горные и минеральные, 3) фабрики и мануфактуры [2, т. 8, № 5860].

Но в аннинское правление были восстановлены некоторые из допетровских учреждений, отмененных императором. Одним из них был Сибирский приказ, воссозданный в 1733 г. с целью внимательного подхода ко всем вопросам, связанным с управлением Сибирью. Наряду с территориальными приказами, стали появляться и отраслевые: согласно указу от 22 июля 1730 г. были созданы судный и сыскной приказы (первый занимался судебными делами, причем должен был избегать такой проблемы, как волокита; а второй – должен был бороться с уголовными элементами, такими, как разбойники) [2, т. 8, № 5597]. Сохранялся Преображенский приказ, делами которого с 24 марта 1731 г. стал ведать генерал Ушаков. В условиях политического недовольства и усиления в ответ политического террора роль этого приказа стала очень значительна. Именно поэтому 6 апреля 1731 г. вышел новый указ об учреждении Канцелярии розыскных дел [2, т. 8, № 5738]. Ушаков оказался замечательным исполнителем: он зачастую сам участвовал в ведении следствия, а затем и в вынесении приговора. При этом фактически Ушаков подчинялся непосредственно императрице, а сам обладал значительными полномочиями. Дальнейшая эволюция этого учреждения связана с указом 12 августа 1732 г., когда канцелярия была разделена на собственно канцелярию, которая переводилась в Санкт-Петербург, и контору под управлением Салтыкова, которая оставалась в Москве [2, т. 8, № 6151]. С этого момента контроль над умами был обеспечен в обеих столицах, и никто теперь не мог уйти от «слова и дела» государыни.

Кроме того, в управлении государством принимают участие не только органы власти, но и отдельные люди. Поскольку речь идет об абсолютной монархии, нельзя не отметить такой институт, как фаворитизм, который в XVIII в. имеет в России особое значение, в том числе в связи с «женским» периодом управления страной. В своих письмах леди Рондо пишет о том, что кто-то попал в милость, а кто-то, наоборот, впал в несчастье [5], при этом жена посланника воспринимает этот факт как некую данность, которая характерна не только для русского двора, но и для европейских тоже. Во время царствования Анны Иоанновны, по мнению всех историков, значительное

влияние на государственные дела оказывал Эрнст Иоганн Бирон. Несмотря на отсутствие официальных должностей, значение его недооценить сложно, хотя кажется преувеличением присвоение его имени периоду правления Анны. Кроме Бирона, велико было влияние Остермана, а его авторитет в вопросах внешней политики был практически непререкаем. Кроме того, периодически появлялись и другие влиятельные сановники, например, А.П. Волынский. Леди Рондо указывает на особое расположение императрицы к графу Миниху, который не составляет конкуренцию Бирону, но очень уважаем и имеет значительное влияние [5]. Такое мнение, скорее всего, справедливо, поскольку Миних имел звание фельдмаршала и был главой вооруженных сил, а зная о его участии в дворцовом перевороте в пользу Анны Леопольдовны, можно утверждать, что это очень честолюбивый человек, готовый вести собственную игру и при дворе, и в политике государства.

В результате становится очевидным, что управление государством при Анне Иоанновне относится ко времени уже достаточно развитой абсолютной монархии, когда существование того или иного органа власти, а также степень его влияния на государственную политику целиком зависело от государя и степени близости к нему, именно этим объясняется, что зачастую люди, не имевшие постов, влияли на государственную политику гораздо сильнее, чем официальные лица.

Придя к власти, императрица попыталась взять за образец правления петровскую эпоху, именно поэтому она наделила значительной властью Сенат, но столкнулась с тем, что такая система управления предполагает серьезное личное участие правителя. Тогда-то и появился новый орган – кабинет министров, который со временем получал все больше власти, но это не означало ограничение влияния государыни, а было обычной промульгацией. Нужно также отметить, что и сама императрица, и ее фаворит периодически вмешивались в управление, когда считали это необходимым, что говорит об особой системе власти, основанной на официальных органах власти, а также на деятельности личностей, имевших влияние на правителя.

Список источников и литературы

1. *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725-1740. СПб.: Лениздат. 1994. 496 с.

2. *ПСЗ РИ-I*

3. *Записки фельдмаршала графа Миниха.* СПб.: типография Безобразова и компании, 1874. 397 с.

4. *Записки дюка Лирийского и Бервикского* во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля Испанского. СПб.: Гутенбергова типография, 1845. 223 с.

5. *Письма леди Рондо,* супруги английского министра при российском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://e-libra.ru/read/231439-pisma-ledi-rondo.html

6. *История Правительствующего Сената за 200 лет.* СПб.: Сенатская типография, 1911. Т. 1. 736 с.

7. *200-летие кабинета его Императорского Величества.* СПб.: товарищество Гомикс и Вильбор, 1911. 794 с.

8. *Готье Ю.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.: типография Лисснера и Совко, 1913. 474 с.

9. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т.19–20 / Отв. ред.: Копцова В.В. М.: Голос; Колокол-Пресс, 1999. 781 с.

10. *Козлова А.А.* Вступление на престол русской императрицы Анны Иоанновны // Вестник Омского университета. 2013. №3. С. 70-74.

11. *Белова Т.А.* Государственная служба в высших и центральных органах власти России (первая половина XVIII века). Омск: Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, 2014. 220 с.

12. *Ерошкин Н.П.* История государственных органов государственных учреждений дореволюционной России. М.: «Высшая школа», 1968. 368 с.

A.A. Kozlova

The government authority in the reign of Empress Anna Ioanovna

Summary. This article discusses the system of government that emerged in Russia in the second quarter of XVIII century. Once on the throne, unexpectedly, not only for others but for herself, Anna Ioanovna stood before the solution to the problem: what controls are optimally enable it to issue an effective system of political power and government leaders who are capable of to help her. The article considers the system of state bodies established or restored by the Empress, and the statesmen who actually manages the ten-year reign of Anna Ioanovna.

Key words: condition, the Governing Senate, the Supreme Privy Council, Supreme Privy Council, the Cabinet, favorites, temporary worker, absolutism.

УДК 347.99

Р.Г. Саражина

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Аннотация. Анализируются особенности системы судоустройства в регионе, анализируется кадровый состав основных судебных учреждений, реконструируются условия труда судейских чиновников в рамках анализа проблемы повышения доверия у населения к судебным учреждениям.

Ключевые слова: имперская политика, судебные органы, кадровая политика, «образ» суда.

Сибирь в последней четверти XVIII в. являлась самым обширным окраинным регионом Российской империи. Слабая заселенность, преобладание русского населения над коренным, отличный от европейской части страны сословный состав – все это придавало Сибири специфические черты среди других окраин Российской империи. Поэтому проблема включения региона в общее политико-правовое поле с коренными регионами страны стояла особенно остро, а проблема функционирования органов государственной власти на окраинах империи превращалась в важный аспект имперской политики.

Объект исследования – судебная система в Западной Сибири в последней четверти XVIII в. Методологическая основа представлена новейшими интерпретациями теорий модернизации и институционализма. Применялись системно-исторический и микроисторический подходы, структурный и функциональный методы.

По мере расширения Российского государства и включения в него новых областей перед центральным правительством стояла непростая задача: распространять ли на вновь присоединённые территории общеимперские государственные институты или сосредоточить управление регионом в особых, учитывающих его особенности, органах власти. Проблема эта затрагивала не только учреждение административно-хозяйственных и финансовых институтов власти, но и полицейских и судебных учреждений, поскольку, как писала Екатерина II в именном указе от 18 июля 1762 г.: «Наше главное попечение будет изыскивать все средства к утверждению правосудия в народе, которое есть первое от Бога Нам преданное святым его писанием повеление…» [1, с. 68].

Если в XVII – первой половине XVIII в. управление Сибирью сосредотачивалось в особом учреждении – Сибирском приказе, который ведал, в том числе, и судебными вопросами, то уже во второй половине XVIII в. в имперской политике стали доминировать идеи унификации и централизации управления в стране. Так, в 1763 г. был ликвидирован Сибирский приказ, и Сибирская

губерния стала подчиняться центральным учреждениям на общих основаниях. В переписке с Вольтером в мае 1767 г. императрица отмечала необходимость введения таких законов, которые бы, действуя на территории всего государства, способствовали не только объединению страны в рамках одного правового поля, но и служили мощным интеграционным фактором, способствующим включению периферийных областей в единую империю: «Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы, и для Азии, какое различие климата, жителей, привычек, понятий! Я теперь в Азии и вижу все своими глазами. Здесь 20 различных народов, один на другого не похожих. Однако ж необходимо сшить каждому приличное платье. Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять» [2, с. 359]. В итоге, в 1780-х гг. на Сибирь были распространены общеимперские «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. [3, т. 21. № 15327].

Подробно не останавливаясь на основных положениях реформы, отметим только её судебную составляющую. Согласно «Учреждению» для каждого сословия на каждом уровне местного аппарата управления создавались особые судебные органы: верхний земский суд (в губернии) и уездный суд (в уезде) – для дворян, губернский магистрат (в губернии) и городовые магистраты и ратуши (в уезде) – для купцов и мещан, верхняя (в области) и нижняя (в уезде) расправы – для крестьян. Создавались и общесословные суды: палаты гражданского и уголовного суда (в губернии), которые являлись апелляционно-ревизионными инстанциями для сословных судов, и совестные суды (в областях), в компетентность которых входило рассмотрение «особых» дел. Службу в новых учреждениях должны были нести назначаемые от правительства чиновники и выборные от сословий заседатели [3, т. 20. № 14392].

Стремясь распространить на территорию Сибири общие узаконения, императрица понимала, что необходимо учитывать специфику региона. В результате, вследствие отсутствия дворянских имений в Сибири не учреждались уездный и верхний земские суды, для «людей разного звания, не подлежащих ведомству магистратов или расправ» в Тобольске были открыты, как в столичных городах, надворные суды; ратуши в Сибири создавались не только в заштатных посадах, но и в небольших штатных уездных городах. Таким образом, в Западной Сибири, в Тобольском наместничестве, в 1782 г. были открыты следующие судебные учреждения: палаты гражданского и уголовного суда, верхний и нижний надворные суды и губернский магистрат, находившиеся в Тобольске, 2 совестных суда и 2 верхние расправы (в Тобольске и Томске), 9 городовых магистратов (в Тобольске, Тюмени, Туринске, Таре, Томске, Туруханске, Омске, Нарыме, Енисейске) и 7 ратуш (в Ялуторовске, Кургане, Ишиме, Сургуте, Берёзове, Каинске, Ачинске), 13 нижних расправ (в Туринске, Таре, Омске, Берёзове, Тюмени, Ялуторовске, Кургане, Ишиме, Сургуте, Енисейске, Туруханске, Нарыме и Каинске) [3, т. 44. № 15334].

Однако в рамках имперской политики важно было не только разработать оптимальную систему судоустройства в регионе, постепенно внедряя в неё модернизационные элементы, но и решать задачи, связанные с укомплектованием новых судебных институтов кадрами. Правительство решало эту проблему двумя способами: привлечением чиновников из европейской части страны и расширением основ выборной службы. Анализ кадрового состава основных судебных учреждений Тобольского наместничества: Тобольских гражданской и уголовной палат, Тобольских верхнего и нижнего надворных судов, Тобольского совестного суда, Тобольского губернского магистрата, Тобольской верхней расправы, позволил нам сделать вывод о том, что на главные должности упомянутых судебных институтов назначались, в основном, дворяне из европейской части страны. До назначения в судебные учреждения они занимали должности в воеводской администрации, а ранее отличались на военной службе. Значительным опытом службы в судебном ведомстве чиновники не отличались [4, ф. 341, оп .1, д. 63, л. 11–101]. Так, в 1780–1790-х Тобольские палаты граждан-

ского и уголовного суда возглавляли титулярный советник Мирон Мартинович Черкашенинов и коллежский советник кн. Егор Юрьевич Ратиев. Черкашенинов, председатель палаты уголовного суда, начал службу солдатом в Ингермаландском пехотном полку в 1740 г.; дослужившись к 1752 г. до чина капитана, он продолжил службу в гражданском ведомстве, занимая должность воеводы сначала в Берёзове, затем в Якутске. В 1770 г. Черкашенинов служил в Тобольской губернской канцелярии, а с открытием Тобольского наместничества был определён на должность председателя Тобольской палаты уголовного суда [4, ф. 360, оп. 1, д. 9, л. 254 об. – 255]. Занимавший в 1789–1795 гг. должность председателя палаты гражданского суда князь Егор Юрьевич Ратиев начал службу в 1738 г. с обучения кадетом в шляхетском корпусе, в 1746–1751 гг. служил юнкером в Коллегии иностранных дел, в 1751–1761 гг. в Грузинском гусарском полку. В 1769 г. вступил в службу в Сибирский корпус, участвовал в подавлении Пугачёвского восстания, в 1776 г., оставив воинскую службу, занимал должность коменданта Тюмени. После открытия Тобольского наместничества назначен советником наместнического правления, в 1786 г. определён советником в Тобольскую палату гражданского суда, став в 1789 г. её председателем [4, ф. 341, оп. 1, д. 63, л. 90–92].

В силу того, что высшие судебные должности в регионе занимали чиновники, не имевшие опыта службы в судебных учреждениях, большую роль приобретала квалификация секретарей и канцелярских служащих, истинных вершителей правосудия. При назначении на должность этой категории чиновников правительством принималось во внимание наличие опыта службы в судебных учреждениях. Так, секретарь Тобольской палаты гражданского суда, провинциальный секретарь Пётр Алексеевич Тархов поступил на службу писцом в 1761 г. в правленную палату Московской типографии, затем находился при содержании прихода и расхода книжной казны. В 1778 г. был командирован в Сибирскую губернию в комиссию по заготовлению провианта и фуража, в 1784 г. был назначен в верхнюю расправу для приведения в порядок дел, а в 1785 г. определен на службу в палату гражданского суда, уже будучи знаком со спецификой делопроизводства в судебных органах [4, ф. 341, оп. 1, д. 63, л. 29, 79 об. – 80, 99, 101].

Проблему нехватки кадров правительство Екатерины II пыталось решить и с помощью института сословных заседателей. Последние избирались в сословные судебные учреждения (губернские и городовые магистраты и ратуши, верхние и нижние расправы) из местных жителей один раз в три года. Выборы судебных заседателей принимали вид дела государственной важности: граждане должны были ознакомиться с избирательными процедурами (соответствующие статьи зачитывались вслух на собрании), побывать в церкви на молебне и присягнуть на беспристрастность своего выбора. При выборе кандидатов на должности принимались во внимание имущественный, территориальный, возрастной цензы и моральная устойчивость [5, ф. 50, оп. 1, д. 657, л. 5]. Так, крестьяне Тюменской округи клялись выбирать заседателей «по чистой совести, без пристрастия и собственной корысти, ещё меньше по дружбе и вражде … такого, который признается способнейшим и чистой совести и от которого, я надеюсь, что он в возлагаемом на него сем общем деле, окажет себя верным рабом Его Императорского Величества, усердным сыном Отечества и поселянином ревнительным об общем благе…» [6, ф. И-10, оп. 1, д. 2081, л. 48]. К кандидатам на должность сословных заседателей от крестьян выдвигались следующие требования: «поведение хорошее», «имеющих дом и землю, женатых, не бывалых в наказаниях, подозрениях, ябедах и явного порока не имеющих, доброго и незазорного поведения, не моложе 30 лет» [6, ф. И-10, оп. 1, д. 4146, л. 3, 5 об.]. При выборе заседателей от купечества руководствовались следующими требованиями: «действительно дом или дом и торг, или дом и ремесло, или дом и промысел в городе имеющим; в штрафах, подозрениях и явных пороках не бывалых; добрые, совестные и незазорного поведения» [6, ф. И-10, оп. 1, д. 4146, л. 3, 5 об.]. Осуществление общественных должностей вменялось в обязанность всем гражданам, независимо от их национальной и религиозной принад-

лежности. Так, в Томский городовой магистрат в 1785 г. в ратманы был выбран бухарец [5, ф. 50, оп. 1, д. 657, л. 4 об.]. Таким образом, введение института сословных заседателей способствовало не только решению проблемы кадрового обеспечения судебных учреждений, но и, с помощью выборной службы и «суда равных», приближало суд к населению, способствовало повышению доверия к нему.

Решение проблемы повышения публичного статуса судей и судебных учреждений, достижения доверия к ним со стороны населения – являлось одним из основных направлений имперской политики в отношении судебной системы в Западной Сибири. Правительство не только обеспечивало судебные учреждения необходимыми атрибутами власти, законодательными актами для ведения судопроизводства, необходимой мебелью, но и символическими знаками духовного и правового характера, демонстрировавшими, что судебная деятельность является богоугодным и верноподданным делом, направленным на «благо» общества и его граждан. Так, в 1782 г. в палату Тобольского уголовного суда были доставлены: судейский стол с шести ящиками, трёхгранное зерцало с вырезанным орлом, чернильницы, кресло для председателя из чёрной кожи, столы для советников и асессоров, секретаря и протоколиста со стульями, медные подсвечники, законодательные акты (текст «Уложения» 1775 г. на русском и татарском языках, указы: воинский, морской, о корчемстве, о соли и вине; регламенты: адмиралтейский, генеральный и духовный, регламенты коммерц -, берг -, ревизион-коллегий, таможенный устав, инструкции: конного полку, о ревизии; Табель о рангах, наказ комиссии, городовое положение, форму для сбора пошлин, указные книги с 1714 по 1766) шкаф с отворными дверцами, образ знамения Святой Богородицы. А в течение нескольких лет имущество Тобольской палаты уголовного суда пополнилось ещё тремя атрибутами духовного характера: двумя медными створчатыми образами Пресвятой Богородицы и образом Преподобного Тихона [4, ф. 360, оп. 1, д. 9, л. 6 об., 28]. Светская и религиозная тематика перекликались и в тексте присяги, носившей не только формальный, но и своего рода сакральный характер и осуществлявшейся с участием священнослужителей: «Аз нижеименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хощу и должен … верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться не щадя живота своего до последней капли крови и все, что высокому Его Императорского Величества Самодержавству силе и власти принадлежащие права и прерогативы… предостерегать и оборонять притом по крайней мере стараться и поспешествовать Ее Императорскому Величеству верной службе и пользе государственной … инструкции, указы, регламенты надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти свойства дружбы, ни вражды противно должности своей и присяге не поступать…» [5, ф. 50, оп. 1, д. 1093, л. 4–5]. Следует отметить, что должностные лица мусульманского вероисповедания приносили клятвенное обещание на русском и татарском языках с клятвой на Коране. К присяге их приводил мулла [6, ф. И-10, оп. 1, д. 2081, л. 16–36]. Священнослужители определялись в судебные учреждения Западной Сибири и «для увещевания преступников». С помощью проповедей священников государство надеялось, что преступники «в своих преступлениях раскаются и пред судом сами добровольно признание сделают». Так, с 1789 г. по 1791 г. от духовной консистории для «увещевания преступников» по всем присутственным местам г. Тобольска служил священник Градотобольской Благовещенской церкви Дмитрий Сафонов [4, ф. И-156, оп. 4, д. 1004, л. 2–10 об.].

Главным средством повышения доверия к новым органам судебной власти могло стать только эффективное, с точки зрения населения, функционирование судебной системы. Правительство пыталось улучшить систему судопроизводства правовой регламентацией служебной деятельности. Законом прописывались не только штатное расписание, денежное жалованье и порядок отстранения от должности, но и внешний вид чиновников.

Наглядным выражением принадлежности к государственной службе была форменная одежда, в особенности главный ее элемент – мундир. Мундиры должны были служить отличием для чиновников, выделять их из состава населения империи. Именно лёгкость распознания принадлежности к государственному аппарату должна была ограждать чиновников от посягательств на их честь и достоинство и дисциплинировать их. В 1784 г. Екатерина II разделила всю территорию страны на три полосы (северная, средняя и полуденная), связав цвет мундира с расположенностью губернии. Так, Тобольское наместничество было отнесено к губерниям северной полосы, его чиновникам надлежало носить светло-синие кафтаны с палевыми бархатными лацканами, воротниками и разрезными обшлагами, с пятью по разрезу пуговицами, такого же цвета подбоем и камзолом с белыми пуговицами [3, т. 22, № 15975]. Мундиры чиновников, положительно отличившихся на службе, украшались наградами. Екатерина II продолжила петровскую традицию награждения орденами и учредила новый орден для штатских чиновников. В ознаменования 20-летия коронования императрица учредила орден святого равноапостольного князя Владимира. Орден давали «за ревностную и усердную службу, прилежание, труды и беспорочность в отправлении должности» тем, кто «отличился особливым радением в деле, им вверенном, продолжительным прилежанием, искусством в порученной части и способностию личною, делом доказанною, либо же полезным общему добру советом по делам, к которым призваны», либо за 35-летнюю службу в классных чинах [7, с. 728] . Устанавливалось четыре степени ордена. Он давал своим кавалерам преимущества в рангах и публичных местах, а также в размере пенсии. Списки отличившихся чиновников для представления к ордену должны были поступать ежегодно к 8 сентября с описанием поведения и дел. В 1795 г. орденом Св. Владимира 3-й степени был награждён председатель Тобольской палаты гражданского суда Е.Ю. Ратиев [4, ф. 341, оп. 1, д. 63, л. 90–92]. В 1791 г. такой же орден 4-й степени получил судья Тобольского совестного суда Я.Я. Павлуцкий [4, ф. 341, оп. 1, д. 63, л. 107].

Для эффективного осуществления правосудия необходимо было также создать для чиновников благоприятные условия труда. Численность чиновников, их должности, размер денежного содержания предусматривались штатным расписанием. Следует отметить, что именно стабильностью выплат жалованья Екатерина II стремилась добиться эффективности государственного аппарата (с 1764 г. все чиновники стали получать денежное жалованье). Согласно штатам 1782 г. государственное жалованье распределялось следующим образом: председатели палат уголовного и гражданского суда получали по 800 руб.; советники палат и судья совестного суда, губернский прокурор, председатели верхней расправы – по 600 руб.; асессоры палат, губернские стряпчие, советники и прокурор верхнего надворного суда, председатели и прокурор губернского магистрата, председатели верхней расправы, председатели нижнего надворного суда – по 300–360 руб.; асессоры верхнего надворного суда, стряпчие при губернских и областных учреждениях, расправные судьи – по 250 руб.; секретари во всех губернских и уездных учреждениях – по 200 руб.; уездные стряпчие – по 150 руб. [8, с. 189–190] Менее обеспечены среди чиновников были канцелярские служащие: они работали по вольному найму, штатами определялись лишь их число и общая сумма на их содержание. Причем при распределении среди них жалованья руководствовались указом от 15 декабря 1763 г.: «хотя по учинённым штатам в каждом месте число людей и на них годовая сумма положена, но как часто бывает из канцелярских служителей один другого способнее и прилежнее в делах, то и должны … смотря по трудам и достоинству канцелярским нижним служителям жалованье производить разным образом и по количеству дел прибавить или убавить, только б никогда положенной штатной суммы не превосходило…». Так, канцелярист Тюменской нижней расправы получал в 1791 г. 80 руб., подканцелярист – 60 руб., копиисты – по 40 руб. [6, ф. И-30, оп. 1, д. 58, л. 3]. Бедственное положение канцелярских служащих приводило к распространению

взяточничества, и даже казнокрадства. Так, копиист В.И. Серебрянников в 1787 г. был предан суду Тобольской палаты уголовного суда за кражу «из стоящего в судебной каморе столового ящика казённых денег – 9 руб. 26 коп.» [4, ф. 341, оп. 1, д. 159, л. 65] А копиист Е. Иванов в 1785 г. был приговорён к принудительным работам и понижением в должности за вынос из совестного суда двух казённых подсвечников [9, с. 291].

Что касается пребывания чиновников на службе, то ещё в 1739 г. был установлен распорядок рабочего дня: ежедневно, кроме субботы, воскресенья и праздничных дней, они были обязаны находиться в присутствии с 7 утра до 14 час., а в необходимых случаях – дополнительно от 16 до 19 часов; срочная работа выполнялась по ночам в присутственном месте или дома. Прокуроры или секретари вели учёт посещаемости, а также опозданий служащих. Продолжительный рабочий день компенсировался большим числом неприсутственных дней. Например, в 1797 г. было всего 220 рабочих дней, что составляло в среднем 18 дней в месяц [10, с. 166].

Что касается увольнения со службы, то к прошению оставить службу досрочно необходимо было приложить удостоверение медицинской конторы о неспособности выполнять обязанности по состоянию здоровья [5, ф. 3, оп. 2, д. 940, л. 64]. Смещение судьи до истечения срока полномочий осуществлялось в конце XVIII в. на основании приговора уголовной палаты, компетентной разбирать дела о должностных преступлениях [3, т. 21, № 15565].

Итак, изучение обстановки, в которой осуществлялась правоприменительная деятельность, и анализ условий труда чиновников судебных учреждений Западной Сибири в последней четверти XVIII в. свидетельствуют о том, что правительство было обеспокоено проблемой презентации судебной власти на местах. Заботясь о повышении эффективности функционирования судебных институтов, государству приходилось решать задачи, связанные с повышением доверия к судебным органам со стороны населения. Это представлялось возможным, в первую очередь, с помощью визуализации права. Эффективному решению судебных дел должны были способствовать и условия службы чиновников. Так, на протяжении всего исследуемого периода правительство стремилось создать благоприятные условия труда для служащих. Поощряя достойных и способных и наказывая нерадивых чиновников, правительство стремилось следить за соблюдением трудовой дисциплины.

Таким образом, реорганизация судебной системы в Западной Сибири в последней четверти XVIII в. и меры, направленные на повышение ее эффективности, являлись частью более широкой имперской политики по интеграции региона в общероссийское политико-правовое и судебно-административное пространство. В имперской политике в отношении судебной системы в Западной Сибири в последней четверти XVIII в. можно выделить несколько направлений: разработку оптимальной для региона системы судебных учреждений, решение кадровых вопросов с целью обеспечения судебных институтов чиновниками и формирование «образа» суда, вызывающего доверие со стороны населения. В результате того, что на имперскую политику оказывали влияние факторы социально-экономического и политического развития страны, базовые недостатки в управлении регионом, на протяжении XIX в. судебная система в Западной Сибири еще не раз подверглась реформированию.

Список источников и литературы

1. *Омельченко О.А.* К истории судебной политики «просвещённого абсолютизма» в России // Вопросы истории права и правовой политики в эксплуататорском государстве : сб. науч. труд. / Отв. ред. И.А. Исаев. М.: ВЮЗИ. 1989. С. 69–108.

2. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. (ПСЗ РИ – I). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

4. *ГУТО ГАТ*

5. *ГАТО*

6. *ГАТюмО*.

7. *Новицкая Т.Е.* Государственная служба // Законодательство Екатерины II: в 2 т. / Отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М.: Юридическая литература, 2000. Т. 1. 1056 с.

8. *Акишин М.О.* Судебные учреждения Тобольского наместничества (структура XVI–XX вв.: // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков: Материалы третьей научной конференции. Новосибирск: НГАЭиУ, 1998. С. 179–191.

9. *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в Российской империи во II половине XVIII–I половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Изд-во Челябинского института (филиала) ФГОУ ВПО «Уральская Академия государственной службы», 2008. 606 с.

10. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX.): в 2 т. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. 583 с.

R.G. Sarazhina

Judicial system in Western Siberia in Imperial policy in the last quarter of the eighteenth century

Summary. Describes the peculiarity of the judicial system in the region, analysis staff component of the main judicial institutions, the reconstructed working conditions of judicial officers in the analysis of the problem of increasing confidence of the population to judicial institutions.

Key words: imperial policy, judicial agencies, human resources policy, «image» of court of justice.

УДК 34

В.А. Воропанов

О РОЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ СОСЛОВИЙ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В ТОБОЛЬСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ В КОНЦЕ XVIII В.

Аннотация. В статье анализируется новая практика замещения должности «судьи» в Российской империи в судах губернского и уездного звеньев – верхних и нижних расправах, а также в уездной полицейской администрации – нижних земских судах, опыт правоприменительной деятельности лиц, избранных крестьянскими и туземными общинами, а также отношение населения к реформированным органам «официального правосудия» и, как, следствие, эффективность судебно-правовых преобразований Екатерины II на примере Тобольского наместничества. Новизна исследования заключается в вовлечении в научный оборот ранее не использовавшихся материалов делопроизводственной документации местных государственных органов конца XVIII в., дающих представление об особенностях не только реализации избирательного законодательства, но и деятельности судов, созданных в ходе реформы местного управления 1775–1785 гг., их роли в регулировании общественных отношений на территории Западной Сибири и эффективности судебно-правовых преобразований Екатерины II. Выводы, сделанные автором, не только опровергают мнение о бесполезности судебной реформы 1775–1785 гг., но и позволяют оценить методы, способы и

результаты усилий верховной власти по укреплению баланса общественных отношений – межсословных и межэтнических, как в Тобольском наместничестве, так и в Российской империи в целом.

Ключевые слова: Российская империя, реформы, право, правосудие, судебная система, сословные выборы, судебное представительство, правовая культура, общественное управление.

Вопросы о реализации института сельских заседателей в судах общей подсудности второго и первого звеньев – верхних и нижних расправах, и уездных полицейских администрациях – нижних земских судах, относятся к числу неизученных [1; 2]. Между тем оценки их деятельности в научной литературе до сих пор носили исключительно негативный характер. Целью статьи является исследование специфики участия представителей части населения, организованной в «низшие» или «сельские» сословия и объективно составлявшей наиболее массовую часть подданных, в деятельности по осуществлению правосудия на территории Тобольского наместничества (1783– 1796 гг.).

Объектом данного исследования является судебная система Российской империи в конце XVIII в., предметом – особенности реализации института судебных представителей, учреждённого в 1775 г., на территории Тобольского наместничества. Для решения поставленных задач автором применялись общие и специальные методы познания, присущие кругу гуманитарных наук – философской, юридической, исторической, социологической.

Екатерина II стремилась укрепить сословную организацию русских подданных и компенсировать их различие в правоспособности устойчивостью сословных статусов, гарантированных системой правосудия. В 1775–1785 гг. судебно-административные преобразования планомерно охватили территорию империи. Социальные противоречия, копившиеся в областях Поволжья, Урала и Западной Сибири, получили выход в Пугачёвском «бунте», однако неоднозначное отношение населения к пережитому опыту социального взрыва проявилось с началом реализации реформы местного управления и проведения выборов кандидатов на государственные должности в судах и администрациях. В осуществлении правосудия в судах общей подсудности второго и первого звеньев только в Тобольском наместничестве по штатам, утверждённым Екатериной II, потребовалось занять 72 представителя. В составы коллегий нижних земских судов следовало избирать ещё 32 лица. Должность сельского заседателя в судах и администрациях исполнялась 3 года. Ряд нововведений на территории Тобольского наместничества был продолжен учреждением в 1782 г. волостных судов, ставшим первым опытом по созданию в империи унифицированной системы сельского выборного управления [3, с. 12].

Области колонизуемой Западной Сибири отличались объективной неравномерностью социально-экономического развития. При этом важно отметить, что её население увеличивалось уже преимущественно за счёт не переселений, а повышенного естественного прироста [4, с. 133]. За Уралом продолжались формирование крестьянской общины и инкорпорация институтов мирского самоуправления в систему местного управления. Отстаивая коллективные интересы, население стремилось заручиться поддержкой органов государственной власти. Так, 15 декабря 1776 г. староста Тимофей Панфилов и «лутчие люди» Покровской слободы Тюменской округи провели сход и подписали приговор о том, что «выбрали из своей братии крестьян Степана Свистунова, Василья Поспелова ибо они состояния добраго и неподозрительные коим ехать в город Тобольск к его высокопревосходительству господину генерал порутчику лейб гвардии премьер майору Чичерину Денису Ивановичу и со всей покорностию просить о народских разных потребностях» [5, ф. И-10, оп. 1, д. 637, л. 1].

Органы государственного управления, в частности, способствовали становлению волости как «хозяйственного и общественного союза», налаживали попечительную работу её органов. Так,

в мае 1785 г. староста и выборный верхнего стана Троицкой волости Тюменского уезда дали дворянскому заседателю нижнего земского суда расписку о согласии его жителей «к продовольствию той волости неимущих и обремененных малолетними детми поселян». Для раздачи нуждавшимся в нижний земский суд были переданы 40 четвертей хлеба на сумму 137 рублей 40 копеек [5, ф. И-10, оп. 1, д. 642, л. 1]. Развитие опекунских функций, отмечает Н.Г. Суворова, стало прямым следствием особенностей генезиса волостного «общества» в Сибири: искусственности административно-территориальных границ, социальной, культурно-бытовой, этнической и религиозной разобщённости, подвижности населения, наличия неполноправных членов из числа ссыльнопоселенцев, препятствовавших складыванию его организации [6, с. 14, 17, 23].

Крестьяне, связанные устойчивыми социальными отношениями, ответственно подходили к выбору кандидатов на должности [7, с. 29]. Важно отметить, что законодатель распространил единые требования по отбору лиц на все уровни публичной службы. Реформатор системы волостного управления в Западной Сибири включил в состав волостных судов писарей, сформулировав, в свою очередь, ряд требований к отбору лиц на должность, существенно влиявшую на работу органа низшей администрации. В 1786 г. Тобольское наместническое правление запретило нанимать их «из наказанных и всякого доверия лишенных людей», однако Тобольский нижний земский суд рапортовал о невозможности соблюсти указ из-за объективной нехватки «вольных и порядочных людей» и добился разрешения назначать делопроизводителей из числа поселенцев (крестьян других волостей, мещан, отставных низших воинских чинов и государственных гражданских служащих) при условии их одобрения «миром» и согласия нижнего земского суда. Процедура избрания и утверждения кандидата на должность писаря демонстрировали его представительный характер и зависимость от органа самоуправления – волостного схода [8, с. 287–288].

Наёмные служащие покидали должности как по требованию уездных органов власти, так и в связи с отказом им нанимателями в продлении договоров. Так, жители Созоновской волости Тюменского уезда, уволив «пищика» М. Молчанова («по неисправности ево»), заключили 24 октября 1792 г. новый договор с тюменским сыном боярским И. Маркеевым, в котором, в частности, записали: «…Дал сей договор в том, что быть мне Маркееву в Созоновском волостном суде у производства разных текущих дел и по насылаемым ис Тюменскаго нижнего земского суда повелениям чинить скорое исполнение равно и требуемые разные ведомости отправлять без промедления времени; также в разных шнуровых книгах приход и расход как денежной казны равно и получетверной хлеб записывать без упущения от вышеписанного числа впредь один год и за ту бытность получать мне Маркееву в год шездесят рублей; в число онаго количества брать по заслужении каждой трети, квартиру иметь, отводимую от общества не требуя за онуя с меня денег…» [5, ф. И-10, оп. 1, д. 2121, л. 1–2].

В сентябре 1786 г. Тюменский нижний земский суд уведомил население уезда о необходимости сменить составы коллегий волостных судов, вновь избрав кандидатов на должности «из сельских жителей действительно дом и землю женатых детей имеющих в наказаниях подозрениях ябедах и явных пороках не бывалых но добраго и незазорнаго поведения и не моложе тридцати лет» [5, д. 648, л. 3 об]. Общественные приговоры засвидетельствовали стремление избирателей наделить полномочиями волостных «судей» деловых и нравственных земляков. Так, 28 сентября избиратели Липинской волости Тюменского уезда подписали «рапорт» о том, что выдвинули на должности «судей» волостного суда «из самых лутчих крестьян и ямщиков 18 человек ис которых по балтированию выбрали самых лутчих первостатейных крестьян а именно в старосты Дмитрея Тихонова Пелымского Ивана Семенова Снигирева в выборные Петра Михеева Зырянова Алексея Матвеева Родивилова Осипа Никофорова Снигирева из ямщиков Михаила Алексеева Шешукова» [5, ф. И-10, оп. 1, д. 1983, л. 10].

Соответственно. лиц, не справлявшихся с возложенными на них служебными обязанностями, избиратели увольняли. как, например, в 1788 г. в Яровском волостном суде, где крестьяне досрочно сменили старосту и выборного. «Также выборный Иван Суботин, – засвидетельствовали, в частности, представители общины, – в волостном суде не очередуеца и к подушному збору с поселян никакого старания не прикладывает и не толко не стараеца… но ничуть не исправляет» [5, ф. И-10, оп. 1, д. 1983, л. 14–14 об.].

Коллективную ответственность за выбор кандидатов и их деятельность несли юртовые татары. Так, в феврале 1790 г. жители Тюменской округи доложили о выдвижении 15 кандидатов на должности сельских начальников («людей поведения хорошева, неподозрительных женатых домы имеющих и хлебопашество производящих»), подтвердив: «И кто из них по выболтированию опекуном изберетца оного быть утверждаем в чем и подписуемся». За неграмотных делегатов подписи под текстом «клятвенного обещания» поставил сельский заседатель нижнего земского суда из татар [5, ф. И-10, оп. 1, д. 804, л. 10, 25 об.].

Лица, лишённые доверия сообщественников, утрачивали полномочия. Так, в феврале 1796 г. жители 9 селений Яровской волости сообщили в Тюменский нижний земский суд о необходимости уволить с должности Аиткула Енбаева, выходца из Шикчинских юрт, на том основании, что «по касающимся до него по маловажным делам между ясашными татарами на словах разбору учинить не может; и никому никакого удовлетворения не выполняет; равно и по насланным из Тюменскаго нижнего земскаго суда указам никакаго исполнения не учиняет», возвращаясь из Тюмени «пересказать или объяснить обществу ничего не может ибо он почти мало знает русскаго языка» [5, ф. И-10, оп. 1, д, 804, л. 34–36 об.]. В апреле 1796 г. сельский заседатель Абдахман Тажбулатов рапортовал о переизбрании «опекуна» татарами Кречетинской и Ланбинской волостей. Назар Уразметев, подтвердили жители, «дом, землю, женат, детей имеющей в штрафах подозрениях ябедах и явных пороках не бывалой но добраго и порядочного поведения грамоте читать и писать на татарском диалекте умеющей». После утверждения в должности Н. Уразметев получил служебную инструкцию – «наставление», и копии указов, связанных с его статусом [5, ф. И-10, оп. 1, д. 804, л. 37–40].

Житель Есаульских юрт Муса Уразаев прослужил «опекуном» 8 лет, однако, по свидетельству сообщественников, его поведение со временем изменилось в худшую сторону. В заявлении от 10 марта 1799 г. татары сообщили: «…Начал обращатца в пьянстве и чинить нам в пьяном образе разбирательства по приносимым ему других людей на ясашных татар в одолжениях, причинять нам предобиждении и утеснении всяческии нас скверною матерною бранью ругает; и с честными нашей братии людьми обхождения не имеет, и по нашему махометанскому закону в воскресныя дни и бываемыя богомолия о здравии великаго государя никогда в мечети не ходит, и в тогдашнее время бывает в пьянстве; и за таковыми ево препятственными словами и вящими нас предобиждениями более в подчинении у него под командой быть уже не желаем». Провести проверку Тюменский нижний земский суд поручил старшине Тюменской и Ялуторовской округ Муллабаку Кучакову. Уполномоченный опросил обывателей 9 селений (Акушевских, Андреевских, Ембаевских, Есаульских, Больших и Малых Катаринских, Мулашевских, Тураевских и Шикчинских юрт), убедился в настроениях народа и собрал подписи о согласии провести внеочередные выборы. На смену М. Уразаева был избран Б. Кобяшев, житель Андреевских юрт. Избиратели гарантировали: «…Состояния и поведения добраго и трезваго и лица незазорнаго, которой указное повеление, и между нами в распоряжении быть во всегдашнее время исправным может». М. Уразаев выразил согласие со сменой в должности.

11 апреля старшина М. Кучаков подал в Тюменский нижний земский суд рапорт, переведённый «с татарскаго на руской диалект», в котором дополнительно информировал уездные вла-

сти о получении им «добровольнаго одобрения» населением своей кандидатуры, пояснив: «…Нахожусь при них старшиною у збору ясака в казну, и при разбирателствах их между собою спорных случаев весма по самой справедливоости обид и притеснениев никому безвинно непричиняю и обиденных защищаю и за таковыя мои добрыя поведении и порядочныя поступки впредь от сего времяни у збора яска в казну и старшиною быть у них неотреченно желают» [5, ф. И-10, оп. 1, д. 806, л. 1–15].

Жители регулярно участвовали в выборах кандидатов на государственные должности. В июле – августе 1788 г. Тюменский нижний земский суд уведомил население округи о завершении трёхлетнего цикла службы по выборам и предписал выдвинуть на сходах («з должным благоустройством и тихостию») делегатов для участия в новых уездных выборах. Органы волостной администрации провели собрания избирателей и рапортовали об исполнении указа суда. Так, Липчинский волостной суд сообщил, что жители избрали «по чистой совести человека добраго к той должности способнаго а именно Осипа Иванова Пелымскаго», Устьницынский волостной суд подтвердил, что Ф.Д. Воронин «действительно дом и землю в Устьницинской слободе имеет женат и детей имеющей в наказаниях подозрениях ябедах и явных пороках не бывалой и незазорного поведения и не моложе тридцети лет». Жители Фоминской волости отметили в характеристике другой важный критерий – наличие у И.И. Кабынина «отца и двух братовей».

Жители татарских юрт («лутчие люди», «есашной народ») избрали 6 поверенных («которые выбраны от семейства дом земли имеют женаты и детей имеют в наказаниях подозрениях ябедах и явных пороках не бывали и незазорнаго поведения и каждой не моложе тритцати лет»), включая Таута Аиппакова, исполнявшего должность заседателя и по общему признанию добросовестно отработавшего три года в нижнем земском суде.

Таким образом, в Тюмень к 27 августа явились 27 представителей сельских общин. Русских избирателей до голосования привели к присяге в соборной церкви, татар – посредством муллы в нижнем земском суде. Грамотными оказались двое крестьян из 21 (Х.П. Ермаков, П.О. Парфёнов) и трое татар из шести (А. Енбаев, Р. Карамышев, А. Кондюков). Кандидатами на должности членов коллегии нижнего земского суда стали крестьянин Тюменской городовой волости П.О. Парфёнов и ясачный татарин А. Кондюков, нижней расправы – крестьяне Балдинской волости С.А. Корноухов, Переваловской волости А.П. Новосёлов, Червишевской волости Х.П. Ермаков и ясачный татарин М. Шабин. В Тобольск для участия в выборах кандидатов на должности «судей» губернского звена был отправлен экономический крестьянин Г.И. Балашёв [5, ф. И-10, оп. 1,
д. 2081, л. 1–3 об., 11–25, 33–39]. Замещение должностей в судах и органах полицейской администрации представителями туземного населения возобновлялось систематически [5, ф. И-142, оп. 1, д. 4, л, 1; д. 12, л. 11 об., 27 об.; д. 17, л. 2 об.].

В то же время в «ясачных» уездах Тобольского наместничества «эксперты» из числа государственных служащих предлагали организовать публичное разбирательство наиболее важных гражданских дел старшинами под председательством служилых людей – сибирских дворян, детей боярских или казачьих начальников, с письменным оформлением решений судов в качестве первого этапа интеграции хантов и манси в правовую систему Российской империи и подготовки их к участию в уездных выборах [9, ф. 24, оп. 1, д. 60, л. 210].

Сибиряки привычно искали защиты личного достоинства и имущественных прав со стороны государственных органов. Так, 23 июля 1762 г. «челобитную» с описанием обстоятельств преступления подал в Тюменскую воеводскую канцелярию «захребетный» татарин Б. Азанов, просивший: «…Дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение в Тюменской воеводской канцелярии принять а в битии жены моей и сына вышепока-

занного Багычанова и жену ево допросить а ежели в том будут чинить запирателство то на обличение их по улике имею представить вышеписанных десятника Булатова и бухаретинца Сафарова во свидетелство». 28 октября 1763 г. в ту же канцелярию поступило прошение крестьянки Ф. Устюжаниной, обвинившей разночинца А.И. Мещерякова в «напрасном» битье плетью, его жену – в ругательствах «всякою непотребною бранию». Во время побоев потерпевшая выронила ценные вещи: серебряные серьги, перстень и кольцо на сумму 1 рубль 7 копеек. «И дабы повелено было оного Мещерякова и жену ево в Тюменскую воеводскую канцелярию сыскат и в стегани плетю и в брани меня рабы вашей допросить и ежели будут чинит запирателство то имею при суде обявит свидетелей», – просила истица [10, с. 512–513, 517].

Судебно-административная реформа, очевидно, усилила систему правовой защиты населения. Так, в ноябре 1788 г. жалобу крестьянина Ф. Пушникова об оскорблении и угрозе насилия последовательно рассмотрели в волостном, нижнем земском судах и, наконец, в Тюменской нижней расправе. Нижняя расправа предписала органам уездной и волостной администрации поставить подозреваемого под «особое наикрепчайшее наблюдение», не допуская его «ни до каких дурных поступок», «а естли хотя мало в чем окажется тоб немедленно представлен был к законному суждению» [5, ф. И-142, оп. 1, д. 49, л. 1–2].

Судьи судов первого звена выносили решения о дальнейшей судьбе лиц, совершивших уголовно-наказуемые деяния. На рассмотрение нижних расправ поступали дела со смешанным составом подсудимых: мещан, крестьян, татар, казаков [5, ф. И-142, оп. 1, д. 4, л. 2–2 об., 4]. Среди фигурантов дел регулярно оказывались лица, подсудные нижнему надворному суду. Согласно документам – «журналам» и «протоколам», судьи обосновывали каждую часть своих решений.

Так, в январе 1796 г. Ишимская нижняя расправа, рассмотрев дело о краже дворовым человеком шубы, оценённой в 80 рублей 20 копеек, во-первых, установила юридический статус калмыка В. Степанова, купленного около 1773 г. в Петропавловской крепости и в соответствии с действующим законодательством подлежавшего освобождению от личной зависимости на основании указа Сената от 19 ноября 1756 г. [11, т. XIV. № 10654], и согласилась с законностью и обоснованностью решения военного суда в отношении его владельца – подпоручика А. Нилова («оставить на положении воинского суда»). Расправа также выяснила, что подсудимый был уступлен подпоручику И. Нилову мещанином И. Палчиковым до уплаты им долга с нарушением статей 250 главы X и 116 главы XX Соборного уложения, именного указа от 13 февраля 1720 г. и указа Сената от 17 февраля 1775 г. о передаче крепостных людей во временное владение [11, т. VI, № 3521; т. XX, № 14253], подпавшим, однако, под действие амнистирующего манифеста от 2 сентября 1793 г. [11, т. XXIII, № 17149, п. 9]. Расправа постановила наказать подсудимого за кражу телесно на основании статьи 9 главы XXI Соборного уложения (без членовредительства) и указа от 12 ноября 1721 г. [11, т. VI, № 3847] и отдать в работы на казённый винокуренный завод вплоть до выплаты «пошлин», предусмотренных указом от 29 июня 1698 г. [11, т. III, № 1635], предоставив подпоручику И. Нилову разрешать долговой вопрос с мещанином И. Палчиковым в магистрате («где надлежит особо») [5, ф. И-111, оп. 1, д. 12, л. 1–6].

18 августа того же года Ишимская нижняя расправа вынесла решение по делу о хищении крестьянского имущества Е. Ивановым и К. Нехорошевым, бежавшими с казённого Екатерининского винокуренного завода. Беглых людей по просьбе потерпевшего обыватели задержали и доставили в Абацкий волостной суд. Нижняя расправа установила, что Е. Иванов, 42 лет, родом из Псковской губернии, подвергся телесному наказанию и ссылке в работу за кражу лошадей. К. Нехорошев, 66 лет, родом из Воронежской губернии, был также сослан на поселение по делу, связанному с кражей лошадей, но не подвергался телесному наказанию. Суд приговорил первого подсудимого на основании указа от 12 ноября 1721 г. к возвращению на завод, второго, в соответ-

ствии с указами от 3 апреля 1781 г. и 1 августа 1782 г. [11, т. XXI, № 15147, п. 7, № 15483], к передаче в работный дом: К. Нехорошеву предстояло заработать 3 рубля 18 копеек в пользу работного дома, 16,25 копеек в пользу истца и 28,5 копеек в доход государства. Заявление истцом об утрате остального имущества («зипун серой суконной новой в три рубли, топор в пятнадцать копеек, да денег семдесят копеек») суд признал ложным («истцу Бажину в достальном иску семидесяти копейках, в чем воры не винились, по сходствие Уложеной 21-й главы 23-й статьи отказать, и с тово излишне приписного иску в силе обявленнаго 7206-го года указа взять с него Бажина в казну трех алтынных пошлин шесть копеек с половиной»). Наконец, суд распорядился продать бесхозяйный чугунный горшок с публичных торгов и выслать материалы по делу в суд второй инстанции («подлинное дело с положением вышеписанного мнения по описи взнесть на приговор в Тобольской верхней надворной суд»). В губернский центр были отправлены подсудимые, казённое и частное имущество («по реестру») [5, ф. И-111, оп. 1, д. 12, л. 53–57].

17 сентября Ишимская нижняя расправа вынесла решение по делу о беглых драгунах А. Краснопееве и И. Погорелове, происходивших из иркутских государственных крестьян и взятых рекрутами в 1785 и 1782 гг. Беглецы прошли без «письменных видов» из Оренбургской губернии, но добровольно явились в Абацкий волостной суд. В ходе следствия суд установил, что дезертиры не совершали преступлений («будучи в побеге никаких краж и протчих злодеяний не чинивали»), пропитание брали в деревнях за деньги, пользовались собственными вещами. Согласно артикулу 96 Устава воинского подсудимым грозило тяжкое телесное наказание, не исключая провод сквозь строй с битьём шпицрутенами, и возврат в службу [11, т. V, № 3006]. Суд учёл явку дезертиров и квалифицировал преступление как «неважное», направив приговор на основании указа Сената от 21 января 1792 г. [11, т. XXIII, № 17016] правителю на «конфирмацию» [5, ф. И-111, оп. 1, д. 12, л. 58–59 об.].

Наряду с прочими Ишимская нижняя расправа разбирала преступления, совершённые в семейно-бытовой сфере, а также против морали и нравственности. Так, 27 июня 1796 г. расправа признала виновной в покушении на самоубийство («поколотии ею самой себя в горло ножем») крестьянки М.С. Сторожевой, 19 лет. В предварительном расследовании приняли участие сельский заседатель нижнего земского суда, лекарь, священник, волостной староста. Члены семьи сообщили, что причиной инцидента стали мелкие семейные конфликты. Жители показали, что названная семья «состояния добраго также сын Сторожева з женою жили согласно и как он так отец и мать ево той женке притеснения и изгонений не чинили». М.С. Сторожева с показаниями свидетелей согласилась. Суд постановил («соображаясь с законами Ишимская нижняя расправа мнением полагает»), что подсудимая «таковую смерть себе причинить вознамерилась сама собою безо всякаго от кого либо мучения и досады… По силе воинской 19 главы 164 артикула толкования и морского устава 5-й книги 115-й главы 117-го артикула надлежит учинить ей Сергеевой наказание по молодости ее лет плетми, и как она по повальному от жителей обыску одобрена, то по сходствие Соборнаго уложения 21-й главы 29-й статьи оставить в прежнем с мужем жительстве, со взятием о нечинении впредь таковых преступлений поручной записи». Документы по делу при описи были отправлены в Тобольскую верхнюю расправу [5, ф. И-111, оп. 1, д.12, л. 49–50].

Уже 28 июня расправа рассматривала дело крестьянки Ф. Алексеевой, обвинённой в покушении на убийство мужа («в резании ею мужа своего Алексея Завьялова»). Предварительное расследование провели судьи Утчанского волостного суда. «Женка Фекла Алексеева показала с начала выходу за означеннаго Завьялова в замужество хотя мужа и любила, но не зная от чего будучи в тоже и скучливости по молодым летам имела всегда намерение себя предать смерти», – записал делопроизводитель. Во время выхода в поле Ф. Алексеева покушалась на самоубийство, однако, не справившись с задуманным, пыталась нанести рану мужу, сбежавшему от неё. Наконец,

Ф. Алексеева окончательно «испужавшись пришла в робость» и «хотела утопитца в озере». Подлекарь, осмотревший раны потерпевшего, сообщил волостному суду: «Левой руки между болшим и указателным палцами разрезано на вершок, а на голове темя разсечено в длину также на вершок, которыя раны зажили и палцами имеет владение». Повальный обыск не выявил оснований для предъявления претензий к членам семьи подсудимой. Приходской священник подтвердил регулярное посещение членами семьи подсудимой исповеди и святого причастия. А. Завьялов показал, что жил с женой «в согласии и любви и ничего ко вредности запримечено не было», выразив согласие вновь принять её в дом. «И соображаясь с законами Ишимская нижняя расправа мнением полагает», – подытожил «протокол» суда: Ф. Алексеева после взятия «поручной записи» о впредь законопослушном поведении подлежала наказанию плетьми («по молодости лет ее»). Подсудимую вместе с делом выслали в Тобольск [5, ф. И-111, оп. 1, д. 12, л. 51–52 об.].

Иным оказался приговор, вынесенный судом 17 октября М. Кокушекиной, обвинявшийся в побегах с места жительства, прелюбодеянии, угрозах убийством членам семьи мужа и попытках поджога дома. Согласно статье 228 главы X, статьям 8 и 13 главы XXII Соборного уложения подсудимой следовало назначить высшую меру наказания, в соответствии с указом Сената от 22 января 1757 г. – подвергнуть битью кнутом и сослать на поселение в Нерчинск [11, т. XIV, № 10686] («по неодобрению ее в повальном обыске»). Суд назначил наказания всем соучастникам преступлений: крестьянам В. Горлову и М. Привалову за хищение, А. Парыгину – за хранение краденого имущества. М. Игнатьев и Е. Мельников за прелюбодеяние подлежали в соответствии с «докладными пунктами» Святейшего Синода, утверждёнными 12 апреля 1722 г., подсудности духовного суда [11, т. VI, № 3963, п. 16]. Подсудимую отправили в Тобольск. В отношении остальных фигурантов суд постановил: «…Как они к телесному наказанию не осуждаются впредь до резолюции отпустить в жителство их и земскому суду велеть оных отдать на поруки и никуда от домов не отлучаться» [5, ф. И-111, оп. 1, д. 12, л. 68–74 об.].

15 февраля того же года суд назначил наказание не только крестьянке М. Логиновой за «блуд» в виде содержания в «смирительном доме» в соответствии со статьей 263 Устава благочиния [11, т. XXI, № 15379], но и крестьянину А. Дубинкину за «свод», усиленное по усмотрению судей применением статьи 25 главы XXII Соборного уложения, предусматривавшей битье кнутом («ко взятию пени как уже ошелмованного человека и присудить разправа резону ненаходит»). По делу о беглом мушкетёре Ишимская нижняя расправа вступила в переписку с Петропавловской комендантской канцелярией [5, ф. И-111, оп. 1, д. 12, л. 18–18 об.].

Дела о несовершеннолетних лицах, причастных к совершению преступлений, Ишимская нижняя расправа передавала на основании статьи 399 Учреждений о губерниях в Тобольский совестный суд [5, ф. И-111, оп. 1, д. 12, л. 67]. В 1796 г. решения Ишимской нижней расправы подписывали судья Фёдор Садников, заседатели Алексей Бражников, Гурий Дабшинский и Денис Никитин [5, ф. И-111, оп. 1, д. 12, л. 28, 56 об., 74 об. и др.].

Суды участвовали в контроле за деятельностью органов низших администраций. Так, в октябре 1785 г. Тюменская нижняя расправа, получив «промеморию» Курганской нижней расправы, постановила взыскать штраф с заводского начальства за проживание на его территории лиц без письменных видов [5, ф. И-142, оп. 1, д. 12, л. 13–15]. В марте 1789 г. Тюменская нижняя расправа осуществила проверку приходо-расходных книг, ведшихся в волостных судах, затребовав в уездный центр наряду с финансовыми документами старост [5, ф. И-142, оп. 1, д. 3, л. 2].

Суды следили за реализацией государственных монополий. Так, в августе 1784 г. Тюменская нижняя расправа распорядилась взыскать с ответчика денежный долг за продажу «казенных питей», вызвав свидетелей и проведя очные ставки [5, ф. И-142, оп. 1, д. 12, л. 11–11об.]. В свою очередь. судебное представительство, очевидно, облегчало ответчикам по делам отстаивать в суде

свои права и законные интересы в споре с государством. Указом от 14 декабря 1784 г. № 1131 Тюменская нижняя расправа распорядилась «бывшаго в селе Зырянском у продажи казенных питей посиделца Степана Конушина сыскать и недонесенные им за проданныя питья в казну денги сто шестдесят девять рублей восемдесят семь копеек с половиной с самого ево из собственнаго имения а по не состоянию с выборщиков кто ево к той должности удостаивал непременно взыскать и прислать во оную расправу для отсылки в уездное казначейство». Нижний земский суд командировал дворянского заседателя для описи имущества ответчика, городовой магистрат прислал оценщиков. Однако отставной сержант В. Герасимов выяснил, что, со слов С. Конушина и жителей, выступивших свидетелями по делу, в документ о выдаче вина и приёме денег, необоснованно отобранном и удерживавшемся винным приставом сыном боярским Загурским или канцеляристом Старковым, были внесены исправления («в том листу чищено и в приеме ево вина приписано излишно а в приеме денег уменшено»). Ответчик заявил о категорическом несогласии с решением Тюменской нижней расправы («по таковому обстоятельству без листа и без всякого по оному счету платить невинен», «таковым решением дела почитаетца недоволен») [5, ф. И-142, оп. 1, д. 34, л. 1–2].

Судебные представители исполняли важную роль в прекращении поземельных споров и защите прав на другую коллективную собственность [5, ф. И-10, оп. 1, д. 903, 905, 907, 908, 911– 949 и др.; ф. И-30, оп. 1, д. 2, 7; 5, ф. И-142, оп. 1, д. 43; ф. 364, оп. 1, д. 51 и т.д.]. Так, например, только в 1793 г. в производстве Тюменского нижнего земского суда находились несколько дел по спорам о праве владения и пользования рыбными ловлями: Тавдинский волостной суд переслал при рапорте прошение крестьянина К. Богданова о защите прав владения рыбными ловлями на условиях оброка; о праве владения спорили крестьяне деревень Миятой, Девятковой и Андрюшиной, ссылаясь на длительное пользование рекой; «бухарцы», служилые и ясачные татары Мулашевских и Шикчинских юрт (150 «тяглых душ») настаивали на соблюдении срочного договора арендатором их коллективной собственности – служилым казаком М. Акушевым, получившим рыбные ловли за сумму в 50 рублей («из оброку в ползу народскую») [5, ф. И-10, оп. 1, д. 914, л. 1–5].

В соответствии с законодательством суды не только охраняли процессуальные права ответчиков, но и учитывали их хозяйственные интересы, совпадавшие с материальными интересами государства. Так, 18 октября 1796 г. Ишимская нижняя расправа, в частности, отказалась вызвать по иску купца Самсонова 9 крестьян с места жительства: «Домы их могут остаца пусты и скотина без призрения а чрез то и могут притъти в крайнее раззорение в разсуждении чего отправкою их удержатца и оставить при домах их и о том земскому суду к сведению отписать указом» [5, ф. И-10, оп. 1, д. 12, л. 92 об.].

Наконец, расправы осуществляли иные виды правоохранительной деятельности, как свидетельствуют источники – в пользу лиц разных сословий. Так, «книга учиненная в Тюменской нижней расправе для записки собираемых с писма всяких купчих и закладных крепостей пошлинным деньгам 1786-го года генваря с 1-го числа» к июню включала 7 записей: за нотариальное удостоверение («крепость») договоров купли-продажи мещанской женой В. Коншиной мещанину Я. Белокашину дома «с подворным и огородным местом» были взяты 3 рубля 60 копеек, бухарцем Б. Абраимовым отставному секунд-майору И. Черкасову каракалпака Б. Таимасова – 9 рублей 63,75 копеек, крестьянином А. Тонких священнику Вознесенской церкви Невотчикову «горницы с сараем и со всем огородным местом» – 4 рубля 62,5 копейки, дворовым человеком премьер-майора Угримова С. Угримовым солдату штатной городовой команды М. Ашкину «дома со всем строением» – 1 рубль 61 копейка, и завещания («духовной») мещанина А. Хворостова всей собственности – «движимого и недвижимого имения», своей жене – 8 рублей 4 копейки [5, ф. И-142, оп. 1, д. 12, л. 28–29 об.].

Оставляя должности, представители сословий проявляли заинтересованность в получении отзывов начальства, предусмотренных законодательством. Так, в октябре 1785 г. заседатель Тобольской верхней расправы А. Гребешков ходатайствовал «о награждении ево за добропорядочную бытность во оном на основании высочайшего Учреждения о управлении губерний аттестатом». Наместническое правление официально подтвердило, что крестьянин А. Гребешков исполнял обязанности «добропорядочно в штрафах и подозрениях не бы-вал из отпусков обратно являлся на указной срок приход и выход имел в назначенное по генеральному регламенту время» [5, ф. И-10, оп. 1, д. 637, л. 5–6].

Местная администрация стремилась распространить политику интеграции на глубокую периферию вплоть до народов, проживавших на берегах Тихого океана, разыскивая туземцев в лесах и тундре для привлечения их представителей к участию в работе государственных органов, обстоятельно разъясняя коренным народам как, например, корякам или чукчам цели и значение законодательных актов верховной власти, проводимых реформ и, в частности, преимущества судов сословной подсудности перед судом воевод. Меры, предпринимавшиеся против самовольного отъезда представителей туземного населения («старшин») с мест службы, ограничивались их формальным увольнением с должностей и лишением пассивного избирательного права. В качестве приоритетных задач органы власти рассматривали обучение туземцев русскому языку и распространение среди них грамотности [9, ф. 24, оп. 1, д. 62/2, л. 106 – 108 об., 153–156].

Развитие системы общественного управления в Тобольском наместничестве путём примерного учреждения волостных судов как типовых органов существенно компенсировало территориальную, хозяйственную и культурную разобщённость его жителей. В номенклатуру должностей, замещавшихся при участии сходов обывателей, реформатор последовательно включил писаря, ответственного за поддержание регулярной связи крестьянской общины («мира») с государственными органами. Законодатель закрепил право на автономию для этносоциальных групп, однако выборы кандидатов для замещения должностей сословных представителей в верхних и нижних расправах и нижних земских судах способствовали консолидации интересов всего населения Азиатской части России – Сибири. Избиратели, ведшие оседлый образ жизни, безусловно, выполняли требования правительственной администрации по отбору «кадров» на государственные должности, позволяя, в частности, систематически воспроизводить представительство в судах и уездных администрациях коренных жителей.

Взаимодействие сельских, волостных, уездных и губернских органов власти способствовало повышению эффективности системы государственного управления и укреплению системы правосудия. Выборные лица полноценно включились в правоохранительную и правоприменительную работу в волостных и нижних земских судах, нижних и верхних расправах, разделяя ответственность за соблюдение всех норм законодательства и обеспечивая, прежде всего, реализацию и защиту интересов государства, а также разрешая коллективные споры о правах владения и собственности, способствуя укреплению правового порядка, установленного верховной властью. Нотариальная деятельность нижних расправ была направлена на удовлетворение потребностей разных сословий, проживавших за Уралом. Исполнители должностей сельских заседателей стремились закрепить новый личный статус, получив одобрительные отзывы губернского начальства – «аттестаты».

Законодатель стремился искусственно привлечь к сотрудничеству в государственных органах представителей коренных народов, мигрировавших на огромных просторах тайги и тундры, способствуя расширению этнокультурных контактов, развитию общественных отношений и систематическому укреплению политического влияния России в Сибири.

Список источников и литературы

1. *Воропанов В.А.* О деятельности судебных представителей сельских сословий на Урале в конце XVIII века // Вопросы истории. 2015. № 9. С. 64–80.

2. *Воропанов В.А.* О деятельности судебных представителей сельских сословий в уездах Русского Севера в конце XVIII века // Genesis: исторические исследования. 2015. № 2. С. 104–120.

3. *Рабцевич В.В.* Крестьянская община как орган управления сибирской деревни в 80-х годах XVIII - первой половине XIX века // Крестьяне Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма: межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. пед. ин-т ; отв. ред. Е.И. Соловьёва. Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ин-та, 1980. С. 3–27.

4. *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1973. 440 с.

5. *ГАТюмО*

6. *Суворова Н.Г.* Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII – первой половине 60-х гг. XIX вв. (организация, функции, правовая регламентация): Автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 1997. 25 с.

7. *Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В.* Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 2003. 384 с.

8. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Волостной писарь: слуга двух господ или хозяин сибирской деревни // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. ст. / Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского; под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 282–311.

9. *РГАДА*

10. *Трофимова О.В.* Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг. Кн. 2: Памятники тюменской деловой письменности: из фондов Государственного архива Тюменской области / М-во образования РФ, Тюменский гос. ун-т. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2002. 828 с.

11. *ПСЗ РИ- I*

V.A. Voropanov

About the role of representatives of rural estates in the sphere of implementation of justice in the Tobolsk namestnichestvo at the end of the XVIII century

Summary. The article analyses new practice of replacement of a position of «judge» in the Russian Empire in courts of provincial and district links – the top and lower punishments, and also in district police administration – the lower territorial courts, experience of law-enforcement activity of the faces chosen country and native communities, and also the population attitude to the re-formed bodies of «official justice» and as, a result, efficiency of judicial and legal transformations of Catherine II on the example of the Tobolsk namestnichestvo. The novelty of research consists in the involvement in a scientific turn of earlier not used materials of office work documentation of the local government bodies of the end of the XVIII century giving an idea of features not only realization of electoral laws, but also the activity of the courts created during reform of local management of 1775-1785. their roles in regulation of the public relations in the territory of Western Siberia and efficiency of judicial and legal transformations of Catherine II. The conclusions drawn by the author not only disprove opinion on uselessness of judicial reform of 1775-1785, but also allow to es-timate methods, ways and results of efforts of the Supreme power on strengthening of balance of the public relations – interclass and interethnic, both in the Tobolsk namestnichestvo, and in the Russian Empire in general.

Key words: Russian Empire, reforms, right, justice, judicial system, class elections, judicial representation, legal culture, public management.

УДК 94 (47)

С.В. Любичанковский, С.В. Джунджузов

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАЛМЫКОВ В ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ (1740–1750-Е ГГ.)

Аннотация. В статье показано, что оренбургские калмыки добровольно переселились на Южный Урал, отказались от подданства калмыцким ханам и вошли в состав Оренбургского казачьего войска. Они не являлись объектом миссионерской деятельности РПЦ. Обряд крещения оренбургским калмыкам служил правовой гарантией от принудительного возвращения к их бывшим владельцам. Далекими от понимания своей новой религии они оставались и после перехода в православие. Детей оренбургских калмыков не принуждали к получению образования в русских школах. Оренбургская военная администрация заботилась лишь о том, чтобы казаки-калмыки исправно исполняли воинскую повинность. Как и калмыков Ставропольского войска, их обеспечили земельными наделами на специально отведенной территории. Но, в отличие от первых, их не принуждали к занятию земледелием, они редко и в небольшом количестве сдавали в аренду свои земельные угодья, довольствуясь доходами от скотоводства. Переселение оренбургских (бузулукских) калмыков в Новолинейный район предполагало полное разрушение привычного жизненного уклада и утрату этнической обособленности, обеспечивавшуюся компактным проживанием в отведенной местности. На начальном этапе поселение крещеных калмыков имело монархическую форму правления и организационно-правовое устройство, копировавшее государственные порядки Волжского ханства. О высокой степени автономии нового поселения свидетельствовала его передача в ведение КИД. В то же время Империя стремилась максимально ограничить связи крещеных калмыков с их некрещеными единородцами и через учреждение должности ставропольского коменданта устанавливала за ними тотальный контроль.

Ключевые слова: крещеные калмыки, христианизация, Оренбургский край, И.И. Неплюев, Оренбургское казачье войско.

Безлюдный Оренбургский край, основанный в 1744 г., остро нуждался в населении. До 1749 г. в Оренбурге разрешалось селиться только калмыкам, продолжавшим исповедовать буддизм [1, с. 87–92]. Российские власти считали их язычниками и идолопоклонниками. Калмыки, менявшие вероисповедание и проходившие обряд крещения, отправлялись на жительство в Ставропольское войско. За три с половиной года (с 1745 г. по 1749 г.) обряд крещения в Оренбурге прошли 52 калмыка – 29 лиц мужского пола и 23 – женского. Всем им за единичным исключением предписывалось «по восприятии жительство иметь в Ставрополе» или «по крещении в Ставрополь к прочим таковым же калмыкам прислать» [2, ф. 172, оп. 1, д. 977, л. 1].

Избранная оренбургскими властями в отношении калмыков линия поведения полностью себя оправдала. По свидетельству П.И. Рычкова, перекочевавшие к Оренбургу калмыки «от оренбургского торгу, а паче скорняжным их мастерством (в чем они имеют особливое искусство) вскоре исправились как лошадьми, так и скотом» [3, с. 86]. Высокой оценки оренбургского губернатора И.И. Неплюева заслужили военные навыки калмыков, самим кочевым образом жизни многих поколений превосходно подготовленных к службе в условиях степного пограничья. Неплюев обратился в Сенат с предложением воспользоваться некрещеными калмыками для колонизации Оренбургского края [4, с. 594]. Но честолюбивые планы оренбургского губернатора не нашли

поддержки в Петербурге. По договорам, заключенным Российской империей с правителями Калмыцкого ханства, все некрещеные калмыки, где бы они ни проживали, оставались под властью калмыцкого хана и своих феодальных владельцев, которые в любой момент могли затребовать их возвращения в родовые улусы.

Этим правом и воспользовался в 1749 г. наместник калмыцкого ханства Дондук-Даши, отправивший за оренбургскими калмыками нарочного, зайсанга Ноувата. И.И. Неплюев оказался в сложном положении. Как государственный чиновник, он не мог пренебречь правительственными предписаниями. В то же время исполнение воли калмыцкого наместника противоречило планам губернатора по формированию Оренбургского иррегулярного казачьего корпуса, в том числе и за счет привлечения калмыков. Из казавшейся тупиковой ситуации был найден простой и вместе с тем неординарный выход.

В Оренбургском областном архиве сохранилось датируемое августом 1749 г. дело о добровольном принятии христианства калмыками, кочевавшими при Оренбургской и Чернореченской крепостях. О желании перейти в православие объявили 84 человека [2, ф. 172, оп. 1, д. 911, л. 1–1 об.]. Всего же, с учетом крестившихся ранее 28 калмыков, общая численность оренбургских крещеных калмыков составила 112 человек [4, с. 596].

Есть все основания полагать, что демонстративное крещение оренбургских калмыков произошло на глазах изумленного калмыцкого посланника. Несомненно, со стороны оренбургской администрации на калмыков оказывалось существенное давление, однако оно не носило характера принуждения: из проживавших в пределах губернии 234 калмыцких переселенцев с Ноуватом откочевали 122 человека [3, с. 87].

В последующие годы численность оренбургских калмыков медленно, но неуклонно возрастала за счет калмыков, вызволявшихся из казахского плена, а также их соплеменников, кочевавших в низовьях Яика и в окрестностях Яицкого городка, которые после перехода в православие оставались на жительстве в Оренбурге. Значительное пополнение калмыцкого населения произошло в 1752 г., когда под предводительством зайсанга Федора Соломома из Ставрополя в Оренбург были переведены тридцать калмыцких кибиток (семей).

Принятие христианства всегда проходило в одном и том же порядке. О добровольном желании «восприять благочестивую христианскую веру греческого исповедания» обязательно объявлялось в Оренбургской губернской канцелярии. Здесь же со ссылкой на свидетелей удостоверялась добрая воля обращающегося. Затем он передавался на поруки в Духовное правление. Возглавлявший его протоирей назначал священника, который занимался обучением «молитв и протчему, что касается нужному первейшему познанию христианской должности» [2, ф. 172, оп. 1, д. 715, л. 6]. После прохождения обряда крещения обращенные получали новые имена, как правило, по имени восприемника. Так, в 1758 г. двенадцать принявших православие джунгарских калмыков были названы Симеонами (Семенами) Михайловыми (Михайловичами), а десять крестившихся с ними калмычек нарекли Аннами Яковлевыми (Яковлевнами) [2, ф. 172, оп. 1, д. 2178, л. 3 об.].

В соответствии с побуждавшими к смене вероисповедания обстоятельствами, оренбургских калмыков можно условно подразделить по следующим группам:

1) выходцы из Волжского калмыцкого ханства, которые, по свидетельству П.И. Рычкова, прозябали в совершенной бедности, но «от оренбургского торгу, а паче скорняжным их мастерством (в чем они имеют особливое искусство) вскоре исправились как лошадьми, так и скотом» [3, с. 86];

2) калмыки, приезжавшие в Оренбург на поселение или по торговым делам из Яицкого городка [2, ф. 172, оп. 1, д. 715, л. 1–2]. Среди них встречались и калмыки, уже состоявшие казаками

Яицкого казачьего войска, для которых смена вероисповедания предполагала и смену места жительства [2, ф. 172, оп. 1, д. 840, л. 1];

3) калмыки, бежавшие из киргиз-кайсацкого (казахского) плена, задержанные как нарушители границы. В производившихся в них делах обязательно присутствовала формулировка: «в Оренбургской губернской канцелярии в допросе объявили желание восприять святое крещение» или «православную христианскую веру греческого исповедания» [2, ф. 172, оп. 1, д. 835, л. 1];

4) калмыки, как правило женщины или малолетние дети, выкупленные частными лицами у казахов [2, ф. 172, оп. 1, д. 2220, л. 1];

5) калмыки, состоявшие под следствием и заключенные под стражу за совершение противоправных деяний [2, ф. 172, оп. 1, д. 726, л. 1];

6) калмычки, жены кундуровских татар, стремившиеся посредством крещения освободиться от власти мужей [5, с. 22–29].

Бегства калмычек от тиранов мужей были если и не частым, то и не исключительно редким явлением. В делах фонда Оренбургской консистории обнаружены сведения о пяти калмычках, в разное время ушедших в Оренбург от кунудуровских татар. О жизненных невзгодах, выпавших на их долю, известно из показаний, запротоколированных во время допросов в Губернской канцелярии. Так, доставленная в Оренбург из Озерной крепости в 1746 г. Имчи Убутина, рассказала, что жила она вместе с родителями в астраханской степи, а после их смерти переехала к брату в Астрахань. Через десять дней брат выдал ее замуж за кундуровского татарина И. Десеева. Десеев, видимо, был человеком несостоятельным. Когда он вместе с другими татарами решил перебраться на жительство в Оренбургскую губернию, то под предлогом отсутствия лошади отдал жену другому татарину Исенгазу. С последним она приехала в Оренбург и за полгода до побега родила от него сына. В Губернской канцелярии Имчи объявила, что не хочет у Исенгаза быть в холопстве. «Возымела она желание креститься и жить в услужении у русских людей, а не у татар» и сына, «если можно…, к себе в православную веру взять желает» [2, ф. 172, оп. 1, д. 705, л. 1–1 об.]. В следующем после описанного случая 1747 г. из Воздвиженской крепости в Оренбург для крещения были привезены три калмычки, которые рассказали, что они бежали от находившихся при Желтом редуте Кундуровских татар [2, ф. 172, оп. 1, д. 796, л. 3]. В 1765 г. о желании стать православной христианкой в Оренбургской губернской канцелярии заявила калмычка Разбикея. Как и многие из ее единородцев, после бегства из киргиз-кайсацкого плена она нашла пристанище в Оренбургской губернии. Вышла замуж за казака татарина Акбая Авелева. Сменить религию Разбикея решила, когда узнала, что «калмык состоит немалое число в вере греческого исповедания.., при том же и брат ее родной имеется в здешних казаках» [2, ф. 172, оп. 1, д. 3055, л. 1–1 об.].

Из материалов дел о крещении калмыков явствует, что последние с легкостью соглашались на смену вероисповедания. Не только среди женщин, мужья которых были татарами, но и среди мужчин встречались такие, кто за короткий срок дважды сменил религию, последовательно переходя из буддизма в ислам, а затем в христианство. Особое беспокойство оренбургского губернатора И.И. Неплюева вызвало известие о склонении татарскими муллами уже крещеных калмычек к принятию ислама. Поводом к разоблачению противозаконных действий мусульманских священнослужителей послужило следствие о приехавшей из Яицкого городка «калмыцкой жене» Айсле Нарошкеевой, принявшей православие под именем Пелагеи Петровой, а потом «совращенной неволею и обманом» в магометанство. После проведенного следствия 26 декабря 1746 г. И.И. Неплюев предписал Яицкому войску выявить всех калмыков, обращенных в ислам. Из представленной ведомости следовало, что из тридцати калмычек, состоявших в браке с татарами, отказались от перехода в ислам только три женщины [6, ф. 10, оп. 2, д. 1248, л. 104–106].

С появлением в Оренбургском ведомстве большой группы крещеных калмыков перед во-

енной администрацией встал вопрос об организации управления ими. В качестве образца использовался опыт Ставропольского поселения, максимально учитывавший в процессе формирования властных структур национальные особенности, традиции и обычаи калмыцкого народа. Губернатор И.И. Неплюев распорядился зачислить калмыков в созданный в 1748 г. нерегулярный казачий корпус. Каждое лето часть из них призывалась на пограничную службу, которую они, уже как оренбургские казаки, несли совместно со своими соплеменниками из СКВ.

В декабре 1753 г. из оренбургских калмыков была сформирована отдельная рота со штатным расписанием и установленными окладами. Рядовыми оренбургскими калмыками командовали один зайсанг и два старшины, которые, в свою очередь, подчинялись возведенному в полковничий чин владельцу Семену Хошоутову, до крещения звавшемуся Сербетом [3, с. 87]. Своим возвышением Хошоутов был обязан знатности происхождения и политической прихоти возглавлявшего КИД канцлера Алексея Петровича Бестужева. Выходец из Волжского калмыцкого ханства, Сербет принадлежал к отпрыскам владельческого рода из субэтнической группы Хошоутов.

В 1741 г. после смерти хана Дондук-Омбо среди его родственников началась кровопролитная борьба за ханский престол. Сербет примкнул к партии своей тещи, вдовы умершего хана, Джаны Дондуковой. По ее наущению Сербет совершил нападение на улус Абу-Гелиона, принадлежавший внуку особо почитаемого калмыками хана Аюки Дондук-Данжину. Во время столкновения Дондук-Данжин был убит. Но и для Сербета эта победа оказалась пирровой: он был пленен и отправлен в распоряжение астраханского губернатора В.Н. Татищева. Под пыткой Сербет признался еще в одном преступлении – в намерении угнать из Астраханской губернии табуны лошадей. В XVIII в. русское уголовное право даже виновный умысел считало преступлением. Весной следующего года калмыцкого владельца под конвоем вывозят в Казань, подальше от калмыцких улусов и соблазна побега. В Казани Сербет задержался ненадолго: 15 мая 1743 г. он принимает крещение под именем Семена Артемьева Хошоутова. Все обвинения с новокрещеного калмыцкого пленника были немедленно сняты, и он стал добиваться перевода в Ставрополь для воссоединения со своими крещеными соплеменниками. Несколько лет, пока ему подыскивали должность, Хошоутов проживал в Москве. В командование оренбургскими калмыками он вступил в 1750 г. [2, ф. 3, оп. 1, д. 26, л. 16–16 об.].

На первый взгляд, превратности судьбы, забросившие Хошоутова в Оренбург, могут показаться цепью случайных событий. На самом же деле его поведение вполне соответствовало политической линии, проводимой Россией относительно калмыцкого вопроса. Она заключалась во всяческом поощрении перехода в православие калмыцких феодалов, примеру которых следовали рядовые калмыки, а также в строгом соблюдении феодально-родовой иерархии при назначении на командные должности представителей калмыцкой знати [7, с. 165–169].

Изучение конкретных обстоятельств, побуждавших представителей высшей калмыцкой знати в первой половине XVIII в. искать покровительства российских властей, позволяет обнаружить в их поведении определенные закономерности. Во-первых, все феодалы, переселившиеся в Россию из Калмыцкого ханства, находились в оппозиции к ханской власти. Во-вторых, как правило, такие переходы происходили в периоды междуцарствия, когда одна из группировок терпела поражение в борьбе за ханский престол. Наконец, в-третьих, от русского правительства калмыцкие владельцы получали не только денежное вознаграждение и привилегии, но и возможность на специально отведенных территориях осуществлять управление улусами крещеных калмыков. В пределах России им гарантировались личная безопасность и защита от любых заговоров и посягательств на их властные полномочия со стороны подчиненных. К середине 60-х годов XVIII в. в Оренбургском корпусе несли службу уже 200 калмыков, что составляло пятую часть его рядового состава.

Список источников и литературы:

1. *Джунджузов С.В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века) / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2014. 433 с.

2. *ГАОО*

3. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Оренб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва., 1887. 406 с.

4. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. в 2 т. Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1897. Т. 2. 706 с.

5. *Любичанковский С.В.* Новейшая историография о феномене включения Среднего Поволжья в состав Российской империи // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т.4, № 2. С. 22–29.

6. *НАРТ*

7. *Любичанковский С.В.* «Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 2. С. 165–169.

S.V. Lyubichankovskiy, S.V. Dzhundzhuzov

Hristianization and resettlement of Kalmyks to the Orenburg region (1740–1750th)

Summary. This article is about the Orenburg Kalmyks voluntary moved to South Ural, refused citizenship to the Kalmyk khans and were a part of the Orenburg Cossack army. They weren't object of missionary activity of the Russian Orthodox Church. The baptism ceremony served the Orenburg Kalmyks as a legal guarantee from compulsory return to their former owners. Far from understanding of the new religion they remained and after transition to Orthodoxy. Children of the Orenburg Kalmyks weren't forced to education at the Russian schools. The Orenburg military authorities cared only of that Kalmyk Cossacks regularly executed a compulsory military service. As well as Kalmyks of the Stavropol army, they were provided with allotments in a specially territory. But unlike the first they weren't forced to occupation by agriculture, they it is rare and in a small amount leased the land grounds, being content with the income from cattle breeding. Resettlement of the Orenburg (buzulukskikh) Kalmyks to the New linear area assumed final fracture of a habitual way of life and the loss of ethnic isolation provided with compact accommodation in the taken-away district. At the initial stage the settlement of baptized Kalmyks had the monarchic form of government and the organizational and legal device copying the state orders of the Volga khanate. Its transfer to maintaining the Board of Foreign Affairs testified to high degree of an autonomy of the new settlement. At the same time the Empire sought to limit as much as possible communications of baptized Kalmyks with their non-Christian edinorodets and through establishment of a position of the Stavropol commandant established behind them total control.

Key words: baptized Kalmyks, hristianization, Orenburg region, I.I. Neplyuev, Orenburg Cossack army.

УДК 377

О.В. Ищенко

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА СИБИРСКОЙ ОКРАИНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления религиозной политики Российского государства в контексте необходимости интеграции различных конфессиональных групп в пространство империи через систему образования. Автор исходит из сложившегося в науке определения империи как могущественной державы, объединяющей разные народы и территории в единое государство, интегрируя при этом в единое целое разные административные системы и конфессии. Для предотвращения возможного распада сложившейся имперской структуры необходима концентрация власти в руках определенного (чаще – самого крупного по численности) сообщества, имеющего национально-конфессиональную специфику. Но управление империей невозможно без учета интересов других групп населения, что предполагает гибкий подход к традициям, религии, особенностям быта ее многочисленных народов. Анализ сочетания указанных аспектов в рамках религиозной политики государства (в данном случае – в мусульманском вопросе), ее реализация через систему образования в Западной Сибири, выявление достигнутых результатов – все это вместе взятое определило основные задачи данного исследования. Ограничение рамок исследования Степным краем обусловлено тем, что эта часть азиатского региона империи занимала особое место в системе интеграции окраин в имперское пространство. Объединяя в своем составе русские и казахские земли и включая, соответственно, примерно в равных пропорциях христианское и мусульманское население, Степной край воспринимался властью как определенный опытный плацдарм для решения проблемы интеграции «полудикого» кочевого населения в имперское пространство. Основным способом вовлечения сибирских мусульман в орбиту русскоязычного мира стало распространение в их среде образования и подготовка специалистов из числа коренного населения. Проведенное исследование показало наличие существенных проблем в этой области. Провозглашение основ веротерпимости в сочетании с сохранением ведущей роли православия изначально содержало в себе противоречие, которое определяло и правительственные колебания в этом вопросе, и расхождение между теорией и практикой интеграции.

Ключевые слова: конфессиональный фактор, развитие образования, империя, государственная политика, мусульмане, Сибирь, Степной край.

Во все века существования Российской империи конфессиональный фактор и соответствующая ему политика государства в области выстраивания отношений с многочисленными народами, исповедовавшими разные религии, имели для носителей верховной власти первостепенное значение. Определяя империю как могущественную державу, объединяющую разные народы и территории в единое государство, необходимо учитывать, что в рамках империи в единое целое приходится интегрировать несколько разных политических или административных систем, традиций права, конфессий и т.д. [1].

При этом следует согласиться с известным исследователем национальных процессов в истории Российской империи В.С. Дякиным в том, что сохранение территорий, компактно населенных народами разного происхождения и вероисповедания, находящимися на разных уровнях культурного и экономического развития, часто с собственными традициями государственности, рано или поздно приводит к возникновению движений за национальную автономию, а потом и за

независимость [2, с. 60–61]. Стремление власти избежать центробежных тенденций и последующего распада империи предполагает, с одной стороны, наличие привилегированного и достаточно обширного сообщества, конфессии, гражданской общины, в руках которой находится власть. С другой стороны, управление империей невозможно без учета национально-конфессиональной специфики населения, что предполагает гибкий подход к традициям, религии, особенностям быта народов, ее населяющих. Выявление соотношения указанных аспектов в рамках религиозной политики государства (в данном случае – в мусульманском вопросе) ее реализация через систему образования в Западной Сибири (Степном крае), как специфическом регионе Российской империи, является целью данного исследования.

Основными источниками, позволяющими определить ключевые направления правительственной политики в отношении различных конфессиональных групп Российской империи, стали указы и законы, подписанные носителями верховной власти страны, а также составленные на их основе постановления и распоряжения местных властей.

В отношении реализации конфессиональной политики власти в области образования большой интерес представляют материалы учебных заведений Степного края, включающие в себя правила приема абитуриентов, протоколы заседаний педагогических советов, данные о распределении учащихся по вероисповеданиям.

Методологической основой исследования стало обращение к основным положениям теории модернизации и исторической регионалистики. Конфессиональная политика государства в многонациональном обществе рассмотрена в контексте процесса модернизации, стимулировавшего рост ценности знаний, широкое распространение образования, активизацию социальной деятельности. В этом отношении отмечено, что постепенное формирование в России гражданского общества способствовало провозглашению основ веротерпимости, но сохранение ведущей роли православия как идеологического фундамента общества свидетельствовало о нежелании власти отказаться от консервативных воззрений в этом вопросе и недостаточном учете национально-конфессиональной специфики населения. Применение метода исторической регионалистики, предполагающего изучение российского пространства с учетом выявления особенностей протекания исторических и культурных процессов в отдельном регионе, позволило сделать выводы о результатах реализации политики интеграции мусульманского населения Степного края в пространство империи через систему образования.

Основные положения правительственной политики в отношении нерусского населения окраин были заложены еще во второй половине XVIII в. в правление Екатерины II. Расширение территории империи, сопровождавшееся включением в ее состав значительного количества иноверцев, способствовало провозглашению политики религиозной терпимости. В «Наказе» 1767 г. говорилось: «В столь великом государстве … весьма бы вредный для спокойствия и безопасности граждан был бы порок – запрещение и недозволение различных вер … Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан» [3, с. 202].

Именным указом от 20 августа 1769 г. «О воспрещении проповедникам ездить без дозволения к иноверцам и о строении мечетей» сибирскому губернатору Д.И. Чичерину было дано право выдавать разрешения на строительство мечетей в пределах Сибирской губернии [4, I собр., т. 18, № 13336]. 17 июня 1773 г. указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам» провозгласил принципы широкой веротерпимости: «Как Всевышний Бог терпит на земли все веры, языки и исповедания, то и Ее велич-

ство из тех же правил, сходствуя Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ее подданными всегда любовь и согласие царствовало» [4, I собр., т. 19, № 13996]. В 1788 г. был выпущен манифест, в котором императрица Екатерина II повелевала «учредить в Уфе духовное собрание Магометанского закона, которое имеет в ведомстве своем всех духовных чинов того закона». Мусульманским муллам назначалось содержание из государственной казны. Мусульмане получили свободу строить мечети и религиозные школы, более того, им оказывалась в этом правительственная поддержка. В тех регионах, где местное население еще пребывало в полуязычестве, светская власть поддерживала миссионерство мусульманского духовенства [5]. Принятие подобных нормативных документов и проведение указанных мероприятий свидетельствует о том, что Екатерина II начала встраивать мусульманское сообщество в систему государственного устройства империи. Поддержка ислама в азиатской части страны объяснялась необходимостью закрепить кочевое и полукочевое население степи в составе России.

Изменения в правительственной политике в отношении мусульманского населения Сибири становятся заметными в первой половине XIX в., когда усилившееся самодержавие активизировало попытки христианизации казахов (в дореволюционной терминологии – киргизов. – *О.И.*). В значительной степени это было обусловлено знаменитыми положениями теории «официальной народности», согласно которым именно православная вера понималась как непременное условие существования России. Русская православная церковь была призвана духовно сцементировать разнородное русское общество и на азиатских окраинах. Общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила, однако, в противоречие с колонизационными задачами [6]. Так, в Сибири даже введение ряда преференций для неофитов не привело к массовому переходу последователей ислама в православие. Крайне негативное отношение основной массы мусульман к «вероотступникам», угроза быть изгнанным из сообщества и даже убитым, сочетавшаяся с искренней приверженностью жителей степи традиционной религии, определили не просто нулевую, но даже отрицательную эффективность подобных действий.

Ограниченные возможности применения репрессивных методов вынуждали власти искать иные способы включения инородческого населения в структуры империи. Во второй половине XIX в. власти смотрели на ислам через призму концепции «гражданственности», которая подразумевала создание общности граждан, основанной на любви к общему отечеству, выполнении определенных обязанностей, предусмотренных государством, и осознании общественного блага [7, с. 261].

Неудача политики христианизации нерусского населения Западно-Сибирского генерал-губернаторства привела к заметному изменению политики власти в отношении местных мусульман. Их постепенная, ненасильственная интеграция в лоно империи должна была проводиться, в первую очередь, через систему образования. Но почти до середины XIX в. обучение казахских детей осуществлялось в мектебах и медресе, дававших мусульманское образование. Светских школ было очень мало. В условиях кочевого и полукочевого образа жизни трудно было организовать стационарные учебные заведения, поэтому количество учебных заведений в зоне традиционного проживания мусульман оставалось незначительным.

К началу XX в. Степной край, как часть азиатского региона империи, занимал особое место в системе интеграции окраин в имперское пространство. Отличаясь от других сибирских территорий, превратившихся в российскую (и даже «русскую») «внутреннюю периферию», Степной край воспринимался властью как пока еще «азиатский», однако лишенный классических «восточных» черт и населенный «полудикими» кочевниками, которые в силу своей «природной чистоты», не замутненной окончательно «мусульманским фанатизмом», нуждаются в русской цивилизации и способны ее

принять [6]. Основным способом вовлечения нерусского населения в орбиту русскоязычного мира стало распространение в их среде образования и подготовка специалистов из числа коренного населения.

Учитывая неразвитость в районах, населенных казахами, даже системы начального образования, в середине 90-х гг. XIX в. администрация Степного края начала подготовительную работу по открытию в Акмолинской и Семипалатинской областях русско-казахских школ. В начале 1900 г. генерал-губернатор Степного края М.А. Таубе в своем обращении к министру народного просвещения указал, что развитие русского образования среди детей кочевников своевременно и крайне необходимо. В министерстве народного просвещения доводы генерал-губернатора не встретили особых возражений, но решение вопроса было отложено из-за нехватки денежных средств. Лишь благодаря настойчивости нового губернатора Степного края Н.Н. Сухотина, изыскавшего возможность покрыть на первом этапе значительную часть расходов на содержание аульных школ из местного бюджета, министерство народного просвещения утвердило правила для указанных учебных заведений Акмолинской и Семипалатинской областей. Первые аульные школы были открыты осенью 1902 г., а к началу 1903 г. в крае функционировало уже более 20 подобных учебных заведений [8, с. 16]. Расширение сети аульных школ в последующие годы дало возможность приступить к учреждению волостных и двухклассных русско-казахских училищ.

Казахское население первоначально крайне настороженно отнеслось к смешанным школам, воспринимая их как способ русификации и христианизации своих детей. Поэтому директор народных училищ Акмолинской области А.Е. Алекторов начал работу по разъяснению назначения новых школ. Он уделял серьезное внимание улучшению материального обеспечения русско-казахских школ и настойчиво рекомендовал, чтобы обучение грамоте обязательно велось на родном казахском языке. Позднее в школах было разрешено обучение азам ислама, но при условии содержания учителей за счет самих мусульманских общин [9].

Создание русско-казахских школ вполне укладывалось в рамки правительственной политики, направленной на ускорение хозяйственной и культурной интеграции кочевого населения в состав Российской империи. В то же время в Степном крае на рубеже XIX–XX вв. заметно увеличилось количество начальных учебных заведений всех типов. Так, в Акмолинской области число начальных училищ возросло со 183 в 1897 г. до 437 к 1911 г., в Семипалатинской области – с 97 до 170 [8, с. 16]. Более широкая постановка школьного дела, несомненно, облегчала доступ подрастающему поколению к получению первоначальных знаний. Самые способные выпускники начальных школ имели возможность продолжить обучение дальше, получая среднее общее или профессиональное образование.

Необходимость реализации правительственного курса, направленного на интеграцию населения степи в пространство империи, предполагала, в первую очередь, подготовку образованных кадров для начальных школ, открывавшихся в аулах края. Это обусловило появление в регионе учительских семинарий в Омске (1872 г.), Семипалатинске (1903 г.), Акмолинске (1916 г.), куда на равных условиях принимались лица «православного и магометанского вероисповедания», окончившие гимназию, либо уездное, городское или духовное училище. Учащиеся имели возможность получать казенные стипендии, общее количество которых составляло 50, из них 10 предназначались исключительно для казахов. В связи с необходимостью подготовки учителей для русско-казахских школ в Семипалатинской учительской семинарии дополнительно была введена должность преподавателя киргизского (казахского) языка [10, с. 143].

О важности подготовки учительских кадров для степи свидетельствуют решения педагогического совета Омской учительской семинарии, разрешившего в декабре 1904 г. ежегодный прием киргизов в количестве 10–15 человек. Желающие могли поступать из Омского русско-киргизского

пансиона и двухклассных киргизских училищ. Для привлечения киргизских юношей и их материального обеспечения решено было учредить при семинарии 10 стипендий для киргизов из земских сумм Акмолинской области [11, ф. 115, оп. 1, д. 67, л. 69–71].

Заметной вехой в дальнейшем развитии конфессиональной политики государства стал подписанный в условиях первой революции в России указ императора Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», который существенно изменил правовой статус неправославных исповеданий. Основываясь на «сердечном стремлении обеспечить и каждому из подданных свободу верования и молитв по велениям его совести», императором в числе прочего было признано необходимым пересмотреть «законоположения, касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания» [4, III собр., т. 25, № 26125]. Расширение прав мусульман мотивировалось тем, что «мусульманское население внутренних губерний исполняло всегда свой долг пред государством наравне с его коренными подданными и не доставляло правительству каких-либо особых забот в отношении политическом. Будучи, затем, весьма твердым в правилах своего вероучения, население это никогда, однако, не проявляло стремления к прозелитизму среди русского народа. Кроме того, несмотря на сохранившиеся еще некоторые отличия внутреннего и внешнего быта, население это сроднилось с Россией и вполне ей дружественно» [12, с. 417].

Корректировка политики власти в отношении мусульман в Степном крае нашла свое проявление в расширении возможности доступа к образованию казахского населения. Заметная специфика региона проявлялась в том, что с учетом многонационального состава населения края в средних специальных и профессиональных учебных заведениях региона вероисповедные ограничения при приеме практически отсутствовали, а поступление сюда казахов в ряде случаев происходило на льготных условиях. В первую очередь, это касалось Омска как административного центра Степного края, в числе учебных заведений которого основная роль в образовании и развитии казахского населения отводилась местной учительской семинарии и ветеринарно-фельдшерской школе. Задачей первой была подготовка светских учителей для степи, присутствие казахских юношей во второй определялось преимущественно скотоводческой направленностью традиционного типа хозяйства.

О расширении привлечения в Омскую учительскую семинарию учащихся-мусульман свидетельствует поступившее в нее в августе 1905 г. предложение попечителя Западно-Сибирского учебного округа «об учреждении стипендии для киргизских юношей, будущих просветителей киргиз-степняков, и вместе с тем о введении в программу … семинарии и преподавания киргизского языка», причем данная мера рассматривалась как временная до открытия «особых учительских школ для киргиз». При обсуждении вопроса «о допущении в число учеников семинарии киргизских юношей для приготовления к учительскому званию» директором гимназии было высказано мнение о том, что «в пределах Степного края замечается полная неподготовка учителей для вновь открывающихся киргизских школ», число которых в последнее время возросло, а «среди самих киргиз возникло стремление к образованию и к освобождению от вредного влияния фанатичного татарского духовенства, забравшего в свои руки с 40-х гг. XIX в. все школьное дело в степи». Педагогическим советом семинарии было вынесено решение согласиться с предложением попечителя о введении в семинарии должности преподавателя киргизского языка и ходатайствовать перед попечителем о расширении допуска в семинарию киргизских юношей, однако пригласить муллу педсовет «нужным не счел» [11, ф. 115, оп. 1, д. 70, л. 6–9]. В то же время следует отметить, что Департамент народного просвещения в ответ на указанное ходатайство отказался изменить штаты Омской учительской семинарии, поэтому «учреждение при семинарии должности преподавателя киргизского языка и стипендиатов-киргиз» в 1906 г. было отклонено [11, ф. 115, оп. 1, д. 74, л. 54–

55]. Следует отметить, что указанное решение в принципе противоречило стремлению власти интегрировать мусульманское население в имперское пространство.

Колебания правительственного курса, дополненные рядом объективных факторов (слабой постановкой учебного дела в степи, малообеспеченностью родителей учащихся, сохранением традиционного типа хозяйствования казахов и др.), определили то, что при наличии в составе населения Акмолинской области 51,2% мусульман (в документах – татар. – *О.И.*) [13, ф. 733, оп. 227, д. 109], количество учащихся-казахов в средних и низших учебных заведениях Омска оставалось довольно небольшим. Имеющиеся сведения о составе воспитанников учебных заведений свидетельствуют о том, что в Омской учительской семинарии на протяжении 1884–1911 гг. при общем количестве обучающихся 62–82 ученика, число учащихся мусульман было относительно невелико, составляя ежегодно от 1 до 4 человек. Тенденция к весьма незначительному увеличению их количества в семинарии наблюдается только в 1912–1917 гг. (1912 г. – 5, 1913 г. – 7, 1914 г. – 8, 1915 г. – 6, 1917 г. – 8 человек). В Омской центральной фельдшерской школе в 1908–1916 гг. при общем количестве учащихся от 105 до 141 число учащихся-киргизов ежегодно колебалось в пределах 3–8 человек. В Омском среднем сельскохозяйственном училище, открывшемся в 1912 г., в списке 88 учеников числился 1 мусульманин, в 1913 г. – 7. В Омской 1-й мужской гимназии в период с 1910 по 1916 гг. количество учащихся мусульман колебалось от 1 до 5 в год. В Омском низшем механико-техническом училище имени императора Александра III наличие учащихся-мусульман в 1887–1904 гг. указано в пределах от 1 до 4-х человек [11, ф. 32, оп. 1, дд. 42–87; ф. 113, оп. 1, дд. 8, 13; 12, дд. 25–98]. В целом, как свидетельствуют данные, опубликованные в 1910 г. в газете «Голос Сибири», в общем числе учащихся в омских учебных заведениях всех типов (и средних, и низших) составлявшем 4 656 человек, магометан (мусульман) было всего 57 [14, с. 190].

Дальнейший промышленный рост в стране способствовал тому, что к 1914 г. количество учебных заведений всех типов в Омске заметно увеличилось, в первую очередь, за счет роста числа начальных школ. Количество учащихся выросло почти в два раза, составив 8949 человек, треть из которых (2717) составляли мусульмане. То есть учащиеся-мусульмане заняли второе место, уступив только православным (3462) и заметно опередив представителей всех других конфессий [15, с. 71–72]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что проводимая в отношении мусульманского населения Степного края политика ненасильственной интеграции дала свои результаты. Местные казахи стали отдавать своих детей в учебные заведения, получение образования становится престижным, а освоение в процессе обучения русского языка и культуры в значительной степени содействовало снятию межнациональных и межконфессиональных противоречий.

Однако нельзя утверждать, что политика властей в отношении мусульманского населения края определялась только благожелательным стремлением вовлечения его в социокультурное пространство империи с учетом его интересов и традиций. Государственная власть, провозглашавшая ведущие позиции православной церкви в деле воспитания подрастающего поколения, явно игнорировала многоконфессиональность состава населения империи. Правила поведения для учащихся всех учебных заведений предусматривали обязательное посещение учениками православных богослужений, регулярное исповедование и причащение, чтение молитвы перед началом уроков и после их завершения.

В этой связи следует подчеркнуть, что требование отмены преподавания Закона Божьего и обязательного посещения церкви было одним из главных пунктов петиций учащихся, подаваемых в педагогические советы учебных заведений в период первой российской революции. Так, в октябре 1906 г. учащиеся Омской учительской семинарии подали заявление, в котором, заявляя о «нежелании безусловно подчиняться правилам семинарии», соглашались признавать «правила от-

носительно посещения уроков, надлежащего отношения к практическим занятиям, своевременного исполнения письменных работ», но отказывались принудительно выполнять религиозные обязанности, указывая, что «в этой области воспитанники должны считаться только с внутренним своим сознанием» [11, ф. 115, оп. 1, д. 74, л. 80]. Однако православный оплот идеологии власти оставался незыблемым.

В конце 1907 г. в учебные заведения Западно-Сибирского учебного округа поступило циркулярное распоряжение попечителя, в котором на основании письма архиепископа Томского Макария предлагалось обратить внимание на усиление религиозного воспитания в учебных заведениях. В декабре 1907 г. педагогическим советом Омской учительской семинарии было отмечено, что он всегда занимался этим вопросом и принимал меры «к укреплению и возбуждению доброй религиозной настроенности в учащихся». Совет признал посещение храма в воскресные и праздничные дни обязательным для всех учащихся, а для «еще большего усиления религиозного воспитания» было решено попытаться ввести общее пение некоторых молитвословий во время богословия и обратиться к родителям учащихся «с просьбой содействовать педагогическому персоналу семинарии к укреплению доброго религиозного настроения в их детях» [11, ф. 115, оп. 1, д. 78, л. 29]. При этом наличие в составе учащихся мусульман, принимаемых в семинарию на льготных условиях, педагогическим советом во внимание не принималось.

Тем не менее отказ от гибкого подхода к учету фактора конфессиональной принадлежности учащихся вызывал негативную реакцию в их среде. Широкую известность в Омске приобрел случай отказа от участия в обязательной общей вечерней молитве в ноябре 1908 г. учащихся-мусульман центральной фельдшерской школы. Правила учебного заведения содержали положение об обязательном присутствии на молитве всех учащихся, поэтому педагогическим советом после обсуждения вопроса о том, следует ли мусульманам и другим лицам нехристианских вероисповеданий «присутствовать на общих молитвах для соблюдения общего порядка и из уважения к религии большинства», было принято решение, согласно которому нехристиане должны были присутствовать на молитвах, не принимая в них активного участия, а кроме того, «все ученики-пансионеры без различия вероисповедания обязаны присутствовать в высокоторжественные дни на молебствии в церкви» [11, ф. 113, оп. 1, д. 9, л. 23–24].

В дальнейшем, признавая главенствующей роль религиозных установок в постановке воспитательного дела, педагогический совет Омской центральной фельдшерской школы на заседании 14 октября 1909 г. с удовлетворением отмечал, что «религиозное воспитание в школе поставлено на должную высоту… вообще все преподаватели констатируют факт полного и глубокого религиозного отношения учеников школы к делам Святой Веры». На заседании педагогического совета школы 30 октября 1913 г. при обсуждении вопроса о развитии в учениках религиозно-нравственных чувств было решено просить законоучителя помимо программных занятий вести с учениками беседы на религиозно-нравственные темы и выписать в библиотеку журнал «Христианин» [11, ф. 113, оп. 1, д. 12, л. 66]. Сведений о рассмотрении вопросов, связанных с учетом религиозных взглядов представителей иных конфессий протоколы заседаний педагогического совета школы не содержат.

Однако указанное стремление неуклонно проводить в жизнь формулу «православие – самодержавие – народность» не было характерным для всей территории империи. В тех местностях, где мусульманское население численно преобладало, политика власти была прямо противоположной. Так, например, по мнению ряда исследователей, в Туркестанском крае, где в русских учебных заведениях обучалось некоторое количество мусульманских учеников, учебный процесс был построен так, чтобы не допустить и малейших поводов для подозрений школы в прозелитизме. Ученики-иноверцы освобождались от изучения Закона Божьего, от участия в молебнах и молитвах

перед началом занятий, от занятий в дни мусульманских праздников [16, с. 266–267]. В этом отношении следует согласиться с мнением А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой о дифференциации политики имперской власти в отношении проекта «обрусения» восточных окраин. Азиатские регионы империи начала XX в. значительно разделялись по степени их интеграции в имперское пространство, и если Туркестан больше походил на колонии европейских держав, то Степной край понимался, как указывалось ранее, в качестве плацдарма для расширения территории русской цивилизации, в орбиту которой включалось и мусульманское население [6].

Увеличение количества выходцев из степи в учебных заведениях региона, пребывание их в ученической среде крупного города способствовало политизации учащихся-казахов и вовлечению некоторых из них в борьбу за отстаивание своих гражданских прав. Например, в 1898 г. из Омской центральной фельдшерской школы наряду с другими был исключен казах Даулетьев, как один из главных инициаторов написания воззвания, «содержащего в себе жалобы на то, что воспитанники страдают от начальства школы и терпят всякие невзгоды» [11, ф. 113, оп. 1, д. 3, л. 30–31].

Активное участие воспитанников учебных заведений Омска в революции 1905–1907 гг. затронуло и определенную часть казахской молодежи. Документы свидетельствуют о том, что, например, в числе девяти учеников, исключенных решением педагогического совета от 15 октября 1905 г. «за беспорядки» из Омской центральной фельдшерской школы, был Козбагаров Ахметхусаин [11, ф. 14, оп. 1, д. 1182, л. 340]. Согласно донесениям агента жандармского управления, среди воспитанников Омской ветеринарно-фельдшерской школы, «занимавшихся политикой и устраивавших разные митинги», в 1907 г. был и один киргиз, участвовавший «со своими товарищами в политическом клубе, который находится в Омске и занимается пропагандой киргизам» [11, ф. 270, оп. 1, д. 389, л. 278]. В этом отношении можно предположить, что ущемление религиозных чувств вполне могло стать одним из мотивов, определявших участие учащихся-мусульман в антиправительственной деятельности.

Анализ проводимой властью политики интеграции азиатской части Российской империи в конце XIX – начале XX вв. свидетельствует о наличии существенных проблем в этой области. Провозглашение основ веротерпимости в сочетании с сохранением ведущей роли православия изначально содержало в себе противоречие, которое определяло и правительственные колебания в этом вопросе, и расхождение между теорией и практикой интеграции. Отсутствие учета национально-религиозной специфики контингента учащихся в учебных заведениях во многом было характерно даже для многонационального Степного края, что являлось закономерным следствием общей политики властей империи.

В то же время результатом целенаправленных действий по вовлечению мусульман региона в учебные заведения стало освоение ими русского языка, складывание светского мировоззрения, формирование слоя национальной интеллигенции, имевшей единый культурный код с русской интеллигенцией, что, в свою очередь, объективно способствовало плавному встраиванию окраины в имперское пространство.

Список источников и литературы

1. *Красняков Н.И.* Интеграция этносов и регионов в единое политико-правовое пространство: к характеристике научной категории «империя» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2009. № 9. С. 16–25.

2. *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. 1004 с.

3. *Смолич И.К.* История Русской церкви. 1700–1917 гг. Ч. 2. М., 1997. 798 с.

4. *ПСЗ РИ*

5. *Цыпин В.* Веротерпимость: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://www.pravenc.ru/text/150455.html

6. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 3-4. С. 150-191.

7. *Сулейманова Ю.Ф.* «Мусульманский вопрос» в политике оренбургских губернаторов во второй половине XIX века // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.): сб. ст. Всероссийской научной конференции «Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.)». Оренбург, 2012. С. 257–261.

8. *Толочко А.П.* К истории открытия русско-казахских школ в Степном крае в начале XX в. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.): II Международная научная конференция. Омск, 2001. С. 16–19.

9. *Кабульдинов З.Е., Кайыпбаева А.Т.* История Казахстана (XVIII в. – 1914 г.) Алматы, 2012: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://bibliotekar.kz/istorija-kazahstana

10. *Сковородина И.С.* Низшие и средние профессиональные учебные заведения в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII – XX вв.): II Международная научная конференция. Омск, 2001. С. 142–144.

11. *ГИАОО*

12. *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность: Сб. ст. СПб., 1905. 423 с.

13. РГИА

14. *Из истории Омска* (1716-1917 гг.). Омск, 1967. 224 с.

15. *Памятная книжка* Акмолинской области на 1914 г. Омск, 1914. 124 с.

16. *Флыгин Ю.С.* Фактор межконфессиональных отношений в контексте интеграции Средней Азии в состав Российской империи // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.): сб. ст. Всероссийской научной конференции «Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.)». Оренбург, 2012. С. 263–269.

O. V. Ishchenko

The confessional factor in the development of education in the Siberian part of the Russian Empire at the end of XVIII – beginning of XX centuries

Summary. The article discusses the main directions of the religious policy of the state and the influence of religious factor on the development of education in the Russian Empire. Based on the current science definition of Empire as a powerful state, which unites different peoples and territories into a single state, integrating this in a completely different administrative systems and denominations. To prevent a possible collapse of the current Imperial structure necessary concentration of power in the hands of a certain community with a national and confessional specificity. However, the Empire management is impossible without taking into account the interests of other groups of the population, which implies a flexible approach to traditions, religion, and the peculiarities of everyday life of its many peoples. The analysis of the combination of these aspects within the religious policy of the state (in this case – the Muslim issue), its implementation through the educational system in Western Siberia, the identification of the results achieved – all this taken together has determined the main objectives of this study. Limitation of the study of the Steppe region is due to the fact that this part of Asian region of the Empire, occupied a special place in the system integration of the outskirts of Imperial space. Combining in its structure the Russian and Kazakh land and including approximately equal proportions of Christian and Muslim population,

Prairie region was perceived by the authorities as a pilot base for resolving integration problems "half-savage" nomadic population in Imperial space. The main way of involvement of the Siberian Muslims into the orbit of Russian world became widespread in their environment of education and training of specialists from among the indigenous population. The study showed that there were significant problems in this area. The proclamation of the foundations of religious tolerance in combination with preservation of the leading role of Orthodoxy initially contained a contradiction, which determined the government's hesitation in this matter, and divergence between the theory and practice of the integration.

Key words: faith, education, Empire, public policy, Muslims, Siberia, the Steppe region.

УДК 94(571)

Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко

ОБРАЗ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРНОГО ОКРУГА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ, ПОСЕТИВШИХ АЛТАЙ В 20–40-Х ГГ. XIX В.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века»

Аннотация. В статье представлены положительные образы алтайской бюрократии, оставленные учеными и путешественниками. Охарактеризованы мотивы и обстоятельства положительных впечатлений.

Ключевые слова: Алтайский горный округ, историко-географические образы, образ горнозаводской бюрократии.

Усилиями общественных деятелей с либеральными и демократическими взглядами, а также сибирской прессы начиная особенно с 70–80-х гг. XIX в., целенаправленно формировался негативный портрет алтайской администрации как наиболее коррумпированной части российского чиновничества. При этом направление главного удара было вполне очевидно – самодержавная власть монарха, от имени которого Алтайским горным округом управлял Кабинет Его Императорского Величества (далее – Кабинет) и подчиненная ему местная ведомственная бюрократия. Сложившаяся устойчивая традиция критического отношения определенной части российского образованного общества к описанию процессов, которые характеризовали внутреннее состояние окружного хозяйства, благосостояние жителей региона на протяжении второй половины XIX – начала XX в., и особенно к тем, кто руководил горно-металлургической промышленностью Алтая, а затем инициировал перемены по диверсификации экономики кабинетского территориально-производственного комплекса, успешно перекочевала сначала в советскую, а затем и в современную историографию. Статья В.А. Должикова «Системно-институциональные истоки коррупции в алтайском «кабинетском» хозяйстве (1830-е – начало 1860-х гг.)» [1] наглядное свидетельство, какие, на наш взгляд, абсурдные выводы могут стать следствием одностороннего подхода к изучению проблемы коррупции и исключительно критического настроя к той форме правления, которая была свойственна российской государственности в течение столетий и к одному из источников ее финансирования за счет освоения недр юго-востока Западной Сибири.

Мы не берем под сомнение злоупотребления алтайской бюрократии, довольно значительный, но вряд ли «беспрецедентный» масштаб их, повседневность данного явления, особенно в период спада и кризиса горно-металлургического производства в 60-х – начале 80-х гг. XIX в., и признаем, что истоки бюрократических пороков в окружной системе управления следует отнести к периоду господства подневольного труда в регионе. Однако это лишь один из штрихов к портре-

ту алтайской элиты, а не ее цельный образ [2]. Для воссоздания полной и исчерпывающей картины как самого края, так и характеристики тех, кто им управлял, недостаточно опираться только на критические материалы, отложившиеся в источниках. Необходимо также акцентировать внимание на прямо противоположных образах местной горнозаводской бюрократии и Алтайского горного округа, оставленные учеными и путешественниками, посетившими Алтай в 20–40-х гг. XIX в., чьи труды сыграли важную роль в формировании у общественности позитивного имиджа края и его администрации. Нас заинтересовали мотивы и обстоятельства, вызвавшие появление положительных впечатлений у хорошо образованных, осведомленных и компетентных людей.

Общеизвестны сравнительные оценочные суждения 40-х гг. XIX в. историка, этнографа, журналиста Павла Ивановича Небольсина или выдающегося географа, статистика, государственного и общественного деятеля Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского о Барнауле в сопоставлении с Тобольском, Томском, Омском. Первый отнес Томск и Тобольск к настоящим сибирским городам, в то время как Барнаул в его представлении был «чистым уголком Петербурга», похожим «на заграничный европейский городок» [3, с. 226]. Второй «прозвал его сибирскими Афинами», считая «самым культурным уголком Сибири», особенно на фоне Омска, который по грубости и воинственности нравов сравнил со Спартой [4, с. 56–57].

Такие отзывы имели под собой объективное основание, так как прием вновь прибывших, стремление всячески способствовать выполнению их научных замыслов, обеспечивать им комфортное проживание и времяпрепровождение контрастировали с тем, что они наблюдали и с чем сталкивались в других сибирских городах. В Барнауле, неожиданно для себя, ученые и путешественники встречали образованное общество, которое разделяло их увлечения, способно было участвовать в обсуждении серьезных научных проблем, готово было в случае необходимости содействовать реализации намеченных исследований. Это обстоятельство, на наш взгляд, было одним из важных факторов отсутствия в их трудах критического настроя, нежелания отвечать на гостеприимство и реальную поддержку описанием каких-либо негативных сторон внутренней жизни округа или давать нелицеприятные оценки отдельным персонажам. Только П.П. Семенов-Тян-Шанский в своих мемуарах не удержался от утверждения, «что все это интеллигентное и культурное общество … жило выше средств, доставляемых ему крайне скудным казенным жалованьем», и указал на способ «самовознаграждения», получаемого «самовольно с крепостного населения Алтайского горного округа» [4, с. 126]. При этом он посчитал нужным отделить данный способ от грубой формы обогащения чиновников, «распространенной в русских провинциальных захолустьях», и подчеркнуть его необременительность для алтайских крестьян, «которые пользовались благосостоянием и не жаловались на притеснения горной администрации» [4, 126].

Путешественников поражал не столько внешний облик горнозаводских центров (Барнаул, Змеиногорск, Колывань), так как впечатления о них складывались неоднозначные, сколько местная элита, ее образовательный уровень, вовлеченность в масштабное промышленное производство, образ жизни, организация досуга, наличие культурных заведений в виде библиотеки, музея, минералогического кабинета, ботанического сада, обсерватории и пр., тесная связь с Петербургом, проявлявшаяся в различных мелочах: модном убранстве домов, нарядах дам, разнообразных и экзотических блюдах, подававшихся на обедах и ужинах, новинках литературы, развлечениях и т.п. Большинство ученых не пыталось вникать в сложившуюся систему административных и социально-экономических отношений в округе. Через свои последующие публикации они делились с общественностью небольшими зарисовками о ходе экспедиций и местах пребывания, которые их чем-то удивили и остались в памяти. К ним следует отнести впечатление о Барнауле, прежде всего, как о культурном центре Сибири, где многое напоминало столичный образ жизни, принятое в образованном обществе времяпрепровождение и среду общения.

Большое влияние на путешественников оказывала профессиональная направленность их интересов и деятельности. Например, Карл Фридрих Ледебур, Александр Андреевич Бунге, Карл Антонович Мейер, участвовавшие в ботанической экспедиции 1826 г., или минералог и геолог Григорий Ефимович Щуровский, совершивший восьмимесячное путешествие по Алтаю в 1844 г., были явно поглощены решением стоявших перед ними научных задач и в меньшей степени отвлекались на описание сопутствующих впечатлений. Тем не менее они создали в своих сочинениях привлекательный образ местного горнозаводского офицерства [5, с. 153–155; 6, с. 164]. К.Ф. Ледебур, вероятно, удивленный материальным достатком и даже роскошью, с какой жила местная административная элита, выяснил и раскрыл законные источники ее благосостояния за счет дешевизны продуктов питания, доступности колониальных товаров и целого ряда льгот и преимуществ, которые давала служба. Стоит отметить свойственное представителям естественных наук отсутствие в их трудах каких-либо личных оценок наблюдаемых явлений или объектов промышленного производства, стремление к точной и буквальной передаче увиденного. В центре их внимания находились природные богатства Алтая, география и история формирования данной территории, уникальные экспонаты.

Иначе выглядят «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул» историка, этнографа и журналиста П.И. Небольсина, написанные им по итогам своего частного путешествия 1846 г. и опубликованные отдельной книгой в 1850 г. [7]. В них, помимо исторического очерка, присутствует во многом личностная характеристика алтайской бюрократии и положения основных категорий населения округа, а также восстановленная на основе законодательства действовавшая система управления окружным хозяйством. Возможно, на содержании «Заметок» сказалось увлечение автора журналистикой, когда с позиции очевидца он пытался через свои личные впечатления убедить читателя в процветании региона и благосостоянии его жителей. Более того, Павел Иванович не скрывал намерение опровергнуть распространенную в России «ложную мысль, что в сибирских рудниках живут не люди, а несчастные мученики, вечные страдальцы, которые всю жизнь свою проводят в недрах земли, никогда не видят Света Божьего и изнуряются тяжкими трудами» [7, с. 110].

Однако только профессиональными наклонностями и стремлением изменить устоявшееся общественное мнение нельзя полностью объяснить, почему в его заметках наряду с реальными наблюдениями присутствуют явно приукрашенные образы Алтая, местной администрации и особенно положения приписных крестьян и мастеровых. Напрашивается предположение, что П.И. Небольсин мог выполнять заказ, исходивший от горнозаводской бюрократии, но для такого вывода нужно документальное подтверждение, которое отсутствует. Вероятней всего, присущая его путевым заметкам двойственность была результатом соединения реальных впечатлений, достоверной информации, полученной им на местах пребывания, с личностной их интерпретацией, исходя из предпочтений и идейных установок, свойственных автору. Принадлежность к дворянскому сословию и мировоззренческая близость с людьми, составлявшими горнозаводскую элиту Алтая, не могли не отразиться на содержании его сочинения.

Таким образом, созданный учеными и путешественниками положительный образ алтайской бюрократии, во-первых, результат восприятия ими окружавшей их действительности, сравнительного анализа различных регионов Сибири и позитивного отношения к людям, которые во многом способствовали реализации их научных планов; во-вторых, ориентации на конкретную область научного исследования, чаще всего далекую от социальных, экономических и управленческих проблем; в-третьих, идейных установок, которыми они руководствовались, если желали высказать то или иное личное мнение о наблюдаемых явлениях.

Список источников и литературы

1. *Должиков В.А.* Системно-институциональные истоки коррупции в алтайском «кабинетском хозяйстве (1830-е – начало 1860-х гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/1 (88). С. 104–108.

2. *Соболева Т.Н., Осипова М.А.* Алтайская бюрократия 60-х – начала 80-х гг. XIX в. (Негативные штрихи к портрету кабинетской горнозаводской администрации) // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в.: Сб. науч. статей. Барнаул, 2003. С. 109–137.

3. *Небольсин П.И.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2005. С. 207–226.

4. *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Мемуары. М., 1946. Т. 2. 256 с.

5. *Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.* Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи /пер. с нем. В.В. Завалишина, Ю.П. Бубенкова. Новосибирск, 1993. 414 с.

6. *Щуровский Г.Ф.* Геологическое путешествие по Алтаю // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2005. С. 164–206.

7. *Небольсин П.И.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. 248 с.

T.N. Soboleva, A.E. Kukharenko

Image of administration mining district
the works of scientists and travelers who visited Altai in 1820–40s.

Summary. This paper presents positive images of the Altai bureaucracy, left scientists and travelers. We characterize the motives and circumstances of the positive impressions.

Key words: Altai mining district, the historical and geographical images, the image of the mining bureaucracy.

УДК 94(57): 314

Н.В. Кабакова

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН В ТОБОЛЬСКУЮ ГУБЕРНИЮ (1840-е гг.)

Аннотация. в статье рассматриваются вопросы о деятельности сибирских властей в процессе реализации реформы государственных крестьян, разработанной П.Д. Киселевым, по организации переселений из малоземельных губерний Центральной России на территорию Тобольской губернии в 1840-е гг. Раскрывается роль центральных и местных органов в подготовке, координации приема и размещения новых жителей, выявляются различные проблемы, возникавшие в контексте данных ситуаций. Указано количество переселенцев, районы выхода и места их водворения.

Ключевые слова: государственные крестьяне, малоземельные губернии, Тобольская губерния, переселения, органы власти.

В 1840-е гг. в Российской империи осуществлялась реформа государственных крестьян, проводимая МГИ во главе с П.Д. Киселевым, которая предусматривала возможность переселений из малоземельных губерний в Сибирь, о чем гласил указ, подписанный в апреле 1843 г. Согласно ему, переселенцы получали безвозвратную денежную помощь и ссуду с десятилетним сроком возврата, льготы – освобождение на 8 лет от денежных и натуральных повинностей и на 3 года – от

рекрутского набора. Но, самое главное, каждый новосел в Тобольской губернии приобретал не менее 15 дес. земли на душу, то есть на мужчину, включая младенцев мужского пола. Данная мера стала попыткой со стороны центральных властей, с одной стороны, решить проблему малоземелья в Центральной России, с другой – продолжить процесс сельскохозяйственного освоения Сибири. Именно поэтому для государственных крестьян из малоземельных губерний предлагались южные районы Тобольской губернии, наиболее удобные для развития хлебопашества. В поле зрения современных сибиреведов нередко оказываются различные аспекты тематики, освещающие переселенческие процессы в контексте формирования населения данного региона. Среди многочисленного ряда работ назовем лишь некоторые. В монографии М.Л. Бережновой раскрывается феномен челдонов как группы русских старожилов Сибири, в том числе уделяется внимание процессу ее складывания [1]. С.Н. Корусенко обращается к изучению бухарцев, рассматривая процесс их закрепления на территории западносибирского региона [2]. А.А. Крих характеризует процессы формирования и трансформации многочисленных групп русских сибиряков [3].

Рассматривая вопросы развития населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв., мы пришли к заключению о том, что наибольшую роль в процессе увеличения количества жителей региона играл естественный прирост [4, с. 137], однако в 1840–1850-е гг. существенно нарастает роль миграций в приумножении народонаселения. В данной статье будут затрагиваться вопросы, освещающие процесс реализации реформы П.Д. Киселева по переселению государственных крестьян из малоземельных губерний Европейской России на территорию Тобольской губернии, где главное внимание будет уделено деятельности сибирских властей в организации данных переселений.

Осуществляя переселения, государство жестко регламентировало все его этапы, заботясь о появлении в Сибири самостоятельного колонизатора и прочности его водворения. Учреждения МГИ, создаваемые на местах, должны были контролировать районы выхода и укоренения переселенцев, определяя экономическую и социальную целесообразность переездов, проводить межевые и землеустроительные работы, формировать переселенческие партии, предлагать места нового жительства, а при необходимости – возможность их осмотра выделенными депутатами от новоселов, следить за использованием ссуд. В их функции также входило обеспечение жильем, продуктами питания, сельскохозяйственными орудиями, строительными материалами, кормами и семенами. Чиновники, ответственные за осуществление контроля за ходом переселения, вели активную переписку, на основании которой возможно составить представление о том, насколько успешно шел процесс, с какими трудностями сталкивались как местные управленцы, так и вновь прибывшие крестьяне.

Согласно указу об организации переселения государственных крестьян из малоземельных губерний Российской империи в Сибирь, первоначальный поток был направлен на территорию Тобольской губернии, в Тарский округ. Этот поток был совсем не значителен: в 1843 г. сюда прибыло только 19 семейств (66 д.м.п. и 60 д.ж.п.) [5, ф. 3, оп. 2, д. 3121, л. 48–48 об.]. Во многом вынужденные действовать на свой страх и риск, имея смутные представления о далеком крае, крестьяне поначалу высказывали осторожность. Но со временем, убедившись в обилии земель и хозяйственных преимуществах на новом месте, получив обещанные ссуды, льготы и помощь от властей, переселенцы уже проявляли все большую активность, и их число стало ежегодно нарастать. В дальнейшем новоселов начали принимать и в других округах Тобольской губернии. В 1848 г. переселенческий поток из Рязанской, Смоленской, Воронежской, Калужской, Казанской губерний (всего 5173 душ) направлялся преимущественно на территорию Курганского округа, где крестьян определяли к старожилам. Местами водворения были Черемуховская, Сычевская, Арлагульская и Морайская волости, в которых разместили 4435 чел. Остальные государственные крестьяне остановились в Омском (643 чел.) и Ишимском (95 чел.) округах [5, ф. 3, оп. 1, д. 2101, л. 7–8].

Переселенцы, прибывавшие на новое место, получали возможность выбора участка, предварительно приготовленного для них, либо отправить своих депутатов для осмотра земель. Следует отметить, что крестьяне из Центральной России, пожелавшие перебраться в Сибирь, уже имели определенное представление о новом месте, природных условиях, климате, поэтому чаще всего решение о конечном пункте своего следования они принимали заранее. Далее отправляющая сторона должна была проинформировать сибирское руководство о количестве переселенцев и избранном ими месте, после чего при отсутствии каких-либо задолженностей крестьяне могли собираться и трогаться в путь. Но порой путаница и неразбериха при передаче информации от одной управленческой инстанции к другой приводила к неприятным казусам, в результате которых крестьяне выбирали те земли, которые оказывались уже ранее заняты другими переселенцами. В донесении начальника межевания казенных земель полковника Будберга, датированном декабрем 1847 г., говорится о поступившем из Орловской палаты ходатайстве от переселенцев Орловской губернии Трубачевского округа. 42 семейства (110 душ) пожелали переселиться в Курганский округ Введенской волости в деревню Чинееву [5, ф. 3, оп. 1, д. 2101, л. 30–31 об.]. Однако в данной деревне к моменту получения ходатайства уже не оказалось свободных земель, ибо были заняты они переселенцами из Псковской губернии. Взамен орловским крестьянам предложили перебраться в Колмаковскую волость Омского округа. Сходная ситуация сложилась с крестьянами из Московской и Казанской губерний, также определившими собственное новое место жительства в Курганском округе. Им рекомендовали водворение в Кулачинской волости Омского округа.

Поток желающих переехать в Сибирь оказался неожиданно велик для чиновников, которые не успели приготовиться должным образом и не закончили межевания земель. Работу требовалось провести большую, но не хватало землемеров, на что нередко сетовали местные власти. В поисках выхода из создавшегося положения генерал-губернатор Тобольской губернии Г. Гасфорд потребовал немедленно донести, нельзя ли будет до формального описания и снятия на планы участков земель в Курганском, Ишимском и Омском округах сделать водворение в 1848 году на тех участках, кои признаны свободными. В ответном рапорте изъяснялось, что в Тобольской губернии помимо Курганского, существует возможность принимать переселенцев в других округах, а именно: в Ялуторовском (до 14462 душ), Ишимском (до 36055 душ), Омском (до 10232 душ). Получив положительный ответ, губернатор обратился к министру П.Д. Киселеву с просьбой приостановить отправку крестьян в Сибирь для более тщательной подготовки их встречи. Однако в июне 1848 г. из Министерства государственных имуществ пришел неутешительный ответ: «Приостановить переселение в Курганский округ по позднему времени не нахожу возможным, т.к. из двух тысяч человек, изъявивших желание на переселение в Тобольскую губернию, часть уже выпущена, а другие готовы к пути» [5, ф. 3, оп. 1, д. 2101, л. 74 об.–76]. И, поскольку спустя несколько месяцев первые партии должны были добраться до нового места жительства, из Тобольской казенной палаты поступило распоряжение местным земским судам указать свободные земли для осмотра, на которые командировать депутатов из числа прибывших крестьян. Для того же, чтобы вновь не возникло неразберихи, чиновникам вменялось в обязанность встречать переселенцев на границах округов, оказывая покровительство и помощь, обеспечивать продовольствием из сельских запасных магазинов.

Готовясь к встрече новых жителей, власти обязаны были обеспечить их необходимыми хозяйственными принадлежностями, для чего предоставлялись средства из государственной казны. Впоследствии необходимо было подробнейшим образом отчитаться о расходах. В архивах сохранились подобные документы. К примеру, в докладной записке чиновника по особым поручениям Главного управления Западной Сибири Шамардина перечисляются заготовленные для 1 тыс. семей переселенцев вещи: хомуты, супони, гужи, узды, дуги, веревки для вожжей,

сошники, косы-литовки, серпы, топоры. Указывается место их приобретения (Тюменская ярмарка) и количество истраченных средств – 5161 руб. из выделенных 6112 руб. 50 коп. [5, ф. 3, оп. 1, д. 2101, л. 50, 162 об.].

Нередко случалось, что даже прибывшие на изначально выбранное место крестьяне оказывались неудовлетворенными ни природными, ни хозяйственными условиями. Получая казенные средства, переселенцы рассчитывали либо купить дома у старожилов, либо построить их самостоятельно. Тем не менее уже в конце 1840-х гг. чиновники нередко сообщали о том, что места, назначенные на подселение, неудовлетворительны, поскольку «нет строевого леса, нет проточной воды, озерной же едва ли достаточно для старожилов, а посему переселенцы будут рыть колодцы, в которых вода оказывается часто не пригодной для употребления в пищу. Ранее переселенцы скупали у старожилов старые или ненужные им постройки, почему и домообзаводство их шло успешно. Ныне подобные постройки распроданы, почему успешного водворения ожидать нельзя» [5, ф. 3, оп. 1, д. 2101, л. 58–59]. Порой управленцы, призванные контролировать переселенческие процессы, сами имели весьма смутное представление об условиях, которые они предлагали новоселам. Так, 639 крестьянам из Тамбовской и Курской губерний, первоначально направлявшимся в Курганский округ, была предложена к размещению деревня Бекешева Баженовской волости Омского округа при озере Лисьем [5, ф. 3, оп. 1, д. 2101, л. 166–166 об.]. В действительности же озеро Лисье находилось от деревни в 20 верстах и давно уже высохло, поэтому переселенцам пришлось подыскивать новое место.

Аналогичная ситуация имела место и с крестьянами, прибывшими в сентябре 1848 г. из Витебской губернии, которые жаловались на отсутствие пособий, неудобное место, предложенное им для хлебопашества. При этом им уже дважды пришлось поменять место жительства, поскольку в первом случае им «не нарезали земли из-за маловодья», «в другом же месте – вода соленая». Чиновники порекомендовали витебским переселенцам вырыть колодцы, поскольку «земли достаточно». Переписка продолжалась до июня 1851 года, и спор закончился для крестьян безрезультатно [5, ф. 3, оп. 2, д. 2620, л. 153–153 об.].

Непросто осуществлялся процесс водворения и для трех крестьянских партий из Воронежской губернии, поступивших в сентябре 1848 г., о чем они сообщали в своей жалобе в Курганский земский суд. Первоначально они были намерены обустроиться в Ишимском округе, куда и направили своих представителей, но остановили их в Кургане «по неизвестному распоряжению». Здесь и предложили им земли, но они были признаны непригодными, поскольку «удобные уже все заняты, а те, что свободны – солонцеватые». К тому же переселенцы не получили вовремя пособие, им не предоставили строевого леса, «теперь же распродали все свое домашнее обзаведение, скот, да и в дороге претерпевали немалые трудности». По поступившему 18 ноября распоряжению от генерал-губернатора крестьянам из Воронежской губернии было подписано разрешение о переселении в Ишимский округ Ларихинской волости [5, ф. 3, оп.1, д. 2101, л. 221–238 об.].

Поскольку старожильческие селения, предназначенные для размещения государственных крестьян из малоземельных губерний, вскоре исчерпали возможности для водворения, встал вопрос о создании новых поселений. Но и здесь местные власти столкнулись с трудностями, связанными с отсутствием межевания. Именно об этом говорилось в донесении старшего запасного землемера Левченко: «Относительно новых поселений дать ответ невозможно, поскольку не проведено межевание. Если же позволено сделать только глазомерное обозрение земель, то можно закончить не через два года, а нынешним летом» [5, ф. 3, оп. 1, д. 2101 л. 178]. Разрешение на формальное межевание было получено и вскоре в Ишимском округе Локтинской и Ларихинской волостях, Омском округе Колмаковской и Кулачинской волостях, Ялуторовском округе Кизакской и Пятковской волостях власти указали новые места для переселенцев.

Путаница и неразбериха в чиновничьей переписке становилась порой препятствием к переселению из-за неполноты либо отсутствия необходимой информации. Так, в ноябре 1846 г. полковник Будберг получил запрос из Казенной Тобольской палаты, в котором шла речь о переселенцах из Казанской губернии: «Государственные крестьяне Казанской губернии Мамадыжского округа Красногорской волости села Отарки, имея в пользовании 3–4 десятины земли на душу, объявили о желании переселиться в числе 43 душ на жительство в Курганский округ. Казанская палата Государственных имуществ препятствий не имела, а потому перепроводила приговор обывателей отарского общества, выписку из очередного рекрутского списка и копию с ревизских сказок с просьбой дать распоряжение о причислении сих крестьян и переселении» [5, ф. 3, оп. 1, д. 2101, л. 38]. В январе 1848 г. в Казанскую палату пришел запрос из Тобольска с просьбой предоставить списки этих 43 переселенцев, желающих перебраться в Сибирь. Но в Казанской палате не ведали (!), о каких переселенцах идет речь, поэтому оттуда поступила просьба уточнить о крестьянах какой волости и деревни говорится в запросе.

Нередко местные власти в оправдание возникавших в ходе водворения проблем и неурядиц стремились переложить ответственность на самих крестьян. Так произошло вскоре после поступившего замечания генерал-адъютанта Анненкова, осуществлявшего ревизию водворения переселенцев. Анненков, в целом отмечая позитивные результаты переселенческого процесса, указывал на неудовлетворительное состояние крестьян в количестве 103 душ, прибывших из Орловской губернии и водворенных в Колмаковскую волость в деревню Лобанову-Кокушкино: «Строения … весьма худы, дворы не огорожены, избы не покрыты. Они жалуются на дурную почву земли и неурожаи и просят о переводе в другое место. Земля у них действительно не представляет всех желаемых удобств» [5, ф. 3, оп. 2, д. 3297, л. 5–9 об.]. Однако после произведенной в дальнейшем проверки замечаний Анненкова чиновником по особым поручениям от МГИ Денисовым был сделан следующий вывод: «Причина неудовлетворительного состояния орловских поселенцев – собственная их лень и нерадение к хозяйству… они считают, что новые земли, которые им отведут взамен прежних, без особого для них труда будут родить хлеб изобильно. …а посему, чтобы впредь не подавать дурного примера, отказать им»» [5, ф. 3, оп. 2, д. 3297, л. 29 об.–30]. В ответ на попытку крестьян, выходцев из Псковской губернии, размещенных в Курганском округе, пожаловаться на низкое качество выделенной им земли, окружные власти объявили, что у этих переселенцев «плохой характер», поскольку живущие бок о бок с ними старожилы никаких претензий не имеют. Однако присланная впоследствии комиссия признала, что местная земля не в состоянии «вознаградить труд землевладельца» и таким образом запоздало признала правоту крестьян.

Неоднозначными порой оказывались и взаимоотношения переселенцев со старожилами. По наблюдениям Н.М. Ядринцева, подобные контакты определенно не носили враждебного характера, поскольку сибиряки поддерживали новоселов, давали им приют, спасали в трудных жизненных ситуациях; обе категории уживались в одной деревне: «… между старым и новым элементом можно иногда встретить различные вкусы, можно услышать насмешки с той и другой стороны над соседями, они метко подмечают недостатки друг друга, но это то же иронически-добродушное отношение, какое встречается в кличках и характеристиках между различными областями России …», «… переселенцы усваивают приемы хозяйства и склад местной среды …» [6, с. 129, 134–135]. В то же время неизбежными были и конфликты, поскольку «… две крестьянские общины, каждая из которых сложилась давно и прошла свой путь в отличных от другой социально-исторических и экономико-географических условиях, оказались соединенными в одной деревне, одной территориальной общине. Сибиряки, вложившие в свое время много труда в освоение новой территории, основавшие деревню, претендовали на определенные преимущества перед чужаками, явившимися на все готовое. Переселенцы, сплоченные самим процессом переезда, привыкшие к несколько привилегированному положению по сравнению с другими категориями государ-

ственных крестьян, не хотели уступать …» [7, с. 159]. Проявление подобных трений и конфликтов в ситуациях адаптации могло быть различным, но, несомненно, что процесс вхождения новоселов в иную жизнь на новом месте, рядом с новыми людьми не мог осуществляться просто, что становилось дополнительной трудностью, объективно существовавшей, наряду с теми вышеперечисленными, что нередко возникали в ходе переездов в Сибирь и обустройства, в контактах с администрацией.

Чем бы ни мотивировали местные власти свои отказы на выдвигаемые переселенцами претензии, плохим характером новоселов, их ленью или нерадением, но, в действительности, в начале 1850-х гг. при гораздо большей заселенности Курганского, Омского и Ишимского округов возникла необходимость осваивать Тарский округ. Приток государственных крестьян из европейских губерний России достигал своего максимума, и Сибирское межевание предпринимало попытки строже следить за реализацией реформы Киселева, направляя переселенческие потоки.

Таким образом, если на начальном этапе переселения в Сибирь из малоземельных губерний Центральной России не носили массового, и сибирским властям удавалось принять и обеспечить крестьян, пожелавших водвориться на новом месте всем необходимым, то впоследствии данный поток стал нарастать. Этому способствовали не только казенные льготы или слухи об обилии свободных земель на востоке. П.И. Небольсин отмечал, что в 1840-е гг. простой народ переставал дичиться Сибири, слывшей ранее суровым каторжным краем, и писал, что сюда все чаще идут вольные переселенцы «с законным паспортом за пазухой» [8, с. 50]. В результате местные власти порой утрачивали всяческий контроль за прибывающими крестьянами, сознаваясь, что не имеют действительных сведений, им неизвестно «о неудобностях каких-либо участков к водворению». Для изменения ситуации они требовали увеличить количество чиновников, сократить число переселенцев. Серьезнейшей проблемой стала полная неразбериха с межеванием земель. Немногочисленный сибирский аппарат управления оказался неготовым к принятию переселенцев, их водворению, распределению земель.

Список источников и литературы

1. *Бережнова М.Л.* Загадка челдонов: история формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. 266 с.

2. *Корусенко С.Н.* Сибирские бухарцы: формирование и трансформация этносословной группы // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века). Новосибирск: Параллель, 2014. С. 118–124.

3. *Крих А.А.* Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Издат. дом Наука, 2012. 296 с.

4. *Кабакова Н.В.* Формирование населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Омск: Изд-во СибАДИ, 2008. 214 с.

5. *ГИАОО*

6. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1892. 750 с.

7. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия», 1991. 269 с.

8. *Небольсин П.И.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. 248 с.

N.V. Kabakova

To the guestion on the activities of siberian authorities resettlement of state peasants in the province of Tobolsk (1840s.)

Summary. The article considers the questions about the Siberian authorities in the implementation of the reform of state peasants developed P.D. Kiselyov, for the resettlement of land-poor provinces of

Central Russia on the territory of the province of Tobolsk in the 1840s. Explores the role of central and local authorities in the preparation, coordination, reception of new residents identified a variety of problems that arose in the context of these situations. It indicates the number of persons, and exit areas where they interned.

Key words: state peasants , land-poor province, Tobolsk Province, resettlement authorities.

УДК 94(57)

Г.С. Султангалиева

ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАХСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Аннотация. В докладе представлены взгляды региональной администрации (губернаторов, председателей Пограничной комиссии и чиновников) по формированию механизма кооптации казахского населения в состав российского чиновничества в первой половине XIX в., адаптации казахской знати к нововведениям российской власти и изменения их ценностных ориентиров и поведения.

Ключевые слова: Казахская степь, российское чиновничество, политика Российской империи.

В содержание политики Российской империи в Казахской степи в первой XIX в. входило не только создание единого политико-административного и территориального устройства с империей, но и трансформация социальной структуры казахского кочевого общества и создание новых сословий, в частности чиновничества. В первой половине X1X в. важно было кооптировать на службу государю и правящей династии тех представителей казахского населения, от «умения и такта» которых зависел успех «предпринятого русским правительством начинаний» и через них получить каналы воздействия на основное казахское население. При этом легитимность власти казахских чиновников определялась уже российскими властями, а не традициями общинного самоуправления. Предлагаемый в докладе хронологический период – первая половина XIX в. – имеет для анализа проблемы ключевое значение, ибо именно в этот период происходило политико-административное внедрение Степи имперскими структурами, приобщение казахского кочевого населения к системе новых ценностей и стандартов жизни. Существовало несколько ключевых конструкций восприятия российской властью Степи. Во-первых, территория с иным образом жизни и ведения хозяйства, а именного кочевым. Во-вторых, Степь представляла собой не единое пространство, а три части (Младший, Средний и Старший жузы) и соответственно, исходя из специфики каждого из этих регионов, российские власти выстраивали практику и инструменты управления. В связи с этим возникает ряд вопросов. Как российский чиновник, прошедший службу зачастую на разных окраинах империи и переносивший управленческие приемы и технологии с одной окраины на другую, адаптировал свой опыт к реалиям кочевого общества, выстраивал отношения с представителями казахской элиты и постепенно приобщал их к атрибутам чиновника Российской империи? Какие цели ставили российские власти в процессе рекрутирования представителей казахского населения в состав российского чиновничества и какими качествами (профессиональные, нравственные или только исполнительные) должны были обладать казахские чиновники? Как оценивали российские чиновники региональных администраций качество исполнения должностных обязанностей казахами? Как конструировалось российскими властями «исполнение» или «неисполнение» обязанностей казахскими чиновниками?

Историческими источниками для раскрытия поставленных вопросов послужили документы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан. В 2006 г. по программе «Культурное наследие» Республики Казахстан был издан сборник документов «О почетнейших и

влиятельнейших ордынцах» в серии «История Казахстана в русских источниках», аккумулировавший большую часть «Алфавитных списков…», послужные и формулярные списки казахов Оренбургского, Сибирского ведомств, Степного генерал-губернаторства из фондов ЦГА РК [1]. В первую очередь, это взгляды региональной администрации (оренбургских губернаторов, председателей Оренбургской пограничной комиссии) на механизм отбора той или иной кандидатуры среди султанов, биев, старшин на должность в органах пограничного и местного управления, составление инструкций для исполнения должностных обязанностей таким казахским чиновникам, как помощники султанов-правителей, дистаночные и местные начальники и т.д. «Алфавитные списки почетнейших и влиятельнейших ордынцев», составленные чиновниками Оренбургской Пограничной комиссии, находившиеся по долгу службы длительное время в казахских кочевьях и участвовавшие во всех политико-административных мероприятиях в Степи в первой половине XIX в. Это были донесения чиновника особых поручений при председателе Оренбургской Пограничной комиссии Василия Лазаревского, чиновника для производства следствия в Степи Михаила Житкова, заведующего делами присырдарьинских казахов Иосифа Осмоловского, попечителей прилинейных казахов Оренбургского ведомства Андрейя Шершеневича, Мухамеда-Шарифа Аитова, Тимофея Редькина, Григория Лукина, Григория Костырко, письмоводителей при султанах-правителях Константина Груздя, Григория Полворотова, Абдулкадыра Субханкулова и др. Все они хорошо знали казахский язык, культуру и обычаи казахского кочевого общества, ибо обучались восточным языкам в Оренбургском кадетском корпусе (Лукин, Субханкулов, Полворотов), Одесском училище (Шершеневич), Казанском (Осмоловский), Харьковском (Лазаревский) университетах и т.д.

Какими качествами должны были обладать казахские чиновники в глазах российской власти?

В первую очередь, русские чиновники как представители сословной России считали, что избрание на государственную службу и, соответственно, определение в табельный чин предполагало принадлежность кандидатов к привилегированным группам. Исходя из этого важным критерием для назначения на службу было социальное происхождение. Отражением данного подхода явилось мнение чиновника особых поручений при Оренбургской Пограничной комиссии В. Лазаревского, который считал, что региональная администрация, в первую очередь, должна ориентироваться только на султанов, как лиц, способных занять должность [1, с. 129–130]. В 20-50-х гг. XIX в. приоритет при назначении на должности отдавался султанам. Так, в гл. 2, параграф 16 Устава о сибирских киргизах (1822 г.) было обозначено, что волости управляются султанами. Преимущественное право на должность старшего султана имели представители «белой кости», в первую очередь потомки ханских династий – Абылая и Букея. На территории Младшего жуза право на должность султана-правителя – потомки хана Абулхаира [2, док. № 54, с. 94]. Не случайно 19 июля 1839 г. хан Внутренней Орды Джангир в своем прошении императору Николаю I подчеркивал, что султаны составляют «высшее наследственное сословие» в кочевом обществе и пользуются от российского правительства титулом «степенство», что подчеркивало их привилегированное положение, соответственно этом, они могли, по его мнению, находиться на службе Империи «наряду с российским дворянами» [3, док. № 271, с. 378].

Однако на протяжении XIX в. происходила постепенная смена приоритетов и ориентации Российского правительства не на происхождение казахов в процессе их привлечения на службу, а на личные качества и преданность правительству. В 1856 г. Оренбургский губернатор В. Перовский (В.А. Перовский прослужил в Оренбургском крае почти 15 лет: в должности оренбургского военного губернатора в 1833–1842 гг., оренбургского и самарского генерал-губернатора – в 1851–1857 гг.) отметил, что назначение на должности в Степи одних султанов, по-

чему-то вошло в обычай, в то время как простые казахи показали уже «неоднократные примеры» своей службою и заслуживали это «честностью своею, понятливостью к делам». Кроме того, В. Перовский, изучивший быт и нравы казахского народа, подметил, что султанское происхождение не давало в кочевом обществе «никаких существенных преимуществ» и поэтому назначение «кара суйек» на должности в местном управлении нисколько не противоречило бы нравам казахов, так как в Степи «влияние и уважение приобреталось единственно личными качествами». Тем более, по его мнению, такой порядок совершенно «согласовался бы с коренными законами Империи, открывающими поприще государственной службы всякому тому достоинству» [4, И-Ф. 4, оп.1, д. 6287, л. 14 об.].

Исходя из этого региональная администрация считала, что претендент на должность в Степи должен обладать «всеми полезными качествами, которые необходимы в должностном лице», а именно умение убеждать, объяснять и направлять настроение своих соплеменников к принятию «верного» решения, наличие воли и энергии в своевременном исполнении поручений. Российские власти считали, что природный ум, ораторское искусство казахских лидеров могут быть с успехом «употреблены в пользу правительства» и помочь им в их дальнейших тактических действиях по продвижению в глубь Степи для «наблюдения за порядком» на пограничной линии и для «… исполнения предписаний начальства» [4, И-Ф. 4, оп. 1, д. 2512, л. 25].

Следующее качество, которым должен был обладать претендент на должность, – «усердие при исполнении возложенных на них поручений и преданность правительству». При этом региональная администрация отмечала разную степень преданности казахских служащих правительству: «предан усердно», «предан хорошо», «предан в полной мере». Каковы же были критерии «преданности», определяемые российской властью? Конечно, в первую очередь – своевременное «доставление сведений» о событиях в Степи, о взаимоотношениях с соседними регионами, народами, быстрое выполнение поручений и т.д. Вместе с тем российские власти понимали, что лояльность к русскому правительству, преданность – признак весьма непостоянный, поэтому подчеркивали, что «предан правительству из расчета», т.е. «из корысти старается выхлопотать себе какое-либо поручение», чтобы получить награды и т.д. [1, с. 89].

Образовательный уровень не являлся определяющим при назначении на должность. Но знание русского языка, по мнению русских чиновников, способствовало своевременному исполнению заданий. Так, султан-правитель Восточной части Ахмед Джантюрин, свободно владевший русским языком, «как разговорным, так и письменным», понимал с «большою легкостью распоряжение Комиссии по управлению вверенной ему части», в то время как правитель Средней части Арслан Джантюрин имел «важное затруднение» в исполнении распоряжений правительства «из-за неграмотности» [1, с. 67].

Не являлся определяющим для региональной администрации и тот факт, находился ли «под следствием» претендент на должность.

С 50-х гг. XIX в. региональная администрация при назначении казахов на должность стала обращать внимание на такой важный фактор, как наличие у них опыта управления в Степи. Председатель Оренбургской Пограничной комиссии В.В. Григорьев, представляя в 1855 г. новую кандидатуру на должность султана-правителя Средней части, Мухамеджана Баймухаммедова, подчеркивал, что он «хорошо знает порядок нашего делопроизводства», самое главное – «привычный к управлению», успешно выполнял неоднократные поручения оренбургской администрации [4, И-Ф. 4, оп. 1, д. 2745 л. 1–2]. Этим самым В. Григорьев, определял его как уже сформировавшегося чиновника, так как М. Баймухаммедов к началу исполнения должности султана-правителя уже имел 14 - летний опыт управления в качестве начальника 8-й дистанции, затем помощника султана-правителя Средней части и чин подполковника [1, док. № 330, с. 368–374].

Поддержанию «исполнительности» казахов должны были способствовать, по мнению региональной администрации, такие карательные меры в отношении казахских чиновников, как отстранение от должности, лишение чина, прекращение выдачи жалованья, арест от 3 до 15 суток, штрафы и даже ссылка на каторгу. При этом оренбургский губернатор В. Перовский, учитывая недостаток «вполне способных и благонадежных ордынцев», считал, что казахских чиновников подвергать следствию и суду за неисполнение возложенных на них обязанностей можно «лишь в случае особой важности», но если же они показывали «упущения по службе» от лености и «киргизских понятий о вещах», то губернатор рекомендовал, не удаляя от должностей, а в административном порядке «наказывать немедленно», а именно «заключением под стражу на более или менее, по мере вины, долговременные сроки».

Материалы российской политики в Степи в первой половине XIX в. достаточно хорошо показывают, что обсуждение вопросов кооптации представителей казахской знати в российское чиновничество детализировалось, усложнялось и значительно изменялось. Взгляды на формирование чиновничества, как показывает административная практика управления, не были четкими и ясными на протяжении долгого времени, но постепенно, с 30-х гг. XIX в., ситуация стала изменяться. Появились инструкции для должностей в системе местного управления. Эти документы были подготовлены русскими чиновниками, которые имели опыт административной деятельности в Степи. Кроме того, ряд чиновников региональной администрации (переводчики, пристав, попечители) жили среди кочевой среды, приобрели свой взгляд на понимание «правильного» управления казахами, собственный опыт взаимоотношений с кочевниками. Этим самым они вносили детали в механизм и оценки эффективности управления Степью. Постепенно узкое и ограниченное социальное взаимодействие менялось на все более открытое и широкое. Реальные достоинства (образование, а не принадлежность клану, способности), а не привилегии становились основой для продвижения по службе.

Список источников и литературы

1. *О почетнейших и влиятельнейших ордынцах*: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. VIII .Ч. 2. Алматы. 2006. 962 с.

2. *Материалы по истории политического строя Казахстана*. / Под ред. М.Г. Масевич. Алма-Ата, 1960. Т.1. 441 с.

3. *История Букеевского ханства*. 1801-1852 годов: сборник документов и материалов. Алматы, 2002. 1120 с.

4. *ЦГА РК*

G.S. Sultangalieva

Government views on the formation of the Russian Kazakh officialdom in first half of XIX c.

Summary: This report presents the views of the regional administration (Governor, Chairman of the Boundary Commission and officials) on the formation mechanism of co-optation of the Kazakh population of the Russian officials in the first half of the nineteenth century. Adaptation of the Kazakh elite to innovations and the Russian authorities to change their values and behavior.

Key words: Kazakh steppe, the Russian bureaucracy, the policy of the Russian Empire.

УДК 94(47).08

А.В. Филимонов

КОМИТЕТ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НОВОГО ТИПА В АСПЕКТЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДЕЛА (1892–1905 ГГ.)

Аннотация. Статья посвящена роли Комитета Сибирской железной дороги и Переселенческого управления в переселенческой политике государства на рубеже XIX–XX вв. Дается характеристика ключевых правовых особенностей этих государственных органов. Рассматривается процесс формирования и изменения нового финансового механизма переселений в 1890-е гг. после открытия фонда вспомогательных предприятий Комитета Сибирской железной дороги и создания Переселенческого управления в составе Министерства внутренних дел. Цель статьи – определить, смогли ли вышеуказанные государственные учреждения в период 1892–1905 гг. объединить усилия высшей бюрократии вокруг переселенческого проекта и установить эффективный механизм его финансирования.

Ключевые слова: переселение, финансы, государственные учреждения, Комитет Сибирской железной дороги, Переселенческое управление.

В конце XIX – начале XX вв. правительственная политика в отношении внутренних миграций претерпевала трансформацию от «пассивно-безразличной» позиции в сторону поощрения [1, с. 21]. Многими государственными деятелями была осознана необходимость контроля государства над переселенческим движением, поскольку регулирование миграционных потоков могло стать важнейшим инструментом для решения проблем аграрного перенаселения Европейской России и колонизации имперских окраин. В свою очередь, достижение государством ведущей роли в переселенческом процессе предполагало не только наличие определенного законодательства и административного аппарата, но и соответствующую финансовую политику. Здесь представляется особенно важным проследить формирование финансовых механизмов переселенческого процесса, связанных с двумя новыми учреждениями: Комитетом Сибирской железной дороги и Переселенческим управлением. Необходимо определить, насколько функционирование этих органов и их финансовых потоков вписывалось в традиционную ведомственную систему Российской империи, а также выявить степень устойчивости «союза» высшей бюрократии в контексте переселенческой политики и ее финансирования.

Первые попытки объединения усилий высших государственных учреждений в сфере переселенческого дела относились к 80-м г. XIX в. Заметно возросшие к тому времени масштабы самовольных крестьянских переселений заставили правительство заняться созданием соответствующего законодательства. В 1881 г. разработка общего переселенческого закона была поручена особой комиссии, образованной при Министерстве внутренних дел. Председателем комиссии был назначен тайный советник П.П. Семенов, в состав вошли представители Министерств внутренних дел, финансов, юстиции и государственных имуществ. Итоговый проект комиссии Семенова сочетал признание необходимости переселений из черноземных губерний Европейской России с желательностью «подчинить руководительству администрации переселенческое движение во всех его фазах» [2, с. 109].

Смена более либеральных М.Т. Лорис-Меликова и Н.П. Игнатьева на консервативного Д.А. Толстого во главе Министерства внутренних дел заметно повлияла на формировавшийся государственный курс в отношении переселений. Толстой практически сразу после своего назначения

начал настаивать на пересмотре государственной программы решения переселенческого вопроса в сторону увеличения правительственного контроля. В его докладе 26 апреля 1884 г. указывалось на невозможность допустить полную свободу переселений, поскольку она вызвала бы излишнюю мобильность сельского населения, а также по причине отсутствия необходимого количества отмежеванных земель. Тем не менее министр считал целесообразным разрешить переселение действительно нуждавшимся в улучшении хозяйственного положения крестьянам, а также способствовать их устройству на новом месте, в том числе при помощи государственных пособий [2, с. 111–112]. После некоторой корректировки на особом совещании министров внутренних дел, государственных имуществ, финансов, императорского двора, военного и путей сообщений, предположения Толстого в мае 1884 г. были одобрены Александром III и приняты как руководство к действию [2, с. 112]. В рамках «попечительского» курса в том же 1884 г. по ведомству внутренних дел был открыт небольшой кредит в 40 тыс. руб. на пособия переселенцам, сократившийся в последующие годы до 20 тыс. руб. [2, с. 111–112]. Вскоре при Министерстве внутренних дел была образована новая комиссия по разработке переселенческого закона под председательством В.К. Плеве, состоявшая из представителей Министерства внутренних дел, финансов и государственных имуществ.

Закон 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» основывался как на трудах комиссии П.П. Семенова, так и на предложениях Д.А. Толстого, развитых комиссией В.К. Плеве. Официальные переселения были поставлены под контроль нескольких ведомств: разрешение сельским обывателям и мещанам выдавались с согласия министров внутренних дел и государственных имуществ. В вопросе финансирования переселенцев к данным ведомствам присоединялось Министерство финансов: помимо ссуд на продовольствие и обсеменение на общих с местными крестьянами основаниях, все три ведомства по взаимному согласию могли при необходимости выдавать путевые пособия и денежные ссуды на первоначальное обзаведение, приобретение рабочего скота и земледельческих орудий [3, т. IX. № 6198. О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее, с. 535–537; 2, с. 115]. После издания закона кредит на помощь переселенцам был увеличен с 20 до 80 тыс. руб. [4, с. 34].

На практике закон 1889 г. не способствовал установлению государственного контроля за переселениями, равно как не привел к сокращению их масштабов: наоборот, в 1889–1893 гг. значительно возросли общие размеры переселений, а также процент таковых «на свой счет и страх» [5, с. 22]. Важным фактором резкого увеличения самовольных переселений стал аграрный кризис 1891–1892 гг. в черноземных губерниях Европейской России. В результате, несмотря на приостановку официальных переселений циркуляром 6 марта 1892 г., самовольное движение продолжало расти и требовало нового подхода со стороны властей.

Помимо аграрного кризиса, определяющее влияние на переселенческое движение оказало строительство Сибирской железной дороги. Вопрос о ее сооружении неоднократно поднимался еще в прежние десятилетия, однако из-за постоянных разногласий ведомств (главным образом, Министерства финансов и Министерства путей сообщения) сама постройка стала возможна только в начале 1890-х гг. Этому способствовал курс Министерства финансов на выкуп частных железнодорожных линий в казну, который завершился фактическим подчинением ведомства путей сообщения после назначения Витте его главой в феврале 1892 г. Новый министр путей сообщения, отлично знакомый с железнодорожным делом, практически сразу занялся мероприятиями, связанными со строительством Транссиба, и продолжил их, перейдя в августе 1892 г. на должность министра финансов.

Практически сразу возникла необходимость в межведомственном органе для координации действий высших государственных учреждений и для сокращения времени на разного рода согласования. Таким органом стал Комитет Сибирской железной дороги, созданный решением особого совещания 10 декабря 1892 г. и Положением императора от 21 февраля 1893 г. Выбор формы нового учреждения как комитета предполагал первостепенную важность стоявших перед ним задач, по аналогии с предыдущими органами того же типа: второй Сибирский комитет (1852–1864 гг.), Кавказский комитет (1833–1882 гг.), Комитет по делам Царства Польского (1864–1881 гг.) и др. Основным условием достижения эффективности и быстродействия принимаемых решений было включение в состав Комитета цесаревича Николая в качестве его председателя. Благодаря этому любое постановление и даже мнение Комитета приобретало обязательную силу для всех остальных государственных учреждений, даже несмотря на то, что формально орган являлся лишь законосовещательным [6, с. 257].

В состав Комитета на постоянной основе вошли министры финансов, внутренних дел, путей сообщения, государственных имуществ, военный, а также управляющий морским министерством и государственный контролер [7, с. 72 (Положение о Комитете Сибирской железной дороги)]. Помимо этого на заседания часто приглашались министры юстиции, императорского двора, иностранных дел, а также степной, иркутский и приамурский генерал-губернаторы [8, с. 36]. Имевшие наиболее значительное влияние в составе КСЖД вице-председатель Н.Х. Бунге и министр финансов С.Ю. Витте определяли общий курс мероприятий, обеспечивали быстроту принятия решений и соответствующее финансирование.

В «Положении о Комитете Сибирской железной дороги» сфера деятельности органа определялась значительно шире, чем строительство самой железной дороги. Задачами Комитета в том числе являлись общий надзор над «вспомогательными предприятиями», руководство ими путем распоряжения ассигнованными суммами, а также согласование усилий ведомств [7, с. 73 (Положение о Комитете Сибирской железной дороги)]. Благодаря инициативе Н.Х. Бунге и С.Ю. Витте, в состав «вспомогательных мероприятий» Комитета было включено заселение близлежащих к железной дороге районов. 4 марта 1893 г. при КСЖД была образована Подготовительная комиссия, состоявшая из представителей заинтересованных ведомств. Бессменным ее председателем стал управляющий делами статс-секретарь А.Н. Куломзин, который давно выступал за необходимость проведения целостной переселенческой политики. Под его руководством Подготовительная комиссия принялась за последовательное обсуждение переселенческих вопросов и составление соответствующих финансовых смет.

Финансирование вспомогательных предприятий Подготовительной комиссией происходило через предоставление кредитов соответствующим ведомствам. Средства для переселенческих нужд в основном ассигновались Министерству внутренних дел и Министерству государственных имуществ. Уже в первые годы работы Комитета сформировался в общих чертах механизм финансирования переселенческого дела: основная нагрузка по составлению смет ложилась на соответствующие ведомства. Первоначальные проекты смет составлялись на местах, затем рассматривались в Подготовительной комиссии А.Н. Куломзина, после чего утверждались в самом Комитете. Оттуда одобренный проект поступал в Государственный совет и, наконец, соответствующие расходы включались в ежегодную Государственную роспись. Распоряжение суммами, выделенными на переселенческие мероприятия, возлагалось на местные губернские канцелярии. Соответствующие руководители межевых партий, а также чиновники особых поручений Земского отдела Министерства внутренних дел или лица их заменяющие, получали деньги по предъявлению особых ассигновок (часто на месте работ) и отчитывались по поводу расходования средств перед местным контролем. По настоянию С.Ю. Витте счета фонда вспомогательных предприятий носили особый

характер, то есть были выделены из общего порядка расходования, что позволяло вести общую отчетность по фонду вне зависимости от назначения и места выдачи кредитов [6, с. 265].

По законодательству в распоряжение Комитета Сибирской железной дороги поступили весьма значительные средства, изначально составлявшие 150 млн. руб. Из общей суммы 14 млн. руб. было выделено на вспомогательные предприятия, в число которых входило и финансирование переселений в районы строительства Транссиба [3, т. XII, № 91409. О порядке и способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути, с. 680]. Своевременное выделение средств и регулярное увеличение размеров фонда КСЖД в течение всего времени его существования стало возможным, в первую очередь, благодаря укреплению в 1890-х гг. финансовой системы и переходу на золотой стандарт.

Средства фонда вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги распределялись на землеустроительные работы, усиление личного состава и различные виды помощи переселенцам. Для заготовления переселенческих участков в 1893 г. Комитет выделил 229,5 тыс. руб., а также учредил четыре временные землеустроительные партии, состоявшие из 100 землемеров и производителей работ [4, с. 48]; положением 13 июня 1893 г. на усиление личного состава чиновников по крестьянским делам и чиновников особых поручений по переселенческим делам ассигновывалось 74,3 тыс. руб. [3, т. XIII, № 9803. Об усилении состава и денежных средств местных установлений в некоторых губерниях и областях Сибири, с. 465]. После отмены запрета на переселения в 1894 г. на пособия крестьянам было отпущено 300 тыс. руб., а также началось устройство врачебно-продовольственных переселенческих пунктов в городах на линии Сибирской железной дороги. Выдача ссуд требовала координации усилий ведомств и местных властей. Расходы на путевые пособия утверждались министром внутренних дел, Иркутским и Приамурским генерал-губернаторами, выдача же производилась чиновниками особых поручений Земского отдела МВД и при соответствующих генерал-губернаторах. Отпуск домообзаводственных ссуд до 100 руб. (150 руб. в Приамурском крае) разрешался губернскими или областными властями, а при необходимости выдачи средств «в размере усиленном» требовалось также разрешение министра внутренних дел [7, с. 192–193 (Правила 5 июня 1894 г. о пособиях законным переселенцам)].

Несмотря на достижение Комитетом Сибирской железной дороги определенных успехов в финансировании переселенческого движения, общая постановка дела по-прежнему нуждалась в серьезных изменениях. Был необходим орган, который мог взять на себя общее руководство над государственной переселенческой политикой, включая всю совокупность законодательных и административных вопросов. Такого мнения, в частности, придерживался и председатель Комитета Сибирской железной дороги Николай II. Всеподданнейший отчет Нижегородского губернатора за 1895 г. по поводу движения переселенцев и организации переселенческого дела содержал «высочайшую помету»: «Обращаю особое внимание МВД на эту часть отчета. Невозможно оставить такое государственное дело в заведовании какого-то маленького отделения Земского отдела» [8, с. 41].

Разработкой и утверждением проекта особого переселенческого учреждения занялось Министерство внутренних дел под руководством назначенного в конце 1895 г. на должность его главы И.Л. Горемыкина. Разнообразие вопросов, которые планировалось передать органу, изначально предполагало значительные полномочия и широкую сферу деятельности. По проекту МВД в компетенцию нового учреждения должны были войти, помимо общего заведования переселенческим делом, покупка крестьянских земель Крестьянским банком, а также аренда крестьянами казенных участков. Важнейшей особенностью органа должна была стать его небюрократичность, гибкость структуры и принимаемых решений, о чем Горемыкин заявил в своем представлении в Государственный совет. Новое учреждение, по его словам, требовало «не столько соображения с закона-

ми, сколько живой распорядительности и быстрого приспособления к удовлетворению внезапно возникающих и часто крайне изменчивых запросов переселенческого движения» [9, с. 68].

Выбор управленческого, а не департаментского формата для нового подразделения МВД диктовался как раз необходимостью инициативности от руководителей среднего звена, большей самостоятельностью в управлении отдельными сферами. Процесс замены департаментов на управления и главные управления в 1890-е гг. шел особенно заметно в ведущих ведомствах империи – Министерстве внутренних дел и Министерстве финансов. Превратившиеся к тому времени в «суперминистерства», сфера деятельности которых выходила далеко за рамки их традиционных полномочий, они первыми столкнулись с проблемой неэффективности работы традиционной департаментской структуры. Создавая управления, министры стремились переложить часть своих обязанностей на руководителей этих ведомственных подразделений, предоставляя им более широкие полномочия, чем директорам департаментов, но и одновременно возлагая ответственность за принятые решения.

Нетрадиционной для бюрократической системы была и сама структура учреждения. По проекту МВД для канцелярской работы предполагалось ограничиться небольшим числом служащих, главную же роль и особый характер деятельности управления должны были обеспечивать чиновники особых поручений, должность и оклад которых определялся в зависимости от сложности и важности порученного дела. Весь штат Переселенческого управления должен был состоять из начальника управления, его помощника, пяти чиновников особых поручений, двух делопроизводителей, трех помощников делопроизводителей, секретаря и журналиста [8, с. 42 - 43].

Проект был неоднозначно воспринят в высших бюрократических кругах: Министерство финансов предполагало сократить и без того незначительный штат управления, а государственный контроль оспаривал саму необходимость создания нового учреждения, считая достаточным незначительное усиление Земского отдела МВД. Тем не менее Горемыкину удалось отстоять проект и даже несколько увеличить общую сумму расходов на содержание штата.

2 декабря 1896 г. в составе МВД было образовано Переселенческое управление с несколькими основными задачами: 1) руководство выдачей и сама выдача разрешений на переселение; 2) подготовка переселенческого законодательства; 3) водворение и попечение о первоначальном устройстве переселенцев; 4) заведование всеми кредитами на переселенческое дело, отпускаемыми по Министерству внутренних дел [3, т. XVI. № 13464. Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Переселенческого управления, с. 740]. Таким образом, значительная часть переселенческого дела оказалась сосредоточена в ведении одного центрального учреждения. И все же часть мероприятий, таких как нарезка участков, гидротехнические работы, заведование сельскохозяйственными складами и, отчасти, заготовка леса, продолжала осуществляться Министерством земледелия и государственных имуществ. Поскольку такое разделение заметно тормозило работу Переселенческого управления, с момента его создания начинается длительный процесс «собирания» оставшихся вне его компетенции функций переселенческого дела. Так, положением КСЖД от 23 декабря 1897 г. сельскохозяйственные склады МЗиГИ возле линии Сибирской железной дороги и склады МВД (всего 11) передавались Переселенческому управлению «в целях сосредоточения мероприятий по устройству быта переселенцев» в его руках [1, с. 19]. По закону 31 мая 1899 г. представители Переселенческого управления вошли в состав Совета Крестьянского поземельного банка [3, т. XIX. № 16994. Об изменении устава Крестьянского поземельного банка, с. 570]. В конце 1902 г. Министерство земледелия и государственных имуществ передало все функции по заготовке леса в ведение Переселенческого управления, что позволило ему начать устройство особых складов для выдачи переселенцам лесных материалов [10, с. 301]. Со временем расширялась местная организация: на пути следования переселенцев устраивались переселенческие пункты,

лесные и сельскохозяйственные склады, число чинов Переселенческого управления, командированных в заселяемые районы. в 1901 г. составляло уже 39 человек [1, с. 19]. Окончательно структура Переселенческого управления оформилась после его реорганизации в 1905 г.

Механизм распределения финансовых средств с образованием Переселенческого управления претерпел некоторые изменения. Фонд вспомогательных предприятий Комитета Сибирской железной дороги по-прежнему являлся источником всех ассигнований по переселенческому делу. Однако теперь губернские или областные власти ежегодно высылали сметные предположения расходов начальнику Переселенческого управления. Соответствующие предположения составлялись чиновниками крестьянского отделения губернского управления по сведениям, представляемым крестьянскими начальниками и местными переселенческими чиновниками. Из поступивших в Переселенческое управление сведений составлялся единый сметный проект, который направлялся на утверждение в КСЖД и далее в Государственный совет [11, с. 269]. Утвержденная смета с необходимыми разъяснениями отсылалась губернаторам для исполнения. Деньги для кредитования переселенцев на казенные земли переводились главным казначейством на счета местных казначейств, а средства для финансирования западносибирского переселенческого отряда, занимавшегося нарезкой участков, поступали в распоряжение управляющего Министерством земледелия и государственных имуществ. Непосредственными распорядителями кредитов на местах являлись чиновники губернского управления по крестьянскому делу и крестьянские начальники, которым по ассигновкам предоставлялись авансы для оказания денежной помощи переселенцам [11, с. 269–270].

Подавляющая часть ассигнований, которыми оперировало Переселенческое управление в данный период времени, уходила на выдачу ссудной помощи: в течение 1896-1903 гг. для этих целей было отпущено около 11,5 млн. руб. (по 1,2–1,9 млн. руб. ежегодно) [4, с. 82]. По правилам 1894 г. распределение кредитов на местах зависело от губернских и областных учреждений, и чиновники на местах должны были каждый раз испрашивать средства для выдачи денежной помощи переселенцам [7, с. 192–193 (Правила 5 июня 1894 г. о пособиях законным переселенцам)]. Поскольку переписка и долгий перевод денег серьезно тормозили выдачу ссуд, весной 1896 г. Министерство внутренних дел разрешило отпускать в непосредственное распоряжение крестьянских чиновников аванс до 3 тыс. руб. для немедленной выдачи пособий после разрешения соответствующим губернским или областным учреждением [7, с. 221 (Выписка из журнала Комитета Сибирской железной дороги от 6 марта 1896 г. по поводу правил о пособиях законным переселенцам)]. 7 декабря 1896 г. крестьянским чиновникам было разрешено по своему усмотрению выдавать ссуды размером до 30 руб. на насущные нужды переселенцев, не дожидаясь разрешения сверху [4, с. 83].

Значительно меньшие суммы уходили на другие стороны переселенческого дела: для организации переселенческих пунктов и врачебно-продовольственной помощи в период 1894–1903 гг. было выделено около 3 млн. руб. и более 400 тыс. руб. на содержание персонала переселенческих чиновников, заведовавших движением переселенцев [4, с. 101–102]. В 1899–1901 гг. Министерство внутренних дел выделило Переселенческому управлению 270 тыс. руб. для заготовок леса в различных районах Сибири [10, с. 301]. На строительство дорог в 1897–1904 гг. было ассигновано около 245 тыс. руб. [4, с. 114]. При этом содержание штата Переселенческого управления в первые годы обходилось казне всего в 51,9 тыс. руб. в год [3, т. XVI. № 13464. Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Переселенческого управления, с. 741].

Средства, выделявшиеся Комитетом на переселенческие мероприятия по Министерству земледелия и государственных имуществ, были сопоставимы с таковыми по Переселенческому управлению. Из Фонда вспомогательных предприятий было отпущено: 5,7 млн. руб. на заготовление переселенческих участков в период 1893–1904 гг.; 2,5 млн. руб. на работы по осушению боло-

тистых земель и обводнение переселенческих участков в юго-западной Сибири в 1895–1904 гг. [4, с. 49]. До 1902 г. лесной департамент МЗиГИ параллельно с Переселенческим управлением занимался заготовкой леса для новоселов: в 1896–1900 гг. на эти цели было ассигновано около 229 тыс. руб. [10, с. 301]. Помимо этого, в 1896–1902 гг. в киргизских степях для выяснения площади земель, пригодных для водворения переселенцев работала экспедиция под руководством земского статистика Ф.А. Щербины, на содержание которой было затрачено около 245 тыс. руб. [4, с. 49].

По мере завершения строительства основной части Транссиба деятельность Комитета Сибирской железной дороги постепенно сокращалась. Из-за постоянного увеличения размеров ассигнований Переселенческому управлению и Министерству земледелия и государственных имуществ фонд вспомогательных предприятий КСЖД в последние годы своего существования занимался практически исключительно финансированием переселенческого дела. Так, из средств, выделенных в распоряжение фонда в 1903 г., около 81% было потрачено на переселенческие мероприятия (3/4 по ведомству МВД). Косвенно обслуживали переселенческую деятельность и 15% сметных расходов на естественнонаучные исследования (исследование степных областей, мелиорация и т.д.) [6, с. 266]. В целом, учреждения, заведовавшие переселенческим делом, к тому моменту были готовы определять свое финансирование в обычном ведомственном порядке и необходимость в особом органе для этих целей отпала.

Последним серьезным проектом Подготовительной комиссии КСЖД, связанным с финансированием переселенческого дела, стала разработка и утверждение новых ссудных правил в 1903 г. Инициатором этого процесса выступил С.Ю. Витте, указывавший на необходимость увеличения размеров переселенческого движения для «оживления необъятной Сибири и разработки природных богатств этого края», а также для уменьшения излишков населения в Европейской России [4, с. 130]. Пересмотра ссуд в сторону увеличения требовали и местные власти, распоряжавшиеся соответствующими ассигнованиями. Тем не менее самой разработкой проекта новых правил единолично занялось Переселенческое управление.

На заседаниях Подготовительной комиссии 2 и 9 мая 1903 г. А.В. Кривошеин активно отстаивал точку зрения, согласно которой новым принципом ссудной помощи должно было стать полное обеспечение неимущих переселенцев средствами для обзаведения хозяйством. Для этого необходимо было не только поднять общие нормы выдачи ссуд, но и определить их размер в зависимости от местных условий. По мнению Кривошеина, следовало также изменить и порядок распределения средств на местах: за губернскими и областными учреждениями планировалось оставить лишь общий надзор, уездные съезды, в свою очередь, получали право разрешать ссуды в пределах, установленных на один год в соответствующей местности. Также планировалось увеличить размер предварительных ссуд, выдаваемых крестьянскими начальниками, до 100 руб. на семью. [7, с. 230–231 (Журнал Подготовительной комиссии при Комитете Сибирской железной дороги за 1903 г. о пересмотре правил о пособиях переселенцам)]. Подготовительная комиссия выступила против проекта Министерства внутренних дел, заявив, что продолжает придерживаться взгляда, приведенного в прежних правилах: «Правительство отнюдь не принимает на свой счет расходы по переселению крестьян в Сибирь, но лишь оказывает некоторую помощь лицам, действительно нуждающимся в поддержке» [7, с. 234 (Журнал Подготовительной комиссии при Комитете Сибирской железной дороги за 1903 г. о пересмотре правил о пособиях переселенцам)]. Основными аргументами против предложений А.В. Кривошеина были чрезмерные расходы для казны и вероятность наплыва переселенцев, который государство не смогло бы контролировать.

Новые правила, утвержденные 25 июня 1903 г., явились компромиссным вариантом: несмотря на сохранение прежних предельных размеров ссуд, дело их разрешения теперь передавалось уездным съездам, а крестьянским начальникам предоставлялось право выдавать авансовые

ссуды в размере до 50 руб. [3, т. XXIII. № 23212а. Высочайше утвержденные временные правила о пособиях от правительства переселяющимся в Сибирь (кроме Алтайского округа) и Степное генерал-губернаторство, с. 1253]. Тем не менее уже в дополнениях к правилам от 27 декабря 1903 г. предельные размеры пособий были увеличены, а размеры авансовых ссуд доведены до 100 руб. [3, т. XXIII. № 23799а. О выдаче ссуд переселенцам, с. 1262] Таким образом, стала очевидной ведущая роль Переселенческого управления и Министерства внутренних дел в финансовых вопросах переселенческого дела.

6 мая 1905 г., для сосредоточения в одном ведомстве всех вопросов переселения, Переселенческое управление было передано в состав Главного управления землеустройства и земледелия. Его структура к тому времени значительно усложнилась и составляла пять делопроизводств (четыре по территориальному признаку и одно, отвечавшее за передвижение переселенцев, их устройство, а также управление сельскохозяйственными и лесными складами) и секретарскую часть, ведавшую личным составом и церковно-школьным строительством [8, с. 55 - 56].

Поскольку в 1904–1905 гг. существование Комитета Сибирской железной дороги стало чисто формальным, А.Н. Куломзин неоднократно высказывался за его закрытие, однако официально это было сделано только 15 декабря 1905 г. Окончательная потеря Комитетом роли в переселениях подтвердилась тем, что после его упразднения финансирование переселенческого дела не претерпело значительных изменений: по окончании последнего сметного периода соответствующие расходы просто перешли по принадлежности в смету Министерства земледелия и государственных имуществ.

Утвердившаяся в середине 1890-х гг. структура финансирования переселенческого дела с Комитетом Сибирской железной дороги в качестве контролирующего и финансирующего органа и Переселенческим управлением как основным организатором переселений и составителем смет показала себя достаточно эффективной в краткосрочной перспективе. На некоторое время удалось объединить усилия различных ведомств для проведения единой правительственной политики в отношении переселений, финансирование этой сферы приобрело регулярный и стабильный характер. Однако к 1903–1905 гг. требования Переселенческого управления переросли масштабы финансовых средств КСЖД, а сам Комитет к тому времени утратил свою роль в результате межведомственных конфликтов. К моменту своей реорганизации в 1905 г. Переселенческое управление было готово перейти на обычную для всех ведомственных подразделений систему ассигнований, но вскоре оказалось вынуждено выстраивать новый механизм финансирования переселенческого дела в условиях послевоенного и послереволюционного финансового кризиса, а также перестройки всей системы высших государственных учреждений.

Список источников и литературы

1. *Белянин Д.Н.* Организация крестьянских переселений на казенные земли Сибири в XIX–начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4(44). С. 16–22.

2. *Колонизация* Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Всемирная Выставка 1900 г. в Париже, Ком. Сиб. ж. д. СПб.: Издание Канцелярии Комитета Министров, 1900. 374 с.

3. *ПСЗ РИ- III*

4. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб.: Типогр. т-ва «Общественная польза», 1905. 443 с.

5. *Никоненко Д.Н.* Переселенческая политика в российском законодательстве. 1861–1889 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 24 с.

6. *Канн С.К.* Комитет Сибирской железной дороги во главе работ по изучению Сибири в конце XIX – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2007. С. 257–266.

7. *Сибирские переселения*. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: Сборник документов. Новосибирск: Изд. дом Сова, 2006. 263 с.

8. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Управление миграционными процессами в позднеимперской России: концепты, люди и структуры // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 27–92.

9. *Сельскохозяйственное* ведомство за 75 лет его деятельности. (1837–1912 гг.) / сост. Г.К. Гинс и П.А. Шафранов. Пг.: Издание Канцелярии Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием, 1914. 474 с.

10. *Трувеллер Б.* Лесные склады Переселенческого управления // Вопросы колонизации. 1909. №5. С. 300-313.

11. *Карпинец А.Ю.* Сметы Переселенческого управления как источник по истории переселенческого движения в Томской губернии в конце XIX – начале XX века (к вопросу о составлении и утверждении) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2007. С. 267–275.

A.V. Filimonov

Siberian Railway Committee and Migration Department as a new type of state institutions in the aspect of financing of resettlements (1892–1905)

Summary. The article is devoted to the role of Siberian Railway Committee and Migration Department in the state resettlement policy at the turn of XIX–XX centuries. The author characterizes the key legal features of these state institutions. The article also describes the process of formation of a new financial mechanism of resettlements in the 1890's, after the opening of the fund of the support activities of the Siberian Railway Committee and after the establishment of the Migration Department as a part of Ministry of Internal Affairs. The purpose of the article is to determine if above-mentioned structures could combine efforts of the higher bureaucracy around of resettlement project in 1892-1905 and also establish effective mechanism of its financing.

Key words: resettlement, finances, state institutions, Siberian Railway Committee, Migration Department.

УДК 94(470) «18/19»:656.2

А.В. Гайдамакин

КОМИТЕТ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ А.В. РЕМНЕВА

Аннотация. В статье показано, что Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД) практически в течение всей творческой деятельности А. В. Ремнева занимал ключевое положение, став объектом исследования ученого. Им изучены структура и организация работы КСЖД, основные направления его деятельности, особенно связанные с переселением крестьян в Сибирь. Показано влияние на принятие решений Комитетом видных государственных деятелей и членов КСЖД, прежде всего, С.Ю. Витте и А.Н. Куломзина. Подчеркнута новизна методологических подходов А.В. Ремнева. Итогом его исследования стало не только выявление роли Комитета Сибирской железной дороги в освоении Сибири, но в значительной мере – определение и реализация основных направлений имперской политики колонизации Азиатской России.

Ключевые слова: Анатолий Викторович Ремнев, Транссиб, Комитет Сибирской железной дороги, КСЖД, Сибирь, колонизация, переселенческая политика крестьян, С.Ю. Витте, А.Н. Куломзин, методологические подходы.

Предлагаемая тема – результат сотрудничества А.В. Ремнева с группой ученых Омского государственного университета путей сообщения, прежде всего с историками кафедры истории, философии и культурологии, приступившими в конце 1990-х гг. к подготовке учебного пособия по истории железнодорожного транспорта России. Замысел заключался не только в том, чтобы будущие руководители и специалисты-железнодорожники познакомились с основными направлениями развития железнодорожной техники и технологий, строительством новых железных дорог. Главное, чтобы они увидели в железнодорожном транспорте народнохозяйственную отрасль, которая в значительной степени определяет военно-стратегический и экономический уровень развития страны в целом и ее отдельных регионов, чтобы они осмыслили феномен железнодорожного транспорта в отечественной истории в качестве важнейшего социокультурного фактора. При таком подходе определяющую роль в создании нашего пособия приобрели исследования о роли и месте железных дорог в истории России и ее регионов. Тогда мы обратились к А.В. Ремневу с просьбой пополнить авторский коллектив будущего пособия. Во-первых, научные идеи и подходы Анатолия Викторовича соответствовали замыслу авторов и концепции создаваемого пособия и, во-вторых, к тому времени его научный багаж уже располагал крупными исследованиями, которые напрямую были связаны с Транссибирской магистралью и КСЖД. Ученый наше предложение принял очень заинтересованно. Он постоянно интересовался, как идет работа над пособием, когда оно выйдет. Первая книга пособия с его материалами о деятельности Комитета Сибирской железной дороги вышла в издании ОмГУПСа в 2002 г. [1]. Позже, по заданию Федерального Агентства железнодорожного транспорта после переработки и дополнения пособие вышло в Москве с грифом учебного пособия для железнодорожных вузов страны [2]. К сожалению, эту книгу Анатолий Викторович уже не увидел.

А.В. Ремнев обращается к Комитету Сибирской железной дороги как к одному из объектов своих исследований в первой половине 90-х гг. прошлого столетия [3]. И в сборнике 1994 г., и позже – в монографии 1997 г., в которой КСЖД посвящен самостоятельный раздел в одной из глав [4, с. 176–189], ученый уделяет особое внимание анализу региональных аспектов в политике государства. Он подчеркивал, что для него «был чрезвычайно важен именно региональный подход в изучении административной политики». Однако это не означало недооценки исследователем общероссийских проблем. Как раз наоборот – такой подход раскрывал широкие возможности для глубокого проникновения в сущность административной, колонизационной политики царизма. Именно об этом свидетельствует мотивация его обращения к регионалистике. В своих исследованиях Анатолий Викторович через региональный подход искал ответы на актуальнейшие вопросы истории России и, как оказалось, современного мира. Для него важно было понять: почему Россия при ее огромной территории и многообразии «имела столь длительную устойчивость; каковы механизмы, позволявшие объединить насильственно или «добровольно» народы, стоявшие на разных стадиях экономического и политического развития, имевшие свою специфику; каким образом было организовано властное пространство огромной по размерам территории» [4, с. 4].

В поисках ответов на эти вопросы, изучая Сибирь в составе Российской империи, ученый естественным образом подошел к проблематике Транссибирской магистрали и Комитета Сибирской железной дороги. В 2005 г. в Новосибирске в переработанном и дополненном издании вышла книга «Власть в Сибири: XIV – начало XX в.», одним из авторов которой был А.В. Ремнев. Ученый в материале под названием «Комитет Сибирской железной дороги» сжато, но точно изложил

свое видение КСЖД как высшего административного и законосовещательного органа «для общего руководства строительством Сибирской железной дороги и развития Сибири» [5, с. 280–281].

При этом он подчеркивал, что восприятие Комитета как органа с узкоспециальным назначением ошибочно, таковым оно только кажется. «Реально в период своей деятельности, – утверждал А.В. Ремнев, – КСЖД стал высшим государственным органом по выработке правительственной политики по отношению к Сибири», а компетенция Комитета «была гораздо шире, чем требовало само сооружение магистрали…». Такого рода выводы подтверждались не только тем, что Комитет Сибирской железной дороги возглавлял наследник престола Николай Александрович, который, став царем, не оставил этот пост. Выводы о значении и роли КСЖД, выходящие далеко за рамки Сибири, были обоснованы обстоятельным анализом деятельности Комитета. Уровень его компетенций и решений (в состав КСЖД входили министры финансов, внутренних дел, путей сообщения, военный министр, управляющий морским министерством, государственный контролер), направления деятельности, важность рассматриваемых проблем – все свидетельствовало о неординарности, общегосударственном характере Комитета Сибирской железной дороги.

Роль и место КСЖД в управленческой иерархии Сибири и в целом России вытекали из целей и задач строительства, а далее – эксплуатации Транссибирской магистрали. Изучая проблему «Центр – Сибирь», А.В. Ремнев подчеркивал, что вплоть до рубежа XIX–XX вв. были неясны место и роль Сибири в составе Российской империи. «Не существовало, – отмечал он, – не только программы освоения огромного и богатого природными ресурсами края, но и определенного правительственного воззрения на Сибирь» [4, с. 157]. Анатолий Викторович показал, что такое отношение к Сибири меняется с реализацией курса С.Ю. Витте на индустриализацию страны, в котором Сибирской железной дороге отводилась особая роль.

На протяжении всей своей творческой деятельности А.В. Ремнев постоянно обращался к КСЖД как управленческой структуре, во-многом определявшей судьбу не только Транссибирской железнодорожной магистрали, но и перспективы Сибирского края и Дальнего Востока, народов этих регионов. В его творческом наследии раскрыты важнейшие направления и формы, особенности и тенденции, характерные для деятельности КСЖД. Пожалуй, особое внимание исследователя привлек опыт организации работы самого Комитета. Он подробно, часто в деталях, реконструирует процесс подготовки вопросов, выносимых на доклад царю и заседания Комитета, показывает при этом роль канцелярии и Подготовительной комиссии КСЖД. Круг деятельности Комитета Сибирской железной дороги, по мнению ученого, «был весьма широким и неясно очерченным…» [4, с. 181]. Жизнь сама ставила перед Комитетом вопросы, требующие безотлагательного решения. Такими были вопросы финансирования строительства, организации геологоразведочных экспедиций, переправы через Байкал, строительства Китайско-Восточной железной дороги. Однако особенно сложными, подчеркивал ученый, оказались «проблемы переселенческой политики, с которой МВД тесно увязывала охранительные цели, стремление за счет Сибири снять остроту аграрного кризиса в центре страны». В компетенцию КСЖД входили не только аграрные вопросы, а целый комплекс социально-экономических проблем: природные ресурсы края, гидротехнические работы, развитие сухопутного, морского и речного транспорта [4, с. 187, 189].

Изучая материалы Комитета Сибирской железной дороги, А.В. Ремнев выявил еще одно интересное и важное направление его деятельности – культурническое, распространение сведений о Транссибирской магистрали, как в России, так и за рубежом. Он приводит интересные факты об издании на английском языке книги «Сибирь и Великая Сибирская железная дорога» для ее распространения в Чикаго на Всемирной выставке, об участии Комитета на Всемирной выставке в Париже в 1900 г., на выставке в Глазго в 1901 г. и т. д [4, с. 160–161].

Последняя книга А.В. Ремнева вышла в 2013 г. Эта книга – результат совместного научного сотрудничества с Н.Г. Суворовой, которая и подготовила эту книгу к печати. В этой работе Сибирская магистраль и ее Комитет представлены как важнейшие «проводники» колонизационной политики царизма на востоке страны. КСЖД авторы рассмотрели под углом зрения управления миграционными потоками [6, с. 83–88].

Ученые утверждают, что «сфера гуманитарных наук в той или иной степени ориентирована на исследование личности и времени, личности и культуры» [7, с. 42]. Исследования А.В. Ремнева – убедительный пример, подтверждающий это положение. Он широко использует возможности исторической персонификации. Обращаясь к высказываниям и конкретным деяниям С.Ю. Витте, Н.Х. Бунге, А.Н. Куломзина и др., ученому удавалось глубже изучить проблему, проникнуть в ее истоки, сложности ее дальнейшего решения и развития.

Интересны сюжеты, связанные с личностью С.Ю. Витте, занимавшего ключевые посты министра путей сообщения, затем – финансов, а в августе 1903 г. он возглавил Комитет министров. Он оказывал непосредственное влияние на работу КСЖД, тем более что имел прямое отношение к учреждению этого органа. Поэтому и повестка, и характер решений на заседаниях КСЖД во многом определялись видением Витте роли и предназначения Транссиба. Обратившись к материалам лекций С.Ю. Витте, которые он читал великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг., и к его отчету о поездке в 1902 г. на Дальний Восток, Анатолий Викторович подчеркивает, что для Витте Сибирская железная дорога, естественно, представляла политический интерес, однако этот фактор не был единственным и доминирующим. Главное заключалось в том, что эта магистраль, по словам Витте, должна обеспечить для Сибири «главнейшие условия для развития сельскохозяйственной производительности», переселение малоземельных крестьян из центральных губерний Европейской России, «подъем сибирской промышленности, прежде всего горнодобывающей», рост внутренней и внешней торговли, «… а сама Сибирь станет активной участницей культурной жизни». Витте указывал на «многоразличные выгоды» Сибирской магистрали», видел в ней мощное средство укрепления империи [4, с. 158–159, 171]. Важно, что С.Ю. Витте, высказывая эти идеи, немало сделал для их реализации. Это нашло воплощение в создании КСЖД, его конкретных решениях, в особом финансировании строительства Транссибирской магистрали, в учреждении Государственным советом России в 1896 г. Томского технологического института, в числе первых студентов которого были и будущие железнодорожники.

В работах А.В. Ремнева особое внимание читателей обращено на «переселенческий вопрос» и роль в его решении управляющего делами КСЖД, председателя Подготовительной комиссии А.Н. Куломзина. Проанализировав материалы его поездок в Сибирь в 1896 и 1897 гг., Ремнев пришел к выводу, что они не только изменили взгляд Куломзина «на переселенческий вопрос, но и существенно скорректировали всю правительственную переселенческую политику», что не могло не отразиться на деятельности КСЖД. Во время сибирских поездок Куломзин увидел, что главная причина переселения крестьян – малоземелье, тогда как он был сторонником переселения в Сибирь среднесостоятельных крестьян. Выяснилось, что причиной переселения является также и политическая мотивация, когда, по словам Куломзина, – «… земские начальники …возбуждают к переселению неспокойный элемент». В этих условиях А.Н. Куломзин и в Комитете Сибирской железной дороги, и на страницах печати предпринял меры, которые, по его мнению, должны были сдержать поток переселенцев в Сибирь [6, с. 87–88].

А.В. Ремнев придавал очень серьезное значение изучению деятельности, мнений, предложений конкретных людей, в данном случае имеющих отношение к Сибирской железной дороге и КСЖД. Обращение к конкретным личностям, особенно тем, которые могли влиять и влияли на политику государства в области железнодорожного транспорта в целом, на имперскую политику в

Сибири, сопоставляя высказываемые ими нередко противоречащие точки зрения, позволило ученому увидеть истоки решений Комитета Сибирской железной дороги, понять, в каких непростых условиях проходил процесс подготовки этих решений.

Кстати, такой подход – не привилегия КСЖД, он характерен для всего творчества А.В. Ремнева. Его работы, что называется, наполнены людьми – действующими лицами того времени, представителями конкретных государственных органов, учреждений и комитетов, общественных образований. Не случайно в одном из писем Н.Г. Суворовой ученый подчеркивает: «Важно дать не только организационные структуры, но и людей…» [6, с.14].

Изучая Комитет Сибирской железной дороги, А.В. Ремнев творчески умело использовал возможности регионального подхода. Это давало ученому огромный массив конкретного исторического материала по истории Транссиба, деятельности КСЖД, анализ и обобщение которого выводили исследователя за рамки региона, на общегосударственные проблемы.

В своих исследованиях А.В. Ремнев опирался на широкий методологический ряд, соединявший традиционный конкретно-исторический подход, принцип историзма с элементами интеллектуальной истории, исторической персонологии, культурной антропологии. Эти методологические подходы вкупе с бережным отношением к историческому факту и его источнику позволили А.В. Ремневу выйти на высокий уровень достоверности в изучении деятельности, роли и значения Комитета Сибирской железной дороги. В результате КСЖД в исследованиях А.В. Ремнева – это важнейшая управленческая структура, обеспечивавшая в течение длительного периода (декабрь 1892 – декабрь 2005 гг.) реализацию основных направлений государственной политики по освоению Сибири и Дальнего Востока, колонизации и развитию огромных пространств Российской империи.

Список источников и литературы

1. *История железнодорожного транспорта* России: Учебное пособие / Под ред. А.В. Гайдамакина, И.И. Галиева, В.А. Четвергова. Омск: ОмГУПС, 2002. 244 с.

2. *Гайдамакин А.В.* История железнодорожного транспорта России: Учебное пособие / А.В. Гайдамакин, А.В. Ремнев, В.А. Четвергов и др./ УМЦ ЖДТ. М., 2012. 313 с.

3. *Ремнев А.В.* Комитет Сибирской железной дороги как орган регионального управления // Хозяйственное освоение Сибири: Вопросы истории XIX – первой трети XX вв. Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX – первой трети XX вв.: сборник / Том. гос. ун-т им. В.В. Куйбышева, Проблемная науч.-исслед. лаб. истории, археологии и этнографии. Томск, 1994. С. 41–49.

4. *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков: Монография. Омск: Омский гос. ун-т, 1997. 253 с.

5. *Власть в Сибири*: XVI – начало XX в. 2-е изд., перераб. и дополн. / Сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 696 с.

6. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: Монография. Омск: Изд. дом «Наука», 2013. 248 с.

7. *Иконникова С. Н.* История культурологических теорий. 2-е изд., перераб. и дополн. СПб: Питер, 2005. 474 с.

A.V. Gaydamakin

Committee of the Siberian railway as object of research of A.V. Remnev

Summary. In article is shown that the Committee of the Siberian railway occupied the key position practically during all creative activity of A.V. Remnev, being the main object of research of the scientist. He studied the structure and the organisation of Commitee's work, the basic directions of its activity, es-

pecially connected with resettlement of peasants to Siberia. The influence of such important statesmen and members of CSR as S.Y. Vitte and A.N. Kulomzin on decision-making of Committee is demonstrated. The novelty of methodological approaches of A.V. Remnev is underlined. A result of its research became not only revealing of a role of Committee of the Siberian railway in the formation of Siberia, but appreciably the definition and realisation of the basic directions of an imperial politics concerning the colonisation of the Asian Russia.

Key words: Anatoly Viktorovich Remnev, the Trans-Siberian Railway, Committee of the Siberian railway, Siberia, colonisation, a policy of resettlement of peasants, S.Y. Vitte, A.I. Kulomzin, methodological approaches.

УДК 94(571)

В.В. Воробьев

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИКИ В КОНЦЕ XIX В. – 1914 Г.

Аннотация. Статья посвящена законодательной регламентации правового положения сибирской периодики в конце XIX в.–1914 г. В статье анализируются основные законодательные акты, которые определяли условия функционирования легальной периодики края в конце XIX в.– 1914 г.

Ключевые слова: периодика, законодательные акты, цензура.

К началу XX в. общероссийское цензурное законодательство было кодифицировано в Уставе о цензуре и печати, который содержался в XIV томе Свода законов Российской империи [1, кн. 5, т., XIV, отд. II]. Устав о цензуре и печати состоял из 302 статей. Он включал нормы Устава 1826 г. (относившиеся к духовной цензуре), Устава 1828 г., Временных правил 1865 г. и ряда отдельных указов (1863, 1867, 1870, 1872, 1873, 1879, 1881, 1882, 1897 гг.). Нарушениям постановлений о печати были посвящены целая глава Уложения о наказаниях и ряд статей Уголовного уложения 1903 г.

Устав о цензуре и печати мало соответствовал реалиям начала 1900-х годов, т.к. в нем можно было встретить и ряд постановлений, дошедших еще от николаевской эпохи, когда цензура, по выражению министра народного просвещения Головнина, казалась «таким же необходимым и незаменимым устоем благополучия России, как крепостное право» [Цит. по: 2, с. 62].

Уставом предусматривалась предварительная цензура всех периодических изданий, за исключением немногих, изъятых от предварительной цензуры произведений печати. На территории империи предварительной цензуре не подвергались повременные издания, получившие от министра внутренних дел разрешение на выход без предварительной цензуры; все издания правительственные; все издания академий, университетов и «ученых обществ и установлений»; все издания на древних классических языках и переводы с этих языков; чертежи, планы и карты. Кроме того, согласно статье 6, в Москве и Петербурге предварительной цензуре не подвергались все оригинальные сочинения объемом не менее десяти печатных листов и все переводы объемом не менее двадцати печатных листов. При этом отметим, что освобождение повременных изданий от предварительной цензуры по разрешению министра внутренних дел было скорее исключением, чем правилом. Но и это не означало, что правительственные чиновники не вмешивались в их деятельность. Подавляющее большинство остальных повременных изданий, не подпадавших под указанные пункты Устава, подлежали предварительной цензуре.

Произведения, изъятые от предварительной цензуры, регулировались статьями 143, 144, 147, 149 и 151 Устава о цензуре и печати. Этими статьями предусматривалось право министра внутренних дел делать повременным изданиям, изъятым от предварительной цензуры, предостережения с указанием на статьи, подавшие к этому повод. При этом третье предостережение, согласно статье 144, приостанавливало продолжение издания на срок, который будет назначен министром внутренних дел, но не свыше 6 месяцев. Статьей 147 был предусмотрен тот случай, когда, по значительности «вреда», предусматриваемого от распространения «противозаконного» сочинения или повременного издания, наложение ареста не могло быть отложено до судебного приговора. В таких случаях Совету Главного управления по делам печати и Цензурному комитету предоставлялось право немедленно останавливать выпуск в свет данного сочинения, при этом начав в то же самое время судебное преследование против виновного. Статьями 149 и 151 этот порядок ареста периодических изданий и привлечения виновных к судебной ответственности рассматривался в применении к частным случаям. Так, например, если в задержанном сочинении или номере, кроме «вредного» влияния, усматривалось и преступление, то, независимо от задержания экземпляров подобных изданий, против виновного могло быть возбуждено судебное преследование согласно установленным законом порядком.

Кроме того, запрещению на основании ст. 4 Устава о цензуре и печати подвергались «произведения словесности, наук и искусств», во-первых, когда в оных содержится что-либо клонящееся к поколебанию учения православной церкви, ее преданий и обрядов или вообще истин и догматов христианской веры; 2) когда в оных содержится что-либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти, или уважение к Императорскому Дому, и что-либо противное коренным государственным постановлениям; 3) когда в оных оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выражениями или предосудительным обнародованием того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тем более клеветой» [1, т. XIV, с. 68]. Эти пункты статьи 4 можно было трактовать настолько широко, насколько простиралось весьма богатое воображение ответственного за цензуру чиновника. Однако именно эти правила и составляли структурную основу «Устава» и определяли его содержание. Так, пункт 1 статьи 4 фактически повторялся в «Уставе» утверждением и закреплением духовной цензуры, например в статье 31. Пункт 2 статьи 4 находил свое продолжение в статье 73 и т.д. Наконец, в статье 93 отделения VIII «Правил в руководство цензуре» практически вновь повторялись все пункты статьи 4, согласно которым цензорам предписывалось «во всех вообще произведениях печати не допускать нарушения должного уважения» к государю, государству и церкви, соблюдать «непоколебимость основных законов, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждого» [1, т. XIV, с. 68, 72].

Самым же тяжелым в Уставе о цензуре и печати для периодических изданий было наличие предварительной цензуры. Кроме того, очень широкие права получал министр внутренних дел. Он мог приостанавливать любое периодическое издание на срок от трех до восьми месяцев, запрещать обсуждение вопросов «государственной важности» и т.д.

Известные трудности создавались «Уставом» непосредственно и для возникновения самих печатных изданий. Согласно статьям 117, 118, 119, 126, 127 и 130, для этого требовалось получить разрешение министра внутренних дел, предоставив необходимые документы, и приступить к изданию в течение годичного срока с момента выдачи разрешения. Наконец, вносился залог в сумме от 2,5 до 5 тысяч рублей, из которого и выплачивались штрафы в случае наложения их на периодическое издание. Другими словами, для организации нового повременного издания создавались довольно серьезные затруднения и финансового характера. Таким образом, Устав о цензуре и печати создавал широкие возможности для произвола чиновников, наблюдающих за периодическими изданиями, а следовательно, и для административного и иного вмешательства, ущемляя тем

самым одну из важнейших либеральных свобод – свободу слова.

Этим законом положение периодической печати регулировалось до издания «Именного Высочайшего указа правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях» 24 ноября 1905 г. Временные правила, ликвидировавшие наиболее одиозные статьи Устава о цензуре и печати, и прежде всего предварительную цензуру, явились крупным переломным моментом в российском законодательстве в отношении печати.

Основными статьями временных правил являлись I, II, III и IV, которыми отменялась «предварительная, как общая, так и духовная цензура выходящих в городах империи повременных изданий, а равно эстампов, рисунков и других изображений, помещаемых в сих изданиях или выпускаемых ими отдельными листами», но сохранялись «действующие о повременных изданиях постановления в отношении изданий, выходящих вне городов» [3, с. 195].

Статья II временных правил отменяла «постановления об административных взысканиях, налагаемых на повременные издания». Статьями III и IV отменялась обязанность предоставлять залоги. Устанавливался единый порядок ответственности «за преступные деяния, учиненные посредством печати в повременных изданиях» – судебное разбирательство.

Статьей V временных правил отменялась также 140 статья Устава о цензуре и печати, предоставлявшая право министру внутренних дел воспрещать «оглашение или обсуждение в печати какого-либо вопроса государственной важности». Однако было оставлено право «воспрещать на определенный срок сообщение в повременных изданиях сведений о передвижении войск или морских сил и о средствах обороны» (ст.VI.).

Наблюдение за периодическими изданиями на основании пункта 7 статьи VII временных правил, возлагалось на местные учреждения или на должностных лиц по делам печати. Местное наблюдение за печатью, а также исполнение обязанностей по внутренней цензуре, возлагалось на Комитеты и Инспекторов по делам печати. Комитеты по делам печати были учреждены в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Тифлисе. Инспекторы по делам печати состояли в других 16 наиболее крупных городах империи, в том числе и в Томске.

Согласно статье 15 Устава о цензуре и печати, не отмененной временными правилами, в местностях, где не было особого Инспектора по делам печати, а это, за исключением Томска, вся остальная Сибирь, наблюдение за частными периодическими изданиями, причем «без производства особого вознаграждения», возлагалось на вице-губернатора. Это должностное лицо, следуя 9-му пункту той же VII статьи, имело право налагать арест на отдельные номера повременных изданий с одновременным возбуждением судебного преследования против виновных. Однако это могло произойти только в тех случаях, когда в содержании данных изданий заключались признаки «преступного деяния», предусмотренного уголовным законодательством, за исключением преследуемых в порядке частного обвинения.

Основанием для привлечения к судебной ответственности и наложения ареста являлись также и нарушения, которые подпадали под пункт 8 статьи VIII, когда в номере повременного издания не была указана фамилия ответственного редактора и издателя, не обозначена типография, в которой был напечатан номер, а также адрес редакции. Случаи привлечения к ответственности именно по этой статье были нередки. При этом наказанию подвергался не только редактор издания, но и владелец типографии.

В пунктах 11, 12, 13 и 14 статьи VII временных правил подробно разъяснялся порядок судебного преследования периодических изданий. Согласно им, кроме должностного лица по делам печати, судебное преследование могло быть возбуждено и по непосредственному предложению прокурорского надзора. Арест на подвергнутое судебному преследованию повременное издание, кроме порядка, предусмотренного пунктом 9 статьи VII [3, с. 196–197], т.е. должностным лицом

по делам печати, мог быть наложен и судом на распорядительном заседании по представлению судебного следователя или по предложению прокурорского надзора.

Существовали и другие основания для привлечения к судебной ответственности. К ним относились: выпуск в свет повременных изданий до получения установленного свидетельства и в случае непредоставления положенного количества экземпляров периодического издания должностному лицу по делам печати. Количество обязательных экземпляров, которые предоставлялись как цензурным комитетам, так и отдельным цензорам при выпуске в свет вновь отпечатанных книг, журналов, газет и других произведений печати, зависело от их тиража. Если отпечатанное произведение выходило в свет в количестве не менее шестисот экземпляров, то два экземпляра предназначались для цензурного учреждения, два – для Императорской публичной библиотеки. Если издание выходило в меньшем количестве, то в указанные учреждения необходимо было отправить по одному экземпляру. Кроме того, один экземпляр предоставлялся для Гельсингфоргского Александровского университета, один для Императорской Академии наук, и один экземпляр газет, журналов и альманахов для Министерства внутренних дел [1, т. XIV. с. 71–72].

Пунктами 4, 5, 6, 7 и 8 статьи VIII предусматривалось уголовное наказание редактора за публикацию «воспрещенных законом» статей, «возбуждавших к устройству или продолжению стачки, или к самовольному, по соглашению между рабочими, прекращению, приостановлению или невозобновлению работ на железной дороге, телеграфе или телефоне общего пользования».

Редактор повременного издания привлекался к уголовной ответственности также и за «возбуждение служащих в правительственном установлении» к самовольному прекращению своих обязанностей; за материалы, под влиянием которых учащиеся приостанавливали или не возобновляли занятия в учебных заведениях; за призыв в повременном издании к «устройству воспрещенных законом скопищ». Ответственный редактор периодического издания наказывался в уголовном порядке и за публикацию в повременном издании «заведомо ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение» [3, с. 199].

Временными правилами о повременных изданиях уголовное преследование предусматривалось также и за распространение посредством периодического издания «заведомо ложного, возбуждающего общественную тревогу слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии» и, наконец, за опубликование в повременном издании сведений о передвижении войск или морских сил или о средствах обороны. Толковать же такие статьи можно было самым разнообразным способом, а это, в свою очередь, порождало новые злоупотребления со стороны ответственных за цензуру лиц.

Итак, временными правилами для повременных изданий предварительная цензура, так же как и административные кары, были отменены. Концессионный порядок выхода изданий, при котором требовалось не только получение разрешения министра внутренних дел, но и внесение крупного денежного залога, был заменен явочным. Однако временные правила 24 ноября 1905 г. были составлены таким образом, что основанная явочным порядком газета, не подвергаясь никакой цензуре, если того желала местная администрация, могла никогда не выйти в свет. Для этого было вполне достаточно некоторой «распорядительности» со стороны того самого должностного лица, которое было обязано в двухнедельный срок выдать свидетельство каждому желающему издавать газету или журнал. Этот же администратор мог отправить «должностное лицо по делам печати» в типографию, где он по закону 24 ноября имел право «наложить арест» на первый же номер газеты, т.е. отобрать все предназначенные к распространению экземпляры издания. Сделав это с первым номером, должностное лицо могло безнаказанно производить ту же самую операцию и над всеми последующими выпусками. Для этого ему вполне было достаточно объявить, и такие

случаи не были единичными, что в «содержании таковых номеров заключаются признаки преступного деяния, уголовным законом предусмотренного» [4, с. 6]. Таким образом, к услугам должностного лица по делам печати, тем более что за неправильный арест газетного номера оно взысканию не подлежало, предполагались широкие возможности для ареста газетного или журнального номера.

Назначение Временных правил достаточно определенно разъяснялось в Высочайшем указе: «Правилами этими, – гласил указ, – устраняется применение в области периодической печати административного воздействия, с восстановлением порядка разрешения судом дел о совершенных путем печатного слова преступных деяний». Однако уже в дополнении временных правил от 18 марта 1906 г. и во временных правилах о непериодической печати от 26 апреля 1906 г. достаточно явно отразилось возвращение законодательства о печати к старым полицейским традициям.

В 1906 г. и в последующие годы определенные изменения претерпело и Уложение о наказаниях, отдельные статьи которого относились к законодательству о печати. Состав преступлений, за которые несло ответственность повременное издание в лице своего ответственного редактора, был предусмотрен статьями 1012(2), 1012(3), 1013, 1014, 1024 и 1029–1047(1) включительно. Они и составляли большую часть главы V, отделения II «О нарушениях постановлений о книгопечатании и торговле книгами и т.п., а равно о театральных представлениях» Уложения о наказаниях [1, т. XV, с. 104–109]. Эти статьи, в своем подавляющем большинстве, на протяжении 1907–1914 гг. развивали те положения, которые были зафиксированы в Уставе о цензуре и печати и во Временных правилах о повременных изданиях 24 ноября 1905 г.

Так, статья 1012(2), развивая положения Устава о цензуре и печати, наказывала денежным взысканием от 50 до 300 рублей, а в случае повторения любого из указанных в статье нарушений денежным взысканием от 300 до 1000 рублей виновного: 1) в выпуске в свет повременного издания до получения установленного свидетельства; 2) в непредоставлении экземпляров периодического издания «в установление» или должностному лицу по делам печати; 3) в выпуске в свет номера газеты или журнала без подписи ответственного редактора или издателя; или без обозначения адреса типографии, в которой печаталось издание; 4) в наборе или печатании повременного издания без получения установленного свидетельства; 5) в выпуске из типографии номера периодического издания, содержащего эстампы, рисунки или другие изображения, с текстом или без текста, до истечения срока установленного законом, т.е. за 24 часа до выпуска номера из типографии. Кроме того, за повторение подобного нарушения суд имел право вынести приговор о закрытии типографии на срок до шести месяцев, и о лишении виновного права содержать типографию в течение того же срока.

Одна из наиболее доходных статей для любого периодического издания – печатание платных объявлений, жестко контролировалась государством, и в случае объявления о продаже билетов иностранных лотерей и промессов на эти билеты без разрешения Министерства финансов, ждать которого приходилось довольно долго, издание каралось денежным взысканием: в первый раз – не более пятидесяти рублей, во второй - не более ста рублей, а в третий - не более двухсот рублей и лишением права печатать частные объявления [1, т. XV, с. 107]. А последнее фактически означало финансовую несостоятельность издания, а следовательно, и скорое закрытие газеты или журнала.

Наиболее «любимой» статьей Уложения о наказаниях для правительственных чиновников, на основании которой против редактора периодического издания возбуждалось судебное преследование, была статья 1034(4) (по Прод. 1906 г.). Она соответствовала пункту 5 статьи VIII временных правил о повременных изданиях 24 ноября 1905 г. Законом 5 июля 1912 г. статья 1034(4) была дополнена по сравнению с временными правилами 24 ноября 1905 г. еще одним пунктом, преду-

сматривавшим наказание за распространение в печати сведений, касавшихся внешней безопасности России.

Некоторые пункты статьи 1034(4) имели такую формулировку, которая позволяла их толковать довольно широко. Например, «распространение посредством печати заведомо ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение» или «распространение посредством печати заведомо ложного, возбуждающего общественную тревогу о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии». Отсюда и большое количество дел, возбужденных, например, против наиболее популярных сибирских газет именно по статье 1034(4). При этом весьма характерным явлением был и тот факт, что в подавляющем большинстве случаев судебным решением являлось прекращение уголовного преследования за отсутствием состава преступления, а арест на номер этого периодического издания отменялся.

Состав преступных действий, за которые ответственный редактор подвергался судебному преследованию, был предусмотрен и статьями 1035-1040 включительно. Согласно статье 1035 ответственный редактор повременного издания привлекался к ответственности в случае «опубликования оскорбительных и направленных к колебанию общественного доверия отзывов о действующих в Империи законах» или о постановлениях и распоряжениях правительственных и судебных органов. На страницах газет было строго запрещено оспаривать их обязательную силу, одобрять или оправдывать «воспрещенные ими действия с целью возбудить к ним неуважение». Публикацию в печати материалов, «возбуждающих вражду в одной части населения против другой, либо в одном сословии против другого» карала статья 1036. Уложение о наказаниях (статья 1037), строго следило и за неприкосновенностью «начал частной собственности и семейного союза», и не допускало никаких критических замечаний по этим вопросам. Наконец, понимая, что постановления дворянских, городских и земских собраний могли не совпадать с официальной правительственной линией, печатать и обнародовать такие постановления можно было лишь с разрешения: в Санкт-Петербурге – градоначальника, в Москве – генерал-губернатора, а во всех остальных городах империи, в том числе и в Сибири – губернатора [1, т. XV, с. 108].

Одну из наиболее эффективных попыток привлечь нового читателя редакторы периодических изданий видели в публикации всевозможных сенсационных материалов, в том числе и о самых громких судебных процессах. При этом стремление опередить другие газеты в подаче новых сведений нередко заканчивались возбуждением судебного преследования по статье 1038(1) Уложения о наказаниях. Виновный в опубликовании материалов дознания или предварительного следствия до судебного заседания подвергался аресту от семи дней до шести недель и, кроме того, денежному взысканию до пятисот рублей. Тем же наказаниям подвергались виновные в нарушении правил о печатании судебных решений и отчетов о делах, рассматривавшихся в судебных учреждениях.

Российское законодательство в лице Уложения о наказаниях строго следило и за сохранением «доброго имени» не только должностных лиц или общества, но и любого частного лица. Если в газете или журнале появлялись сообщения, которые могли повредить «их чести, достоинству или доброму имени», то редактор наказывался денежным штрафом до пятисот рублей и заключением в тюрьме на срок от двух месяцев до одного года и четырех месяцев, или по усмотрению суда одному из этих видов наказаний – статья (1039). Однако если подсудимый предоставлял суду неопровержимые доказательства справедливости опубликованных статей, то он освобождался от ответственности по указанной статье. Тем не менее он мог быть подвергнут взысканию по следующей, 1040 статье, в случае, если суд в форме преследуемого сочинения или в способе его распространения и других обстоятельствах усматривал «явный умысел нанести должностному лицу или

установлению оскорбление». В этом случае оскорбительный отзыв в печати о частном или должностном лице, обществе или учреждении, выражавший или заключавший в себе «злословие или брань», наказывался более «мягко»: подвергался денежному взысканию не более трехсот рублей и аресту от семи дней до трех месяцев или заключению в тюрьме от двух до восьми месяцев [1, т. XV, с. 108].

Статьи 1041–1047 Уложения о наказаниях подробно указывали на степень ответственности автора, издателя, владельца типографии и редактора повременного издания, который считался «во всяком случае главным виновником». Суд имел право запрещать выход периодического издания на определенный срок или «совершенное его прекращение». Наконец, эти статьи регламентировали право суда запрещать оказавшимся виновными издателю и редактору принимать на себя в течение определенного срока, но не более пяти лет, обязанности редактора или издателя какого-либо повременного издания. Статьи 1046 и 1047, касавшиеся запрещения виновным редакторам и издателям исполнять эти обязанности в течение определенного срока были отменены Временными правилами 24 ноября 1905 г. Однако так же как и статьи 1035–1038, например, чиновниками канцелярии иркутского генерал-губернатора, больше года спустя после их отмены, все еще включались в число действующих статей в российском законодательстве [5, ф. 25, оп. 6, д. 3340, л. 5].

Наконец, продолжал сохранять свое значение ряд постановлений уголовного уложения 1903 г. Из них, прежде всего, следует отметить статью 128, каравшую «порицание установленных законами основными образа правления» ссылкой на поселение; статью 132 и, в особенности, знаменитую статью 129, в которой был сосредоточен «центр тяжести уголовных репрессий».

Статья 132 предусматривала наказание за «составление и размножение», а статья 129 за распространение сочинений, «возбуждающих»: «1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя; 3) к неповиновению или противодействию закону ...; 4) к учинению тяжкого ... преступления; 5) к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы; 6) вражду между отдельными частями или классами населения, между сословиями, или между хозяевами и рабочими». Наказания, установленные этими статьями, были весьма суровы. От заключения в тюрьму – по статье 132 и по 6-му пункту статьи 129, по остальным же пунктам статьи 129 полагалась ссылка на поселение и заключение в «исправительный дом с переходом к тюрьме» только при смягчающих вину обстоятельствах.

Устанавливая такие суровые кары, эти статьи были так отредактированы, что под них можно было подвести «деяния», по существу ничего преступного и революционного в себе не заключавшие.

После роспуска 3 июня 1907 г. II Государственной думы в императорском манифесте четко указывалось, что меняется только избирательный закон, в то время как все другие права, дарованные подданным Манифестом 17 октября 1905 г. и Основными законами, оставались «незыблемыми и неизменными». Тем не менее в тот же день, 3 июня, на территории Сибири, так же как и во всей империи, были изданы в порядке чрезвычайной и усиленной охраны тождественные по существу, если не всегда по форме, обязательные постановления о печати. Этими постановлениями периодическая печать фактически была переведена «на штрафное положение» [4, с. 38].

На основании 1, 2 и 3 пунктов 19 статьи Правил о местностях, состоящих объявленными на военном положении, генерал-губернаторы или «облеченные их властью лица» имели очень широкие полномочия. Прежде всего - издавать обязательные постановления по предметам, «относившимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности». Первый пункт всех постановлений о печати гласил: «... Воспрещается оглашение или публичное восхваление каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к

правительству». Запрещалось распространять произведения печати, подвергнутые аресту установленным в законе порядком. Далее следовал ряд более специальных запретов. Так, например, запрещалось «восхваление преступлений», распространение «ложных, возбуждающих тревогу слухов» о чем бы то ни было. Виновные в нарушении того или иного «воспрещения», другими словами, ответственные редакторы повременных изданий подвергались в административном порядке штрафу до 3000 рублей. В местностях, объявленных на положении усиленной охраны – штрафу до 500 рублей или заключению в тюрьме или крепости до трех месяцев, или аресту на тот же срок. Наконец, согласно пункту 14 статьи 19 правил о местностях, состоящих объявленными на военном положении, начальнику губернии предоставлялось право приостанавливать, т.е. фактически закрывать, периодические издания на все время объявленного военного положения [1, т. II, с. 173].

Таким образом, российское законодательство, регламентируя правовое положение периодических изданий, очень наглядно демонстрировало, насколько серьезно государство относилось к их роли и влиянию в общественно-политической жизни и старалось жестко контролировать любые явления, встречавшиеся в их практической деятельности. Это хорошо понимали и чиновники, имевшие отношение к условиям выхода и функционирования повременных изданий. Отсюда, во многом, и их поступки, в которых явно усматривалось стремление действовать по принципу: лучше осудить невиновного, чем оставить нарушение закона безнаказанным».

Список источников и литературы

1. *Свод законов Российской империи*. СПб., Б/г.

2. *Горбунов А.* Действующее законодательство о печати // Свобода печати при обновленном строе. СПб. Тип т-ва «Общественная польза», 1912. С. 62–85.

3. *Российское законодательство* X–XX вв. В 9 тт. М.: Юридическая литература, 1994. Т. 9. 352 с.

4. *Розенберг В.* Летопись русской печати. 1907–1914 гг. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914. 102 с.

5. *ГАИО*

V.V. Vorobyov

The legal regulation of the legal status of the Siberian periodicals in the late XIX century - 1914.

Summary. The article is devoted to the legislative regulation of the legal status of the Siberian periodicals in the late XIX century-1914 The paper analyzes the main legal acts that define the conditions of function-ing of legal periodicals region in the end of XIX century – 1914.

Key words: periodicals, legislation, censorship.

УДК 94(47) «19»

В.В. Ведерников

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Статья анализирует отношение Русской православной церкви к политическим реформам. Автор приходит к выводу, что в целом церковь была готова к обновлению, которое искусственно замедлилось поворотом правительства к реакции.

Ключевые слова: Русская православная церковь, политические реформы, Первая Государственная Дума.

Проблема, которой будет посвящена статья, разумеется, требует серьезного монографического исследования. В той или иной мере она была затронута в ряде работ и имеет обширную историографию. К сожалению, в советское время решение серьезной исследовательской задачи было осложнено идеологизированным подходом к проблеме. Исследователю необходимо было показать «реакционную» и «контрреволюционную» роль духовенства, сотрудничество Церкви и власти в борьбе с революционным движением. Разумеется, картина получалась неполной, однобокой, черно-белой [1; 2; 3]. Между тем современник событий, обозреватель журнала «Русское богатство» А. Петрищев, подводя итоги революции, отмечал: «Что бы там ни говорили о русском духовенстве, но оно внесло свою лепту в освободительное движение. И, если хотите, лепту не малую» [4, с. 82– 83]. Лишь в последнее время историографическая ситуация начала меняться [5, с. 29–43; 6, с. 30–38; 7; 8; 9]. Появились работы историков Церкви, в которых, главным образом, детально анализируются проекты внутрицерковных реформ, подготовка церковного Собора. При этом, однако, отношение Церкви к политическим реформам оказывается вне рамок исследования [10; 11; 12; 13]. Понимая обширность и сложность темы, я попытаюсь на ограниченном круге, прежде всего, публицистических источников рассмотреть реакцию церковных кругов на реформу государственного строя и отношение к политической роли Церкви российской общественности.

К началу XX в. Русская православная церковь была крупнейшей конфессией на территории Российской империи. Численность священно- и церковнослужителей составляла свыше 103 тыс. человек. Число храмов достигло 48 тыс., а к православному вероисповеданию принадлежало свыше 87 миллионов человек [14, с. 28, 32 (II паг.)]. Но, оказавшись в Синодальный период в состоянии духовной несвободы, Церковь не могла выступить в качестве авторитетной и независимой общественной силы, поскольку она рассматривалась властью, прежде всего, как проводник государственного влияния.

Вопрос об общественной роли Церкви закономерно возникал в период резких и решительных перемен. Так, в канун Великих реформ полемику в обществе вызвала книга тверского священника И.С. Беллюстина, описывавшая тяжелое и безрадостное положение сельского духовенства. Проблема вновь обостряется в годы кризиса власти на рубеже 1870–1880-х гг. Подчиненное положение Церкви, тяжелое материальное положение белого духовенства, мелочная регламентация, когда проповедь должна была соответствовать утвержденным образцам – все это не позволяло священнику завоевать авторитет в крестьянской среде, выступить в качестве силы, препятствующей революционной пропаганде. Резко критикуя подчиненную роль Церкви, ее служение государству, публицист Р.А. Фадеев указывал, что подчиненная мелочному бюрократическому контролю, Церковь не способна оказывать нравственного влияния на народ. Более того, само духовенство «прониклось глухим недовольством», а через несколько лет «противники государства найдут, может быть, союзников у самого алтаря», - прозорливо предсказал публицист [15, с. 46]. На необходимость поднять нравственный уровень духовенства как на первоочередную задачу преобразований указывал и М.Т. Лорис-Меликов [16, с. 100]. К сожалению, назревшие церковные реформы осуществлены не были. За одним исключением. В период пребывания на посту обер-прокурора К.П. Победоносцева священники переводятся на жалованье, размер которого, впрочем, был крайне невысоким.

Серьезные общественные потрясения периода Первой русской революции не обошли стороной и Православную церковь.

Реформы государственного строя в ходе 1905 г. изменяли традиционную симфонию власти и православия. Указ Сенату от 17 апреля 1905 г., провозглашавший начала веротерпимости, был шагом на пути отделения Церкви от государства, созыв законодательной Государственной Думы, узаконенный манифестом 17 октября, ставил под сомнение принцип самодержавия, тесно связан-

ного с православием. Призванная законодательствовать, многоконфессиональная Дума, таким образом, могла рассматривать и вопросы, касавшиеся Православной церкви. Сам созыв Государственной Думы выдвигал в качестве первоочередного вопрос о роли духовенства в избирательном процессе, о политических предпочтениях во время избирательной борьбы.

Духовенство становилось субъектом политического процесса. Поэтому соперничающие общественные силы попытались дать оценку политического потенциала Церкви. Одним из первых это сделал известный либеральный публицист и философ кн. Е.Н. Трубецкой. На страницах еженедельника «Право» он поставил вопрос об отношении духовенства к освободительному движению. Освобожденная от государственной опеки Церковь, стоя «над схваткой» и не участвуя непосредственно в политической борьбе, могла бы, по мнению публициста, превратиться в серьезную морально-нравственную силу, умеряющую страсти. В полемику с князем вступил представитель левого крыла освобожденцев П.Н. Милюков, смысл высказываний которого сводился к тому, что духовенство – крайне реакционная и инертная часть русского общества. «А что если они (священники – *В.В.*) (…) будут продолжать вести активную борьбу против «сеятелей» Некрасова и примутся «изгонять бесов» Достоевского?» – вопрошал оппонента Милюков, очевидно, все еще считавший «духов русской революции» естественными союзниками либерального движения [17, с. 27]. Более взвешенную позицию заняла газета «Русские ведомости». Орган либеральной московской профессуры, до недавнего времени проявлявший полное равнодушие к жизни Церкви, в дни Октябрьской политической забастовки опубликовал обширную статью, посвященную общественной роли духовенства. Газету волновал не столько вопрос о политических позициях церковных иерархов, сколько рядовых сельских батюшек. Такая постановка проблемы понятна. С опубликованием «Положения о выборах» в булыгинскую думу стало ясно, что делая крестьянство самой многочисленной курией избирателей, государство рассчитывает растворить оппозиционно настроенную интеллигенцию в серой народной массе. А ведь ближе всего к народу стоял школьный учитель и сельский священник. Анализируя проявления общественной активности духовенства, автор приходил к выводу, что оно неоднородно. В его рядах есть как сторонники обновления (к их числу газета относила епископа Нарвского Антонина и викария нижегородской епархии Исидора), так и издатели «Троицких листков», которые выступали за сохранение самодержавия. Автор статьи склоняется к выводу, что «в настоящее время имеется действительно налицо много признаков того, что духовенство наше готовится выступить как новый фактор социального движения, освободившись от наложенного на него светскою властью и традицией уз и прещений» [18]. Примечательно, что другая московская либеральная газета «Русское слово», которая ориентировалась на массового читателя, оставаясь изданием либеральным, в то же самое время уделяла внимание проблемам веры и Церкви, чем значительно отличалась от «Русских ведомостей». Газета привлекла к постоянному сотрудничеству популярного проповедника о. Григория Петрова и публициста В.В. Розанова. Церковно-общественная тематика занимала большое место на страницах умеренно-либерального «Слова». В свою очередь, охранительные «Московские ведомости» привлекают к сотрудничеству защитников неограниченного самодержавия о. Иоанна Кронштадтского, протоиерея Иоанна Восторгова, серпуховского епископа Никона и других.

«Мир Божий». Трудно указать другое издание, название которого входило бы в такое кричащее противоречие с содержанием! Этот журнал отличала яркая оппозиционность, позитивизм и критическое отношение к религии. Но и этот орган, в котором активно сотрудничали русские марксисты, в разгар революции уделил внимание положению духовенства. В сельских священниках обозреватель издания А.И. Богданович видел, прежде всего, представителей интеллигенции, которые смогут стать «пастырями добрыми» для измученной и забитой крестьянской массы. По словам публициста, «больше всех, быть может, выиграет при обновлении русского строя именно

духовенство (…) В громадной части своей духовенство те же земледельцы. И вот когда оно внесет в деревню истинное знание, свободу и свет настоящего просвещения, евангельский дух любви, воодушевление и энергию истинной веры – кто может сделать больше, чем оно?» [19, с. 12 (II паг.) Подп.: А.И.].

Церковно-общественные проблемы начинают активно обсуждаться и на страницах церковных периодических изданий. До начала XX в. духовенство не имело собственной газеты. Многочисленные периодические церковные издания имели официальный характер и предпочитали не касаться животрепещущих общественных вопросов [Анализ церковной печати начала XX в. см.: 20; 21]. Живой голос рядовых служителей Церкви был почти не слышен. В.В. Розанов совершенно справедливо писал в начале 1906 г.: «Нужна газета или небольшой, напр., еженедельный журнал под руководством компетентного духовного лица или, еще лучше, под руководством компетентного или компетентных профессоров духовных академий, но поставленных независимо, свободно в отношении к своему ведомству и сословию, в отношении к богословской официальной литературе и своей духовной администрации. Пусть в этой газете или журнале батюшки говорят свои речи, а не подсказанные. Пусть они будут не телефоном, не проволокой металлической, по которой несутся чужие, приказанные или страхом внесенные речи» [22, с. 14].

В годы революции такие издания появляются. В Киеве в апреле 1906 г. очень недолго выходила газета «Народ», редактируемая С.Н. Булгаковым, в Харькове с февраля по июль 1906 г. издавалась еженедельная «Церковная газета», называвшая себя органом «церковного обновления и культурно-прогрессивных стремлений», а в Вятке около двух лет выходил еженедельник «Епархиальные отголоски», позицию которого современный исследователь считает «прокадетской» [23, с. 247]. Злободневные политические вопросы нашли отражение и на страницах еженедельника «Церковный вестник», издававшегося при Санкт-Петербургской духовной академии, и ежемесячного журнала «Богословский вестник», издаваемого Московской духовной академией.

Одним из самых заметных печатных органов, представлявших интересы духовенства, стала газета «Колокол». Издателем и фактическим редактором ее был В.М. Скворцов, выполнявший обязанности чиновника особых поручений при К.П. Победоносцеве. По воспоминаниям самого Скворцова, в 1905 г. у него созрела мысль «об основании ежедневного церковно-политического органа». «Одиноко составлял я программу нового в русской журналистике органа, – продолжает Скворцов, который поставил себе задачей – проводить в среду духовенства, призывавшегося к участию в народно-представительных учреждениях здравые государственно-политические понятия, а в среду светскую – истинные христианские начала жизни и мысли». Начинание нашло сочувствие у Победоносцева. Формально независимая газета. была, по словам Скворцова, «полуофициозом» Синода [24].

Своей задачей газета ставила организацию диалога между церковью и обществом, а также между различными христианскими конфессиями. «Имея в виду знакомить общество с религиозным миром, с бытовою и церковною жизнию старообрядчества и русского сектантства, с церковно-приходскою жизнию инославных церквей, редакция охотно откроет свои столбцы авторам и из этого лагеря для правдивого слова и справедливых заявлений о своих духовных нуждах и церковных делах», – писала газета [25].

Политические взгляды издателей новой газеты были сформулированы не слишком определенно, но указание на «самобытные начала» русской истории и критика освободительного движения позволяли все же оценить новое издание как орган консервативный.

Оценка манифеста 17 октября расколола русское общество. Умеренные либералы считали, что царская власть ограничена, а провозглашенные права и свободы означают переход к правовому государству. Но революционеры и черносотенцы, расходясь почти по всем вопросам, были со-

лидарны в одном: неограниченное самодержавие сохранилось и после 17 октября. Кадеты, как всегда, заняли колеблющуюся и неопределенную позицию.

В оценке значения Манифеста не было единства и среди иерархов. Наиболее радикальную позицию занял епископ Нарвский Антонин. В статье, опубликованной в газете «Слово», епископ, базируясь на догматах троичности и искупления, пытался обосновать необходимость правового строя. Владыка писал: «В тот момент, когда Христос вознесен был на крест, пали нравственные основы самодержавия; на дощечке Голгофского креста, поверх треязычного титла вины Распятого, вечною правдою начертана нравственная основа освободительного принципа: перед законом все равны. Божественною кровью смыты земные привилегии, исключительности и отличия» [26]. Епископ доказывал, что «православие и самодержавие не только органически не связаны между собою, напротив, они взаимно отталкивают друг друга». Заповедь епископ считал аналогом конституции [26]. После 17 октября он выпустил из формы поминовения царя титул «самодержавнейший» [3, с. 104]. С другой стороны, о. Иоанн Восторгов безусловно высказался за незыблемость самодержавия. Основываясь на текстах Писания, батюшка призывал: «Сам Всевышний поставляет царей на престол (Дан. II, 21). Сам Господь в Ветхом Завете повелел помазать на царство Саула, Давида, Соломона и других царей и назвал их Своими избранниками и помазанниками» [27, с. 503]. Помазание на царство естественно, означало неограниченность самодержавия, хоть это и не было сказано прямо. Аргументы в защиту незыблемости самодержавия привел и епископ Серпуховской Никон. По его словам, «в установлении тех или других законов бытия, как в мире нравственном, так и физическом, Бог не ограничивает Себя волею сотворенных Им существ. Так же и Самодержец не должен быть ограничиваем волею своих подданных в законодательстве» [28]. Следует отметить, что такая праворадикальная позиция по отношению к преобразованию государственного строя вовсе не была общей для консервативного лагеря. Статья епископа вызвала отповедь со стороны кн. Мещерского, который увидел в этом вмешательство епископа в чисто политические дела и желание отождествить царское самодержавие со вседержительством Божиим. Позиция же синодального руководства по отношению к манифесту была высказана первоприсутствующим членом Св. Синода Петербургским митрополитом Антонием на приеме у Императора 4 ноября 1905 г. Владыка приветствовал реформу, которая призвала Россию «к обновлению жизни дарованными ей правами гражданского развития» и признал «великое историческое значение» манифеста 17 октября [14, с. 12–13].

Однозначно высказался «Богословский вестник»: «Правовой строй осуществлен во всех европейских государствах, а с 17 октября 1905 г. он введен в России» [29, с. 148]. «Церковный вестник», занимая менее радикальную позицию, считал, что «Церковь не связана с определенной формой правления: она так же хорошо уживается с самодержавием, как с конституцией и даже республикой» [30, с. 35].

Даже «Колокол» открыто не выступал в поддержку самодержавия. Газета высказалась «за выработку самобытных государственных форм и строя обновленной «единой нераздельной» России, в живом единении Царя с народом, в лице избранных представителей последнего и с самоуправляющеюся землею за право и правду, равные для всех» [25]. Вопрос о форме государственного устройства был в газете предметом дискуссии. Л.А. Тихомиров выступил с традиционными для правых аргументами в защиту самодержавия, которое 17 октября сохранилось в неприкосновенности, лишь разорвав с традициями приказного строя [31]. Но в той же газете под рубрикой «Трибуна» (то есть в порядке дискуссии) публикуется «письмо в редакцию» за подписью Ал. Ф-н, автор, которого считает, что самодержавие все же должно быть ограничено. «Закономерность же «по произволению» государя (неизбежно в большинстве случаев его министров) уже является неприкрытым поползновением к деспотии, в сущности – бюрократической», – утверждал автор

письма [32]. Настороженно отнеслась газета и к толкованию текстов Писания для обоснования преимущества той или иной формы государственного правления. «Христианство затрагивает человеческую природу гораздо глубже и в тех ее основах, для которых внешний порядок имеет слишком второстепенное значение. Оно, как показал исторический опыт, может делать свое дело в самых разнообразных условиях жизни и для осуществления своих великих целей никогда не требовало того или иного внешнего строя», – резонно заметил один из авторов газеты [33].

Избирательная кампания в Думу, которая началась в 1906 г., с одной стороны, привлекла внимание политических изданий к позиции духовенства, а с другой – поставила вопрос перед самими духовными лицами о том, следует ли вообще участвовать в политической жизни. А если следует, то отдавать ли свои голоса какой-либо из существующих партий или же создать свою особую политическую организацию.

«Московские ведомости» считали, что духовенство сможет оказать воздействие на настроение прежде всего сельских избирателей. В воззвании Русской монархической партии избирателям рекомендуется не выбирать в Думу того, «кто не исповедует христианской веры или не чтит Святой Церкви и ее уставов, кто отвергает храм Божий, кто идет против царя» [34]. Священники же должны были не столько бороться за депутатские места, сколько «выразить и поддержать народные верования», которые, по мнению газеты, были тождественны взглядам крайне правых [35].

Накануне выборов газета «Речь» опубликовала записку Союза ревнителей церковного обновления, в которой священники-реформаторы признают наиболее совершенным тот де политический строй, который основан на твердых началах законности» [36; Об отношении кадетов к Союзу церковного обновления подробнее см.: 3, с. 152–153].

Острый интерес к участию в выборах духовенства проявила правительственная газета «Русское государство». Опасность для правительственных реформаторов составляли крайние левые, призывавшие к продолжению революции, кадеты, выступавшие с программой радикальных преобразований и критиковавшие правительство Витте – Дурново. Но опорой не могли быть и крайние правые, отвергавшие реформы вообще. Еще до начала выборной кампании газета выступила с проектом создания в Думе проправительственной крестьянской фракции. «Девяносто, если не все сто процентов крестьян – безусловно, монархисты. Министерство же естественно явится в Государственной Думе выразителем воли и взглядов Монарха. Примкнув к вожакам министерской партии, крестьяне-депутаты получат надежных руководителей и останутся верны несомненным наказам «мира» и «громады», которые их выберут и пошлют с заветом: идти к Батюшке Царю и чтить его волю» [37; Подп.: Н.С. П.]. Руководителем же «сереньких» крестьян должны выступить деревенские батюшки. «В лице деревенского священника Государственная Дума встретит горячего защитника крестьянских интересов, – защитника образованного, привыкшего говорить, а главное – защитника по сердцу, убежденного; его всегда поддержат и депутаты-крестьяне», – писал анонимный автор правительственного официоза [38; Подп.: Вемъ]. Как видим, взгляды на роль сельского батюшки совпали у редактора «Мира Божия» и «Русского государства». Но вот политическую позицию священников они оценивали по-разному. В первом случае священник – почти социалист, борец за народное дело. Во втором – стихийный консерватор, приверженец монархии, но противник «приказного» строя.

Выборы от городов не дали ни одного места представителю православного духовенства. Объяснялось это тем, что почти во всех городах (кроме Екатеринослава) побеждали кадетские выборщики. Заинтересованные в поддержке демократического избирателя, кадеты могли демонстративно включить в списки кандидатов в Думу рабочего (как это произошло в Москве), но не священника. Косвенным образом это свидетельствует о снижении религиозности горожан. Все шесть

депутатов-священников были выбраны губернскими избирательными собраниями. Три священника – Н.В. Огнев (Вятская губерния), К.И. Афанасьев (Область Войска Донского), А.В. Поярков (Воронежская губ.), принадлежали к думской оппозиции. В.И. Гума (Бессарабская губерния), А.В. Концевич (Волынская губ.), П.Ф. Воздвиженский (Тамбовская губ.) заняли позицию правее кадетов. И хотя депутаты-священники распределились между «левым» и «правым» секторами равномерно, было бы неправильно утверждать, что такое распределение отражает политические симпатии духовенства или, точнее, сельских избирателей. Если Н.В. Огнев и К.И. Афанасьев были известны избирателям как яркие представители оппозиции, то В.И. Гума прошел как компромиссный кандидат от блока «прогрессистов» (избиратели правее кадетов) и «партии Центра» (избиратели правее октябристов). По словам кадетской газеты «Бессарабская жизнь», о. Гума «просто хороший батюшка, популярный среди крестьян» [39; Подп.: Скальпель]. Выборы от Тамбовской губернии были проведены при сильном давлении на избирателей администрации и Дума их кассировала. В Волынской губернии, отличавшейся пестрым национальным составом, выборы проходили не по партийным, а по «национальным» спискам. Польские и русские помещики заключили блок с крестьянами против представлявших городских избирателей евреев. По соглашению, было решено провести в Думу трех польских землевладельцев двух русских, одного православного священника и шестерых крестьян [40]. Судя по письмам, о. Концевич был ярым юдофобом, защитником неограниченной власти монарха [41, л. 32]. Таким образом, лишь в последнем случае можно говорить о том, что избиратели сознательно проголосовали за правого претендента.

Подводя итоги, можно сказать, что для церковной публицистики характерны положительные оценки преобразований, надежды на освобождение Церкви от давящего бюрократического гнета. «Черносотенство» занимало маргинальные позиции и находило критику даже на страницах консервативного «Колокола». Церковь была готова к обновлению. Об этом свидетельствуют и итоги выборов в Думу. Духовенство в подавляющем большинстве своем считало невозможным непосредственное участие в политической борьбе, отрицательно отнеслось к идее создания отдельной «клерикальной» политической партии. Именно такой позиции придерживается и современная Православная Церковь. В принятом Архиерейским собором документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» провозглашается неучастие священнослужителей в деятельности политических организаций, политической агитации и т.д. [42]. К сожалению, поворот правительства к консервативному курсу, соблазн использовать влияние Церкви для решения политических вопросов искусственно замедлили процессы обновления и реформ. Поиски новых путей возобновились лишь с падением самодержавия в 1917 г.

Список источников и литературы:

1. *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. 98 с.

2. *Титлинов Б.В.* Православие на службе самодержавия в Русском государстве. Л., 1924. 210 с.

3. *Зырянов П.Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. 226 с.

4. *Петрищев А.* Перед кризисом // Русское богатство. 1907. № 6. С. 78–106.

5. *Леонтьева Т.Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 29–43.

6. *Бабкин М.А.* События первой российской революции и Святейший Синод Русской Православной церкви (1905–1906 гг.) // Уральский исторический вестник. 2008. № 4(21). С. 30–38.

7. *Фирсов С.Л.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. 662 с.

8. *Леонов Д.Е.* Русская Православная Церковь в период революции 1905–1907 гг. (по материалам Верхнего Поволжья): Автореф. дис….к.и.н. Ярославль, 2010. 24 с.

9. *Бунин А.Ю.* Деятельность православного духовенства Курского края в 1905–1929 гг.: Автореф. дис. … к.и.н. Курск, 2005. 25 с.

10. *Ореханов Г.* На пути к Собору: церковная реформа и Первая русская революция М., 2002. 221 с.

11. *Бабкин М.А.* Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. 532 с.

12. *Cunningham J.* The Movement for Church Renewal in Russia, 1905–1906. N-Y., 1981. 106 p.

13. *Roslof E.* Renovationism, Russian Orthodoxy and Revolutia, 1905–1946. Bloomington, 2002.

14. *Всеподданнейший отчет* обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. 268 с.

15. *Фадеев Р.А.* Письма о современном состоянии России // Собрание сочинений. Т. 3. Ч. 1–2. СПб., 1890.

16. *Лорис-Меликов М.Т.* Всеподданнейший доклад от 11 апреля 1880 г. // Былое. 1918. № 10/11.

17. *Милюков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. СПб, 1907.

18. *Два течения в современном духовенстве*// Русские ведомости. 1905. 10 окт. № 265.

19. *Богданович А.И.* Критические заметки// Мир Божий. 1905. № 7.

20. *Кашеваров А.Н.* Печать Русской Православной Церкви в XX веке. СПб., 2004.

21. *Нетужилов К.Е.* История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. СПб., 2009.

22. *Розанов В.В.* Церковно-общественное движение // Розанов В.В. Около народной души. М., 2003.

23. *Пухов Д.Ю.* Демократическая пресса Урала в период революции 1905–1907 гг. // Документ. Архив. Источник. Вып. 7. Екатеринбург, 2007.

24. *Скворцов В.М.* Юбилейное послесловие// Колокол. 1915. 31 дек. № 2891.

25. *Колокол.* 1905. № 1.

26. *Слово*. 1905. 18 дек.

27. *Восторгов Иоанн*, протоиерей. Царя чтите // Полн. собр. соч.: В 5 т. Т.2 СПб., 1996.

28. *Никон, епископ Серпуховской*. Самодержавие по образу Божия вседержительства// Московские ведомости. 1906. 20, 21 янв. № 17, 18.

29. *Мышцын В.Н.* Политические партии и их идеалы// Богословский вестник. 1906. № 1.

30. *Кудрявцев В.* Церковь и политика // Церковный вестник. 1906. 12 янв. № 2.

31. *Тихомиров Л.* Народное представительство // Колокол. 1906. 18 янв. № 14.

32. *Колокол.* 1906. 5 февр. № 29.

33. *Кузнецов Н.* Конституция и самодержавие // Колокол. 1906. 28 янв. № 23.

34. *Московские ведомости*. 1906. 4 янв. № 4.

35. *Священники-избиратели* // Московские ведомости. 1906. 18 марта. № 73.

36. *Речь.* 1906. 11 марта.

37. *Крестьянство и партии* // Русское государство. 1906. 24 февр.

38. *Деревенские батюшки* // Русское государство. 1906. 15 марта. № 36.

39. *Мир праху твоему* // Бессарабская жизнь. 1906. 11 апр. № 86.

40. *Волынь*. 1906 16 апр. № 81.

41. *Концевич А.В. – Литвину* И. 1906. 17 мая// РГИА. Ф. 1282. оп. . 2,1906 Д. 1981.

42. *Основы социальной концепции* Русской Православной Церкви: Электронные текстовые данные: [Электронный ресурс]: Режим доступа http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html

V.V. Vedernikov

The Orthodox Church and political reforms in the period of the First Russian revolution

Summary. The article deals with the attitude of Russian Orthodox Church to political re-forms 1905-1906. The author comes to the conclusion, that in general the Church was ready to renovation, but this process has been artificially slowed down by turning the Government to the reaction.

Key words: The Russian Orthodox Church, Political reforms, The First State Duma.

УДК 930

С.П. Бычков

ПЯТАЯ АКАДЕМИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК ПРОЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО УСИЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В СИБИРИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX В.

Аннотация. Статья посвящена процессу создания Пятой духовной академии Русской Православной Церкви в начале XX века в Томске. Академия должна была стать высшим учебным заведением, готовящим миссионеров для дальнейшей религиозной и культурной экспансии Российской империи на Дальнем Востоке. Ее кадры должны были обеспечивать как внешнее продвижение православия за пределами освоенных русских территорий, так и убыстрение процесса ассимиляции и оправославливания окраин Империи. Рассматривается комплекс организационных усилий со стороны церковных властей, их мотивация для организации новой академии именно в Томске в 1910–1915 гг.

Ключевые слова: Пятая духовная академия, Русская Православная Церковь, имперская религиозная политика, миссионерство.

В 1990-е гг., в период активного возрождения православных учебных заведений в постсоветской России, патриарх Московский и всея Руси Алексий II в обращениях к ученому сообществу формирующейся духовной семинарии в Томске указывал на несостоявшийся проект открытия пятой Сибирской православной духовной академии в середине второго десятилетия XX в. Во время своего визита в Томск в мае 2002 г., при освящении нового здания Томской духовной семинарии, патриарх в беседе с ее преподавателями и учащимися снова напомнил о том, что в начале XX века в церковной среде широко обсуждалась возможность открытия в Томске пятой духовной академии. Она, подобно Казанской, должна была стать академией с миссионерской направленностью [1]. На официальном сайте Томской духовной семинарии также есть упоминание о проекте создания пятой православной духовной Академии [2]. Проблема создания пятой академии нашла и свое первоначальное церковно-историческое освещение [3, с. 103–108].

Все это свидетельствует о том, что в памяти высшей церковной православной власти в России представления о неприкрытом «восточном направлении» миссионерства русской церкви остались довольно прочными, несмотря на все катастрофические перипетии XX в. Действительно, вся логика государственного, имперского продвижения на восток в XIX – начале XX вв. должна была привести к образованию на территории Сибири и Дальнего Востока новой духовной академии. Некоторые задачи, которые должна была выполнять новая академия, уже решались в ту пору Казанской академией, основанной в 1842 г. Казанская академия успешно воспитывала новых пастырей и деятелей науки, стояла и во главе миссионерского движения. Но к началу XX в. ее сил уже

явно не хватало на решение новых проблем, ставившихся самой жизнью. Огромные территориальные объемы государственной колонизации на востоке страны оставляли Казань далеко в ее тылу. Быстро формировались во второй половине XIX в. новые экономические и культурные центры Сибири и Дальнего Востока, требовавшие собственных управленцев, общественных, культурных и церковных деятелей. Слишком небольшое количество выпускников Казанской академии к началу XX в. уже было неспособно решать насущные религиозные, образовательные, просвещенческие, миссионерские проблемы новых территорий.

Проект создания пятой сибирской духовной академии находился, бесспорно, на пересечении больших государственных, церковных, общественных интересов. Но поскольку подобного рода проекты относились к сфере ведения Святейшего Синода и обер-прокуратуры, то многое зависело прямо от позиции самого обер-прокурора. В исследованиях сложилось вполне справедливое мнение о тормозящей роли К.П. Победоносцева [4, с. 19] и благоприятной - В.К. Саблера в деле основания новой миссионерской академии [5, с. 36]. Конечно, помимо личной позиции обер-прокуроров было множество факторов, объективно отодвигавших открытие новой академии. Так, после ухода Победоносцева в 1905 г. таковыми стали как большие государственные расходы, связанные с русско-японской войной и революцией, так и вызванная ими социальная и политическая нестабильность.

И только лишь летом 1910 г. на проходившем в Иркутске втором Миссионерском съезде было публично высказано пожелание открыть пятую в Российской империи академию с миссионерской направленностью. Все заинтересованные стороны сошлись на том, что таким городом должен был стать Томск. Удачливость Томска в деле основания Сибирского университета (открытого в 1888 г.), а затем и Политехнического института (открытого в 1900 г.), успешно выполнявших свою миссию воспитания новых деятелей на ниве образования, просвещения и науки, образовавшийся за прошедшие годы ученый и культурный потенциал, должны были стать залогом успешности в нелегком деле создания нового высшего учебного заведения Русской Православной Церкви.

Так, государство было заинтересовано в усилении просвещенной прослойки высокообразованного духовенства, могущего быть противовесом нарождающейся интеллигентной прослойке в Томске и сибирской округе со всеми присущими ей социально-политическими и социально-культурными особенностями. Церкви академия нужна была и как поставщик внутренних высококвалифицированных кадров, и как новый научный центр, способный в новых условиях решать задачи новых миссионерских вызовов и направлений. Должна была стать академия и новым центром для обучения и воспитания преподавательского корпуса в средних церковных учебных заведениях.

Томское общество было также заинтересовано в формировании прослойки высокообразованного духовенства, поскольку это давало надежду на реализацию ряда общественных просветительских проектов. Опыт существования в Томском университете такого подвижника, каким являлся Д.Н. Беликов - выпускник Казанской духовной академии, преподаватель богословских и церковно-исторических дисциплин, бессменный настоятель университетского храма – делал эти надежды отнюдь не беспочвенными. Немаловажной была и мотивация, связанная с новым статусом города как центра православия Сибири в случае, если бы проект смог быть удачно реализован.

Необходимо отметить, что светские и духовные власти Томска со всей ответственностью подошли к столь нелегкому и ответственному делу. Был проведен большой объем интеллектуальных и организационных работ для того, чтобы проект приобрел реальные черты.

Началась подготовка общественного мнения и «зондаж» его на предмет основания академии. В качестве таковой выступила большая статья священника С. Дмитриевского, которая печаталась в нескольких номерах Томских епархиальных ведомостей. В ней автор подробно рассмат-

ривал идею создания миссионерской академии от 1830-х гг. и выдвигал основной набор аргументов в пользу создания пяти академии на текущий момент именно в Томске [6]. Заканчивалась статья очень оптимистичным возгласом-заметкой епископа Алтайского Павлина «Сибирская радость» [7, с. 101]. Он указывал, что архиепископом Макарием было внесено ходатайство в Святейший Синод об открытии в Томске Сибирской духовной академии… «К голосу Архиепископа с большой охотой присоединится вся Сибирь и вместе с ним скажет: «Духовная Академия для Сибири необходима!» – отмечал иерарх [7, с. 101].

Известно и то, что в обоснование всех подготовительных мероприятий была составлена развернутая докладная записка в органы высшей государственной и церковной власти с обоснованием необходимости основания пятой академии. «В основу этой записки были положены отзывы сибирских преосвященных, статистические данные, рисующие вероисповедный состав сибирского населения, статьи и сообщения компетентных по этому вопросу лиц, а равно и другие материалы, специально собранные для этой цели» [8, с. 2]. Материалы тиражом 800 экземпляров были разосланы всем заинтересованным лицам. При этом в первой части записки необходимость создания академии признавалась совершенно неизбежной и необходимой. Во второй части рассматривались особенности ее организации применительно к местным условиям. На первый план выделены были пастырская и миссионерская потребности Сибири. Академия должна была воспитывать будущие кадры для духовных школ и законоучителей для светской школы. Указывалось, что из 136 средних учебных заведений Сибири и Туркестана только в 23 имелись законоучителя с высшим духовным образованием [8, с. 4]. Особые надежды возлагались и на миссионерское отделение. Оно должно было уже в сугубо сибирских условиях действовать в трех направлениях: против сектантов, против ислама и против ламаизма. Однако в условиях начала XX в. и широкого переселенческого движения настойчиво обозначилась и новая тенденция – необходимо было вести борьбу с многочисленными сектантскими группами, активизировавшимися после объявления закона о свободе совести – лютеранами, баптистами, молоканами. Но авторы проекта простирали свой миссионерский взор и далеко за границы самой Российской империи – в сторону Монголии, Китая и Японии, видя в этих территориях широчайшие возможности для религиозного продвижения.

Особо интересен в этом отношении рапорт епископа Алтайского и Томского в Святейший Синод, опубликованный в Томских епархиальных ведомостях 1 мая 1914 г. В нем митрополит несколько смещал акценты в аргументации необходимости создания академии от внутренних нужд русского православия в сторону активного миссионерского наступления «по всем фронтам»… В ход идут аргументы уже не рутинной работы по воспитанию собственно русского православного сибирского населения, а вполне глобального геополитического имперского масштаба. Епископ прямо говорит о том, что миссионерство есть не только церковная, но, прежде всего, государственная задача. «Сибирь наполнена инородческими элементами и в южной своей части соприкасается с великими азиатскими народностями, родственными сибирским инородцам. В интересах Империи изолировать духовно инородчество Сибири от родственных им азиатских народностей и ассимилировать их с коренным русским населением. Такая ассимиляция возможна только через обращение инородчества в христианство. Христианство, сблизив инородчество духовно с русским населением, создаст и плотское родство по крови посредством брачных союзов. Ассимиляции инородчества с русским населением будет способствовать еще и то обстоятельство, что инородческое население не составляет в Сибири уже сплошной массы, а перемешано вместе с русским населением, внедряющимся в первобытные инородческие поселения» [9].

Мефодий обращал внимание и на благоприятные исторические условия православного продвижения в Японию и Китай в условиях тенденций модернизации. С его точки зрения, это направление, в отличие от магометанства, более благоприятно по причине большей лояльности и

толерантности буддизма. В случае успехов христианства, по его мнению, это приведет к изменению международных связей между Азией и Россией и вообще Европой. В этой связи «Сибирской духовной академии предстоит великая задача разработать христианскую богословскую науку с миссионерской и богословской точки зрения в отношении буддизма и вообще религиозного миросозерцания азиатских народов и приготовить научные силы для пропаганды христианских идей среди этих народностей» [9]. С его точки зрения, делать это нужно незамедлительно, ибо этим переходным моментом в жизни азиатских народов не преминут воспользоваться католичество и протестантизм. Он понимает и то, что у чисто Томска, как у будущего миссионерского богословского академического центра, есть географические конкуренты на право открытия пятой академии. Таковыми, с его точки зрения, являются Иркутск и Вильно. «Иркутск ближе к Японии и Китаю; Томск находится в более населенной половине Сибири, непосредственно примыкающей к основной территории Империи. Западная часть Сибири по климатическим условиям, благоприятным для земледельческой культуры, всегда останется центром населения Сибири; Восточная половина не представляет таких благоприятных условий для земледелия, за исключением узкой полосы среднего течения Амура, да при том же переполнена собственным туземным инородческим элементом. Если прибавить к этому то обстоятельство, что Томск ближе к центрам культурной жизни и центрам высшего православного церковного просвещения – духовным академиям, то для Сибирской академии Томск должен быть предпочтен Иркутску». Он же высказывает опасение насчет Виленской академии, которая могла стать центром белорусинского сепаратистского движения. «Будущее России на Востоке, а не на Западе: и если государство напрягает все свои силы на Востоке, то туда должна устремить свои силы и Церковь. На Западе нужно только охранять приобретенное, а на Востоке неудержимо идет движение вперед» [9].

14 марта 1914 г. в Государственной думе за подписью 82 ее членов было внесено законодательное предположение об утверждении в Томске академии. В Святейшем Синоде в учебном комитете начата работа по составлению предложений и смете и расходах. Строительство предполагалось начать весной 1915 г.

Томская городская дума выделила участок, оцениваемый в 128 тысяч рублей, а окружной архитектор А.Д. Крячков составил проекты зданий, сметы и планов будущей академии. Общая стоимость постройки с оборудованием оценивалась в 464 тысячи рублей, а годовой бюджет – 150 тыс. в год. Оклады профессорам и преподавательскому корпусу предполагалось установить выше, чем в остальных заведениях [10]. Будущий контингент приема и правила поступления не отличались от 4 имевшихся академий. Право поступления имели семинаристы при обязательной рекомендации архиерея, а преимущественное право – лица духовного сана.

В окончательном виде миссионерский дух академии, выступая на первый план, все-таки тесно переплетался с задачами воспитания пастырей народа и законоучителей в традиционном смысле: «Основная задача Сибирской духовной академии – приготовление миссионеров по преимуществу. Сообразно этой цели, пастырская и миссионерская сторона дела выдвинута в проекте сибирской духовной академии на первый план. Основным отделением томской академии будет церковно-пастырское, которое предназначено давать преподавательский контингент для сибирских духовных учебных заведений и законоучительский для светской средней школы. Миссионерскому делу призваны служить три академических отделения: 1) расколо-сектантское, 2) противомусульманское, 3) противоламаитское, на этом последнем отделении слушатели будут знакомиться и с шаманизмом» [10].

5 июля 1914 г. местная газета «Сибирская жизнь» с оптимизмом сообщала о том, что вопрос со строительством академии решен во всех смыслах положительно. Строительство начнется летом, и здание будет самым красивым в городе. Церковь при академии будет выполнена в стиле

древних владимиро-суздальских церквей [10]. При этом, наряду с безграничным оптимизмом и энтузиазмом со стороны церковного сообщества, глубоко эшелонированной подготовкой и безупречной аргументацией, буквально на тех же полосах сибирской периодики проскальзывали нотки сомнения в возможности быстрого получения абитуриентов для новой духовной alma mater. Та же «Сибирская жизнь», в том же выпуске, где «звучали фанфары» будущей Сибирской академии, опираясь на данные статистики, указывала на сильнейший отток выпускников средних специальных учебных заведений русской церкви из духовного сословия, на жажду получения ими университетского или политехнического образования, взамен духовного [11], что вполне соответствовало и общероссийским реалиям [12, с. 25–26]. Конечно, вероятно, трудности с набором со временем смогли бы быть преодолены, как это произошло в случаях с основанием университета и политехнического института, тем более культурная и интеллектуальная среда Томска вполне позволяла уже это сделать.

Но, увы, всем этим замыслам уже не хватило ни исторического времени, ни материальных ресурсов. Летом 1914 г. началась Первая мировая война, и о планах создания пятой академии пришлось забыть. Война, кардинальным образом изменившая политические, социальные, культурные устои России, привела к революции и закрытию уже имевшихся академий и семинарий в России. И только в 1991–1992 г., по благословлению патриарха Алексия II, беззаветными усилиями церковной томской общественности и при активном содействии томских гражданских властей, была возрождена Томская духовная семинария, на сегодня являющаяся высшим духовным учебным заведением и в определенной мере воплотившая почти 80 лет спустя замысел создания пятой духовной академии в России.

Список источников и литературы

1. *Завершен* визит Алексия II в Томскую область /NEWSru.com/ Религия и общество: [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http: // palm.newsru.com/religy/28may2002/alexy_tomsk.html

2. *Томская Православная духовная семинария* /История: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://tompds.ru/История

3. *Кремнев Д.Н.* «Академия нужна Сибири...!» Проект Сибирской духовной Академии. К вопросу об открытии духовной академии в Томске // Духовное образование в Сибири: история и современность / Материалы Историко-богословской конференции Томской духовной семинарии. Томск. 4 октября 2008 г. Томск, 2008. С. 103–108.

4. *Дмитриевский С.* К постановке вопроса о пятой Духовной академии в России // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 1.

5. *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. М.: Новый хронограф, 2005, 568 с.

6. *Дмитриевский С.* К постановке вопроса о пятой Духовной академии в России // Томские епархиальные ведомости. 1911. № 24; 1912. № 2.

7 *Павлин* Алтайский. «Сибирская радость» // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 2.

8. *Сибирская духовная академия / сост. Лаврентьев Л.И.* Томск, 1914.

9. *Мефодий*, епископ Томский и Алтайский. В Святейший Правительствующий Синод рапорт // Томские епархиальные ведомости 1914. № 8–9. 1 мая.

10. *Сибирская духовная академия* // Сибирская жизнь. 1914. № 143. 5 июля.

11.*Стремление семинаристов в университет* // Сибирская духовная академия// Сибирская жизнь. 1914. № 143. 5 июля.

12. *Фирсов С.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2002. 624 с.

S.P. Bychkov

Academy of five Russian Orthodox Church as a project smart gain Orthodoxy in Siberia in the first decades of the XX- th century

Summary: The article is devoted to the process of creating the Fifth Spiritual Academy of the Russian Orthodox Church in the early XX-th century in Tomsk. The Academy was to be a higher education institution that prepares missionaries for further religious and cultural expansion of the Russian Empire in the Far East. Her pictures have been provided as external promotion of Orthodoxy outside the developed Russian territories, and quickening the process of assimilation outskirts of the empire. We consider the complex organizational effort on the part of church authorities, their motivation for the organization of the new Academy was in Tomsk in 1910-1915 y.

Key words: Fifth Theological Academy, the Russian Orthodox Church, the imperial religious policy, missionary.

РАЗДЕЛ 4

ЛЮДИ ИМПЕРИИ

УДК 94 (574)

К.С. Бижигитова

ОБРАЗ КАЗАХСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ТРУДАХ РУССКИХ АВТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ В СТЕПИ (КОНЕЦ XVIII - НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация. В данной статье автор предпринимает попытку показать, как в трудах русских авторов указанного периода сложился своеобразный образ «угнетенной», «бесправной», но вместе с тем «свободной от мусульманского догматизма и замкнутости» казахской женщины. Вместе с тем эти два противоположных мнения или стереотипа в отношении казахских женщин неплохо уживались друг другом, и, более того, в конечном итоге оба они давали надежду в том, что женщины-казашки открыты для восприятия основ «цивилизующего» русского влияния. По мнению русских чиновников, казахские женщины могли взять на себя роль в качестве успешных распространителей русской культуры в традиционном кочевом казахском обществе.

Ключевые слова: «женский вопрос», гендерные отношения, ориентализм, аменгерство (левират), калым.

Цель настоящей статьи – показать, как в многочисленных этнографических трудах, записках и воспоминаниях русских авторов конца XVIII – начала XX вв. формировался не только образ Казахской степи, но и образы колонизированных субъектов-кочевников, и в данном случае образ женщины-казашки.

На протяжении всего XVIII и до начала XIX вв. в представлениях русской общественности Казахская степь была в большей степени краем «неведомым и неизведанным», отсюда внушала определенный страх и опасения и долгое время оставалась практически не изученной в георафическом, этнографическом и политическом отношениях. Все же в конце XVIII – начале XIX вв. выходят книги обобщающего характера [1; 2; 3] и первые специальные исследования русских авторов, где мы находим сведения, непосредственно описывающие Казахскую степь и кочевой народ, который населял ее [4; 5; 6; 7; 8]. Читая эти книги, нужно иметь в виду то, о чем писал Э. Саид в своей известной работе «Ориентализм», что «занимающийся исследованием Востока европеец или американец не может отрицать основные обстоятельства своей действительности. А именно того, что он подходит к Востоку прежде всего как европеец или американец, и лишь затем как индивид», и второе важное замечание, что «всякий пишущий о Востоке автор (и это справедливо даже для Гомера) исходит из некоего восточного прецедента, некоторого предшествующего знания о Востоке, к которому он обращается и на которое опирается» [9, с. 22, 36].

На наш взгляд, эти два немаловажных фактора вполне уместно учитывать, когда мы задаемся вопросом, как русские исследователи и путешественники, попадая в Казахскую степь, воспринимали новых подданных России – казахов? Учитывая компилятивный характер большинства трудов авторов XVIII – начала XIX вв., надо отметить, что они были не оригинальны в описании внешнего вида казахов, их уровня жизни, быта, культуры. Итак, с позиции своего культурного превосходства русские путешественники и исследователи воспринимали кочевников-казахов прежде всего дикими, «необузданными», «к гневу весьма склонными», но

свободолюбивыми, склонными к грабежу, разбою, но не кровожадными, хитрыми, жадными, вместе с тем легкомысленными, простодушными и гостеприимными, в религиозном плане казахи выступали «плохими магометанами», «невежественными и суеверными». Примечательно то, что в этот период еще «незнакомые» казахи отождествлялись и сравнивались с уже «знакомыми» татарами (казанскими и поволжскими), что, конечно, сказывалось на характерной политике, проводимой русскими властями в тот период.

Что касается непосредственно описания и характеристики женщин, то все авторы отмечают их «крайнее трудолюбие и попечительство в хозяйстве», «домовитость», подчеркивают также крепкое здоровье, неприхотливость женщин в быту, умение легко переносить все тяготы суровой кочевой жизни. Так, Христофор Барданес, один из лучших учеников профессора И. Фалька, которому удалось быть в Казахской степи в составе специального отряда в 1771 г., был поражен тем, что женщины у казахов: «*после родов скоро оправляются так, что нередко и сие случается, что в тот же день случится перекочевка и роженица садится на коня и свободно, не чувствуя болезни, может ехать верхом* [5, с. 182]. В указанных работах можно также заметить, что авторы проявляют определенную симпатию к женщинам, когда они пишут об их «добросердечии», «добронравии» по сравнению с мужчинами, одновременно с некоторым сожалением отмечают, что «*киргизцы жен своих и весь пол сей не уважают, почитая их за единственных работников…*» [10, с. 84]. Все эти качества, присущие женщине-казашке, не раз подчеркивали и отмечали все последующие авторы.

В 20–50-е гг. XIX в. появляются работы, посвященные непосредственно казахам [11; 12; 13, с. 177–178], в которых мы можем наблюдать определенные изменения, которые произошли во взглядах русских авторов при описании Казахской степи и характеристике казахов. Так, административные реформы 20-х гг. XIX в. положили начало процессу, когда в глазах русской общественности Казахская степь постепенно перестает быть краем «неведомым», «чужим», напротив, этот регион стал восприниматься в качестве «своего», где получает распространение русская власть. Соответственно, казахи стали описываться не столь категорично, как прежде, – «дикими», «необузданными», «враждебными», они теперь больше представлялись скорее «полудикими», «невежественными», «доверчивыми», при этом имеющими шанс поднять свой уровень благодаря цивилизующему русскому влиянию.

В этот период русская власть предпринимает попытки по кодификации обычного права казахов, где большое внимание уделяется семейно-брачным отношениям. В этих материалах, также и в этнографических работах того периода находим данные о свадебных обрядах казахов, авторы подробно описывают калым, аменгерство (левиратный брак). Разумеется, что авторы описывая все эти обычаи и обряды, присущие кочевому обществу, исходили из собственных представлений, характерных для европейских норм семейно-брачных отношений. Отсюда определенные противоречия в их взглядах при описании женщин в традиционном кочевом казахском обществе, когда, с одной стороны, осуждается практика насильственных браков, бесправное положение женщины, которая «продавалась» родителями за калым, а после брака становилась полностью зависимой от воли мужа, его родственников. С другой стороны, те же авторы писали о том, что женщины у кочевников имеют большую свободу, чем женщины у оседлого населения Центральной Азии. Эту «свободу» русские авторы видели, прежде всего, во внешних проявлениях, как то, что женщины у кочевников никогда «не закрывают лица», «не заключены в гаремы», «свободно разъезжают верхом по степи, как и мужчины», и т.д.

Эти два, на первый взгляд, противоречащих друг другу стереотипа, которые сложились у русских исследователей при характеристике женщин в кочевом обществе: с одной стороны – «бесправная», «униженная», а с другой стороны – относительно «свободная» по сравнению с

женщинами оседлых мусульманских народов – прочно закрепились в работах более позднего периода [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20], а также нашли свое выражение в управленческих практиках русских властей на местах. Вместе с тем эти два противоположных мнения или стереотипа в отношении казахских женщин неплохо уживались друг с другом и, более того, в конечном итоге оба они давали надежду в том, что женщины-казашки открыты для восприятия основ «цивилизующего» русского влияния.

В конце XIX – начале XX вв. так называемый «женский» вопрос в традиционном казахском обществе еще более актуализируется. Проблемы, связанные с положением женщины в обществе, живо обсуждаются на страницах местной периодической печати, в частности в газете «Дала уялаты» – «Киргизская степная газета», которая издавалась в Омске с 1882 по 1902 гг. В тематических публикациях и статьях авторы (многие из них являлись представителями местного населения) затрагивают все те же вопросы: полное бесправие женщин-казашек, пренебрежительное отношение к ним мужчин, отрицательные последствия ранних браков среди казахов и пр. Так, в статье «Женщина» анонимный автор (под инициалами В.М.) связывает столь печальное положение женщин в кочевом обществе с необразованностью и невежеством казахов, с тем, что женщины, в свою очередь, сами не видят своего реального положения и свыкаются с ним. Однако автор настроен вполне оптимистично, считая, что «лучшее время придет и для киргизской женщины» [21], связывая его по примеру Западной Европы с распространением образования среди кочевого населения. Примечательно, что эта статья нашла отклик у Раимжана Марсекова (одного из образованных людей того времени), в которой он попытался показать, что казахская женщина «вовсе не обезличивается, а, напротив, во многом является советницей мужа…», но его доводы оказались неубедительны для его оппонента, который выступил с ответной публикацией.

Итак, образ «угнетенной», «бесправной», но вместе с тем «свободной от мусульманского догматизма и замкнутости» казахской женщины, который сложился окончательно к концу XIX в. в русской общественности, нашел свое отражение в управленческой политике, риторике и лексике центральных и местных властей. По мнению русских чиновников, казахские женщины могли взять на себя роль в качестве успешных распространителей русской культуры в традиционном кочевом казахском обществе. Это наглядно демонстрируют многочисленные докладные записки, представления имперских чиновников центральных и местных властей, когда шли дебаты и обсуждался вопрос о способах, методах проведения русификаторской политики среди местного казахского населения, в которых большое внимание уделяется именно казахским женщинам. Так, военный губернатор Тургайской области генерал-майор Барабаш в своем докладе министру внутренних дел «О порядке решения брачных и семейных дел киргиз», от 10 мая 1893 г. писал: «…охраняя семейную жизнь от вторжения усердно проводимых татарами – фанатиками магометанских начал, киргизки, в качестве воспитательниц молодого поколения, действуют в русских интересах и потому заслуживают всякого участия и поддержки со стороны русской администрации» [22, ф. 64, оп. 1, д. 1923, д. 3]. Такие же мысли находим в представлении Министерства народного просвещения «О выработке типа учебных заведений для киргизок» министру внутренних дел от 17 декабря 1903 г.: «… нужно пользоваться не упущенным пока временем и, при помощи киргизской женщины, возможно шире распространить русское влияние среди киргизов. Одна женщина сделает в этом направлении несравненно более, чем несколько мужчин» [23, ф. 733, оп. 191, д. 2236, л. 68].

Насколько казахская женщина оправдала надежды, которые на нее были возложены имперской властью в деле успешной реализации политики распространения русского влияния среди кочевого населения Казахской степи, не входит в задачу моей статьи, но, несомненно, является интересным вопросом, который требует отдельного анализа.

Список источников и литературы

1. *Георги И.Г.* Описания всех обитающих в Российском государстве народов. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. Ч. 2. 178 с.

2. *Миллер Г.Ф.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Ч. 1.

3. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Имераторская Академия наук, 1773. Ч. 1. 786 с.

4. *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. 2-е изд. доп. Астана: Алтын кітап, 2007. 210 с.

5. *Барданес Х.* Киргизская, или казацкая, хорография // Истории Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век (составители: И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев). Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. 4. 368 с.

6. *Рычков Н.П.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкие степи в 1771 году. СПб.: Императорская академия наук, 1772. 107 с.

7. *Гавердовский Я.П.* Обозрение Киргиз-кайсакской степи (часть1-ая) или Дневные записки в степи Киргиз-кайсакской 1803 и 1804 годов.; *Гавердовский Я.П.* Обозрение Киргиз-кайсакской степи (часть 2-я), или Описание страны и народа киргиз-кайсакского // Истории Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века (составители: И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев). Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. 4. 620 с.

8. *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков.* Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX века (составители: И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев). Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. 6. 516 с.

9. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 636 с.

10. *Журнал,* веденный Свиты его императорского величества поручиком Гавердовским и колонновожатыми Ивановым и Богдановичем во время следования их по величайшему повелению чрез Киргизскую степь в провинцию Бухарию, с различными наблюдениями, с описанием всех случившихся происшествий, ровно как и о возвращении в Россию в 1803 году // Истории Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. 5. С. 17 – 54.

11. *Спасский Г.И.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Алматы: Издательство LEM, 2011. Вып.1. 436 с.

12. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Типография К. Крайя, 1832. Ч.1. 264 с.; Ч. 2. 333 с.; Ч. 3. 304 с.

13. *Броневский Г.М.* Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. Ч. 42. СПб., 1830. С. 162–194.

14. *Вамбери А.* Очерки и картины восточных нравов. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1877. 279 с.

15. *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. СПб.: Типография Ю. А. Бокрама, 1865. 221 с.

16. *Гейнс А.К.* Киргизские очерки // Военный сборник. 1866. Т. 47. №1; Т. 49. № 6.

17. *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области: юридический быт. М.: Восточная литература, 2011. 566 с.

18. *Изразцов Н.М.* «Степные обычаи и законы». Записки и письма капитана Н.М. Изразцова о народных обычаях казахов Семиреченской области. 15 июня 1879 г.-5 февраля 1881 г. // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Алматы: Издательство LEM, 2011. Вып.1. 436 с.

19. *Костенко Л.Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб.: А.Ф. Базунов, 1870. 358 с.

20. *Янушкевич А.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата: Казахстан, 1966. 268 с.

21. Эта и другие публикации и статьи, связанные с «женским» вопросом см.: *Дала уялаты (Киргизская степная газета).* 1899. № 1–6; 1891. № 41; 1892. № 31, 32; 1890. № 23, 28; 1896. № 39, 49, 51. и др.

22. *ЦГА РК*

23. *РГИА*

K.S. Bizhigitova

The image of the Kazakh women in the works of Russian authors in the context of imperial policy in the Steppes (the end of the XVIII - beginning of XX century)

Summary. The aim of the present article is to show in numerous ethnographic works, notes and memories of Russian authors of the end of XVIII – beginning of the XX centuries how not only the image of the Kazakh steppe was formed but also images of colonized subject-nomads, and in this case an image of the woman-Kazakh were formed. In the given article the authors have undertaken the attempt to show that in the works of the Russian authors of the indicated period a peculiar image of the Kazakh woman as “depressed”, “without rights” but at the same time “free from muslim dogmatism and reticence” was formed. Also these two opposite opinions or a stereotype with reference to the Kazakh women got on with each other not badly, moreover, both of them showed that the women-Kazakh were open for perception of the principles of ‘civilizing’ Russian influence as a result. In the opinion of the Russian officials, the Kazakh women could be successful in dissemination of the Russian culture in the traditional nomadic community.

*Keywords: «*women’s problem», gender relations, orientalism, bride wealth.

УДК 94(571)

В.В. Ведерников

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРНОЗАВОДСКОГО АЛТАЯ В СОЧИНЕНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX в.».

Аннотация. В статье автор обращается к малоизученному вопросу о формировании образа Алтая в записках путешественников в горнозаводскую эпоху. Современники не только отвечали на вопрос о ресурсах и перспективах сереброплавильного производства, но и брались за решение важных научных проблем – о геологических процессах, древнем населении южной Сибири. Создавался образ региона с процветающим горным делом и сельским хозяйством. К этим оценкам современников горнозаводской эпохи автор статьи подходит с позиций научной критики

Ключевые слова: Алтай, Барнаул, горнозаводское производство, Гумбольдт, Змеиногорск, Колывано-Воскресенские заводы, серебро.

Записки путешествий давно известны исследователям горно-металлургического производства Колывано-Воскресенских заводов (далее – КВЗ), с 1834 г. – Алтайского горного округа и

привлекаются в качестве нарративного источника, т.е. для извлечения отдельных данных. Привлечение делопроизводственных материалов и актов законодательства сыграло в этих исследованиях куда более важную роль.

До сих пор нет исследования, в котором бы производилась общая оценка записок путешествий. Как современники событий воспринимали Алтай?

Путешественники посещали Колывано-Воскресенские заводы в разное время и с разными целями, территория, подведомственная горному начальству, увеличивалась в течение второй половины XVIII в., маршруты путешествий охватывали, как правило, Змеиногорск и Барнаул, а также небольшое количество прочих пунктов (Горная Колывань, Риддерск, Зыряновск). Наконец, субъективное восприятие окружающего мира сугубо индивидуально. Проблема оценки в том, что какого-то единого образа Алтая в записках путешествий не существовало.

Записки путешествий помимо их разнокачественности не охватывают всего периода времени и не создают целостной картины горнозаводской эпохи, поэтому исследование историко-географических образов горнозаводского Алтая имеет ценность только при одном условии: сопоставлении этих образов с современными научными представлениями о ней. Данная тема имеет широкое практическое применение для популяризации истории Алтая в СМИ и в преподавании истории в школах и в вузах.

В наикратчайший срок с 1747 по 1771 г., за какую-то четверть столетия Колывано-Воскресенские заводы по объемам производства опередили европейских лидеров Саксонию, Гарц и Нижнюю Венгрию, где горное дело зародилось еще в X–XII в. В XVII в. на первые роли выдвинулась Испания благодаря своим латиноамериканским колониям. С середины же XVIII в. в лидеры европейского производства резко выдвинулись Колывано-Воскресенские заводы. А. Шлёцер даже сравнивал Змеиногорский рудник на Алтае с рудником Потоси в Мексике [1, s. 151], однако не по запасам руд, а по большому содержанию в них серебра. В Латинской Америке производилось 90% всего серебра, в Европе 8%, на КВЗ – 2%.

Что характерно, описания путешественников носят не констатирующий, а именно оценочный характер. Автор пришел к выводу, что путешественники производили экспертную оценку ресурсов и перспектив роста колывано-воскресенской промышленности, потому что 1) эти материалы предназначались для иностранных специалистов и потому что 2) путешественники посещали Алтай в ключевые моменты, когда такая экспертная оценка ресурсов, текущего состояния и перспектив колывано-воскресенской промышленности была необходима.

Записки путешествий издавались в Германии, русские издания выходили в свет позднее, некоторые были опубликованы только в советское время (экспедиция 1826 г. К.Ф. Ледебура), другие не переведены на русский язык до сих пор (материалы экспедиции 1829 г. А. Гумбольдта, опубликованные в 1837 г. ее участником доктором Г. Розе).

В 1771 г. в Барнаул в составе Академической экспедиции прибыли П.С. Паллас и И.П. Фальк, в 1772 г. на КВЗ выплавили 1227 пудов серебра, это был наивысший показатель за всю горнозаводскую эпоху.

В 1779–1785 гг. производство серебра находилось в упадке из-за истощения самых богатых залежей Змеиногорского рудника. Экспертизу отработки месторождений, принятой на Алтае, проводил саксонский геолог И.М. Ренованц, служивший в ведомстве КВЗ именно в 1779–1785 гг. Он заметил, что добыча в рудниках продолжалась, пока жила содержала богатые руды, а затем рудник оставляли, он затоплялся атмосферными водами, в нем обрушивались внутренние ходы. В своей книге он решительно осудил такой подход: «Чаятельно будут прочитать сей род строения по горным правилам хищным строением» [2, с. 166].

В 1786–1807 г. и далее на КВЗ проводилась серия преобразований в горном деле и металлургии, которые обусловили рост производства и стабилизацию его на уровне 1 тыс. пудов серебра. Текущий уровень производства зафиксировал И. Герман в своем «Описании Сибирских заводов» [3, с. 258–290]. Его обширное трехтомное статистическое описание Колывано-Воскресенских заводов носит именно констатирующий, а не оценочный характер. Иван Герман – русский инженер немецкого происхождения и горный администратор, видимо, предпочел избегать качественных оценок, но по его материалам специалисты того времени могли составить полное представление о том, что новый технический уровень КВЗ обеспечивает решение задачи производить 1 тыс. пудов серебра.

В конце 20-х гг. XIX в. Колывано-Воскресенские заводы посетили две экспедиции – дерптского профессора Ледебура (1826 г.) и А. Гумбольдта (1829 г.). Этому способствовало новое падение мировых цен, в результате которого серебро потеряло значение мировых денег, уступив место золоту. Кроме того, главный Змеиногорский рудник был признан истощенным в 1817 г. Вновь встал вопрос о перспективах производства. К.Ф. Ледебур уклонился от прямого ответа на него [4, с. 153], но Г. Розе, сделав упор на технологию плавки и огромные производственные издержки, фактически сделал вывод, что производство будет поддерживаться на текущем уровне 1 тыс. пудов серебра в год [5, s. 513–518]. В дальнейшем внимание путешественников к Алтаю ослабевает. Барнаул посетила лишь экспедиция А. Брема (1863 г.), а также саксонский геолог Б. Котта, приглашенный Кабинетом в 1864 г.

Помимо решения практических вопросов, путешественников волновали и вопросы мировоззренческого характера. Каждое описание КВЗ начиналось с упоминания о некоем древнем народе – чуди. Все рудники, включая крупные, были открыты на месте чудских копей.

Алтай привлекал геологов. Г.М. Ренованц, служивший на Алтае в начале 80-х гг. XVIII в., был сторонником нептунической теории и потому считал, что горы Алтая образовались в результате высыхания древнего моря. Ему удалось объяснить происхождение больших массивов осадочных пород в рудниках.

А. Гумбольдт, посетивший Алтай полвека спустя, как сторонник плутонической теории, объяснил происхождение месторождений усиленной вулканической деятельностью. Таким образом, общая картина кардинально менялась: месторождения оказались древнее осадочных пород, в которых они находились. Дальнейшим изучением гор Алтая занимались русские геологи – Г.П. Гельмерсен, Г.Е. Щуровский, П.А. Чихачев, Узатис.

Характерна оценка Змеиногорска и Барнаула как культурных центров, где образованных людей, говорящих на иностранных языках, едва ли не больше, чем во всей Сибири. П.П. Семенов Тян-Шанский даже противопоставил Омск, центр Сибирского генерал-губернаторства, «Спарту» Барнаулу, который путешественник назвал «сибирскими Афинами» [6, с. 137]. Путешественники отмечают строгий порядок и служебную дисциплину, установившуюся на КВЗ. Дж. Кокрен: «Собственно говоря, порядок и характерный дух правления в Барнауле могли бы войти в поговорку» [7, p. 189].

Вместе с тем к 50-м гг. XIX в. горное ведомство приобрело в России дурную репутацию из-за роскоши, несоизмеримой с небольшим жалованьем, которую позволяла себе алтайская горная элита. Как известно, с критикой сложившихся на Алтае порядков выступал М.А. Бакунин, отбывавший ссылку в Барнауле. Он утверждал, что супруга горного начальника Гернгросса отправляла платья в Париж для стирки и что горные инженеры после воспитания в Горном корпусе приезжают на Алтай «готовыми ворами» [7, с. 317–318]. В противоположность ему, П.И. Небольсин идеализирует горных инженеров как высокообразованных и воспитанных в добродетели, отчего Барнаул предстает «оазисом в пустыне», «как приют всего прекрасного». Мнение П.П. Семенова Тян-

Шанского о том, что горные инженеры Алтая представляют собой одно тесно переродившееся семейство, хорошо известно исследователям. П.И. Небольсин, вообще стремясь идеализировать «алтайские порядки», пишет о горной корпорации: «Они живут как бы огромной семьей, в согласии, не нарушаемом ни спорами, ни враждой, ни разорительными тяжбами» [9, с. 223]. Обширные описания быта и повседневной жизни алтайской горной корпорации дает в своих мемуарах англичанка Люси Аткинсон [10, p. 84–325]. Ее оценки нейтральны, но она также отметила братство, но только внутрикорпоративное.

Развитие золотопромышленности с 30-х гг. XIX в. изменило образ Барнаула. Английский путешественник Чарльз Котрэл посетил Алтай зимой 1840/41 г. Он назвал Барнаул «золотым депо Сибири». Вместе с тем он отметил процветавшую коррупцию вокруг сплавки золота: «Крупные владельцы приисков каждый год делают огромные подарки офицерам, занятым в этом деле, и начальник всего округа за несколько лет этим способом сколачивает очень большое состояние» [11, p. 203]. Котрэл предполагал (и не без основания), что нити коррупции тянутся в столицу. О беспорядках вокруг сплавки золота писал и М.А. Бакунин.

Образ подневольных работников, который также присутствует в записках путешественников, соответствует общей картине: положение мастеровых и приписных крестьян вполне благополучное и является к тому же заслугой горных властей.

Что характерно, в 70-е гг. XVIII – первую треть XIX в. преимущественно описания Алтая делались немецкими путешественниками, которые оценивали Колывано-Воскресенские заводы как эксперты, т.е. с позиций ресурсной базы, текущего состояния и перспектив развития производства в обозримом будущем. В целом, создавался образ Колывано-Воскресенских заводов в процветающем состоянии. В 20-е г. XIX в. этот образ явно становится идеологически выверенным. Так, в записках Г. Розе говорится, что плавка на КВЗ доведена до высочайшего совершенства, тем не менее он указывает, что 500 пудов рудного серебра ежегодно безвозвратно терялось в ходе плавки. Чарльз Котрэл назвал Барнаул «золотым депо Сибири», но описывал творившиеся на его глазах безобразия вокруг сплавки золота.

Список литературы

1. *Schlüzer A.L.* Menz-, Geld- und Bergwerksgeschichte des Russischen Keisertums vom J. 1700 bis 1789. Güttingen, 1791.
2. *Реноване И.М.* Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах, принадлежащих к Российскому владению. СПб.: Имп. Академия наук, 1792. 504 с.
3. *Герман И.* Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб.: Имп. Академия наук, 1797. Ч. I. 294 с.
4. *Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.* Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск: Наука, 1993. 414 с.
5. *Rose G.* Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspishen Meere. Berlin 1837. 1. Band. 641 S.
6. *Семенов Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань. М.: Географгиз, 1958. 276 с.
7. *Cochrain John Dundas*. Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary. 2nd edition. London, 1824. Vol. 1. 428 p.
8. *Бакунин М.А.* Сочинения. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. Т. IV.
9. *Алтай* в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2005. Т. I. 446 с.
10. *Atkinson Lucy*. Recollections of Tartar Steppes and Their Inhabitants. London, 1863. 351 p.
11. *Cottrell Charles Herbert*. Recollections of Siberia in the Years 1840 and 1841. London, 1842. 410 p.

V.V. Vedernikov

Mental space of Altai in works of contemporaries
(2nd half of 18th and 1st half of 19th centuries)

Summary. The author pays attention to the question about Altai figure in the mining epoch in travelers' works in this article. Contemporaries as answered on a question about mining production resources and perspectives as solved the important scientific problems like geological processes or ancient human descent on the Altai territory. The regions figure with flourishing industry and agriculture was created as a result, too. The author of the article approaches to that conclusions going from the scientific critic positions.

Key words: Altai, Barnaul, Humboldt, Kolywano-Woskresensky foundries, mining, silver, Zmeinogorsk.

УДК 316.344.8

Е.В. Головнёва, М.А. Жигунова

СИБИРЬ И СИБИРЯКИ: МЕНТАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ КРАЯ В XIX В.

Аннотация. В статье в историческом плане анализируются вопросы формирования образа Сибири в процессе освоения сибирской территории в XIX в. Показаны истоки сибирского регионального самосознания, такие как история заселения Сибири, в которой особое место занимает ментальное освоение территории, и движение областников, идеологически обозначивших важность территориальной самоидентификации населения Сибири. Отмечается, что эти факторы являются источниками формирования представлений о «сибирской нации» в современную эпоху.

Ключевые слова: Сибирь, колонизация, сибиряки, идеологический конструкт, региональная идентичность, областничество, ментальность, культура.

Современные представления о Сибири амбивалентны. С одной стороны, отмечается, что Сибирь занимает особое место в пространстве России, связывая европейскую и азиатскую ее части, являясь своеобразной моделью, в которой представлены все основные социокультурные составляющие российского общества — цивилизационные, этнические, конфессиональные [1, с. 6]. С другой стороны, существует восприятие Сибири как типично российского региона, институциональные условия развития которого не эволюционируют в направлении технологических и социальных преобразований структуры экономики и общества [За исключением Забайкалья и Иркутской области, Сибирь не вошла в число геополитически важных для России территорий, для развития которых были приняты федеральные целевые программы, такие как, например, те, что нацелены на развитие Южных Курил, Дальнего Востока, Северного Кавказа, Калининградской области], а развитие ее территории часто характеризуется как неустойчивое.

Так, сотрудники Брукингского института Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди в своей монографии называют Сибирь «проклятием» России, тормозом развития ее рыночной экономики, бременем климатического и географического плана [2]. У жителей Европейской России часто встречается пренебрежительное отношение к Сибири (как краю отдаленному, холодному, дикому, месту ссылки и каторги) и к сибирякам (как людям грубым, необразованным/некультурным). Из наиболее распространенных стереотипов чаще всего встречаются следующие: «В Сибири всегда холодно», «Там медведи по улицам ходят».

В то же время за рубежом существует довольно устойчивый позитивный образ Сибири и сибиряков по сравнению с Россией и русскими в целом. Об этом свидетельствовали многие спортсмены, предприниматели и обычные туристы, выезжающие в различные страны мира в

начале XX века. Это неоднократно подтверждали и зарубежные участники секции по идентичности, организованной М.Н. Губогло и М.А. Жигуновой на конгрессах этнографов и антропологов России в 2009–2015 гг. Более того, многие склонны рассматривать территорию Западной Сибири как своеобразный сухопутный «Ноев Ковчег» для спасения существующей мировой цивилизации от предсказанных климатических и иных катастроф.

Двойственность восприятия Сибири остро ставит вопрос об основаниях формирования ее образа в общественном сознании. Данный вопрос, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать исторически, в контексте двух пересекающихся процессов – ментального освоения переселенцами нового пространства в процессе колонизации в имперский период и движения областников, обозначивших появление феномена новой «сибирской народности». Историческим факторам, возникшим в XIX в. и лежащим в основе современных представлений о Сибири, и посвящена данная статья. В качестве методологической основы исследования выступают идеи социального конструктивизма [3], поскольку представленные в сознании образы территории, ее населения являются результатом направленной социокультурной обработки (активно конструируются) и имеют динамическую природу. Основываясь на исторических, этнографических, культурологических источниках, история формирования образа Сибири рассматривается нами в контексте ментального освоения территории переселенцами и движения областников на протяжении XIX в.

Основной источниковой базой для нашей работы послужили имеющиеся научные публикации, архивные и статистические данные, а также – материалы историко-этнографических и этносоциологических исследований 1984–2014 гг., проведенных в различных регионах Западной и Восточной Сибири. Для изучения гетеростереотипов сибиряков привлекались мнения современных жителей европейской части России, Австралии, Казахстана, Канады, США, Украины, Швеции.

Переселенцы в Сибири: символическое освоение территории

В современных исследованиях тема интеграции сибирского региона в политико-административное пространство российской империи в XVIII – начале XX в. стала предметом особого анализа в целом ряде работ, обращающих особое внимание на период XIX в. Именно в XIX веке заметно проявилось региональное своеобразие Сибири и началась относительно планомерная разработка программ освоения края. Так, работы М. Бассина [4], Я. Кусбера[5] и В. Сандерленда [6] дали представление о ментальном картографировании Сибири на протяжении этого столетия. А.В. Ремнев изучал «символическое» освоение Сибири посредством установления имперского контроля на протяжении XIX века [7; 8]. Во всех этих исследованиях пространственное изучение сибирских территорий было тесно связано с вопросами колонизации.

Колонизация, как «сложное сплетение мотивов-действий элит и зависимых людей» [9, с. 5], выходит далеко за рамки хозяйственного освоения Сибири и имеет огромное значение для понимания процессов формирования социокультурного и политического пространства России [10, с. 41]. Колонизация была связана, прежде всего, с формированием особого типа идентичности в Сибири – поселенческой, заданной миграционным движением. В случае Сибири миграция (Great Siberian Migration) являлась не просто перемещением населения, а одновременно освоением и присоединением новых территорий к Российскому государству. Масштабы, структура, векторы колонизации определяли возможности и ограничения востока России, формировали специфику собственно сибирского населения. Как отмечал историк М.К. Любавский: «Настоящими покорителями Сибири были не герои, вроде Ермака, а обыкновенные русские люди, которых московское правительство отправляло в Сибирь по указу и по прибору и которые понемногу, но неустанно и последовательно занимали новые «землицы» для своего государя и объясачивали живших на них «народцев» [10, с. 223–224].

Поток переселенцев в Сибирь отличался не только существенным многообразием географических мест выхода, но и социальными, конфессиональными, этническими характеристиками. Первоначально преобладали выходцы из северо-восточных губерний, о чем свидетельствуют архивные документы, фамильный состав первопоселенцев, особенности их традиционно-бытовой культуры и говоров. Например, наличие бани в жилом комплексе многие исследователи считают одним из характерных признаков северно-русской культуры.

В 1886–1896 гг. в переселениях в Сибирь участвовали выходцы из 70 губерний России, 56 % дали черноземные губернии (Курская, Тамбовская, Полтавская, Воронежская, Харьковская), самовольные переселенцы составляли 60–85 % от общего числа мигрантов [11, с. 106]. Так, согласно данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., только в одной Загваздинской волости Тобольской губернии проживали мигранты из 22 различных губерний: Бессарабской, Владимирской, Виленской, Витебской, Вологодской, Волынской, Екатеринославской, Казанской, Киевской, Курляндской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Санкт-Петербургской, Подольской, Рязанской, Таврической, Тверской, Тобольской, Харьковской, Черниговской и Ярославской, а также – двух областей – войска Донского и Кубанской [12, Ф. 417, оп. 1, д. 408, л. 52–54]. В конце XVII в. численность крестьян в сибирском регионе не превышала 20 тыс., в конце XVIII в. – 500 тыс., а к середине XIX в. достигла 1,5 млн. человек [11, с. 105].

Аграрное движение русских крестьян за Урал помимо экономического повлекло за собой и ментальное освоение «нового пространства» на протяжении XIX века, присвоения его в качестве «русской земли». Согласно Н.Н. Родигиной, можно выделить три этапа эволюции образа Сибири: 1850–1870-е гг. (когда Сибирь воспринималась как далёкая, суровая, экзотическая страна); 1880-е – начало 1990-х (начало активной интеллектуальной экспансии в регион); начало 1990-х – 1904 г. (когда под влиянием строительства Трансибирской железной дороги, организации массового переселении в регион Сибирь стала рассматриваться как одна из провинций Российской империи) [13, с. 327].

На уровне обыденного сознания привлекателен был образ Сибири (созданный еще ссыльными декабристами) как своего рода «мужицкого царства», свободного от помещиков. Историк В. Сандерленд отмечает, что формированию позитивного образа Сибири в сознании переселенцев способствовали специально написанные памфлеты, путеводители, брошюры, которые сопровождались иллюстрациями и фотографиями с изображением выбеленных изб, церквей, прочных хозяйств и крепких крестьянских семей, которые создавали представление о том, что жизнь в Сибири не сильно отличалась от образа жизни на европейской территории России [6]. Немаловажную роль сыграл и распространенный в крестьянской среде фольклор (мифы, легенды, песни), в которых восточные окраины России (по аналогии с мифической землей Беловодья) выступали местом крестьянской воли и свободы от административного произвола. В народной среде бытовали поговорки: «В Сибири и на березах калачи растут», «Там хоть и холодно, да не голодно!», «В Сибири бабы коромыслами соболей бьют», «Страшна Сибирь слухом, а люди в ней лучше нашего живут», «В Сибири 100 рублей – не деньги, 100 вёрст – не расстояние» и др.

Главными маркерами, обозначавшими «русскую землю» на освоенной территории, служили православные церкви, пашни, русские села с кладбищами, над которыми, как и над церквями, возвышались кресты. Демонстрации утверждавшейся в Сибири «русскости» способствовало и торжественное освящение икон, установление памятников павшим героям, проведение церковных и государственных праздников, чествование подвижников «русского дела». Важность конфессиональной принадлежности закреплялась и в языке: русские переселенцы во взаимоотношениях с инородцами определяли себя, в первую очередь, как «крещеные», «православные люди». Отметим, что формирование собственной религиозной общины как залога сохранения прежней социальности в новых географических условиях было характерно не только для русских переселенцев.

То, что, исходя из современного понимания, часто рассматривается как немецкая община в Сибири, было общиной лютеранской, еврейская община – иудейской, польская – католической. Конфессиональность, таким образом, была одним из важнейших оснований формирования региональной самоорганизации в Сибири.

Ментальное освоение Сибири сопровождалось формированием нейминга карты Азиатской России, а топонимика становилась заявкой на право обладания территорией. Примечательно, что само понятие «Сибирь» появляется на ментальных картах уходящего в прошлое средневекового мира одновременно с конструктом «Россия». Движение от Руси к России осуществляется параллельно с превращением Великой Тартарии в Сибирь [14, с. 55]. Согласно Я. Кусберу, территория Сибири и ее население воспринимались русскими как знакомое, но иное, пространство, по аналогии с монгольской силой, являвшейся традиционным соперником средневековой Московии в предшествующие века [5, с. 57].

Нейминг территории является одним из средств утверждения формирующейся идентичности, частью ее становления. Ойконимы формируют образ местности, в котором в зависимости от стадии расселения и эпохи отражаются знакомые человеку предметы. Когда в топонимике начинают преобладать антропонимы, тогда можно говорить о формировании обжитого пространства с тесными соседскими связями и отношениями. По мнению А.В. Ремнева, параллельно с имперским административным строительством, в Сибири получил развитие «топонимический национализм» [15], сопровождавшийся закреплением за собой новых территорий с помощью привычных имен православных святых, русских героев, перенесением старых названий на новые места. Так появились в Сибири свои Архангелки, Алексеевки, Андреевки, Георгиевки, Ивановки, Ильинки, Михайловки, Муромцево, Никольские, Петропавловки, а также Азово, Астрахановка, Вятка, Казанка, Краснодарка, Крым, Малороссы, Московка, Новая Рига, Нововаршавка, Новый Ревель, Новороссийка, Новоцарицыно, Одесское, Полтавка, Рязанка, Самарка, Саратовка, Таврическое, Тамбовка, Харьковка, Царицыно, Черниговка, Черноморка и др. Встречались и случаи соседнего расположения деревень с одинаковым названием, но различным составом населения. Зауральские территории, вместо привычных «Сибирь» и «Степь», стали чаще именоваться «Русским Востоком», «Русской Азией», «Азиатской Россией» и «Русской Евразией».

Используя в качестве источников письма переселенцев в Сибирь (конец XIX века), В. Сандерленд отмечал, что само переселение русских крестьян сопровождалось обрядами «перехода» и символизировало собой «смерть» и «рождение» человека в новом статусе. Значительную роль в крестьянском переселенческом дискурсе играло упоминание о плодородии местных почв и природных богатств. Письма переселенцев на историческую родину свидетельствуют о трудностях, испытываемых во время долгого путешествия, и одновременно изобилуют рассказами о новых увиденных землях и людях.

До настоящего времени можно встретить такие семейные легенды и предания: «Предки мои жили в Витебской губернии. Бабушке Кате 17 лет было, когда она замуж вышла. А муж её с братьями собрались в Сибирь ехать. Никто их не ссылал, сами решили переселяться, самоходом. Родители её отговаривали, мать плакала: «Как же вы там жить будите? Там, говорят, медведи и волки по улицам ходят. А люди-то там хоть живут?» – «Живут. Вот и мы жить будем!». Шли на лошадях, погрузив на подводы домашний скарб и хозяйственный инвентарь. Когда дорога закончилась, рубили и корчевали лес. Пришли на берег реки, увидели - яр красивый такой. Решили там остаться. Жили сначала в землянках. Комары, мошки с непривычки сильно кусались. Баба Катя, девчонка тогда совсем, устала от всего этого, собралась, ушла в лес, села под ёлку: «Пусть меня лучше волки съедят, тут больше жить не могу!». Дед бегал по лесу её искал, звал: «Катенька, отзовись!». Когда нашел, домой на руках принес. И стали они здесь дальше жить» [16].

Используемые в интервью сравнения проводили четкую грань между Россией, оставшейся за Уралом, и местом поселения, дававшим надежду на лучшую жизнь. Действительно, Сибирь перестала везти хлеб из Европейской России в 1685 г. В Сибири богатство исчислялось от 7 лошадей, а 3 лошади – бедняк, в то время как в Европейской России кулаком считался хозяин, имевший 3 - 5 лошадей. Таким образом, уже в период колонизации Сибири зарождаются представления об особой, отличной от других, судьбе этой территории, формируется своеобразная «фронтирная ментальность», аналогичная той, которая возникла на американском фронтире.

Отличительной ее особенностью является поселенческий характер, связанный с аграрными формами хозяйственной деятельности. Если на Урале – сопредельной Сибири территории, формирование местной региональной идентичности было обусловлено развитием промышленности, существованием горных заводов, ценностью труда, постоянной необходимостью производить, то аграрный характер колонизации Сибири в имперский период привел к формированию здесь отличительных жизненных и культурных практик. В середине XIX в., когда на основе комплексной экономики был восстановлен традиционный для русского крестьянства рацион, а церковное строительство уже позволяло считать территорию православной, у недавно обосновавшегося сообщества формируется потребность определения собственного места в социокультурном пространстве России.

Сибирские областники и «сибирскость» как идеологический конструкт

Дискурс «особости» территории Сибири по отношению к европейской части России в XIX в. активно воспроизводился не только в обыденном сознании, но и на уровне идеологии, в движении областников. Несмотря на видимую периферийность, сибирская мысль не только не отставала от российских течений, но находилась впереди в вопросах регионализма. Как указывает новосибирский историк М.В. Шиловский, «областникам принадлежит приоритет в разработке теоретических основ отечественной регионалистики» [17]. Именно областники впервые стали рассматривать Сибирь в качестве крупной и важной области (региона-окраины) России, имеющей свою специфику (наряду с другими областями-регионами) и благодаря им появилась возможность выйти за пределы бесперспективной дилеммы «колония – метрополия». Во главу своей концепции областники поставили территорию, которая в их презентациях представала качественно сущностным ландшафтом, меняющим людей, переселившихся сюда [18, с. 50].

Возникнув во второй половине XIX века в Петербургском университете на основе земляческих сборов, общественное протестное движение «Сибирские областники» (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков, И.В. Федоров-Омулевский и др.) выдвинуло и обосновывало тезис об особой миссии Сибири в истории России. В свое время Н.М. Ядринцев писал: «Нас обвиняли в пропаганде, в составлении воззвания, в том, что мы написали в Томских Губернских Ведомостях (официальном органе) сепаратистские статьи, в том числе о необходимости для Сибири университета… В нашем сердце было искренне желание блага для нашей забытой родины; нашею мечтою было ее просвещение, гражданское преуспеяние…. Что было преступного горячо любить свою родину? Но здесь патриотизм был принят за сепаратизм…» [19, с. 27].

К концу XVIII в. для заботы о формировании позитивного образа Сибири появились определенные основания: возникли формы культурных институтов (газеты и другие издания), произошел рост таких городских центров, как Тюмень, Тобольск, Томск, Омск, Красноярск, Якутск, Чита и др. Отсутствие жесткой сословности и крепостничества, демократизм сибирского образа жизни маркировали Сибирь, в глазах областников, как особое, в российском контексте, пространство. Г.Н. Потанин в 1876 г. писал, что некоторые другие регионы наряду с Сибирью (Малороссия, Поволжье, Уральское казачье войско) тоже имели потенции к развитию своих самобытных условий жизни, традиций, культуры, однако в тот период областнические тенденции получила распространение только в Сибири.

Изначально становление областнических идей происходило, с одной стороны, на почве сибирского патриотизма, своего рода «сибирефильства», горячей любви к сибирской родине, а с другой – через критику России и ее политики. Для молодых сибиряков, не боявшихся слова «сепаратизм», был характерен также интерес к Америке как примеру успешной европеизированной и освободившейся колонии. Хотя есть сведения о том, что сибирские областники дважды выдвигали радикальные лозунги на заре зарождения движения (идея создания независимой сибирской республики в русле революционно-демократических замыслов свержения самодержавия) и в условиях политических трансформаций 1917–1920 гг. (под лозунгом формирования однородно-социалистического правительства в противовес большевистской диктатуре), вопросы политического сепаратизма, согласно Г.Н. Потанину, в программе областников специально не выдвигались. В нее были активно включены в первую очередь проблемы культурного и экономического развития региона, проблемы инородцев. Для различных тенденций в рамках областничества было характерно наличие общего ментального, психологического знаменателя – «ощущения обособленности от России», поэтому к началу XX века вопрос о сепаратизме трансформировался в легальный вопрос об автономии и местном самоуправлении Сибири как региона в составе России.

Рефлексируя в отношении сложившегося образа Сибири, областники отмечали колониальный характер региона, восприятия его в качестве «штрафной» территории, страдающей от московского «мануфактурного ига». Комплексное обоснование колониального положения Сибири дал Н.М. Ядринцев в работе «Сибирь как колония». Характеристиками образа Сибири как колонии, по мнению областников, являлись эксплуатация природных богатств края, тяжелая налоговая система, ссылка в Сибирь уголовников, притеснение коренного населения края, произвол чиновничества, стремление затормозить развитие просвещения и культуры. Областники также акцентировали ряд характеристик Сибири, семантически ассоциируемых с идеями прогресса и свободы: предприимчивость сибиряков, отсутствие помещичьей власти, опыт общинной демократической жизни, независимый дух первопроходцев, малочисленность бюрократии.

По мнению А.В. Ремнева, для областников было значимо, прежде всего, «создать устойчивые горизонтальные связи, скрепив их региональными конструктами поверх этнических границ» [20, с. 119]. Существенно и примечательно, что образ Сибири создавался областниками не с позиций внешнего наблюдателя, а конструировался изнутри. В качестве основания конструирования этого образа в проекте областников доминировала тема географической обособленности Сибири от России, этнокультурного потенциала сибирского населения, тема колониального статуса региона.

Заключение

Очевидно, что сложившиеся исторически данные образы Сибири в современную эпоху дополняются и подвергаются существенной трансформации под влиянием новых факторов. Вместе с тем, как показывает исследование А.Э. Зайнутдинова, современные образы Сибири во-многом строятся на тех же основаниях, к которым обращалось в свое время сибирское областничество: дистанцирование сибиряков от жителей Европейской России, особенность природно-климатических условий региона, географическая удаленность, экономическое неравенство с центром [21; 22]. Опрошенные в ходе экспертного интервью респонденты (2010 г.) в качестве особости сибирского региона называют те же параметры, отмечая, что «по сути дела, за исключением уголовной и политической ссылки, все остальные проблемы, которые выделяли областники, остались»; со времен XIX в. никаких новых проблем не возникло. Н. Вахтин, на основе анализа понятий «Сибирь», «сибиряк», «сибирское» в Национальном корпусе русского языка, приходит к выводу, что если в конце XVIII века мы находим некий определенный набор ассоциаций, связанный с этими словами, то в конце XX в. их окружают не только те новые ассоциации, которые «наросли» на протяжении двухсот лет, но и прежние значения и ассоциации. Подтверждают это и другие исследования [23].

Таким образом, заложенная еще в XIX в. логика восприятия Сибири в ходе ее ментального освоения сначала переселенцами, а затем – областниками, обеспечила инерцию способа функционирования образов сибирского региона, а сами образы Сибири оказались до некоторой степени самоподдерживающимися и приобрели характер стереотипов. Представляется, что именно ментальные образы Сибири оказываются значимым фактором воспроизводства сибирской региональной идентичности на современном этапе.

Список литературы

1. *Россия как цивилизация*: сибирский ракурс / отв. ред. В.Г. Костюк. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2008. 259 с.

2. *Hill F, Gaddy C.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brooking Institution Press, 2003. 300 p.

3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

4. *Bassin M.* Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999. 329 p.

5. *Kusber J.* Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // Ab Imperio, 4/2008. P. 52–74.

6. *Sunderland W.* Peasant Pioneering: Russian Settlers Describe Colonization and the Eastern Frontier, 1880s-1910 / /Journal of Social History. 2001. Vol. 24. № 3. P. 895–922.

7. *Ремнев А.В.* Россия на Дальнем Востоке. Имперская география власти XIX - начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.

8. *Ремнев А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков / Под общ. ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.

9. *Головнев А.В.* Колонизация в антропологии движения // Уральский исторический вестник. № 2 (23). 2009. С. 4–14.

10. *Сибирь в составе Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 362 с.

11. *Мамсик Т.С., Ноздрин Г.А.* Колонизация аграрная Сибири в XVII–XX в. // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. С. 105–106.

12. *ГУТО ГАТ*

13. *Родигина Н.Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XVIII – начала XX в. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. 343 с.

14. *Ерохина Е.А.* Модернизация «Другой России»: образы Сибири и стратегии ее развития // Идеи и идеалы. № 3 (13). Т. 1. 2012. С. 55 - 64.

15. *Ремнев А.В.* Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века // Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojrzenia / Red. Andrzej Nowak. Warsawa, 2010. С. 153–168.

16. *Архив Музея* народов Сибири Омского научного центра СО РАН. Ф.VII. П. 3. К.12.

17. *Шиловский М.В.* Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XX веков. Иркутск, 2003: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://oblastnichestvo.lib.tomsk.ru/page.php?id=2

18. *Жигунова М.А., Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России: Научный и научно-публицистический журнал. 2014. № 2 (12). С. 48–63.

19. *Ядринцев Н.М.* К моей автобиографии (отрывок) // Дело об отделении Сибири от России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 27–33.

20. *Ремнев А.В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX века // Полития. №3 (62). 2011. С. 109–128.

21. *Зайнутдинов А.Э.* Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX–XX веков к современному сибирству: [Электронный ресурс] : Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/24/1251425506/Zaynutdinov_2012_2.pdf;

22. *Образ* Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в: Материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. И. В. Островского /Под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006. 266 с.

23. *Вахтин Н.* От «дикости» к «Другому»: к эволюции образа Сибири и Севера в русском языке // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII. Мифология культурного пространства: К 80-летию С.Г. Исакова. Тарту: Tartu Ulikooli Kirjastus, 2011. С. 203–216.

E.V. Golovneva, M.A. Zhigunova

Siberia and Siberians: mental mastering of the region in the XIX c.

Summary. This paper seeks to explore from a historical perspective the issues of formation of an image of Siberia in the XIX century. Authors analyze the mental mastering of Siberian place in the context of colonization as well as the ideas of Siberian oblastnichestvo related with importance of territorial self-identification of the population of Siberia. These factors are considered to be the sources for appearance of contemporary notion of "the Siberian nation".

Key words: Siberia, colonization, Siberians, ideological construct, regional identity, oblastnichestvo, mentality, culture.

УДК 94(47)"18/1917"

З.В. Степаненкова

В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Аннотация. Статья посвящена взглядам известного общественного деятеля второй половины XIX века В.В. Берви-Флеровского на национальную политику России. В.В. Берви-Флеровский полагал, что для России национальный вопрос имеет особое значение, поскольку она является многонациональным государством, население которого принадлежит к различным конфессиям. Он критиковал проводимую правительством политику русификации, выступал за предоставление всем национальностям равноправия и возможности развития национальной культуры. Еще одним способом разрешения национального вопроса В.В. Берви-Флеровский считал воспитание общества в духе религиозной и национальной терпимости, главным инструментом установления которой было введение свободы слова.

Ключевые слова: В.В. Берви-Флеровский, внутренняя политика России, национальный вопрос, равноправие наций, развитие национальной культуры.

Период середины – второй половины XIX в. в российской истории явился временем крупнейших социально-экономических преобразований. Процессы модернизации, охватившие все области общественной жизни, требовали осмысления целого ряда проблем в социально-экономической, политической и духовной сферах жизнедеятельности общества и вряд ли могли

быть осуществлены вне поддержки российских интеллектуалов. Естественным следствием реформирования основных социально-экономических институтов стал подъем общественно-политического движения, охвативший значительную часть образованного общества. Существенную роль в нем играли представители демократического направления общественной мысли, сложившегося на рубеже 1840–1850-х гг. Одним из интереснейших его представителей был тесно связанный с революционным народничеством экономист, социолог, философ и публицист Василий Васильевич Берви-Флеровский (1829–1918 гг.). Его книги и публикации в прессе были посвящены наиболее острым проблемам жизни страны, многие из которых не утратили своего значения и в современный период.

В качестве основных источников для написания статьи использованы работы В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (1869 г.), «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» (1869 г.), первая и третья части «Азбуки социальных наук» (1871 и 1894 гг. соответственно). Кроме того, привлекались воспоминания В.В. Берви-Флеровского «Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III», изданные в 1897 г. в Лондоне.

Для их анализа использовались общеметодологические принципы познания – историзма и системности, а также общенаучные и специальные исторические методы: биографический, сравнительно-исторический и т.п.

В 1849 г. В.В. Берви-Флеровский окончил Казанский университет и как один из трех лучших студентов был направлен на службу в Министерство юстиции. К 1861 г. он получил должность надворного советника. К этому времени В.В. Берви-Флеровский приобрел некоторую известность среди коллег в связи с несколькими публикациями в «Журнале министерства юстиции», разработал по поручению тогдашнего министра юстиции В.Н. Панина довольно умеренный проект судебной реформы и был активным участником юридического кружка Д.В. Стасова, главной целью которого была критика существующей в России судебной системы и разработка различных проектов судебных преобразований. Получив от К.Д. Кавелина предложение преподавать государственное право в Петербургском университете, В.В. Берви-Флеровский сдал магистерский экзамен и готовился к поездке в Германию. На этом этапе своей жизнедеятельности он был вполне готов к сотрудничеству с правительством. Его жизненные планы ограничивались стремлением служить закону, занимаясь научной и преподавательской деятельностью, мировоззренческие установки укладывались в русло либеральной оппозиционности. Однако участие в сборе подписей о помиловании участников студенческого движения в сентябре 1861 г. сделало эти планы несбыточными.

В 1862 г., после ареста тверских мировых посредников, В.В. Берви-Флеровский послал на имя Александра II прошение, в котором доказывал, что тверские дворяне не сделали ничего противозаконного, а лишь следовали своим обязанностям, высказав мнение относительно законов, причем только после того, как убедились, что значительное число дворянства разделяет их взгляды. Сходные по содержанию письма были отправлены им губернским предводителям дворянства и в посольство Великобритании. В результате В.В. Берви-Флеровский был объявлен сумасшедшим и направлен в больницу для душевнобольных, где провел более полугода. За этим последовали увольнение со службы и высылка в Астрахань, потом тюрьма в Казани, ссылка в Сибирь и т.д. Сам Василий Васильевич вспоминал позднее, что он проделал на почтовых с жандармами и полицейскими 19 тысяч верст, прошел пешком по этапу 3,5 тысячи верст, в ссылке жил в 32 городах, сидел в 32 острогах и провел несколько лет в одиночном заключении [1].

Выступление в защиту тверских мировых посредников превратило В.В. Берви-Флеровского в политически неблагонадежное лицо, полностью изменило его образ жизни и мировоззрение. Знакомство с жизнью ссыльных, бедственным положением народа в пореформенной России вы-

звало у него разочарование в реформаторской деятельности правительства, привело его к идее отмены частной собственности и установления имущественного равенства, сблизило с представителями революционной молодежи.

Общественно-политические воззрения В.В. Берви-Флеровского представляются достаточно сложными. Они во многом предопределены представлениями ученого о ходе исторического процесса, который рассматривается им в духе позитивизма как поступательное прогрессивное движение. Его общее направление связано с постепенной заменой инстинктивных религиозных, политических и социальных организаций сознательными, основанными не на инстинкте (религиозном инстинкте, инстинкте подчинения или инстинкте собственности), а на осознанном понимании человеком истинных ценностей. К их числу В.В. Берви-Флеровский относит, в первую очередь, чувство солидарности, осознание необходимости заботы сильных членов сообщества о слабых. Идеалом общественного устройства, по мнению исследователя, является коммунистическое общество – организм, члены которого не эксплуатируют друг друга, а живут в полной гармонии. Это идеальное общество основывается на публичной (общественной) собственности на землю и орудия труда, на отношениях солидарности, взаимопомощи и братской любви друг к другу. В политическом отношении оно представляет собой федеративную демократию, т.е. федеративную республику [2].

Пути достижения общественной гармонии В.В. Берви-Флеровский связывал, в первую очередь, с укоренением в обществе идей, связанных с правильными представлениями о нравственности, счастье и смысле жизни. Воспитание и просвещение народа должен осуществлять образованный класс, постепенно приобщая его к общественно-политической жизни. Государство, ограждая справедливыми законами трудящихся от угнетения, должно провести целый ряд преобразований, которые будут способствовать достижению гармонии между интересами отдельной личности, общества и государства [3].

Значительную роль в этом процессе В.В. Берви-Флеровский отводил необходимости разрешения национального вопроса, который в XIX в. сделался для современной цивилизации тем же, чем раньше был вопрос религиозный – «неиссякаемым источником смут, войн, кровавых расправ и притеснений» [2, с. 516], и во многом определял внешнюю политику европейских государств. Отметим, что, хотя В.В. Берви-Флеровский не анализировал национальный вопрос предметно в отдельной работе, проблеме этой он уделял немаловажное значение. Отдельные ее аспекты в той или иной степени освещены почти во всех его крупных публикациях: в «Положении рабочего класса в России» (1869 г.), в «Свободе речи, терпимости и наших законах о печати» (1869 г.) и в третьей части «Азбуки социальных наук» (1894 г.).

Исследователь полагал, что «с тех пор, как существует достоверная история» именно противоречия, возникающие на национальной и религиозной почве, являются «двумя причинами вражды между народами». Воздействие национальных и религиозных разногласий на общество в целом носит крайне негативный характер. Оно, «высасывая в течение веков все материальные средства народа, одинаково деморализует и победителей и побежденных, развивает в них страсть к насилию» [4, с. 79].

Ответственность за разжигание национальной розни В.В. Берви-Флеровский возлагал, в первую очередь, на государственных деятелей, бюрократию и духовенство, пользующихся непониманием народными массами своих истинных интересов. «Какую выгоду, – пишет он, – имеет немец, который пашет землю возле Зальцбурга, от того, что он будет питать вражду к чеху, сапожнику из Праги, и обратно? Если от этого произойдет война, то их разорят податями, а если … будет мир, то с них податей этих не потребуют» [4, с. 78]. Для священника же вопрос религии – это «вопрос хлеба, вопрос о том, кому будут платить деньги жители известного прихода» [4, с. 79]. Этой же логике следуют и

чиновники, и землевладельцы, которые заинтересованы в новых должностях, землях и т.д. «Чем ближе мы будем рассматривать этот предмет, – продолжает автор, – тем более мы убедимся, что национальная и религиозная ненависть – это извращение чувств и верх нелепости, что это плод грубого эгоизма немногих, которые пользуются слабостями народов» [4, с. 81].

Тех, кто был виноват в стравливании представителей разных национальностей друг с другом, В.В. Берви-Флеровский оценивал крайне жестко, как людей мешающих прогрессу, сдерживающих его. Он полагал, что стремление достигнуть того, чтобы все люди были одной веры, говорили одним языком, принадлежали к одной национальности, есть «верх безумия и верх безнравственности» [2, с. 516]. Установление единоверия в стране для усиления государственной власти, по мнению исследователя, вытекает из «возмутительного желания» государственных деятелей «усилить свою власть, разжигая ненависть подвластного народа к иноверцам», а стремление создать «государство из людей одной религии с целью противопоставить их своим соседям – великое международное преступление» [2, с. 516-517].

В.В. Берви-Флеровский видел два взаимосвязанных пути решения национального вопроса. Первый он определял, как необходимость «политического развития» государств. Он считал, что только «федеративно-демократическое управление» (федеративная республика. – З.С.) может дать людям различной веры и национальности возможность прекрасно уживаться в пределах одной страны, о чем свидетельствует история США и Швейцарии [2, с. 518].

В качестве второго и, с его точки зрения, более значимого способа решения этой проблемы В.В. Берви-Флеровский предлагал воспитание в обществе религиозной и национальной терпимости, главным инструментом установления которой он в духе просветительских теорий XVIII в. считал введение свободы слова. Отметим, что под свободой слова он подразумевает не просто отмену отдельных цензурных ограничений, а терпимость к чужим социально-политическим взглядам, мнениям, образу жизни и, как следствие этого, отсутствие каких-либо политических и религиозных запретов на печатное слово и высказывания. Единственным «средством от этой болезни», – отмечал он, – является свобода речи. «Везде, где она водворяется, где есть возможность показать народам их интересы в настоящем свете, религиозная и национальная вражда блекнет и исчезает» [4, с. 81], примеры чего, по его мнению, демонстрирует историческое развитие Англии и Америки, Бельгии и Швейцарии. Вообще, с его точки зрения, «степень нетерпимости, натянутых отношений внутри государства и неизбежного последствия всего этого – внешней слабости, прямо соответствует стеснению свободы речи». Ведь в стране, пользующейся свободой слова, в случае возникновения национального или религиозного конфликта «свободная печать разъяснит вред, нелепость и самоубийственный характер их (конфликтующих сторон. – З. С.) деятельности и дальнейших бедствий не последует» [4, с. 89].

Для России проблема введения свободы слова особенно важна, прежде всего в силу того, что она является полиэтничным и многоконфессиональным государством. «Вдоль всей западной ее границы, в ее пределах, – отмечал В.В. Берви-Флеровский, – живет широкой полосой население, отличающееся от главного племени и языком, и религией» [4, с. 187]. Для такой страны «необходима терпимость и хорошее впечатление, производимое на соседей» [4, с. 188]. Международный престиж государства в этом случае В.В. Берви-Флеровский считал достаточно важным фактором, поскольку, с его точки зрения, необходимо, чтобы человек испытывал не только чувство национальной гордости, но, в первую очередь, гордился бы тем, что он является гражданином своей страны, ее стабильностью, темпами ее развития и т.п. [4, с. 189]. Ведь со временем «стремление национальностей отделиться от государств, коснеющих и отстающих, не только не будет уменьшаться, но будет развиваться», в силу чего «мы должны, непременно должны производить на живущие в нашей среде национальности значительное впечатление нашим развитием, нашей гуманностью и энергией, а без свободы слова мы этого никогда не достигнем» [4, с. 189].

В.В. Берви-Флеровский резко критиковал политику русификации, проводимую царским правительством. Он подчеркивал, что русские чиновники не пытались даже вести дела таким образом, чтобы суть их была понятна представителям других национальностей, не говорившим на русском языке. Это открывало путь для «бесчисленных обманов и злоупотреблений» по сбору податей, по требованию повинностей и т.д. Чиновники не столько сами относились враждебно к инородцам, но «возбуждали к ним ненависть и презрение в остальном русском населении; это сделалось у них даже тактикой для унижения инородцев и для побуждения их к увеличению подачек» [5, с. 198]. Тем самым они настраивали представителей других национальностей против русских и «самым существенным образом мешали их слитию (с русским населением. – З.С.)» [5, с. 198].

С точки зрения В.В. Берви-Флеровского, самым сильным средством для сглаживания национальных конфликтов внутри Российской империи могло стать уравнивание в правах представителей всех национальностей. «Нам кажется странным, – пишет он, – представить себе мордвина или черемиса чиновником, еще страннее нам покажется мысль вести переписку в присутственных местах на языке мордвин или черемис или мысль об обучении этим языкам в гимназиях и университетах» [5, с. 199]. Однако, по его мнению, «будет совершенно справедливо, если им (мордвином или черемисом. – З.С.) будут управлять люди, знакомые с его языком и с его бытом, если он будет подавать бумаги на своем языке и если прямо к нему относящиеся бумаги будут на этом же его родном языке». Правда, это, отмечает ученый, «невозможно без того, чтобы сами органы власти не пополнялись мордовским или черемисским элементом» [5, с. 199]. В.В. Берви-Флеровский полагал, что в случае значительного преобладания представителей одной национальности над остальными (как, например, в Ядринском уезде Казанской губернии, где чуваши составляют 110347 человек, тогда как представители других национальностей – всего 6607 человек), было бы справедливо и полезно, чтобы местное начальство уезда состояло бы исключительно из образованных национальных кадров. Те же принципы управления он полагал необходимыми для западных территорий страны (Финляндия, Остзейский край, Бессарабия, Малороссия и т.д.).

Вообще, политика русификации оценивалась В.В. Берви-Флеровским как «раздражающая»: «…ведь это то же самое, что стеснение речи, религиозная нетерпимость и т.д. Подобная политика может очень легко привести к результатам совершенно противоположным, чем те, которые от нее ожидались, она может не только ухудшить положение, но сделать его безвыходным» [4, с. 192]. Негативным результатом такой политики В.В. Берви-Флеровский считал польское восстание, главную причину которого он видел в отказе русских императоров дать полякам те политические права, которые они заслужили [6, с. 219].

В.В. Берви-Флеровский отвергал любые насильственные методы в решении национального вопроса, полагая, «что для слития различных национальностей, живущих в одном государстве, самое лучшее – это не принимать никаких и в особенности никаких резких мер, а стараться, чтобы государство прославилось своей гуманной, и в особенности оригинальной внутренней политикой, тогда слитие произойдет само собой» [4, с. 193].

В целом, основные направления решения национального вопроса в России В.В. Берви-Флеровский видел в воспитании в обществе толерантности, религиозной и национальной терпимости, в сворачивании политики русификации и замене ее на уравнение в политических правах представителей разных национальностей, развитие национальной культуры. Взгляды В.В. Берви-Флеровского на национальный вопрос могут быть отчасти сопоставимы с воззрениями революционных демократов и народников 70–80-х годов XIX в., что, однако, является вопросом дальнейшего исследования.

Список источников и литературы

1. *Пругавин А.С.* Две биографии // Русские ведомости. 1910. № 2. 03.01.1910.

2. *Флеровский Н.* Азбука социальных наук. XIX век современной европейской цивилизации // Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 349-529.

3. *Берви-Флеровский В.В.* Азбука социальных наук: в 3ч. Ч. 1. СПб: Тип. В. Нусвальта, 1871. 299 с.

4. *Берви-Флеровский В.В.* Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб.: Типография Н. Неклюдова, 1869. 254 с.

5. *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 618 с.

6. *Флеровский Н.* Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Воспоминания Н. Флеровского. Лондон: Depose.Reproduction interdite, 1897. 543 с.

Z.V. Stepanenkova

V.V. Bervi-Flerovskiy's opinion about national policy of Russian Government second half XIX c.

Summary. In article discused famous social activist V.V. Bervi-Flerovskiy's opinion about national policy of Russian Government second half XIX century. V.V. Bervi-Flerovskiy said that national questional is very important because Russia is multinational country with different religion. He criticized state policy of rusification, declarate equal rights for nations and right to developing national culture. V.V. Bervi-Flerovskiy thought that freedom of speech is effective instrument for solving national problem because society developing in conditions religious and national tolerance.

Key words: V.V. Bervi-Flerovskiy, Russian domestic policy, national question, equal nations, developing national culture.

УДК 93/94

В.А. Герасимова

«ПРИМЕРНЫЙ СОЛДАТ СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА»? ЕВРЕЙСКИЙ КАНТОНИСТ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ (ПО МЕМУАРАМ А.М. ПАНТОФЕЛЯ)

Аннотация. Статья посвящена анализу мемуаров бывшего кантониста А.М. Пантофеля, уроженца еврейского местечка на Волыни, прошедшего армейскую службу в Западной Сибири и поселившегося в дальнейшем в Омске. В рамках исследования рассматриваются несколько ключевых тем: проблема насильственных крещений евреев, специфика функционирования еврейской традиции в армейских условиях, особенности взаимоотношений евреев с представителями других конфессий. Автор приходит к заключению, что исследуемый текст – один из немногих примеров успешного завершения весьма спорного николаевского эксперимента по «воспитанию» «имперского еврея» через службу в армии.

Ключевые слова: евреи в русской армии, евреи в России, рекрутчина, кантонист, насильственные крещения, иудаизм.

Введение: постановка проблемы, цели и методы исследования

Еврейскую рекрутчину, казалось бы, едва ли можно отнести к малоисследованным темам в истории евреев в Российской империи: о ней писали и историки армии, и исследователи еврейской истории. Если для первых евреи в русской армии были лишь частью общей картины, то для вторых рекрутчина стала одной из центральных тем, однако тональность текстов на эту тему традиционно выражена в едином русле, в русле ламентации, оплакивания горестной участи еврейских солдат. По сей день исследовательское внимание концентрируется преимущественно на негативных аспектах: правовые ограничения, насильственные крещения, препятствование контактов с единоверцами и т.д.[1]. Однако стоит сказать о двух серьезных исключениях в ряду работ по этой теме – исследованиях зарубежных авторов, предложивших переключить внимание с ламентации на другие аспекты службы евреев в армии Российской империи, отказаться от этноцентричного подхода: речь идет о книге «Николай I и евреи» М. Станиславского [2] и «Евреи в русской армии» Й. Петровского-Штерна [3]. По мнению этих исследователей, представленная в еврейской национальной историографии картина слишком омрачнена и гиперболизирована. Книга Петровского-Штерна вызвала бурную полемику среди специалистов и общественности [4; 5; 6], однако, даже если не соглашаться с автором в его самых радикальных выводах, все же следует признать продуктивность иного подхода в изучении проблемы службы евреев в русской армии.

Одним из основных источников по изучению еврейской армейской службы, помимо официального делопроизводства, стали воспоминания самих еврейских солдат. По выразительной характеристике Й. Петровского-Штерна, эти мемуары культивируют «черную легенду, оплакивающую судьбу еврейских солдат», и написаны по одному шаблону, в рамках единой традиции [3, с. 169]. В этой связи источник, о котором пойдет речь ниже, приобретает особую ценность.

Обращение к персональным историям, анализ эго-документов и дальнейшее сопоставление их с массовыми источниками, статистическими данными являются, на наш взгляд, весьма продуктивным методологическим подходом для проверки общепринятых и широко используемых привычных точек зрения на проблемы «Большой истории» (в нашем случае проблемы еврейской рекрутчины). В рамках представленного исследования биографический подход использован для доказательства необходимости увидеть более сложную картину службы евреев в русской армии, чем она представлена в подавляющем большинстве работ, как российских, так и зарубежных.

Все тот же Й. Петровский-Штерн, ставший новатором по крайней мере в русскоязычной историографии, сам того не подозревая, но, очевидно, осознавая продуктивность сведения исследования до микроисторического уровня, сформулировал в своей книге ключевые вопросы, которые будут рассмотрены в рамках представленной статьи: «Что же такое кантонист из евреев, десяти-двенадцатилетний мальчик, оторванный от чадолюбивых родителей и отправленный за сотни километров от дома в казарму, в совершенно не знакомый быт, в иноязычную среду, печально известную своей многовековой ксенофобией? Кем он стал за годы пребывания в батальонах? Как он отреагировал на навязанное ему крещение и что в действительности он обрел? Чем он отличался от своих сотоварищей по службе и чем походил на них?» [3, с. 111]. Ответы на эти вопросы чрезвычайно важны для понимания механизмов адаптации (или ее срыва?) евреев-кантонистов в армии Российской империи и впоследствии в российском обществе. Цель представленной статьи – анализ адаптационного процесса еврейского кантониста в русской армии по мемуарам А.М. Пантофеля.

Еврейская воинская служба в Российской империи

Рекрутская повинность распространилась на евреев согласно указу Николая I от 26 августа 1827 г. (ранее евреи откупались от этой обязанности, что было закреплено законодательно). Согласно «Уставу рекрутской повинности и воинской службы для евреев» [8, с. 192–204], евреям предписывалось поставлять в армию солдат в возрасте от 12 до 25 лет каждый год по 10 рекрутов с 1000 мужчин (с православных по 7 рекрутов с 1000 мужчин через год) [9]. Еврейских детей с 12 лет отправляли в кантонистские батальоны, а по достижении 18 лет отправляли на воинскую службу [Такой возраст выбран чиновниками не случайно: ведь в 13 лет, согласно еврейской традиции, мальчик становился совершеннолетним, на него возлагалось соблюдение всех заповедей наравне со взрослыми мужчинами. Двенадцатилетний мальчик, еще не полностью вовлеченный в религиозную жизнь, намного более уязвим и восприимчив к изменениям, что использовало в своих интересах военное начальство]. При этом годы в кантонистах не учитывались: еврейским юношам предстояло отслужить положенные 25 лет. Подавляющее большинство евреев служили в пехоте (80–90%), небольшой процент евреев служил также в артиллерии (5–20%), кавалерии (5–8%) и инженерных частях (1–3%) [7, с. 79]. Путь в офицерский состав иудеям был фактически закрыт [Исключения здесь случались крайне редко и за особые боевые заслуги. Пожалуй, наиболее знаменитый офицер иудейского вероисповедания в русской армии – Иосиф Трумпельдор, позднее организатор отрядов еврейской самообороны в Палестине].

Введение воинской повинности для евреев традиционно рассматривается в еврейской научной, мемуарной и художественной литературе как начало государственной кампании по обращению еврейского населения в православие. В качестве доказательств радикальных намерений императора Николая I приводятся многочисленные леденящие кровь легенды и свидетельства о массовых крещениях, совращениях наиболее податливых и истязаниях и пытках для упрямившихся [1, с. 79–82]. В рамках данной статьи не предполагается поддерживать или оспаривать оценку масштабов насильственных обращений еврейских солдат в православие, заметим лишь, что анализ статистических данных, проведенный Й. Петровским-Штерном, показывает, что за весь николаевский период среди нижних чинов приняло православие около 3% солдат (среди кантонистов – 10%) [7, с. 76]. Стоит помнить при этом, что показатели по крещениям в разных батальонах существенно разнились. Степень интенсивности давления на иудеев во многом зависела от местного руководства. Как известно, рекрутчина была заменена всесословной воинской повинностью в 1874 г., институт кантонистов же был упразднен еще в 1856 г.

А.М. Пантофель: биография простого николаевского солдата

Воспоминания Абрама Марковича Пантофеля, попавшего на службу в кантонистский батальон из черты оседлости (местечко Барановка Новоград-Волынского уезда Волынской губернии), очевидно, не известны специалистам по истории еврейской службы в армии Российской империи. Во всяком случае ссылок на этот источник в научной литературе нами не обнаружено. А между тем текст воспоминаний публиковался дважды [10 – Публикация подготовлена внуком Абрама Марковича – Александром Галичем, воспоминания приведены в сокращении; 11]. Анализируемый в рамках данного исследования машинописный экземпляр воспоминаний А.М. Пантофеля является более полной версией в отличие от текстов, опубликованных в конце 90-х гг. в сокращении [Этот экземпляр воспоминаний хранится в архиве омской общественной организации «Шалом XXI век». Автору статьи его любезно предоставил руководитель этой организации Я.Г. Бирлянт].

Несмотря на то что воспоминания Абрама Марковича не привлекали прежде внимание исследователей, его имя легко можно обнаружить в сети Интернет, благодаря его внучке Д.Я. Пан-

тофель-Нечецкой, знаменитой в советское время оперной певице. Целый ряд прекрасных документов и семейных фотографий собраны на персональном сайте праправнука А.М. Пантофеля, внука Д.Я. Пантофель-Нечецкой Алексея Нечецкого [12; фотографии, приведенные в данной статье, публикуются с любезного разрешения А. Нечецкого] (рис.1).

Рис. 1 А.М. Пантофель. Фото из семейного архива А. Нечецкого

В своих воспоминаниях автор, родившийся в 1839 (1840?) году на Волыни, описывает личный жизненный путь от мальчишки-кантониста, служившего в Тобольском батальоне, до главы большого еврейского семейства г. Омска. Абрам Маркович попал в рекруты в августе 1852 г. (на тот момент ему было 12–13 лет) по вине широко и печально известных «хаперов», евреев, специально кравших детей из бедных семей и беспризорных для сдачи в рекруты вместо детей более состоятельных евреев (надо сказать, эта профессия неплохо оплачивалась). По распределению Абрам Пантофель попал в Тобольский кантонистский батальон. После окончания службы/ учебы в кантонистском батальоне в 1858 г. был переведен на действующую службу в качестве музыканта-барабанщика (среди еврейских солдат музыканты составляли 5–7%) [7, С. 77]. За время службы

наш герой побывал в Петропавловске, Кокчетаве, Акмоле, Верном, Омске. Демобилизован в 1869 г. в возрасте 29 лет, затем возвращен на службу и снова демобилизован в 1870 г. в Омске, где и женился на местной жительнице Зисе Моисеевне Гонт. Осев в Омске, Абрам Маркович работал в качестве приказчика, поставщика и, наконец, руководителя строительных работ (кадетского корпуса в Омске, деревянных казарм и лазарета в Павлодаре) (рис. 3).

Рис. 2. Паспорт А.М. Пантофеля. Фото из семейного архива А. Нечецкого

Свои мемуары Абрам Маркович записал, судя по экземпляру, имеющемуся в нашем распоряжении, в 1911 г. На тот момент ему было 70–71 год, он был главой большого семейства: 7 сыновей, 2 дочери, внуки (рис. 3). Текст воспоминаний отличает прекрасный стиль. При этом в машинописном экземпляре видны следы незначительной корректуры, предположительно выполненной внуком автора Александром Галичем, снабдившим также текст своим предисловием в 1975 г. Даже первичное знакомство с текстом мемуаров позволяет заключить, что автор в одинаковой степени владел и русским языком, и как минимум базовыми знаниями традиционных еврейских понятий на идише: говоря о специфически еврейских темах он использовал именно идиш в русской транскрипции [В примечаниях к рукописи приведен перевод слов на идише].

Рис. 3. Семья Пантофелей, А.М. Пантофель - в центре.
Фото из семейного архива А. Нечецкого

Мемуары А.М. Пантофеля примечательны для исследователей несколькими особенностями: во-первых, его автор – выходец из бедной еврейской семьи и в дальнейшем не стал представителем интеллигенции, это взгляд типичного мещанина-еврея. Во-вторых, заслуживает внимания география повествования – в мемуарах речь идет о Западной Сибири (Тобольск, Омск), а также о Петропавловске, Акмоле и ряде других населенных пунктов – это единственные из известных на данном этапе еврейские солдатские воспоминания, написанные в этом регионе. В повествовании оказались отражены все классические темы, связанные с еврейской службой в русской армии, от проблемы «хаперов» до особенностей отправления иудейских обрядов в армейских условиях. На страницах своих мемуаров А.М. Пантофель представил вереницу образов – портретов обычных «незамечательных» людей: евреев и неевреев, описал свои отношения с ними. Перед автором не стояло задачи обобщений или оценок, тем особенно ценен написанный им текст.

«Евреями вы будете только до Казани…»:
проблема обращения евреев в православие

Центральный топос любых нарративов о еврейской службе в армии Российской империи – насилие. Тема обращения в православие пронизывает все повествование А.М. Пантофеля. Как отмечает Й. Петровский-Штерн, пик широкомасштабной кампании по крещению иудеев в армии пришелся как раз на начало 1850-х гг. Так, в Казанском и Киевском батальонах кантонистов, например, в этот период удалось крестить три четверти евреев, в то время как в сибирских батальонах речь шла лишь о пятой части [7, с. 76].

Буквально с первых страниц повествования о попадании в военную систему автор описывает свой страх перед угрозой крещения и конкретные эпизоды, с ним связанные. Впервые предложение креститься мальчик Абрам услышал на пути к месту службы уже в Чернигове (выезжали

из Староконстантинова): «… на смотре генерал ласково обратился к нам с вопросом – не желает ли кто из нас принять православную веру – окреститься» [13, с. 13]. Это предложение повторялось практически в каждом крупном городе, где устраивались смотры новобранцам, с приближением к месту назначения напряжение возрастало: «Приближение к Казани не сулило ничего хорошего, среди дядек ходил слух, что евреями нам быть только до Казани, что, якобы, в этом городе кантонистов окрестят насильно», а когда эти пророчества не сбылись, возникала новая угроза: «Прибудете в Тобольск, там вас все равно окрестят» [13, с. 18]. Оторванные от семей, совершенно не знавшие русского языка еврейские мальчики боялись будущего. А.М. Пантофель выразил свои страхи так: «Все гадали: как это быть православным? Что с нами будет делать православный батюшка, который встречает нас с гарнизонным начальством? Нам тогда казалось, что это один и тот же батюшка встречает нас в разных гарнизонах» [13, с. 16].

Картина, описываемая Пантофелем одновременно и не радужна: случаи обращений были, не обходилось и без прельщений и принуждений, однако о массовых крещениях речи все же не шло. На протяжении всего срока службы сам Абрам Маркович многократно сталкивался с ситуациями, когда ему или его товарищам предлагали сделать выбор в пользу православия. Так, в тобольском кантонистском батальоне «охота» велась на самых грамотных, знающих древнееврейский язык (язык богослужений) евреев. Методы принуждения при этом были весьма специфичными: вечно голодных мальчишек приманивали яблоками и прочими яствами, сулили богатых восприемников, которые в отсутствии семьи могли бы стать покровителями и защитниками, кроме того, согласившись принять крещение, можно было избежать заслуженного за какие-либо проступки наказания: выкрестам многое сходило с рук, тогда как иудеи получали свою порцию розог каждый раз в полном объеме [13, с. 24–26]. Уже будучи солдатом, Абрам Пантофель не раз искушался сам, но и здесь речь шла не о физическом насилии, а о соблазне совершенно иного рода: «Прелестные дочери хозяина [съемной квартиры. – *В.Г.*] вводили нас в искушение – мы тайно любовались ими, но знали, что любовная связь будет невозможна, так как это может кончиться женитьбой и обращением нас в православную веру» [13, с. 49].

В воспоминаниях А.М. Пантофеля нашлось место и для отступников, и для правоверных иудеев: автор не осуждал первых и не превозносил вторых, рассматривая это решение как личный выбор каждого конкретного еврея, действовавшего исходя из собственных обстоятельств. Мемуары лишены «черных красок» и леденящих кровь подробностей о массовом насилии и обращении в православие. Напротив, наряду с нескрываемым страхом быть крещеным, А.М. Пантофель встречает и альтернативу, озвученную безымянным генералом на очередном смотре в Чернигове: «Не одни крещеные могут быть хорошими солдатами, можете остаться в своей вере и тоже быть примерными солдатами своего Отечества» [13, с. 13]. Сам автор не заостряет внимания на этих словах, тем не менее последующий рассказ свидетельствует об их эффективности.

Еврейская традиция в армейских условиях

Покидая родное местечко, Абрам Пантофель не знал русского языка совсем. В маленькой Барановке с подавляющим еврейским населением украинцы прекрасно изъяснялись на идише, и необходимости постигать другой язык не было [13, с. 5]. Мальчик получил традиционное еврейское образование, учился в хедере до 9 лет, затем мать забрала его для работы на фаянсовой фабрике. Однако полученного образования и повседневной жизни в еврейской среде было достаточно для усвоения традиции в объеме, необходимом для ее соблюдения в отсутствии наставников. Новобранцы отправились в путь с пустыми руками (предметы ритуального назначения были отобраны), но уже на пути следования местные еврейские общины в местах остановок снабжали будущих солдат всем необходимым: молитвенниками, ритуальными принадлежностями (тфилинами,

талитами). Примечательно при этом, как описывает сам А. Пантофель, удаление от привычного «еврейского мира», произошло оно на уровне языка: «как-то раз один еврей из встречавших, услышав как мы бойко между собой и с дядьками переговаривались по-русски, а его не совсем понимали, сказал своему спутнику: «Какие это «идиш кинд» (*еврейский ребенок* (идиш)) – это «шейгецы» (*нееврейские мальчики (идиш)*) настоящие – они разучились говорить по-еврейски, забросили «твилен» (*Часть иудейского ритуального облачения)*, жрут трефное». Разумеется, на идише новобранцы говорили неплохо, учитывая, что это был их родной язык, но все же столкновение с другим непонятным диалектом родного, казалось бы, языка ознаменовало выход за пределы зоны комфорта: даже евреи с продвижением вглубь страны переставали быть частью привычного мира. При этом расширение границ и потеря связи со старшими наставниками не спровоцировала отказа еврейских новобранцев от соблюдения традиций. На протяжении всего повествования А.М. Пантофель то и дело описывает еврейские праздники, они не являются центром рассказа, скорее они органично вплетены в него, как нечто само собой разумеющееся, проходящее своим чередом. Так, несмотря на строгие правила, в тобольской казарме кантонисты стремились соблюдать шаббат, даже вступая в конфликт с начальством. При этом автор отмечает, что военное начальство, очевидно, не преследовало цели запретить отправление иудаизма в армии, скорее евреи со своими непонятными традициями не вписывались в существовавший порядок, а ради них никто сложившиеся правила менять не собирался. Например, в казарме по субботам было принято мыть полы, а, как известно, выполнение подобной работы по законам соблюдения шаббата иудею запрещено. Отказываясь мыть полы, т.е. подчиняться приказу, кантонисты-евреи подвергались наказанию через розги, однако, как вспоминает наш герой: «Так как это повторялось каждую субботу, то начальству, видимо, надоело каждый раз устраивать экзекуцию по этому поводу, и к нашей радости мытье полов в субботу было отложено и перенесено на пятницу» [13, с. 23].

Всякий раз конфликт с военным начальством по поводу соблюдения еврейских праздников был связан с нарушением режима и дисциплины, при этом отдельные инциденты с излишними придирками и попытками оскорбить кантонистов за их веру со стороны нижних чинов или «дядек» пресекалось самим же начальством. Приведем несколько примеров, рассказанных автором. Не имея возможности посещать тобольскую синагогу, кантонисты получили разрешение проводить богослужения (речь шла о периоде с Рош-а-Шана до Йом-Киппура) в специально отведенной для этого комнате. Мальчикам были выданы молитвенники и ритуальные принадлежности, был избран кантор-певчий. Во время богослужений евреев посещал командир, учителя и разное начальство, при этом никто не мешал. А.М. Пантофель пишет: «Надо сказать, что эти люди, будучи в основном православными и довольно бесцеремонными в обращении с нами в обычное время, с уважением взирали на нас во время нашей молитвы, что не могло не вызвать с нашей стороны чувство признательности им за это» [13, с. 22]. Когда один из унтер-офицеров громко позвал кого-то из молящихся, другой офицер, наблюдавший за процессом, сделал замечание сослуживцу: «Ты что, собачий сын, не видишь, люди молитву совершают – другого места не нашел глотку драть?» Кроме того, коллективный тайный побег в синагогу на Йом-Киппур также остался без наказания именно потому, что кантонисты убежали не просто так, а для участия в богослужении. Безусловно, опыт А.М. Пантофеля не доказывает, что такая ситуация складывалась во всех кантонистских батальонах, но, по крайней мере, он свидетельствует о многообразии вариантов армейской реальности для евреев.

Поступив на действительную воинскую службу в качестве барабанщика и переезжая с места на место в составе 3-го Сибирского линейного батальона, А.М. Пантофель оставался правоверным иудеем. Живя в Петропавловске, Акмоле, Верном и Кокшетаве, автор посещал местные синагоги или обустраивал молельни со своими единоверцами-сослуживцами. Анализируемый

нами текст воспоминаний дает, кроме прочего, информацию о наличии еврейских общин в весьма отдаленных пунктах. Так, благодаря мемуарам А.М. Пантофеля, доподлинно известно, что в 1860 г. в Акмоле уже точно действовала солдатская синагога [13, С. 43], была она и в Петропавловске в 1862 г. [13, с. 46].

Повествуя об армейской службе, автор упоминает о целом ряде солдат-евреев, встречавшихся ему на разных этапах своего пути. В частности, он организовал оркестр, служил и подрабатывал за пределами армейской жизни с еврейскими музыкантами – солдатами Гузманом и Зельнером (имен автор не приводит). С ними он организовывал и традиционную еврейскую сторону армейского быта: они соблюдали кашрут, платили цдаку [обязательный денежный взнос в размере 1/10 от дохода] в местных общинах. В воспоминаниях упоминаются еврейские праздники, приготовление еврейских блюд, покупка Торы «из России» [13, с. 47]. В момент несения службы в батальоне находилось 30 евреев, так что община функционировала постоянно, а свитков Торы было даже несколько.

Взаимоотношения с неевреями

Еврейская сторона жизни кантонистов и солдат была всегда на виду, поскольку разительно отличалась от привычного для православных уклада жизни, тем более в жестко регламентированной уставом армейской жизни: скрыться от чужих глаз, раствориться было невозможно. Опыт взаимодействия еврейских солдат с нееврейским окружением представлен в воспоминаниях весьма разнообразно. Вопреки ожиданиям, автор повествует преимущественно о позитивном опыте общения с представителями самых разных социальных страт от крестьянских баб, у которых юный кантонист Пантофель квартировал, до своих сослуживцев и высшего начальства. Примечательно, что автор не делает никакого акцента на этнической или конфессиональной принадлежности героев своих воспоминаний, не выводит никаких закономерностей в их поведении. Особого внимания заслуживает трогательная история приятельства с начальником караула поручиком Чемякиным, всячески покровительствовавшим автору. Несмотря на то, что близких дружеских отношений между автором и поручиком не было, последний явно симпатизировал барабанщику Пантофелю. Узнав, что музыкант страстно желает научиться играть на скрипке, поручик Чемякин сам навел справки о покупке инструмента и способствовал его приобретению, а позднее, когда наш герой переводился в Кокчетав, Чемякин позаботился и об охране автора в дороге, и об устройстве на новом месте [13, с. 36–37].

Отсутствие или, скорее, минимальное количество конфликтных ситуаций в воспоминаниях, разумеется, не означает, что таковых не было. Однако автор на них подробно не останавливается, зато подробно описывает обратные сюжеты, разрывая, таким образом, шаблон традиционного еврейского кантонистского нарратива.

Важной формой взаимодействия с нееврейским окружением были совместные трапезы. Так, автор описывает участие командира роты в пасхальном застолье [13, с. 40] и угощение сослуживцев кошерной курицей. В последнем эпизоде любопытна реакция гостей на вкус блюда: «Да вы, черти, никак сызмальства в поварятах у самих князей состояли, надо же такое сотворить!» [13, с. 46].

Заключение

С первых дней службы еврейского солдата Пантофеля «дядьки» учили новобранцев, «что наше Отечество – Россия, что мы будем его защищать, что у России есть враги – «турки, французы, разные чечены», что мы все – малороссы, великороссы, евреи – являемся русскими, а поэтому, кроме нас, некому постоять за отечество». За время службы Абрам Пантофель в совершенстве овладел русским языком, был не просто грамотен на нем, но любил читать сочинения Писемского, Л. Толстого, Гоголя. Природная любовь к красоте, открытость миру, конечно, помогли автору

адаптироваться в новой для него среде, но располагали к этому и условия. Следует признать, что автору повезло и с местом службы. Известно, что с 1829 по 1839 гг. в рапортах из сибирских батальонов не зафиксировано ни одного случая крещения кантонистов [3, с. 123], а в пик миссионерской кампании в армии в 1854 г. процент выкрестов в Тобольском и Омском кантонистских батальонах был минимален [3, с. 136].

Было ли введение воинской повинности для евреев следствием твердого намерения Николая I крестить всех евреев или все же правы те, кто считал, что целью императора было воспитание нового типа «имперского еврея»? А.М. Пантофель о последнем этапе своей службы в армии вспоминал так: «Нас уже нельзя было отличить от русских ни внешне, ни по языку, да мы и сами чувствовали себя евреями только во время молитв и по праздникам» [13, с. 47]. Воспоминания, ставшие объектом нашего анализа, репрезентируют опыт лишь одного человека, человека чуткого, внимательного, тонко организованного (что, кстати, совсем не вписывается в классическое определение николаевских солдат как «грубых, мужественных, недюжинной физической силы и душевного здоровья» [3, с. 169]). Между тем таких Пантофелей со схожей судьбой, прошедших через армию, обрусевших, но сохранивших свою еврейскую идентичность, была не одна сотня и даже тысяча, иначе откуда в самых отдаленных уголках Российской империи появились свои первые солдатские общины, ставшие основой для последующего роста еврейского мира за пределами черты оседлости.

Довольно сложно делать масштабные выводы, имея в распоряжении разнородный и противоречивый материал, однако анализ мемуаров А.М. Пантофеля убедительно показывает, что проект воспитания «имперского еврея», «патриота своего Отечества» в масштабах судьбы одного еврея оказался весьма успешен.

Список источников и литературы.

1. *Локшин А.Е.* Рекрутская повинность и обращение евреев в христианство при Николае I // Вопросы истории. 2012. № 7. С. 77–85.

2. *Stanislawski M.* Tsar Nicholas and the Jews: The Transformation of Jewish Soceity in Russia: 1825–1855. Philadelphia, 1983.

3. *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. М.: НЛО, 2003. 555 с.

4. *[Рецензия]/* Локшин А.Е. // Ab Imperio. 2003. № 4. С. 659–667. Рец. на кн.: Йоханан Петровский-Штерн. Евреи в русской армии: 1827–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 555 с.

5. *Игра* в солдатики / Дымшиц В. // Народ книги в мире книг. 2003. № 47. Октябрь: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL http://www.narodknigi.ru/journals/47/igra_v_soldatiki/ (дата обращения: 15.11.2015) – Рец. на кн.: Йоханан Петровский-Штерн. Евреи в русской армии: 1827-1914. М.: НЛО, 2003. 555 с.

6. *[Рецензия]/* Мелихов А. // Знамя. 2004. № 8: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL http://magazines.russ.ru/znamia/2004/8/mel20.html (дата обращения: 15.11.2015) Рец. На книгу: Йоханан Петровский-Штерн. Евреи в русской армии. М.: НЛО, 2003. 555 с.

7. *Петровский-Штерн Й.* Евреи и армия: социально-культурные аспекты // История еврейского народа в России / Под общ. ред. И. Барталя. Т. 2: От разделов Польши до падения Российской империи/ Под ред. И. Лурье. М. – Иерусалим: Гешарим, 2012. С. 66–85.

8. *Леванда В.О.* Сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1640–1873 гг. СПб.: Типография В.В. Трубникова, 1874. 1158 с.

9. *Кантонисты* // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 4. Кол. 75–79: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL http://www.eleven.co.il/article/11955 (дата обращения: 15.11.2015)

10. *Пантофель А.* В кантонистах / Публ. А. Галича // Корни. 1998. № 10. С. 151–173.

11. *Краткое* воспоминание жизни николаевского солдата Абрама Марковича Пантофеля, посвященное своим детям и внукам / Публ. Л. Флаума/ Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 300–309.

12. *Корни //* Персональный сайт Алексея Нечецкого: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL http://alexeytoday.narod.ru/korny.html (дата обращения: 15.11.2015)

13. *Пантофель А.М.* Жизнь кантониста. Машинопись. 55 с.

V.A. Gerasimova

Exemplary soldier of his Fatherland? Jewish cantonist on service of the empire (following memoirs of A.M. Pantofel)

Summary. This article analyzes the memoirs of a former cantonist A.M. Pantofel, native Jewish town in Volyn, who passed military service in Western Siberia and settled later in Omsk. The research deals with several key topics: the problem of forced baptisms of Jews, the specific operation of the Jewish tradition in military terms, the relationship of the Jews with other confessions. The author comes to the conclusion that the analyzed individual experience of A.M. Pantofel is one of the few examples of successful completion of a highly controversial experiment on Nicholas's education of "imperial Jew" through military service.

Key words: Jews in the Russian army, Jews in Russia, conscription, cantonist, forced baptism, Judaism

УДК 940.5 (571.1)

А.Я. Адам

СИБИРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО: НОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Аннотация. Статья посвящена основным этапам в изменении управления Сибирским казачьим войском во второй половине XIX века. В тексте представлена эволюция управления войском от жесткой централизованной структуры к своеобразному симбиозу централизованного управления в войске с самоуправлением на станичном и поселковом уровнях управления.

Ключевые слова: местное управление, самоуправление, казачество, Сибирское казачье войско, управление.

Одним из инструментов освоения восточных регионов Российской империи в XIX в. являлось казачество. Благодаря сочетанию военного и хозяйственного начал в самой сути казачьих войск Азиатской России, казачество давало широкие возможности освоения территории как военными, так и мирными, экономическими, методами. Казачьи поселения, являясь, с одной стороны, военными форпостами, а с другой – центрами хозяйственного, хоть и в большинстве своем экстенсивного, освоения территории, способствовали расширению границ Российской империи на юг и восток.

Созданное в 1808 г. Сибирское линейное казачье войско состояло из десяти отделов, которые в военное время преобразовывались в 10 Сибирских линейных казачьих конных полков. Целью войска была охрана южных границ Западной Сибири, поэтому оно было крайне милитаризованным, непосредственно подчинялось военному начальству, а кроме того, не имело органов гражданского управления. Положение 1846 г. не только не меняло существующего положения войска, а, наоборот, упорядочивало и укрепляло его существование в качестве изолированного во-

енно-хозяйственного организма. 21 ноября 1859 г. Положением Военного Совета впервые с 1808 г. вводилась выборность должностных лиц станичного управления [1, т. XXXIV. Отд. 2. СПб., 1861. № 35145]. Этим Положением в Сибирском казачьем войске был заложен один из основных элементов казачьего общественного управления – выборность станичных должностей.

К концу 1850-х гг. ввиду отсутствия постоянной военной угрозы со стороны государств Средней Азии, тяжелой нагрузки на государственный бюджет, связанной с содержанием 10 полков Сибирского линейного казачьего войска на военном положении, а также с фактическим отсутствием в войске отдельного гражданского управления, назрела необходимость в реформировании войска на полувоенной основе.

13 марта 1861 г. было издано «Положение о Сибирском казачьем войске». Согласно Положению войсковое управление разделялось на военное и гражданское. В высшем административном порядке войско теперь подчинялось генерал-губернатору, который управлял войском по гражданской части на правах общих по Западной Сибири. В войске из местных источников создавались особые капиталы, а казаки, за исключением находящихся на срочной военной службе, перестали получать жалованье и казенный провиант. На службу снаряжаться они теперь должны были за свой счет, но поступающим на службу давалось пособие на снаряжение. Для Сибирского казачьего войска это стало началом будущей системы хозяйствования, когда часть казаков находилась на службе, а остальные занимались хозяйством.

В рамках либеральных реформ, проводимых Александром II в Российской империи, был издан ряд указов, которыми правительство стремилось частично ликвидировать сословную замкнутость казачества. Принимались меры и по упорядочению гражданского управления. С созданием в 1868 г. Акмолинской и Семипалатинской областей, на которых располагалась территория Сибирского казачьего войска, проводилась постепенная реорганизация управления в войске. Войсковым наказным атаманом по-прежнему оставался генерал-губернатор Западной Сибири, а заведование частями войска, вошедшими в указанные области, передавалось местным военным губернаторам, с присвоением им прав и обязанностей войсковых атаманов. В 1869 г. в Сибирском казачьем войске были упразднены войсковое правления, войсковой штаб и полковые правления. Вместо них учреждалось 2 войсковых хозяйственных правления – в Акмолинской и Семипалатинской областях. В рамках станичного управления создавался станичный суд, который получал определенную независимость: станичный начальник и заседатели не только не могли вмешиваться в судопроизводство, но также и присутствовать при разборе дел. Судебный приговор приводился в исполнение станичным начальником [2, т. XL. Отд. 1. СПб., 1867. № 42059]. На основе полковых округов создавалось 4 военных отдела, которые возглавляли атаманы отделов с управлениями отделов. Фактически данное положение окончательно отграничивало в казачьих войсках военную власть от гражданской. Гражданское управление теперь осуществлялось двумя хозяйственными правлениями по одному в каждой области.

Следующим и наиболее важным, с точки зрения казачьего самоуправления, законом стало Высочайше утвержденное 13/25 мая 1870 г. «Положение об общественном управлении в казачьих войсках» [3, т. XLV. Отд. 1. СПб., 1874. № 48354]. По Положению станичное общество составлялось из всех жителей станицы с принадлежащими к ней поселками и поселениями других наименований, независимо от сословия. В рамках положения создавалось станичное управление, состоящее из станичного схода, станичного атамана со станичным правлением и станичного суда, а также и поселковое управление, состоящее из поселкового схода и поселкового атамана. Большинство вопросов, касающихся жизни станицы и поселка, решались на станичных и поселковых сборах, кроме того, станицы получили возможность распоряжаться станичными суммами. Станицы превращались в частично независимые в гражданских и хозяйственных вопросах от войскового

начальства единицы, оставаясь в жестком подчинении в вопросах военных. Контролем над функционированием общественного управления занимались уездные начальники, а через них начальники областей, военными вопросами заведовали управления военных отделов. С момента введения Положения 1870 г. станичным и поселковым управлениям предоставлялась большая самостоятельность в формировании выборных органов, у них появилось больше прав в распоряжении общественными денежными средствами, пользовании землей и ведении общественных дел.

Созданные в 1869 г. в каждой области Сибирского казачьего войска – Акмолинской и Семипалатинской – двух войсковых хозяйственных правлений внесли определенную сложность в функционирование войска, так как, по сути, усложняли работу гражданской части его управления. Поэтому, для унификации и упорядочения управления в войске, 22 апреля 1872 г. в Сибирском казачьем войске вместо двух хозяйственных правлений в каждой области создавалось единое Войсковое хозяйственно правление [4, т. XLVII. Отд. 1. СПб., 1875. № 50760]. Оно находилось в непосредственном подчинении Войскового наказного атамана и занималось всеми хозяйственными вопросами деятельности войска. В ходе его заседаний рассматривались наиболее важные дела, связанные с войсковым, общественным или казенным интересом. Решения по этим вопросам принимались коллегиально. По этому же наказу сокращалось и количество военных отделов с 4-х до 3-х. Их управления теперь перешли в непосредственное подчинение войскового наказного атамана.

В результате преобразований 1869–1872 гг. в Сибирском казачьем войске сформировалась окончательная структура управления. Во главе войска стоял Войсковой наказной атаман, являвшийся, к тому же, генерал-губернатором Западной Сибири, он ведал гражданской и военной частями управления войска. Хозяйственными вопросами и вопросами общественными ведало Войсковое хозяйственное правление, находившееся в непосредственном подчинении войскового наказного атамана. В его же непосредственном подчинении были и атаманы 3-х военных отделов войска. Низовое управление войском строилось на станичном и поселковом управлении, в состав которых входили станичный и поселковый сборы и атаманы. Кроме того в станицах войска функционировал и станичный суд. Фактически существовало две системы управления: на уровне войскового начальства Сибирское казачье войско было четко структурированным с жестким подчинением, а на низовом – станичном и поселковом уровнях, обладало определенными правами самоуправления, с подчинением войсковому начальству. При этом эти две системы управления не только не конфликтовали, а органично сосуществовали друг с другом.

К середине 1880-х гг. назрела необходимость пересмотра казачьих законоположений, особенно касающихся станичного и поселкового управлений. Изданное в 1870 г. «Положение об общественном управлении в казачьих войсках», в связи с изменившимися условиями, начало устаревать, кроме того, изменились сами казачьи войска. Если при создании Положения 1870 г. контроль со стороны гражданских властей за общественным управлением в войске соответствовал стремлению приравнять казачество к крестьянству, по крайней мере, в области управления, то к середине 1880-х гг. оно уже напрямую противоречило стремлению вновь обособить казачество от крестьянства. Более того сам по себе контроль за функционированием института самоуправления в казачьих войсках со стороны гражданских властей был обременителен. Для казаков уездный начальник был чуждым, не знакомым с бытом и особенностями хозяйствования казаков человеком. Являясь внешней структурой контроля, не знакомой с казачьим бытом, уездные начальники зачастую только мешали станичному правлению и в структуре войскового правления являлись лишними. Такой контроль был тягостным и для самих уездных начальников, которые, кроме своих прямых обязанностей, должны были еще и следить за соблюдением станичными обществами инструкций. Поэтому одним из побуждающих мотивов нового положения было стремление упорядочить систему управления войском, исключив из нее гражданские власти или, по крайней мере, ограничив их влияние до минимума.

Разработка нового положения была связана и с тем, что правительство Александра III взяло курс на контрреформы. Была провозглашена незыблемость самодержавия, а казачество становилось одной из его основных опор. Поэтому необходимо было, как можно сильнее обособить казака от крестьянина. Новое положение должно было учитывая эти, а также ряд других факторов, реформировать институт самоуправления в казачьих войсках, при этом не изменяя сами основы самоуправления, сложившиеся в результате издания Положения 1870 г.

3 июня 1891 г. было Высочайше утверждено новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» [2, т. XI. СПб., 1894. № 7782]. Одним из основных изменений, вводимых новым положением, стало, в частности в Сибирском казачьем войске, переложение функции контроля за делами общественного управления с уездных начальников на атаманов отдела. Станичное управление по-прежнему состояло из станичного сбора, станичного атамана, станичного правления и станичного суда.

Положение 1891 г., наряду с сохранением неизменными многих статей из Положения 1870 г., содержало и ряд новых принципиальных изменений. На станичном и поселковом сходах теперь должны были участвовать не все жители поселения, а избранные ими по особой системе выборные. Это, с одной стороны, упрощало работу сбора, участников становилось меньше, и было проще решать отдельные вопросы, а с другой – отрезало от сбора значительную часть населения, которое могло высказывать свое мнение только через своих выборных, со всеми вытекающими из этого последствиями. Был незначительно увеличен круг избираемых обществом лиц, появился новый институт – суд почетных судей, который являлся высшей, по отношению к станичному суду, инстанцией и мог, соответственно, пересматривать его решения. Еще одним важнейшим нововведением Положения 1891 г. стала передача ближайшего контроля за работой института общественного самоуправления от внешнего гражданского института власти – уездного начальника, к внутреннему, казачьему, институту – атаману военного отдела. Это во многом упростило функционирование как Сибирского казачьего войска в целом, так и учрежденного в нем института самоуправления, так как, в отличие от уездного начальника, атаман отдела был «своим» и мог разобраться с проблемами казаков «непредвзято». Изменилась важная статья, разрешавшая войсковому начальству, в случае серьезных нарушений в общественном управлении, временно назначать атамана не по выбору, а по назначению. В особых же случаях разрешалось и вовсе приостановить функционирование института общественного управления в отдельной станице или поселке до разрешения ситуации.

В целом, можно сделать вывод, что новое положение полностью соответствовало времени. Большинство вопросов войско разрешало самостоятельно, лишь по ряду из них обращаясь в Военное министерство. Функционирование института самоуправления в войске новым положением было в большей степени упорядочено и регламентировано, а сам этот институт был поставлен под контроль и надзор внутренних казачьих структур и должностных лиц – войскового наказного атамана, войскового хозяйственного правления и атаманов отделов. Сложившиеся на основе Положения 1891 г. институты управления и самоуправления в Сибирском казачьем войске просуществовали без существенных изменений до начала Гражданской войны.

Созданное в 1808 г. Сибирское линейное казачье войско изначально являлось полностью милитаризованной военно-поселенной структурой, без каких-либо элементов гражданского управления. С середины XIX в. в связи с частичной утратой военно-охранных функций, передвижкой границ на юг, а также с большими затратами на содержание, назрела необходимость в изменении самого Сибирского казачьего войска. С изданием в 1861 г. нового Положения Сибирское казачье войско в гражданском отношении стало подчиняться генерал-губернатору Западной Сибири, получавшему звание Войскового наказного атамана. Важным элементом стало введение выборности для станичных должностей.

Окончательно разделение военной и гражданской функций управления произошло в результате реформ 1869–1872 гг. С началом контрреформ и объявлением казачества оплотом самодержавия изменилось и отношение к казачьим войскам. Были изданы указы, усиливавшие сословную замкнутость казачества, контроль над деятельностью станичного управления, согласно Положению 1891 г., вновь перешел к войсковым структурам. Однако элементы общественного управления, заложенные Положением 1870 г., сохранились, хоть и претерпели ряд изменений. Структура управления, сформировавшаяся к концу XIX в., оставалась практически неизменной вплоть до начала Гражданской войны.

Список источников и литературы:

1. *ПСЗ РИ – II*: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 г.]: [В 55-ти т. с указ.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885.

2. *ПСЗ РИ – III*: [С 1 марта 1881 года по 1913 г.]: [В 33-х т.]. СПб.; Пг.: Гос. тип., 1885–1916.

A.Y. Adam

Siberian Cossack Host:
new aspects of administration in second half of XIX century.

Summary. This article is devoted to the main stages in changes of administration of the Siberian Cossack Host in second half of XIX century. The text presents the evolution of administration of the Siberian Cossack Host from the rigid centralized structure to a peculiar symbiosis of centralized management in the host with the self-government on the village and habitation levels of administration.

Key words: local government, self-government, Cossacks, the Siberian Cossack Host, administration.

УДК 94 (571)

А.П. Сорокин

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НИКОЛАЙ ГЕННАДИЕВИЧ КАЗНАКОВ: ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности генерал-губернатора Западной Сибири, «просвещённого покровителя образования и науки в крае» Николая Геннадиевича Казнакова (1823–1885). Основное внимание уделено осмыслению роли его личности в сибирской истории в воспоминаниях современников, трудах историков и краеведов, выявлению архивных и генеалогических источников. Освещены спорные моменты биографии, касающиеся его семьи, родственных связей, вклада рода Казнаковых в историю России, сохранения исторической памяти о нём.

Ключевые слова: генерал-губернаторы Западной Сибири, ЗСО ИРГО, город Омск, эпоха Реформ, офицерский корпус, генеалогия российского дворянства, Школа гвардейских подпрапорщиков, Пензенская губ., Акмолинская обл., историческая память.

Генерал-губернатор Западной Сибири, командующий войсками Западно-Сибирского военного округа, войсковой наказной атаман Сибирского казачьего войска, занимавший эти посты с 1 января 1875 г. по 19 февраля 1881 г., генерал-лейтенант, впоследствии генерал от инфантерии, генерал-адъютант Николай Геннадиевич Казнаков (1823–1885 гг.) вне всякого сомнения представляет собой одну из самых выдающихся личностей позапрошлого столетия, чья судьба неразрывно связана с Омском. Именно поэтому интерес к основателю Западно-Сибирского отдела географи-

ческого общества и его музея, выдающемуся администратору своего времени имеет не только сугубо научный смысл. Омичам в год 300-летия Омской крепости нелишне напомнить об основных моментах его биографии, попытаться осмыслить жизненные обстоятельства, которые привели в наш край столь неординарного даже на современном ему фоне человека.

Таким образом, задачей нашей статьи является, с одной стороны, набросок к портрету «просвещённого покровителя образования и науки в крае» как в досибирский период его жизни, так и в краткое, но и весьма знаменательное время пребывания его в Омске. Омский период также нуждается в детализации по имеющимся архивным и опубликованным источникам. Всё же, как справедливо отмечают исследователи, полной научной биографии Н.Г. Казнакова до сих пор нет [1].

Первым биографом Казнакова стал Александр Игнатьевич Чудовский, член ЗСОИРГО в 1893–1904 гг., опубликовавший очерк о нём в «Юбилейном сборнике» к 25-летию Западно-Сибирского отдела в 1902 г. [2]. Правильнее было бы отметить как первых и главных биографов-мемуаристов двух наших выдающихся земляков, близко и хорошо знавших Николая Геннадиевича: Н.М. Ядринцева (1842–1894) и Г.Е. Катанаева (1848–1921). Однако первый, как «столоначальник 1-го отделения Главного управления Западной Сибири» опубликовал о нём лишь небольшие очерки в дореволюционной периодике, касающиеся университетского вопроса в Сибири и автобиографии самого Ядринцева [3], вторично они были опубликованы в серии «Литературное наследство Сибири» [4, с. 315–319, 335–338].

Всё же наиболее подробные, уникальные по живости и красочные воспоминания о Казнакове нам оставил Георгий Ефремович Катанаев. Как преподаватель истории и географии Сибирской военной гимназии он был отмечен Казнаковым и отправлен им для продолжения образования, а затем назначен старшим адъютантом Казачьего отделения Штаба Западно-Сибирского военного округа [5, с. 103–104]. Глубокую благодарность своему шефу и покровителю Катанаев пронёс через всю свою жизнь. В 1913 г., к 25-летию Томского университета, Катанаев подготовил обширный доклад, прочитанный им в Омске 27 июня 1913 г. в совместном заседании ЗСО ИРГО, ООМОСХ и других общественных организаций. В этом же году для «Исторического Вестника» он подготовил обширный очерк «К 25-летию Сибирского университета. Из воспоминаний об инициаторах учреждения этого университета», хранящийся в его личном фонде в ГИАОО [6, ф. 366, оп. 1, д. 359, л. 15–149]. В 2012 г. он опубликован в очередном архивном сборнике трудов Катанаева [7, с. 129–143, 149–155, 165–171, 176-178].

Биографические сведения о Казнакове имеются и в воспоминаниях сослуживца Казнакова И.Ф. Бабкова, начальника штаба округа и первого председателя ЗСО ИРГО [8, с. 552-558]. Последними крупными историко-биографическими очерками о Казнакове становится, с одной стороны, общеизвестный в Омске труд В.Ф. Семёнова, изданный в 1927 году, где Казнаков рассматривается в контексте создания ЗСО РГО, как его инициатор [9, с. 4–5, 19]. С другой стороны, это очерк П.И. Ходакова «Генерал-адъютант Н.Г. Казнаков», опубликованный в 1934 г. в Харбине в войсковом юбилейном сборнике Сибирского казачьего войска под редакцией Е.П. Березовскаго «Сибирский Казак», долгое время бывшем малодоступным для читателя [10, с. 108–112; 11].

С момента возвращения интереса к деятельности администраторов дореволюционной России наибольший вклад в изучение биографии Казнакова внесли А.В. Ремнев [12, с. 46–60; 13; 14, с. 611–613], П.П. Вибе [15–19] и А.В. Жук [1]. А.В. Ремневу принадлежит несомненное первенство во всестороннем анализе деятельности Казнакова как генерал-губернатора. П.П. Вибе суммировал как доомскую, так и сибирскую часть биографии Казнакова как основателя краеведческого музея и ЗСО ИРГО, опубликовал ряд популярных очерков и энциклопедических статей о нём. А.В. Жук первым поставил задачу всестороннего анализа биографии Николая Геннадиевича, и именно он

вместе с мемуаристом Катанаевым наиболее приблизились к постижению личности генерал-адъютанта Казнакова [1].

Краткие биографические сведения о Казнакове имеются и в энциклопедиях: «Русский биографический словарь», под редакцией А.А. Половцева [20], «Военная энциклопедия» Издания Товарищества И.Д. Сытина (1913) [21], а также «Энциклопедия Омской области» и «Энциклопедический словарь города Омска» [22; 23]. Существует и ряд популярных публикаций о генерале, затрагивающих различные неожиданные детали в его деятельности. Это, например, небольшая заметка автора (совместно с А.М. Лосуновым) в брошюрке-буклете о двух «почётных гражданствах» Казнакова (Омском и Бердичевском), статья о Казнакове, как основателе музея в Известиях ОГИК музея [24; 25], статьи К.В. Канаки, П.П. Вибе и др. [26; 27]. Интересно было бы проследить и упоминание Казнакова в трудах по русской истории периода «великих реформ». Пока удалось обнаружить упоминание «полковника Казнакова» в обширной биографии Императора Александра II, написанной в 1902 г. С.С. Татищевым, как «воспитателя молодых великих князей» – детей Императора [28, с. 97].

Архивные и опубликованные источники также достаточно разнообразны. Это, прежде всего, послужные списки генерала в РГВИА и РГИА, с которыми работали П.П. Вибе, А.В. Ремнев, А.В. Жук [29, ф. 489, оп.1, д. 7106, л. 963–980; 29, ф. 400, оп. 12, д. 15474, л. 2–14; 30, ф. 1162, оп. 6, д. 220]. Там же хранятся материалы по периоду обучения Казнакова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, обработанные А.В. Жуком [29, ф. 321, оп. 1, д. 246, 134 л.; 29, ф. 321, оп. 1, д. 15, 132 л.; 29, ф. 321, оп. 1, д. 511, л. 33–34; 29, ф, 321, оп. 1, д. 511, л. 56–59]. В библиотеке Тобольского государственного музея-заповедника хранятся печатные экземпляры Всеподданнейших отчётов Генерал-губернатора Западной Сибири за 1875–1878 гг., а также речь-некролог, опубликованная в Акмолинских областных ведомостях в 1885 г. [31]. В архиве РГО (в Санкт-Петербурге) имеется переписка Казнакова с обществом по поводу открытия отдела [32]. Наконец, в Историческом архиве Омской области, основные материалы о деятельности Казнакова, сосредоточены в фонде ЗСО ИРГО (№ 86), включающий отчёты отдела за 1878 – 1880 гг. (в том числе печатные), его переписку, а также списки пожертвований в музей, и в фонде Главного управления Западной Сибири (№ 3), из которых автором использована только малая толика. Эти материалы содержат информацию о деловых поездках Казнакова в столицу и по вверенному ему краю, принятии почётных званий, рукописные копии Всеподданнейших докладов Императору Александру II, а также краткий послужной список генерал-губернатора [6, ф. 86, оп.1, дд. 6, 11; 33, ф. 3, оп. 8, дд, 12536, 12592, 12617, 13376; оп. 9, дд, 14472, 14511, 14525, 14680, 15231, 15930].

Важным источником для истории рода Казнакова, истории семьи стали многочисленные существующие ныне генеалогические сайты, ранее не известные исследователям, а также работы тверских краеведов [33]; примечательно, что пензенское краеведение пока никак не освещает биографию своего земляка по рождению (ни в Пензенской, ни в Наровчатской энциклопедии статей о Казнакове нет). Наиболее важным источником, проясняющим сложные моменты из биографии Казнакова и его семьи является хранящийся в РГИА в С.-Петербурге обширный личный фонд Казнаковых, включающий материалы по истории рода, а также документы Н.Г. Казнакова и его сыновей Сергея и Александра Николаевичей [30, ф. 948, оп. 1–2, 388 дел за 1776–1918 гг.]. Фонд содержит личные документы и документы о прохождении службы Казнаковыми, их личную переписку, фотографии, рисунки, материалы по имениям в Киевской, Новгородской, Петербургской, Самарской, Тверской и Уфимской губ. Также в фонде имеются материалы, связанные со служебной деятельностью Н.Г. Казнакова: всеподданнейшие доклады, отчеты, рапорты его и др. документы о проведении в жизнь крестьянской реформы 1861 г. в Киевской губ.; об управлении Киевской губ., о ликвидации польского восстания 1863 г.; по разным вопросам управления Западной Сибирью (строительстве

железных дорог, открытии учебных заведений, торговле с Китаем и др.) [30, ф. 948, Аннотация к описи. [Электронный ресурс]: http://fgurgia.ru/showObject.do?object=27613145]. Также в этом фонде оказались детские рисунки и «рапорты» «подопечных» Николая Геннадиевича – великих князей Николая (Наследника Цесаревича, старшего сына Императора Александра II – А.С.), Александра (III) и Владимира Александровичей (1854–1856).

История рода Казнаковых уходит корнями в седую древность. Среди рода Казнаковых были выдающиеся военные и политические деятели. Казнаковы — русский дворянский род. Предок их Василий Кознакович выехал из Золотой Орды в XV в. В XVII в. трое Казнаковых убиты в боях с неприятелями. Многие Казнаковы служили в стольниках, стряпчих и дворянах московских. Род Казнаковых внесен в VI часть родословной книги Тверской и Ярославской губерний.

Надо сказать, что дворянский род Казнаковых, кроме Старицкого, имел родовые имения в Зубцовском и Новоторжском уездах. Это была традиционно-потомственная офицерская семья, со своими сложившимися устоями и обычаями. Многие из них служили верой и правдой Отечеству, некоторые получили даже генеральские чины. Дед Казнакова – сенатор Иван Никитич Казнаков, имения которого – Казнаково и Борыково находились в Старицком уезде Тверской губернии. Эти земельные территории были пожалованы в XVI веке воеводе Фёдору, впоследствии убитому в ходе Ливонской войны под Юрьевском. В семье Ивана Никитича рождено 7 детей – 5 мальчиков и 2 девочки [33].

Отец Николая Геннадиевича – Геннадий Иванович Казнаков (1792–1851), помещик Новоторжского и Старицкого уездов Тверской губернии. В службу вступил во 2-й кадетский корпус кадетом 8 марта 1804 г., обучался в 1804–1806 гг. Геннадий Иванович изначально имел 260 дес. земли в имении Казнаково Старицкого уезда. За короткое время военной службы в возрасте 34 лет дослужился до звания генерал-майора. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода 1814 г. «Выйдя» из корпуса 4 ноября 1806 г. прапорщиком, Г.И. Казнаков служил в лейб-гвардии Семеновском полку, участвовал в сражениях при Гутштате, Гейльсберге и Фридланде в 1807 г., в битве с французами под Фридландом получил контузию в грудь и золотую шпагу «За храбрость» [1]. Награжден многочисленными орденами. В отставку вышел генерал-майором, но состояния за годы службы не приобрел, скорее, наоборот: как в 1809 г. за ним было 300 душ крестьян, так те же 300 душ числились и в 1842 г. Скорее всего, не мог генерал и выучить сына на своем коште, хотя уже к концу жизни Николая Геннадиевича Казнаковым принадлежало более 3000 десятин земли в шести губерниях Европейской России, не считая недвижимости в Петербурге [30, ф. 948, оп. 1, предисловие].

Мать нашего Казнакова – Надежда Васильевна (урождённая Куломзина) вышла замуж за Геннадия Ивановича в 1822 г. У них было четверо сыновей и две дочери – Наталья (1831 г.р.) и Надежда (1836 г.р.). Из братьев, помимо Николая, был ещё старший – Василий Геннадиевич (1822–1877), инженер Министерства путей сообщения, начальник 1-го округа путей сообщения [30, ф. 948, оп. 1, предисловие; 34, http://www.r-g-d.org/K/kaznchev.htm] и средний – Яков (1827–?). Младший брат Казнакова, генерал-майор Геннадий Геннадиевич Казнаков (1833–1870), так же как и его старший брат, удостоился попасть на страницы «Военной энциклопедии». Он родился в родовом имении Казнаково Старицкого уезда. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. Умер 13 сентября 1870 г., похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры [20, с. 384].

Для осмысления личности Казнакова обратимся к самому раннему этапу его жизни, истории его семьи. Вслед за А.В. Жуком начнём с проблемы уточнения даты рождения Николая Геннадиевича. Изученные документы Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в которой учился Н.Г. Казнаков, называют наиболее точный день его рождения – 8 декабря 1823 г., (соответственно, по новому стилю – 20 декабря). Биобиблиографический справочник Ши-

лова уже определённо указывает на 8.12.1823 и называет место рождения Николая Геннадиевича – существующее и ныне село (а тогда – город, с 1780 до 1926 г., родина писателя А.И. Куприна) Наровчат Пензенской губернии [1]. Город Наровчат Пензенской губернии, существовавший ещё в золотоордынские времёна город Мохши и превратившийся со временем в мордовское село – Наровчатское городище – в 1780 г. стал уездным городом Наровчатского уезда Пензенского наместничества, в 1798 г. оставлен за штатом, в 1803 г. опять стал уездным городом. С 1926 г. по настоящее время — село, районный центр Пензенской области (с 1939).

Николай Геннадиевич, несмотря на средний достаток семьи, получил элитное военное образование. Отец определил его в Пажеский корпус. В 1838 г. в систему пажеской подготовки в С.-Петербурге включается Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. По существу, школа представляла из себя военный университет. С 1838 г. прием в школу должен был осуществляться по конкурсному экзамену из детей 13–15 лет, желающих служить в гвардии; срок обучения увеличивался с 2-х до 4-х лет. По окончании школы лучшие юнкера производились в офицеры наравне с камер-пажами, а прочие – наравне с обычными пажами. И в первом же наборе приказом от 3 ноября 1838 г. в эскадрон школы зачисляется 15-летний Николай Казнаков.

Учился Н. Казнаков отлично, из класса в класс переходил неизменно первым. Начиная с младшего, 1-го класса, постоянно «наряжался» (т.е. отправлялся «в наряд». – *А.С.*) для принесения поздравлений великому князю Александру Николаевичу - наследнику цесаревичу (будущему Императору Александру II. – *А.С.)* , командиру гвардейского и гренадерского корпусов. Уже в 1839 г. Школа разместилась в новом здании – по Измайловскому (с 1914 г. – Лермонтовскому) проспекту близ Обводного канала. Здесь Школа (с 1864 г. Николаевское кавалерийское училище) оставалась до расформирования. Эту же школу оканчивали позднее – М.П. Мусоргский и П.П. Семенов-Тян-Шанский. Последний, кстати, поступил в школу на казенный счет в 1842 г. – в год выпуска из нее Н.Г. Казнакова.

5 сентября 1839 г. юнкер Н. Казнаков назначается первым вахмистром (по-нынешнему – старшиной) эскадрона. Разумеется, здесь сыграли роль не только успехи в учебе, но и некоторые другие качества Н. Казнакова. В помощь вахмистру назначались, из других достойных юнкеров, отдельные и младшие унтер-офицеры. В должности вахмистра Н. Казнаков бессменно пробыл до 1842 г., лишь перед выпуском он был переименован в старшие вахмистры. Школу Н.Г. Казнаков окончил также первым, имея по каждому из предметов полные 12 баллов; имя его было занесено на белую мраморную доску в рекреационном зале – высшая степень отличия юнкера, учрежденная в декабре 1836 г. [1].

Разумеется, на распределении Н.Г. Казнаков имел право первым выбрать вакансию из числа представленных штабом Отдельного гвардейского корпуса. Разбор вакансий состоялся 26 июня 1842 г., и Казнаков пожелал служить в лейб-гвардии Кавалергардском ее величества полку, самом привилегированном полку русской армии; основной функцией полка было несение придворной и коронационной службы. Перед теми, кто выходил в этот полк, открывалась самая блестящая карьера. Однако Н.Г. Казнакова подвели внешние данные: он был невысок, а кавалергарду следовало иметь как минимум 10-вершковый рост, дабы прилично смотреться на 5 – 6-вершковой лошади [1; (чтобы получить рост человека к стандартным двум аршинам (142 см) добавляются вершки: 10 вершков – это + 44 см (186 см), пять вершков – 168 см. Надо полагать, что рост Казнакова был около 170 см)].

И тогда Н.Г. Казнаков избирает, вместе с шестью товарищами (Балашевым, Глебовым, Дьяковым, Зборомирским, Приклонским и Леоновым), нечто прямо противоположное – лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, – полк молодой и скромный, стоящий под Новгородом на

берегах Волхова. Гродненский лейб-гвардии гусарский полк был размещён в так называемых Селищенских казармах в военных поселениях Новгородской губернии, где и пребывал в эпоху службы Казнакова до самой Крымской войны [35, с. 499–500]. Именно оттуда началась блестящая карьера Казнакова. Шефом полка с момента рождения (1843) почти до своей безвременной кончины состоял Наследник Цесаревич, вел. кн. Николай Александрович, старший сын Императора Александра II и будущий воспитанник Николая Геннадиевича. По стечению обстоятельств в 1843 г. здесь же начинал службу другой выдающийся администратор пореформенного времени и покровитель Казнакова – генерал-губернатора, «диктатор сердца» М.Т. Лорис-Меликов.

Итак, Николай Геннадиевич Казнаков после четырех лет обучения в Школе гвардейских подпрапорщиков вступил в службу корнетом в лейб-гвардейский Гродненский гусарский полк. Прослужив три года, в 1845 г. поступил в Императорскую военную академию (позднее вошла в историю как Николаевская академия Генерального штаба). В 1847 г. первым по выпуску, с награждением большой серебряной медалью, окончил Военную академию и в январе 1849 г. в чине капитана переведен в гвардейский Генеральный штаб. С 1850 по 1853 г. преподавал тактику в Военной академии. В октябре 1853 г. произведен в полковники. С 1853 по 1861 г. состоял при сыне императора Александра II великом князе Владимире Александровиче, причем в феврале 1855 г. пожалован во флигель-адъютанты, а в апреле 1858 г. произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту Его Императорского Величества. В 1861 г. был командирован в Калужскую губернию для наблюдения за введением в действие Положения о крестьянской реформе. В июне 1861 г. назначен начальником штаба Отдельного гренадерского корпуса. В январе 1864 – ноябре 1866 г. киевский военный губернатор, управляющий и гражданской частью. За борьбу с эпидемией холеры пожалован в Почетные граждане города Бердичева. В 1865 г. произведен в генерал-лейтенанты, а в апреле 1867 г. пожалован в генерал-адъютанты. В январе 1872 г. назначен членом Главного военно-тюремного комитета.

1 января 1875 г. генерал-адъютант Николай Геннадиевич Казнаков назначен генерал-губернатором Западной Сибири, Войсковым Наказным атаманом Сибирского казачьего войска и командующим войсками Западно-Сибирского военного округа. Представим себе город Омск середины лета 1875 г. Чиновный люд столицы Западной Сибири в глубоком волнении. Ждут приезда нового генерал-губернатора. После отъезда Хрущева из Омска настало междуцарствие – новый начальник замешкался с приездом, и власть временно была разделена между несколькими лицами… И вот прибыл новый генерал-губернатор и командующий войсками в Западной Сибири – Николай Геннадиевич Казнаков. Вот каким он предстает перед нами в описании современника-омича: «Светлый ум, большая начитанность, превосходная память, сдержанность и такт, приобретенные постоянным вращением в высшем обществе, изящные манеры, постоянная приветливость и деликатность в общении были отличительными качествами Казнакова. Если же к этому присодинить красивую и симпатичную наружность, то про него можно было сказать, что Прометей вылепил его из самой лучшей глины. Обладая блестящими способностями и занимая важные административные должности – как по военной, так и по гражданской части, Казнаков вступил в управление войсками и краем, будучи вполне определенным государственным человеком, имевшим за собой опыт, знание дела, ясно определенную систему действий» [8, с. 552].

С первых же дней приезда Н.Г. Казнакова в Омск для местного чиновничества от Обдорска до Верного началась «страдная пора». Желая поближе познакомиться с лицами, которые должны были стать более или менее видными его сотрудниками в деле управления обширным краем, Николай Геннадиевич, по старой привычке профессора Академии Российского генштаба, произвел им письменный экзамен. Заданы были «сочинения»: на темы по делам и поручениям, «наичаще» встречающимся по службе при прежнем генерал-губернаторе Хрущеве, требовалось также опи-

сать кратко вверенные им уезды края с приложением карт этих уездов. … Как общий результат этих письменных экзаменов, было появление во всех уездных управлениях, тем или иным путем составленных, воистину энциклопедических справочников и описаний уездов и городов Западной Сибири, снабженных даже статистическими выкладками за год. Так было положено начало этим рукописным справочникам, которые затем ежегодно лишь подновлялись, являясь незаменимым пособием для добросовестного администратора [7, с. 133–134].

Сразу же по назначении в Западную Сибирь, еще находясь в Петербурге, Казнаков в течение 4-х месяцев не отвлекаясь прорабатывает всю литературу того времени, результатом чего явились выписки о нуждах «вверенного его управлению» края. Обладая полномочиями генерал-губернатора Западной Сибири, командующие войсками округа ставили перед правительством вопросы, направленные на развитие в регионе народного образования, науки, здравоохранения, строительства дорог, переселенческой политики, народов, населявших Сибирь, и многие другие.

Придавая первенствующее значение предварительному научному обследованию каждого вновь возникающего вопроса государственного и общественного значения, как основы целесообразности его разрешения, Казнаков старался всеми зависящими от него способами облегчить заинтересованным в этом лицам и учреждениям возможность получения и использования имеющегося научного материала. По его настоянию, в Акмолинской и Семипалатинской областях учреждены были областные статистические комитеты с привлечением в состав их всех наличных сил. В тех же целях, в апреле 1877 г., для точного выяснения численности и состава населения Омска, его занятий и промыслов, грамотности и проч. – в Омске организована была одна из первых в России однодневная перепись.

Результаты такой статистической работы не оставались «вещью в себе». Они становились необходимым инструментом в руках талантливого администратора. Казнаков всегда следовал правилу: «Работать, чтобы изучать, а изученное – использовать для работы»... Так, в 1875 г. генерал Н.Г. Казнаков, доказывая необходимость учреждения в Западной Сибири высшего учебного заведения, писал: «Не имея университета, Сибирь не могла из своих уроженцев воспитать ни одного образованного поколения, которое бы всецело посвятило ей, как родному месту, свои полезные силы».

Так, работая без устали, Казнаков своим примером увлекал и своих подчиненных. «Я помню, что в одно и то же время, – вспоминает И.Ф. Бабков, – я был председателем пяти разных комиссий, на обязанности которых лежала разработка разных вопросов по гражданской части, требовавших специальных знаний и опытности. Несмотря на всю трудность такой задачи, работалось легко. Мы все знали, что встретим сочувствие, внимание и справедливую оценку наших трудов со стороны главного начальника края» [8, с. 557].

В 1878 г. произведен в генералы от инфантерии [По другой версии, которой придерживаются тверские краеведы и военная энциклопедия Сытина – генерала от кавалерии. Автору это представляется более логичным, поскольку начинал Казнаков службу в гусарском полку. Однако в предисловии к описи ф. 948 РГИА и современных архивных справочниках значится генерал от инфантерии. – *А.С.*]. Состоя в должности командующего войсками, уже в Омске получил орден св. Александра Невского. Талантливый администратор сумел окружить себя способными и во всех отношениях порядочными людьми. В этом, по-видимому, заключается суть административного таланта. Но и нагрузка часто превосходит человеческие возможности. Так и случилось с Николаем Геннадиевичем. Постоянное нервное и физическое напряжение не прошло бесследно. В 1880 г. он тяжело заболел и уехал в продолжительный отпуск, а затем вышел в отставку. В 1881 г. Николай Геннадиевич по расстроенному здоровью был уволен от занимаемой должности и назначен членом Государственного Совета.

Тем не менее, пробыв в Сибири всего пять лет, Казнаков смог сделать многое, а задумать ещё больше. Подводя итог многогранной деятельности Казнакова, следует подчеркнуть, что в период правления Н.Г. Казнакова в Западной Сибири был проведен целый ряд прогрессивных мероприятий в области образования, науки, управления и путей сообщения.

При Николае Геннадиевиче были открыты мужская гимназия в Омске (1876 г.), реальные училища в Томске (1876 г.), Барнауле, Тюмени (1879 г.); женская прогимназия в Омске (1877 г.) и Бийске (1879 г.) для всех сословий. Тогда же при непосредственном участии Н.Г. Казнакова на войсковые средства был учрежден приготовительный пансион для детей офицеров и чиновников Сибирского казачьего войска. Заботясь о развитии в степях гражданственности и сближении кочевых инородцев с прочими категориями населения, Казнаков в ряде городов открывает интернаты для обучения киргизских мальчиков грамоте и ремеслам. В 1877 г. такой интернат появился и в Омске.

В 1878 г. Казнаков представил прошение к императору Александру II об открытии первого в Сибири университета, который был заложен в Томске в 1880 г. По его инициативе и содействии были снаряжены экспедиции в Монголию, северную провинцию Китая, Горный Алтай, на север Тобольской губернии. При нем в Омске был открыт ЗСО ИРГО и музей, переданный затем в ведение отдела.

В 1880 г. Омская городская Дума исходатайствовала Н.Г. Казнакову звание почетного гражданина Омска. Следует отметить, что омское почетное гражданство являлось для Н.Г. Казнакова вторым по счету. В бытность Киевским генерал - губернатором он был удостоен по ходатайству Бердичевского городского общества звания почетного гражданина вышеозначенного города «за оказанное этому городу попечение во время эпидемии холеры». В адресе, врученном генерал-губернатору, отмечались его заслуги перед городом Омском и, особенно, в развитии образования и учреждения речного пароходства на Иртыше.

В 1883 г. смертельно больной Николай Геннадиевич получил бриллиантовый перстень с изображением Государя Императора. За свою карьеру он был награжден многочисленными орденами России: орденом Св. Анны 3-й ст. (1849), 2-й ст. (1852), 1-й ст. (1863); орденом Св. Владимира 4-й ст. (1856), 3-й ст. (1856), 2-й ст. (1865); орденом Св. Станислава 1-й ст. (1860); орденом Белого Орла (1869); орденом Св. Александра Невского (1876), орденами Пруссии, Дании и Австрии.

Николай Геннадиевич скончался в Санкт-Петербурге 12 февраля 1885 г. на 62-м г. жизни; похоронен в Александро-Невской лавре. На его похоронах присутствовал император Александр III (его ученик. – *А.С.*), члены Императорской фамилии. Он умер, так и не увидев расцвет своего любимого детища – первого научного учреждения в Западной Сибири, одноименного отдела Императорского Русского Географического общества, Сибирского музея при отделе и Сибирского университета.

По свидетельству первого председателя ЗСО ИРГО, начальника штаба округа генерала И.Ф. Бабкова, «Казнаков был человек большого ума и, безусловно, честных стремлений. Это был человек, обладавший возвышенным образом мыслей, редким тактом и умением окружать себя талантливыми сотрудниками. Замечательно ясный ум, которым обладал Казнаков, его редкие дарования, приятные манеры, быстрота соображений, находчивость, такт и знание света давали ему возможность скоро ориентироваться в самых разнообразных сферах деятельности. Предпринимая улучшение разных отраслей по управлению краем, Н.Г. Казнаков всегда предварительно старался всесторонним образом ознакомиться с делом и тщательно изучить его. Углубляясь в каждое дело, он находил в нем новые пути и горизонты. Из всех генерал-губернаторов Западной Сибири Казнаков более других понимал, что правительственное воздействие на эту страну только тогда может быть плодотворным, когда она будет хорошо исследована и изучена, и когда представители пра-

вительственной власти будут иметь под рукой все необходимые материалы для полного ознакомления с Сибирью и ее обитателями» [8, с. 556].

Завершая рассказ о Николае Геннадиевиче, следует сказать и о достойных потомках Казнакова. Он был женат (с февраля 1853 г.) на Елизавете Сергеевне Неклюдовой (1828–1906), дочери действительного статского советника Сергея Петровича Неклюдова (1790–1874) и его жены Варвары Ивановны, урождённой Нарышкиной (1790–1874).

Елизавета Сергеевна, будучи «первой леди» Омска, возглавляла в 1875–1881 гг. Омское благотворительное общество. Её сестра Екатерина Сергеевна Неклюдова (Замятнина) (1812-?) была замужем за разработчиком судебной реформы 1864 г. министром юстиции Д.Н. Замятниным (1805–1881). Их дочь Екатерина Замятнина (р.1842– ?), племянница жены Н.Г. Казанкова, была замужем за членом Государственного совета, хорошо известным омичам действительным тайным советником статс-секретарём А.Н. Куломзиным, который был Казнакову родственником по матери Н.Г. [36, http://www.r-g-d.org/N/nekrasov.htm#НЕКЛЮДОВА ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА 1828].

Старший сын Казанкова – Николай Николаевич (12 января 1856–15 апреля1929, Канны, Франция) (Ника, как называет его Катанаев в своих воспоминаниях), в 1913 году – генерал-лейтенант, начальник лейб-гвардии Сводной кавалерийской дивизии, после революции проживал в эмиграции [5]. Окончил Пажеский корпус (1874). Выпущен корнетом (07.08.1874) в Кавалергардский полк. Поручик (29.04.1877). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и 1-й Мировой войны. 23.12.1910 г. назначен начальником 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, во главе которой вступил в Первую мировую войну. В 1914 г. командовал сводным конным отрядом. В начале сентября 1914 г. его дивизия вошла в конную группу ген. В.А. Орановского. За бои в октябре 1914 г. награжден Георгиевским оружием (февр. 1915). Впоследствии генерал от кавалерии (15.1.1917). После Февральской революции во время чистки высшего комсостава 10.4.1917 г. заменен В.А. Черемисовым и зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию [36; 37].

Значительных успехов на службе Отечеству добились также и двое младших сыновей Николая Геннадиевича. Так, Сергей Николаевич Казнаков (4/16 января 1863 – 19 апреля 1930 гг.), действительный статский советник, шталмейстер, был секретарём главнокомандующего Тихоокеанской эскадры, участником кругосветного плавания на крейсере «Дмитрий Донской». Окончил Императорский Александровский лицей. Работал в ведомстве Министерства иностранных дел, искусствовед, автор работ по генеалогии. В 1919–1921 гг. ассистент историко-художественного отдела Эрмитажа. В 1921 г. выслан из Петрограда за границу. Жил во Франции, умер в Париже, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа [38]. В личном фонде Казнаковых сохранились работы С.Н. Казнакова о политическом положении в Сербии и Турции в конце XIX в., а также по вопросам изобразительного искусства, материалы о плавании крейсера «Дмитрий Донской» (1893 г.): журнал плавания, рапорты начальника эскадры и др. Александр Николаевич Казнаков (1871–1933), младший сын Н.Г. Казанкова, ротмистр Кавалергардского полка, кавалергард, участник Тибетской экспедиции П.К. Козлова [33], с 1903 г. директор Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки, впоследствии в эмиграции. В архиве сохранились материалы о его участии в географической экспедиции в Центральную Азию под руководством П.К. Козлова в 1899–1901 гг. Две дочери Н.Г. – Варвара (1865–?) и Ольга Николаевна (1866–?) – фрейлина двора Ее Императорского величества, была замужем за контр-адмиралом Александром Григорьевичем Бутаковым (1861–1917).

Эпоха Великих реформ выдвигала новые фигуры в высших кругах и на местный уровень: в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве олицетворением этих преобразований стал «просвещённый покровитель края» Николай Геннадиевич Казнаков. Именно ему выпал жребий от имени власти отозваться на запросы общества. Казнакову приходилось осуществлять свои сибирские

проекты уже на закате эпохи реформ, эпохи сотрудничества власти и общества, хрупкого компромисса, начатого Манифестом 19 февраля 1861 г. и взорванного бомбами народовольцев на Екатерининском канале.

Как профессионал генерал Казнаков отличался выдающимися профессиональными и человеческими качествами. По широте административного кругозора, энергии Казнакова справедливо сравнивали со Сперанским. Строгая законность гармонически сочеталась в нём с удивительной мягкостью и корректностью [21, с. 298]. Изящный слог собственноручно написанных «всеподданнейших докладов» государю императору, глубоко научный подход к организации управления краем, стремление собрать и сберечь вокруг себя талантливых и добросовестных управленцев всё это делает эпоху и личность Казнакова образцом и для нынешнего времени.

Список источников и литературы

1. *Жук А.В.* Первые страницы биографии Николая Геннадиевича Казнакова // История, природа, экономика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию Ом. регион. отд-ния Рус. геогр. о-ва / отв. ред. В.В. Туманцев. Омск, 2002. С. 13–15.

2. *Чудовский А.И.* Н.Г. Казнаков. Биографический очерк // Юбилейный сборник ЗСО ИРГО. Омск, 1902. С. 1–13.

3. *Ядринцев Н.М.* Светлые минуты: из воспоминаний прошлого ко дню открытия университета // Восточное обозрение. 1888. № 29.

4. *Ядринцев Н.М.* К моей автобиографии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 335–338.

5 *Ходаков П.И.* Генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев // Сибирский казак. Войсковой Юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582–1932. Харбин, 1934. Вып. 1. С.103–104.

6. *ГИАОО*

7. *Катанаев Г.Е.* Очерки былого. Омск: Омскбланкиздат, 2012. 415 с.

8. *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири (1859–1875). СПб. тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 575 с.

9. *Семенов В.Ф.* Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества. 1877-1927 // Записки Зап.-Сиб. отд. Гос. Рус. геогр. о-ва. Омск, 1927. Т. 39. 144 с.

10. *Ходаков П.И.* Генерал-адъютант Н.Г. Казнаков // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. Харбин, 1934. Вып. 1. С.108–112.

11. Сибирский казак: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.elan-kazak.ru/?q=arhiv/sibirskii-kazak-voiskovoi-yubileinyi-sbornik

12. *Ремнев А.В.* Н.Г. Казнаков и Н.М. Ядринцев: из истории общественной жизни Сибири 70-х гг. XIX в. // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск: ОмГУ, 1992. С. 46–60.

13. *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. 253 с.

14. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Казнаков Николай Геннадиевич // Власть в Сибири: XVI–начало XX в. Новосибирск, 2005. С. 611–613.

15. *Вибе П.П.* Почетный гражданин Омска: портреты генерал-губернаторов Западной Сибири // Омская старина. Омск, 1994. Вып. 3. С. 64–68.

16. *Вибе П.П.* Генерал-губернаторы Западной Сибири // Отечество. М., 1995. Вып. 6. С. 113–128.

17. *Вибе П.П.* Казнаков Николай Геннадиевич // Известия Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское Географическое общество». Выдающиеся ученые

и деятели культуры Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и ОРО ВОО «РГО». Омск, 2007. Вып. (12) 19. С. 7.

18. *Вибе П.П.* Казнаков Н.Г. // Вибе П.П. Омский историко-краеведческий словарь. / П.П. Вибе, А.П. Михеев, Н.М. Пугачева М.: Отечество, 1994. С. 101.

19. *Электронный банк данных* «Краеведение Омского Прииртышья»: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://sibmuseum.ru/sites/default/files/resource/kraeved/Personalia/kaznakov_h.htm

20. *С.Н.П.* Н.Г. Казнаков // Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. VIII. С. 384.

21. *Казнаков Николай Геннадиевич* // Военная энциклопедия. СПб.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. Т. 11. С. 298; 245 (илл.)

22. *Ремнев А.В.* Казнаков Н.Г. // Энциклопедия Омской области. Омск, 2010. Т. 1. С.434–435.

23. *Ремнев А.В.* Казнаков Н.Г. / А.В. Ремнев, П.П. Вибе // Энциклопедия города Омска: в 3 т. Омск, 2011. Т. 3: Омск в лицах. Кн. 1. А-К. С.484–485.

24. *Сорокин А.П.* Казнаков Николай Геннадиевич // Почётные граждане Омска: город в судьбах его выдающихся людей. Омск: ОГИК музей, 1998. С.17–18.

25. *Сорокин А.П.* Генерал-губернатор Западной Сибири Николай Геннадиевич Казнаков: страницы биографии // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2013. № 18. С.17–30.

26. *Канаки К.В.* Генерал-губернатор Казнаков // Вечерний Омск. 1991. 20 декабря. С. 7.

27. *Вибе П.П.* Почетный гражданин Омска //Новое обозрение (Омск). 1992. 14 февр.

28. *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М.: АСТ, 2006. 1006 с.

29. *РГВИА*

30. *РГИА*

31. *Речь по случаю кончины* бывшего генерал-губернатора Н.Г. Казнакова // Акмолинские областные ведомости (Омск). 1885. 4 с. Отд. отт.

32. *АРГО* (С.-Петербург). Ф.1. 1876. Оп.1. Д.13.

33. *Александр Шитков.* Дворянский род Казнаковых на службе Отечеству: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://starica-volga.ru/istoriya/dvoryanskij-rod-kaznakovyx-na-sluzhbe-otechestvu.html/.

34. *Всероссийское Генеалогическое Древо* [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.vgd.ru/

35. *Военная энциклопедия*. СПб.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. Т. 8. С. 499–500.

36. *Казнаков Николай Николаевич*: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://regiment.ru/bio/K/283.htm ; http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=49

37. *Казнаков Николай Николаевич*: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://pskovgrad.ru/war/pervaya-mirovaya-vojna/print:page,1,26525-kaznakov-nikolay-nikolaevich.html

38. *Российское зарубежье* во Франции 1919–2000 / Л. Мнухин, М. Авриль, В. Лосская. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.tez-rus.net/ViewGood28975.html

A.P. Sorokin

Governor-General of Western Siberia

Nikolay Gennadievich Kaznakov: understanding person

Summary. The article is devoted to the life and activities of the Governor-General of Western Siberia, «enlightened patron of education and science in the region», Nikolai Gennadievich Kaznakov (1823-1885). Emphasis is placed on understanding the role of his personality in the history of Siberia in

the memoirs of contemporaries, the writings of historians and researchers of Regional Studies, the researching archival and genealogical sources. When covering controversial points biography on his family, kinship, contribution of Kaznakov's generations to the history of Russia, preserving the historical memory of him.

Key words: governors-general of Western Siberia, ZSO IRGO, the city of Omsk, the reform era, the officer corps, the genealogy of Russian nobility, the school guard sub-officers, Penza Province, Akmola Province, Historical memory.

УДК 930.1(091)

А. Масоэро

КОЛОНИЗАЦИЯ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ

Эта статья является частью более крупного проекта по исследованию представлений о переселении и колонизации в позднеимперской России. Я в долгу перед многими коллегами, которые прокомментировали более ранние версии рукописи и обсуждали со мной эту тему. Я благодарен, в частности, М. Басину, Дж. Бербанк, М. Буттино, А. Эткинду, А. Грациози, П. Холквисту, Н. Пианциола, Е. Правиловой, П. Сартори, У. Сандерленду, Н. Суворовой и Р. Уортману. Наибольший долг, однако, к щедрой помощи Анатолия Ремнева – сибирского историка империи. Это эссе посвящено его памяти.

Данная статья была впервые опубликована на английском языке в журнале «Критика» (Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. Vol. 14. № 1. P. 59–91). Русский перевод осуществлен с разрешения автора и издателей при посредничестве переводчика И.В. Малмберг.

Аннотация. Данная работа исследует дискурс колонизации в изложении интеллектуальной и административной российской элиты, включая её неофициальную и оппозиционную составляющие. Автор прослеживает, как современное представление о переселении возникло из прежних моделей территориальной трансформации, из тщательного изучения колониального опыта Запада и из необходимости решать проблемы, созданные политическим и интеллектуальным контекстом пореформенного периода.

Ключевые слова: колонизация, переселение, Переселенческое управление.

На Всемирной выставке в Париже в 1900 г. царский павильон включал в себя специальный окраиный отдел, посвященный областям, находившимся на периферии империи. По этому случаю П.П. Семенов-Тян-Шанский подготовил карту (рис. 1), на которой была изображена линия, простиравшаяся от самых северных районов Европейской части России до Сибири, Степного края, Туркестана и Кавказа. Идея постепенной колонизации этих обширных малонаселённых территорий стала политическим императивом последнего десятилетия существования Российской империи. В своей программе реформ премьер-министр П.А. Столыпин отводил колонизации центральное место. К началу Первой мировой войны был собран значительный объем отечественной литературы по вопросам *переселения* и *колонизации*, которая представляла собой целый массив знаний, накопленных за время тщательного изучения зарубежных моделей. Литература включала в себя теоретические трактаты, практические руководства, периодические издания, такие как *«Вопросы колонизации»* (1907–1917).

В 1914 г. в одной авторитетной полуофициальной публикации было провозглашено, что «земли Азиатской России – это неотъемлемая и неотделимая часть нашего государства – в то же

время и единственная наша колония» [1, т. 1, с. VIII; Слова «неделимой и неотъемлемой частью нашего государства» созвучны первой статье Основных законов, 1906. См.: 2, p. 248, 266]. Как такая терминология стала использоваться в Российской империи? Что именно подразумевали российские авторы под словом колонизация и какие смысловые нюансы приобрело это слово в десятилетия, предшествовавшие революции?

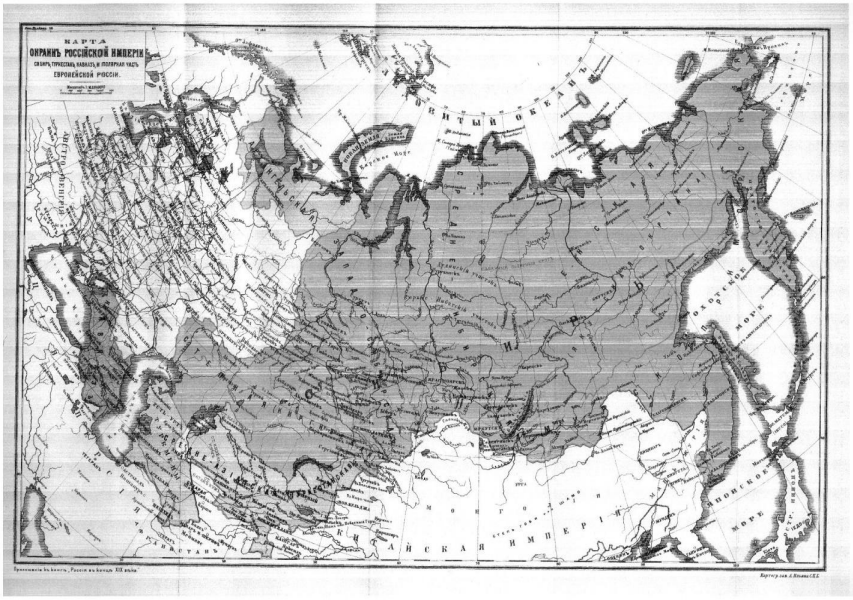

Рис. 1: Карта окраин Российской империи, П.П. Семенов-Тян-Шанский, ред., *Окраины России: Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России, с приложением карты окраин Российской империи* (СПб.: Брокгауз – Эфрон, 1900).

Понятие «колонизация» не используется здесь для описания столетий территориальной и демографической истории. Предметом анализа является не социально-экономический факт миграции крестьян, а связанная с ним концептуализация. Концепт «колонизации» был выборочно заимствован из европейской литературы примерно в середине XIX в. Здесь он рассматривается в период его появления в дискуссиях по поводу заселения и интеграции окраин империи, преимущественно восточных районов, в дискурсе, касающемся организации перемещения населения, обеспечения пребывания людей на вновь заселённых территориях и выделения ресурсов. Как и в случае других европейских экспансий, на практике российские поселения на восточных территориях были результатом «беспорядочного взаимодействия частных лиц и принудительной силы государства» [3, p. 5]. Правительственная политика была лишь одним из факторов, влиявших на развитие окраинных областей, а исследование теорий колонизации следует отделять от истории колонизованных областей, которая зависела от многих местных процессов, лежащих за пределами данного исследования.

Данная тема привлекла серьезное внимание историков, рассматривавших вопрос с различных точек зрения [Примером классических исследований по теме являются: 4–6; для историографического обзора, см.: 7; 8, p. 108–116; 9]. М. Бассин изучал отношение между географическими репрезентациями и национальным самосознанием. В. Сандерленд исследовал отношение к переселению общества в целом и его восприятие крестьянами. Он переосмыслил тему внутреннего переселения в духе дореволюционной историографии и предложил общую периодизацию миграционного процесса, необходимую для оценки неоднородности имперского подхода в поздний период. А.В. Ремнев рассматривал колонизацию как процесс институционального и ментального присвоения Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, как механизм империо- и нациостроитель-

ства. Анализ восприятия переселенцев современниками, проведенный А.В. Ремневым и Н.Г. Суворовой, является непревзойденным примером тонкого и глубокого исследования и помогает объяснить, почему политика колонизации проводилась особенно интенсивно в предвоенный период. А. Эткинд предложил культурную интерпретацию истории империи в свете концепта «внутренней колонизации». Его анализ не даёт ответа на вопрос, какие политические формы принимала эта широкая культурная парадигма в разное время, особенно когда термин колонизация явно использовался для описания миграции в периферийные районы страны [10–18; см. также 19].

В ряде современных исследований анализируется деятельность Переселенческого управления, созданного в 1896 г. как одного из ведомств Министерства внутренних дел для управления переселением крестьян за Урал. В 1905 г. оно стало частью Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) – учреждения, ответственного за аграрную модернизацию. В царский период Переселенческое управление более других ведомств на практике воплощало идеалы преобразования окраинных территорий «сверху». Деятельность Переселенческого управления характеризуется как шаг на пути становления России как современной колониальной державы (Сандерленд), как отражение «особого пути» к дискурсивной и институциональной интеграции (Ремнев), как колыбель новой технократической идеологии массовой мобилизации (Питер Холквист) [20–21].

Данная работа предлагает некий синтез, который подчеркивает новизну и разнородность концепта колонизации в пореформенный период, акцентирует внимание на изменениях и множественности целей, а не на неизменности и единичности намерений. Основываясь на фундаментальных работах А.В. Ремнева, мы также стремимся показать хронологическую и тематическую разнообразность / многоликость понятия «имперский проект колонизации».

Дискуссии по поводу колонизации не ограничивались только стремлением создать империю, расширяющую свои границы, но разворачивались в рамках идеологии социализма, национализма и либерализма, а также споров вокруг создания современного государства, включавших разногласия по поводу перспектив развития регионов и крестьянского вопроса. В этом смысле дискуссия о колонизации не являлась исключительно «имперским делом» и далеко выходила за пределы министерских канцелярий. Появление общественного мнения позволило высказывать различные точки зрения, часто они выражались противниками царского режима. Как и в других вопросах истории России, граница между чиновниками и интеллигенцией была размытой. Радикальные реформаторы часто выступали самыми ярыми сторонниками идеи перспективности восточных территорий, говоря при этом о целях, которые не всегда сочетались с официальной идеологией. Государственные представления о пространственной интеграции находились под влиянием народнических идеалов, либерального патриотизма и разного рода националистических идей, они охватывали и реализм, и технократический утопизм.

В данной работе мы проследим последовательность фаз изменения понятия колонизации (первым этот вопрос затронул Сандерленд [22]), также объясним, каким образом разные мотивы взаимодействовали на каждом этапе, взаимно подкрепляя друг друга, что позволило им преодолевать границы, разделяющие разные политические взгляды. Попытаемся показать, что предвоенное «страстное стремление к колонизации» [23] лучше всего рассматривать не просто в качестве атрибута неизменного существования России как империи, а как продукт определенного этапа истории страны: когда традиционная политическая культура расширяющегося династического государства вступила во взаимодействие с современными ценностями, которые бросали вызов её существованию и толкали к изменениям и реформам.

Колонизация без колоний

В первые десятилетия XIX в. термин «колония» использовался для обозначения успешных сельскохозяйственных поселений и экспериментов в области авторитарной социальной инжене-

рии. Последние были результатом влияния идей Иеремии Бентама, например, «штрафная колонизация», то есть депортация как средство перевоспитания заключенных и заселения территории. Иногда слово «колония» относилось к более отдалённым и экзотическим владениям империи, таким как Кавказ, Сибирь и Русская Америка. Еще в 1869 г. работа, посвященная нерусским поселениям в южных степях (куда были приглашены немецкие колонисты в надежде, что трудолюбие иностранных фермеров улучшит положение российского сельского хозяйства), называлась «Наши колонии». Этот пример сам по себе противоречит идее колонизации как цивилизаторской миссии, неважно российской или имперской, направленной на другие народы и территории. Слово «переселение», позднее ассоциировавшееся с идеей героического национального явления, также не имело цивилизаторского значения и отличалось от представлений о российском процессе колонизации [24; 12, p. 89; о дискуссии по терминологии см.: 22, p. 212–213; 18, p.133–135; 25].

К крестьянскому переселению изначально относились с недоверием, поскольку колонисты зачастую были беглыми крепостными или раскольниками [26]. Попытки управлять миграцией, предпринятые в 1840-х и 1850-х гг. Министерством государственных имуществ, которым руководил П.Д. Киселев, были обусловлены производственной логикой («чтобы излишние руки в одних местах обратить к возделыванию пространств, впусте лежащих» [27, с. 57–60; 1, т. 1, с. 448]. И хотя этот административный аппарат обеспечил значительный объём опытного знания о переселении людей и формировании удалённых земель, в основе его подхода лежало государственное решение распределения рабочей силы на принадлежавших государству землях, а не идея государственной и национальной миссии. Такого рода традиционная политика управления миграцией обсуждалась в свете грядущих аграрных реформ и была результатом патерналистской социальной опеки. Такая политика воспринималась как царская *социальная политика*, направленная на облегчение тяжёлой жизни сельского населения. Она снижала потребность в земельных наделах в родных деревнях и способствовала росту сельского хозяйства на «новых местах», вдали от центральной части страны. Связь между малоземельем и переселением можно увидеть в законе 1843 г. «О дополнительных правилах переселения малоземельных государственных поселян в многоземельные места» [28, т.18, №. 16718 (1843), с. 235; анализ проектов и ход дискуссии по крестьянскому землепользованию, см.: 29, с. 93–95; 30, с. 31].

Начиная с 1840-х гг. и на протяжении царствования Александра II специфика российской колониальной модели и форм колонизации, выступавшие как аспекты имперского самоопределения, все чаще обсуждались царской элитой. Размышления о месте России по отношению к западной цивилизации вызывали вопросы относительно исторической значимости восточных областей империи. Историко-философская дискуссия об отношениях России и Европы разворачивалась в тандеме с растущей национальной ориентацией монархической идеологии, которая была характерна для эпохи Николая I. Оба направления находились под влиянием целого ряда факторов, включавших рост интереса к экзотике; романтический образ Сибири, изображённый в воспоминаниях ссыльных декабристов; практическая необходимость разработки правительственных методов, подходящих для таких неоднородных районов; развитие географических знаний; экспедиции под руководством Военно-морского министерства. Историки, такие как С.М. Соловьёв, А.П. Щапов и особенно С.В. Ещевский, стали рассматривать заселение этих бескрайних земель как ключевой фактор национальной истории России. Таким образом, была подготовлена почва для известного изречения, позднее произнесенного В.О. Ключевским: «история России есть история страны, которая колонизируется» [31–35; см. 11, p. 473–511; 18, p. 62–66].

Хотя поражение в Крымской войне, казалось, подчеркнуло слабость позиции России по отношению к Европе, присоединение Приамурья в 1857-1860 гг. дало надежду на превосходство на Тихоокеанских берегах. Несколько лет спустя предприимчивые военачальники смогли присоеди-

нить к владениям русского царя обширные участки территорий Средней Азии и Туркестана. Хотя эти завоевания были во многом продолжением традиционной экспансионистской модели, политический контекст и географическое положение аннексированных или присоединённых земель (областей за Кавказской горной грядой, Средней Азии за Голодной степью и побережья Тихого океана) дали основания для сравнения этих новых царских владений с европейскими колониями.

В 1861 г., через несколько дней после отмены крепостного права, Императорское Русское географическое общество провело конференцию по вопросам «колонизации приграничных районов», в которой приняли участие высокопоставленные лица, молодые чиновники и специалисты. Великая колонизаторская миссия на востоке вдохновлялась теми же патриотическими и гражданскими устремлениями, что и кампания против крепостного права, «возмутительного» пережитка прошлого, из-за которого Россия не могла считать себя современным европейским государством. Несколькими годами раньше А.И. Герцен восхвалял сагу переселения – «Семейную хронику» С.Т. Аксакова как предвестницу судьбы России, которая «пойдет во все стороны… как зажиточный переселенец, который пашет девственные земли Висконсина или Иллинойса. Так и кажется, что читаешь Фенимора Купера» [36, с. 341; 10, с. 12; 37, p. 48–49; подготовка крестьянской реформы также способствовала появлению сильных националистических настроений по отношению к западным окраинам: см. 38, с. 139].

Конференцию посетил М.И. Венюков, молодой военный картограф, который впоследствии стал одним из первых теоретиков геополитического предназначения России в Азии. В конце 1860-х гг. он был корреспондентом герценовского журнала «Колокол», где с едким сарказмом отозвался о некомпетентности генералов в Туркестане, критикуя «безсистемность» государственной экспансии, и противопоставляя ей «сознательные завоевания» колониальной политики, способные дать «сознание наших сил, нашего могущества»[39, с. 6, 9; 40–43].

В этом случае, как и в других примерах, вопрос, связанный со специфической природой русской национальной истории, был исследован через призму западных концептов. Европейские трактаты на колониальную тему, например, «Kolonien, Koloniapolitik und Auswanderung» Рошера (1856) и «De la colonisation chez le peuples modernes» Леруа-Больё (1874) обеспечили России научные понятия для концептуализации её недавних территориальных завоеваний, использование терминологии было во многих отношениях заманчивым и привлекательным. Рошер, который пользовался большим авторитетом среди российских специалистов по экономической истории, предложил классификацию колоний. Он считал, что для северной части Евразии было характерно постепенное заселение обширных незаселённых районов, и сравнивал Азиатскую часть России с «новыми землями» Австралии, Канады и США. В этом отношении он стал последователем географа Карла Риттера, который для России был одним из самых влиятельных источников знаний о восточных землях. Обширные районы периферии империи были отведены под «сельскохозяйственные» или «поселенческие» колонии, т.е. своеобразные общества, которые, по мнению Рошера, могли развиваться быстрее и свободнее, чем в их родной стране. По заявлению Д. Завалишина, эти колонии предполагали возможность «приложения новых идей» и «установления новых отношений между людьми»[44, с. 8; 45, p. 18, 54, 84, 116; работа Рошера была впервые представлена в России: 46; см. 47; 48, с. 89–90; 49]. Эта идея вызвала большой резонанс среди российских интеллектуалов от П.Я. Чаадаева до Н.Г. Чернышевского, которые привыкли воспринимать удалённость России от европейской цивилизации как преимущество, которое может ускорить прогресс.

Леруа-Больё, чьи работы были немедленно переведены на русский язык, ввёл идею качественного различия между колонизацией и миграцией. Он считал, что «эмигрируют дикари или варвары», гонимые нуждой или стремлением к наживе, в то время как цивилизованные нации могут сознательно формировать народы и территории, принося с собой культуру, ассимилируя коло-

низированные земли в цивилизацию более высокого порядка [50, с. III]. Современники были заинтригованы образом недавно реформированной и эмансипированной России, которая вышла из крепостного права и стала великой империей (или великим славянским народом, в зависимости от точки зрения), стремящейся колонизировать собственные приграничные земли. В конце концов, в середине XIX в. каждая европейская страна, которая могла назвать себя державой, имела, или стремилась приобрести, колонии.

Все же усвоение колониальной парадигмы столкнулось с глубоко укоренившимся сопротивлением. Целесообразность территориальной экспансии не подвергалась сомнению. Наоборот, более или менее добровольное интегрирование новых народов имело глубокое идеологическое значение. Оно ещё раз подчеркивало легитимность правителя, доказывало величие царя. С другой стороны, история европейского колониализма с конца XVIII в., воспринимавшаяся в России как зеркало её прошлых и настоящих экспансий, включала многочисленные в разной степени успешные сепаратистские движения, от растущей автономности британских владений до движений за независимость в Латинской Америке, не говоря уже о показательном случае антиколониальной революции в Северной Америке. Научная литература того времени свидетельствовала, что колонии «стремятся к отделению от метрополии и к образованию свободных и могущественных государств» [50, с. 459; 45, p. 84, 116].

Царское правительство осознавало ограниченность своих возможностей по управлению отдалёнными территориями (в то время было легче добраться из Санкт-Петербурга до Нью-Йорка, чем до Владивостока), а также боялось, что харизматичный наместник, при поддержке чересчур увлечённых молодых колонизаторов, может попытаться организовать сепаратистское движение (в 1850-х тень подозрения пала на Н.Н. Муравьёва, завоевателя Приамурья) [51, с. 21; 10, p. 168]. Польское восстание 1863 г. также воспринималось как предательство со стороны национальной окраины в разгар российских реформ. Оно совпало с усвоением колониального дискурса «Сибирскими патриотами». Эта небольшая, но активная группа, вдохновленная трудами Рошера, интерпретировала его идеи как предрекающие Сибири независимость или «самостоятельное существование» от петербургской «метрополии» [О восприятии европейской колониальной литературы в сибирском областничестве, см.: 52; 53].

Определение колонии как источника богатства и престижа, но также и как общества, потенциально способного развиваться независимо, тоже вызвало подозрение в царской политической традиции, основанной на принципе единства власти. Территориальное устройство самодержавного государства могло позволить сохранение сегментированных административных единиц от Королевства Польского до Бухарского эмирата, от регионов, которые контролировались казачьими атаманами, до земель Кабинета Его Императорского Величества на Алтае. Однако государство признавало их только в качестве функциональных вариантов власти государя, которые были результатом историко-географической стратификации династической империи. Неоднородность и многокомпонентность имперской «географии власти» сопровождалась почти одержимым стремлением к территориальной целостности и централизации. Автократический подход препятствовал пространственной иерархии, которая могла предвещать, пусть и неявно, будущее политическое дробление и ограничение государственного суверенитета.

Поэтому представлялось опасным, каким бы привлекательным это ни казалось, присваивать Кавказу или Приамурью политико-культурный статус «российской колонии». Новая форма пореформенного патриотизма М.Н. Каткова подчеркивала территориальную целостность государства и выражала опасения по поводу сепаратизма. Н.Я. Данилевский утверждал, что назвать земли колониями означало неявно признать существование ряда «не-Россий в составе России», искусственно соединённых с центром [54, с. 485; 55; О появлении более ярких национальных образов в

период Великих реформ, см.: 56]. Особо пристальное внимание такой опасности уделяли те, кто был близок к царской семье и к понятию о государственных землях как о неделимом династическом наследии. Например, на конференции по вопросам колонизации в 1861 г. великий князь Константин Николаевич старался охладить патриотический энтузиазм и демократический пыл некоторых младших чиновников (радикальные мнения в их среде были распространены. Молодые аристократы и известные анархисты, такие как М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин, сотрудничали с Муравьёвым на Дальнем Востоке). По словам участников, Константин подчеркнул, что «в России совершается не колонизация, а собственно только расселение» как средство «расширения Российского государства» [57]. Министр внутренних дел Д.А. Толстой позже высказался более категорично: «У нас нет колоний» [цит. по: 51, с. 23].

Эти конфликтующие мотивы помогают объяснить устойчивость амбивалентности определений колонии и колонизации. В последующие десятилетия большое количество литературы по Азии и «вопросам колонизации» сосуществовало с тенденцией избегания способствующей самоопределению дихотомии метрополия – колония. Вместо этого использовалась более нейтральная терминология: «окраины», «наши владения в Азии», «приграничные земли» или просто «области». И всё же слова «переселение» и «колонизация» прочно укоренились в российском дискурсе. С одной стороны, они обозначали спонтанное «несознательное» заселение территории (*переселение),* а с другой – целенаправленную территориальную трансформацию (*колонизация*).

Крестьянская колонизация как имперская реформа

Термин «колонизация» приобрёл двусмысленное реформаторское значение и очевидную «аграрную» коннотацию, когда в колонизацию стали вовлекаться крупные организации и ресурсы во время строительства Транссибирской железной дороги в 1891–1903 гг. [58, p. 154]. Возобновление интереса к этой теме было отчасти связано с последствиями убийства царя 1 марта 1881 г., которое ознаменовало первый революционный кризис в истории российской монархии. Планы внутреннего переселения рассматривались в большой спешке, так как А. Куломзин, занимавшийся этим вопросом, отметил 26 марта, что «нынешнее царствование [Александра III] должно неизбежно начаться с широких экономических реформ» [59, ф. 178, М9803 (Воспоминания А.Н. Куломзина), д. 5, л. 26]. Цель превентивной реакции на вызов, брошенный революционным движением, очевидна. Но еще пятью годами ранее, в 1876 г., в известном научном труде по аграрному вопросу отмечалась связь между крестьянским вопросом и переселением в приграничные районы. По мнению А.И. Васильчикова, который представил свои выводы в обширной главе под названием «Колонизация», систематическая программа переселения на «свободные незаселённые земли» на окраинах Российской империи является необходимым завершением освобождения крепостных. Он видел в колонизации возможность предотвратить возникновение «аграрного пролетариата» и удовлетворить крестьянскую потребность в земле [60, т. 1, с. XXXII, т. 2. с. 859, 999]. Сибирский областник Н.М. Ядринцев, которого вряд ли можно назвать сторонником имперской ассимиляции региона, разработал один из первых и наиболее подробных планов «сознательной» и «организованной» крестьянской колонизации [61, с. 617; 62, с. 448–486].

Отношение между колонизацией приграничных территорий, реформой внутри России и политической стабильностью империи в самой авторитетной форме и со стратегическим охватом было описано в политическом завещании Н.Х. Бунге, председателя Комитета министров, скончавшегося в 1895 г. Он не считал внутреннюю миграцию панацеей, не был одержим идеей русификации; он говорил о сохранении местных языков наряду с использованием русского как объединяющего языка империи. Бунге сыграл непосредственную роль в составлении законодательства, касающегося вопросов переселения в 1890-х гг., а также участвовал в разработке конкретных мер. Тщательно продуманная политика перемещения крестьян за Урал казалась ему важнейшим

компонентом комплексной стратегии, направленной на предотвращение «социализма» и «обособления окраин», то есть националистического сепаратизма [63, с. 210, 226; о роли Бунге в разработке переселенческой политики, см.: 59, ф. 178, М9803, д. 7, л. 1–5; 64, с. 118].

Таким образом, одним из факторов, лежавших в основе идеи переселения, являлось восприятие этого процесса как необходимой превентивной реформы. Другим фактором был импульс модернизации, присущий последним двум десятилетиям XIX в. и сопровождавшийся общепринятым, официальным и неофициальным убеждением в необходимости срочно преодолеть отсталость имперского общества. Это было время, когда после голода и эпидемии 1891–1892 гг. марксист П.Б. Струве призывал интеллигенцию «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму» [65, с. 288]. Выражение «оскудение центра» обобщало эту широко обсуждавшуюся проблему и сведения, полученные от специальных комиссий. На фоне обедневших сельскохозяйственных районов в европейской части России истории о неиспользованных ресурсах азиатской части страны ещё больше выходили на передний план. Позитивистская культура интерпретировала демографический рост как значимый фактор социальной эволюции, таким образом укрепляла убеждение о том, что заселение земель означало движение вперёд по пути развития общества [Историк и социолог М.М. Ковалевский является одним из примеров, см.: 66, с. 180–195]. Идея колонизации как продуктивного улучшения территорий, сама по себе не являющаяся новым концептом в государственном дискурсе, приобрела ещё большую важность в связи с верой в то, что развитие окраинных земель даст мощный стимул общему росту империи и позволит России преодолеть свою отсталость.

Такие выражения, как «ближайшее объединение наших азиатских владений с европейской Россией», официальное обоснование строительства Транссибирской железной дороги, стали включать целый ряд целей и разнообразных коннотаций [67, с. 122]. Было нелегко отделить социально-экономические реформы от экспансионистских амбиций, консолидацию внутреннего правления от завоевания новых территорий, а стремление к международному влиянию – от решения разобраться с нерешёнными внутренними проблемами. «Колонизация» имела несколько целей: продвижение модернизма и социальная целостность, развитие коммуникаций, постепенное преодоление несимметричности территориального управления, стремление к стандартизации территорий с точки зрения культуры, языка и самосознания [68, с. 51–61]. Разнообразие и широта этих задач придавали моральную и идеологическую ценность традиционным военно-политическим принципам управления восточными областями империи, например, укрепление контроля над недавно завоёванными территориями путём объединения рекрутов и ресурсов в гарнизоны на территориях, которые трудно было защищать [С 1850-х гг. эти цели начали развиваться и все более охватывали вопросы, связанные с демографией окраин. См.: 69, р. 117–120]. Гордость цивилизаторов Азии шла рука об руку с желанием обновления России, и эти ожидания принимали разнообразные политические формы. В конце XIX в. переселение горячо поддерживалось не только официальной властью, но и широкой общественностью. В 1891 г. знаковая поездка из Владивостока в Москву, предпринятая цесаревичем, будущим Николаем II, означала символическое возобновление владения восточными территориями царской семьёй [70, с. 1; 71]. Тем не менее династический сценарий сосуществовал с многочисленными планами колонизации, которые могли преследовать социалистические, либеральные, общемодернизаторские и патриотические цели.

Упор на крестьянство как ключевого участника процесса колонизации репрезентировал новое культурное представление, которое ещё больше повысило привлекательность переселения как национального дела. Сторонники свободного перемещения населения за Урал утверждали, что традиционная мобильность русских крестьян должна быть признана как давно забытая, но важная часть имперской миссии, а склонность крестьян «бродить» облегчит процесс колонизации. Необ-

ходимо было принять тот факт, что «бедные и серые эти люди, невежественные и средствами скудные, они несут на дальнюю окраину дух, сковавший под Самодержавным Скипетром Царственных Вождей наших мощное русское государство, дух, неудержимо и неуклонно раздвигающий пределы нашего отечества к вящей славе Державы Российской» [72, т. 7, с. 24; 16, с. 164]. Ассимиляция удалённых территорий всё чаще представлялась как физическое и символическое «окрестьянивание», подразумевающее постройку новых православных церквей и новых деревень с русскими названиями, замену кочевого разведения скота трёхпольным севооборотом. Во многом словарь колонизации был связан с народническим образом крестьянина как носителя русского национального самосознания.

В свете сказанного правительственные проекты шли параллельно с социалистическим идеалом крестьянской колонизации пространства. С.Н. Южаков поддерживал «организацию переселенческого дела на широких основаниях» и определял колонизацию как «самое могучее средство к расширению народного [общинного] землевладения». Он был автором теории о проникновении в Среднюю Азию как проявлении «небуржуазного, некапиталистического характера страны», который основывался на «крестьянском начале» и, таким образом, идеологически противопоставлялся британскому империализму. В качестве примера Южаков взял «американскую систему» выделения новым поселенцам участка земли, но настаивал на предоставлении новым деревням коллективного права владения государственной землёй. Он поддерживал крестьянскую колонизацию как способ укрепления общинного принципа за Уралом во времена, когда преимущества этого принципа вызывали сомнения в центре [73, с. 4; 74, 25–27, 30–32].

Многие чиновники и эксперты вышли из народнической и либеральной среды, близкой к прогрессивной интеллигенции, которая сплотилась в поддержке крестьян после голода 1891–1892 гг. Назначенные на службу в область Уссури или Степного края считали это способом помощи прибывающим туда голодным переселенцам. Одним из примеров являлся Н.А. Сборовский – бывший член социал-демократического кружка, старший производитель работ Томского переселенческого управления [См.: 75, ф. 2668 (Н.А. Сборовский), оп. 1, д. 1, л. 14–151]. А.А. Корнилов, который позднее стал известен как историк и лидер Конституционно-демократической партии, проигнорировал совет своих либеральных друзей и поступил на государственную службу в Иркутск, потому что хотел оказать помощь крестьянскому переселению в соответствии с доктриной патриотического конституционализма [76, с. 95–97]. Земский специалист по статистике Ф.А. Щербина, возглавивший экспедицию по изучению кочевого землепользования в Степном крае, использовал аналитические категории, разработанные им во время изучения крестьянского хозяйства в европейской части России (известный термин «производственно-потребительские бюджеты»), при обсуждении методов определения излишков земель для передачи переселенцам [76; 78]. Ремнев и Суворова отмечали, что это был «компромисс между государственной службой и народническими идеалами» [16, с. 157]. Работа в качестве землеустроителя в Переселенческом управлении предполагала «нарезку» участков тайги или степи, на которых могли поселиться новые партии крестьян, прибывавшие из европейской части России. Это была конкретная возможность служить народу, давая «землю тем, кто на ней работает». Крестьянская колонизация могла восприниматься как социальная и патриотическая миссия.

Тем не менее желание «раздвигать пределы нашего отечества» ослабляло эффективность реформаторского импульса, который в определённой степени был движущей силой колонизации. Аннексия новых отдалённых районов неизбежно всё больше осложняла процесс интеграции. Схема территориальной экспансии приняла особенно дестабилизирующий характер, когда (как в случае с Дальним Востоком в годы, предшествующие Революции 1905 г.) силовая политика пересеклась с риторикой «великой азиатской мечты». Представления, подобные «азийству»

Э.Э. Ухтомского, должны были стирать не только ментальные, но и политические границы между Россией и Востоком. Хотя эти неофициальные тенденции по своей идеологической мотивации были антиколониальными, они приобрели агрессивный геополитический статус, примером чего может служить заявление, что «мы […] не можем найти за Каспием, Алтаем и Байкалом ясно очерченного рубежа, естественной точной демаркационной линии, за которой бы кончалось собственно "наше"» [79, т. 2. с. 132; 80, p. 127; 81, p. 42–60; 82]. Аргументы в пользу колонизации как инструмента экспансии всплыли в 1916 г. накануне революции. В официальном отчёте об экспедиции в Северную Персию говорилось, что в связи со слабостью Персии и надвигающимся развалом Османской империи спонтанная миграция крестьян могла бы послужить стратегической цели дальнейших завоеваний южных территорий; подходящая демографическая политика превратила бы Чёрное и Каспийское море во «внутренние области России». Для оправдания миграции использовались все возможные идеологические аргументы, в том числе экономическая модернизация, геополитическое предназначение, византийское историческое наследие, цивилизаторская роль русского народа в Азии (культурное превосходство), а также близость России к Востоку (культурная близость), не говоря уже о более прозаических преимуществах: «Новая Апельсиния» на юге сможет заменить дорогостоящий импорт цитрусовых из Италии [83, с. 42–45; 84, с. 19–23; о российских планах в Северной Персии, см.: 85, p. 167–169].

Последствия такой двусмысленности могли быть разрушительными. К началу XX в. Маньчжурия была фактически оккупирована, и некоторые русские авторы уже начали называть её «нашей первой колонией на Дальнем Востоке» [86, с. 653–696]. Отсутствие чётких определений того, что может быть квалифицировано как «внутреннее», а что как «внешнее», обострило международное напряжение и привело к войне с Японией, а также к последующему военному поражению, ставшему одной из причин Революции 1905 г. В свете сказанного колонизация российских окраинных территорий могла иметь катастрофические последствия для центра. Можно утверждать, что результаты были прямо противоположны тем, о которых заявляли чиновники, воспринимавшие развитие азиатской части России как вклад в реформы и стабильность империи. «Отсутствие чёткой границы между внешней и внутренней политикой» [87] также осложняло процесс колонизации как аспект строительства государственного пространства.

Новая и лучшая Россия

Парадокс позднеимперского периода, особенно после 1906 г., состоял в том, то миграцию стало сложнее контролировать (пик был достигнут в 1908 г., когда количество людей, прошедших через пункт приёма переселенцев в Челябинске, превысило 700 000 человек [1, т. 1, с. 492], как раз в то время, когда на неё возлагались самые амбициозные задачи. На практике проект начал сталкиваться с серьёзными трудностями, вызывая критику и протесты, как раз тогда, когда понятие колонизации приобрело значение, которое повысило его идеологическую ценность и инновационный потенциал. Дискуссия больше не разворачивалась в рамках специально сформированных внутриминистерских советов и коллегий, она перешла в политико-институциональный контекст думской монархии, где бюджет нужно было обсуждать публично и отвечать на критику национальных меньшинств и прессы. Политика колонизации стала полем битвы для идей, которые требовали общественных кампаний, в первую очередь в Петербурге, чтобы утвердить жизнеспособность внутренней миграции как патриотического и модернизаторского проекта [см., например: 88; 89].

Усиление управленческого подхода стало в определённой степени результатом опыта в этой сфере. Организованные передвижения, предпринятые начиная с 1890-х гг., выявили трудности и ограничения. Стало очевидно, что открытие новых средств коммуникации и закрепление за переселенцами больших участков земли было недостаточным. Новым поселениям нужны были

инфраструктура, постоянные инвестиции, а самое главное, усиление руководства [90, с. 84–92]. Историк Ф. Кокен отмечал «определенный кризис в традиционном миграционном движении» в начале XX в. [см.: 5, p. 710]. Переселенческие учреждения получили дополнительные обязанности: помимо простой организации переезда мигрантов на Восток они должны были обеспечить «прочное хозяйственное устройство переселенцев и всестороннее обеспечение их быта» [1, т. 1, с. 464].

В 1910 г. правительство объявило о решении отложить предоставление права выборов в земство даже самым «подготовленным» (с государственной точки зрения) восточным губерниям – Тобольской и Томской. Одновременно в обязанности Переселенческого управления стало входить систематическое территориальное и экономическое планирование, оно получило дополнительные полномочия и ресурсы (хотя реализация этих решений сталкивалась с трудностями). Идеологи стали изображать Переселенческое управление в качестве «земской управы всей Азиатской России», органа, интерпретирующего «местные нужды», и централизованного агента просвещения, социального прогресса и модернизации [91, с. 100; 89, с. 28; 92, т. 3, с.389–398; 21, с. 170]. Такое описание было направлено на укрепление авторитета аппарата колонизации как единого всевластного органа в составе сложной иерархии спорных административных органов последних лет существования империи (министерства, лесной департамент, казачье войсковое управление, Императорский кабинет, губернаторы и т.д.).

В то же время правительственные чиновники и эксперты подчёркивали несостоятельность крестьянских переселенцев. Традиционный образ «неотёсанного» патриота и стихийного колонизатора был амбивалентен с самого начала, поскольку мигранты принадлежали к категории подданных – бывших крепостных, не способных к самоуправлению за пределами ограниченного мира деревни. Именно в 1890-х гг. в специальной литературе крестьян описывают как неопытных, инертных и бестолковых; эта тенденция продолжилась и усилилась в последующие годы. Крестьянские переселенцы чаще воспринимались в качестве цели, а не главных действующих лиц цивилизаторской миссии. Эксперты и чиновники разделяли понятия «простое заселение» и «настоящая колонизация», противопоставляя необходимость в «деятельных колонизаторах» имеющейся массе нуждающихся «переселенцев» [93, с. 1–7]. Главная интерпретирующая публикация этого периода «Переселение и колонизация» принадлежит А.А. Кауфману, в ней выдвигается идея о том, что низкий культурный уровень крестьян ограничивает фактическую демографическую ёмкость казалось бы безграничных территорий и поэтому снижает потенциал успешного заселения окраин. Отсталость крестьян – колонистов представлена как субъективное нематериальное препятствие, преодолеть которое можно только посредством образовательных мер [94; литература изобиловала пессимистическими взглядами (достоверными либо преувеличенными) по вопросу о переселенцах. См. доказательства, представленные: 17, с. 160–179; 95, p. 467–469].

Осознание этой проблемы не помешало возникновению подходов, которые позволили бы увидеть в этих препятствиях положительные возможности. Основной мотив крестьянской колонизации как процесса одновременной цивилизации местного населения и просвещения русских переселенцев подпитывал надежду, что приграничные земли станут местом радикальных обновлений. Переселение на «новые места» было представлено как возможность построить лучшую Россию – по крайней мере, в теории, свободную от удушающего бремени традиции. Дискуссии о колонизации оказывались под влиянием разнообразных и часто конкурирующих проектов – и реформаторских, и революционных, которые после 1905 г. стали носить более радикальный характер.

Сдвиги в представлениях не ограничивались официальными кругами, их разделяли сторонники самых разных политических убеждений. По мнению В.И. Ленина, например, территориальная иерархия центр – периферия базировалась на устойчивости «феодальных пережитков». Насле-

дие крепостного прошлого по-прежнему доминировало в поместьях дворянства внутренних областей – вышеупомянутого «оскудевшего центра», но становилось всё менее распространенным в южных и особенно восточных областях, где всё ещё была возможна культивация земель «куда топор, коса и соха ходили». С этой точки зрения, окраинные земли представляли собой пример сельского хозяйства без поземельной ренты. Исходя из теорий аграрной экономики К. Каутского и А.Л. Парвуса, Ленин называл эту модель «американской» и определил ее характерные черты, а именно: полное отсутствие ограничений для капиталистического развития, максимальная степень свободы и производственного рационализма, которые возможны в данных исторических условиях. Идея высокого уровня капиталистической «насыщенности» позволила представить окраинные территории в качестве авангарда всероссийского развития.

Хотя Ленин был противником царского колониализма, это не означало, что он отрицал перспективу модернизации восточных окраин. Напротив, он описывал их в оптимистичных и красочных тонах. Его критика была направлена на узкоклассовую, проаристократическую и русификационную природу государственной политики, которая ограничивала колонизаторский потенциал России. Он считал, что политический перелом был необходим для высвобождения интеллектуальной и производительной энергии масс. Революция превратила бы «полуазиатского» российского крестьянина в агента исторического развития, а следовательно, в будущем и в энергичного колонизатора, способного заселять обширные земли Сибири.

Отвечая на предостережение Кауфмана, в главе под названием «Вопрос колонизации» Ленин заявлял, что настоящими препятствиями для крестьянского переселения являются препятствия социальные и политические, а не культурные. «Антифеодальная» революция превратила бы российские окраины в пространство безграничного будущего роста; её внутренняя колонизация стала бы аналогом направленной на запад экспансии США. Ленин писал: «Россия обладает гигантским колонизационным фондом, который будет становиться доступным населению и доступным культуре не только с каждым шагом вперед земледельческой техники вообще, но и с каждым шагом вперед в деле освобождения русского крестьянства от крепостнического гнета. Это обстоятельство представляет из себя экономическую основу буржуазной эволюции российского земледелия по американскому образцу» [96, с. 230].

На противоположной политической стороне премьер-министр Столыпин также делал ставку на предназначение Азиатской России. Он называл Сибирь и Центральную Азию «колыбелью, где можно в условиях, свободных ещё от общественной борьбы и передряг, вырастить новую сильную Россию и с ее помощью поддержать хиреющий русский корень» [97, с. 113]. Его целью было сделать крестьянина столпом будущей «Великой России». Он стремился превратить бедного, предположительно ленивого бунтовщика (память об аграрных бунтах 1905–1907 гг. была ещё свежа) в трудолюбивого, патриотически настроенного землевладельца, который по доброй воле будет уважать власть. Центральная роль, которая отводилась политике переселения в программе столыпинских реформ, также зиждилась на вере в то, что новое высокомобильное окраинное общество, где стабильные социальные нормы ещё не укоренились, даст возможность внедрять изменения, которые в центре проходят через бесконечный процесс обдумывания, через политические баталии и ожесточённые споры.

Несмотря на реформаторский лейтмотив публичных заявлений, премьер-министр в частных беседах вновь возвращался к опасениям о потере контроля над окраинами, которые были ранее характерны для дебатов вокруг концепта колонии. Вернувшись из официальной поездки в азиатскую часть России в 1910 г., он написал Николаю II, что «Сибирь растёт сказочно». Однако он также предупреждал о том, что успех влечёт риск, а именно подъём «громадной, грубо-демократической страны, которая скоро задавит Россию европейскую». Он имел в виду быстрый

рост крестьянских общин, во многом независимых от центра. Не заслуживающие доверия местные элиты, в условиях успешной крестьянской колонизация обширных территорий, фактически не контролировались государством. И не случайно он настаивал на «необходимости совмещения политики переселения с серьёзным усилением административной власти на окраинных территориях» [98, с. 82–83; 99, с. 29–30, 123].

Кампания по выделению переселенцам индивидуальных участков земли в Сибири была основана на аналогичном сочетании беспокойства и надежды на быстрые изменения. Считалось жизненно важным определить основы рационального сельского хозяйства с самого начала («задача эта в Сибири много легче и благодарнее») [100, с. 11], пока великороссийские архаичные общинные институты не укоренились и в районах переселения. Обширное картографическое производство переселенческих организаций стало печатать образцы планов деревень в степях, чтобы донести до российско-европейского колониста преимущества частной собственности и интенсивного сельского хозяйства. Во многих отношениях Сибирь стала восприниматься как идеальное место для социальных экспериментов.

Концепт колонизации как стратегии государственного правления и интеграции окраинных территорий претерпел семантические изменения (особенно в некоторых более специализированных секторах администрации) в сторону ранней идеи сельскохозяйственной колонии, способной развиваться быстрее, чем метрополия. Районы поселений теперь представлялись не только отдалёнными местами, в которые нужно принести культуру и социальные институты из центра – для одних, в соответствии с авторитарным русифицирующим импульсом, для других, в соответствии с желанием более здравого управления местными интересами – но как театр становления общества. Привлекательность «процесса переселения» сочетала в себе энтузиазм по поводу ускорения прогресса с почти утопическими надеждами на полное преображение «русского человека». Полные восторгов отчёты В.П. Вощинина, одного из апологетов переселенческой политики при Столыпине и Кривошеине, повторяют ленинскую параллель с Америкой. Он восхищённо в футуристических красках описывает «кинематографическую быстроту, [с которой] растут города, кипит неустанная творческая работа». Он противопоставляет «медленные шаги» «старой России» местам, «где пять лет назад парили орлы да бродили шакалы, [а] ныне с шумом и треском проносятся автомобили», имея в виду грузовики для перевозки переселенцев. «Создатели же новой жизни, чисто американского уклада – переселенцы, те самые наши серые мужики, которых мы привыкли видеть в оборванных зипунишках «ломающими шапку» перед всякой кокардой. Сибирь перерождает человека. Исторически забитый и пугливый русский крестьянин высоко поднимает голову, едва лишь выйдя на простор степей или леса, и, не стесненный в возможности, строит он свою жизнь на новых местах, забывая рутину «России» [101, с. 5].

Колония как плантация

Демократический настрой, враждебность по отношению к помещикам, сочувствие положению переселенцев были широко распространены в Переселенческом управлении среди чиновников среднего уровня, которые иногда современниками воспринимались как «левые» или даже как народники [102, с. 35, 42]. Такое отношение не противоречило росту интерпретации крестьянской миграции как политики «государственной в самом широком смысле этого слова» [100, с. 1]. В специальной литературе слово «колония» больше не маскировалось, не смягчалось и не окрашивалось неуверенностью. Оно использовалось с гордостью и последовательно утверждалось как основа многообещающего пути социального и производственного роста. Это слово стало обозначать крупномасштабное расширение Азиатской России.

Миграция последовательно представлялась как вклад в распространение русской культуры, но националистические мотивы в целом были менее заметны в трудах специалистов по переселе-

нию. Местные чиновники выражали беспокойство по поводу призывов русифицировать, которые они считали проявлением искусственного навязывания со стороны центра [См.: 102, с. 112 и его комментарий о «чудовищном» требовании арендовать землю только для «русских рабочих белой расы» на Дальнем Востоке]. Определение колонии связывалось скорее с конкретными экономико-производственными и правовыми условиями, чем с географической удалённостью и этническими различиями. Цели сделать оседлыми казахских кочевников и «интенсифицировать» сельскохозяйственную деятельность славянских переселенцев определялись тем же духом модернизации. Цивилизаторская миссия контролировалась и управлялась государством и реализовывалась на практике группой энтузиастов-интеллектуалов и управленцев, сотрудничавших или работавших в министерствах после 1905 г. Молодые чиновники-колонизаторы из Переселенческого управления приняли официальную линию политики Столыпина (хотя они не всегда полностью с ней соглашались), в которой импульсы для реформ сдерживались осторожными государственными соображениями.

Что отличало имперскую колонию с социальной и географической точки зрения от других областей государства? Как меры, привычно описываемые словом «колонизация», отличались от стимулирования экономического роста в целом? Г.Ф. Чиркин, который должен был стать последним управляющим Переселенческого управления, писал об огромных запасах «свободных земель», то есть «земель, не находившихся в собственности частных лиц» [100, с. 1]. В более официальном источнике – в «Азиатской России» (1914), который редактировался лично начальником Переселенческого управления Г.В. Глинкой, землю к востоку от Урала называют «нашей единственной колонией». Эти территории отличались от остальной империи, так как «от границы между Европой и Азией и до берегов Тихого океана, за исключением земель коренного населения в Туркестане, почти нет частной [земельной] собственности […] Как бы в соответствии царскому титулу, по которому обладателем всех земель является государь, в Азиатской России почти все земли принадлежат исключительно государству». В результате устойчивости государственного права на землю Сибирь и Степной край являлись гигантским «единым государственным имением с небольшим количеством вечных пользователей в наиболее культурных её частях» [1, т. 1, с. 532; 89, с. 24; 99, с. 28].

Работа Г.К. Гинса «Переселение и колонизация» (1913) являлась последним всеобъемлющим анализом этой темы до падения Империи. Находясь под влиянием либерально настроенного юриста Л.И. Петражицкого, Гинс делал упор на правовом аспекте, демонстрируя прекрасные знания западной литературы о колонизации. Его определение колонии не ограничивалось географическим и демографическим фактами малонаселённой территории с большими запасами неэксплуатируемых природных ресурсов. Колонизацию «в смысле всестороннего развития производительных сил страны» отличало «отсутствие активного хозяина» и условий, при которых «колонизующее государство является хозяином в смысле частноправном, где оно собственник земли и её богатств». Гинс утверждал, что когда природные ресурсы «закреплены за определенными частными обладателями», колонизация невозможна, так как государственная политика «преломляется через психику правообладателя» и поэтому «не всегда действует с желательной быстротой». Правовые препятствия включали уже существующую личную собственность, но также корпоративные права, такие как землевладельческие привилегии казаков и династическое наследство, например, владения кабинета на Алтае. Всё это представляло собой наследие архаического концепта государственной собственности (личной собственности монарха, «эксклюзивной» собственности казны или департамента лесного хозяйства). Все они являлись индивидуальными или юридическими «частными субъектами», которые могли служить помехой «истинной», то есть современной систематической и производительной колонизации территории [103, с. 39–40].

Этот анализ опровергает образ окраины как относительно свободной приграничной территории (заселённой с течением времени казаками и политическими ссыльными, раскольниками и беглыми крестьянами), какой её изображали на протяжении XIX в. декабристы, А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин [104, с. 318; 33, 753–759; 105; 106, с. 11, 31, 48]. Но ещё важнее то, что такая форма колонизации считалась лучшей, чем исторический колониальный опыт Запада. Западный колониализм Гинс называл «фактической колонизацией», непреднамеренным результатом «культурного воздействия европейских наций на некоторые Азиатские государства». Он считал, что им не хватало общего плана, в то время как современная колонизация требует беспрепятственной воли и сознательного проектирования. Её основной предпосылкой являлось отсутствие юридически связывающего узконаправленного контроля над использованием природной среды. Вековая история имперского строя сохранила широкие, хотя архаичные и несовершенные «государственные права» на землю, воду и минеральные ресурсы Сибири. Поэтому её обширная экспансия предлагала «благодатную почву» для «посевов колонизации». Несмотря на глубокие идеологические различия, утверждения Гинса в чём-то схожи с идеями Ленина, касающимися национализации земли как механизма ликвидации всех «феодальных пережитков» и как предпосылки для развития России по «американскому пути». Главное различие состояло в том, что Ленин рассматривал революционный переворот с последующим высвобождением производительного потенциала масс, в то время как Гинс подчёркивал роль центральной власти как разумного гуманного правителя и законодателя для огромного имущества, унаследованного от царистского прошлого [103, с. 39–40; Гинс присоединился к антибольшевистским силам и продолжил свою деятельность в качестве исследователя советского права в Беркли: 107; см. комментарии Ленина о национализации земли как «чистке земель», см.: 96, с. 253].

В представлениях Гинса принцип государственной собственности не означал оправдания массовой экспроприации или жестокого перемещения населения. Он был призван привести не к произволу, а к введению сверху нескольких уровней новых прав и понимался как набор инструментов, которые обеспечили бы социальные изменения и производственное развитие. Его видение колонизации включало, вполне сознательно, традицию патерналистского реформизма, коренившегося в опыте Министерства государственных имуществ, предшественнике Министерства земледелия в его разных наименованиях, в которых поколения экспертов и чиновников занимались прямым управлением государственной деревней и государственными крестьянами без посредничества помещиков [27, с. 38, 53–60]. Государственные колонии представляли собой правовой вакуум, который мог быть заполнен набором различных форм владения, тщательно отобранных и «культивированных», как если бы они были разными ботаническими видами, которые соответствуют разным производственным типам и социальным функциям.

Кочевники могли пользоваться временным правом на землю, пока не становились оседлыми. Крестьяне и оседлые инородцы получали права на имущество с запретом продавать его «хотя бы на время жизни одного поколения» – мера предотвращения спекуляции. Крупные землевладения предпринимателей, таких как скотоводы или производители хлопка, получали право долгосрочной аренды государственной земли, чтобы избежать использования этих земель в качестве непроизводительных латифундий, а частные горнодобывающие компании получали временные концессии на пользование недрами [103, с. 49, 76, 83–92]. Есть один важный момент, который отличает таксономию правовых и производительных категорий Гинса от нереализованного проекта Столыпина и Кривошеина, который был изложен в Сибирском положении 1910 г. Проект Гинса не предусматривал введение крупной «частной земельной собственности» для «цивилизованных» элементов будущей землевладельческой элиты. Это был ещё один знак недоверия, которое было распространено среди переселенческой администрации того времени, по отношению к дворянству

[108; о различии между крупной частной собственностью и индивидуальной собственностью крестьян, см.: 109, с. 29].

Реальность, и формальная, и фактическая, бросала вызов нарративу власти, которая намеревалась формировать социальный ландшафт окраинных территорий в соответствии с планом, регулируемым правовым сознанием, как у Гинса, или упором на производительное развитие, как у Чиркина и Успенского. Переселение и управление территориями требовало компромиссов, умения приспосабливаться, а часто принятия существовавших условий. Так было в Туркестане, где законы империи часто противоречили исламским понятиям о собственности, а также в Забайкалье, где попытки ограничить использование земли бурятами приводили к бесконечным правовым процедурам, серьёзно замедлявшим процессы переселения [110; 111; о бурятских землях, см.: 59, ф. 742 (П.А. Столыпин), д. 2, л. 2–3 (Письмо Кривошеина Столыпину, 29 октября 1910);]. Неопатримониальная пространственная риторика (Азиатская Россия как государственное имение), подкреплявшая идеологию управляемого колонизационного развития, столкнулась с правовой структурой империи, с её многочисленными возможностями подачи апелляций. Местные суды испытывали трудности в связи с попытками примирить государственное управление природными ресурсами с существующими правами и обычаями. Самое упорное сопротивление Переселенческое управление встретило со стороны других органов бюрократического аппарата, преследовавших альтернативные цели. Например, максимизация ренты с государственных лесов противоречила выделению земель для новых поселений. Чиновники должны были тщательно оценивать местные потребности или производительный потенциал, чтобы подсчитать оптимальное количество земли для передачи переселенцам, но выполнение этой задачи часто оказывалось невозможным из-за отсутствия обученного персонала. Тогда чиновники получали право устанавливать границы, исходя из размера имевшихся участков. На деле задача введения рационального сельского хозяйства сверху и установления чётких правил сводилась к легализации сложившихся практик [О различии юридического и обычно-правового определения землепользования, см.: 75, ф. 46. Тюкалинская поземельно-устроительная партия, оп. 1, д. 1, л. 60–61 (Тобольск, Переселенческое управление, Циркуляр, 27 сентября 1910; о связи между колонизацией и земельными правами, см.: 112]. Усиление технократических устремлений, заложенных в идеологии колонизации 1910–1914 гг. [85, с. 152], должно рассматриваться скорее как направляющий принцип, как один из элементов в сложной взаимосвязи факторов, формировавших эволюцию местного общества в районах переселения, а не как беспрепятственную практику.

Тем не менее поиски свободных, с правовой точки зрения, и поддающихся социальным изменениям территорий представлял собой основополагающий компонент мировоззрения группы теоретиков и практиков, которая писала для журнала «Вопросы колонизации». Присоединение к «колонизационному фонду» новых земель было типичным стремлением того времени, эту задачу можно было реализовать с помощью самоотверженного исследования суровой тайги, а также сокращения кочевых пастбищ в степях [См. экспедицию и 10-летний план для Нарымского края: 113]. Эти усилия требовали распространения власти Переселенческого управления на обширные территории, которые прежде находились в ведении якобы «спящих» властей, таких как Департамент лесных угодий; такая практика иногда приводила к б**о**льшему количеству внутрибюрократических конфликтов, чем земельные споры с местным населением [Некоторые примеры имеются в: 75, ф. 46, оп. 1, д. 1, л. 34–35, 44–46, 50–51]. Лихорадочный поиск пригодной для возделывания земли («*заготовки*») был следствием острой необходимости каким-то образом расселить многочисленных переселенцев, которые беспорядочно прибывали во время массового переселения 1907–1909 гг. В то же время поиск постоянно расширяющейся территории, готовой для водворений, также отражал амбициозное стремление создать пространство, свободное от вмеша-

тельства и конкурирующих прерогатив внутри сегментированной, многослойной географии имперской власти. Понятие переселенческих районов стало ассоциироваться с неопределенным, спорным идеалом «девственных земель», пространств для беспрепятственного создания новых социальных форм, которые бы напрямую подчинялись экспертному управлению [О поиске нового определения «публичной собственности», см.: 114, p. 579–609].

Это объясняет амбивалентность, присущую последнему поколению имперских экспертов о переселении. В определённой степени молодые увлечённые чиновники-колонизаторы разделяли «антифеодальный» настрой в ленинском смысле этого слова. Их настроения были «демократическими» в той степени, в которой это означало неприятие привилегированного и паразитического присвоения общественных ресурсов. Неявно присутствовали и социалистические настроения, поскольку, с точки зрения переселенческих чиновников, земля должна распределяться среди переселенцев в соответствии с их предполагаемыми потребностями. Колонизаторы считали себя агентами модернизации и были твёрдо намерены применить на окраинных землях методики, которые они почерпнули из компетентных исследований западного опыта (будь то датские молочные фермы или оросительное земледелие в Айдахо) [Один из примеров, см.: 115].

Однако эти центральные установки конкурировали с многочисленными местными инициативами, предпринятыми русскими и нерусскими группами в духе идей общественной модернизации, и препятствовали им [116]. Такие установки регулярно описывались в местной прессе как бюрократические планы, которые мешают автономным усилиям организаторов кооперативов, активистов и предпринимателей, идущим снизу [117, с. 183–185; См.: 52, p. 1008–1092 для интерпретации сибирского патриотизма как идеологии колонизации и региональной модернизации во главе с местной интеллигенцией в конкуренции с имперской властью]. Поскольку процесс колонизации воспринимался как радикальная ускоренная трансформация, в него был заложен как авторитарный, так и дестабилизирующий потенциал [118, p. 128–147]. Если в 1890-е гг. Бунге предупреждал об опасностях переселения как механического процесса «пересадки» центральных институтов на периферию [63, с. 21], то после 1910 г. эта «садовая» метафора использовалась уже более категорично. Ссылки на раннюю научную утопию Фрэнсиса Бэкона и его представления о колонизации как культивации общества играли заметную роль, вдохновляя программные концепции Гинса («Взращивание страны похоже на выращивание леса… Для правительства, пусть оно будет в одних руках, при содействии какого-либо совета») [119, с. 329, 331]. Гинс дважды повторил это заявление: «колонизовать страну – все равно что сажать лес»[120, вып. 1, с. 34; 103, с. 40]. Еще до войны проект колонизации как строительства нового общества-региона сверху готовился к взаимодействию с построением социалистического общества.

Не удивительно, что идеи и люди, участвовавшие в позднеимперской колонизации, перешли и в советскую эпоху. Их переход, задокументированный Питером Холквистом, не был автоматическим или заранее определённым; во многом его можно сравнить с переходом других категорий дореволюционных экспертов, например, с переходом экономистов и специалистов по статистике, изученным Алессандро Станциани [85, p. 171–179; 121]. К 1919 г., в разгар Гражданской войны, Вощинин пытался возродить идею журнала, который должен был стать советским продолжением «Вопросов колонизации». Сибирь и Средняя Азия контролировались антибольшевистскими силами, и всё внимание было обращено на северные районы Мурманской и Архангельской областей. Вощинин применял те же аргументы, что раньше использовались в восточных степях, а это означает, что понятие Востока играет второстепенную роль в глубинном понимании этих явлений. Тот же автор, который несколько лет назад восхвалял вновь обретённое достоинство крестьянства на окраинных землях, теперь характеризовал довоенную политику как «кустарническую» и бессистемную. Крестьянскую миграцию во времена Столыпина он называл

«пересадкой человеческой накипи» за Урал – крайний пример тенденции воспринимать колонистов как пассивный объект, а не как активных действующих лиц «организованной» колонизации. Он вспоминал дореволюционное Переселенческое управление как ценного предшественника по-прежнему целостного и эффективного «аппарата колонизации», оперативной машины, которую нужно запустить, обеспечив её, наконец, «диктаторскими полномочиями», которых она, по сути, никогда не имела при царском режиме. Он считал, что теоретические и практические установки последних лет существования империи необходимо было преобразовать; следовательно, в общем виде цели колонизации можно обозначить как «развитие производительных сил» и реализацию «государственной экономики в крупных масштабах» [122, с. 9–13; изменение во взглядах Вощинина было поразительным, так как именно он написал хвалебную статью о Кривошеине в 1916 г.; см.: 85, с. 176].

Заключение

Хотя колонизация внесла свой вклад в «сложный процесс превращения Сибири и Дальнего Востока в Россию»[15, с. 223], её мотивы не были ни моноцентристскими, ни статичными. Это не был единый постепенно реализуемый проект национально-государственной интеграции, скорее, концепт колонизации возник из дискуссий, достигавших различных точек равновесия на разных этапах. Не было согласия по поводу того, какое общество должно было «расшириться» на новые территории, цель преследовалась с разной степенью интенсивности, использовались разные инструменты в разное время. Крестьянская миграция существовала веками, и государство и раньше применяло демографическую политику. Распределение мультиэтнической рабочей силы на его территории предшествовало введению в обиход европейских колониальных понятий и основанию Переселенческого управления. Идея строительства лучшего общества на периферийных нетронутых территориях была не нова [123; 12, p. 70, 87–88]. Современные идеологии колонизации не противоречили этим моделям пространственной трансформации, но переросли их, добавив большую, хотя и амбивалентную интенсивность, которая стала результатом сложного контекста пореформенного периода. Со временем управляемая миграция на окраины стала считаться мощным инструментом изменения общества и самой России. Она появилась на основе ряда подходов к управлению расширяющейся династической империи и стала политическим мифом, стратегией ускорения модернизации, окрашенной патриотическими и даже социалистическими настроениями. Она отразила сознание эры революций не менее, чем сознание эпохи империй.

В России неохотно использовали термин «колония» или рассматривали колонию как переходный этап [21, с. 162], потому что в середине XIX в. это слово ассоциировалось с политической независимостью. В той мере, в какой колонии являлись «новой политической организацией» [124, p. 4, 10], они конфликтовали с набирающим силу понятием территориальной целостности, озвученным в рамках государственной и национальной идеологии. Напротив, «колонизация» была очень популярна. Она дала пространственное выражение желанию реализовать цивилизаторскую миссию, понимаемую по-разному. Противники ставили под сомнение её осуществимость, но не её достоинства. Тем не менее эти заявления включали различную мотивацию. Некоторые, но не все, были связаны с колониальной и даже имперской точкой зрения. Споры разгорались после военного поражения, во времена ожидания реформ и усилились после политических и социальных кризисов, которые происходили с нарастающей степенью опасности (1881, 1891, 1905–1907). Независимо от успехов в трансформации территорий (которые были значительны, по крайней мере, в Сибири), к колонизации стремились с постоянным чувством амбивалентности, удачно переданным Ремневым и Суворовой в образе «сомнительных культуртрегеров» [17, с. 219–221]. Именно поэтому, по замечанию Сандерленда, для обозначения этого явления использовалось не одно слово, а два: «колонизация» и «переселение». Эксперты разрабатывали этот вопрос на основе дихо-

томии переселения/колонизации Леруа-Больё, которая охватывала и дикость, и культурное превосходство. Эта двойная терминология проецировала культурную дистанцию, уже существовавшую в цивилизаторском ядре, на периферию [13, p. 103–105; 125, с. 275].

«Переселение» было связано с неустойчивым распределением населения по территориям. Оно обозначало выживание в среде, которая, несмотря на трудности, могла романтизироваться. В лучшем случае оно удовлетворяло материальные потребности или нерасчетливую жадность бедноты. Оно могло привести к дерусификации, бедности и смерти, как изображено на картине С.В. Иванова «В дороге. Смерть переселенца (1889)».

«Колонизация», напротив, обозначала целенаправленную, экономически устойчивую и культурно влиятельную трансформацию среды. Только этот термин вызывал чувство национального достоинства и ассоциировался с прогрессом. Эти два слова использовались вместе, но они также циклически противопоставлялись для высказываний о прошлых неудачах, которые вскоре будут преодолены благодаря будущим подходам. Значение колонизации со временем обогатилось новыми смыслами – от предоставления «помощи переселенцам» до организации жизни людей на новом месте и, наконец, после Революции 1917 г., строительства «государственной организации и социального производства».

Переселение стало целью, систематической политикой и специализированной сферой в конце 1870-х и начале 1880-х гг., когда крестьяне, интеллектуалы и правительственные чиновники в прямом и переносном смысле пересекли Уральские горы, преследуя параллельные, хотя и не всегда взаимоисключающие намерения. Крестьяне искали свой идеал лучшей жизни в пространственных терминах и перемещали его дальше на восток. Интеллектуалы изучали новые места и проецировали на них собственные представления о гражданском долге и социально-политическом обновлении. Правительственные чиновники видели в крестьянской миграции на азиатские окраины способ усиления государства после революционного кризиса 1881 г. Из узкого понимания миграции как «царской социальной политики» выросло её восприятие как стратегического проекта интеграции и модернизации окраинных территорий. Гибкость и неопределённость концепта позволили включить в него различные мотивации под знаменем «колонизации Азии», что дало возможность достичь компромисса, хотя и шаткого, между государственными приоритетами и служением народу.

Идеологическая насыщенность периода после 1907 г. отражала политическую нестабильность и стремление к модернизации. Чрезвычайная ситуация, возникшая в результате беспрецедентной волны переселения, совпала с некоторым «разочарованием в колонизационном потенциале русского народа» [16, с. 170]. Эти факторы вызвали широко распространённую веру в то, что стихийность крестьянства как никогда раньше является недостаточным условием. Колонизация требовала неких широких впечатляющих жестов: специальных институтов, большего количества ресурсов, планирования, инфраструктуры, новых законов, образования или же сочетания всего перечисленного. Реформизм, последовавший за конфликтами 1905 г., ещё сильнее подчеркнул культурную значимость Азиатской России как поля для проверки величия Империи, достоинства России как нации и её способности стать процветающей державой. Поэтому существовавшие ранее модели дискурса, такие как образ быстрорастущего нового общества, стали более выпуклыми. Прежний упор на ассимиляцию был частично модифицирован упованиями на создание лучшей России на окраинах.

Стремление заселять и развивать не обязательно должно было привести к единому авторитарному плану. Действия чиновников на местном уровне иногда приводили к размыванию границ между назначенными правительством колонизаторами и представителями общества. Заведующего землеустройством и переселенческим делом Забайкальской области Д.М. Головачева характеризовали одновременно как сибирского патриота, влиятельного гласного городской думы и эффектив-

ного переселенческого чиновника [См. коллекцию некрологов в сибирской прессе: 126]. Ленин утверждал, что для того, чтобы начать эксплуатировать огромный азиатский потенциал, России нужны революция и новое государство. Среди идеологов Переселенческого управления такое отношение переросло в прометеево видение модернизации в сочетании с неограниченной волей. Их технократическая направленность являлась и причиной, и следствием полуутопического понимания развития окраинных территорий как крупномасштабной социальной трансформации. Именно поэтому *этот* компонент царской элиты в *это* время (1910–1914) стал определять Азиатскую Россию как колонию.

В их понимании это слово не обозначало территорию, заселённую нерусскими народами, которые будут подчиняться особым институтам. Оно обозначало мечту о пространстве, которое можно видоизменять, где реформаторы могут свободно строить каналы и железные дороги, основывать новые деревни и города, внедрять современные технологии, делать кочевников оседлыми, заниматься преображением русского крестьянина в «нового человека», и делать это без ограничений, накладываемых конкурирующими интересами министерств, консервативных землевладельцев или влиятельных губернаторов. Поэтому определение колонии предполагало акцент на образ Азиатской России как гигантского государственного имения. Нереализованное предложение превратить Переселенческое управление в министерство Азиатской России [127, p. 120–150; 21, с. 170] явилось логическим следствием желания дать реформаторам-колонизаторам власть для достижения этих целей. Гинс выдвинул, пожалуй, самый изощрённый аргумент в защиту такого пути развития, хотя образ «государственной плантации», доверенной колонизатору-законодателю, плохо сочетался с институциональными и политическими реалиями самодержавного государства позднего периода существования. В то же время, представление колонизации с производственной и демографической точки зрения позволило рассматривать её независимо от имперского образа правления [См. советский учебник двух дореволюционных специалистов: 128; для анализа взаимодействия колонизационной и деколонизационной политики в советский период, см.: 129]. В единственной сравнительной диаграмме в «Атласе Азиатской России» (1914) Переселенческого управления не упоминаются ни «империи», ни «колонии», не проводится различие между цивилизованным Западом и колониальным Востоком. В ней сравниваются «величина и населенность главнейших государств мира» (включая Китай, Аргентину и Норвегию). В каждом случае заселённая «метрополия», если таковая имеется, несколько произвольно отделяется от удалённых, не имеющих названия малонаселённых территорий. Демографическая плотность была единственным критерием пространственной дифференциации. В этом списке примеров Азиатская Россия отличается от европейской просто как окраинная территория, ждущая заселения и развития [130, с. 26]. В таком понимании колонизация смогла пережить крах империи и сохраниться в советский период как понятие, обозначающее совокупность методик и комплекс идей, взаимодействуя с идеологией совершенно другого государственного строя.

Список источников и литературы

1. *Азиатская Россия*: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия: В 3-х т. СПб.: Тип. Т-ва А.Ф. Маркса, 1914. Т. 1. 576 с.

2. *Holquist P*. Dilemmas of a Progressive Administrator: Baron Boris Nolde // Kritika. vol. 7. 2006. № 2. P. 241–273.

3. *Weaver John C.* The Great Land Rush and the Making of the Modern World, 1650-1900. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2003. 497 p.

4. *Treadgold D.* The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the War. Princeton: Princeton University Press, 1957. 278 p.

5. *Coquin François-Xavier.* La Sibérie: peuplement et immigration paysanne au XIX siècle. Paris: Institut d'études slaves, 1969. 789 p.

6. *Скляров Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л.: Наука, 1962. 558 с.

7. *Breyfogle N.* Russian colonizations: An introduction // Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history / Ed. By N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; N. Y.: Routledge, 2007. P. 1–18.

8. *Breyfogle N.* Enduring Imperium: Russia/Soviet Union/Eurasia as Multiethnic, Multiconfessional Space // Ab Imperio. 2008. № 1. P. 75–129.

9. *Sunderland W.* What is Asia to Us? Scholarship on the Tsarist 'East' since the 1990 s. // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. vol. 12. 2011. № 4. P. 817–833.

10. *Bassin M.* Visions of Empire: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840 – 1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 329 p.

11. *Bassin M.* Turner, Solov'ev, and the 'Frontier Hypothesis': The Nationalist Signification of Open Spaces // Journal of Modern History. vol. 65. 1993. № 3. P. 473–511.

12. *Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 264 p.

13. *Sunderland W.* Empire without Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia // Ab Imperio. 2003. №. 2. P. 101–14.

14. *Sunderland W.* Peasant Pioneering: Russian Peasant Settlers Describe Colonisation and the Eastern Frontier, 1880–1910s. // Journal of Social History. vol. 34. 2001. № 1. P. 895–922.

15. *Ремнев А.В.* Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX вв. // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 135–158.

16. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // Полития. 2010. № 3/4. С. 150–191.

17. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой, или «сомнительные культуртрегеры» // Ab Imperio. 2008. № 2. С. 157–222.

18. *Etkind A.* Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011. 264 p.

19. *Moon D.* Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897 // The Historical Journal. vol. 40. 1997. № 4. P. 859–893.

20. *Sunderland, W, Holquist, P.,Geraci, R., McDonald, D.,* Colonialism and Technocracy at the End of the Tsarist Era // Slavic Review. vol. 69. 2010. № 1 P. 120–188.

21. *Ремнев А.В.* Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без Министерства колоний – русский «sonderweg»? // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917): [сборник / ред.: М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер]. М., 2010. С. 150–181.

22. *Sunderland W.* The 'Colonization Question': Visions of Colonization in Late Imperial Russia // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. vol. 48. 2000. № 2. P. 210–232.

23. *Donald Mc D.* Russian Statecraft after the Imperial Turn: the Urge to Colonize? // Slavic Review. vol. 69. Spring, 2010. № 1. P. 185–188.

24. *Клаус А.А.* Наши колонии. СПб.: Типография В.В. Нусвальта, 1869. 516 с.

25. *Stanziani A.* The Traveling Panopticon: Labor Institutions and Labor Practices in Russia and Britain in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // Comparative Studies in Society and History. vol. 51. 2009. № 4. P. 715–741.

26. *Breyfogle B N.* Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca, Cornell University Press, 2005. 347 p.

27. *Гинс Г.К.* Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912). Пг.: ГУЗЗ, 1914. 397 с.

28. *ПСЗ РИ – II*

29. *Христофоров И.* Между частным и казенным: крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности // Российская история. 2011. № 2. С. 93–109.

30. *Христофоров И.* От Сперанского до Столыпина. Крестьянская реформа и проблема землеустройства // Российская история. 2011. № 4. С. 27– 43.

31. *Соловьев С.М.* О влиянии природы русской государственной области на ее историю // Отечественные записки. 1850. № 2. С. 229–244.

32. *Ещевский С.В.* Русская колонизация северо-восточного края // Вестник Европы. 1866. № 1. С. 211–257.

33. *Щапов А.П.* Земство // Щапов А.П. Сочинения. В 3-х т. СПб.: Пирожков, 1906. т. 1. С. 753-759.

34. *Бестужев-Рюмин К.Н.* О колонизации великорусского племени // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. т. 134. С. 776–784.

35. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 тт. М., 1987. т. 1. 432 с.

36. *Герцен А.И.* Письмо к Джузеппе Мадзини // Собрание сочинений. М.: АН СССР, 1954–1965. Т. 13. С. 339–347.

37. *Masoero A.* La funzione dell'esempio americano in Herzen e Černyševskij // Masoero A., Venturi A. Il pensiero sociale russo. Modelli stranieri e contesto nazionale. Milan: Franco Angeli, 2000. P. 33–93.

38. *Долбилов М.Д., Миллер А.И.* Западные окраины в 1855 – 1862 гг. // Западные окраины Российский империи. М.: НЛО, 2006. С. 123–176.

39. *Венюков М.И.* Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии (1867) // Колокол. № 9. Репринт: Москва: Наука, 1964. С. 1–10.

40. *Венюков М.И.* Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб.: Безобразов. 1877. С. 68–134.

41. *М.В. (М.В. Венюков)* Вопрос о колонизации // Время. 1861. № 10. С. 1–16.

42. *Ремнев А.В.* У истоков российской имперской геополитики: азиатские пограничные пространства в исследованиях М.И. Венюкова // Исторические записки / Рос. акад. наук, отд-ние истории. М., 2001. Вып. 4. С. 344–369.

43. *Есаков В.А.* Михаил Иванович Венюков, 1832–1901. М.: Наука, 2002. 242 с.

44. *Завалишин Д.* Колония как важная ступень в развитии человечества // Восточное обозрение. 1883. 23 июня.

45. *Roscher W G.F.* Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. 2nd ed. Leipzig: Winter, 1885.

46. *Березин И.Н.* Метрополия и колония // Отечественные записки. 1858. № 3. С. 84–115.

47. *О европейских колониях.* О сочинении Рошера «Kolonien und kolonialpolitik»// Сибирский сборник. СПб., 1887.

48. *Риттер К.* Землеведение Азии. СПб.: Безобразов, 1856. т. 1. 736 с.

49. *Сухова Н.Г.* Карл Риттер и географическая наука в России. Л.: Наука, 1990. 206 с.

50. *Леруа-Больё П.* Колонизация у новейших народов. СПб: Общественная польза, 1877. 528 с.

51. *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск: Омский гос. университет, 1997, 252 с.

52. *Masoero A.* Il regionalismo siberiano nel contesto imperiale russo, 1855–1907 // Rivista storica italiana. vol. 116. 2004. № 3. С. 1044–1058.

53. *Ремнев А.В.* Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли: [сб. ст.] / Ин-т рос. истории РАН. СПб., 1997. С. 142–156.

54. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.

55. *Renner A.* Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the 'Invention' of National Politics // The Slavonic and East European Review. vol. 81. 2003. № 4. С. 659–682.

56. *Maiorova O.* From the Shadow of Empire. Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. Madison: University of Wisconsin Press, 2010. 277 с.

57. *О колонизации* // Век. 1861. 7 июля. № 22.

58. *Steven G. Marks*. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. Ithaca: Cornell University Press, 1991. 240 p.

59. *РГБ ОР*

60. *Васильчиков А.И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб: Тип. М. Стасюлевича. Т. 1. 565 с.; Т. 2. 1008 с.

61. *Ядринцев Н.М.* Положение переселенцев в Сибири // Вестник в Европе. 1881. № 7/8. С. 601–620.

62. *Ядринцев Н.М.* Наши выселения и колонизация // Вестник Европы. 1880. № 7. С. 448–486.

63. *Бунге Н.Х.* Загробные заметки // Река времени. 1995. № 1. С. 198–254.

64. *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге и вопросы переселенческой политики в 80 – 90-е гг. XIX века // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1982. С. 103–123.

65. *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Скороходов, 1894. 291 с.

66. *Кондратьев Н.Д.* Рост населения как фактор социально-экономического развития в учении М.М. Ковалевского // Ковалевский М.М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851–1916). Пг.: Артистич. заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917. С. 196–217.

67. *Колонизация Сибири* в связи с общим переселенческим вопросом. СПб.: Государственная типография, 1900. 374 с.

68. *Сибирь* в составе Российской империи /Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: НЛО, 2007. 368 с.

69. *Holquist P.* To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / ed. Ronald G. Suny and Terry Martin. New York: Oxford University Press, 2001. P. 111–144.

70. *От Владивостока* до Уральска. Путеводитель к путешествию Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича. СПб.: Министерство внутренних дел, 1891. 461 с.

71. *Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton: Princeton University Press, 2000. 580 p.

72. *Журнал Комитета* Сибирской железной дороги. 27 января 1899 // Материалы канцелярии Комитета Министров. СПб., 1899. Т. 7.

73. *Южаков С.Н.* Англо-русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд. СПб.: Русская скоропечатня, 1885. 106 с.

74. *Южаков С.Н.* Переселенческий вопрос // Северный вестник. 1886. № 8. С. 25–48.

75. *ГИАОО*

76. *Корнилов А.А.* Воспоминания // Минувшее. 1991. № 11. С. 9–118.

77. *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж: В.И. Исаев, 1900. 474 с.

78. *Campbell I. W.* Settlement Promoted, Settlement Contested: The Shcherbina Expedition of 1896–1903 // Central Asian Survey. vol. 30. 2011. № 3–4. P. 423–436.

79. *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890-1891. Т. 2. СПб.; Лейпциг, 1897. 247 с.

80. *Laruelle M.* 'The White Tsar': Romantic Imperialism in Russia's Legitimizing of Conquering the Far East // Acta Slavica Iaponica. vol. 25. 2008. P. 113–134.

81. *Schimmelpenninck Van der Oye D.* Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, Northern Illinois Press: 2006. 329 p.

82. *McDonald D.* United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. 276 p.

83. *Чиркин Г.Ф.* Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Пг.: ГУЗЗ, 1916. 45 с.

84. *Чиркин Г.Ф.* Колониальные интересы в современной войне и наши задачи на Ближнем Востоке. Пг.: ГУЗЗ, 1915. 25 с.

85. *Holquist P.* In Accord with State Interest and the 'People's Wishes'. The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // Slavic Review. vol. 69. 2010. № 1. 151–179 p.

86. *Хвостов А.* Русский Китай: наша первая колония на Дальнем Востоке // Вестник Европы. т. 36. 1902. № 10. С. 653–696.

87. *Ремнев А.В.* Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // Сибирская Заимка: история Сибири в научных публикациях: Электрон. журн. 2002. № 8.: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://zaimka.ru/remnev-border (дата обращения 29.08.2011)

88. *Кауфман А.А.* Переселение. Мечты и действительность. М.: Народное право, 1906. 37 с.

89. *Успенский А.* Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. 1907 № 2. С. 1–28.

90. *Витте С.Ю.* Внутреннее обозрение. Значение колонизации Сибири и будущность наших тихоокеанских портов, по всеподданнейшему докладу министра финансов // Русское экономическое обозрение. т. 8. 1903. № 2. С. 84–92.

91. *Вощинин В.П.* Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912. 148 с.

92. *Сообщение Н.Л. Скалозубова* о сибирских вопросах в Государственной думе (25 июля 1910) // Сибирский листок. 1908–1911// Сост.: В. К. Белобородов, Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Мандрика, 2003. С. 389–398.

93. *Стишинский А.* Гг. Губернаторам. Циркулярно, январь 11, 1893, 3 13771 // Материалы земского отдела. СПб.: Министерство внутренних дел, 1882 – 1895. С. 1–7.

94. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб.: Общественная польза, 1905. 444 с.

95. *Masoero A.* Autorita e territorio nella colonizzazione siberiana // Rivista Storica Italiana. vol. 115. 2003. № 2. P. 439–486.

96. *Ленин В.И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг. //Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1979. Т. 16. С. 193–413.

97. *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 107–126.

98. *Столыпин П.А.* – Николаю Романову, 26 сентября 1910. Из переписки П.А. Столыпина с Николаем Романовым // Красный архив. Т. 5. 1928. № 30. С. 82–83.

99. *Записка Председателя Совета министров* и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. СПб.: Государственная типография, 1910. 140 с.

100. *Чиркин Г.Ф.* О задачах колонизационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 1–37.

101. *Вощинин В.П.* На сибирском просторе. Картины переселения. СПб.: Наш век, 1912. 91 с.

102. *Татищев А.А.* Земли и люди. В гуще переселенческого движения. 1906–1921. М.: Русский путь, 2001. 375 с.

103. *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация // Вопросы колонизации. 1913. № 13. С. 39–99.

104. *Розен А.Е.* Записки декабриста. Лейпциг: Duncker & Humblott 1870. 435 с.

105. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп., иллюстр. 16 сиб. видами и типами. СПб.: И.М. Сибиряков, 1892. XII. 720 с.

106. *Потанин Г.Н.* Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П.П. Семенова. СПб. – М.: Вольф, 1884. Т. 11. Западная Сибирь. С. 31–48.

107. *Guins G.* Professor and Government Official: Russia, China, and California. Berkeley: University of California, Bancroft Library, Regional Oral History Office, 1966. 364 p.

108. *Положение о поземельном устройстве* крестьян и инородцев на казенных землях сибирских губерний и областей // Программа реформ П.А. Столыпина. Документы и материалы / под ред. Р.А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 2, с. 275–287.

109. *Kotsonis Y.* The Problem of the Individual in the Stolypin Reforms // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. vol. 12. 2011. № 1. P. 25–52.

110. *Sartori P.* Colonial Legislation Meets Shari'a: Muslims' Land Rights in Russian Turkestan // Central Asian Survey. vol. 29. March 2010. № 1. P. 43–60.

111. *Pravilova E.* The Property of Empire: Islamic Law and Russian Agrarian Policy in Transcaucasia and Turkestan // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. vol. 12. 2011. № 2. P. 353–86.

112. *Masoero A.* Layers of Property in the Tsar's Settlement Colony. Projects of Land Privatization in Siberia in the Late 19th Century // Central Asia Survey. vol. 29. March 2010. № 1. P. 9–32.

113. *Праздников А.А., Сборовский Н.А., Шуман Н.К.* Нарымский край. Сводка отчетных данных по обследованию в 1908 – 1909 гг. чинами Томской переселенческой организации левобережной по Оби части Нарымского края. Томск: Сибирское товарищество печатного дела, 1910. 76 с.

114. *Pravilova E.* Les 'res publicae' russes. Discours sur la propriété publique a la fin de l'empire // Annales. Histoire, Sciences Sociales. vol. 64. 2009. № 3. P. 579–609.

115. *Скорняков Е.Е.* Орошение пустынь штата Айдаго в Северной Америке на основании закона Кери. СПб.: Р. Голике и А. Вельборг, 1911. 78 с.

116. *Gerasimov I.V.* Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia: Rural Professionals and Self-organizations, 1905-1930. New York: Palgrave MacMillan, 2009. 325 p.

117. *Скалозубов Н.* Письма депутатов (14 мая 1909) // Сибирский листок. 1908–1911. Тюмень: Мандрика, 2003. С. 183–185.

118 *Steinwedel C.* Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance // Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History.: Routledge, 2007. P. 128–147.

119. *Bacon F*. Of Plantations // Bacon's Essays. Boston and New York: C.S. Francis & Co., 1857. 536 p.

120. *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. СПб.: Ф. Вайсберг и П. Гершунина, 1913. Вып. 1. 49 с.

121. *Stanziani A*. L'économie en revolution. Le cas russe, 1870-1930. Paris: Albin Michel, 1998. 519 p.

122. *Вощинин В*. Государственно-неотложные задачи колонизации // Очередные вопросы колонизации. 1919. № 1. С. 9–13.

123. Schönle *A*. Garden of the Empire: Catherine's appropriation of the Crimea // Slavic Review. vol. 60 2001. № 1. P. 1–23.

124. *Osterhammel J. Colonialism: a Theoretical Overview*. Princeton: Markus Wiener Publishers, 2005. 146 p.

125. *Эткинд А*. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 265–298.

126. *Дмитрий Михайлович Головачев*. Некролог // Вопросы колонизации. 1914. № 14. 447–459.

127. *Sunderland W*. The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was But Might Have Been // Slavic Review. vol. 69. Spring 2010. № 1. P. 120–150.

128. *Ямзин И.Л., Вощинин В.П.* Учение о колонизации и переселениях. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. 332 с.

129. *Pianciola N*. Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia centrale, 1905–1936. Rome: Viella, 2009. 548 p.

130. *Атлас Азиатской России*. Карта 7. Диаграмма величины и населенности главнейших государств мира. СПб.: Издательство Переселенческого управления ГУЗЗ, 1914. 138 с.

A. Masoero

Territorial Colonization in Late Imperial Russia:
Stages in the Development of a Concept

Summary. This essay explores the colonization discourse articulated by Russia's intellectual and administrative elite, including unofficial and oppositionist components. It traces how a modern vision of resettlement emerged from older patterns of territorial transformation, careful study of the Western colonial experience, and the need to respond to the challenges created by the political and intellectual context of the postreform era.

Key words: colonization, resettlement Resettlement management.

УДК 330.8 (4)

С.К. Лебедев

АДОЛЬФ РОТШТЕЙН И РУССКО-КИТАЙСКИЙ БАНК

Часть материалов статьи собрана в рамках проекта «Россия и мир в конце XIX – первой половине XX в.», проект РГНФ № 16-01-14056

Аннотация. В статье анализируется деятельность А.Ю. Ротштейна – главного финансового эксперта министра финансов С.Ю. Витте, директора Санкт-Петербургского международного и Русско-Китайского коммерческого банков. На основе анализа деловой корреспонденции менеджеров международных банков, в частности А. Ротштейна, показана роль финансовых экспертов в от-

ношениях с мировыми денежными рынками, операциях в сфере государственных займов. Охарактеризовано значение банка как финансово-политического института Российской империи.

Ключевые слова: банки, А.Ю. Ротштейн, финансовые эксперты, международные финансовые группы, русский империализм.

Тема этой статьи возвращает меня в конец 1970-х гг., к началу наших с Анатолием Викторовичем занятий в семинаре Бориса Васильевича Ананьича, который предложил ему Комитет министров, С.Ю. Витте, А.Н. Куломзина и Сибирскую железную дорогу, а мне – С.-Петербургский Международный банк.

Финансовый космополитизм стал заметной характеристикой первой волны глобализации в конце XIX в. Как соотносился финансовый космополитизм с русским империализмом, можно видеть в переписке менеджеров международных банков, одним из которых был Русско-Китайский коммерческий банк (далее – РКБ). С именем Адольфа Юльевича Ротштейна (1857–1904), берлинца, остававшегося германским подданным, главного финансового эксперта министра финансов С.Ю. Витте в отношениях с мировыми денежными рынками, связаны выкуп железных дорог в казну, валютная реформа и операции в сфере государственных займов и введения золотого стандарта.

Ротштейн был принят по рекомендации финансового партнёра русского правительства, берлинского банкирского дома Мендельсона, на службу в крупнейший коммерческий банк России – С.-Петербургский Международный (далее – ПМКБ), директором которого он был с 1889 г. до конца своей жизни [см. о Ротштейне: 1], а в эпоху министерства С.Ю. Витте стал «человеком империи» на Дальнем Востоке. Организовав ряд операций в интересах русского государственного кредита в Европе, он стоял у истоков и был с момента учреждения в 1896 г. директором-распорядителем финансово-политического института Российской империи в Восточной Азии – РКБ.

Вместе с тем за счёт дальневосточных отделений РКБ расширилась сеть корреспондентов ПМКБ. Оба банка имели отделения в Париже. Кроме Парижа важным центром капиталов для промышленных проектов 1890-х гг., особенно для горной, металлургической и металлообрабатывающей промышленности новых промышленных районов на Юге России (в Донбассе), был Брюссель.

Действия Министерства финансов России, международных и русских финансовых групп в индустриализации России в конце XIX – начале XX в. отражены в деловой корреспонденции директоров, довольно полно сохранившейся за этот период в архиве ПМКБ в Российском государственном историческом архиве [2, ф. 626, оп. 1]. Особенно ценны пресс-копии [часть из них опубликована И.А. Дьяконовой в её книгах: 3, 4] писем А. Ротштейна, написанных на немецком и французском, частично на английском языках. Этот документальный комплекс является важнейшим источником по деятельности РКБ. В почти ежедневной корреспонденции за ряд лет деловые сюжеты перемежались с бытовыми и личными обстоятельствами, в которых принимали участие деятели первой волны глобальной экспансии международных финансовых институтов на мировых рынках.

Ротштейн стремился создать в Китае русский банк для ведения действительных коммерческих операций. Для этого ему нужно было оттеснить французских партнеров в РКБ от деловой политики, прежде всего, китайских отделений. Отделения РКБ в Москве и Париже, а также отделения там же ПМКБ, наконец, привлечение германских партнёров (Мендельсон и Ко) и вообще банков международной группы Ротшильдов (в которую входили Мендельсон в Берлине и сам ПМКБ) должны были стать опорой для позиции менеджмента РКБ перед лицом директора Banque de Paris

et des Pays-Bas (далее – Париба) Нёцлина. Эдуард Нёцлин, член правления РКБ (по происхождению швейцарский немец, прожил более 20 лет в Париже, имел француженку жену, однако как иностранец (одновременно «немец» и представлявший Россию «казак») подвергался жестким нападкам в националистической прессе Франции в период дела Дрейфуса), и Адольф Ротштейн сходились в том, что оба были иностранцами и являли пример финансового космополитизма в чужих странах. Ротштейн в двух банках (ПМКБ и РКБ в Петербурге), Нёцлин пробивал себе карьеру во Франции (Париба и РКБ в Париже). Ротштейн (берлинский еврей, истинный космополит, не говоривший по-русски), стал ярким представителем русского империализма.

Ротштейн был главным финансовым экспертом министра финансов, даже после 1898 г., после занятия Россией Порт-Артура, когда русские бумаги упали и денежные рынки Запада закрылись для русских займов. Второй китайский заем было несравнимо труднее реализовать в этой ситуации (первый золотой 5%-й заём 1895 г. для ликвидации обязательств перед Японией по итогам японо-китайской войны был гарантирован Россией). Ротштейн прямо высказывался, что для русских ценностей было бы хорошо, если бы Британия начала очередную войну, ибо ПМКБ вложил средства в военное производство Путилова. Второй заем был контрибуцией после подавления восстания ихэтуаней. Ротштейн полагал неверным вздувать русские убытки от восстания в зоне КВЖД, в отличие от западных партнёров. Он вообще критиковал политику держав в Китае, подчеркивая, что у России – другой характер отношений с этой страной, чем у Запада, как это он сделал в интервью «Нью-Йорк Таймс» [5, June 22, 1900 (Все даты – по новому стилю. – *С.Л.*)] в июне 1900 г., когда он, по поручению С.Ю. Витте, встречался в Нью-Йорке с американскими банкирами.

Тезис о лучшем понимании Китая и об особых с ним отношениях России буквально соответствует инструкциям Николая II русским дипломатам в этот период. Более того, самое начало царствования этого императора связано с увлечением Восточной Азией не только политических, но и культурных элит, с «восточничеством», модой на буддизм. Восток призван был стать известной альтернативой западничеству внутри русского общества. Это был долгосрочный проект будущего Российской империи в Азии, который зримо выражался в строительстве Сибирской железной дороги через Маньчжурию до Тихого океана, с ветвью к Жёлтому морю.

Другие интересы Ротштейна видны из его переписки с мужем свояченицы (сестры жены) Адольфом Вертом, ставшим отцом будущего известного британского журналиста Александра Верта [1, с. 134; см. также: 6], директором Шанхайского филиала РКБ (Русско-Китайский банк открыл свое отделение в Шанхае (оно было главным для китайских отделений банка) 12 марта 1898 г., а три года спустя обосновался на деловой набережной Бунд (Bund), 15, современная Жоньшань Лу – сейчас в этом здании располагается фондовая биржа), способным и предприимчивым менеджером, вынужденным покинуть этот пост по причине болезни.

В письме от 24 октября 1898 г. Ротштейн писал: «Вы видите из моих предыдущих писем, как мало мне импонирует агрессивный поворот нашей здешней политики (в Китае. – *С.Л.*) ... Сегодня мы можем совершенно спокойно констатировать, что единственным результатом этой кампании стало то, чтобы пробудить Англию от многолетней летаргии и вдруг показать всему миру, что Россия через несколько лет будет в состоянии силой защитить свою китайскую позицию, в случае если другие морские державы выступят агрессивно. То, что прочие морские державы для этого не имеют ни времени, ни желания – божье благословение, но, по правде сказать, не заслуга нашей внешней политики» [2, ф. 626, оп. 1, д. 1388. Ротштейн – Верту 24 октября 1898, л. 316–317]. В письме Ротштейна директору Пекинского филиала РКБ Д.Д. Покотилову в Пекин и А. Верту в Шанхай 21 декабря 1897 г. говорилось о «конфузе новейшего китайского займа». Ротштейн отмечал, что «о целесообразности занятия Порт-Артура есть разные мнения, достоверно, однако, лишь то, что все дело месяцами обговаривалось с Германией и Францией».

Ротштейн также последовательно отстаивал русское преобладание над французами в РКБ (в этом его всегда подозревало французское дипломатическое ведомство). В октябре 1909 г. секретарь французского посольства в Петербурге А. де Панафьё писал своему министру иностранных дел, что при прежней администрации РКБ, особенно во времена Ротштейна, французский персонал был под подозрением, и предпочтение отдавалось служащим германо-еврейского происхождения, которые давно осели в России и на Дальнем Востоке, приобрели довольно растяжимые нравственные понятия и, занимаясь делами банка, посвятили себя главным образом достижению собственных деловых интересов. Более того, организация банка, двойная администрация в Париже и С.-Петербурге, отсутствие контроля и инспекции позволили директорам отделений на Дальнем Востоке стать абсолютно независимыми и не спрашивать указаний правления. Особенной критике был подвергнут директор Шанхайского отделения, который всегда обладал всей полнотой власти и как глава всех отделений на Дальнем Востоке. «Он был способен вовлечь банк в долгосрочные авантюры, от разрушительных результатов которых банк страдает до сих пор и будет страдать ещё долго. И правление находилось под его влиянием. По причине своего происхождения у директоров отделений РКБ на Дальнем Востоке не было симпатий к французским предприятиям» [Цит. по: 7, p. 2– 22]. Последний пассаж письма кажется нарочитым преувеличением, по меньшей мере, в отношении шёлкового дела, которое Шанхайский филиал РКБ вёл во взаимодействии с лионскими торговыми домами, главными покупателями шёлка для континентальной Европы, и особенно с фирмой О. Шабриера, французского члена правления РККБ.

Впрочем, своему другу и коллеге по РКБ и ПМКБ Теодору (в России – Фёдору Карловичу) Нотгафту (тот пытался наладить отношения с англичанами, что было невозможно до политического соглашения обеих империй, произошедшего лишь в 1907 г.) [1, с. 92] Ротштейн писал: «Я абсолютно против превращения фирмы (РКБ. – *С.Л.*) во франко-русскую»[2, ф. 626, оп.1, д. 68, л. 152 (Ротштейн – Нотгафту 9 сентября 1897 из Ишля в С.-Петербург)].

В ноябре 1898 г. Ротштейн подготовил проект организации информационного сопровождения деятельности РКБ на Дальнем Востоке. Он отмечал, что «все информационные услуги из Китая и в Китай находятся целиком в руках агентства Рейтер, и они односторонне обслуживают английские интересы». Ему казалось «почти невозможным» создать конкурирующее агентство как по причине огромных расходов, так и того, что «мы не располагаем в действительности здесь лицами, удовлетворительно подготовленными политически и публицистически, и пройдет длительное время, пока подобное агентство может быть создано, а время для актуальной политики будет потеряно» [2, ф. 626, оп, 1, д. 1388, л. 490 (А. Ротштейн – А. Верту 12 ноября 1898)]. Ротштейн предлагал Верту на месте завязать связи в среде журналистов в Нагасаки и Пекине. «Нечто подобное можно сделать. Если мы Вас будем держать в курсе (в форме банковских депеш – а они шифровались. – *С.Л.*), то Вы сможете в соответствующей газете, которой Вы протежируете, послать эти депеши в виде специальных телеграмм» [2, ф. 626, оп, 1, д. 1388, л. 491]. Далее следовала прямая инструкция: «Нужно выбрать газету, уже пользующуюся известной репутацией, которая не прочь пойти на такого рода деятельность и расходы на которую не будут слишком большими» или воспользоваться услугами местного агентства, поставляющего новости газетам, в случае если оно есть [2, ф. 626, оп, 1, д. 1388, л. 491]. А. Верт должен был, с другой стороны, снабжать правление из Шанхая, Пекина и других городов более обширными политическими новостями для «использования надлежащим образом». Речь шла о создании информационной службы банка, но, безусловно, Министерство финансов было в курсе. Ротштейн думал найти корреспондентов в Париже, Лондоне, Вене, может быть, в Риме и Нью-Йорке [2, ф. 626, оп, 1, д. 1388, л. 491–492].

В дальнейшем эта идея получила развитие в «Проекте организации разведочной деятельности на Дальнем Востоке» [(Д.Б. Павлов относит его к зиме 1905/1906 г. и считает, что его автором

был чиновник Министерства финансов (в дальнейшем директор Русско-Азиатского банка на Дальнем Востоке) Л.В. фон Гойер). См.: 8, с. 248]. Автор проекта отмечал, что японцы поняли важное значение Шанхая, этой «столицы Дальнего Востока как в деле добывания всякого рода сведений, так и распространения своих идей среди массы европейского и китайского населения. Шанхай служил им дверью, в которую проникала их пропаганда и из которой одновременно выходили сумма добытых со всех сторон Китая сведений» [Цит. по: 8, с. 248]. Японцы ещё до Русско-японской войны смогли через директоров крупнейшей японской фирмы в Китае «Мицуи», а также «Иокогама Специе банк» и пароходной компании «Ниппон Юсен Кайся» получать информацию из важнейших центров деловой жизни Шанхая: таможни, пароходных компаний и компаний речного сообщения, банков, телеграфа, телефона, клубов, гостиниц, прессы, книгопечатен. Автор записки отмечал, что среди служащих Шанхайского отделения РКБ было много так называемых «португальцев», т.е. полукровок, филиппинцев, маккаистов, а во главе отдела корреспонденции «находилась крайне подозрительная личность – голландский еврей, «женатый» на японке, который, по сведениям русской разведки, был связан с японским консульством» [8, с. 254 – 255]. Уже во время Русско-японской войны один из руководителей Шанхайского отделения «поехал в Японию и привез с собой оттуда японского секретаря» [8, с. 255].

Ротштейн писал Д. Покотилову: «У меня вчера был господин Франки, который через несколько недель отправится в Китай по делам «Compagnie Internationale d`Orient». Ранее я писал Вам о моем отношении к названному обществу. *Для России, которая не может прямо вступать в конкуренцию с Англией, по моему мнению, важна и отрадна любая помощь, которая связана с привлечением ей иностранных капиталов*» (курсив мой. – *С.Л.*) [2, ф. 632, оп. 1, д. 23, л. 163 (А.Ю. Ротштейн – Д.Д. Покотилову 8/21.10.1900)].

Таким образом, видно, что Ротштейн целиком играл на стороне «русской» команды на Дальнем Востоке.

В продолжение выше цитированного письма говорится: «На этом основании я вошел в правление названной компании, так как для банка было невозможно за собственный счет купить акции, и я думаю, что Вы также хорошо сделаете, поставив себя так хорошо, насколько возможно, по отношению к господину (Франки. – *С.Л.*). У нас есть все шансы получить через него очень хороших клиентов, (и) вероятно, если положение позднее вновь успокоится, приобрести для некоторых наших предприятий финансовую поддержку. Мне не нужно Вам говорить, что у нас нет никаких поводов и причин делать это за счет русских интересов, но я вообще не могу думать, что они столкнутся с интересами этой компании. Франки говорил со мною о различных делах, и я Вам, строго доверительно, сообщаю о его высказываниях: во-первых, они хотят купить концессию Ханькоу-Кантон. Это может стать замечательным делом для нашего филиала в Ханькоу. Во-вторых, они неизменно интересуются делом железной дороги Шаньси и хотят его возобновить. Я ему сказал, что он должен связаться с Вами, и если бельгийцы действительно должны ближе войти в дело, было бы наилучшим, если бы он разработал с Вами возможные изменения контракта. В-третьих, эти люди изучают золотое дело (золотодобычи) в Шанхай-Хуане (Changhai-Kuan), близко расположенной к железной дороге. Налицо должны быть регулярные концессии, и я также не вижу, чтобы были какие-то трудности, чтобы заинтересовать нас в деле. Возможно, дело могло бы быть для нас очень интересным, тем, что мы покупаем производимое там золото через наш филиал в Тиньцзине и посылаем во Владивосток, где нам Госбанк охотно даст беспроцентный аванс в 90 или 95 % (залоговой оценки золота. – *С.Л.*), (по мере того, как мы сможем гарантировать регулярную пробу золотых слитков. Ясно, что мы при этом обойдем всех других конкурентов, и я считаю весьма важным, что мы привлечем в Россию возможно много наличного золота. Конечно, при осуществлении подобной операции нужно принимать во внимание, что одновременно нужно

ремиттировать (переводить деньги) на Лондон; все же будет небезынтересно иметь там в качестве клиентов горнопромышленные предприятия, и здесь я хотел бы Вам посоветовать, возможно, поддержать, насколько в Ваших силах, людей, естественно, если это не сталкивается с русскими желаниями и интересами [2, ф. 632, оп. 1, д. 23, л. 164 – 165].

В ходе реализации своих планов Ротштейну приходилось разрешать интриги и улаживать противоречия между двумя своими доверенными людьми Покотиловым и Вертом, о чем также есть материалы в их переписке. Через несколько месяцев Ротштейн писал Д. Покотилову (13 января 1901): «Я получил Ваше письмо № 1234. Позвольте начать с конца и сказать Вам, что Ваша откровенность мне столь же приятна, как её противоположность вредит. О самом деле я не могу много говорить. Я не знаю, насколько Вы ориентированы господином Вертом. … Бедный человек, к сожалению, тяжело болен, и независимо от его деловой изворотливости, которая, впрочем, в последние месяцы не стоит на высоте прежнего времени, он страдает от бредовых представлений припадков бешенства…

Это совершенно против моих правил и также, вероятно, не может быть слишком большому самомнению и переоценке, которые я имею о своей собственной работоспособности, кого-то силой удерживать на своем посту. Я так сильно буду сожалеть, если такое долголетнее дружеское сотрудничество вдруг найдет столь внезапным образом свой конец, я бы постыдился напоминать Вам о Вашем контракте, если бы я один говорил за весь банк. Но вы знаете, какое влияние в Синоруссе (РКБ. – *С.Л.*) имеет правительство, и я должен сделать для Вас в высшей мере лестное сообщение, что ни господин министр, ни прочие члены правления вообще не хотят слышать о расторжении Вашего контракта. (Ротштейн прямо пишет, что он знает о параллельном обмене информацией между Покотиловым и Витте помимо него. – *С. Л.*). Я знаю, что между Вами и господином Витте состоялся обмен депешами, и также в этот момент он происходит, и потому отказываюсь далее входить в этот вопрос. Но я хотел бы Вам не как чиновнику и подчиненному, но как другу банка и многолетнему доверенному сотруднику все же сказать, что Вы деятельность и работоспособность (потенциал) Верта несколько переоцениваете (завышаете), если думаете, что банк должен остановиться, если он нас на продолжительное или краткое время лишит своего сотрудничества.

Новые служащие будут, может быть, вести дело немного менее субъективно и, я добавлю также, менее гениально. Я не знаю, обладают ли господа темпераментом и инициативой вести банк так, как господин Верт. Я с удовлетворением и благодарностью констатирую, что он делал это ко всеобщему признанию: но я столь же уверен, что ряд беспорядков, которые мы констатировали в последние годы, не произойдет, что порядок с филиалами, обращение с персоналом, которое сейчас нуждается в улучшении, чрезвычайно поднимется при теперешних заместителях директора» [2, ф. 632, оп. 1, д. 23, л. 164 – 165].

Между тем Ротштейн намекает Покотилову, что незаменимых нет, в том числе имея в виду и самого Покотилова, несмотря на известную близость того к Витте. Ротштейн понимал, что он тоже вскоре уйдет, и беспокоился за судьбу своего детища – симбиоз ПМКБ и РКБ, желая осуществить этот проект и сделать его сопоставимым с другими мировыми банковскими группами.

Ротштейн писал председателю совета РКБ князю Е.Е. Ухтомскому 25 ноября 1897 г.: «Важно, что министр вчера открыл счет в нашем Парижском филиале (РКБ. – *С.Л.).* Этот счет менее важен с точки зрения зарабатывания денег, чем для поднятия положения банка в Париже» [2, ф. 626, оп. 1, д. 1386, л. 281].

Ротштейн, руководя РКБ, в котором были значительны интересы Франции, балансировал между французским министром иностранных дел Габриэлем Аното и С.Ю. Витте. Первый с само-

го начала критиковал банк за пренебрежение французскими интересами в Китае. Нёцлин сообщал Ротштейну «в очень ослабленной форме» о выпадах против него Г. Аното. Министр утверждал, что РКБ до сих пор не получил ни одного французского дела, так как банк совершенно не обращал внимания на французов и французские интересы, что для него является препятствием и будет препятствовать в будущем оказывать банку какую-либо протекцию или оказывать услуги различных французских служб в Китае. Он неоднократно подчеркивал в продолжение своего выступления, что другие, «чисто французские элементы», выступают за то, чтобы учредить французское (кредитное) учреждение в Китае (затем этой идеей и далее шантажировали Ротштейна. – *С.Л.*), и что такая комбинация будет им утверждена и найдет его поддержку, в случае если ему не будет предоставлено требуемое удовлетворение.

«Вы знаете, что я нахожусь в очень хороших отношениях с Аното и помимо министерства. Но в течение зимы в министерство Буржуа-Думера, и особенно из-за нашего прохладного отношения к делу англо-германского займа, в канцеляриях министерств финансов и иностранных дел сложилась радикально враждебная нам легенда, которая, между прочим, как представляется, очень направлена, среди прочего, против меня, так как я не имею счастья быть французом, и в своих убеждениях, как кажется, я совершенно стал казаком»! [2, ф. 632, оп.1, д. 4, л. 164 об. – 168 об. (Нёцлин – Ротштейну 9 июля 1896 г.)].

«Но затем настали Ваши московские переговоры и придали делу новый толчок. Мне абсолютно не простили, что я хранил молчание, в то время как другое учреждение (банк), которому я как его соучредитель в банке (РКБ. – *С.Л.)* по его беззастенчивому напору сообщил некоторые общие черты, не молчало… Я не говорю (уже) об утках разных цветов, которые уже долгое время порхают в прессе (вольтижируют). Министр перешёл к своему любимому сюжету: поставках для Маньчжурской железной дороги. Я ответил, что, по моему убеждению, он может не сомневаться, что его ходатайства в принципе будут учтены и что они справедливы, но что следует учитывать цены (других) конкурентов (Французский министр Габриэль Аното лоббировал интересы французских промышленных групп (производителей локомотивов и рельсов прежде всего.) Принимая во внимание наше отставание в сфере цен на рельсы, он мне сказал, что Comité des Forges de France имел уже некоторое время для Транссибирской железной дороги идею, которая ему кажется ловко придуманной. Хозяева де Форж знали некоторые нужды вашего правительства в морях Китая в кораблях, как транспортных, так и в крейсерах, об этом не вспоминают» [там же].

Новые подробности о роли Ротштейна во французских инвестициях в русские предприятия, руководимые деловыми друзьями ПМКБ и РКБ (особенно в Москве), а также на Дальнем Востоке, вносит его переписка с Иосифом Радиным, директором Парижского агентства РКБ. Ротштейн настаивал, чтобы относительно дешёвые кредитные ресурсы из Парижа перетекали в Россию, а не размещались во Франции, где приносили обыкновенный доход, оказывавшийся в общем балансе отделений РКБ убытком. Сын И. Радина, Макс (род. в 1864 г.), начинал в Германии, в «Дойче банк». Устроившись во Франции в 1894 г., М. Радин и там стал успешным администратором золотых копей в Геньере, угледобывающих предприятий Северного бассейна и Bessege [По сведениям французской Сюрте Женераль на 24 августа 1917 г. - 9, ф. 1 к. оп. 27, д. 10464, л. 1]. Потом стал директором филиала ПМКБ в Париже (26 r. Laffitte – по адресу банкирского дома Братья Ротшильд), офицером Почётного легиона, был натурализован во Франции декретом 12 января 1916 г. [9, ф. 1 к, оп. 27, д. 10464, л. 2].

В 1897 г. Ротштейн писал И. Радину в Париж: «Я дал Вам в руки москвичей». Речь идет о том, что деньги для Москвы привлекались из Парижа через Радина. Московские друзья РКБ сбывали на парижской и лионской биржах ценные бумаги своих предприятий. Ротштейн прямо пишет: «Надеюсь, что Вам удастся их реализовать».

Ротштейн продолжает: «Я хотел бы переговорить с господином Шабриером (лионский купец, французский член правления РКБ и постоянный корреспондент Ротштейна. – *С.Л.*), по возможности тотчас после моего прибытия в Париж. Если он не сможет быть в Париже, меня устроит, если он Вам сможет совершенно доверительно передать всё, что он имеет мне сообщить, с тем чтобы я с самого начала мог действовать по его совету. Если г-н Шабриер не сможет прибыть в Париж в последние дни года, то я, хотя у меня мало времени, должен буду поехать на несколько часов в Лион. Конечно, это может быть только за счет моего парижского пребывания.

Хорошо бы было, если бы Вы смогли получить от г-на Шабриера самые точные инструкции и также попросить совета об образе моих действий на месте (в Париже). Я уже объяснял Вам при разных обстоятельствах, что он очень в хороших отношениях с французским правительством» [2, ф. 626, оп. 1, д. 1386, л. 421, СПб. 17.12. 1897]. То есть Ротштейн подстраховывался, спрашивая совета у своего партнера в Лионе (нужно иметь в виду интерес РКБ к шёлку) для уточнения своей позиции на переговорах в Париже с парижскими членами правления РКБ

Переписка с Огюстом Шабриером также сохранилась в фонде РГИА. Ротштейн оказался в Париже в «Гранд отеле» в конце декабря 1897 г., в острый момент, когда Россия заняла Порт-Артур. Шабриер предлагал обсудить вопрос открытия агентств РКБ, которые «нужно открыть южнее Шанхая, который является финансовым центром Китая по преимуществу и где заключаются сделки для Кантона». «Я не знаю, – писал Ротштейн, – где мы можем открыть агентства?» [2, ф. 632, оп. 1, д. 6, л. 53].

Шабриер писал Ротштейну о том, что для торговли открыты новые центры, такие как Chung-King (Chongqing в провинции Сычуань, современный Ченду. – *С.Л.*). В 1890 г. в нём было открыто британское консульство. В следующем году город стал первым внутренним торговым портом, открытым для иностранцев. Консульства Франции, Германии, США, Японии были открыты в 1896–1904 гг., но внутренние области среднего Китая ещё были так мало известны иностранцам, что Шабриер сомневался, можно ли там учредить европейский банк. «Лионская торговая палата два года назад послала экспедицию в Chung-King и в Юннань (Yu-Nan). Члены этой экспедиции должны вернуться, и у меня через месяц будут оттуда новые и полные сведения о Чанду (Chung-King), и я смогу понять, каким образом действовать в этом районе. Сейчас я пойду лишь в Ханькоу, где, если г-да Верт и Верунг найдут удобным, мы сможем учредить агентство. Наш оборот трат с Шанхаем все время удовлетворителен, хотя из-за плохого сбора (урожая) шелка в Китае снизился и оборот Лиона с Шанхаем несколько меньше, чем в предыдущие годы» [2, ф. 632, оп. 1, д. 6, л. 57].

Англичане получили в Ханькоу (главном торговом городе для операций с чаем, таком же, как был Шанхай для экспорта шёлка) концессию в 1861 г., французы в 1866 г., и вслед за ними немцы. В отличие от англо-саксонских купцов русские владели китайским языком, понимали обычаи страны и вели свои дела непосредственно, не обращаясь к посредничеству китайских компрадоров. Именно сильные славянские позиции в Китае стали идеальной точкой соединения французских и русских усилий в Китае [10, p. 83].

О важности переговоров Ротштейна в здании Министерства финансов Франции на ул. Ришелье в Париже, входившем в комплекс Лувра, говорит сохранившаяся записка Шабриера Ротштейну, набросанная на бланке «Гранд Отеля» (Париж. Boulevard des Capucines, 12) 28 декабря 1897: «Я провел все утро в Министерстве финансов в ожидании ответа! Министр Вас примет в 2 S часа. Я заеду за Вами в 2 часа j (с четвертью) в «Гранд Отель». Мы вместе поднимемся по лестнице Лувра!» [2, ф. 632, оп. 1, д. 6, л. 60].

Кроме официальных переговоров с французскими министрами речь шла и о неформальной встрече Ротштейна с французскими членами правления РКБ, являвшимися одновременно крупней-

шими финансистами Франции. Шабриер писал Ротштейну 26 декабря 1897 г.: «Вместе с г-ном Нёцлиным я подтверждаю Вам мою телеграмму с приглашением Вас на обед завтра, в понедельник 27 декабря, у меня, 1 набережная Вольтера, без четверти 8. Будут лишь Вы, господа Готтингер, Нёцлин и я. Мы подумали, что лучше поговорить относительно спокойно о наших делах за общим столом у одного из нас. Поскольку я ещё никогда не имел удовольствия принимать Вас дома, эти господа передали мне их очередь. Итак, я рассчитываю завтра вечером на Вас» [2, ф. 632, оп. 1, д. 6, л. 52].

В другом письме Шабриера Ротштейну от 30 дек. 1897 г. он писал: «Благодарю за доверие, которое Вы мне оказали [2, ф. 632, оп. 1, д. 6, л. 61а – 61а об.]. (возможно, Ротштейн поделился своими планами экспансии «на юг от Шанхая». - *С.Л.*). Видимо, речь шла о том, что в Министерстве финансов Франции Ротштейну дали понять, что не одобряют его планы, но желали бы учреждения франко-китайского банка, где было бы большее участие Парижа, чем в РКБ, который французское правительство подозревало в слишком тесных связях с германскими финансовыми кругами, и, прежде всего, в лице самого Ротштейна. Да и стремление его усилить русский акцент в этом банке (в ущерб французским интересам) раздражал Париж.

В феврале 1898 г. О. Шабриер сообщал А. Ротштейну, что Петербургский Частный коммерческий банк поглотил банкирский дом Рабэн, Рондель и Ко (Rabin, Rondel & Cie) в Лионе и Марселе и учредил в этих двух городах банк с временным капиталом 4 млн франков под именем: Лион-Марсельский промышленный, торговый и колониальный банк: «Именно господин Мураний сделал это дело в Лионе. Он уплатил 4 миллиона дому Rabin, Rondel & Cie, это хорошая цена!! Акции, которые перешли покупателю по 320 франков, быстро поднялись до 400 и более. Акционеры R.R. & Cie – в игре, они могут петь русский гимн!! Капитал будет увеличен до 10 млн франков. Состав правления еще неизвестен, но он будет русским и французским. Цель банка – русские промышленные дела и банковские операции между Францией и Россией. Об этом мне нечего сказать, но есть слово *«колониальный»* (Видимо, С.Ю. Витте, который в это время был очень зол на А. Мурания, доложили об этой «колониальной» составляющей в названии, что означало, что он собирался вмешиваться в дела Дальнего Востока, где уже был РКБ. На конкурента вполне мог донести и А. Ротштейн. – *С.Л.*), которое меня удивляет [2, ф. 632, оп. 1, д. 6, л. 71–71 об. (О. Шабриер – А. Ротштейну 18 февраля 1898)]. Это письмо – ответ на письмо Ротштейна – Шабриеру 9/21 марта 1898 [2, ф. 626, оп. 1, д. 1387, л. 35–37], в котором речь идет о возможных агентствах в Бомбее и Калькутте [2, ф. 632, оп. 1, д. 6, л. 50–51].

В то же время Шабриер писал Ротштейну, что «дело Франко-Китайского банка сейчас в Петербурге, куда г-н Госкье увез его в своем багаже. Вы увидите, что произойдет, когда он его вытащит из своего чемодана. Я только что Вам телеграфировал шифром, чтобы предупредить Вас о миссии и приезде г-на Госкье» [2, ф. 632, оп.1, д. 6, л. 76]. Речь шла об Эдмоне Госкье – парижском банкире, вошедшем при Александре III, благодаря своему датскому происхождению, в круг официальных корреспондентов Министерства финансов России. Он посредничал при заключении первых внешних займов России во Франции еще в конце 1880-х – начале 1890-х гг. Госкье не входил в число крупных банков, с которыми Россия стала работать в конце 1890-х гг. при Витте. Этим, видимо, объясняется скептический тон письма Шабриера, который далее продолжает: «Франко-Китайский! Русско-Китайский!! Индокитайский банк!!! – какой салат!!! Надеюсь, кроме оливкового масла г-жа Госкье добавит туда уксуса! Прибыли … вот чего точно не будет на горизонте» [2, ф. 632, оп.1, д. 6, л. 77].

Таким образом, французское правительство, создавая конгломерат колониальных банков в Китае, создавало им конкуренцию, лишая прибыли.

Весной 1898 г. в переписке менеджеров РКБ речь шла о возможных агентствах РКБ в Южной Азии в Бомбее и Калькутте [2, ф. 632, оп. 1, д. 6, л. 50–51].

На редкость благоприятное положение РКБ банка дало ему возможность финансово-колонизаторской деятельности в трёх частях мира: на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири и Средней Азии.

Русско-Китайский банк, получив отделение в Шанхае от Контуар д`Эсконт, скоро стал лидером в этом городе на рынках серебра, чая (в Россию), шёлка (в Лион). Ротштейн способствовал судоходству на Амуре, развитию золотых приисков в Охотске, на Зее и Лене, мельниц в Благовещенске, Хабаровске и Никольске-Уссурийске, ловли кеты в Николаевске-на-Амуре и экспорту леса с приамурского побережья. Развитие хлопководства затем и производства шелка в Туркестане, которое привело к выдающимся результатам, также в большой степени заслуга Ротштейна [11, p. 125].

Об этом шла речь в той же переписке Ротштейна с Шабриером, например, в письме Ротштейна от 14 декабря 1897 г.: «Что касается создания отделения в Гонконге и, возможно, в Кантоне, Вы скоро получите проект относительно Гонконга. Я также разделяю Ваше мнение относительно серебра. Не скрою от Вас, что если бы я решал в одиночку, мы бы реализовали по 27 или, скажем, по 28, наши партии серебра, сколь бы незначительны они ни были. Но я вам открыто скажу, что наши специалисты (по ссудам и пр.), то есть Нотгафт здесь, Верт – за морем – придерживаются другого мнения… Я хорошо понимаю, что открытие отделений в Индии должно за собой повлечь для нас увеличение капитала, но это не представляет трудности, потому что мы сможем разместить без труда здесь (в Петербурге. – *С.Л.*) от 10 до 15 млн франков. Вопрос отделения в Лондоне много более сложный. Если он будет решен, отделение нам будет стоить очень дорого, и я боюсь, что много лет оно нам не принесет никакого дохода. Резюмируя, весь вопрос, мне кажется, ещё не созрел. Нужно, чтобы мы приняли решение на этот счет (то есть Ротштейн уже готов был отказаться от намерений расширить сеть отделений вплоть до Индии. – *С.Л.*), и я надеюсь, что во время моего пребывания в Париже в последние дни года (нового стиля) мы найдем случай поговорить об этом основательно» [2, ф. 626, оп. 1, д. 1386, л. 381 а – 381 в].

Как уже говорилось, с именем А.Ю. Ротштейна связана активность Русско-Китайского банка в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке: по Амуру до устья, в Приморье, а также в Маньчжурии, и идея финансирования торговых связей России и Китая, а также внутрикитайских связей севера и юга страны. Продажа серебра в Китай и приобретение золота для русской казны в связи с переходом к золотому стандарту. Шёлк, закупленный на авансы лионских торговых домов через посредничество отделения РКБ в Шанхае, направлялся на европейский континент (США не пользовались китайским шёлком), и в период кризиса тяжелой промышленности на грани XX века шёлковая промышленность переживала бум, связанный с модой на шёлковые ткани. Четверть всего китайского шёлка покупалась Шанхайским отделением РКБ и направлялась на шёлковые фабрики в Лион по авансам французских торговых домов (сведения приводит О. Шабриер). Объём сделок с шёлком в Шанхае составлял около 40 000 кип, что представляло сумму оборота 60–70 млн франков. Поскольку Америка не потребляла китайский шёлк, то всё шло в Европу, и наибольшая часть – на рынок Лиона. Таким образом, А. Верт (глава Шанхайского филиала РКБ), делая 15-и миллионный оборот (то есть четверть всех мировых операций с шёлком из Шанхая. – *С.Л.*), имел хорошую долю в этом деле. Чайные операции русских промышленников и купцов, начатые в Ханькоу во второй половине XIX в., получили стабильную финансовую основу в лице отделения РКБ в этом городе. Кроме работы в провинциях Китая на границе с французской колонией Индокитай (сферой активности Banque de l`Indochina) Русско-Китайский банк обсуждал экспансию в Южной Азии, в частности, развитие сети отделений в Индии, где наиболее прибыльными казались опиумные операции.

Ротштейн пытался найти рынок для российских облигаций в Соединенных Штатах. Кроме того, он и Е.Н. Гарриман, «важный железнодорожный собственник», работали над пла-

ном трансконтинентальной железной дороги через Берингов пролив. В 1899 г. Гарриман был спонсором экспедиции на заливе Аляска, якобы занятой изучением естественной истории и геологии. На самом деле она изучала возможность соединения железнодорожной сети Северной Америки с Сибирской магистралью. Ротштейн, представлявший крупнейший «железнодорожный» банк России (ПМКБ), тоже изучал возможности межконтинентальной железной дороги, которая бы связала Аляску с Транссибирской железной дорогой. Это был, пожалуй, апогей планов Ротштейна.

Между тем Россия, а за ней и весь мир вступал в экономический кризис начала XX в. Трудности и банкротства в горной и машиностроительной отраслях тяжелой промышленности, в финансировании которых наиболее активно участвовала банковская группа под управлением команды менеджеров в ПМКБ и РКБ, подорвали положение обоих банков на рынке, а самого Ротштейна – в глазах министра финансов С.Ю. Витте раньше, как он пишет, его «последнего года министерства». В феврале 1901 г., когда С.Ю. Витте назначил первый состав новообразованного Фондового отдела Петербургской биржи, А.Ю. Ротштейн не был включен им ни в состав совета, ни в члены отдела. Это было явное выражение немилости, в которую у министра финансов впал Ротштейн, имевший прежде громадное влияние на бирже. В апреле 1901 г. в собрании акционеров ПМКБ по итогам 1900 г. звучали призывы к смене правления: «Совет Международного банка – только ширма. На каком основании Международный банк приплетает Русско-Китайский банк? Кто их там разберёт, как там они перекладывают счёты справа налево!» [12. Цит. по: 1, с. 396]. Акционеры ПМКБ требовали проверки правительством деятельности банка, и состоявшаяся в том же 1901 г. ревизия Министерства финансов показала, что долги банку пяти промышленных обществ составили около 14 млн руб. [1, с. 400]. Ротштейн, как выяснилось тогда же, имел в ПМКБ 9 счетов с долгом в 2 млн 362 тыс. руб., а обеспечение составляло лишь 1 млн 406 тыс. руб. Проводивший ревизию директор Кредитной канцелярии Б.Ф. Малешевский считал, что убыток по счетам Ротштейна превышал исчисленную сумму в 956 тыс. руб. Ротштейн обязался выплачивать ежегодно в погашение долга половину всех своих содержаний (не менее 50 тыс. руб.) [1, с. 65]. Разумеется, были исключения для своих и в РКБ. Так, Ротштейн подчеркнуто услужливо идёт навстречу крупному финансисту И.Л. Гольдштанду, одному из учредителей РКБ (выступившему в 1889 г. против назначения Ротштейна на пост директора Петербургского Международного банка, когда он стал директором банка только по требованию тогдашнего министра финансов И.А. Вышнеградского, которому Ротштейн помогал в конверсиях государственных займов): «Я разрешаю бланко-кредит (не обеспеченный залогом. – *С.Л.*) (И.Л.) Гольдштанду в парижском филиале (РКБ. – *С.Л.)* 1 000 000 фр. Он никогда не использует эту сумму. И по возможности под дешевый процент» [2, ф. 626, оп. 1, д. 1388, л. 137 (А. Ротштейн – И. Радину, директору парижского филиала РККБ 4.10.1898)].

В октябре 1903 г. стоял вопрос о подчинении РКБ российскому Наместничеству на Дальнем Востоке и об уходе Ротштейна из банка [1, с. 85]. Тогда удалить А.Ю. Ротштейна собирался А.М. Безобразов. По некоторым сведениям, против Ротштейна был «сильно предубежден» император Николай II [13, с. 141]. Берлинец Ротштейн, тем не менее, продолжал служить Российской империи, и его русский патриотический порыв нельзя недооценивать. (На континенте многие сочувствовали борьбе России с Японией, а австриец Рудольф Грейнц в 1904 г. даже написал стихотворение «Варяг», русский перевод которого стал известной песней.) В феврале 1904 г. Ротштейн был в Германии на 70-летии своей матери. Когда пришла весть о нападении японцев на Порт-Артур, он ехал день и ночь в С.-Петербург, чтобы предложить все свои активы в распоряжение правительства, а затем направился обратно в Берлин для празднования дня рождения матери (сведения любезно предоставлены Питером Крейном, родственником А. Ротштейна, в письме автору). В тот момент ему было 47 лет и оставалось жить менее года.

А. Ротштейн, державший нити управления всей конструкцией связей обоих банков в Европе и в Восточной Азии (финансовая группа ПМКБ с субучастниками и РКБ с его активами, главным из которых была Китайская Восточная железная дорога (КВЖД), сознавал, что он скоро должен будет покинуть свои директорские посты. Его отношения как с С.Ю. Витте и ведомствами в целом, так и с французскими партнёрами по делам и государством портились по мере развития экономического кризиса в первые годы XX в., да и здоровье оставляло желать лучшего. В Париже банк считался французским, что давало ему доступ на более льготных условиях к кредитным ресурсам на денежном рынке, чем, например, Петербургскому Международному банку и другим русским банкам, бывшим во Франции иностранными. Переписка Ротштейна с парижским отделением РКБ наполнена требованиями кредитовать филиал банка в Москве и правление в Петербурге, чтобы под более высокий процент разместить их в русских предприятиях, нежели получать значительно меньший доход от инвестиций во Франции. Ротштейн начинает сам и фактически завещает своим преемникам «поставить Русско-Китайский банк на ноги», то есть оторвать его от ПМКБ, для которого он был младшим партнёром (главные менеджеры РКБ рекрутировались из персонала ПМКБ) и субучастником в эмиссионных синдикатах, и дальневосточным филиалом с некоторыми функциями колониального банка. Перед лицом кризиса Ротштейн выбрал стратегию уменьшения обязательств и потерь обоих учреждений.

Французскому правительству, заинтересованному в РКБ, казалось, что со смертью Ротштейна прервалась последняя связь этого банка с ПМКБ [14, Т. Делькассе, министр иностранных дел – М. Рувье, министру финансов Франции, 9 декабря 1904 г.]. Однако надежды Парижа на А.И. Вышнеградского, преемника Ротштейна в ПМКБ, оказались тщетны, поскольку, по мнению французской стороны, подчинённость РКБ этому «крупному немецкому петербургскому банку» (ПМКБ. – *С.Л.*), оставалась [14, С. Пишон, министр иностранных дел – Ж. Кайо, министру финансов, 5 февраля 1908 г.] до реорганизации РКБ в Русско-Азиатский банк, директором которого стал А.И. Путилов, начинавший на службе в канцелярии Министерства финансов. Бывший секретарем С.Ю. Витте и знавший А.Ю. Ротштейна и А.И. Путилова И.И. Колышко свидетельствовал, что «талантами они были вровень с Витте. Все трое верили в неисчерпаемую материальную мощь России, но каждый по-своему к ней подходил и её эксплуатировал. Если Витте копнул её ради упрочения своей и царской власти, если Ротштейн прилепился к ней. как художник к картине, как увлеченный любовник, то у Путилова, кажется, не было ни того, ни другого стимула, – он был чистокровным дельцом… Если Витте тянула стихия власти, Ротштейна – строительство, то Путилова, кажется, тянула только стихия денег» [15, с. 138].

Между тем обращает на себя внимание тенденция русской «национализации» РКБ. Ротштейн, под руководством Витте, вёл дело даже к доминированию русского элемента в этом смешанном банке, опираясь не только на Министерство финансов, но и на связи в международной среде (в международной группе Ротшильдов, в которую входил ПМКБ).

Безобразовцы (поборники проникновения в Корею) с их проектом «Восточно-Азиатской промышленной компании», начавшим было реализовываться в 1900 г., выдвигали её как альтернативу «еврейским», то есть «не русским», предприятиям группы Русско-Китайского Международного банков, Китайско-Восточной ж.-д. и других предприятий и банков в Маньчжурии в составе широких наднациональных синдикатов. Однако участники этих синдикатов, компенсируя недостаток собственно банковских капиталов поддержкой Министерства финансов и манёвром на международных финансовых рынках, умели до поры представить свою коммерческую деятельность как преследующую отличные от западных, «чисто русские совершенно специальные цели политического характера». Ротштейн же как раз (чего не понимали безобразовцы, но подчёркивал Витте в своей борьбе с ними) был не «евреем», а представителем финансового космополитизма,

сотрудничавшего с русским империализмом. Конечно, Ротштейн и другие представители финансовой верхушки вели свою линию, используя политику для «интересов дела» [Ср.: 16, с. 387–388; см. о безобразовской группе: 17, с. 413–508. Морис Верстрат, французский дипломат и банкир, один из преемников Ротштейна в Северном, а затем в Русско-Азиатском банке, писал в своих мемуарах, что тот принадлежал к религиозным евреям (1, с. 85); сам Ротштейн считал себя европейцем. Когда он умер, 23 ноября 1904 г. в Петербурге в Русско-Китайском банке на Екатерининской, 8 была проведена панихида, затем тело отправили в Берлин, где его мать хотела похоронить его рядом с отцом на еврейском кладбище в Вайсензее, но лидеры местной общины решили, что, поднявшись так высоко в России, он должен был бы креститься, поэтому они отказали в похоронах. Законный сын А. Ротштейна был крещён в младенчестве (1, с. 80); сведения о трудностях с похоронами Ротштейна в Берлине получены от Питера Крейна].

Всё же конкуренция для русских торгово-промышленных интересов в Китае, прежде всего с британскими и другими западными банками и торговцами, была жёсткой: если к 1900 г. русские капиталы представляли 1/3 от иностранных капиталов, то к началу Первой мировой войны они снизились до 1/6 (около 17 %), хотя абсолютно и выросли на 20 млн руб.

В 1910 г. после военного поражения от Японии в 1905 г. и затяжной экономической депрессии произошло слияние РКБ и Северного банка в новообразованный Русско-Азиатский банк, занявший 9-е место в мире по размеру капиталов. Хотя Русско-Азиатский банк расширил сеть отделений на Южную Азию (Индию), но свою активность в Китае консолидировал в его северной части и в русской части Маньчжурии.

Дихотомия имперской активности России (Европа – Азия) выражена С.Ю. Витте между Русско-японской и Первой мировой войнами: «Мы переживаем великий исторический момент. Мы проиграли японскую войну, так как не без основания готовились к западной. А отчего могла произойти западная война? Только от, пожалуй, романтических, но, во всяком случае, не исторических вопросов Ближнего Востока. Один из важнейших мотивов заключения Портсмутского договора – освободиться от бездны Дальнего Востока, чтобы быть в подобающем положении на Западе. Прошло семь лет – не может быть, чтобы мы не были готовы, конечно, не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы иметь своё «я», а не «я» почтеннейших Пуанкаре, Грея и прочих уважаемых деятелей» [18, ф. 102, оп. 265, д. 579, л. 2301 (Выписка из письма С.Ю. Витте (Биарриц, 15 октября 1912 г.) – Б.Б. Глинскому)].

Список источников и литературы

1. *Лебедев С.К.* С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М.: РОССПЭН, 2003. 526 с.

2. *РГИА*

3. *Россия и мировой бизнес*: дела и судьбы: А. Нобель, А. Ротштейн, Г. Спитцер, Р. Дизель. Пер. с нем., франц., англ. и швед., сост., ввод. статьи, коммент. и имен. указ. Дьяконовой И.А. М.: РОССПЭН, 1996. 312 с.

4. *Дьяконова И.А.* Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОССПЭН, 1999. 296 с.

5. *The New York Times.*

6. *Матрикул А. Верта* сессии 1920/1921 г. в Университете Глазго: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://www.universitystory.gla.ac.uk/biography/?id=WH24228&type=P/

7. *Quested, Rosemary.* The Russo-Chinese Bank: A Multi-National Financial Base of Tsarism in China. Birmingham, 1977. 69 p.

8. *Павлов Д.Б.* Японские деньги и первая русская революция. М.: Вече, 2011. 288 с.

9. *РГВИА*

10. *Gadoffre, Gilbert.* Claudel et l`Univers chinois // Cahiers Paul Claudel. T. 8. Paris, 1968. P. 83.

11. *Agahd, E.* Grossbanken und Weltmarkt: Die wirtschaftliche und politische Bedeutung der Grossbanken im Weltmarkt unter Berücksichtigung ihres Einflusses auf Russlands Volkswirtschaft und die deutsch-russischen Beziehungen. Berlin, 1914. p. 125.

12. *В капище Ваала* // Россия. 1901. 15 апреля.

13. *Беляев С.Г.* Алексей Иванович Путилов // Из глубины времен. СПб., 1998. № 10. С. 140 – 153.

14. *Archives Economiques* et Financières. B 31260.

15. *Колышко И.И.* Великий распад: Воспоминания / Сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. И.В. Лукоянова. СПб.: «Нестор-История», 2009. 464 с.

16. *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии. Л.: Изд. Восточного института, 1928. 608 с.

17. *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: «Нестор-История», 2008. 668 с.

18. *ГАРФ*

S.K. Lebedev

Adolf Rothstein and Russian-Chinese bank

Summary. The article examines the activities of AU Rothstein - Chief Financial experts Finance Minister SY Witte, director of the St. Petersburg International and Russian-Chinese commercial banks. Based on the analysis of business correspondence managers of international banks, in particular A. Rothstein shows the role of financial experts in dealing with the global money market operations in government loans. Characterized by the value of the bank as a financial and political institutions of the Russian Empire.

Key words: banks, AY Rothstein, financial experts, international financial group, Russian imperialism.

УДК 93

В.П. КОРЗУН

ПРОФЕССОР В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСОВ И ФУНКЦИЙ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках государственного заказа в части проведения научно-исследовательских работ на 2014–2016 гг., проект № 2467

Аннотация. В статье речь идет о трансформации проблемного поля изучения истории университетов в императорской России. В фокусе внимания оказываются проблематика культурно-антропологического плана и профессорская корпорация в ее различных измерениях: индивидуально-личностном и групповом статусном. Автор анализирует несколько концепций, которые отражают указанный поворот. Концепция Е.А. Вишленковой, которую условно можно обозначить как социально-конструктивистскую с пристальным вниманием к проблемам самоидентификации российской профессуры, и концепция А.Е. Иванова и И.П. Кулаковой, которая обозначается как статусно-функциональная. Первая апробирована на материалах первой половины XIX века. Экспликация второй связана с рубежом XIX – XX вв. Историографический анализ позволил выявить ряд проблем, требующих своего разрешения: специфика университетской корпоративности в связи со спецификой интеллектуального ландшафта в различных университетских центрах, особен-

ности «заказа на русскую науку» – роли университетов и их профессоров в формировании национальной идентичности, в предпринимаемых центральной властью опытах социального конструирования. Нуждается в более глубоком и системном осмыслении изменение статуса профессора. Данная категория подразумевает не только закрепление определенных социальных ролей, но и ценностное отношение к фигуре профессора со стороны власти, общественности, самого научного сообщества. Изучение статусно-функциональных характеристик профессорской корпорации выходит за пределы собственно университетологии, позволяет актуализировать ряд проблем социальной структуры императорской России.

Ключевые слова: историография, концепция, история университета, профессор, профессорская корпорация, статусы, функции, производство научного знания, воспитание себе подобных.

Тема, вынесенная в название данной статьи, что называется, «входит в традицию», современный историографический mainstreame. История университета, рассматриваемая на протяжении довольно длительного историографического периода в плане большой, внешней, «имперской» социальности (университет в контексте освободительного движения, профессор как ученый и просветитель, двигатель науки, объект воздействия со стороны общества и, в особенности, властных структур), обретает новое историографическое измерение. Историография переориентируется в значительной степени на внутреннюю социальность, ученое сообщество рассматривается в плане формирования корпоративных связей, профессорской культуры, культурно-антропологических и статусно-функциональных характеристик акторов. В определенном смысле можно говорить о развертывании тезиса известного американского слависта Т. Сандерса, новатора в области академической антропологии и исследователя российских культурных практик, о значимости культурно- антропологических описаний университетской истории для более глубокого понимания социальной истории императорской России. Многие мои коллеги по цеху в устных беседах отмечают значимость для них статьи указанного автора [1, p. 69–97] в изменении их собственной оптики на университетскую проблематику.

Итак, *объектом* изучения в данной статье является исследовательская литература последних десятилетий, посвященная профессорской корпорации в России, а *предметом* – концептуальное осмысление современными авторами статусов и функций российской профессуры. Работа выполнена в рамках интеллектуальной истории – история идей, их концептуальное оформление рассматривается с учетом различных контекстов – тенденций развития исторической науки, социальных запросов общества на университетскую историю, особенностей самоидентификации современного научного сообщества. Основной метод – это метод текстологического анализа.

Обозначу основные направления в трансформации традиционных институционального и историко-политического подходов к истории университета: 1) поворот от жанра юбилейной истории к изучению университета как историко-культурного феномена, к смене стилей университетологии – от «большого стиля» 50–60-х гг. XX в. к выдвижению в центр внимания университетского духа, университетского человека, университетского пространства как пространства культурных событий. Эта новация нашла отражение в работах Е.А. Вишленковой [2; 3; 4; 5; 6], Р.Х. Галиуллиной [7; 8], К.А. Ильиной [9; 10], С.Ю. Малышевой [11; 12], А.А. Сальниковой [13; 14; 15], А.Е. Иванова [16], И.П. Кулаковой [17; 18; 19], Т.Н. Жуковской [20; 21; 22], С.И. Посохова [23; 24; 25]; 2) опыты создания просопографического портрета русской профессуры на примере отдельных университетов Российской империи представлены в работах Е.А. Ростовцева [26] и Н.Н. Никс [27]; 3) интерес к интеллектуальным процедурам и практикам ученых, в том числе к феномену диссертационной культуры, включающей в себя порядок/реестр репрезентаций научного исследования соискателем степени, главным фактом которого является публичная защита дис-

сертации, шкалу экспертных оценок (непрописанную, но вербализованную) со стороны научного сообщества, информацию общественности о защите диссертации, чем акцентировалась особая значимость общекультурного акта «рождения ученого», и, наконец, обыденные ритуалы, сопровождающие этот процесс. В качестве примера сошлемся на работы Н.Н. Алеврас [28; 29; 30; 31; 32], Н.В. Гришиной [33; 34; 35], В.П. Корзун [36; 37], Т.А. Сидорякиной [38; 39], А.В. Свешникова [40] и др.; 4) исследование академической памяти как способ самоидентификации научного сообщества оказалось в центре пристального внимания современных историографов как на теоретическом, так и конкретно историческом уровнях (см. работы: И.М. Савельевой [41; 42; 43], Л.П. Репиной [44; 45], А.Н. Дмитриева [46], С.А. Еремеевой [47; 48], Т.А. Сидорякиной [49], О. Богомазовой [50; 51; 52]).

Говоря о достигнутом, мы несомненно должны признать таковым выделение в современной историографической литературе наиболее значимых проблем, которые необходимо исследовать для изучения социального бытия российских университетов, статусов и функций отечественной профессуры в социальном пространстве императорской России. Как представляется, это проблема «ученого сословия» – университетской корпоративности и «заказа на русскую науку» – роли университетов и их профессоров в формировании национальной идентичности, в предпринимаемых центральной властью попытках социального конструирования.

Наиболее полно и системно на статейном и монографическом уровнях указанные проблемы рассматриваются современной исследовательницей Е.А. Вишленковой и ее учениками. Есть основания говорить о сложившейся концепции, т.е. о цельной системе взглядов на становление профессорского сословия в России с позиций исторической антропологии и социальной истории. Обозначу эту концепцию как социально-конструктивистскую с пристальным вниманием к проблемам самоидентификации российской профессуры. Ее абрис был явственно выражен в юбилейном издании, посвященном 200-летию Казанского университета [53], а также в статье «Безвинно оплеванный профессор», или Характер университетской корпоративности в России первой половины XIX в.» [2], в которой основные характеристики, динамика изменений статусно-функционального бытия российской профессуры рассматривается на материале главным образом двух университетов – Казанского и Харьковского. В то же время в статье наличествует основательный общеисторический и научно-образовательный контекст, и основные концептуальные моменты авторского видения проблемы представлены достаточно ясно уже в этой публикации. Автор указывает, что в первой половине XIX в. происходит повышение статусности отечественной профессуры – «к 1830-м годам в текстах, созданных университетскими людьми, понятие «ученое сословие» стало употребляться исключительно для обозначения профессоров» [2, с. 235]. Эти статусные изменения обусловлены изменениями функциональными – включением в первой половине XIX в. отечественной профессуры в общеевропейский процесс производства научного знания, активным участием ее в масштабных общероссийских культурных трансформациях – трансфере культурных и научных ценностей Запада и выполнении правительственного заказа – изучения территории и населения империи, технологий освоения ее ресурсов. Как отмечает Е.А. Вишленкова, значимые результаты, достигнутые на этом направлении в 1830 – 1840-гг. в Московском и Казанском университетах, совпадают по времени с формированием в них научной корпоративности [2, с. 255] – участие профессоров в исследовательских проектах, обсуждение результатов на заседаниях профессорских советов, превращение зарубежных стажировок магистров и экстраординарных профессоров в норму российской университетской жизни. Отставание в плане научной работы, как показывает автор на примере Харьковского университета, приводило к замедлению процесса корпоративного становления, подмене научной корпоративности клановыми интересами. Особую, во многом двойственную роль в статусно-функциональном становлении

российской профессорской корпорации играла протекционистская политика правительства. Автор указывает, что, с одной стороны, ученые нуждались в предоставляемых властью финансировании и административной поддержке. С другой стороны, линия на утверждение «особого» пути России в науке затрудняла научные контакты России и Запада, замыкала университетскую профессуру на себе, приводила к усилению клановых тенденций и конфликтности в ее среде («не могли энергию профессоров направить в мирное русло»), что вызвало в конечном счете кризис университетской науки и образования в 40–50-е гг. XIX в. [2, с. 255].

Для провинциальных университетов этот кризис усиливался столичноцентристской политикой правительства, вымыванием молодых научных кадров из провинции. Содержательную конкретизацию представление о критических точках в статусно-функциональном становлении российской профессуры получает в монографии Е. Вишленковой, Р. Галиуллиной и К. Ильиной «Русские профессора. Университетская корпоративность или профессиональная солидарность» [6]. В первом разделе монографии, под красноречивым названием «Административные тяготы профессоров», авторы показывают, как российская профессура в первой половине XIX в. оказывается в ситуации неполноценной функциональности – университетская автономия, корпоративное самоуправление и воспитание студенчества оказываются на функциональной периферии. В условиях бюрократизации университетской жизни затрудняется процесс формирования корпоративного сознания российского профессорства, профессора воспринимаются представителями государственной бюрократии (отставными военными и чиновниками присутственных мест, не знающими специфику академической жизни) как подконтрольные ей подчиненные. Довольно высокий чиновный статус согласно Табели о рангах, которым обладали отечественные профессора с начала XIX в., не соответствовал и степени общественного признания их труда – только к 40-м гг. в общественном сознании звание профессора воспринимается как почетное. Вспомним в этом плане феномен Т.Н. Грановского, который, по определению В.О. Ключевского, именно в этот период являет собой «идеальный первообраз» русского профессора.

Атомизирующаяся российская профессура, отмечают авторы монографии, оказывается между молотом и наковальней – отчужденными от академической жизни правительственными чиновниками – неутомимыми производителями бюрократических процедур и протестующими, опережающими своих наставников в плане формирования корпоративного сознания [6, с. 75–80].

Вывод, ранее сделанный на материале Казанского и Харьковского университетов, о кризисе отечественного университета в середине XIX в., повторяется в данной монографии как более прописанный, обобщенный, аргументированный. Авторы монографии справедливо задаются вопросом, каким же образом происходит преодоление этого кризиса – «можно ли считать, что между профессорами первой половины XIX в., страдавшими от корпоративных конфликтов, и их преемниками, распределенными по профессиональным сообществам, лежит культурно-психологическая пропасть?». Ответом на этот вопрос является содержание большей части монографии, повествующей о том, как уже в первой половине – середине XIX в. расширение функционального поля российской профессуры приводит к повышению ее статуса в российском социуме. Профессор становится активной фигурой в складывающемся ландшафте публичной общественной жизни, хотя эта тенденция носила прерывный характер и после ограничений поздней Николаевской эпохи вновь отчетливо начинает проявляться лишь в предреформенное время.

Поскольку основными функциями университетской профессуры являются производство научного знания и подготовка себе подобных, то естественным образом авторы монографии именно по этим направлениям рассматривают динамику статусных ролей данной социальной группы. Динамика прослеживается на пересечении нескольких контекстов: имперского заказа, тенденций развития мировой науки, политики власти в «университетском вопросе», самоиденти-

фикации профессорской корпорации. Если первоначально университеты мыслились как рассадники наук, «что подразумевало популяризацию нормативного знания и воспитание образованных элит» [6, с. 138], то со временем все более начинает акцентироваться экспертная функция профессоров и университетов в целом, которая в духе романтического образа науки с ее культом экспедиции связывается с описанием регионов империи (географического, демографического, этнографического, статистического). Правительственные заказы как центральной, так и местной власти стимулировали исследовательскую работу в университетах, хотя она еще не воспринималась сообществом университариев, да и Министерством народного просвещения как безусловно обязательная. Соответственно и процесс подготовки себе подобных не был ориентирован на «обучение через науку». Как известно, только в университетском уставе 1835 г. закреплялось требование для профессоров иметь докторскую степень, что способствовало, наряду с другими мерами, росту профессиональной культуры российского профессора, росту статуса научной работы.

Принципиальными являются выводы авторов о том, что исследователи эволюционируют от «просветителей народов к народоведам», происходит «глубинное погружение в изучаемые культуры». Роль экспертов, которую они все чаще выполняют, способствует появлению у представителей университетского сообщества претензий на особое, наиболее адекватное понимание проблем, стоящих перед Российской империей, «рождению политических амбиций профессиональных групп» [6, с. 185]. Кроме того, в ходе выполнения исследовательских проектов и оценки их результатов возникают новые профессиональные солидарности, научные сообщества, «которые не соответствовали прежней институциональной структуре университета» [6, с. 185]. Но в эти новые формы группности оказалась вовлечена лишь часть российской профессуры, что, в свою очередь, провоцировало конкуренцию и конфликты интересов внутри научного сообщества.

Стоит отметить, что в историографии представлена не одномерная картина изменения статусов и функций российского профессора, в ней запечатлены не только индивидуальные стратегии отдельных акторов, но и просветительский и научный облик различных университетов. Практически все исследователи отмечают, что университетские уставы задавали институциональные рамки развития корпорации, но со временем, пожалуй, с середины века, все большую значимость приобретают внутренние факторы развития, в частности, возрастает роль научных школ и становятся все более жесткими требования к защите диссертаций и вообще к членам корпорации. Как отмечают в совместной статье Е.А. Ростовцев и Д.А. Баринов, на примере Императорского университета в Санкт-Петербурге, «в пореформенную эпоху университетская карьера становится 30-летним марафоном с все более жесткой конкуренцией за профессорское место и за студенческую аудиторию, с растущей педагогической нагрузкой, с более интенсивной публикаторской деятельностью, с более напряженной и долгой подготовкой к защитам диссертаций» [26, с. 38].

Все более возрастает экспертная роль университетской профессуры среди фигур, формирующих культурное поле модернизации. Но исследование этого нового проблемного поля только начинается. Хотя отмечу, в исторической литературе уже накоплен значительный материал, свидетельствующий о расширении функций профессуры накануне Великих реформ и в пореформенный период. Речь идет преимущественно о биографических портретах отдельных ученых или государственных деятелях, «обремененных» научным прошлым. В статье А.Е. Иванова и И.П. Кулаковой «Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX–XX вв.» проблема повышения статуса профессора выступает уже как вполне самостоятельная. С учетом расширяющегося образовательного и социального поля профессорской деятельности (кружки, домашние семинары, «дальние экскурсии по России и за рубеж», публичное пространство политики, социальные экспертизы и предпринимательство) авторы ставят перед современным научным сообществом задачу использования новых видов источников. Исследователь, указывают они, «дол-

жен расставить более широкие сети», включая в эти сети не только привычные законодательные и делопроизводственные материалы, мемуарную литературу, но и «архивы идентичностей – частные архивы профессоров». На данном этапе это высказывание можно рассматривать скорее как актуальный историографический призыв, нежели историографическую практику. Авторы выделяют различные ипостаси русского профессора рубежа веков – крупного ученого и виртуоза-лектора, «живой легенды университета», чиновника, занимавшего ответственные посты в органах земского и городского самоуправления и на государственной службе, разработчика прикладных тем, связанных со сферой капиталистического производства. Доходы от последнего вида деятельности обеспечивали российскому профессору желанную независимость от государства» [16, с. 127]. Этот процесс способствовал складыванию определенных типов ученых – «профессоров-дельцов», теоретиков и практиков «культурного капитализма». [16, с. 128]. И, наконец, на рубеже веков происходит политизация части профессорского сословия. Некоторые ученые рассматривают политику как одну из главных (или даже главную) сфер творческой деятельности. Расширившийся реестр функций профессора свидетельствует как о растущей востребованности науки и ученого в модернизующейся империи, так и о изменяющейся самоидентификации русского профессора. «Профессиональные группы, как указывает немецкий исследователь Я. Кусбер, выводят из своей образованности право на участие в управлении страной». Трансфер и сравнение: университетские сообщества России и Германии [53, с. 128]. Вернемся к статье А.Е. Иванова и И.П. Кулаковой. Совершенно справедливо авторы констатируют сложность процесса расширения функций и статусов российской профессуры, в то же время они отмечают, что, выходя за пределы научно-образовательного поля деятельности, ученый рисковал столкнуться с непониманием коллег, упреками в стремлении к наживе, в «разбойничестве», что вело к напряженности внутри научного сообщества, разрушая привычные консолидации.

Представляется важным вывод авторов о том, что в России складывается «фактически бессословная профессионально-корпоративная группа интеллектуалов со своей субкультурой – ячейка складывавшегося в Российской империи внесословного гражданского буржуазного общества [16, с. 134]. Этот вывод позволяет предполагать новый поворот в осмыслении как социальной структуры Российской империи, так и особенностей ее модернизации. Профессура выступает в качестве значимого актора экономической и политической модернизации, и, что особенно важно, она формирует культурное поле модернизации, транслируя новые ценностные ориентиры, медиационный стиль мышления, новые практики.

Соотнося анализируемую статью авторов с более ранними исследованиями А.Е. Иванова [54; 55], посвященными истории высшей школы и практике присуждения ученых степеней в России, а также работами И.П. Кулаковой, особенно теми, в которых представлен визуальный образ человека науки, есть все основания говорить о складывающейся оригинальной концепции, которую я условно называю статусно-функциональной.

Разумеется, предпринятое мною выделение двух различных концептуальных подходов в значительной степени условно. Их объединяет стремление придать статус равноправности культурно-антропологическому подходу с привычным социальным, что отражает поиск современной исторической мысли в направлении синтеза неоклассической парадигмы познания с классической. Общим является сформулированный тезис о повышении статуса профессора в Российской империи в тесной связи с расширяющимися функциями ученого. В рамках первой (социально-конструктивистской) концепции акцентируется проблема конструирования профессорской корпорации властью и расширение ее функций. Но даже такая функция, как экспертная оценка членов корпорации (внешняя экспертиза), рассматривается как «государственно-организационный фильтр доступа к научно-чиновничьим «градусам» [55]. То есть, по мнению авторов, экспертная функция

сообщества возникает не как внутренняя потребность в поле производства научных знаний, не как «рост репутационного сознания» и уплотнения научных коммуникаций, она задана сверху. Остается сожалеть, что авторы не инкорпорировали в свои построения концепт «диссертационной культуры», успешно разрабатываемый группой челябинских исследователей во главе с Н.Н. Алеврас. Полагаю, что комплексное исследование диссертационной культуры, осуществленное Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной [29; 30; 31; 32; 33; 34; 35], хотя и применительно к более позднему времени, подвигает нас к более осторожному выводу о внутренней экспертизе профессорского сообщества. Значимость этой экспертной функции возрастала, и повышались критерии оценки диссертаций в связи с профессионализацией исторической науки (а в поле их зрения – диссертации историков), вовлеченностью в мировую науку, корпоративной солидарностью, меняющимся образом науки и соответственно интенсивным коммуникатированием и естественным для научного поля соперничеством.

Смею предположить, что построение концепции Е.А. Вишленковой и ее коллег диктовалось исследовательским материалом в пространстве первой половины XIX в., который определял и корректировал замысел исторического исследования, с одной стороны, и, с другой, обращением к европейским исследовательским практикам, что провоцировало сравнительно-исторический «нерв размышлений» и педалирование особенностей. В то же время в исследовательских текстах Е.А. Вишленковой и ее коллег намечены пути и особенности самоидентификации российской профессуры, особо подчеркну внимание авторов к научному контексту, изменениям образов науки и их влиянию на самосознание данной социальной группы.

В рамках второй концепции (статусно-функциональной) актуализируется проблема ценностной составляющей статуса российского профессора. Категория статуса подразумевает не только закрепление определенных социальных ролей, но и ценностное отношение к фигуре профессора со стороны власти, самого научного сообщества, общественности в самом широком смысле слова, включая отражение образа профессора в публицистике, литературе, народном фольклоре, в кинематографе, изобразительном искусстве. В этом случае следует учитывать символическое измерение заданного «Табелью о рангах» социального порядка. Данная концепция, хотя я понимаю, что она является скорее моим собственным интеллектуальным конструктом, зарождалась в рамках традиционного институционального подхода, затем происходит реинтерпретация накопленного материала в новых условиях так называемого «культурного поворота» в историографии. Авторы проанализированной мною концептуальной статьи принадлежат к различным поколениям историков и «имеют за плечами» различный исследовательский опыт и различные стартовые начала, тем интересен и показателен факт переосмысления накопленных данных и включения современного историка в принципиально новый виток проблематики и поиск адекватного исследовательского инструментария.

Проанализированные мною концептуальные построения не выступают как антагонистические, не находятся в оппозиции, они скорее дополняют друг друга. Другое дело, что первая реализована на уровне монографических исследований, экспликация другой (статусно-функциональной), применительно ко второй половине XIX – началу XX вв., носит пока фрагментарный характер, а в содержательном плане не учитывает важный науковедческий контекст, новые тенденции в изменении образа науки и принципов ее организации в исследуемый авторами период.

Но и в первом, и во втором случаях мы являемся свидетелями, как в результате «плотного описания» отдельных университетских сообществ обозначается новое проблемное поле, в центре которого оказывается изучение статусно-функциональных характеристик профессорской корпорации, и исследования выходят за пределы собственно университетологии, что позволяет актуали-

зировать ряд проблем социальной структуры императорской России. Таким образом конкретно-исторические практики являются отражением поиска «интегральных моделей, построенных на принципе взаимодополнительности микро- и макроисторического подходов и их использования в конкретных исследованиях» [44, с. 559].

Список источников и литературы.

1. *Sanders T.* The Third Opponent Dissertation Defenses and the Public Profile of Academic History in Late Imperial Russia // Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writtihg of History in a Multinational State T.) Armonk, 1999. P. 69–97.
2. *Вишленкова Е.А.* «Безвинно оплеванный профессор», или Характер университетской корпоративности в России первой половины XIX в.» // Мир историка: историографический сборник. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 233–255.
3. *Вишленкова Е.А., Ильина К.А.* «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах первой половины XIX в. Препринт ГУ-ВШЭ WP6/2011/04. Гуманитарные исследования. Серия WP6. М. 2011. 56 с.
4. *Вишленкова Е.А.* Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 240 с.
5. *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х.* Профессора и бюрократы: парадоксы университетской автономии в России первой половины XIX в. Препринт ГУ-ВШЭ WP6/2011/01. Гуманитарные исследования. Серия WP6. М. 2011. 72 с.
6. *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А*. Русские профессора: Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение. 2012. 656 с.
7. *Галиуллина Р.Х.* Властные практики управления и практики самоуправления в университетах России второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: учебное пособие. Казань, 2011. 86 с.
8. *Галиуллина Р.Х.* М.Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского и Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы междунар. науч. конф., 23–25 июня 2009. СПб., 2009. С. 88–106.
9. *Ильина К.А.* Литературный образ Магницкого // Бикташева А.Н., Гизатуллин М.Х., Ильина К.А. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX в.). Казань: Рутен, 2006. С. 100–115.
10. *Ильина К.А.* Письма попечителя // Бикташева А.Н., Гизатуллин М.Х., Ильина К.А. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX в. Казань: Рутен, 2006. С. 128–226.
11. *Малышева С.Ю, Вишленкова Е.А., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 500 с.
12. *Малышева С.Ю.*, Сальникова А.А. Стиль жизни университетского человека в Казани: XX век // Социальная история: Ежегодник. 2008. СПб.: Алетейя, 2009. С. 89–113.
13. *Сальникова А.А., Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю.* Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы (XIX–XX вв.). Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008. 451 с.
14. *Сальникова А.А.* Об «инсайдерском» исследовании университетской истории: возможности и результаты, плюсы и минусы // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета. Казань, 27–29 ноября 2014 г. Казань: "ЯЗ", 2014. С. 32–36.

15. *Сальникова А.А.* «Правильный» человек в «неправильное» время: случай «красного» профессора Михаила Корбута // Социальная история. Ежегодник. 2010. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. С. 67–101.

16. *Иванов А.Е., Кулакова И.П.* Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX–XX вв. // Сословие русских профессоров: Создатели статусов и смыслов. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013. С. 114–134.

17. *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: «Новый хронограф», 2006.

18. *Кулакова И.П.* Визуальный образ человека науки в российской традиции (история и современность) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв.: сборник статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 181–188.

19. *Кулакова И.П.,* Иванов А.Е. Русская профессура на рубеже XIX–XX вв. // Российская история. 2013. № 2. С. 44–62.

20. *Жуковская Т.Н.,* Любезников О.А. Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный период: основные итоги и проблемы изучения // Клио. 2013. № 10 (82). С. 26–35.

21. *Жуковская Т.Н.* Из истории университетских традиций // Санкт-Петербургский университет. 2012. Т. 16. № 2. С. 13.

22. *Жуковская Т.Н.* Университеты и университетские традиции в России. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 140 с.

23. *Посохов С.И.* Образи університетів Російської імперії другої половини XIX початку XX ст. в публіцистиці та історіографії. Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2006. 368 с.

24. *Посохов С.И.* Університетська корпорація: історіографічні аспекти // LAUREA: К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков: Константа, 2007. С. 221–229.

25. *Посохов С.И., Иващенко В.Ю.* Образы профессоров XIX в. в воспоминаниях преподавателей и воспитанников Харьковского университета // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 110–139.

26. *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.* Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819 - 1917) //КЛИО: журнал для ученых. № 10 (82), 2013. С. 36–41.

27. *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – начале XX в. Социокультурный аспект. М.: Новый хронограф, 2008. 304 с.

28. *Алеврас Н.Н.* Диссертационная культура как историографический концепт // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 111–120.

29. *Алеврас Н.Н.* Магистратура в контексте диссертационной культуры: дореволюционный опыт историко-научного сообщества в историографическом ракурсе // Харківський історіографічний збірник. 2014. Т. 13. С. 20–40.

30. *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертационная культура российских историков XIX–начала XX вв. Замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 9–21.

31. *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX вв. в восприятии современников (к вопросу о национальных особенностях) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной культуры. 36. Специальный выпуск: интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 221–247.

32. *Алеврас Н.Н.* А.С. Лаппо-Данилевский и диссертационная культура русских историков в конце XIX – начале XX века // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 165–173.

33. *Гришина Н.В.,* Алеврас Н.Н. Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920-е гг.) // Российская история. 2014. №2. С.77–90

34. *Гришина Н.В.* От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 122–145.

35. *Гришина Н.В.* «Работа… не является марксистской…», или формирование канона экспертизы научных исследований в 1920-е гг. (на примере диссертации Н.М. Дружинина) //Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 3 (3). С. 48–54.

36. *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск, Екатеринбург. Изд. Уральского гос. ун-та, 2000 г. С. 60–113.

37. *Корзун В.П.,* Алеврас Н.Н. Речь А.С. Лаппо-Данилевского на диссертационном диспуте // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С.41–59.

38. *Сидорякина Т.А.* «… он не только обнаружил основательное знакомство с соответствующими историческими источниками, но и представил обстоятельный критический разбор и исследование по этому и другому вопросу…» // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 385–386.

39. *Сидорякина Т.А., Корзун В.П.* К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. 2009. №1 (27). С. 66–67.

40. *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: ОмГУ, 2010. 408 с.

41. *Савельева И.М., Полетаев А. В.* Теория исторического знания (учебное пособие для вузов). СПб.: Алетейя; М.: ГУ-ВШЭ, 2008, 523 с.

42. *Савельева И.М.* «Уроки истории» ученой корпорации // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 63–80.

43. *Савельева И.М., Вишленкова Е.А.* Университетские сообщества как объект и субъект описания // «Сословие русских профессоров: Создатели статусов и смыслов». М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013. С. 5–20.

44. *Репина Л.П.* От теорий памяти к практике историописания // Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. С. 411–502.

45. *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.

46. *Дмитриев А.Н.* Мемуары постсоветских гуманитариев: стандартизация памяти // Сословие русских профессоров: Создатели статусов и смыслов. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013. С. 358–384.

47. *Еремеева С.А.* В.И. Вернадский и практика поминания в научном сообществе. // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 335–362.

48. *Еремеева С.А.* Научное сообщество и практика поминовения. Сергей Федорович Ольденбург // Идеи и люди: Апрыщенко В.Ю., Воробьева О.В., Еремеева С.А., Зверева В.В., Иванова Т.Н., Ионов И.Н., Кулакова И.П., Мягков Г.П., Репина Л.П., Ростиславлева Н.В., Сабурова Т.А., Селунская Н.А., Серегина А.Ю., Стогова А.В., Филимонов В.А., Чикалова И.Р. Интеллектуальная культура Европы в Новое время. «Серия "Образы истории» под редакцией Л. П. Репиной; Институт всеобщей истории Российской академии наук, Общество интеллектуальной истории. Москва, 2014. С. 712–748.

49. *Сидорякина Т.А.* Жизнь после смерти: мемориальные практики в повседневной жизни научного сообщества историков первой трети XX в. // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 95–109.

50. *Богомазова О.В.* В.О. Ключевский: актуализация памяти об историке в коммеморативных практиках научного сообщества XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков. Сборник статей. Министерство образования и науки Челябинской области, Челябинский государственный университет, исторический факультет, Челябинское отделение Российского общества интеллектуальной истории; редакционная коллегия: Н.Н. Алеврас (главный редактор), Н. В. Гришина, Ю. В. Краснова. Челябинск, 2011. С. 303–314.

51. *Богомазова О.В.* В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке в XX – начале XXI века: Автореф. дис. канд. ист. наук: спец. 07.00.09 – историография, источниковедение и методы ист. исслед. Казань, 2013. 23 с.

52. *Богомазова О.В.* Проблемное поле историографии и «история памяти»: краткий обзор современных исследовательских направлений // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 16 (371). С. 120–126.

53. *Кусбер* Я. Трансфер и сравнение: университетские сообщества России и Германии // Сословие русских профессоров: Создатели статусов и смыслов. М. ИД НИУ ВШЭ, 2013. С. 191–211.

54. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX - начале XX вв. М.: Наука, 1991. С. 205–210.

55. *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в. 1917 г. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 94–96.

56. *Вишленкова Е. Ильина К.* Об ученых степенях и о том, как диссертация обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. № 122 (4/2013): [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL:http://www.nlobooks.ru/node/3755 (последнее обращение 11.11.2015).

V.P. Korzun

Professor in Russian Empire: the changing status and functions (historiographihcal aspect)

Summary: In the article we are talking about the transformation of the problem field of the study of the history of universities in Imperial Russia. In the focus of attention is the problems of cultural-anthropological plan and University Corporation in its various dimensions: individual personal and group status. The author analyzes several concepts that reflect the specified rotation. The concept of EA Vishlenkova, which can be roughly described as socio-constructivist attention to the problems of the identity of Russian professors and the concept of A. E. Ivanova, and I. P. Kulakova, which is denoted as a status-function. First tested on the first half of the nineteenth century. Explication of the second is connected with the turn of XIX - XX centuries of Historiographical analysis revealed a number of problems that need to be resolved: the specificity of University corporate life due to the nature of the intellectual landscape at different University centres, especially the "order of the Russian science"-the role of universities and their professors in the formation of national identity, undertaken by the Central government experiences of social construction. Need deeper and more systematic understanding of the change of status of a Professor. This category implies not only the reinforcement of certain social roles, but also value attitude to the figure of the Professor from the authorities, the public, the scientific community. The study of the status and functional characteristics of the professorial Corporation goes beyond the bounds of universitycollege, allows you to update a number of problems of the social structure of Imperial Russia.

Key words: historiography, concept, history of the University, Professor, professorial Corporation, the status, functions, the production of scientific knowledge, the education of their own kind.

УДК 930.2

И.В. Белоконь

А.Н. КУРОПАТКИН КАК ИМПЕРСКИЙ ИДЕОЛОГ И ГЕОПОЛИТИК

Аннотация: Алексей Николаевич Куропаткин (1848-1925 гг.) - один из видных государственных деятелей конца XIX - начала XX вв. царской России, являясь идеологом усиления российского влияния на дальневосточных рубежах, излагал свои взгляды в контексте геополитических идей современников, обеспечивая транзит и адаптацию западных политических теорий в российскую имперскую идеологию. Основные этапы его военно-государственной деятельности совпали с геополитическим становлением царской России и формированием границ ее азиатских владений. А.Н. Куропаткин считал Россию однозначно континентальной державой, чем и объяснялся его повышенный интерес к проблеме безопасности российских границ. В статье анализируются аспекты геополитической стабильности России в Азии с учетом региональных особенностей. Автор раскрывает некоторые концепции научного наследия А.Н. Куропаткина, которые оказывали влияние и на теоретическую разработку имперской идеологии движения России в азиатском направлении, и на её практическую реализацию.

Ключевые слова: геополитика, Азия, Россия, граница, «жёлтая опасность».

В условиях трансформации мирового сообщества, глобального перераспределения ресурсов и сфер влияния возрастает роль геополитических факторов. В этой связи актуально обращение к идейному наследию российской военной элиты, оказавшему значительное влияние на формирование алгоритма территориальной экспансии России на Дальнем Востоке и в Центральной Азии конца XIX – начала XX в. Предложенные А.В. Ремневым управленческо-региональный подход изучения имперской политики на Дальнем Востоке и понятие «география власти» позволили охватить многие сферы имперской идеологии и практики, а также вписывать политические взгляды и государственную деятельность отдельных «строителей империи» в общую канву империо- и нациостроительства. Особый акцент им был сделан на концепции Алексея Николаевича Куропаткина об изменении очертаний российских границ в Азии.

Идея возрождения России как мировой державы, возвращения ей статуса великой была для А.Н. Куропаткина основополагающей. С годами он ещё более утвердился в своих мировоззренческих убеждениях. Большие надежды возлагались им на возврат в XX в. к русской национальной политике, т.е. ориентированной на русское население, как основе ее процветания. По мнению А.Н. Куропаткина, «для достижения этих целей в русском государстве должны были господствовать: русская государственность, т.е. русская государственная власть и русские учреждения, примененные, где то требовалось к бытовым условиям инородцев и окраин, русская народность, освобожденная от иноплеменного преобладания, русский язык как общегосударственный, уважение к вере, исповедуемой русским народом и его государем» [1, с. 431]. Однако, как считал Куропаткин, «требование императора Александра III перейти к русской национальной политике, поставив задачей: «Россия для русских», выполнено не было» [2, с. 98]. Как имперский идеолог он предполагал, что «переход к русской национальной политике усилит и внешнее положение России». Считал, что «с прекращением забот об устройстве «блаженства» других народов, в ущерб силам и средствам русского племени, исчезнет и общее недоверие к планам России, сопровождавшее нашу внешнюю деятельность все XIX столетие» [1, с. 425]. Он настаивал, что «относительно окраин России необходимо прекратить дальнейшие жертвы русского племени на матери-

альное и духовное развитие этих окраин» [1, с. 430]. А.Н. Куропаткин был убежден, что «принятие национальной политики будет содействовать приданию войнам в XX столетии, если таковые выпадут на ее долю, характера национальных войн» [1, с. 426]. Приверженность А.Н. Куропаткина к перечисленным принципам впоследствии приобрела черты стратегии по укреплению могущества империи, которые он изложил в своих научных и публицистических трудах.

В качестве наиболее яркой работы можно выделить трёхтомное сочинение «Россия для русских. Задачи русской армии» (СПб., 1910) с подробными картографическими приложениями. В этом сочинении автор предстает последовательным государственником и имперским идеологом, радеющим за интересы России. Анализ российской истории, состояние границ государства, поиск путей к могуществу и благополучию страны, определение задач русской армии – вот основные темы, по которым автор предлагает свои суждения и взгляды.

Особенно волновало А.Н. Куропаткина иностранное влияние во всех сферах жизни, ослабление патриотических чувств в обществе, стремление подражать европейским странам, «жёлтая опасность», переход богатств России в «чужие руки». Он видел прямую взаимосвязь между наличием в русском обществе единой идеологической национальной основы и военно-патриотического воспитания населения страны.

Активизация российской политики в Азии усилила географическую доминанту в имперской идеологии. Ориентация на приобретение благоприятных, с этой точки зрения, земель рассматривалась А.Н. Куропаткиным как показатель правильной и продуманной государственной политики. Его взгляды на формы и методы реализации правительственного курса в отношении Туркестана во второй половине XIX – начале XX в. формировались в ходе практических действий, направленных на интеграцию данной территории. В своих рассуждениях он опирался на уже имеющийся опыт постепенной трансформации Грузии и Крыма через институт протектората в административно-территориальные составляющие России.

А.Н. Куропаткина раздражало чрезмерно лояльное отношение правительства к вопросу различных льгот для жителей национальных окраин. Российская колониальная политика, полагал Алексей Николаевич, была более гуманной, чем английская, и имела позитивные последствия для местного населения.

Исследование колониальных идей и практик, реализуемых под руководством Алексея Николаевича Куропаткина в Туркестане, показывает их типичность для азиатских окраин Российской империи. Установление внешнего периметра границ присоединённой территории знаменовало переход от этапа территориальной экспансии к этапу колонизации. Переселенческое движение, поземельное устройство края, административное реформирование, благоустройство городских территорий, развитие социальной и культурной сфер – все это в совокупности должно было закрепить регион в составе империи и интегрировать его в единое правовое, хозяйственное и культурное пространство. Давая оценку результатам колониальной политики России, «строитель империи» отмечал положительные изменения как для самой империи, так и для среднеазиатских колоний.

В марте 1890 г. состоялось очередное возвращение А.Н. Куропаткина в Туркестан в качестве начальника недавно образованной Закаспийской области. Область была образована в мае 1881 г. из Закаспийского отдела Кавказского военного округа и вновь занятых земель в Ахал-текинском оазисе [3]. Сосредоточение всей власти в одних руках было обусловлено необходимостью создания за короткий промежуток времени нового режима государственности в среднеазиатских городах-ханствах. Учитывая геополитическое положение Закаспийского края, граничившего с Персией и Афганистаном, начальник области наделялся широкими властными полномочиями.

Освоение Закаспийской области приобрело ускоренные темпы развития именно в период с 1890 по 1898 гг., когда её возглавлял А.Н. Куропаткин. Ему довелось быть не только участником походов в Среднюю Азию во времена ее присоединения к России, но и непосредственно руководить обустройством края. Приходилось исполнять функции не только управленца, но и нести бремя ответственности за внешнеполитические акции империи в полосе её южноазиатской границы.

За восемь лет его правления появились города и поселки, заселенные русскими людьми. Получили новый импульс развития такие виды деятельности, как торговля, земледелие, промышленность. Помимо славы военной за А.Н. Куропаткиным закрепилась репутация руководителя с большими административными и хозяйственными способностями.

Решение задач внутреннего устройства во вверенном ему крае тесно переплеталось с вопросами внешней политики, поскольку Туркестан был пограничной территорией. Наглядный пример тому развернувшаяся полемика о маршруте строительства железной дороги. Железная дорога была важна как в экономическом, так и в стратегическом отношениях [4, ф. 400, оп. 1, д. 1622]. Предлагались различные варианты. В результате мнение А.Н. Куропаткина стало решающим.

Алексей Николаевич принимал все возможные меры к поддержанию спокойствия на русско-афганской границе. Добившись проведения железнодорожной ветви до Кушки, он доказывал необходимость заключения дипломатического соглашения с Англией, поскольку считал, что «соединение сети индийских железных дорог с нашими, среднеазиатскими, от Чамана через Кандагар, Герат и Кушку», создаст в перспективе «путь мирового значения» [5, с. 68]. Основная роль соглашения виделась ему в мирном разграничении сфер влияния в Афганистане между Российской империей и Англией.в обеспечении сближения между обоими государствами на почве взаимных интересов. Находясь уже в должности военного министра, А.Н. Куропаткин продолжал придерживаться этой идеи. Он был сторонником мирного сосуществования государств, поскольку рассчитывал общими усилиями отстаивать колониальные интересы империй в Азиатском регионе. Оценивая целесообразность присутствия в составе Российской империи среднеазиатских колоний, А.Н. Куропаткин пришел к выводу об экономических выгодах, получаемых от них Россией.

Наряду с нарастанием угрозы внутриполитического кризиса происходила трансформация сферы внешнеполитических интересов, активизация дальневосточного направления. По мнению профессора А.В. Ремнева, интерес правительства к вопросам дальневосточной политики носил импульсивный характер и стимулировался либо угрозой утраты территорий Азиатской России, либо намерением усилить свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Им были выделены периоды наибольшей активности дальневосточной политики во второй половине XIX – начале XX в. [6, с. 522].

Николай II по-своему видел будущее российского Дальнего Востока. Имперские амбиции двигали границы государства все дальше на Восток. Из дневниковых записей А.Н. Куропаткина: «…у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы» [7, с. 6]. Сам же Куропаткин был не прочь «обратить Маньчжурию в Бухару» [8, с. 153], т.е. сначала сохранять долговременную оккупацию, а потом присоединить север провинции к России. После того как сравнительно легко удалось построить железную дорогу через Маньчжурию и включить эту страну в сферу исключительного влияния России, появилось новое желание: приобрести незамерзающий порт на Тихоокеанском побережье. Выбор пал на Порт-Артур, только что завоеванный японцами и очищенный ими по настоянию России [9, с. 25].

Алексей Николаевич Куропаткин был убеждён в потенциальной значимости ранее мало востребованных восточносибирских территорий. Количественный рост русского населения в рай-

онах Западной Сибири также «указал на важность резерва земель, находящихся в восточносибирских областях» [10, с. 5]. Существовали и объективные условия для колонизации Россией восточноазиатских пределов. Куропаткин предупреждал, что «наплыв китайского населения в Приамурский край, несомненно, может поднять культуру этого края и обратить пустынные местности в цветущие. Но этим путем свободные земли были бы заняты нерусским элементом, между тем мы должны охранять каждую десятину в Сибири для русских. Ибо в течение XX столетия Сибирь неизбежно должна обратиться в страну с огромным населением. Необходимо помнить, что в 2000 г. население России, – писал А.Н. Куропаткин, – достигнет 400 млн. Надо уже теперь начать подготавливать свободные земли в Сибири. По крайней мере, для одной четвертой части этой цифры» [5, с. 72].

Куропаткин размышлял о возможных последствиях приобретения новых земель для Российской империи и её населения. Расширение государственных пределов на азиатском направлении хранило в себе потенциальную угрозу враждебной ответной реакции со стороны Китая. Им был сделан вывод, что реальность китайского вторжения и его последствия россияне представляют по-разному. На степень ощущения опасности китайского нашествия и готовность к защите государственных интересов россиян оказывал влияние, прежде всего, фактор дальности расстояния от расположения места их проживания в России до русско-китайской границы.

В начале XX в. А.Н. Куропаткин настаивал на необходимости сдерживания процессов «окитаивания» российских территорий Приамурья и большей части Забайкалья. Сегодня эта проблема по-прежнему остается нерешённой. Учитывая текущие тенденции во взаимоотношениях с Китаем, Россия вынуждена вырабатывать тактику безопасного сосуществования. Стратег придавал особое значение Северной Маньчжурии, Монголии и Синьцзянской провинции (Северо-Западный Китай). Прогнозируя рост напряженности в пограничных зонах, он аргументировал свои выводы началом интенсивного освоения китайским населением приграничной полосы в пределах Монголии и Маньчжурии, а с российской стороны – активным заселением Сибири и Дальнего Востока.

А.Н. Куропаткин, будучи военным министром, еще в 1901 г. переписываясь с министром иностранных дел графом В.Н. Ламздорфом, предлагал проверенный временем способ. Данный отрывок наиболее явно демонстрирует использование Куропаткиным своего окраинного опыта при сопоставлении среднеазиатских и дальневосточных владений. Он писал: «…для России было бы весьма выгодно образовать из Северной Маньчжурии независимую или весьма условно зависимую от Китая провинцию, управляемую и подчиненную влиянию России, примерно на тех же основаниях, на каких существует Бухарское ханство. Как Бухара, прорезанная русской железной дорогой, без вооруженной борьбы (с 1868 г.) вошла в политическом, военном и даже экономическом отношениях в состав провинции России, так и Северная Маньчжурия, прорезанная магистралью в 1200 вёрст, должна рано или поздно испытать по отношению к России ту же участь, что и Бухара. В течение ближайших лет в зависимости от образа действий Китая и других держав определяются и дальнейшие наши мероприятия по закреплению за Россией Северной Маньчжурии. Быть может, окажется наиболее выгодным арендовать у Китая эти местности, примерно на тех же основаниях, на коих арендована нами территория Квантунской области» [4, ф. 165, оп. 1, д. 737]. С этой идеей А.Н. Куропаткин обращался к министру внутренних дел Д.С. Сипягину.

В отношении экспансии Южной Маньчжурии А.Н. Куропаткин высказывался отрицательно. Территория Южной Маньчжурии, с его точки зрения, не представляла большого интереса для укрепления экономической и военной безопасности Российской империи.

Указанные территории являлись непосредственным порубежьем, и поэтому, по мнению Куропаткина, России было бы выгодно иметь над ними контроль. Если бы указанные регионы

находились под юрисдикцией Российской империи, то, несмотря на фактическое увеличение площади государства, произошло бы сокращение протяженности сухопутной границы и улучшение её характеристик с позиций геополитических стандартов. В результате таких изменений расходы на оборону и содержание границы уменьшились бы. А.Н. Куропаткин понимал и старался донести до других, что Северная Маньчжурия как часть китайской территории провоцировала слабость российских позиций в Приамурье, но, присоединенная к России, она смогла бы усиливать российское положение на Дальнем Востоке [10, с. 144].

Алексей Николаевич предлагал для решения вопросов, связанных с упрочением геополитического положения страны, сделать упор на пустынные пространства как на большую разделительную полосу. Он неоднократно подчеркивал необходимость буфера между Россией и Китаем. Продолжительный период времени буфером между Россией и Китаем служила пустыня Гоби. Данная географическая константа, в силу экстремальных природных условий, не представляла интереса для населения обеих стран и выполняла стабилизирующую функцию. Гармоничное сочетание естественной и искусственной границ в едином географическом пространстве способствовало положительному результату. Китай и Россия обоюдно не оказывали давления друг на друга, а также не испытывали острых территориальных притязаний. Ситуация на границе оставалась относительно спокойной. В этой связи им настойчиво предлагалось отодвинуть границу до естественного рубежа – пустыни Гоби. В декабре 1913 г. при подписании российско-китайского мирного договора Петербург решил воспользоваться возможностью создать «буферное» Монгольское государство на фоне ослабления позиций Китая. И как следствие Россия получала новое государство на границе Китайской империи с неограниченным экономическим и политическим российским влиянием [11].

А.Н. Куропаткин настойчиво призывал обратить внимание на состояние российско-китайской границы. Наиболее заметным и уникальным геополитическим проектом А.Н. Куропаткина стало его намерение оптимизировать русско-китайскую границу. Он предлагал выпрямить линию границы, определив опорные точки: на западе – высочайшую часть Тянь-Шанских хребтов, вершину Хан-Тенгри и на востоке – порт Владивосток. Все территории к северу от границы, пригодные для земледелия, должны были отойти России, включая верховья крупных сибирских рек. Прямая граница позволила бы сократить протяженность пограничной полосы, удешевить ее содержание, увеличить площадь империи за счет вышеперечисленных территорий, ослабить изоляцию от центра дальневосточных рубежей и обеспечить надёжную охрану.

Укрепление и оптимизация естественно-географического очертания морской границы имеет такое же большое значение, как и обустройство сухопутной. Надежная защита материка со стороны океана способствует продуктивному освоению края. «Именно дальневосточная политика, – по мнению профессора А.В. Ремнева, – возбудила споры по поводу соотношения континентального и морского начал в исторических судьбах империи» [6, с. 318–319]. Как подтверждение данной мысли можно рассматривать выводы, сделанные А.Н. Куропаткиным о наличии мощного торгового флота, который послужил бы основой для создания и модернизации маневренного флота военного. И начинать нужно именно в такой последовательности. Он размышлял: «Задаваясь целью выйти на Тихом океане к незамерзающим портам, Россия заняла Квантунский полуостров. Не убедившись еще, что сила военного флота должна сообразовываться, прежде всего, с развитием коммерческого флота, Россия, почти не имея коммерческого флота, решила завести грозный боевой флот в восточных водах [Цит. по: 12, с. 53]. После утраты Порт-Артура порт Владивосток оставался единственным незамерзающим портом, который можно было использовать как в торговых, так и в военных целях. Присоединение Северной Маньчжурии обеспечивало бы порту надежное прикрытие от возможных вторжений со стороны Японии и Китая. Таким образом, мо-

дификация сухопутной и морской границы экономила казенные деньги, укрепляла государственные рубежи, а приобретенные земли улучшали геополитическое положение России и сулили большие экономические выгоды. А.Н. Куропаткин заявлял, что «Россия, несомненно, сухопутная держава» и в отличие от западных стран должна прийти в Китай не с моря, а с суши. Главная военная сила России – это сухопутная армия. Исторически развитие отношений с Китаем происходило на материковой территории. Именно географическое расположение России в Дальневосточном регионе позволяло избежать затратной в финансовом отношении гонки вооружений, соперничая с Англией или Японией по строительству флота. Из-за недостатка финансов, утверждал А.Н. Куропаткин, Россия не в состоянии одновременно инвестировать большие средства в оснащение и армии, и военно-морских сил. Кроме того, развитие океанского флота, подчеркивал А.Н. Куропаткин, неизбежно вовлечет нас в колониальные захваты. «С развитием флота, – предупреждал он, – неизбежно возникают вопросы первоначально об угольных станциях, а затем и колониях» [13, с. 69].

Дальневосточную составляющую доктрины, по мнению профессора А.В. Ремнева, подготовили и сформировали региональные деятели (администраторы, исследователи, представители прессы), статус же идеологической формулы «жёлтому вопросу» придали столичные интеллектуалы [6, с. 521–522].

Для подобной тревоги на рубеже веков существовали веские объективные основания. Общая неустроенность государственных границ, слабое экономическое развитие Дальнего Востока, малочисленное русское население при мощном миграционном потоке выходцев из Китая и Кореи вызывали чувство тревоги и опасности за территориальную целостность империи. Противодействие «жёлтой опасности» логично стало составной частью имперской идеологии.

После Русско-японской войны положение России на Дальнем Востоке осложнялось дальнейшим усилением азиатских конкурентов. Как закономерная реакция на данную ситуацию в размышлениях А.Н. Куропаткина появляются идеи о необходимости объединённого европейского давления для ограничения военного потенциала Японии и Китая. А.Н. Куропаткин предрекал жёсткую конкурентную борьбу за азиатские рынки между Америкой, Японией и европейскими странами в акватории Тихоокеанского побережья. Для сохранения европейского колониального господства он призывал к консолидации усилий Америки и европейских государств против Японии. Кстати, ранее подобное сотрудничество уже практиковалось. Обращаясь к истории дипломатических решений, А.Н. Куропаткин делал ссылку на ситуацию, когда усиление Японии грозило нарушить баланс сил в регионе, а Россию лишить выхода к незамерзающим портам. Германия и Франция поддерживали российскую позицию, направленную на ослабление японского влияния. В результате общих усилий по инициативе России японская сторона вынуждена была пойти на пересмотр Симоносекского договора [16]. Куропаткин отводил важную роль гипотетической Европейской коалиции в возможности повлиять на ход перевооружения Китая и Японии с целью ограничения гонки вооружений в Азии.

Он акцентировал внимание на консолидации совместных усилий России и Европы в вопросе устранения угрозы «жёлтой опасности». Считал, что поддержание мира в Азии является не только российской, но и общеевропейской задачей.

А.Н. Куропаткин вполне разделял мнение современных ему политиков о роли России как форпоста «белой расы» в Азии и защитницы европейских государств. Воспринимая политические прогнозы Вильгельма II как объективную реальность, он настойчиво выступал против развязывания войны с азиатскими соседями. Называя Европу «старушкой», А.Н. Куропаткин предрекал ей быть загнанной в её «географический чулок» другими неевропейскими расами. По его представлениям, опасность данного конфликта усугублялась неблагоприятным для Европы соотношением

численности противоборствующих лагерей [10, с. 351]. Расовое противостояние, по его убеждению, постепенно принимает глобальный характер, разделяя весь мир на две группы: «народы белой расы» и противостоящие им «народы жёлтой расы и чернокожих». Деление на две группы усиливается и осложняется конфессиональным фактором, разделяя мир на язычников и христиан. А.Н. Куропаткин признавал, что при «будущем вероятном столкновении белой расы с жёлтой роль магометан загадочна», то есть изначально не предопределена. Им предполагалось возможное воссоединение мусульман с язычниками [10, с. 219] против христиан. Такое выделение конфессиональных групп позволяет увидеть истоки взглядов Куропаткина и в просвещенческом дискурсе, детерминированно увязывающем цивилизационный уровень народа и его религию. В этом контексте «жёлтого вопроса» А.Н. Куропаткин вынужден был попутно обратиться к решению еще одного «имперского» вопроса – мусульманского [15].

Переход от миролюбивой позиции азиатских государств к агрессивной политике встречного экспансионизма А.Н. Куропаткин связывал с их выходом из подчинения европейским метрополиям. Антиевропейские волнения в Китае 1900 г. подтверждали верность его рассуждений, а он, в свою очередь, подтверждал готовность России «держать экзамен» перед Европой [16, с. 394]. Рассматривая дальнейшую перспективу взаимоотношений европейских империй и их колониальных владений, видел единственную возможность для сохранения господствующего положения народов «белой расы» в Азии в объединении усилий [1, с. 255]. Народы «европейского союза» могли и должны были рассчитывать, по мнению политика, на взаимовыгодное соглашение и дальнейшее сотрудничество с союзом американских государств. Однако значимость этих международных объединений была, прежде всего, направлена на сохранение господствующего положения «белой расы», которое, в свою очередь, обеспечивало преимущественные права на эксплуатацию природных ресурсов.

Предложение А.Н. Куропаткина относилось к созданию коалиции европейских стран, заинтересованных в сохранении своего статуса как колониальных держав. Основной задачей альянса А.Н. Куропаткин видел в сдерживании наступления «жёлтой опасности». Он опасался, что с выходом из подчинения колониально-зависимых стран Азии возникнет большая вероятность агрессивного экспансионизма со стороны «желтой расы» (равно как и чернокожей) против «белой расы». XX век А.Н. Куропаткин определял как эпоху конфликтов в Азии между народностями христианскими и нехристианскими. В интересах всего человечества он предлагал объединить усилия «с христианской Англией против нехристианских племен Азии».

Разработка оборонительной стратегии в пределах всей сухопутной границы в Приамурье и на Дальнем Востоке рассматривалась А.Н. Куропаткиным как основополагающее звено в деле сохранения территориальной целостности России в указанных регионах. Идентифицируя Россию как европейское государство, он призывал участников гипотетического союза европейских стран к усилению взаимодействия по всем направлениям международной политики. «Каждое ослабление сил той или другой из европейских держав только увеличивает для Европы опасность потерять в XX веке то мировое положение, которое она ныне занимает, увеличивает, в особенности, значение «жёлтой опасности» [2, с. 352]. Хотя он понимал, что империалистические державы сами были не прочь поживиться за счет российских дальневосточных ресурсов. А.Н. Куропаткин писал: «…но и северные русские владения: Камчатка, Охотское море, устье Амура привлекают жадное внимание японцев по огромному рыбному богатству, а американцев – по минеральным» [10, с. 66]. Кроме того, он считал Америку естественным будущим врагом Европы.

Из размышлений автора видно, что цивилизационные различия он рассматривал как основную причину глобального противостояния. Проект консолидированной защиты колониальных интересов России и развитых европейских стран, подготовленный А.Н. Куропаткиным, был даль-

новидным, отчасти даже пророческим, но также остался невостребованным. Основная задача альянса состояла в сдерживании наступления «жёлтой опасности». XX в. А.Н. Куропаткин определял как эпоху конфликтов в Азии между народностями христианскими и нехристианскими.

Являя собой новый тип российского государственного деятеля, своего рода ставшего продуктом Великих реформ, он стал активным разработчиком концепции международного разоружения – прекращения гонки вооружений. Проект снижения расходов на военные цели был обнародован в Гааге на мирной конференции 1899 г.

Анализ геополитических оценок и прогнозов Алексея Николаевича Куропаткина относительно развития картины мира, угрозы «жёлтой опасности» выявил их злободневность и актуальность. Взгляды современных историков и политологов во многом перекликаются с выводами и прогнозами, озвученными А.Н. Куропаткиным, что может послужить толчком к дальнейшему развитию его идей в концепциях современных историков и политологов. В своих прогнозах А.Н. Куропаткин стремился предупредить о возможных изменениях картины мира и предложить последующим поколениям варианты действий, направленные на сохранение территориальной целостности России и её защищённости.

Список источников и литературы

1. *Куропаткин А.Н.* Задачи России и русской армии в XX столетии. СПБ.: Тип. В. Безобразов и Ко, 1910. Т. 3. 435 с.
2. *Куропаткин А.Н.* Задачи русской армии. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2003. 590 с.
3. *Закаспийская область* [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http: www.wikiznanie.ru./ru-wz/index.php/Закаспийская область.
4. *РГВИА*
5. *Куропаткин А.Н.* Русско-японская война 1904–1905: Итоги войны. СПБ.: ООО «Издательство Полигон», 2002. 525 с.
6. *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та. 2004. 552 с .
7. *Дневник А.Н. Куропаткина*. Б.м.: Нижполиграф, 1923. 140 с.
8. *Витте С.Ю.* Воспоминания. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 2. 636 с.
9. *Грулев М.В.* В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб.: Трудъ, 1908. Т. 1. 368 с.
10. *Куропаткин А.Н.* Русско-китайский вопрос. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина, 1913. 226 с.
11. *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: Изд-во АГУ, 2003.
12. *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР: Изд. 2-е испр. и доп. 1955. 695 с.
13. *Куропаткин А.Н.* Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Варшава, 1906. Т. 4. 526 с.
14. *Восток* проснулся, господа! К столетию Русско-японской войны: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://www.feldpost.ru/N15/senin.shtlm
15. *Воробьева Е.И.* Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия: вторая половина XIX в. – 1917 г.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1999. 29 с.
16. *Дневник* Алексея Сергеевича Суворина. London; М., 1999. 670 с.

I.V. Belokon

A.N. Kuropatkin as imperial ideology and geopolitics

Summary. Aleksey Kuropatkin – one of the prominent statesmen of the late XIX – early XX centuries. Tsarist Russia, being an ideologue strengthen Russian influence in the Far Eastern borders, expounding his views in the context of the geopolitical ideas of his time, providing transit and adaptation of Western political theories of the Russian imperial ideology. The main stages of its military and government activity coincided with the emergence of the geopolitical boundaries of the Empire and the formation of its Asian part. A.N. Kuropatkin thought uniquely Russian land power, which explains its increased interest in the issue of security of Russian borders. The article analyzes the aspects of Russian geopolitical stability in Asia from a regional perspective. The author reveals some of the concepts of his scientific heritage, which has a significant effect on the theoretical development of the imperial ideology of Russia's move toward Asia, and its practical implementation.

Key words: geopolitics, Asia, Russia, the border, «Yellow Peril».

УДК 94 (571)

А.П. Толочко

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР СТЕПНОГО КРАЯ М.А. ТАУБЕ (БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Аннотация. Освещается деятельность М.А. Таубе на посту генерал-губернатора Степного края. Рассматриваются основные вехи его предшествующей служебной биографии, характеризуется вклад М.А. Таубе в развитие и благоустройство Омска, приводятся сведения о его роли в колонизации казахской степи, в процесс интеграции кочевого населения в общероссийское культурное пространство. Показаны заслуги М.А. Таубе в деле военного строительства в крае в качестве командующего Сибирским военным округом.

Ключевые слова: М.А. Таубе, Степной край, генерал-губернатор, биографический очерк.

Образование в 1882 г. Степного генерал-губернаторства (широко распространенное неофициальное название – Степной край), центром которого стал Омск, окончательно закрепило за городом на Иртыше те военные и административные функции, которые он выполнял в этой части Азиатской России. В состав Степного генерал-губернаторства входили Акмолинская, Семипалатинская и некоторое время также Семиреченская области. В конце XIX – начале XX вв. Акмолинская и Семипалатинская области делились каждая на пять уездов. Акмолинская область включала в себя Омский, Петропавловский, Кокчетавский, Атбасарский и Акмолинский уезды, а Семипалатинская область – Павлодарский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Каркаралинский и Зайсанский уезды [1, с. 1]. Общими характерными особенностями Акмолинской и Семипалатинской областей в момент образования Степного генерал-губернаторства являлось их территориально-хозяйственное устройство, в котором преобладал скотоводческо-земледельческий тип хозяйства и превосходство кочевого населения. Кочевое население представляли казахи, оседлое же население – горожане, казаки и крестьяне – по национальному составу было преимущественно русское [2, с. 4–5]. В Акмолинской области, по данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., из общей численности населения в 682 тыс. человек на долю казахов приходилось 62,6 %, в Семипалатинской области из 684 тыс. человек – 90,6 % [3, с. 29; 4, с. 28].

Высшим начальником Степного края являлся генерал-губернатор. Генерал-губернаторская власть, возникнув в период преобразований Петра I и выполняя преимущественно администра-

тивно-хозяйственные функции, к началу эпохи Великих реформ 60-х–70-х гг. XIX в. приобрела, как отмечает исследователь И.Л. Дамешек, «чрезвычайный политический характер» [5, с. 221]. Эта модель административной политики самодержавия наиболее широко применялась, прежде всего, в окраинных и национальных районах Российской империи, то есть в местностях, на особом положении управляемых. В соответствии с инструкцией, генерал-губернаторы, кандидатуры которых утверждал непосредственно император, определялись как «главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства…» [5, с. 219]. Степные генерал-губернаторы, также как генерал-губернаторы других регионов Российской империи, концентрируя в своих руках всю полноту гражданской и военной власти, являлись верхушкой местной правящей бюрократии. Однако умение эффективно использовать имевшиеся у них широкие полномочия на пользу населения огромного региона в значительной мере зависело от личности конкретного генерал-губернатора, его деловых и человеческих качеств, пристрастий и настроений. Среди представителей высшей элиты Степного края были генерал-губернаторы, для которых стремление подчеркнуть свою значимость в управленческой иерархии сопровождалось проявлением высокомерия, а зачастую и пренебрежительного отношения к подчиненным лицам, причем главное предназначение генерал-губернаторской власти они видели в поддержании «общественного спокойствия». Но в ряду степных генерал-губернаторов были также люди, немало сделавшие для хозяйственного и культурного развития региона и оставившие здесь о себе добрую память. К их числу, несомненно, можно отнести генерал-губернатора Степного края М.А. Таубе.

Максим Антонович Таубе родился в 1826 г., происходил из дворян Лифляндской губернии, барон. Воспитывался в Дворянском полку, затем окончил артиллерийское училище и в 1845 г. начал службу в лейб-гвардии Литовском полку в звании прапорщика. Будучи на хорошем счету у начальства, быстро продвигался по служебной лестнице. В 1858 г. М.А. Таубе уже полковник, а с 1863 г. – командир Новороссийского драгунского полка. В 1865 г. в чине генерал-майора стал начальником Николаевского кавалерийского училища. Впоследствии занимал ряд других командных должностей, в том числе командующего 3-й кавалерийской дивизией, командира 12-го армейского корпуса и командующего войсками Киевского военного округа. В 1876 г. ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта, а в 1890 г. – генерала от кавалерии. За безупречную службу был отмечен многими наградами [6, с. 470].

Генерал-губернатором Степного края М.А. Таубе был назначен в 1889 г., сменив на этом посту первого степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского. Г.Е. Катанаев, природный сибирский казак, дослужившийся до генеральских эполет, который хорошо знал М.А. Таубе по Омску, писал о нем: «Честный немец – прибалтийский рыцарь. Между трех огней в одном лице: и генерал-губернатор, и командующий войсками, и наказной атаман» [7, с. 34]. Имея богатый опыт военной службы, новый степной генерал-губернатор, в отличие от своего предшественника, не обладал опытом гражданского управления. Это отнюдь не помешало Максиму Антоновичу достаточно быстро освоиться с обязанностями высшего начальника Степного края. Его пребывание в должности генерал-губернатора огромного региона совпало по времени с крутыми переменами в жизни Омска и степных областей, что было связано со строительством Сибирской железной дороги. Первый поезд прибыл в Омск в августе 1894 г. «25 августа, – сообщала в данной связи газета «Акмолинские областные ведомости», – левый берег Иртыша впервые огласился свистком паровоза… Еще накануне город расцветился флагами и украшениями для иллюминации. Торжественный момент прибытия и остановки поезда приветствован был музыкой и громогласным «ура» собравшейся публики… Встретить первый поезд пожелали не только русские горожане и казаки, но и киргизы (казахи. – А.Т.), для большинства которых железнодорожный поезд представлял неви-

данное зрелище» [8]. Корреспондент другой омской газеты «Степной край», описывая это событие, отмечал, что «день 25 августа сего года будет рубежом старой и новой жизни г. Омска и прилегающих местностей» [9, с. 145].

После строительства железной дороги Омск из военно-чиновничьего стал достаточно быстро превращаться в крупный торгово-промышленный и транспортный центр Западной Сибири и Степного края. Здания административных учреждений, торгово-промышленных фирм, банков, транспортных и других контор заметно преобразили его облик, прежде всего центральную часть города. В период пребывания М.А. Таубе в должности генерал-губернатора в Омске, в частности, было завершено строительство железнодорожного вокзала, закончено строительство здания городской Думы, построено здание магазина Шаниной на Любинском проспекте, а на самом проспекте устроена первая в городе мостовая. В ряду промышленных и транспортных предприятий, открытых здесь в это же время, следует назвать Главные железнодорожные мастерские, лесопильный завод и паровую мельницу купца Хаберева, табачную фабрику таганрогского купца Серебрякова, кондитерскую фабрику Мягкова. В 1895 г. в городе на Иртыше была учреждена Омская епархия, а в 1898 г. в центре Омска было завершено строительство Успенского кафедрального собора [10, с. 100, 105, 106, 110]. «Мы немного не доезжаем крепости, – писал в своих путевых заметках об Омске в середине 1890-х гг. К. Носилов, – сворачивая в устье речки Оми… подходим к пристани, отсюда неожиданно открывается прелестная панорама лучшей части города, невольно заставляющая залюбоваться: на высоких берегах реки, разрезавшей город на две части, виднеются ряды каменных и деревянных зданий, мост, красивой архитектуры храм, генерал-губернаторский дом. Эта речка – прекрасная тихая гавань; здесь сосредоточены пристани пассажирских пароходов…, здесь омцы принимают высокопоставленных особ, когда они посещают город, здесь же совсем на берегу триумфальная арка безмолвно свидетельствует о посещении этого города Цесаревичем Николаем» [11, с. 459]. К слову сказать, проявляя попечение о благоустройстве Омска, М.А. Таубе заботился и о том, чтобы у приезжавших в административный центр Степного края путешественников и гостей города осталось о нем приятное впечатление. Несмотря на занятость всевозможными делами по управлению краем, он находил время и принимал некоторых из них в генерал-губернаторском дворце. Один из иностранцев, посетивший Омск в 1897 г., писал в своих путевых заметках, что хотя во время ночлега в местной гостинице его сильно искусали клопы, от пребывания в городе на Иртыше он сохранил самые добрые воспоминания во многом благодаря теплому приему, оказанному генерал-губернатором [12, с. 71].

Но не только дела о благоустройстве своей резиденции волновали М.А. Таубе. В связи с возросшим в 90-е гг. XIX в. потоком крестьян-переселенцев в Степной край он приложил немало усилий для упорядочения и правильной организации переселенческого дела во вверенном ему регионе. Администрация Степного генерал-губернаторства осуществила целый ряд мероприятий по заготовке колонизационного фонда и поземельного устройства переселенцев, оказанию им агрономической помощи. Поскольку переселенческие участки образовывались путем изъятия земельных площадей у коренного населения степи, власти во избежание конфликтов между русскими переселенцами и казахами стремились действовать достаточно гибко. «Если в одних случаях, – отмечает исследователь Д.В. Кузнецов, – местное начальство считало возможным изъять земли у казахов, считая, что у них есть возможность использовать оставшиеся площади для выпаса и содержания скота, то в других случаях администрация наряду с предоставлением обменных площадей в качестве компенсации производила выселение казахов в другие местности с выдачей им денежного пособия для того, чтобы они могли завести скотоводческое хозяйство на новом, пригодном для него месте» [13, с. 17]. Однако далеко не всегда такая политика давала нужные властям результаты: конфликты в степных областях все же проявляли себя, выливаясь иногда в волнения

среди казахского населения. Поэтому генерал-губернатор М.А. Таубе настаивал на усилении надзора за положением дел в степи, добиваясь увеличения штатов уездных управлений и введения должностей участковых приставов, наделенных достаточно широкими полномочиями [14, с. 454].

Определенное влияние М.А. Таубе оказал также на процесс интеграции коренного населения казахской степи в общероссийское культурное пространство. Он выступил инициатором открытия русско-казахских школ в Степном крае. В начале 1900 г. в своем обращении к министру народного просвещения М.А. Таубе указал, что развитие русского образования среди детей кочевников своевременно и крайне необходимо. При этом, как отмечал он, учитывая экономическое состояние областей Степного края и целый ряд других факторов, приоритет следует отдать открытию подвижных аульных школ. Указанные учебные заведения являются наиболее удобным типом школ для данного региона как по дешевизне содержания, так и по соответствию их кочевому образу жизни и разбросанности по обширным территориям казахского населения. Ввиду недостатка местных средств, особенно у администрации Акмолинской области, учреждение аульных школ, согласно доводам степного генерал-губернатора, могло состояться не иначе как при непременном участии Министерства народного просвещения. Генерал-губернатор М.А. Таубе предлагал на первых порах открыть в Акмолинской области 10, а в Семипалатинской области – 20 аульных школ и для наблюдения за ними учредить должность инспектора [15, с. 171–172]. И хотя в связи с отсутствием у Министерства народного просвещения свободных денежных средств решение этого вопроса состоялось только в 1901 г., уже при другом генерал-губернаторе, первые шаги в этом направлении были сделаны именно М.А. Таубе.

Для решения задач по хозяйственному и культурному освоению Степного края М.А. Таубе пытался использовать творческий потенциал имевшихся в Омске научных и культурно-просветительских организаций, среди которых наиболее авторитетным являлся Западно-Сибирский отдел Русского географического общества (ЗСОРГО). Созданный в 1877 г., отдел ставил своей целью изучение Западной Сибири и сопредельных территорий «в отношениях: собственно географическом, геологическом, естественно-историческом, этнографическом, статистическом, археологическом [16, ф. 86, оп, 1, д. 6, л. 43]. К сожалению, в 1890-е годы ЗСОРГО переживал далеко не лучшие времена. У отдела накопились крупные долги, что привело к почти полному прекращению научных экспедиций. Кроме того, правление ЗСОРГО в силу возникших между его членами острых разногласий на некоторое время, по сути, утратило роль координирующего научного центра. Будучи покровителем Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, М.А. Таубе приложил немало усилий, чтобы активизировать деятельность этой организации. Генерал-губернатору удалось добиться выделения для ЗСОРГО заемных средств в сумме 6 тыс. рублей, а также реорганизовать его правление, что положительно сказалось на научной и просветительской деятельности отдела [17, с. 22–23].

Наряду с делами по гражданскому управлению Степным краем М.А. Таубе пришлось активно заниматься также вопросами, связанными с военным строительством. Дело в том, что в 1897 г. был создан единый Сибирский военный округ, командующим которым стал степной генерал-губернатор [18, с. 216]. Такое положение просуществовало до 1906 г., когда по настоянию военного министерства были воссозданы Омский и Иркутский военные округа. Являясь командующим Сибирским военным округом, Максим Антонович проделал значительную работу по повышению боеготовности воинских частей, дислоцированных на его территории, созданию здесь необходимого мобилизационного потенциала. Все это принесло свои результаты в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда именно сибирские полки внесли особенно заметный вклад на театре военных действий в борьбу с врагом [19, с. 78–79].

Являясь убежденным сторонником существовавшего в России самодержавного строя, М.А. Таубе, тем не менее, не был чужд великодушия в отношении так называемых «государственных преступников», уже понесших, как он считал, справедливое наказание за свои деяния. Народник Л.К. Чермак вспоминал, что, будучи выслан в 1896 г. за участие в революционном движении в Степной край, он, по прибытии в Омск, получил от М.А. Таубе предписание отправиться к месту ссылки в Семипалатинск. Поскольку своих средств на дальнейшую дорогу у Чермака не имелось, он попросил генерал-губернатора отправить его к месту ссылки за казенный счет. На брошенную М.А. Таубе реплику: «Но ведь вам придется идти этапом с партией уголовных …пешком» ссыльный вновь заявил об отсутствии у него денег. Каково же было изумление Л.К. Чермака, когда на другой день утром к нему по поручению М.А. Таубе явился полицейский пристав и вручил 30 рублей на оплату проезда на лошадях до Семипалатинска [20, с. 56–57].

В июле 1900 года М.А. Таубе был назначен членом Государственного Совета и покинул Омск. С 1906 г. и до своей кончины в 1910 г. в реформированном Госсовете он входил в состав присутствующих членов.

Список источников и литературы

1. *Степное положение,* Высочайше утвержденное 25 марта 1891 года, об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, с приложением извлечения из положения об управлении Туркестанским краем. Омск, 1895. 90 с.

2. *Буктугутова Р.С.* Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. Кокшетау: Кокшетауский гос. ун-т, 2006. 296 с.

3. *Абилов К.Ж.* История становления и развития предпринимательства в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Караганда: б. и., 2005. 356 с.

4. *Козина В.В.* Демографическая история Казахстана (конец XIX – начало XXI вв.). Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. 144 с.

5. *Дамешек И.Л.* Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск: Иркутский гос. пед. ун-т, 2005. 246 с.

6. *Энциклопедия города Омска*. Т. 3. Омск в лицах. Книга 2. А–Я. Омск. 2011. 692 с.

7. *Катанаев Г.Е.* Очерки былого. Омск: Омскбланкиздат, 2012. 415 с.

8. *Акмолинские областные ведомости*. 1894. 31 авг.

9. *Очерки истории города Омска.* Том первый. Дореволюционный Омск. Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. 292 с.

10. *Энциклопедия города Омска*. Т. 2. Хронограф Омска. 1716–2008 годы. Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2009. 360 с.

11. *Носилов К.* По юго-западной Сибири // Естествознание и география.1896. № 4.

12. *Время и город*: Омск XVIII – начала XX вв. в описаниях современников. Омск: Омская гос. обл. науч. библиотека, 1996. 107 с.

13. *Кузнецов Д.В.* Администрация и поиски путей сельскохозяйственного освоения Среднего Прииртышья в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис… канд. ист. наук. Омск, 2000. 23 с.

14. *История Казахстана* с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Алматы: Атамура, 2000. 766 с.

15. *Журнал Министерства* народного просвещения. Ч. CCCLXII.СПб., 1905. Декабрь.

16. *ГИАОО*

17. *Юбилейный сборник* Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск. 1902. 283 с.

18. *Власть в Сибири*: XVI – начало XX вв. Новосибирск: Наука, 2005. 696 с.

19. *Горелов Ю.П.* Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. 385 с.

20. *Кадиков Э.Р.* Экспедиция по исследованию степных областей в воспоминаниях Л.К. Чермака // Колонизация Азиатской России (XIX – начало XX вв.): институции и практики. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2013. С. 55–80.

A.P. Tolochko

Governor-General of the steppe, M.A. Taube (biographical sketch)

Summary. The activity of M.A. Taube at the post of Governor-General of the Steppe region. The main milestones of his previous service biogragraphy, characterized contributions M.A. Taube in the development and improvement of Omsk, provides information about its role in the colonization of the Kazakh steppe, in the process of integration of the nomadic population in all-Russian cultural space. Showing merits M.A. Taube in military development in the region as commander Siberian Military District.

Key words: M.A. Taube, Steppe Region, the Governor-General, a biographical sketch.

УДК 94 (571.1)

А.М. Лосунов

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СТЕПНОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА И ВОЙСКОВОГО НАКАЗНОГО АТАМАНА СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА Е.О. ШМИТА

Аннотация. Статья посвящена малоизвестным аспектам деятельности Степного генерал-губернатора Е.О. Шмита в Омске и Степном крае. Приведены примеры его взаимоотношений с сибирскими казаками и немецкими колонистами, проблемы религиозного воспитания вековой давности.

Ключевые слова: генерал-губернатор, Степной край, Войсковой наказной атаман, местное управление, Сибирское казачье войско, управление.

Изучение опыта деятельности регионального звена государственного управления в России на заключительном этапе существования Российской империи, накануне и в годы Первой мировой войны всё более и более привлекает внимание исследователей. В этом отношении фигура генерал-губернатора нам представляется ключевой. Анализ и характеристика её помогает более глубоко и под несколько иным углом зрения рассмотреть различные аспекты внутренней политики, общественно-политических движений, экономики и культуры на территории того или иного генерал-губернаторства. Качество управления Степного генерал-губернаторства на протяжении всего его существования (с 1882 по 1917 гг.) во многом зависело от личности генерал-губернатора, его моральных и деловых свойств, уровня приближенности к монаршей особе.

К одной из самых спорных и малоизученных фигур генерал-губернаторов Степного края можно отнести Евгения Оттовича Шмита (31.12.1844–11.10.1915). Он происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. Вероисповедания был православного. Образование получил в 1-м кадетском корпусе и 2-м военном Константиновском училище. За каких-то тридцать шесть лет прошел путь от старшего корнета 12-го гусарского Актырского полка до генерал-лейтенанта и командующего 12-й кавалерийской дивизией. За боевые действия в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. получил Анну 2-й степени и Станислава с мечами. Успел покомандовать Изюмским, 26-м драгунским Бугским и лейб-гвардии Кирасирским полками. В 1891 г. был лично представлен эрц-

герцогу австрийскому Францу Фердинанду и был награждён им австрийским орденом Железной Короны 2-го класса. Перед назначением в Сибирь был помощником командующего Киевским военным округом (с 18.03.1906 г.). За «отличие по службе» на Украине получил 6 декабря 1907 г. генерала от кавалерии, а на следующий год, 8 июня, последовало его Высочайшее назначение в Сибирь. За службу свою имел 10 российских и 6 иностранных наград, в том числе и китайский орден Двойного Дракона звезды 2-го класса 3-й степени, который 17 июня 1896 г. Высочайше было разрешено принять и носить. Евгений Оттович был женат вторым браком на девице и дочери гвардейского полковника Александре Михайловне Мусмак. От этого брака он имел сына Михаила (род. 22.08. 1887 г.), а от первого брака сына Георгия (род. 9.11.1875 г.) и дочь Марию (род. 8.09.1885 г.). Жена и дети были также православного вероисповедания. Управляя Степным краем, Е.О. Шмит не только получал по службе годовое содержание в размере 18 000 руб., но и был удостоен Высочайшей благодарности «за особую энергию и распорядительность, проявленные в деле борьбы с чумной эпизоотией», которые способствовали её полному прекращению (30.12.1909 г.). Он также был награждён орденом Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского (6.12.1910 г.) и получил право ношения на груди светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования Дома Романовых (21.02.1913 г.). В данной статье мы коснёмся тех мероприятий, в подготовке и проведении которых принимал активное участие Е.О. Шмит и которые характеризуют его не только как администратора, но и как человека.

Ещё в феврале 1909 г. правление Омского отделения Московского общества сельского хозяйства ходатайствовало перед городскими властями о разрешении устроить выставку в Омске. Целью проведения которой было – показать развитие Западной Сибири в естественно-историческом и культурно-экономическом отношениях. Для решения организационных вопросов был избран выставочный комитет. Его почётным председателем стал генерал-губернатор Степного края Е.О. Шмит, а комиссаром – известный учёный генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев. В марте 1910 г. на проведение выставки было получено согласие правительства. Местом проведения выставки была избрана Семинарская площадь (ныне территория Юнгородка), на которой для этого было отведено 27 десятин земли. На них участвующие в выставке предприятия, торговые фирмы и общества возвели 60 деревянных павильонов, отстроенных в стиле модерн. 15 июня 1911 г. состоялось освящение и торжественное открытие выставки. Церемония мало чем отличалась от современных. Вот что писала об этом событии газета «Омский вестник» за 16 июня 1911 г.: «Открытие первой Западно-Сибирской выставки… Во время молебна все присутствующие торжественной процессией направились в павильоны выставки. Во главе процессии идут распорядители выставочного комитета г.г. В.И. Куприянов, Б.П. Сысоев, Б.А. Смирнов, Проскуряков и главный комиссар выставки Г.Е. Катанаев, за ними епископ Владимир, духовенство, начальник края, губернатор и представители ведомств, за которыми уже следуют остальные участники торжества. По окончании молебна торжество было перенесено в выставочный театр, громадный зал которого был положительно переполнен публикой. Здесь начальник края Е.О. Шмит произнес обширную речь, которой приветствовал открытие Первой Западно-Сибирской выставки, выяснял значение ея для Сибири и для Степного края в частности. После него занял трибуну акмолинский губернатор А.Н. Неверов…».

Через неделю после открытия выставки на имя генерал-губернатора Степного края пришли телеграммы от царя и премьер-министра правительства, опубликованные в газетах. Текст первой из них гласил: «Омск. Степному генерал-губернатору. Поручаю Вам передать устроителям выставки Мою искреннюю благодарность за выраженные чувства, верю в пробуждение и быстрое развитие производительных сил края на благо Сибири и всей нашей великой родины. Николай» [1, № 132 за 22 июня]. Другой текст указывает нам, что оба эти послания были ответными на телеграфные ра-

порта Е.О. Шмита в столицу. «Счастлив был узнать из телеграммы Вашего Высокопревосходительства – писал статс-секретарь П.А. Столыпин, – об открытии Первой Западно-Сибирской выставки, надеюсь, что она окажется для края мощным двигателем на пути прогресса и культуры. Приветствую всех собравшихся на выставку представителей края, устроителей ее и участников, поздравляю и Ваше Высокопревосходительство с осуществлением мероприятия, столь горячо Вами поддержанного» [1, № 133 за 23 июня].

9 мая 1911 г. в торжественной обстановке Преосвященным Владимиром (Путятой), епископом Омским, в присутствии Войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска генерала от кавалерии Евгения Оттовича Шмита и других начальствующих лиц торжественно была произведена закладка храма во имя небесных покровителей царской семьи. После закладки генерал Шмит по просьбе станичников отправил государю телеграмму, в которой говорилось: «Сегодня в Атаманской станице вновь прибывшим епископом Омским Владимиром в присутствии моем и сибирских казаков совершена закладка трехпрестольного храма во имя святителя Николая Чудотворца, святой царицы Александры и святителя Алексия. Вознося горячие молитвы о здравии и благоденствии Вашего Императорского Величества и всей Царственной Вашей Семьи, сибирские казаки повергают к стопам Вашего Императорского Величества свои горячие верноподданнические чувства беспредельной любви и преданности». В этот же день была получена ответная телеграмма. Государь император писал следующее: «Благодарю сибирских казаков за молитвы и за выраженные чувства по случаю закладки храма Атаманской станицы, надеюсь, что храм будет построен скоро и украсит станицу своим благолепием. Николай» [2, № 64]. Эти слова государя оказались пророческими. Через два с небольшим года церковь уже была готова. Следует также отметить, что вышеупомянутая телеграмма от царя по распоряжению Е.О. Шмидта сначала, пока шло строительство, хранилась под стеклом в Троицкой церкви, а затем была передана во вновь возведенный Николаевский храм, где находилась в алтаре как особо чтимая реликвия. Дальнейшая судьба этого уникального исторического документа, к сожалению, неизвестна.

29 августа 1913 г. состоялось торжественное освящение вновь построенного храма. Торжественное освящение храма совпало с днем Всероссийского праздника трезвости. Поэтому священник Иоанн Попов в своей проповеди призвал верующих воздержаться в этот святой день от горячительных напитков. А преосвященный епископ Омский и Павлодарский Андроник (Никольский), ныне почитаемый как священномученик, за Божественной литургией после освящения храма в своей прекрасной проповеди также наставлял православных казаков вести трезвую жизнь. По окончании богослужения состоялась постная трапеза, во время которой на столах не было ни вина, ни водки.

Не последнюю роль сыграл Евгений Оттович и в истории с проектированием и согласованием памятника Царю-освободителю в г. Омске. 17 мая 1912 г. за № 4512 из Омска в столицу на имя министра внутренних дел ушло официальное письмо. Его автор, Степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии Е.О. Шмит сообщал вышестоящему начальству о том, что в 1911 г. особое междуведомственное совещание под его председательством обсуждало вопрос о чествовании полувекового юбилея освобождения крестьян от крепостной зависимости. Это собрание единогласно постановило воздвигнуть в Омске памятник Царю-освободителю. Местом для установки была избрана изначально и окончательно площадь напротив Успенского кафедрального собора, перед предполагаемым к сооружению зданием судебных установлений (ныне Законодательное собрание Омской области). Ориентировочная стоимость памятника исчислялась в 9000 рублей. Эту сумму планировалось собрать путём добровольных пожертвований казённых и общественных учреждений Степного края, торговых и промышленных фирм, а также частных лиц. К лету 1912 г. было собрано 600 руб. Бывший незадолго до этого в Санкт-Петербурге генерал-губернатор Е.О. Шмит

во время аудиенции лично доложил императору Николаю II о предстоящем сооружении памятника царю-освободителю в Омске. Государь весьма благосклонно отнёсся к этой идее. Ввиду этого Степной генерал- губернатор просил министра внутренних дел посодействовать скорейшему «проведению через Академию художеств и утверждению прилагаемых проектов памятника» [3, ф. 1293, оп. 108, д. 73, л. 1–1 об.]. Первоначальный проект памятника (который представлял собой бюст Александру II, установленный на постамент, с пьедесталом, окружённым каменной оградой, с двумя шпилями по бокам и фонарями на углах) был выполнен художником А. Шапочкиным [3, ф. 1293, оп. 108, д. 73, л. 6–8]. Из департамента общих дел МВД данное отношение вместе с 10 приложениями было направлено 15 июня 1912 г. в техническо-строительный комитет МВД. Председатель данного комитета Р.Р. Марфельд вместе со своим сопроводительным письмом направил всю документацию на экспертизу в Императорскую Академию художеств. При этом он просил Академию «…о сообщении ему по этому проекту заключения в возможно непродолжительном времени ввиду особой экстренности дела» [3, ф. 1293, оп. 108, д. 73, л. 3]. В своём заседании 26 июня 1912 г. специальная комиссия по рассмотрению проектов при Императорской Академии художеств ознакомилась с проектами памятников царю-освободителю, намечаемых в трех городах Российской империи. Помимо нашего города проектную документацию подали города Балт в Подольской губернии и Семипалатинск. Проекты памятников в этих городах прошли, а вот омский проект члены комиссии (председателем которой был профессор Л.Н. Бенуа, а членами А.Н. Померанцев, М.П. Боткин, М.Л. Чижов, А.В. Щусев и др. известные личности) забраковали [3, ф. 789, оп. 13, д. 94, л. 6]. Нарекание комиссии вызвали идея и композиция. Техническо-строительный комитет МВД полностью согласился с мнением комиссии о неудовлетворительном составлении проекта памятника и своим письмом от 20 июля 1912 г. известил об этом канцелярию Степного генерал-губернатора [3, ф. 1293, оп. 108, д. 73, л. 10–11]. 19 февраля 1913 г. Степной генерал-губернатор вторично обращается в вышестоящие инстанции. Теперь он сам непосредственно просит техническо-строительный комитет МВД в скорейшем времени рассмотреть и утвердить вновь составленный проект памятника. В качестве автора второго проекта он привлёк академика архитектуры В.А. Пруссакова. Выбор этот был не случаен. С одной стороны, новый автор был столичным архитектором и имел вызывающие уважение звания и регалии, а с другой – он проектировал намечающееся к постройке в нашем городе здание судебных установлений. Прослышав, что и этот проект отклонили, степной генерал-губернатор Е.О. Шмит срочно выехал в Санкт-Петербург. Находясь 11 марта того же года в столице, он одобрил переработанный В.А. Пруссаковым проект памятника, уже третий по счёту. Во избежание дальнейших проволочек со стороны петербургских чиновников он добился личной аудиенции у государя, показал ему проект и заручился Высочайшим одобрением со стороны Николая II.

Сибирское казачество являлось, пожалуй, одним из самых хлопотных среди подчиненных ему ведомств. Земли казаки имели богатые, но обрабатывать их и вести правильно хозяйство не могли в силу специфики своей службы и сложившегося менталитета. Е.О. Шмит объяснял недостатки в казачьем хозяйстве низким уровнем образования [2, № 164], слабым контролем со стороны начальства [2, № 38], а также различными человеческими пороками в виде лени и пьянства, широко распространившихся в казачьей среде.

Ежегодно летом Е.О. Шмит делал объезд подчинённого ему войска. Во исполнение забытых по Сибирскому казачьему войску приказов в станицах и посёлках по пути следования начиналось вдоль улиц рытьё ям для посадки молодых деревьев непосредственно в сам день проезда. После отъезда начальника края они, уже увядшие, выбрасывались. Так было, например, и в 1910 г., когда во время посещения поселка Железинского Евгений Оттович столкнулся с подобным спек-

таклем, где оторванные от работы поселяне в бутафорски украшенном поселке встречали его. Сразу обман Шмит, конечно же, не разглядел. Помогли либералы, поместив на страницах журнала «Сибирские вопросы» анонимную, но до боли колкую и ехидную заметку [4, № 30, с. 37]. Пришлось сделать необходимые распоряжения о том, чтобы во время инспекторских поездок по войску слишком ревностные станичные и поселковые атаманы торжественных встреч не делали, дома флагами не украшали, от работ население не отрывали, а встречать начальство выходили только не занятые работой казаки [5, ф. 67, оп. 2, д. 2818, л. 2].

Впечатления от увиденного Е.О. Шмитом в ходе инспекторских поездок по войску, как правило, сопоставлялись с делопроизводственными материалами, отчетами Войскового хозяйственного правления. В результате чего и появился в 1912 г. «Приказ по Сибирскому казачьему войску за № 106», имевший далеко идущие последствия [6, № 106]. Именно он в некоторой степени усугубил конфронтацию между Войсковым наказным атаманом, с одной стороны, и представителями войсковой администрации с другой.

Забегая вперед, заметим, что именно это противостояние во многом способствовало удалению Е.О. Шмита в 1915 г. с поста Степного генерал-губернатора и назначению его членом Государственного Совета. Причины же конфликта видятся, с одной стороны, в неугомонной личности Евгения Оттовича, а с другой – в традиционном образе жизни сибирских казаков, сложно поддающемся реформированию.

С начала XX в. положение дел на религиозно-нравственном поприще среди сибирского казачества усугубилось. Давали о себе знать как сектантство, распространившееся на территории войска, так и суеверия, перекочевавшие из крестьянской среды. Эти обстоятельства вызывали не только тревогу у войсковых наказных атаманов, но и заставляли последних обращаться за помощью к местным архипастырям. Вот что писал степной генерал-губернатор Е.О. Шмидт епископу Омскому и Акмолинскому Владимиру (Путяте) от 17 июля 1912 г.: «Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь! При объезде мною казачьих посёлков в настоящем году мною замечено, что храмы Божия содержатся не в должном порядке, о чём считаю своим долгом сообщить Вашему Преосвященству. В посёлке Крутоярском в молитвенном доме доски на полу выгнулись, никто за этим не смотрит и не наблюдает. Священник приезжает сюда весьма редко. Кружки на украшения молитвенного дома нет и даже тарелки нет. Церкви и молитвенные дома строятся без ведома и разрешения Войскового Хозяйственного Правления, вопреки закону. От этого происходят неправильности в постройке и убытки для обществ. Казаками посёлка Донского начата постройкою церковь. К сожалению, архитектора, наблюдающего за постройкой, у них не было. Местный благочинный о[тец] Александр Дагаев рекомендовал казакам в качестве наблюдателя крестьянина Воронежской губернии Шустова. В результате постройка начата совершенно неправильно: фундамент недостаточно углублен, стены из тесаного камня сложены крайне небрежно, без надлежащей поливки известью. Нахожу, что благочинный неосторожно рекомендовал Шустова. Население малоразвито в религиозном отношении. Мне приходится наблюдать, что взрослые парни и девушки-невесты не знают заповедей Божиих и общеупотребительных молитв. В видах поднятия религиозного развития прошу Ваше Преосвященство, не признаете ли возможным сделать распоряжение не венчать молодых людей, не знающих молитв и заповедей Божиих. Крайним невежеством отличается посёлок Азовский, наполненный сектантами разных толков. Представляется желательным особое миссионерское воздействие на население этого посёлка. Священник Ачаирской станицы, живущий там давно, не знает круглых сирот в своём посёлке. Казалось бы, что священники по своему положению должны иметь особое попечение о сиротах. Поручая себя молитвам Вашего Преосвященства, прошу Вас принять уверение в чувствах глубокого уважения к Вам и преданности».

В поисках правды и истины Евгений Оттович порой был непоколебимым максималистом. Это хорошо видно по его роли в деле отправления епископа Омского и Семипалатинского Гавриила (Голосова) на покой. Осенью 1910 г. по Омску поползли слухи о том, что кафедральный протоиерей Александр Голосов ухаживает за некоторыми своими ученицами. Вскоре и в местной прессе появились известия, что он состоит в любовной переписке и интимных отношениях с некоторыми гимназистками, а его дядя епископ покрывает его аморальное поведение. Для поддержания авторитета епископа Гавриила по распоряжению Степного генерал-губернатора Е.О. Шмита на редактора издания был наложен административный штраф в размере 200 рублей. Попечителем учебного округа в октябре 1910 г. было начато следствие. Его ходом и результатами Шмит живо интересовался. Он даже лично встречался с директором мужской гимназии, который вел это расследование. Итог был неутешителен. Генерал-губернатор вынужден был констатировать, что «обвинения, возводимые прессой на священника Голосова, не только справедливы, но значительно умалчивают о тех подробностях, которые добыты расследованием» [3, ф. 797, оп. 80, 1910 г. 3 отд. 5 стол, д. 383. л. 2, 14]. Обо всем случившемся Евгений Оттович 30 октября 1910 г. написал в личном письме П.А. Столыпину. «Обращение ко мне епископа Гавриила с просьбой принять административные меры к недопущению... развала православия красноречивее всего говорит о немощности духа и утрате духовенством всякого нравственного авторитета», – сообщал Шмит и просил Председателя Совета министров «содействовать к скорейшему удалению из пределов края как священника Голосова, так и самого епископа Гавриила, давно утративших не только авторитет, но и уважение всего населения края и самого духовенства» [3, ф. 797, оп. 80, 1910 г. 3 отд. 5 стол, д. 383, л. 2, 3]. Столыпин просьбу Степного генерал-губернатора поддержал. 8 ноября того же года он направил секретное ходатайство обер-прокурору Синода С.М. Лукьянову. Вмешательство Столыпина оказалось решающим. Через неделю Св. Синод приступил к рассмотрению накопившихся по омскому делу документов. Было решено провести ревизию Омского епархиального управления. Проверяющим был назначен епископ Екатеринбургский и Ирбитский Митрофан. На основании полученных результатов проверки члены Синода признали полезным освободить епископа Омского и Семипалатинского Гавриила от выполняемых обязанностей и уволить его на покой. Однако в официальном докладе Николаю II была указана более благовидная причина этому – преклонность лет епископа (72 года). 18 февраля 1911 г. данный доклад был утвержден [8].

В годы Первой мировой войны деятельность, полномочия и функции губернаторской власти изменились. Отныне главной её задачей стало осуществление действий, направленных на успешное проведение мобилизации, обеспечение армии всем необходимым и поддержание порядка в тылу. В этом отношении для характеристики Е.О. Шмита следует упомянуть о двух подписанных им документах. 22 сентября 1914 г. он издаёт «Объявление Главноначальствующего населению Акмолинской и Семипалатинской областей», в котором речь идёт о распространении ложных слухов о неудачах и поражениях на фронте. В данном объявлении, в частности, говорилось: «...легковерные люди сами не понимают того, какой вред приносят они своим блудливым языком в среде малодушных людей, склонных при первой неудаче падать духом и заражать других... Все телеграммы и письма из действующей армии поступают к адресатам не иначе как через военно-цензурный комитет, находящийся в подчинении моего Штаба... Виновные лица будут подвергнуты заключению в тюрьме до трёх месяцев или денежному штрафу до трёх тысяч рублей. Предупреждаю заранее всех любителей и в особенности любительниц сенсационных новостей, сеющих смуту в умах населения, что наказания мною будут налагаться без всякой пощады, не считаясь с общественным положением провинившегося или провинившейся, и что фамилии тех лиц, на которых будет налагаться взыскание, будут каждый раз оглашены во всех газетах, издаваемых в крае…» [5, ф. 23, оп. 1, д. 118, л. 165]. Другим документом является письмо, адресованное акмо-

линскому губернатору А.Н. Неверову. Датировано оно 16 октября 1914 г. В нём, подчеркивая свою «русскость», степной генерал-губернатор Е.О. Шмит, носящий, кстати, немецкую фамилию, критикует «немецкий сепаратизм» и возмущается тем, что большинство немецких колонистов не говорит по-русски. Он делает распоряжение о том, чтобы все немцы у себя в посёлках говорили и вели делопроизводство только по-русски, писали и подписывали прошения на этом же языке и чтобы занятия в немецких школах также велись на языке «нашего Отечества», а исключения делались лишь в отношении немецкого языка и Закона Божьего [9, с. 219–221]. Исходя из этого письма, некоторые исследователи даже считают, что именно Е.О. Шмит положил начало *дискриминационной* политике в отношении немцев в Сибири [10, с. 36].

Вступив в должность Степного генерал-губернатора, Е.О. Шмит позиционировал себя как «просвещенного администратора». Время его правления можно условно разделить на мирный и военный периоды. Если в мирный период (с 1910 по 1914 г.) некоторые его методы управления, построенные по строго военному принципу, ассоциировались у окружающих «с его самодурством» [4, № 30, с. 39], то с началом Первой мировой войны именно они обеспечили успешное проведение мобилизации населения призывного возраста, оказание помощи в размещении раненых воинов в составе эвакогоспиталей, эффективное снабжение действующей армии и сохранение порядка в тылу. В 1915 г. Е.О. Шмит оставил пост Степного генерал-губернатора в связи с назначением его членом Государственного Совета. Умер Евгений Оттович в 1915 г., находясь в Сочи.

Список источников и литературы

1. *Омский* вестник. 1911.

2. *Приказы* по войскам Омского военного округа и Сибирского казачьего войска.№ 1–197. Омск, 1911. 404 с.

3. *РГИА*

4. *Из Омской* жизни (заметки обывателя) // Сибирские вопросы.1910. С. 37–39.

5. *ГИАОО*

6. *Приказы* по Сибирскому казачьему войску за 1912 г. Омск, 1912. 397 с.

8. *Базанова О.* Дело протоиерея Голосова: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.promreview.net/moskva/delo-protoiereya-golosova?page=0,7

9. *Немцы* в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895–1917 / сост. П.П. Вибе. Омск: Из-во ОГИК музея, 1999. 359 с.

10. *Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект: Монография. Омск: Из-во ОмГПУ, 2007. 367 с.*

A.M. Losunov

Strokes to the portrait of Governor-general of the Steppe and army ataman of the Siberian Cossack Host E. O. Schmitt

Summary. This article is devoted to little known aspects of working E.O. Schmitt in Omsk region and steppe. Examples of his relationship with the Siberian Cossacks and the German colonists, the problem of religious education a century ago.

Key words: Governor-general, Steppe Region, The Army ataman, local government, The Siberian Cossack Host, administration.

УДК 9 (С18)

В.А. Шулдяков

ИННОКЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ ЛАПТЕВ: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОЛИТИК-ЛИБЕРАЛ ИЗ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ

Выражаю благодарность за помощь в подготовке статьи Николаю Александровичу Ерёмину (Москва), Галине Вячеславовне Шараповой (г. Павлодар Республики Казахстан), Ольге Сергеевне Яныгиной (г. Воскресенск Московской обл.).

Аннотация. Статья посвящена деятельности наиболее яркого представителя либерального направления в Сибирском казачьем войске, общественного деятеля Западной Сибири и Степного края областнического толка, депутата Государственной думы I и II созывов (1906, 1907), товарища председателя Совета съездов представителей торговли и сельского хозяйства Сибири, Степного края и Зауралья (1912–1915), члена Государственного Совета (1915–1917), комиссара Временного правительства по Степному краю (март – август 1917 г.), товарища председателя Совета Союза казачьих войск (1917) И.П. Лаптева.

Ключевые слова: Сибирь, казачество, Государственная дума, Сибирская парламентская группа, Государственный Совет, либеральные партии, революция, земство, Союз казачьих войск.

Буржуазные реформы 1860-х – 1870-х гг. ускорили размывание сословной структуры Российской империи. Модернизационные процессы коснулись и такого замкнутого, привилегированного, жестко детерминированного особой воинской повинностью сословия, как казачество. Первенство в «естественно-историческом расказачивании» принадлежало войсковой элите. В пореформенный период казачьи офицеры получили права служить вне войска и давать своим детям невоенное, высшее и среднее, образование, направляя их тем самым на гражданское поприще. В гимназии и университете выходцы из казачьего сословия приобщались к российской и европейской культуре, принимали «новые правила игры», социализировались в урбанизировавшемся обществе. Приобретя иной социальный статус, они начинали тяготиться старым сословным и неизбежно попадали под влияние либерально-демократических идей.

В Сибирском казачьем войске начала XX в. самым ярким примером «оцивилизованного» казака, исповедовавшего либерально-областнические взгляды, являлся, пожалуй, Иннокентий Павлович Лаптев, депутат Государственной думы двух созывов, комиссар Временного правительства по Степному краю. Деятельность его как думского депутата и местного общественного деятеля изучалась такими сибирскими историками, как Ю.П. Родионов [1–5], А.П. Сорокин [6–10], М.В. Шиловский [11–13]. Вместе с тем роль И.П. Лаптева в революционных событиях 1917 г. и в борьбе политических партий за влияние на казачество остается неосвещенной в научной литературе. Следует упомянуть, что в 1917 г. целый ряд сибирских газет откликнулся на смерть И.П. Лаптева некрологами [14, № 47, с. 1; 15, с. 2; 16, с. 3; 17, с. 3 и др.], довольно информативными, но не без ошибок.

Иннокентий Павлович Лаптев был сыном обер-офицера 3-го военного отдела Сибирского казачьего войска [15, с. 2]. По данным московского исследователя Н.А. Ерёмина, извлеченным из фондов Российского государственного военно-исторического архива [18, ф. 330, оп. 24, д. 74], отец Иннокентия Павел Дмитриевич Лаптев (1827 – не позже 1881), происходивший из офицерских детей Сибирского линейного казачьего войска, был произведен из урядников в хорунжие в 1847 г., а в 1874 г. в чине есаула был уволен из строевого состава войска «за неспособностью к

фронтовой службе» [19, письмо Н.А. Ерёмина от 08.12.2015 г.]. В дальнейшем он служил по гражданской части: в Томском управлении земледелия и государственных имуществ, казначеем в г. Барнауле [19, копия письма О.С. Яныгиной А.С. Павлову, б.д., л. 3].

Незаурядной личностью являлся дед нашего героя сотник 7-го полка Сибирского линейного казачьего войска Дмитрий Андреевич Лаптев (1795 – после 1836), который, согласно формулярному списку о его «Службе и Достоинстве» от 20 декабря 1836 г. [18, ф. 405, оп. 6, д. 2993; ф. 489, оп. 1, д. 3063], происходил «из казачьих детей» и поступил на службу в 8-й казачий полк рядовым казаком (1811). Благодаря способностям и усердию за пять с половиной лет он выслужился в сотенные атаманы (1817). В ноябре – декабре 1822 г. под началом командующего Сибирским линейным казачьим войском гвардии подполковника С.Б. Броневского Д.А. Лаптев участвовал в походе в киргиз-кайсацкую степь «для укрощения хищной Табугинской волости» и во время него был произведен в зауряд-хорунжие. В феврале – апреле 1824 г. Д.А. Лаптев, уже зауряд-сотник (1823), снова в степи: под командой того же Броневского, начальника Омской области и гвардии полковника, участвует в открытии Каркаралинского внешнего округа. Три года Дмитрий Андреевич, по выбору офицеров войска, был асессором Войсковой канцелярии в Омске (1824 – 1827) и после увольнения с этой должности, в связи с окончанием срока выборной службы, получил благодарность, кроме того, командиром Отдельного Сибирского корпуса генералом от инфантерии П.М. Капцевичем был награжден 300 руб. В 1830 г. зауряд-сотник Д.А. Лаптев – в командировке в степи: во главе отряда из казаков 7-го полка в течение пяти месяцев он охраняет кочевья Буропайшатской волости султана Досана Ханбабина от покушений «неблагонамеренных киргиз». После этого похода почти двадцатилетняя беспорочная служба Дмитрия Андреевича была наконец сполна вознаграждена, а именно: Высочайшим повелением он был произведен в чин хорунжего (10.III.1831) – т.е. стал полноправным казачьим обер-офицером. Затем последовала годичная командировка на службу в Баян-Аульский отряд (1833–1834), во время которой Д.А. Лаптев Высочайшим повелением произведен в сотники (20.II.1834). В конце 1836 г. Дмитрий Андреевич был «уволен от службы за болезнею» и, видимо, согласно Уставу 6 декабря 1827 г., стал получать пенсию. У него имелась благоприобретенная недвижимость: деревянный дом в форпосте Убинском (вероятно, по месту линейной службы). От брака с обер-офицерской дочерью Татьяной Матвеевой у Д.А. Лаптева было пятеро детей: сыновья Павел, Михайло, Александр и дочери Серафима и Парасковья [19, письмо Н.А. Ерёмина от 08.12.2015].

У его старшего сына есаула Павла Дмитриевича Лаптева также имелось пятеро детей: помимо Иннокентия еще сыновья Вячеслав и Александр, а также дочери Александра (в замужестве Красильникова) и Елена (в замужестве Красноперова) [19, письмо Г.В. Шараповой от 07.04.2014]. Нет полной ясности относительно приписки семейства П.Д. Лаптева к той или иной казачьей общине. Один из его сыновей есаул Александр Павлович Лаптев считался казаком станицы Песчанской Павлодарского уезда. Но, став офицером, он мог переписаться из одной станицы в другую и самостоятельно, без родителей, сестер, братьев. То есть Иннокентий Павлович, скорее всего, был казаком либо Павлодарской, либо Песчанской станицы.

Старший из братьев Вячеслав Павлович Лаптев служил по военно-учебному ведомству, вне Сибирского казачьего войска. В первой половине 1890-х гг. он преподавал гимнастику в 3-м Московском кадетском корпусе (в Лефортово), проживал в казенной квартире в здании корпуса, был надворным советником [20, ф, 102, ДП 7, год 1893, д. 134, т. 3, с. 39–40], что соответствовало офицерскому чину войскового старшины в казачьих войсках. При выходе в отставку переехал с женой-француженкой в Омск [19, письмо Г.В. Шараповой от 07.04.2014 г.] (возможно, уже после революции 1917 г.). Во всяком случае, при А.В. Колчаке Вячеслав Павлович точно жил в Омске. Он, в частности, принимал деятельное участие в проекте устройства курорта на так называемой Чер-

товой Яме под г. Омском, на реализацию которого Атаманское станичное общество ассигновало, на первый случай, 100 тыс. руб. [16, 1919, № 51, 8 марта, с. 4].

Гораздо больше известно о другом брате есауле Александре Павловиче Лаптеве (29.VII.1863–21.VIII.1915), человеке благородной и трагической судьбы. Выпускник Омской военной прогимназии (1879) и Оренбургского юнкерского училища (1882, по 2-му разряду) А.П. Лаптев служил в 3-м Сибирском казачьем полку, подъесаулом 9-го Сибирского казачьего полка участвовал в Русско-японской войне, после которой вышел в отставку с производством в чин есаула (21.VI.1906) [18, ф. 5273, оп. 1, д. 21, л. 3 об.]. Александр Павлович долго был холостяком. Женился только в 1901 г. на вдове своего одностаничника и сослуживца войскового старшины Ивана Михайловича Шарапова (1861–1901), умершего от опухоли головного мозга. У Анны Фёдоровны Шараповой, урожденной Матагановой (1868–1934), от первого брака было восемь детей (2 мальчика и 6 девочек), которых Лаптев стал воспитывать как родных. Собственно, благодарные Шараповы и их потомки и сохранили добрую память об Александре Павловиче (ряд документов, семейные предания). В частности, они крепко запомнили его слова: «Без штанов останусь, но всем детям дам образование». И действительно, все девочки получили педагогическое или медицинское образование, а мальчики стали военными. Во втором браке Анна Фёдоровна Лаптева родила ещё пятерых детей (2 сыновей и 3 дочерей). Чтобы прокормить детей (которые, кстати сказать, все «были очень дружны между собой») и дать им образование, Александр Павлович вышел в отставку и занялся хозяйством, благо офицерская земля у него имелась. Видимо, дела пошли неплохо, т.к. спустя шесть лет после ухода с военной службы он обзавелся собственной паровой мельницей в г. Павлодаре и благодаря этому перевез туда из станицы Песчанской свою семью и большой деревянный дом (1912) [19, письмо Г.В. Шараповой от 07.04.2014 г.].

В связи с Первой мировой войной есаул А.П. Лаптев Высочайшим приказом был вызван из отставки и определен на службу командиром сотни в 9-й Сибирский казачий полк (27.XI.1914) [21; 22, с. 312]. Затем в связи с большими потерями в 4-м Сибирском казачьем полку его перевели туда (21.II.1915) [18, ф. 5273, оп. 1, д. 21, л. 3 об.]. Александр Павлович принял под команду 2-ю конную сотню полка. Если Японскую войну он прошел, что называется, без царапины, то на Германской нашел свой роковой конец. У потомков песчанского казака А.В. Бодажкова, бывшего в 1915 г. взводным урядником во 2-й сотне 4-го полка, сохранилась его «Автобиография», а в ней – воспоминания о гибели сотенного командира и, между прочим, земляка-одностаничника. По Бодажкову, во 2-й сотне были свойственные для казачьих частей, особенно льготных, патриархальные отношения между командиром и рядовыми. Казаки очень любили А.П. Лаптева «за его отцовски-вежливое обращение». Александр Павлович погиб во время конной атаки на местечко Субботники. Командование бросило сибирских казаков в бой без поддержки пушек и пехоты, и они были остановлены бешеным артиллерийским и ружейно-пулемётным огнем противника. В этой неудачной атаке сотня потеряла командира, 57 казаков, 68 лошадей. А.В. Бодажков вспоминал: «Командир Лаптев был, очевидно, поражён разрывной пулей уже тогда, когда мы повернулись отступать, т. к. лошадь его выбежала к нам, и на переднем вьюке седла, скатанной его шинели, мы нашли куски его внутреннего сала и кусочки костей грудной клетки, которые, собрав в консервную банку, мы с благоговением похоронили около одной деревушки и над частичкой его тела поставили деревянный крест, выгравировав ножом надпись на кресте: “Боевому командиру Лаптеву Александру Павловичу, пос. Песчаное 3-го отдела Сибир. каз. войска”» [23]. Описанный бой случился 21 августа 1915 г. в районе дер. Каменки Брестского уезда Гродненской губернии [19, копия удостоверения № 10817 от 23 ноября 1928 г., присланного Вячеславу Александровичу Лаптеву из Бюро по учету потерь на фронтах Главного управления РККА]. Сослуживцы были уверены, что А.П. Лаптев тогда погиб [22, с. 332]. Но поскольку тело, как положено, погребено не было, он счи-

тался оставленным раненым на поле сражения, иначе говоря, пропавшим без вести. Официальную бумагу, признававшую – ввиду тяжелого ранения и долгого безвестного отсутствия – отца погибшим на войне, сын Вячеслав получил в ответ на свой запрос только в 1928 г. [19, копия Удостоверения № 10817…]. Конечно, вдова Анна Фёдоровна, дети, родные надеялись на чудо: что, несмотря на свидетельства казаков 2-й сотни, Александр Павлович все-таки окажется в живых. Его трагическая судьба, несомненно, глубоко взволновала и младшего брата Иннокентия.

Иннокентий Павлович Лаптев родился 16 ноября 1872 г. в станице Павлодарской одноименного уезда Семипалатинской области [9, с. 165; 10, с. 74]. Иные годы рождения, встречающиеся в литературе (1869, 1873, 1874), ошибочны. Точно также порой неправильно обозначается место рождения, а одно время и службы Иннокентия Павловича: станица Павлоградская или Лодарская. Очевидно, это два искажения названия станицы Павлодарской.

И.П. Лаптев учился в Омске в классической гимназии (в дальнейшем 1-я Омская мужская гимназия – по ул. Тарской) [6, с. 72], «проживал у родной тетки». В поле зрения полиции он впервые попал, будучи еще гимназистом выпускного VIII класса. В сентябре 1891 г. в Омск из Санкт-Петербурга прибыл некий Владимир Якиманский. Имея свидетельство 6-й Санкт-Петербургской гимназии, он поступил в VI класс Омской гимназии и сразу же принялся «сводить знакомство и дружбу» с гимназистами старших классов, причем исключительно с теми, кто жил с родителями или иными родственниками. Якиманский приглашал их к себе: на квартиру вдовы чиновника Ивановича в доме Абрамова, где «угощал чаем, а иногда и водкой» и время от времени «читал им что-нибудь вслух»: выдержки из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», сочинение по политэкономии И.И. Иванюкова и еще «какие-то листки». Юноши пели песни, играли на гармони и флейте. Часов в 11–12 ночи компания расходилась по домам. Проучившись всего два месяца, Якиманский, согласно собственному прошению, уволился из гимназии и стал работать в Омске по вольному найму, а заработанные небольшие гонорары употреблять на угощение своих товарищей-гимназистов. Компания начала собираться чаще. Однако в одном из своих частных писем Якиманский имел неосторожность написать об организации им в Омске «Кружка» и, в результате перлюстрации (Причиной перлюстрации, видимо, было то, что в 1891 г. в Петербурге проживавший там «без определенных занятий» сын врача Владимир Якиманский был замечен в связях с членами студенческих кружков [24]. О реалисте-пятикласснике Якиманском «с огненно-рыжими волосами и энергичными чертами веснущатого лица» вспоминал Ю.О. Мартов, входивший в юности в его группу и считавший тогда своего «командира» опытным «политиком» [25, с. 47]), попал под подозрение в политической неблагонадежности. Омское жандармское управление вынуждено было провести «тщательную негласную проверку» всего его окружения. В частности, был выявлен персональный состав «Кружка». В него помимо инициатора входили восьмиклассники Иннокентий Лаптев, Петр Синев, Александр Манусович, Иван Шишкин и семиклассники Николай Достовалов и Николай Петров. В июле 1892 г. В. Якиманский уехал из Омска в Красноуфимск (В. Якиманский стал учиться в Красноуфимском промышленном училище, но, очевидно, пробыл в нем недолго, т.к. вскоре оказался в Петербурге, где был привлечен к дознанию по делу «Центрального кружка среди с.-петербургских рабочих». К октябрю 1894 г. ему был 21 год [24]). Гимназисты выпускного класса отправились в Москву, Санкт-Петербург, Казань поступать в вузы. «Кружок» распался, ученические собрания в Омске прекратились, никто из старшеклассников уже не внушал жандармам опасения [20, ф. 102, ДП. 7, Год. 1893, д. 134, с. 242–246]. Однако шлейф этого дела потянулся за И.П. Лаптевым, Н.И. Достоваловым, А.М. Манусевичем и в Москву.

В 1892 г. Иннокентий Лаптев окончил Омскую классическую гимназию и поступил в Лазаревский институт восточных языков в Москве. Будучи студентом, проживал в казенной квартире старшего брата Вячеслава в 3-м Московском кадетском корпусе (3-й участок Лефортовской части

Москвы). В 1894 г., по запросу департамента полиции МВД, отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве, подчинявшееся московскому обер-полицмейстеру, провело негласную проверку И.П. Лаптева. Выяснилось, что «студент Лаптев ежедневно аккуратно посещает лекции и занимается науками», что ни в чем предосудительном в политическом отношении он замечен не был, что знакомство ведет только с благонадежными людьми [20, ф. 102, ДП. 7, Год. 1893, д. 134, с. 39–40]. В 1895 г. Иннокентий Павлович окончил специальные классы Лазаревского института [26, с. 318] и завершил свое филологическое образование [15, с. 2]. Несомненно, учеба в Москве, общение с профессурой и студенчеством только укрепили либеральную настроенность И.П. Лаптева.

Окончив институт, И.П. Лаптев в 1895 г. поступил на службу в Омскую казенную палату, начинал канцелярским чиновником. В 1897 г. он – уже податной инспектор той же палаты: сначала в родной станице Павлодарской, затем – с 1898 г. – в г. Каркаралинске той же Семипалатинской области. Потом какое-то время Иннокентий Павлович служил вне Степного края: заведовал податным участком в г. Кузнецке Саратовской губернии (по другой версии, И.П. Лаптев служил податным инспектором последовательно в Каркаралинске, г. Кузнецке Саратовской губернии, Павлодаре [27]). Служебные дела Лаптева шли хорошо. Он был награжден орденом Святой Анны 3-й ст. (1901), дослужился до чина надворного советника (1906) [28, ф. 2200, оп. 2, д. 1187, л. 1; 26, с. 318, 319].

Первые годы своей служебной деятельности И.П. Лаптев продолжал заниматься наукой: как филолог изучал казахский язык, который он подобно деду, отцу, вообще всем иртышским казакам Семипалатинской области знал с детства. Результатом его исследований стали «Материалы по казак-киргизскому языку, собранные И. Лаптевым», опубликованные в «Трудах по востоковедению» (Вып. 2. М., 1900). В 1897 г. он стал членом Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО), а в 1900 г. – членом Омского общества попечения о начальном образовании [6, с. 72]. Со временем Лаптева все больше стали увлекать общественные дела. Иннокентий Павлович принимал живейшее участие в культурной жизни местного общества, причем «всегда старался эту деятельность направить в гущу довольно темной жизни родного казачества» [15, с. 2]. В 1902 г. И.П. Лаптев выходил из состава ЗСОИРГО и вернулся в него только через несколько лет [29, с. 124] (возможно, этот перерыв связан с его службой в Саратовской губернии).

Брак Иннокентия Павловича, заключенный, судя по всему, во второй половине 1890-х гг., в конечном итоге оказался неудачным, в 1915 г. супруги развелись. От этого брака был один ребенок [26, с. 318]. Женой И.П. Лаптева была Александра Павловна (01.10.1878 – не ранее 1935), средняя дочь полковника Павла Дмитриевича Орлова [18, ф 409 п/с 82414/14], топографа, служившего в военно-топографическом отделе Омского военного округа [30, с. 3]. Другая, старшая дочь полковника П.Д. Орлова Мария, была замужем за генерал-майором колчаковской армии Ф.Г. Ярушиным. Внучка последнего О.С. Яныгина, изучая свою родословную, коснулась и Лаптевых. По её данным, единственным ребенком Иннокентия Павловича и Александры Павловны был сын Викентий [19, письмо О.С. Яныгиной, б.д. 2014, л. 5].

Викентий Иннокентьевич Лаптев успел получить в досоветское время военно-морское образование и чин мичмана. Служил в Черноморском флоте, принял революцию. В 1933–1938 гг. он участвовал в хозяйственном освоении Якутии, оказавшись в том суровом краю в качестве третьего помощника капитана теплохода «Первая пятилетка» («Первая пятилетка» – один из пяти однотипных двухвинтовых теплоходов (34 человека команды), построенных в 1930 г. в Германии на верфях компании «Schichau-Werke» по советскому заказу и по проекту инженера Н.М. Туркова. Он самостоятельно прошел из Германии вокруг Скандинавии в СССР, а затем через Баренцево и Кар-

ское моря в р. Обь. В 1932 г. теплоход, видимо, использовался в Обь-Иртышском бассейне, т.к., по некоторым данным, для участия в 1-й Ленской экспедиции («операции»), или «Карско-Ленском рейсе», он вышел в мае 1933 г. из г. Омска. 1-я Ленская экспедиция 1933 года, прежде всего, была «грузовым снабженческим рейсом», т.к. её главной задачей была доставка с запада Северным морским путем грузов на р. Лену: в бухты Тикси и Нордвик, где начинались широкомасштабные нефтепоисковые работы. Другими задачами экспедиции были перегон на Лену мощного буксирного теплохода «Первая пятилетка» и большого лихтера «Севморпуть № 7» (построен на Северной судостроительной верфи в Ленинграде, собран и спущен на воду в Тюмени), а также основание в районе Якутска ремонтной базы, необходимой для дальнейшего развития речного флота бассейна Лены. 12 сентября 1933 г. «Первая пятилетка» и «Севморпуть № 7» пришли в Тикси и, сразу взявшись за работу, значительно ускорили разгрузку морских судов экспедиции. 25 октября теплоход и лихтер добрались до Якутска, где были торжественно встречены властями и населением. Затем в 7 км от Якутска экспедиция основала затон Хатыстах с мастерскими (в 1943 г. затон переведен в Жатай). Прибытие «Первой пятилетки» на Лену имело большое значение, т.к. открыло постоянную транспортную линию по всему полярному побережью СССР. Во всех этих мероприятиях В.И. Лаптев как третий помощник теплохода и один из самых высококвалифицированных речников региона принимал живейшее участие. В 1936 г. он стал капитаном, однако спустя два года, попав «в опалу», вынужден был уехать из Якутии в Омск [31].

Александра Павловна Лаптева после развода с Иннокентием Павловичем жила в Петербурге. Она вторично вышла замуж: за Вадима Ивановича Левченко (1883–23.IX.1937), примыкавшего в бытность студентом Петербургского политехнического института к партии кадетов. В 1935 г. Александру Павловну с её новым супругом выслали из Ленинграда в Семипалатинск, где В.И. Левченко, работавший экономистом в отделе коммунального хозяйства, был в 1937 г. арестован и расстрелян [19, копия письма О.С. Яныгиной – А.С. Павлову, б.д., л. 7, 11].

Трамплином в политику, причем с выходом далеко за региональные рамки, стала для И.П. Лаптева Первая русская революция. Ко времени выборов в I Государственную думу он снова был податным инспектором на своей малой родине: в станице Павлодарской [32, с. 74; 4, с. 6]. Сибирскому казачьему войску предстояло послать в Думу одного своего представителя. Выборы были двухступенчатыми: на первом этапе каждая станица выбирала по два выборщика, на втором – общее собрание этих выборщиков избирало из своей среды депутата в Госдуму [33, с. 150]. Механизм выдвижения именно Лаптева до конца не ясен, несомненно, однако, что оно стало следствием наработанных им связей в общественных и деловых кругах региона. 15 июня 1906 г. в Омске войсковое избирательное собрание, 42 голосами «за», 24 – «против», избрало И.П. Лаптева депутатом от Сибирского казачьего войска в I Государственную думу [4, с. 6]. 17 июня собрание выборщиков выработало и приняло «Наказ» [34, с. 141], демократическое содержание которого вызвало недовольство властей. По приказу Акмолинского военного губернатора тираж этого документа был конфискован в типографии [9, с. 163]. «Наказ» Лаптеву включал как общедемократические требования (отмена смертной казни, предоставление демократических свобод, независимый и равный для всех суд), так и собственно военно-казачьи (прекращение распродажи офицерских земельных участков в частные руки, принудительное отчуждение их в войсковой запас, введение в войске выборного самоуправления, сокращение срока действительной военной службы, запрет привлекать казаков к выполнению полицейских функций) [14, № 27, с. 2–6; 35, с. 265–267].

Быстро передав свои дела по службе преемнику, Иннокентий Павлович поспешил в Санкт-Петербург. Перед ним открывалось новое, и обширное, поприще. Однако проработать в I Государственной думе ему удалось всего десять дней, т.к. за вмешательство в прерогативы верховной власти и подстрекательство населения к противоправным действиям Высочайшим указом от 8 июля

1906 г. она была распущена. Тем не менее Лаптев все-таки успел один раз выступить в ней: 30 июня 1906 г. на 36-м заседании Думы в поддержку заявления 10 депутатов-сибиряков (от 26 июня) о необходимости довыборов в аграрную комиссию Думы от вновь прибывших депутатов от Сибири. Свою позицию он аргументировал тем, что в столь важной комиссии должны быть представлены интересы основных групп сельского населения Сибири: киргизов, бурят, казаков и т.д., – «иначе меньшинство будет принесено в жертву большинству». В том же заседании это предложение было принято Думой [см.: 9, с. 162].

Как известно, недовольные роспуском депутаты собрались в ближайшем к столице финском городе Выборге и, решив апеллировать к массам, подписали воззвание «Народу от народных представителей», в котором призвали избирателей протестовать против роспуска Думы путем уклонения от уплаты налогов и от призыва на военную службу. За попытку организации общероссийской акции гражданского неповиновения лица, подписавшие воззвание, были отданы под суд, который приговорил их к трехмесячному тюремному заключению и лишению избирательных прав, т.е. избираться в Госдуму следующих созывов они не могли.

И.П. Лаптев присутствовал на совещании в Выборге 10 июля 1906 г., но когда депутаты «поставили вопрос о неплатеже податей и недаче рекрут», он, посчитав, что нельзя в такой степени нарушать закон, «оставил совещание и уехал в С.-Петербург». То есть первоначально его подписи под воззванием не было. Однако в столице, узнав о предстоящих репрессиях, Лаптев подписал «Выборгское воззвание», как он говорил на допросе 6 марта 1907 г., «из чувства товарищеского отношения к лицам, подписавшим это воззвание, и чтобы впоследствии разделить вместе с ними ответственность за это воззвание». В действительности, в отличие от выборгских (зачинщиков, так сказать), петербургские подписанты (как примкнувшие) тюремному заключению, ограничению и лишению избирательных прав не подвергались. По следственному делу о Выборгском воззвании Иннокентий Павлович проходил лишь как свидетель. Это позволило ему баллотироваться во II Госдуму [3, с. 157–158].

Тем не менее неприятностей, проистекавших из его поддержки «Выборгского воззвания», он всё-таки не избежал. Когда пишут, что после избрания депутатом И.П. Лаптев был немедленно уволен с должности податного инспектора [28, ф. 2200, оп. 2, д. 1187, л. 1], то забывают, что это увольнение имело характер не репрессии, а перевода на другую (депутатскую) службу. Но вот когда Иннокентий Павлович лишился своего депутатского статуса и рассчитывал вернуться на государственную службу, то его подпись под воззванием вышла ему боком. Лаптева в должности податного инспектора Омской казенной палаты не восстановили. Кроме того, в 1906 г. имел место еще один неприятный инцидент: проезжая из Павлодара в Омск, в пос. Черлаковском за какие-то слова, показавшиеся крамольными, Иннокентий Павлович был задержан казаками. В его чемодане сделали обыск, который, однако, ничего, кроме тюркско-русского словаря, не дал. Бывшего депутата I Госдумы с миром отпустили [28, ф. 1154, оп. 1, д. 5, т. 1, л. 10 об.].

Несмотря на противодействие властей, выборы во II Государственную думу прошли в Сибирском казачьем войске под лозунгом «Старому депутату – старый наказ». Выборщики от станиц съехались в Омск почти за неделю до выборов и, заседая в здании Войскового хозяйственного правления, несколько дней обсуждали наказ будущему депутату, который они назвали «Казачьи нужды». Собственно казачья часть наказа, по сравнению с первым наказом Лаптеву, не подверглась сколько-нибудь серьезным коррективам. Главными требованиями остались: отобрание офицерских участков в войсковой запас, сокращение срока службы, управление войском на выборном начале. Общеполитическая же часть «Казачьих нужд» была усилена. 1-й пункт наказа требовал простить и освободить из тюрем и ссылок лиц, осужденных за политические, религиозные и аграрные преступления. Во 2-м пункте было требование отмены смертной казни, в 3-м –

отмены военного положения, усиленных и других охран. В 8-м пункте заключалась идея установления в России конституционной монархии [33, с. 154–156]. 12 февраля 1907 г. депутатом от войска вновь был выбран И.П. Лаптев, одержавший еще более убедительную победу, чем во время первой избирательной кампании: его кандидатура получила 65 баллотировочных шаров из 73-х [6, с. 73; 9, с. 164].

Во II Госдуме Иннокентий Павлович пробыл с первого до последнего дня: с 20 февраля до 3 июня 1907 г., т.е. до дня роспуска Думы, когда население Степного края было лишено избирательных прав. Работал он в двух думских комиссиях: постоянной финансовой (избран в неё 13 марта) и временной аграрной (избран 3 апреля), а также в двух парламентских группах: сибирской и казачьей [9, с. 164; 27]. От финансовой комиссии И.П. Лаптев выступал докладчиком на пленарном заседании Думы 22 мая 1907 г. по законопроекту «О налоге на богарные и необрабатываемые земли в Туркестанском крае» [26, с. 319; 9, с. 164].

Казачья думская группа объединила 17 депутатов от казачьих войск и разрабатывала единую казачью платформу [36]. В конечном итоге в программу группы вошли положения о войсковом самоуправлении, распоряжении казачьими землями, порядке отбывания казаками воинской повинности (по этим вопросам представители разных войск смогли достичь согласия), а по общеполитическим вопросам члены группы оставили за собой право голосовать «сообразно личным убеждениям». Группа внесла во II Госдуму четыре законопроекта: об обеспечении казаков лошадьми при мобилизации, «Об уменьшении срока действительной военной службы в казачьих войсках», «Об изменении порядка наряда казаков на действительную службу», а также «Временные правила о порядке избрания мировых судей в казачьих областях». Все эти законопроекты касались самых насущных казачьих нужд и отвечали чаяниям пославших депутатов избирателей, т.к. предлагали сократить срок действительной военной службы казаков с 4 до 3 лет, уменьшить ежегодный наряд (призыв) казаков на действительную службу, приведя его в соответствие с реальными потребностями государства, облегчить снаряжение казаков на службу (самым дорогим элементом самоснаряжения являлся строевой конь). Наиболее деятельное участие И.П. Лаптев принял в разработке «Временных правил о порядке избрания мировых судей в казачьих областях», под этим законопроектом его подпись стоит третьей: после М.П. Араканцева и К.Л. Бардижа (тоже члены казачьей группы). Составители проекта полагали насущной необходимостью скорейшее создание в казачьих областях независимого от произвола бюрократии суда. Поскольку вследствие засилья военной администрации учреждение земского самоуправления в казачьих областях неизбежно должно было затянуться, казачья группа предложила компромиссный вариант: временно распространить на остальные казачьи войска практику Области войска Донского, где земства не было, а мировой суд, с участием всех сословий, функционировал. Все казачьи законопроекты были внесены в Думу в конце мая 1907 г., всего за несколько дней до её роспуска, и, естественно, дальнейшего движения не получили [37, с. 718–722; 9, с. 164].

Вершиной Лаптева-думца стала его деятельность в качестве одного из лидеров сибиряков-областников во II Думе. В марте – апреле 1907 г. Иннокентий Павлович стал главным инициатором создания в Думе внепартийной «Сибирской парламентской группы» [1, с. 95] (23 депутата) и был избран её председателем [16, 1917, № 133, 1 ноября, с. 3; 13, с. 285]. В отношении законопроектов планов у группы было громадьё: введение в Сибири земства, упорядочение аграрных переселений и лесопользования, увеличение нормы представительства от региона в Думе, введение порто-франко в устьях Оби и Енисея и т.д. И.П. Лаптев вошел в аграрную комиссию Сибирской парламентской группы [13, с. 285], и 9 мая 1907 г. общее собрание группы поручило ему проработать вопрос «об обращении кабинетских земель на Алтае для нужд трудящегося населения России» [9, с. 164]. В 1907 г. Иннокентий Павлович активно участвовал в издававшемся в Санкт-

Петербурге журнале «Сибирские вопросы», видимо, поэтому деятельность Сибирской думской группы подробно освещалась в этом периодическом издании [9, с. 161, 164]. Популяризация группы «Сибирскими вопросами» создавала предпосылки для её успешной внедумской деятельности.

Следует подчеркнуть два момента. Во-первых, по вопросу введения в Сибири и степных областях земства И.П. Лаптев выступал во II Думе за создание особого казачьего земства [9, с. 164–165]. Здесь он проявлял осторожность, трезвость и желание предохранить материальные интересы родного ему казачьего меньшинства. Во-вторых, члены Сибирской парламентской группы (и, надо полагать, Лаптев в их числе) «выступали за национализацию земли, соглашаясь с необходимостью выкупа её у помещиков» [13, с. 286–287].

Поскольку избирательный закон от 3 июня 1907 г. лишил Сибирское войско права иметь представителя в парламенте, с роспуском II Госдумы думская карьера И.П. Лаптева завершилась. «Свободный от активной деятельности в Государственной думе», он еще около года жил в Петербурге и работал в разных комиссиях и кружках по сибирским вопросам [15, с. 2]. В частности, в марте 1908 г. Иннокентий Павлович участвовал в учреждении Петербургского отдела «Общества изучения Сибири и улучшения её быта» [11, с. 244–245].

В 1908 г. И.П. Лаптев по материальным соображениям поступил на частную службу, а именно: принял должность главного инспектора в Сибири страхового общества «Саламандра» и в связи с этим переехал на жительство в г. Томск [15, с. 2]. Вероятно, именно к короткому томскому периоду жизни Иннокентия Павловича относится его фото с Григорием Николаевичем Потаниным [38, с. 237], также урожденным сибирским казаком и, более того, самым что ни на есть земляком Лаптева. Патриарх сибирского областничества, как известно, родился под Павлодаром: в станице Ямышевской Павлодарского уезда.

В 1909 г. Иннокентий Павлович становится управляющим Омского филиала страхового общества «Саламандра». Надо особо отметить, что И.П. Лаптев был по провинциальным меркам достаточно обеспеченным человеком. В страховом обществе он зарабатывал до 5 тыс. руб. в год и, кроме того, являлся землевладельцем (1390 десятин) и домовладельцем [26, с. 318]. Его земля, скорее всего, была в Павлодарском уезде; почти все казачьи офицеры и их наследники сдавали свои земельные участки в аренду. В Омске Иннокентий Павлович проживал по домашнему адресу: ул. Гасфортовская, д. 3 [39, с. 15].

С 1910 г. И.П. Лаптев был старшиной Омского биржевого комитета [26, с. 319; 40, с. 54]. В том же году по поручению этого комитета вместе с другим старшиной Ф.Ф. Штумпфом он ездил в Петербург, где участвовал в особом совещании о новых железных дорогах. Ф.Ф. Штумпф в 1910 г. учредил «Омское товарищество печатного дела». И.П. Лаптев стал вкладчиком этого коммерческого предприятия, на основании чего историк поставил его в ряд известных омских коммерсантов [41, с. 217, 218]. Хотя эта сторона деятельности нашего героя совершенно не изучена, складывается, однако, впечатление, что Иннокентию Павловичу нравилось не столько зарабатывать деньги непосредственно, сколько представлять интересы тех или иных людей и социальных групп. Омским же предпринимателям он был полезен, т.к. имел широкий кругозор и многочисленные связи как в столице, так и в провинции, особенно в сибирских городах.

В общественном плане Иннокентий Павлович был воистину вездесущ. Он восстановил свое членство в ЗСОИРГО, вступил в Омский отдел Московского общества сельского хозяйства (1909–1917 гг.), в Омское биржевое общество, являлся одним из комиссаров I Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки 1911 года, членом ревизионной комиссии Омского общества взаимного кредита (1913–1915 гг.) и т.д.

Заметен вклад И.П. Лаптева в развитие городского самоуправления. Дважды он избирался гласным Омской городской Думы. Первый раз в 1910 г. в той Думе он был председателем финан-

совой комиссии, членом комиссии по постройке водопровода [6, с. 72, 74; 10, с. 74–75]. Второй раз его переизбрали гласным на сессию 1914–1918 гг. [39, с. 15]. Иннокентий Павлович был связующим звеном между органом самоуправления, распоряжающимся городскими финансами, и теми общественными и коммерческими структурами, членом которых он являлся. Так, 25 августа 1915 г. на заседании Думы Лаптев высказался за ассигнование Думой средств на нужды ЗСОИРГО [28, ф. 2200, оп. 2, д. 1663, л. 38 об.].

Есть беглое упоминание о том, что в 1912 г. И.П. Лаптеву предлагали участвовать в выборах в IV Государственную думу, но он отказался [15, с. 2]. Иннокентий Павлович пошел наверх иным путем, который в конечном итоге привел его в Госсовет, верхнюю палату российского парламента. Благодаря наработанным в деловых кругах связям его избрали сначала членом Совета съездов представителей торговли и сельского хозяйства Сибири, Степного края и Зауралья, а 8 ноября 1912 г. – и товарищем председателя этого съезда. Именно «от торговли» (точнее «от промышленности и торговли Западной Сибири» [15, с. 2]) И.П. Лаптев 16 сентября 1915 г. был избран членом Государственного Совета [26, с. 319]. Инициатива выдвижения его в Госсовет исходила, вероятно, от Омского биржевого комитета [17, 1917, № 210, 26 сентября (9 октября), с. 3] и была поддержана биржевыми обществами не только Степного края, но и Петрограда [42]. Членом Госсовета Лаптев считался вплоть до своей смерти в сентябре 1917 г. [43, с. 3].

С избранием в Госсовет Иннокентий Павлович переезжает в столицу [15, с. 2], но связи с Омском и с выдвинувшими его структурами, конечно, не теряет. Лаптев – активный член созданного 17 июня 1915 г. Омского военно-промышленного комитета [44, с. 46]. В 1915 г. его выдвигают в председатели Сельскохозяйственного и кооперативного съезда в Омске [28, ф. 1154, оп. 1, д. 5, (т. 1), л. 11]. И Лаптев уже в качестве члена Госсовета являлся одним из организаторов и руководителей этого съезда, проведенного в Омске в январе 1916 г. [45]. В 1916 г. в Петрограде Иннокентий Павлович входил в Сельскохозяйственное совещание и Комиссию по делам торговли и промышленности [26, с. 319]. Не все получалось, и Лаптев подвергался общественной критике за то, что как член Госсовета не защищает интересы Сибири [см.: 42].

В Государственном Совете И.П. Лаптев входил в «левую группу» [26, с. 319], примкнувшую в конечном итоге к Прогрессивному блоку – политическому объединению, стоявшему за Февральско-мартовскими событиями 1917 года и сформировавшему первый состав Временного правительства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно он 8 марта 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства по Степному генерал-губернаторству и Сибирскому казачьему войску (а по некоторым данным, еще и по Омскому военному округу [44, с. 114]).

16 марта 1917 г. И.П. Лаптев прибыл в Омск. На вокзале его встречали представители новых «революционных» местных властей: Н.А. Филашев, Н.Д. Буяновский, Е.П. Березовский, Н.Д. Двинаренко и др. 18 марта правительственный комиссар представился чинам канцелярии Степного генерал-губернатора. Временно поселился Иннокентий Павлович в Доме республики (бывшем генерал-губернаторском дворце), где ему выделили две комнаты [17, 1917, № 63, 21 марта (3 апреля), с. 1].

Однако уже 19 марта возникло напряжение во взаимоотношениях между И.П. Лаптевым и Омским коалиционным комитетом, местным революционным органом власти, образованным 2 марта 1917 г. и считавшим себя единственным полномочным представителем Временного правительства в регионе. Комитет пытался руководить всей Акмолинской областью, а отчасти и Степным генерал-губернаторством. Например, он сам назначил вице-губернатором, а позднее комиссаром Временного правительства по Акмолинской области председателя механического отдела Омского областного военно-промышленного комитета инженера Н.И. Лепко. Коалиционный комитет счел нужным указать И.П. Лаптеву, что тот лишь связующее звено между ним и Времен-

ным правительством [28, ф. 661, оп. 1, д. 10, л. 24]. Лаптеву пришлось уступить, и вопрос был урегулирован [28, ф. 661, оп. 1, д. 10, л. 25] путем передачи большинства его комиссарских функций так называемому «комиссару по управлению Степным генерал-губернаторством» И.П. Законову (член окружного суда), назначенному коалиционным комитетом. Иннокентий Павлович был вынужден письменно признать, что «все распоряжения по Степному генерал-губернаторству будут исходить от Омского коалиционного комитета» за подписью И.П. Законова [28, ф. 661, оп. 1, д. 10, л. 253]. Таким образом, хотя формально Лаптев был отстранен Омским советом рабочих и солдатских депутатов от должности краевого правительственного комиссара, вследствие «Корниловского мятежа», только 30 августа 1917 г. [6, с. 74], реально эта его должность была почти номинальной, фактически за ним остались лишь посреднические и представительские функции. Такое положение позволяло Лаптеву много времени проводить в столице и работать в различных организациях.

В 1917 г. И.П. Лаптев реализует себя, прежде всего, как казачий политический деятель. Он присутствовал на «войсковом круге» 18 марта в Омске и вводил участников в курс дела относительно сложившейся политической обстановки [14, 1917, № 23, с. 4–5]. 10 апреля как правительственный комиссар Лаптев приветствовал открывший свои заседания 1-й войсковой съезд Сибирского казачьего войска и был избран почетным председателем съезда [14, 1917, № 25, с. 7]. В июне 1917 г. в Петрограде Иннокентий Павлович активно участвовал во Всероссийском Учредительном съезде Союза казачьих войск, в частности, 8 июня выступал перед фракциями Сибирского и Семиреченского казачьих войск с критикой проекта Министерства внутренних дел о введении в этих двух войсках общего земства с прочим населением областей [28, ф. 1706, оп. 1, д. 123, л. 1]. На этом съезде он был избран членом Совета Союза казачьих войск от Сибирского войска [47, с. 240]. В дальнейшем Лаптев стал товарищем председателя Совета Союза казачьих войск войскового старшины А.И. Дутова [16, 1917, № 133, 1 ноября, с. 3]. Когда 10 августа 1917 г. Совет Союза казачьих войск предложил выйти из политического кризиса в стране путем создания коалиционного «Правительства спасения революции» под председательством А.Ф. Керенского, на пост министра казачьих дел в этом правительстве планировался И.П. Лаптев [48, с. 99, 82].

За время своей деятельности в Совете Союза казачьих войск Иннокентий Павлович особое внимание уделял двум вопросам: введению в Сибири и Степном крае земства и подготовке к выборам во Всероссийское Учредительное собрание в казачьих областях. По первому вопросу он выступал за войсковое земство как средство предохранения сословных интересов казачества, по второму – за выделение казачьих войск в особые, войсковые, избирательные округа. И.П. Лаптев являлся членом «Особого совещания для изготовления проекта о выборах в Учредительное собрание» от Совета Союза казачьих войск [48, с. 25]. Подход Временного правительства, говоря словами одного из его членов, был следующим: «Казаки никакими привилегиями не будут пользоваться в сравнении с остальными гражданами и обижены не будут также» [48, с. 27]. Поэтому правительство настаивало, и в конечном итоге настояло, на включении казачьих войск в большие избирательные округа. Для почти всех казачьих войск, особенно малых, это означало, что своего представительства в Учредительном собрании у них не будет. И.П. Лаптев подверг правительство резкой критике и выступил с «Особым мнением» по данному вопросу, указав, что при таком подходе казаки Сибирского войска, например, окажутся разделенными на три избирательных округа и в каждом будут в меньшинстве [см.: 49]. Однако удалось добиться лишь двух уступок. Казачьим воинским частям, дислоцированным вне своих войск, было разрешено организовывать самостоятельные избирательные единицы и голосовать по спискам своих областей [50, с. 170]. Другая уступка была совсем мизерной и ничего казакам не давшей: Акмолинскую и Семипалатинскую области объединили в один избирательный округ. Гораздо большего удалось добиться в земском вопросе: отсрочки и согласия прислушаться к

мнению казаков. При распространении земства на степные области казачество было изъято из этой реформы. Правительство согласилось отложить решение вопроса до согласования его с войсковыми самоуправлениями и Военным министерством [28, ф. 1706, оп. 1, д. 124, л. 103; 17, 1917, № 137, 25 июня, с. 2–3; 17, 1917, № 202, 16 сентября, с. 3].

Последним политическим успехом в жизни И.П. Лаптева стало избрание его в сентябре 1917 г. на 2-м войсковом круге кандидатом в Учредительное собрание от Сибирского казачьего войска, причем в списке кандидатов он стоял на первом месте [43]. И хотя, по принятому избирательному закону, шансов победить и пройти в Учредительное собрание не было, тем не менее самим фактом избрания депутаты войска признали заслуги Иннокентия Павловича в деле защиты интересов сибирского казачества.

Скончался И.П. Лаптев в Омске 24 сентября 1917 г. [14, 1914, № 42, с. 1], по одним данным, скоропостижно [9, с. 165], по другим – после продолжительной болезни [17, 1917, № 210, 26 сентября (9 октября), с. 3]. Похоронен на Казачьем кладбище Омска, недалеко от церкви [9, с. 165]. 2-й войсковой круг постановил учредить в Омском коммерческом училище стипендию имени И.П. Лаптева (размер ее должна была ежегодно определять Войсковая управа) [51, с. 21].

В отличие от того же Г.Н. Потанина Иннокентий Павлович Лаптев как сын и брат казачьих офицеров, как владелец офицерского земельного участка, как чиновник, по делам службы соприкасавшийся со станичниками (в Омске, Павлодаре, Каркаралинске), несмотря на всю свою «цивилизованность», не растерял связи с родным Сибирским войском, наоборот, по мере сил старался улучшить положение казачества. Но все же взгляды его шире узкосословных. Он – умеренный сибиряк-областник, чиновник-интеллектуал, который в союзе с местными предпринимателями-новаторами типа Ф.Ф. Штумпфа выступал за достаточно глубокое реформирование как России в целом, так и провинциальной жизни. При этом Иннокентий Павлович выступал за разумные компромиссы, за согласование интересов всех групп населения, за учет прав социальных меньшинств Сибири и Степного края: «инородцев», казаков, русских крестьян-старожилов.

Большой интерес представляет вопрос о партийной принадлежности И.П. Лаптева. Точное определение партийности того или иного лица – это вообще проблема, особенно когда нет проясняющих ситуацию источников, а у самой политической партии отсутствовало фиксированное членство. В советской и постсоветской историографии Иннокентия Павловича, как правило, называли и называют кадетом [52, с. 182; 53, с. 35; 44, с. 114; 13, с. 284, 285], что неверно, по меньшей мере, до 1917 г. Представляется, что, прибыв в I Госдуму беспартийным, Лаптев примкнул затем к Партии демократических реформ М.М. Ковалевского [26, с. 319; 16, 1917, № 133, 1 ноября, с. 3; 6, с. 73–74; 9, с. 161]. Есть упоминание о том, что в дальнейшем он имел отношение к Партии мирного обновления [12, с. 263] и к прогрессистам [54, с. 49]. Все это политические партии либерального толка, близкие друг другу и кадетам. Собственно говоря, Партия прогрессистов и возникла путем объединения Партии мирного обновления с Партией демократических реформ. Группой левых Госсовета, в которую входил Лаптев, руководили кадеты.

В течение 1917 г. проходило сплочение либеральных элементов общества в рамках и вокруг кадетов. 13 апреля 1917 г. на общем заседании 1-го войскового съезда Сибирского казачьего войска И.П. Лаптев защищал программу кадетской партии от критики со стороны представителя эсеров П.Я. Дербера [28, ф. 28, оп. 1, д. 15, л. 49 об.]. 3 мая он участвовал в первом общем собрании Омской группы Партии народной свободы (кадетов) [55, 1917, № 38, 3 (16) мая, с. 2], а 20 июля 1917 г. в Петрограде присутствовал на заседании ЦК кадетской партии во время переговоров его с А.Ф. Керенским [48, с. 29]. Однако из этих фактов нельзя делать вывод о действительном членстве И.П. Лаптева в кадетской партии. На том же упомянутом заседании ЦК он мог быть в качестве представителя Совета Союза казачьих войск. Многим казачьим деятелям, как и части об-

ластников и националистов, свойственно было подчеркивать надпартийный, надклассовый характер своих убеждений. Один из эсеровских деятелей, знавший Лаптева, писал в посвященном ему некрологе: «По политическим убеждениям своим Иннокентий Павлович хотя и не был крайним левым революционером, но революционный дух в нем всегда проявлялся, в особенности когда дело касалось Сибири вообще и сибирского казачества в частности. Наиболее характерной чертой Лаптева была любовь его к родине Сибири, и он считал себя преимущественно сибиряком-областником» [15, с. 2].

Список источников и литературы

1. *Родионов Ю.П.* Омичи и Государственная дума // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв.). Омск, 1994. С. 87–99.

2. *Родионов Ю.П.* Сибирские депутаты в I Государственной думе // По страницам российской истории. Омск, 1996. С. 50–57.

3. *Родионов Ю.П.* «Следственное дело по Выборгскому воззванию» как исторический источник // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Материалы V регион. науч.-методич. конф., посвящ. 30-летию ист. фак. Омск. гос. ун-та/ Отв. ред. А.П. Толочко. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. С. 155–159.

4. *Родионов Ю.П.* Представительство от Сибири в Государственной думе первого созыва (1906 г.) // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 5–9.

5. *Сорокин А.П., Родионов Ю.П.* Лаптев Иннокентий Павлович // Энциклопедия города Омска. Омск: ООО «Издатель-полиграфист», 2011. Т. 3: Омск в лицах. Кн. 2. Л–Я. С. 11.

6. *Сорокин А.П.* Депутат сибирских казаков – Иннокентий Павлович Лаптев (1869–1917) // Казачество: история и современность. Мат-лы научно-практ. конф. «Казачество – оплот русской государственности». Омск, 1996. С. 72–75.

7. *Сорокин А.П.* Омские депутаты Государственной думы (1906–1907): штрихи к портрету Иннокентия Лаптева // Проблемы археологии, истории и методики преподавания: Сборник научных трудов. Омск: ОмГПУ, 1996. С. 71–79.

8. *Сорокин А.П.* Выборы во II Государственную думу от Сибирского казачьего войска в Омском уезде: еще раз о И.П. Лаптеве // Катанаевские чтения-98. Омск, 1999. С. 224–227.

9. *Сорокин А.П.* Выборная служба казачьего депутата Иннокентия Павловича Лаптева (1872–1917) // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Межрег. научно-пр. конф., посв. 420-летию Сибирского казачьего войска. Омск, 2003. С. 161–166.

10. *Сорокин А.П.* Лаптев Иннокентий Павлович // Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. Омск: ГАОО, ОАО «Омский дом печати», 2005. С.74–75.

11. *Шиловский М.В.* Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, 1908–1917 гг. // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 242–249.

12. *Шиловский М.В.* Лаптев Иннокентий Павлович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. К–Р. Новосибирск, 2009. С. 263.

13. *Шиловский М.В.* Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 320 с.

14. *Сибирские* войсковые ведомости. Омск, 1917.

15. *Б-въ Г.Б.* И.П. Лаптев [некролог] // Путь народа (Томск). 1917. № 46, 1 октября. С. 2.

16. *Сибирская* речь (Омск). 1917. № 133, 1 ноября.

17. *Омский* вестник. 1917. № 241, 2 (15) ноября.

18. *РГВИА*

19. *Архив автора.*

20. *ГАРФ*

21. *Приказ Сибирскому казачьему войску*. Омск, 1914. Пр. № 296, § 3, 01.XII.1914 г.

22. *Сибирский* казак: Войсковой сб. / Под ред. Е.П. Березовского. Вып. 2. Харбин: Изд. Войскового представительства Сиб. каз. войска, 1941. 343 с.

23. *Списки* казаков [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL// http://ka-z-ak.ru/index.php?option=com_kunena&func=view&catid=76&id=6496&limit=20&limitstart=20&Itemid=14#28132 (дата обращения: 15.03.2015).

24. «*Революционная* борьба» и её последствия. Дело «О Южно-Русском землячестве» // URL // http://www.famhist.ru/famhist/klasson/podpolje.pdf (дата обращения: 08.12.2015).

25. *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. М.: РОССПЭН, 2004. 544 с.

26. *Государственная* дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 318–319.

27. *Сибиряки* – депутаты первой Государственной думы (1906 г.) // URL // http://tomskhistory.lib.tomsk.ru/page.php?id=1619 (дата обращения: 01.12.2015).

28. *ГИАОО*

29. *Сорокин А.П.* Научные и культурно-просветительские общества Омска в конце XIX – начале XX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1994. № 3. С. 121–125.

30. *Справочная* книжка на 1895 г. о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства. Омск, 1894. I. Военное ведомство.

31. *Павлов А.С.* Эти люди остались в нашей памяти… // Ленский водник (Якутск). 2013. № 3, 26 января.

32. *Михеев А.П.* Депутаты Государственной думы от Омска и Акмолинской области // *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994.

33. *Адам А.Я.* Приговоры и наказы как источник по изучению настроений сибирских казаков в период Первой российской революции // Недбаевские исторические чтения. 31 марта 2007 г., 18 ноября 2008 г. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 149–158.

34. *Плотников А.Е.* Политические настроения сибирского казачества в период Первой российской революции // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 1995. С. 140–142.

35. *Революционное* движение в Омске в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.): Сб. док. Омск, 1957. 304 с.

36. *Адам А.Я.* Проект программы казачьей думской группы (март 1907 г.) и его критика// Вторые Омские исторические чтения: Сб. Омск, 2009. С. 104–108.

37. *Законотворчество* думских фракций. 1906–1917 гг.: Док. и материалы / Под общ. ред. *П.А. Пожигайло.* М.: РОССПЭН, 2006. 768 с.

38. *Тобольск* и вся Сибирь: Альманах. № 14. Сибирское казачье войско / Составитель *В.А. Шулдяков*. Тобольск: Обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 596 с.

39. *Памятная* книжка Акмолинской области. На 1916 год / Составитель – *М.Н. Соболев*. Омск: Изд-е Акмол. обл. стат. комитета, 1916. Отд. 2.

40. *Памятная* книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 г. Омск, б.г.

41. *Киселев А.Г.* Биржа и биржевики Омска начала XX века (историческая справка) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1994. № 3. С. 207–221.

42. *Полосов Л.* Депутатская невнимательность // Омский вестник. 1917. № 42, 23 февраля (8 марта). С. 1.

43. *Список* № 1 // Иртыш (Омск). 1917. № 2, 16 октября. С. 3.

44. *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. 246 с.

45. *Милищенко О.А.* Сельскохозяйственный и кооперативный съезд в г. Омске (Огни Сибаки. № 8): [Электронный ресурс]: Режим доступа: // URL// http://story-sibaka.ucoz.ru/index/0-37 (дата обращения: 01.12.2015).

46. *Энциклопедия* города Омска. Омск: Издат. дом «ЛЕО», 2009. Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 г.). 920 с.

47. *Греков А.Н.* Союз казачьих войск в Петрограде в 1917 году // Донская летопись: Сб. материалов по новейшей истории донского казачества со времени Русской революции 1917 года. Белград: Издание Донской исторической комиссии, 1923. № 2. С. 229–283.

48. *Бардиж В.К.* Дневник кубанского казака. Петроград, 1917 год. Краснодар: «Традиция», 2008. 220 с.

49. *Лаптев И.П.* Особое мнение // Сибирские войсковые ведомости. 1917. № 42.

50. *Кириенко Ю.К.* Революция и донское казачество (февраль – октябрь 1917 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1988. 251 с.

51. *Постановления* 2-го войскового круга Сибирского казачьего войска. Б.м., б.г. 73 с.

52. *Сидельников С.М.* Образование и деятельность первой Государственной думы. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1962. 383 с.

53. *Разгон И.М., Мосина И.Г.* Буржуазия Сибири и Государственная дума // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. С. 32–62.

54. *Виноградов Ф.Г.* Рабочая печать Сибири (исторический очерк) // Из прошлого Сибири. Омск: Изд. Омского о-ва краеведения, 1927. С. 5–65.

55. *Известия* Омского коалиционного комитета.

V.A. Shuldyakov

Innocent Pavlovich Laptev: Liberal provincial politician of the Siberian Cossacks

Summary. The article is devoted to the activities of the most prominent representative of the liberal direction of the Siberian Cossack Host, a public figure in Western Siberia and the Steppes regionalist wing, deputy of the State Duma I and II convocations (1906, 1907), deputy chairman of the Council of Congresses of Representatives of Commerce and Agriculture Siberian Steppes and Trans-Ural (1912–1915), a member of the State Council (1915–1917), Commissioner of the Provisional Government of the Steppe Region (March – August 1917), deputy chairman of the Council of the Union of Cossack Hosts (1917), I.P. Laptev.

Key words: Siberia, the Cossacks, the State Duma, Siberian parliamentary group, the Council of State, the liberal party, the revolution, the district council, Union of Cossack Hosts.

УДК 930.1:94 (57)

Е.П. Антонов

ИСТОРИК Г.В. КСЕНОФОНТОВ О КОЛОНИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ В ИСТОРИОГРАФИИ ЯКУТИИ

Аннотация. В статье рассматривается реакция якутского историка, этнографа и фольклориста Г.В. Ксенофонтова (1888–1938 гг.) на господствующие в дореволюционной историографии стереотипы о древней истории и культуре якутов. Констатируется влияние отхода от европоцентристских и русоцентристских схем в трудах историка на консолидацию якутской нации.

Ключевые слова: этническое измерение, национальная государственность, автономия, национально-культурное возрождение, национальная интеллигенция, идентичность, общественно-политическая деятельность, культурные медиаторы, имперская политика.

Революция и Гражданская война в Якутской области имели этническое измерение. В период строительства национальной государственности в форме автономии и национально-культурного возрождения, в период НЭПа перед национальной интеллигенцией встала задача трансформации якутского народа в нацию, для чего требовалось изучение этнографии, истории, языка, фольклора. По советской традиции научное исследование этнических проблем способствовало закреплению идентичности различных народов, административных и культурных полномочий и обоснованию национальной политики в данном регионе [1, с. 339].

Поражение движения областничества и установление советской власти в 1919 г. привело одного из видных общественно-политических деятелей Якутии Г.В. Ксенофонтова «к глубокому разочарованию» и к «окончательному отходу от всякой политической деятельности» [2, с. 76]. Отойдя от политики, он занялся этнографией, историей и фольклористикой и внес своими научными трудами огромный вклад в формирование национальной идентичности якутов. В частности, об этом свидетельствует письмо Г.В. Ксенофонтова от 26 ноября 1927 г., отправленное из Ленинграда в научный отдел Наркомата просвещения ЯАССР.

Ученый писал, что имеющаяся литература о якутах стала научной лишь со времен Сибиряковской экспедиции (1894–1896 гг.). До того момента литература о якутах представляла собой собрание «всякого рода вымыслов, обывательской фантазии, проникнутых одной господствующей идеей – доказать, что якуты представляют из себя «низшую расу», подлинных дикарей, которые стали похожи на людей только со времени русского завоевания, а особливо – со времени озарения их светом христианской истины». Эта идея проходила «красною нитью даже в трудах социалистов-народников». Невежество послужило причиной отрицания отличий тысячелетней культуры центральноазиатских номадов от примитивных культур полинезийцев и африканских племен ньям-ньям. Гавриил Васильевич считал, что В.Л. Серошевский, В.Ф. Трощанский и Н.А. Виташевский не отличали духовное наследие скотоводческих хозяйств от охотничьего и собирательского типа занятий африканских племен [3, ф. 60, оп. 1, д. 2131, л. 3].

Г.В. Ксенофонтов справедливо подметил общий недостаток в трудах дореволюционных авторов, заключавшийся в отрицании самой возможности «развития, трансформации, человеческого движения – в самом глубинном смысле этого слова» народа саха. Он был не согласен с трактовкой якутского общества как «по-детски незрелого и примитивного» [4, с. 321, 381].

Предшественники-якутоведы, подвергнутые острой критике Гавриилом Васильевичем, представляли собой служащих местной администрации, участников академических экспедиций, политических ссыльных, путешественников и т.д., т.е. культурных медиаторов. По существу, они осуществляли функции перевода «чужого» в «свое», когда знания о «колонизуемых» превращались в важную стратегическую составляющую имперской политики. Это были не просто пассивные информанты, а активные участники отношений «власть – знание» в Якутии [5, с. 198]. Благодаря их усилиям возник «непротиворечивый нарратив ментального «освоения» сибирских территорий» и был обоснован тезис «об органическом русском государстве, впитывающем в себя разные народы и земли» [6, с. 433, 437].

Г.В. Ксенофонтов предлагал бороться с подобными предрассудками путем публикаций образцов народного творчества, которые будут говорить сами за себя. Он опасался, что через 10–15 лет невозможно будет отыскать «ни сказочников, ни шаманов, ни национального жилища и одеяния». И, по его мнению, если ученые «европейской расы» отказывались изучать народы Якутии,

то за эту задачу должны были взяться местные исследователи [3, ф. 60, оп. 1, д. 2131, л. 4–5]. Такой выход предложил Гавриил Васильевич, поскольку коренным народам «никогда не удавалось говорить за самих себя», а прежние сведения обретали достоверность только после прохождения «сквозь очистительный огонь работ» российских и европейских авторов [4, с. 436].

И эту задачу исследователь активно реализовывал. Совнарком Якутии и Институт языка и культуры финансировал командировки Ксенофонтова, в том числе и в Бурят-Монголию. Он объездил огромную территорию, собрал богатый материал и завершил свой капитальный труд «Эллэйада», что дало основание А.П. Окладникову уже в 1931 г. написать, что Гавриил Васильевич ввел в научный оборот «почти все, что сохранилось из преданий о легендарном прошлом якутов». Однако не все так положительно встретили публикации ученого. Например, известный якутский поэт А.А. Кюндэ считал, что в условиях развертывания классовой борьбы рассказы «незрелых пролетарских литераторов гораздо ценнее, чем «Эллэйада» [7, с. 67; 8].

В 1937 г. после публикации I тома «Урангхай-сахалар» Г.В. Ксенофонтова С.А. Токарев подготовил солидную статью объемом в 3 п.л. «По поводу одной теории этногенеза якутов», в которой высказал гипотезу о северном происхождении якутов. Гавриил Васильевич эмоционально расценил эту попытку как «разновидность и логическое завершение старого русского великодержавия и общего настроения российской мелкой буржуазии или мещанских кругов, искони склонных принижать культурную историю малых и колониальных народов царской России». Г.В. Ксенофонтов сообщил директору Института языка и культуры при СНК ЯАССР П.А. Ойунскому о подготовке своей статьи «Ответ С.А. Токареву» [9, с. 124–125].

Между тем другая (подавляющая) часть якутской элиты усматривала в российском владычестве «принудительный, но, тем не менее, желанный путь к европейскому социальному и культурному развитию, «окно в Европу» для инородческих подданных Российской империи [10, с. 155]. К примеру, уроженец Хангаласского улуса Якутского округа историк Г.А. Попов утверждал, что Гавриил Васильевич поставил в вину европейским ученым деление народов «на черную кость» (представители негроидной и монголоидной рас) и «белую кость» (представители белой расы), пытался «выпятить исключительно отрицательные стороны» трудов европейцев и «затушевать их заслуги и их положительную роль».

Попов дал показания, что в 1934 или 1935 г. в Центральном архиве Ксенофонтов пытался доказать ему, что русские историки проглядели «великое прошлое» якутов и отзывались о них как о дикарях. В ответ Григорий Андреевич возразил, что при всех недостатках дореволюционной историографии России она, несомненно, внесла ценный вклад в науку. После такого резкого замечания Ксенофонтов замолчал и стал проявлять враждебное к нему отношение.

Г.А. Попов дал показания, что на I языковедческой конференции Якутии в августе 1935 г. Г.В. Ксенофонтов выступил с речью, где отметил отрицательные стороны завоевания Якутии. Участники мероприятия из числа национальной интеллигенции и студентов под председательством П.А. Ойунского поддержали выступление рукоплесканиями. Никто из докладчиков не сделал никаких замечаний в адрес Гавриила Васильевича. Но ученый секретарь Общества изучения Якутской АССР В.Н. Владимирский заявил, что это националистический доклад, и покинул зал [11, д. 1623 р. л. 30–35].

На допросе 7 июня 1938 г. Г.А. Попов заявил, что в Институте языка и культуры коммунист Ойунский подчеркивал достоинства трудов Ксенофонтова. Никакой критики трудов Гавриила Васильевича слышать не приходилось. Платон Алексеевич включал в план издательства работы Ксенофонтова. Ойунский отмечал, что древняя история и культура якутов происходит из южных частей Азии. Якуты пережили эпоху феодализма и являлись носителями особой культуры. В Якутии у них сложилось «нечто вроде ханства во главе с Тыгыном» [11, д. 1623 р. л. 84–85].

П.А. Ойунский писал, что тюркские предки якутов обитали где-то в Средней Азии, восточнее Аральского моря. Оттуда были вытеснены джунгарами и, преодолев огромные расстояния, вышли к озеру Байкал, где встретились с монгольскими, бурятскими, эвенкийскими племенами, а в период возвышения монголов предки якутов переселились в бассейн средней Лены, и это переселение завершилось где-то в XVI в. [12, с. 16].

Г.В. Ксенофонтов сыграл в условиях национального строительства неоценимую роль в формировании идентичности якутского народа. Он стал первым национальным историком и этнографом, который дал собственную трактовку этногенезу и древней истории якутов. Впервые ученый попытался отойти от стереотипов европоцентризма и русоцентризма в ходе разработки этнической истории саха. Подобные тенденции находили понимание и поддержку не только среди национальной интеллигенции, но даже среди партийно-советской верхушки.

Список источников и литературы:

1. *Ларюэль М.* «Этногенез» узбеков как элемент советской науки // Ab Imperio. 2005. № 4. С. 337–360.

2 *Дьячкова А.Н.* Г.В.Ксенофонтов: ученый и общественно-политический деятель. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2000. 203 с.

3. *НА РС(Я)*

4. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мір, 2006. 637 с.

5. *Ремнев А.В.* Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Ab Imperio. 2011. № 1. С. 169–208.

6. *Глебов С.* О территории власти и власти территории: заметки на полях «Сибири в составе Российской империи» // Ab Imperio. 2008. № 4. С.429–439.

7 *Антонов Е.П.* Интеллигенция Якутии (1922–1938 гг.). Якутск: Изд-во ин-та гуманит. исслед. АН Республики Саха, 1998. 136 с.

8. *Кюндэ А.А*. Об издании «Эллэйады» // Автономная Якутия. 1929. 13 июня.

9. *П.А. Ойунский* – директор Научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР (1935–1937 гг.). Сб. док. Якутск, 2003. 163 с.

10. *Бобровников В*. Анатолий Ремнев как историк имперского Востока // Ab Imperio. 2012. № 1. С. 151–159.

11. *Архив УФСБ РФ по РС(Я).*

12. *Иванов В.Н.* Платон Алексеевич Ойунский: государственный деятель и мыслитель // Платон Алексеевич Ойунский: взгляд через годы. Сб. науч. тр. Новосибирск: ОИГГМ, 1998. С. 5– 19.

E.P. Antonov

Historian G.V. Xenophontov's colonial discourse in the historiography of Yakutia

Summary. The article deals with the reaction of the Yakut historian, ethnographer and folklorist G. Ksenofontova (1888–1938) on the ruling in the pre-revolutionary historiography stereotypes about the ancient history and culture of the Yakuts. It is stated the effect of departure from the Eurocentric and Russia-oriented schemes in the writings of the historian to the consolidation of the Yakut nation.

Key words: ethnic dimension, national statehood, autonomous mia, national and cultural revival, national intelligentsia, identity, socio-political activities, cultural mediators, imperial policy.

УДК 930.1 (571.13)

Н.Г. Суворова

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЭКСПЕРТЫ О СТЕПНОМ КОЛОНИЗАТОРЕ

Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания ВУЗам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014-2016 гг., проект № 2619

Аннотация: На материалах «Омских епархиальных ведомостей» показаны претензии Русской православной церкви к переселенцам Степного края. Выявляются и сопоставляются образы «правильных» и «опасных» колонизаторов с позиции православных экспертов. Требования конфессиональной устойчивости выдвигались миссионерами на первый план, подчиняя такие колонизационные качества, как способность к водворению, состоятельность, предприимчивость. Продвигая свою программу колонизации региона, церковь свои конфессиональные задачи дополняла близкими и значимыми для государства национальными и политическими сюжетами.

Ключевые слова: православные эксперты, Омская епархия, «Омские епархиальные ведомости», степной колонизатор.

В формировании образов колонизируемой территории и ее населения принимали участие различные категории экспертов (имперские чиновники, общественные деятели центра и окраин, теоретики и практики «крестьянского дела»). Естественно, что представления столь разнообразных групп наблюдателей существенно расходились. Оценки зависели от позиций столичных и провинциальных властей, ведомственных приоритетов, идейных позиций, конкретной региональной ситуации, определяемой природно-климатическими, социально-экономическими, этнодемографическими условиями азиатских территорий. Обострение национальных вопросов на западных окраинах, а также формирование собственно русского национализма постепенно корректировали преимущественно цивилизационный дискурс российского интеллектуального общества. Деление общества на «мир культуры» и «мир дикости» усложнялся, наполняясь новыми, в том числе конфессиональными характеристиками.

Особое значение в ряду имперских экспертов приобретают представители Русской православной церкви: приходские священники и миссионеры, которые должны были создавать конфессиональную общность населения на азиатских окраинах, компенсируя ослабленные переселением и инородческим окружением социальные и этнические связи.

Во внутренних губерниях крестьянский мир был объектом попечительной, просветительской политики со стороны помещика и государства, фактически приравнивался к варварам, хотя и не был «чужим» по происхождению, а на азиатских окраинах власть была вынуждена не только признавать крестьянина колонизатором и культуртрегером, но и использовать его в качестве транслятора собственных ценностей в инородческую среду, видеть в нем более высокую ступень гражданского состояния. Изменялся, становился более тревожным и заинтересованным и взгляд священника на степного колонизатора. Представителям Русской православной церкви и особенно ее передового отряда миссионеров приходилось встраивать свои представления на конфессиональное многообразие сибирского населения в достаточно жесткую государственную иерархию (ценных, полезных, эффективных) колонизаторов. Сложность положения церковных деятелей была обусловлена необходимостью сохранять преданность государственным идеалам, поддерживать местную власть, но при этом не забывать и о собственных интересах, не всегда совпадающих с ин-

тересами светской власти. Ситуация особенно обострилась в «разгар освободительства» в связи с принятием законов о веротерпимости и ответной реакции духовной власти, критикующей государство и попытавшейся сконструировать особое видение национальной программы для азиатских окраин.

Источником изучения позиции православных священников и миссионеров по отношению к крестьянскому миру, общественно-политическим и культурным событиям страны, в том числе и переселенческому делу, может служить официальное периодическое издание Русской православной церкви – «Епархиальные ведомости» [См., например: 1; 2; 3]. Особую ценность имеет это издание для изучения миссионерской деятельности РПЦ, особенно на окраинных азиатских территориях [4; 5; 6]. «Омские епархиальные ведомости» с 1898 г. публикуют как официальную информацию, так и неофициальную, в частности, отчеты о поездках священнослужителей, путевые записки противосектантских и противораскольнических миссионеров, миссионеров Киргизской миссии, публицистические материалы и художественные произведения. Значительное число публикаций принадлежало членам епархиального братства ревнителей православия, самодержавия, русской народности и христианского благотворения. Материалы данной газеты имели специфическую адресную аудиторию, которую целенаправленно информировали и агитировали, для которой в том числе создавались и тиражировались образы новых колонизируемых территорий и их населения.

Своеобразие молодой и весьма амбициозной Омской епархии заключалось в сложном сочетании этнического и конфессионального многообразия, усиленного переселенческим колоритом, привнесшим опасное, с точки зрения церкви, соседство с сектантами, раскольниками и иноверцами [см.: 7; 8; 9]. Миссионеры Омской епархии позиционировали ее как «один из самых ответственных постов, где неустанно должна вестись борьба с врагами православия». Уже в первом номере «Омских епархиальных ведомостей» отмечались особые условия церковного освоения края: «Прежнее отверженное и почти забытое малое стадо Христово, затерянное в массе туземцев-магометан, освежается как пришельцами, так и новокрещенцами… растут православные приходы, эти рассадники христианской нравственной жизни» [10, 1898, № 1, с. 1–3 («Господи, благослови»)]. Епархия позиционировалась как авангард миссионерской деятельности, где необходимо было сочетать внутреннюю миссию в сфере инославия (противосектантская и противораскольничья) и внешнюю – в сфере иноверия (антимусульманская и языческая). Огромные пространства и недостаточное число даже простых приходских священников, не говоря уже о хорошо подготовленных миссионерских служителях, способных дать отпор «неправославным агитаторам», – все это приводило к тому, что по всей епархии создавались хорошо организованные секты «с правильно поставленной проповеднической частью». Первоочередное внимание священнослужителям предлагалось обратить именно на переселенцев, массово прибывающих в епархию. Население из внутренних губерний при этом не рассматривалось однозначно как опора Русской православной церкви, напротив, именно в переселенцах видели возможных последователей сектантов и дополнительную весьма расположенную аудиторию для «неправославной агитации». В заметках миссионеров отмечалось, что переселенцы гораздо легче поддавались пропаганде сектантов в сравнении с казаками и «коренными сибиряками», которые в вопросах веры были «вообще индифферентны» [10, 1910, № 9, с. 17]. Интересно, что мобильность переселенцев, в том числе и хозяйственная (предприимчивость, умение осваивать новые виды деятельности и т. д.), так высоко ценимая переселенческими чиновниками, у миссионеров оказывалась основанием для «шаткости» веры. Наиболее подверженными влиянию «штундо-баптистской пропаганды» в иерархии омских миссионеров оказались малороссы, которые «увлекаются разного рода новшествами, касаются ли эти новшества хозяйства или религии».

Массовое переселение крестьян в Степной край в значительной степени усугубило, и без того сложную ситуацию молодой Омской епархии. Это оказалось одним из определяющих факторов в оценке степного колонизатора. «Свобода жизни на привольных дешевых участках земли», удаленность от церквей и священников становились устойчивой мотивацией для переселения сектантов и раскольников [10, 1905, № 14, с. 41]. Именно на окраинах, высоко оценив «недоуправляемость» в различных структурах (административных, экономических, конфессиональных), неправославное население пыталось построить жизнь своей общины по своим принципам. В тех случаях, когда православное население оказывалось дезориентировано отсутствием сильных властных структур, сектанты, по мнению миссионера, жили вольно, «управляясь своими старшими «братьями», которые и «собрание держат», и тяжбы разбирают, и с местными властями дела ведут».

Благоприятные условия для массового переселения (обилие земли, разнообразные «слободы» – от помещиков, чиновников и священников) крайне негативно оценивались представителями епархии, прежде всего как «благоприятствующие сектантству», «содействующие раскольнической агитации», «охлаждению религиозности паствы». Уже сам путь переселенца по железной дороге в Сибирь определялся как «место пропаганды» испуганного, оторванного от традиционного мира и ценностей крестьянина. Долгая дорога сама по себе способствовала задушевным неторопливым беседам, которыми умело и эффективно пользовались религиозные пропагандисты. Православная церковь перенимала этот опыт, создавая «кружки ревнителей православия из рабочих железнодорожных мастерских, болеющих за родную веру, нередко порицаемую в рабочих кругах баптистами и социал-демократами», организуя группы сопровождения партий переселенцев. Особое беспокойство православных иерархов Омской епархии вызывали отдельные города Степного края, которые стали своеобразными центрами штундо-баптизма (например, таким виделся Петропавловск), активно поддерживающими свою паству и морально, и материально.

Весьма характерна лексика, которую использовали миссионеры в оценках распространения баптизма. Она была связана с государственными имперскими, а не только церковными понятиями: «громадная армия штундо-баптистских миссионеров, двинутая Мазаевым, «подобно Ермаку», на «вторичное покорение Сибири», заполнила собой всю Омскую епархию» [10, 1908, № 3 (Несмеянов Д.А. Борьба с баптизмом. Первые впечатления и шаги миссионера)]. «Вторичное покорение Сибири» сектантами после покорения Сибири русским государством можно рассматривать как укор в непоследовательности колонизации Сибири, которую присоединили территориально, не обеспечив духовного единства с метрополией. Заселяя сильным колонизатором, с точки зрения хозяйственного освоения и водворения, но «чужим» по вере, государство допускало весомый просчет, по мнению церковных деятелей, упуская возможность укрепить окраины империи православным единством.

Не всегда приемлемая для светских имперских властей, да и для традиционно миссионерской православной церкви однозначная связь «русский значит православный» и наоборот активно проповедовалась со страниц «Омских епархиальных ведомостей», в том числе епископом Омским и Семипалатинским Гавриилом. «Православный» человек и «русский» человек – в нашей стране понятия тождественные. Невозможно представить себе на Руси русского человека – душою и сердцем – без православных верований, без церкви и религии, без того, что составляет душу и сущность нашего родного Православия» [10, 1910, № 10, с. 25].

Доказывая преданность государственным ценностям, священники не упускали случая обвинить сектантов в единстве замыслов с леворадикальными группами, в том числе в подрыве государственного строя («поддерживая православие, поддерживаете отжившее самодержавие» [10, 1910, № 12, с.10]. В своих программных речах Гавриил неоднократно доказывал неразрывную связь «свободомыслящей оппозиции» (леворадикальной интеллигенции) с антирусскими нацио-

нальными взглядами (принципами, воззрениями). «Свободомыслящие, составляя оппозицию всюду, во всех национальных вопросах, особенно в еврейском, польском и финляндском, грубо и цинически попирают кровные русские интересы, вступаются за инородческие домогательства, изощряясь в придумывании хитроумнейших объяснений…» [10, № 23, 1910, с. 37 (Заметки о ненормальной общественно-государственной жизни в нашем отечестве со времени издания закона о свободах. (продолжение)]. Протоиерей Восторгов при открытии Иркутского миссионерского съезда, демонстрируя свою политическую осведомленность, рассказал присутствующим о книге «знаменитого революционера Степняка (Кравчинского)», распространяемую под заглавием «Штундист Павел Руденко», в которой предпринимается попытка сблизить и слить воедино сектантов и политических ссыльных на почве протеста и борьбы против власти» [10, 1910, № 17, с. 40 (Речь о. протоиерея Восторгова при открытии Иркутского миссионерского съезда по предложению об открытии Общесибирского миссионерского съезда)]. Епархиальный миссионер Д. Несмеянов указывал, что баптистская пропаганда в своих целях идет гораздо дальше религиозной проповеди, стремясь к подрыву государственного строя: тезис «поддерживая православие, вы поддерживаете отжившее Самодержавие» звучит в большей степени как политический, а не религиозный лозунг [10, 1908, № 3].

Неожиданные для церкви национальные характеристики паствы появляются как средство защиты от леворадикальной интеллигенции, атеизма, как попытка вернуть содействие и защиту государства, своих исключительных прав. Для этого конфессиональные по сути проблемы подменяются национальным и политическим дискурсом, в рамках которого сектанты и раскольники уже не просто «отщепенцы» и «шалопуты» церкви, но предавшие государственные и национальные идеи. Смешение этих контекстов порождает ряд новых линий в полемических произведениях православных миссионеров. Например, последовательное разоблачение сектантов, в частности баптистов, велось не только по теологической линии, но рассматривалось как политический сюжет: борьба с религиозным течением иностранного происхождения, во главе которого стоит «инородец и иностранец Фетлер», пропаганда которого ведется «на деньги иностранного происхождения». «Продавший свою веру завтра продаст отчизну, «да что продаст! – даром отдаст – из злобы и ненависти своей низкой продажной души!» Достаточно устойчивое сочетание «русский баптист» заменяется на немца-баптиста.

Новое опасное соседство скорректировало взгляд православных миссионеров на старообрядцев, присутствие которых также значительно увеличилось в связи с переселением. Колонизационные заслуги старообрядцев как «вполне соответствующие условиям и нуждам края» неоднократно отмечались и государственными, и общественными деятелями [11]. Хозяйства русских сектантов, как и иностранных колонистов, характеризовались как многопрофильные, что в условиях освоения окраины имело принципиальное значение. Благоприятные хозяйственные условия (много земли арендованной и купленной в собственность) в сочетании с трудолюбивой, трезвой и скромной жизнью, «большей степенью умственного развития постепенно вырабатывали привычку из малого извлекать возможно большее» [10, 1905, № 15, с. 17 (Из отчетов Омского епархиального противосектантского и противораскольнического миссионера И.А. Ливанова: отчет о деятельности миссионеров за вторую половину 1903 и за 1904 г.]. При этом консерватизм религиозной жизни ни в коей мере не распространялся на экономические предпочтения колонистов, и они в новых условиях легко шли на модернизацию хозяйства, усовершенствование орудий труда, освоение незнакомых прежде ремесел. Причины такой предприимчивости наблюдатели видели не только в зажиточности, реальной взаимопомощи и солидарности однообщинников, но и в большей развитости (даже «интеллигентности») в сравнении с православным колонизатором, особенно малороссом.

Особая «интеллигентность» староверов, по мнению различных наблюдателей, была следствием более высокого уровня грамотности и непохожего на великорусский быт и досуг. Даже православные миссионеры часто вынуждены были соглашаться с тем, что раскольники и сектанты «писание знают и живут хорошо», «русской ругани не слышно и не видно курящих табак», и поэтому признавали, что если кто и нуждался в просвещении, так это именно православные. Малокультурность русского православного населения при отсутствии каких-либо школ, курсов или развлечений и отдалении церковного надзора и просвещения приводила к развитию пьянства. «…В казачьи поселки лучше не заглядывать: там и пьянство, и песни, и ругань, и драка, и блудодейство, и убийство, и все это делают православные…», – приводил в отчете миссионер И. Ливанов слова сектанта [10, 1905, № 2, с. 30].

Слабость православного колонизатора с точки зрения церкви крылась в его безразличии (индифферентизме) по отношению к религии. Нестабильный в экономическом плане, необразованный переселенец в «состоянии духовного голода» легко попадал под влияние раскольнической или баптистской пропаганды. Все недостатки православных священнослужителей, включая недостаток численный (отмечалось, что в среде сектантов каждый член общины, включая женщин и детей, проповедует) и низкий уровень их проповеднического и полемического таланта («захолустные» батюшки), усиливали угрозу отпадения нестойких верой переселенцев. «В дикой киргизской степи, в которой живет сельское пришлое население края, богатая почва для процветания всевозможных сект», – отмечалось на междуведомственном совещании, состоявшемся при Степном генерал-губернаторе 21 апреля 1910 г. [10, 1910, № 12].

Выстраивая образы своих колонизаторов (русских – православных) и чужих (сектантов и раскольников), миссионеры вынуждены были прибегать к противопоставлению, опровергая зачастую достаточно устоявшиеся представления. Тот же миссионер И. Ливанов писал, что раскольники ведут правильный образ жизнь только в «численном меньшинстве» в сравнении с православными. В чисто раскольничьих селах «царит полная распущенность нравов: пьянство, разврат, свобода развода, семейные неурядицы…». «Нравственность среди бухтарминских раскольников невелика, – писал он, все – они отличаются показным пустосвятством; редкие не пьют вина, но от чая отказываются большинство. Лукавство, хитрость, своеволие и пронырство, умение обойти закон – отличительные черты бухтарминских раскольников» [10, 1905, № 15–17].

Православные миссионеры последовательно настаивали на общности задач церкви и государства, поэтому, выстраивая свою иерархию «правильных колонизаторов», подчеркивали не только отклонения от веры, но и возможные антигосударственные качества. Особая опасность сектантства именно на окраинах виделась им не только в утратах «духовного родства» с церковью, но и отечеством. Легко отпавшие от церкви также могут отпасть и от государства, могут стать добычей врага или даже добровольно предать родину. Государственный смысл русской крестьянской колонизации отмечал священник И. Восторгов в речи перед переселенцами: «…знайте, переселенцы, что вы близки сердцу нашего Царя и всего русского народа, что вы не какие-либо несчастные или отверженные, не какие-либо изгнанники из России, ей ненужные, нет, вы – её великие сыны, любимые дети; знайте, что когда идёте вы на переселение, то вы чрез это служите великому Божьему призванию России и вместе с тем великому русскому государственному делу. Вы – передовые распространители святой нашей веры: вы – передовые борцы и защитники русского Царства; вы способствуете сохранению и закреплению за ним неизмеримых пространств Сибири и Дальнего Востока и служите будущему нашей дорогой России» [12]. «Для русского государства на окраинах сектантство и раскол, противление Церкви и холодность к вере – это самое страшное и опасное зло. Как калеки на войне не только не нужны, а вредны, так и **холодные русские переселенцы** не только безопасны, но и прямо вредны для русского государственного дела» [12].

«Православный эксперт» в отличие от переселенческого чиновника оперировал преимущественно категориями не хозяйственными, его волновали не столько предприимчивость и экономическая устойчивость, способность водворяться без дополнительных со стороны государства пособий, сколько нравственность и религиозность колонизатора, умение сохранять собственную веру в окружении иноверцев, быть устойчивым к религиозной пропаганде неправославных агитаторов. Однако это не предполагает, что священнослужителей вовсе не интересует хозяйство, быт или общинное устройство крестьян-переселенцев. Напротив, в своих заметках они обращают внимание на самые разнообразные детали, которые, возможно, и не заинтересовали бы чиновника, но с особым ракурсом и оценкой, исходя из потенциальной перспективы колонизаторов, отвечать главной задаче – укреплять христианское пространство, расширять круг православной паствы. «Степной колонизатор» – категория не столько неконфессионального, а именно имперского дискурса, но в текстах православных священников она включает в себя и конфессиональные, и национальные и политические составляющие. Образы степного колонизатора в неожиданном формате показывают проблемы русской колонизации в ее конфессиональном освещении.

Список источников и литературы:

1. *Мохначева М.П.* Сельский мир сквозь призму «Епархиальных ведомостей» // История города и села: теория и исследовательские практики. 2006: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.newlocalhistory.com/node/134

2. *Акулич О.А.* «Иркутские епархиальные ведомости» как краеведческий источник: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://iemp.ru/statiji/detail.php?ID=1392

3. *Нетужилов К.Е.* Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. № 7 (21). Ч. 1. С. 174–182.

4. *Молокова Л.В.* Значение церковной периодики в общественной жизни регионов, вторая половина XIX века (на примере «Иркутских епархиальных ведомостей») // Омский научный вестник. 2007. № 3 (55). С. 91–94.

5. *Верещагин И.Ф.* Церковно-епархиальная периодическая печать в общественной жизни Российской провинции во второй половине XIX–начале XX веков (на материалах Европейского Севера России): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Архангельск, 2013. 24 с.

6. *Свищев М.П.* Миссионерская деятельность в контексте геополитики. М.: Изд-во «РАГС», 1999. 143 с.

7. *Голошубин И.* Справочная книга Омской епархии. Омск: Типография «Иртыш», 1914. 1250 с.

8. *Берковская З.Н.* Становление и развитие Омской епархии в конце XIX – начале XX в. // Омский научный вестник. 2008. № 4 (69). С. 25–27.

9. *Зайцева Л.Ю.* Православная церковь и казахское население Степного края (конец XIX – начало XX вв. // Степной край: Зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII – XX вв.) Омск; Кокшетау: Омск. гос. ун-т, 2001. С. 141–142.

10. *Омские епархиальные ведомости.*

11. *Михайлов Г.Г.* Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 247–258.

12. *Восторгов И.* Доброе слово переселенцу: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://www.voskres.ru:80/bogoslovie/ioann1.htm

N.G. Suvorova

Orthodox experts about of steppe colonizers

Summary. On materials of «Omsk Diocesan Gazette» claims evidence of Russian Orthodox Church to the settlers of the Steppe region. Identified and mapped images of the «right» and «dangerous» colonizers from the position of Orthodox experts. Requirements confessional stability put forward by the missionaries to the fore, subordinating these colonizing qualities as the ability to interned, consistency, initiative. By promoting its program of colonization of the region, the church of their faith-based tasks complemented close and important for the state and national political scenes.

Key words: Orthodox experts, Omsk diocese, Omsk diocesan sheets, steppe colonizer.

УДК 94 (571)

Т.Г. Недзелюк

МЕНТАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СИБИРСКОГО ПРОСТРАНСТВА МИГРАНТАМИ ИЗ ЕВРОПЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ

Аннотация. Образ Сибири в представлениях мигрантов – малоизученная и актуальная тема. Рост количества мигрантов в современном нам мире наглядно демонстрирует необходимость изучения не только количества, половозрастного состава переселенцев, но и их ментальных установок, представлений, картины мира и системы ценностей. «Разночтения» в идеальных представлениях с реалиями жизни часто становятся причиной конфликтов на уровне повседневности. Восприятие образа Сибири переселенцами, как экономическими, так и политическими, рубежа XIX–XX вв. позволяет проанализировать причины несовпадения ожиданий с обретенной реальностью и спрогнозировать вероятные последствия современной волны миграций. В процессе исследования нами были изучены источники личного происхождения, материалы делопроизводства. В качестве методологической базы исследования были востребованы установки таких исследовательских подходов, как теория картины мира и история ментальностей. Результатом проведенного исследования стало понимание неразрывности представлений о географическом, информационном и правовом поле сибирского пространства. Первоначальные представления о географическом положении, о специфике климатических условий играли важную, но не определяющую роль в картине мира и ментальных установках мигрантов. Информационное поле, формируемое в начале переселенческого пути и дополняемое, корректируемое по мере пребывания в месте водворения, в значительной мере программировало положительную либо отрицательную мотивацию к профессиональной деятельности, демографическому поведению. Правовое поле, понимаемое как условия, способствующие либо препятствующие устройству быта мигрантов, завершало процесс ментального конструирования сибирского пространства мигрантами из европейской части Российской империи.

Ключевые слова: имперская география власти, ментальное конструирование, представления о Сибири, пространство, мигранты.

Концепция имперской географии власти, предложенная А.В. Ремневым, даёт уникальную возможность увидеть «лицо» российской провинции. Не менее интересен взгляд «изнутри»: как население регионов, в данном случае Сибири, рефлексировало относительно места своего жительства. Представляется интересным рассмотреть воззрения мигрантов, приехавших в Сибирь, сопоставив их ожидания с реалиями.

Объектом исследования являются представления мигрантов из западных губерний Российской империи, приезжавших на строительство Транссибирской магистрали, выпускников Варшавского университета, желавших сделать карьеру в России, а также мигрантов-аграриев начала XX в.

о сибирском регионе. Концепт «Сибирь» в данном случае оказывается идентичным понятию «пространство». Анализ данного концепта позволяет выделить представления сибирских католиков о географическом, информационном и правовом пространстве Сибири. В процессе исследования нами были востребованы установки следующих исследовательских подходов: теории картины мира как совокупности образов, представлений, ценностей, и истории ментальностей как инструмента исследования коллективного бессознательного.

Нами были изучены письма, воспоминания, дневники мигрантов, для которых Сибирь на длительное время стала местом жительства. Интересные наблюдения оставил ксендз Ян Хыличковский, сосланный в Сибирь на поселение в 1863 г. и возвратившийся в 1885 г. по «всемилостивейшему соизволению» в Петроковскую губернию Царства Польского. «Еще не так давно слово Сибирь связывалось с представлением о диком и безлюдном крае. Полагали, будто бы даже малый лучик цивилизации не проникал сквозь эти безмерные пространства, протянувшиеся от Уральских гор до Тихого океана и от Ледовитого моря до регионов Алтая и Маньчжурии. И страх также охватывал каждого, кто вспоминал об этой стороне – о тех норах, которые тамошним людям служат жилищем, о шкурах, заменяющих им одежду, о горах, дебрях, степях и лесах, кишащих диким зверьем, о варварском местном народе, враждебном, страшном для пришельца. Сегодня эти предубеждения рассеялись. Значительное число лиц, возвращающихся из Сибири, огласили и оглашают в печати свои описания и воспоминания о пребывании в различных уголках этих азиатских владений. Оказалось, что Сибирь не только не отсталая, но напротив, – является землей богатой и обетованной» [1, с. 352].

Изучение просвещенческо-информационного дискурса польской прессы того времени приводит исследователя к следующему выводу: «Если вообще какой-то образ Сибири и существовал в крестьянском сознании, то был это образ “черной дыры”, в которую, если какому осужденному или рекруту довелось попасть, то он в ней исчезал бесследно и навсегда» [2, 376–383]. Формирование образа Сибири как самостоятельная цель издателями польских газет и журналов «для народа» не ставилась.

Образ Сибири формировался не только в общественном мнении. Русские периодические издания прогосударственного толка преследовали рекламную цель заселения малолюдных сибирских окраин. Для этого, при помощи средств массовой информации, выстраивалась модель аналога Нового Света. Историк Н.Н. Родигина отмечает, что характерной чертой образа региона в глазах корреспондентов являлось сравнение его с Америкой. «При этом Америка воспринималась как некий социокультурный идеал, аналог новой, свободной, прогрессивной и экономически благополучной жизни» [3, с. 233].

Аксиоматично, что вследствие как экономических миграций, так и репрессивных действий царского правительства сибирский регион стал местом проживания представителей разных народов и конфессий. Образ «Сибирь – место каторги и ссылки, тюрьма народов» был для того времени чрезвычайно актуальным. Не всегда формулярные списки высланных в Сибирь были составлены в соответствии со всеми правилами делопроизводства, имели место ошибки. Был ли единичным случай, упомянутый в делах хранения Исторического архива Омской области: «О высылке обратно в Польшу отправленного по ошибке в Сибирь прусского шляхтича Юзефа Оссовского от 19.11.1864–8.01.1865» [4, ф. 3, оп. 4, д. 5755]? Историк С.Г. Пяткова утверждает: «Неправильно составленная о переселенцах документация вызывала их недоверие к действиям местного начальства» [5].

Для характеристики представлений западных мигрантов достаточно вспомнить два устойчивых фразеологических оборота, характеризовавших степень восприятия Сибири: «нелюдская земля» и «земля обетованная». На лекции, прочитанной в Лозанне в 1917 г., Б. Пилсудский произ-

нес слова, ныне часто цитируемые: «Сибирь, которой агрессивное правительство пугало всех, не желающих повиноваться ему, стала повседневной, понятной каждому поляку угрозой. Сибирь вошла в польскую поэзию, заменив в ней античный Тартар и средневековый ад» [6]. Однако на практике ссыльные, и в первую очередь служители церкви, встречали лояльное к себе отношение со стороны сибирской администрации, сочувствие местного населения, приходя, таким образом, к выводу, «что Сибирь – это не Тартар или пекло, что это их далекая вторая Отчизна» [6]. Парадоксальным на первый взгляд кажется факт, что после помилования в 1876 г. часть «повстанцев» осталась в Сибири; для многих из них «Сибирь была тем местом, где открывались более широкие возможности для самореализации, чем в порабощенном Царстве Польском, то есть в так называемых западных губерниях Российской империи» [7].

Список источников и литературы

1. *Шостакович Б.С.* Труд Яна Хыличковского – уникальный источник о сибирской деревне и хозяйственной деятельности ее крестьянства во второй половине XIX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2012. Ч. 1. С. 350–356.

2. *Менджецкий В.* Образ Сибири на страницах периодической печати «для народа» в Королевстве Польском в конце XIX – начале XX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2010. Ч. 2. С. 376–383.

3. *Родигина Н.Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.

4. *ГИАОО*

5. *Пяткова С.Г.* Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода / С. Г. Пяткова. Сургут: РИО СурГПУ, 2008. 161 с.

6. *Пилсудский Б.* Поляки в Сибири / Б. Пилсудский // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 13–30.

7. *Masiarz W.* Powstanie i rozwój pierwszych parafii rzymskokatolickich na Syberii Wschodniej (1805–1937) / W. Masiarz // Kościół katolicki na Syberii. Historia – Współczesność – Przyszłość. Wrocław: Silesia, 2002. S. 125–140.

T.G. Nedzelyuk

The mental construction of the Siberian space by migrants from Europe at the turn XIX-XX c.

Summary. The image of Siberia in the perception of migrants is poorly studied topic. The increase in the number of migrants in the modern world demonstrates the need to study not only the number, sex and age composition of immigrants, but also their mental attitudes, beliefs, worldview and system values. «Discrepancies» in an ideal representations of the realities of life often become a cause of conflict at the level of everyday life. Perception of the image of Siberia immigrants, both economic and political, of the turn of XIX–XX centuries allows us to analyze the cause of a mismatch of expectations with newfound reality and predict the likely effects of the recent wave of migrations. In the process of study we have studied the sources of personal origin, materials of clerical work. As a methodological basis of the study demanded the installation of such research approaches as theory picture of the world and the history of mentalities. The result of this research was the understanding of the continuity of ideas about geographical, informational and legal framework of the Siberian space. Initial presentation about the geographic location, the specifics of climatic conditions played an important, but not decisive role in the world view and mental attitudes of migrants. The information field formed at the beginning of the

resettlement ways and supplemented, corrected as you stay in the place of settlement, largely programmed positive or negative motivation to professional activity, demographic behavior. The legal field, understood as the conditions promoting or impeding device life of migrants had completed the process of mental construction of the Siberian space by migrants from the European part of the Russian Empire.

Key words: imperial geography of power, the mental construction of ideas about Siberia, space, migrants.

УДК 94 (47)

С.И. Алексеева

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ СИБИРСКОЕ СОБРАНИЕ (1910–1917 гг.)

Аннотация. Исследуется история С.-Петербургского Сибирского собрания (Сибирского клуба). Выясняется место Собрания в системе взаимодействия власти и общества; его отношение к Сибирской парламентской группе, сибирскому областничеству и политическим партиям. Вводятся в научный оборот новые источники по истории Сибирского клуба.

Ключевые слова: Санкт-Петербургское Сибирское собрание, общественные собрания, клубная культура, сибирское областничество, парламент, лоббизм.

Вопросы, связанные с генезисом гражданского общества в России, находятся в центре внимания историков. Существенную роль в этом процессе играли общественные организации. Особое место среди них занимали общественные собрания или клубы. Отмечая сложность типологии и неопределенность задач подобных организаций, исследователи относят их, за исключением политических клубов, к категории досуговых обществ, удовлетворявших потребности человека в различных формах свободного времяпрепровождения [1, с. 237–239, 374–431]. При этом социально-политическое лицо общественных собраний, их вклад в формирование гражданского общества, особенно в связи с переустройством жизни страны на началах конституционализма, свободы союзов и собраний в 1905 г., остается неясным.

Объектом исследования являются общественные организации, предметом – история С.-Петербургского Сибирского собрания (Сибирского клуба). В качестве критерия классификации общественных собраний используется предложенное А.Н. Медушевским деление общественных организаций на политически ориентированные – декларирующие общественно значимые цели, и стоящие вне политики, ограничивающие свои функции организацией досуга и развлечений [2, с. 168].

Идея учреждения в Петербурге Сибирского собрания возникла задолго до его открытия и была сочувственно встречена столичной колонией сибиряков и общественностью. Одним из первых о желательности Собрания высказалось сибирское купечество на Ирбитской ярмарке. Особая ценность Клуба как площадки для обсуждения специальных сибирских тем усматривалась в специфике его аудитории, представленной наиболее активной частью сибиряков, тяготевших к столице как культурному, научному и политическому центру, т. е. аудитории, отсутствовавшей в клубной публике сибирских городов [3, с. 2].

Инициатором и основателем столичного Сибирского собрания выступил депутат Государственной думы III и IV созывов от Тобольской губернии, лидер фракции трудовиков и Сибирской парламентской группы В.И. Дзюбинский. Устав Клуба, основанный на типовых положениях уставов общественных собраний, был зарегистрирован 26 января 1910 г. Торжественное открытие Собрания состоялось 1 апреля 1910 г.

По Уставу Сибирское собрание имело целью: 1) сближать сибиряков между собою для предоставления им и их семействам возможности приятного и полезного препровождения времени и 2) содействовать возможно большему культурному развитию и экономическому преуспеянию Сибири [4, с. 3]. Ожидалось, что Собрание познакомит столицу с экономическими и политическими проблемами Сибири, с особыми течениями ее общественной мысли и будет содействовать культурному подъему сибирской окраины. Таким образом, Клубу надлежало стать центром духовной жизни петербургских сибиряков, что сразу выводило его деятельность за рамки досуговых обществ.

К началу 1913 г. Собрание насчитывало 266 действительных членов. Среди них – известные ученые, промышленники, журналисты, писатели, артисты, 16 думских депутатов (7 кадетов, 6 трудовиков, 1 народный социалист, 2 социал-демократа, 1 беспартийный) и 2 члена Госсовета. Почетными членами были избраны патриарх сибирского областничества Г.Н. Потанин и общественные управления 10 сибирских городов: Кургана, Тобольска, Петропавловска, Камышлова, Тюмени, Омска, Томска, Семипалатинска, Ишима и Хабаровска. Самой массовой категорией членов Клуба являлись «сотрудники», не участвовавшие в его управлении. Это право сотрудников было исключено из итоговой редакции устава Клуба Особым городским по делам об обществах присутствием. В 1911 г. в Собрание входило 853 члена-сотрудника, и оно с полным основанием считалось «собранием сибирской молодежи», таившей в себе заряд «здравого критицизма и демократического протестантства». Однако, по наблюдению писателя-сибиряка Г.Д. Гребенщикова, отношение старших членов Клуба к запросам молодежи было «в значительной степени холодное и неглубокое», и молодежь не всегда находила здесь ободрение «в борьбе за свои права и светлое будущее…» [5, с. 169].

Делами Клуба заведовали общие собрания почетных и действительных членов и Совет старшин. Первым его председателем был избран член Госсовета, крупный предприниматель и меценат, глава екатеринбургского отделения Сибирского торгового банка В.А. Поклевский-Козелл. Затем на этот пост избирались сибирский общественный деятель Н.М. Павлинов (1913), депутат госдумы трудовик А.С. Суханов (1914–1915) и председатель правления центрального банка Общества взаимного кредита кадет А.И. Макушин (1916–1917), один из инициаторов создания Сибирской парламентской группы.

При Клубе была организована библиотека-читальня, получавшая сибирскую прессу. Театрально-концертная комиссия во главе с артистом императорских театров В.И. Лосевым и композитором А.В. Таскиным силами слушателей драматических курсов и артистов частных театров обеспечивала программу клубных вечеров. Начали работу экскурсионная и Забайкальская комиссии. Программа научных чтений Собрания включала все важнейшие «сибирские вопросы»: отношение к столыпинским реформам, крестьянской общине, переселенческой политике, положению сибирских инородцев, введению земства, созданию рациональной сети железных дорог и водных путей. В оживленных прениях по докладам принимали участие думские депутаты, ученые-сибиреведы, высшие чиновники министерств и учащаяся молодежь. Отдельные вечера посвящались знаковым событиям общественной жизни: кончине Л.Н. Толстого, думцев С.А. Муромцева и А.В. Караулова, чествованию Г.Н. Потанина и других сибирских деятелей [6, 7–13].

«Главным козырем» сторонников необходимости Сибирского клуба было создание некоммерческого Юридического бюро справок как самостоятельной отрасли деятельности Собрания. В задачи Бюро входило: 1) давать сибирским городам «советы и указания» по возбужденным ими ходатайствам в министерствах и судах; 2) способствовать скорейшему прохождению дел через центральные учреждения; 3) извещать города о положении дел, находящихся в производстве. В состав Бюро планировалось ввести юрисконсульта с обязанностью

ведения текущих дел и Совет из юристов и «других лиц, знающих как местные условия сибирской жизни, так и условия движения дел в центральных учреждениях». На содержание Бюро клиенты-города вносили плату по 300–500 руб. в год, размещавшуюся на отдельном счете в Сибирском торговом банке. Его директором-распорядителем являлся член Клуба М.А. Соловейчик. Круг дел, разрешенных с помощью Бюро, включал ассигнование средств на строительство школ, расширение сети учебных заведений, введение попудного сбора с товаров, отчуждение земли под железные дороги, возведение в потомственное почетное гражданство и т. п. Клиентами Бюро выступали не только города Сибири, но и финансовые организации, например, Омское общество взаимного кредита.

Представление о полномочиях думских депутатов оказалось прочно связано с Бюро справок. Программа его содержала все элементы лоббизма. Сначала этой деятельностью «единолично, без коллективного обсуждения» занимался В.И. Дзюбинский, опираясь на свои контакты в Совете по делам местного хозяйства при МВД, имевшем аналогичный Справочный отдел, не взимавший плату за услуги. С избранием в состав Бюро 19 ноября 1911 г. присяжных поверенных А.А. Леонтьева и Н.М. Павлинова его работа приобрела коллегиальный оттенок. Но расходы Бюро остались непрозрачными. Суммы с его счета выдавались А.А. Леонтьеву «в безотчетное распоряжение». Только в 1914 г. постановлением годичного собрания Клуба функции Бюро были переданы Совету старшин, а его средства соединены с общими суммами Собрания [7, ф. 367. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2 об., 14–15 об., 22–23 об., 95].

Программа действий Собрания признавалась многими крайне неудовлетворительной. Критике подвергались «научно-танцевальный» характер Клуба и бесправность членов-сотрудников. «Разумная осторожность» Совета старшин в этих вопросах привела к отчуждению от него рядовой аудитории Клуба [8, с. 83–91]. Власти видели в Сибирском собрании оппозиционную структуру. 264 из 874 членов и более половины старшин были известны охранному отделению как «лица не вполне благонадежные». По агентурным сведениям, Клуб служил явкой местной ячейки партии эсеров [7, ф. 569, оп. 13, д. 388 д. Л. 159–160 об.]. Градоначальство ввело мелочный контроль программы клубных вечеров, запреты на прения и прием в сотрудники учащихся. В 1914 г. Клуб был вынужден отказаться от помещения в новом здании Сибирского торгового банка (Невский пр., 44), выходившем «на линию высочайших проездов» [7, ф. 287, оп. 1, д. 180. Л. 7, 40, 55, 92–93 об., 95]. В начале 1917 г., так и не реализовав свои главные проекты по изданию общесибирской газеты и учреждению товарищества «Дом сибиряка», Собрание де-факто прекратило свою работу [7, ф. 367, оп. 1, д. 3, л. 21, 27–27 об.].

Петербургское Сибирское собрание возникло на волне самоорганизации русского общества, вызванной реализацией Манифеста 17 октября 1905 г. и повесткой столыпинских реформ. Ведущую роль в его учреждении сыграли депутаты Сибирской парламентской группы и представители торгово-промышленного мира Сибири. Клуб использовался ими как внедумская трибуна сибирских парламентариев и лоббистская структура – посредник-конкурент для Совета по делам местного хозяйства. В системе организаций, объединявших сибиряков Петербурга, Собрание отличали самая широкая программа и состав участников. Тем не менее ему не удалось возглавить сибирскую колонию столицы. Среди причин: досуговый формат общества, недостаток финансов, надзор полиции, разочарование в плодах парламентской борьбы по сибирской тематике, преобладание в правительственных сферах европейских интересов над азиатскими. В итоге при внешней верности идеологии областничества в Собрании нарастал раскол между умеренным кадетским Советом старшин и рядовыми членами Клуба, следовавшими радикальной программе эсеров.

Список источников и литературы:

1. *Самоорганизация* российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Под ред. А.С. Тумановой. М.: РОССПЭН, 2011. 887 с.

2. *Медушевский А.Н.* Самоорганизация российской общественности // Полис. Политические исследования. 2013. № 1. С. 164–169.

3. *Потанин Г.Н.* Признания сибирского патриота // Сибирская жизнь. 1912. № 6. 8 января.

4. *Устав* С.-Петербургского Сибирского собрания. СПб., 1910.

5. *Гребенщиков Г.Д.* Письма к друзьям // Барнаул. 1995. № 4. С. 151–175.

6. *Отчет* о деятельности С.-Петербургского Сибирского собрания за 1910, 1911 и 1912 гг. СПб., 1913.

7. *ЦГИА СПб*

8. *Хохряков А.* Pro domo sua («Сибирский клуб» и «Справочное бюро» при нем) // Сибирские вопросы. 1911. № 40–41. С. 83–91.

S.I. Alekseeva

St. Petersburg Siberian Aassembly (1910–1917)

Summary. Examines the history of the St. Petersburg Siberian Assembly (Siberian club). It turns out the role of the Siberian Assembly in the system of interaction between authorities and society, the attitude of the Club to the Siberian parliamentary group, the Siberian oblastnichestvo, political parties. Introduced into scientific use of new sources on the history of the Siberian club.

Key words: St. Petersburg Siberian Aassembly, Siberian oblastnichestvo, public assemblies, club culture, the Parliament, lobbyism.

УДК 329

Э. Р. Кадиков

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В СИБИРИ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация. Рассматривается проблема сотрудничества российских революционеров с государством в конце XIX – начале XX вв. в деле развития, расширения, укрепления империи на необъятных пространствах Сибири. Выявлены основные направления деятельности «слуг государевых» на данном поприще. Предпринята попытка определить мотивы революционеров, исполняющих важнейшие функции империи, на основе чего сделан вывод об отсутствии противоречий между двумя их ипостасями.

Ключевые слова: революционеры, эсеры, империя, Сибирь, Л.К. Чермак, В.М. Зензинов, Степной край, Русское Устье, Транссибирская магистраль.

Конец XIX – начало XX вв. в отечественной истории – период острого противостояния общества и государства. Олицетворением серьезного и трудноразрешимого конфликта, имевшего довольно глубокие корни и проявлявшегося в социальной, политической и ментальной сферах, являлись профессиональные революционеры, которым сочувствовали и симпатизировали тогда многие слои российского общества. Однако взаимоотношения революционеров и власти отнюдь не сводились к борьбе и «войне на уничтожение». Кроме конфликта имело место прямое или косвенное сотрудничество с государством, являвшемся воплощением не только самодержавной системы, но и империи. Данное обстоятельство весьма характерно было для Сибири.

Именно здесь российские революционеры нередко представали в новом и на первый взгляд удивительном качестве – служителей империи, неизменно трудившихся на ее благо, являя собой один из многочисленных примеров сотрудничества общества и власти того времени. Очень многие участники Освободительного движения, начиная еще с декабристов, вынужденно оказавшись в далеком от центра регионе, вольно или невольно исполняли важнейшие функции империи, внося свою лепту в культурное, научное, общественное, экономическое развитие ее восточной окраины. В силу своей компетенции они принимали участие в исследовании обширных территорий и изучении местного населения, работали в поземельно-устроительных партиях, трудились в управлениях по постройке и эксплуатации железных дорог, развивали речной транспорт, возглавляли торговые предприятия, управляли редакциями газет и журналов, занимались просвещением местного населения. Деятельность их, без сомнения, оказывала благотворное влияние на край, способствовала его стремительному развитию в рассматриваемый период, расширяла ареал русской культуры, упрочивала связи окраины с имперским центром и тем самым укрепляла империю.

Одним из ярких примеров в данном отношении является деятельность известного на рубеже XIX–XX вв. в революционных кругах народника, а впоследствии и социалиста-революционера Л.К. Чермака. Будучи видным экономистом и земским статистиком, он, оказавшись в политической ссылке, с разрешения степного генерал-губернатора М.А. Таубе принял активное участие в работе Экспедиции по исследованию Степных областей, функционировавшей под руководством департамента государственных земельных имуществ Министерства земледелия. Перед участниками Экспедиции была поставлена конкретная практическая задача – выявить излишки земли у казахов для водворения на них переселенцев, для решения которой статистикам необходимо было тщательно разобраться в вопросах киргизского землепользования, в обычно-правовых порядках, установленных киргизами. Организовать и выполнить эту большую и сложную работу поручили известному земскому статистику Ф.А. Щербине, возглавлявшему статистическое бюро Воронежского земства. Узнав о пребывании в крае Л.К. Чермака, он решил привлечь его к работе в Экспедиции, деятельность которой началась в 1896 г. с изучения казахского и переселенческого хозяйства в Кокчетавском уезде Акмолинской области. Разъезды по необъятным пространствам Степного края, имеющие целью сбор материала, занимали, по воспоминаниям Л.К. Чермака, не менее 4-х месяцев в году. Как правило, поздней осенью или в начале зимы участники Экспедиции возвращались в Омск «с грудой описательного материала, в виде подворных карточек, аульных, волостных и иных описаний» [1, ф. 1337, оп. 2, д. 67, л. 98]. По мере того как исследователи съезжались, развертывался процесс обработки привезенного ими обширного материала. После окончания первого полевого сезона на Л.К. Чермака как на агронома по образованию и статистика по профессии было возложено разделение обследованного Кокчетавского уезда на районы, преимущественно, по естественно-историческим признакам. Работы, вспоминал ссыльный народник, было много, и обычно вечера также проходили за разборкой собранных материалов, за ознакомлением с литературой: «Днем работали в нашем Бюро, вечером у себя, и когда мы сходились у кого-нибудь, что бывало нередко, то разговор почти неизбежно сводился к нашей работе» [1, ф. 1337, оп. 2, д. 67, л. 58].

Лишь постепенно, в ходе разработки материалов, собранных в различных районах, отличающихся и по природным условиям, и в экономическом отношении, исследователям удалось подойти к более или менее полному и точному определению вопроса, что же такое киргизское хозяйство. Л.К. Чермак подчеркивал, что законченное представление о нем сложилось у статистиков только после того, как ими были обследованы крайние восточные уезды Степного края, Зайсанский и Усть-Каменогорский, Кустанайский и Актюбинский уезды Тургайской области, граничив-

шие с краем на западе, с густым населением, с большим числом переселенческих поселков, с более благоприятными для оседлой жизни природными условиями [1, ф. 1337, оп. 2, д. 67, л. 58]. Сопоставление форм хозяйства и быта киргизов на обширной территории Степного генерал-губернаторства позволило, по заверениям Л.К. Чермака, проследить и понять их эволюцию во времени. Говоря о научном и практическом значении названной проблемы, ссыльный революционер констатировал, что, хотя земельной собственности в Степном крае не имелось (по «Степному положению», на основании которого шло управление местным киргизским населением, земли, занятые киргизами, предоставлялись им в бессрочное пользование на основании обычаев), земельных споров было много, и по всей территории края вопрос землепользования стоял весьма остро. В отношении изучения вопроса о формах землепользования чрезвычайно интересным представлялся Л.К. Чермаку Атбасарский уезд, разнообразие естественно-исторических условий которого предопределило разнообразие форм поземельных отношений [1, ф. 1337, оп. 2, д. 67, л. 118–120].

Исследовательской работой на Крайнем Севере Восточной Сибири занимался известный социалист-революционер В.М. Зензинов. В мае 1910 г. он был арестован в Петербурге и, проведя в Петропавловской крепости шесть месяцев, в очередной раз на 5 лет выслан в Якутскую область. Однако вследствие дерзкого побега его оттуда летом 1907 г. (Сразу по прибытии в Якутск В.М. Зензинов бежал в Охотск, преодолев со своим товарищем под видом золотопромышленника около 1500 верст через тайгу и болота. Оттуда на японской рыбачьей шхуне перебрался в Японию, а затем через Шанхай, Гонконг, Сингапур, Коломбо и Суэцкий канал вернулся в Европу.) теперь строптивого эсера под «особым вниманием» отправили в Русское Устье, в низовья реки Индигирки у побережья Северного Ледовитого океана, откуда никакой побег был невозможен и куда до этого никого еще не ссылали. Казалось бы, в таких условиях В.М. Зензинов должен был сломаться и «умереть со скуки». Тем не менее этого не произошло – на Крайнем Севере он был чрезвычайно занят. Уже в первый день пребывания в месте водворения (21 января 1912 г.) социалист-революционер с интересом записывает в своем дневнике: «Не знаю и не понимаю, куда я попал. После полуторамесячного странствия по якутам с их непонятной речью и чуждой жизнью я вдруг снова очутился в России. Светлые рубленые избы, вымытый деревянный пол, выскобленные столы – и чистая русская речь. Лица открытые, простые, великорусские черты – нет и намека на Азию. Это, конечно, Россия, но Россия XVIII, быть может, даже XVII века. Странные, древние обороты речи и слова, совершенно патриархальные, почти идиллические отношения» [2, с. 68]. «Сказать ли правду? – признавался далее В.М. Зензинов. – Когда я доехал до этих мест и начал слушать рассказы о здешней жизни от местных людей, меня охватила смертная тоска и на душу навалилась тяжесть. Отсутствие почты, морозы, ветра и вьюги, которые заносят улицы и дома, беспощадное, суровое одиночество, отсутствие другой еды, кроме рыбы, мысли о невозможности выбраться отсюда – все это меня испугало. Но это была лишь минутная слабость. Я увидел, наконец, сам это Русское Устье, о котором думал вот уже семь месяцев, осмотрелся в нем и вижу, что страхи эти не так страшны. Моя жизнь здесь – и внешняя, и внутренняя – надеюсь, будет интересна, мне удастся, быть может, осуществить свои надежды, а может быть, кое-что и сверх этого. И в этом далеком, далеком уголке я проживу; так, как хотел» [2, с. 68–69]. Помимо ведения хозяйства ссыльный эсер занимался фотографией, метеорологией, орнитологией, медициной. Довольно часто путешествовал – на оленях и собаках в разных направлениях проделал в общей сложности около 10 тысяч верст. Ему удалось собрать много этнографических и естественно-исторических наблюдений. За время пребывания в низовьях Индигирки В.М. Зензинов обстоятельно изучил географические условия, историю Русского Устья, хозяйство и промыслы местных жителей, их культуру питания, общественную жизнь, нравы, обычаи, верования. Огромное внимание уделил характеристике особенностей языка, рассмотрению песен и обрядов. В результате по приезде в Россию

он издал две книги («Старинные люди у холодного океана» и «Очерки торговли на севере Якутской области») [3; 4], получившие высокую оценку специалистов. При этом если Л.К. Чермак был на официальной службе и получал за свою работу жалованье, В.М. Зензинов занимался изысканиями по собственной инициативе, имея для этого возможности и, конечно, самое главное – интерес. Его деятельность на севере Якутской области, без сомнения, являлась работой на благо империи.

Рассматриваемый период – время строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. В этом важном, с точки зрения развития региона и укрепления позиций империи, деле самое энергичное участие принимали и представители революционных партий. Некоторые из них трудились в железнодорожных управлениях уже построенных и эксплуатируемых дорог. Так, начальник коммерческого отдела Забайкальской железной дороги А.А. Криль, служащий Управления по постройке Кругобайкальской железной дороги Н.В. Левченко, старший инженер горной партии по обследованию района постройки Кругобайкальской железной дороги В.А. Вознесенский, служащий Управления Забайкальской железной дороги К.Ф. Лыткин в 1905 г. входили в число виднейших руководителей Иркутской организации Партии социалистов-революционеров. Дворянин А.А. Криль, по наружности своей, как отмечали агенты полиции, «напоминающий Карла Маркса» [5, ф. ДП ОО, оп. 1905, д. 1800, ч. 51, л. 3], вместе со своим другом и соратником, агентом компании «Надежда» Г.М. Фриденсоном, а также горным инженером В.А. Вознесенским стояли у истоков местной эсеровской организации. К тому времени А.А. Криль имел многолетний опыт работы в сфере путей сообщения: с 1875 г. до начала 1890-х гг. служил в Екатеринбурге и Перми в управлении Уральской железной дороги. В качестве участника «Красного креста Народной воли» оказывал помощь революционным деятелям, за что был привлечен к дознанию и приговорен к ссылке в Западную Сибирь под надзор на пять лет, замененной, однако, пребыванием в Перми под гласным надзором полиции. С 1892 г. служил в Москве, затем в Иркутске в управлении железных дорог, являясь одновременно сотрудником различных журналов и работая переводчиком [5, ф. ДП ОО, оп. 1905, д. 80, л. 34]. В.А. Вознесенский в 1886 г. окончил Петербургский Горный институт, в 1897 г. по делу народовольцев был заключен в крепость, а затем сослан в Восточную Сибирь. Оказавшись в Иркутске, он сразу подал ходатайство о разрешении работать ему по специальности – старшим инженером горной партии под руководством Шумилина по обследованию района постройки Кругобайкальской железной дороги. 25 августа 1899 г. иркутский генерал-губернатор такое разрешение дал [6].

Таким образом, рассмотренные примеры позволяют увидеть парадоксальную, на первый взгляд, картину: вступившие в борьбу с государством революционеры в то же время могли быть в прямом (Л.К. Чермак, А.А. Криль, В.А. Вознесенский и др.) или переносном (В.М. Зензинов) смысле «слугами государевыми», выполняя важную функцию по развитию, расширению, укреплению империи на необъятных пространствах Сибири и Средней Азии. Однако противоречие в данном случае имеет место быть только на первый взгляд. Во-первых, российские революционеры вели борьбу не с империей, а с российским самодержавием, препятствовавшим формированию гражданского общества и становлению демократического государства. Не с империей, а с самодержавной политической системой боролись, зачастую жертвуя жизнями, своими и чужими, члены революционных организаций и партий. При этом многие из них по своим взглядам были искренними империалистами, что вполне отчетливо продемонстрировала начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война. Во-вторых, даже если находившийся на службе империи революционер не являлся по взглядам империалистом, особых противоречий в собственной деятельности он не видел, так как трудился, прежде всего, не столько на империю, сколько на благо страны и ее народа, энергично участвуя в деле, в котором интересы народа, страны, государства и империи совпадали. Тем не менее, несмотря на всю заинтересованность империи в таких людях, как Л.К. Чермак,

В.А. Вознесенский, В.М. Зензинов, и в позитивных результатах их деятельности, российское государство не забывало об их революционном прошлом и с большим подозрением, зачастую необоснованным, относилось к ним, в конечном итоге так и не позволив, в частности, Л.К. Чермаку завершить исследовательскую работу в экспедиции. Для власти наши герои являлись, прежде всего, революционерами.

Список источников и литературы

1. *РГАЛИ*

2. *Зензинов В.* Русское Устье (Из дневника ссыльного) // Современные записки. 1920. Кн. I.

3. *Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1914. 133 с.

4. *Зензинов В.М.* Очерки торговли на Севере Якутской области. М.: Наука, 1916. 97 с.

5. *ГАРФ*

6. *Вознесенский Владимир Александрович* // Энциклопедия-хрестоматия Иркутской области и Байкала: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/voznesenskiy_vladimir_aleksandrovich

E.R. Kadikov

Revolutionaries in Siberia, in the service of the empire in the late XIX – early XX c.

Summary. The problem of cooperation of Russian revolutionaries with the State in the late XIX – early XX centuries is considered in the development, expansion and strengthening of the empire in the vast spaces of Siberia. The basic directions of activity of the "servants of the sovereign" in this field are revealed. An attempt was made to determine the motives of the revolutionaries who perform the essential functions of the empire, on the basis of which it was concluded that there is no contradiction between their essences.

Keywords: revolutionaries, Socialist-Revolutionaries, the empire, Siberia, L.K. Chermak, V.M. Zenzinov, Steppe Region, Russian Mouth, Trans-Siberian Railway.

УДК 929.5 (031)

Н.А. Черкасская

УПОКОЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДОМА РОМАНОВЫХ В КИТАЕ: ОБОСНОВАНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается история возникновения и деятельности русской духовной миссии в Китае, а также отношение к ней китайского населения и русских Китая. Немаловажны и такие вопросы, как трансформация духовной миссии и роль династии Романовых в ее развитии и расширении. Однако основным рассматриваемым здесь вопросом является захоронение в Китае, на территории русской духовной миссии, убитых большевиками в 1918 г. на Урале представителей дома Романовых. В работе уделяется внимание также причинам, по которым упокоение было совершено именно в этой азиатской стране, и последствиям этого события, а также сегодняшнему положению захоронения, что является актуальным вопросом в условиях современной действительности.

Ключевые слова: Азия, Китай, Романовы, русская духовная миссия, захоронение, эмиграция.

В ночь на 18 июля 1918 г., через сутки после убийства семьи Николая II, в 18 километрах от уральского города Алапаевска были убиты большевиками шестеро родственников царской семьи и двое их приближенных. Это были великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, князья императорской крови Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи, князь Владимир Павлович Палей, а также монахиня Варвара и Федор Ремез. Они были сброшены в шахту глубиной 60 метров [1]. В конце сентября того же года в город вошла армия адмирала Колчака, в октябре тела были извлечены из шахты, и после экспертизы и освидетельствования они были упокоены в Алапаевске [1].

Вскоре к городу вновь приближались красные, и для захоронения возникала опасность. Прибывший в Алапаевск игумен Серафим (Кузнецов) получил распоряжение от А.В. Колчака перевезти гробы Романовых дальше на Восток. Конечным пунктом их упокоения в 1920 г. стал храм Серафима Саровского в русской духовной миссии в Китае [2, с. 134].

Возникает несколько вопросов, связанных с этим событием. Почему местом упокоения Романовых стала именно китайская земля? Каким было отношение к этому китайского населения, а также русских эмигрантов, которых в те годы в Китае было довольно большое количество?

Для начала следует кратко рассмотреть историю возникновения русской духовной миссии в Китае и трансформацию ее роли в жизни как местного населения, так и – позднее – русских эмигрантов, а также выяснить, какими функциями она обладала.

Православные храмы в Китае возникают после 1685 г., когда здесь оказались пленные русские казаки из крепости Албазин на берегу Амура [3, с. 6–8]. Китайский император разрешил им перестроить святилище китайского божества войны в храм св. Николая. Через 20 лет в Китай направились несколько священников – их целью было распространение православия среди китайцев, используя, таким образом, ситуацию с пленением казаков. Примерно с этого же времени ведется отсчет началу русско-китайских отношений.

Китайские власти, судя по всему, относились к России не так, как к странам Европы. «Император Канси не только разрешил пребывание в Пекине российской духовной миссии, но и присвоил высокий придворный ранг главе миссии. Он также присвоил и соответствующие чиновничьи ранги остальным членам миссии. Он также повелел взять весь состав миссии на казенное довольствие и регулярно уплачивать им из казны жалование» [3, с. 9–10]. Очевидно, придавая миссии такой статус, китайские власти не видели в ней политической опасности, а в условиях закрытости Китая это было особенно ценно.

Еще одной задачей миссии была образовательная и научная деятельность. На протяжении всего периода существования миссии открывались школы русского языка для китайцев, а также русские сами учили китайский и маньчжурский языки [3, с. 177].

В XIX в. частью миссии становится посольство. Отдельной дипломатической миссии в то время в Китае не могло существовать, поэтому политическая деятельность, таким образом, была встроена в религиозную. При этом цинская сторона неоднократно сама присылала в Россию запросы, касающиеся послов [3, с. 215].

Дипломатическую функцию миссия утратила после 1858 г. – открытия Китая европейскими державами и создания официальных дипломатических миссий. Духовная миссия была разделена на два подворья: Северное (Бэйгуань), которое в итоге и осталось за миссией, и Южное (Наньгуань), отошедшее к миссии дипломатической [4].

Православие к началу XX в. широко распространилось в Китае, уже не ограничиваясь Пекином и крупными городами. Известно, что в 1935 г. на празднование 250-летия миссии съехался почти весь Пекин – при этом гости были разных национальностей [3, с. 244]. В конце XIX в. окон-

чательно сложились места поселения именно русских, которые проживали в непосредственной близости от строительства железной дороги. В основном с этим было связано основное направление миссионерской деятельности русской духовной миссии. К концу 1898 г. имела 5 церквей (и 5 священнослужителей), ее паства состояла из 120 русских, живших в Пекине, Тяньцзине и Калгане, и 458 китайцев [3, с. 294].

Первая волна антимиссионерских выступлений в Китае русской миссии не коснулась, т.к. к ней китайцы относились благожелательнее всего, а китайские власти уже не так симпатизировали католикам и протестантам [5, с. 94–95]. Однако позже восстание ихэтуаней коснулось и русской миссии. В ходе него в 1900 г. был разрушен храм и убито 222 православных китайца. В честь них была построена церковь Всех Святых Мучеников. После этого встал вопрос о закрытии миссии или ее переводе в другой город.

В 1901 г. китайское правительство взяло на себя ответственность за ущерб и отвело иссии земельный участок в 12,5 русских десятин с усадьбой, а также несколько участков частных владений в Бэйгуане. Бэйгуань обнесли каменной стеной [6]. После постройки храма Всех Святых Священный Синод «направил доклад императору Николаю II с предложением установить 24 июня по новому стилю (по старому стилю 11 июня) днем памяти святых китайских мучеников, а накануне, 23 июня, установить день строгого поста» [7].

Стоит сказать и том, что священники, постоянно проживавшие на территории миссии, все же бывали в России не только по церковным делам. Так, епископ Иннокентий приезжал на празднование 300-летия династии Романовых в 1913 г. и в то же время основал московское подворье, где хотел создать семинарию для китайцев. Средства для этого выдавались Святейшим Синодом [8].

После революции в Китай хлынул поток беженцев из России, в основном, из азиатской части – Сибири и Дальнего Востока. Многие из них искали помощи в русской духовной миссии и неизменно ее находили.

Итак, в 1920 г. игумен Серафим привез тела Романовых в Китай, на территорию русской духовной миссии, где они были похоронены в склепе храма Серафима Саровского. Личность игумена была тесно связана с Императорским домом, который поддерживал издание его журнала «Голос долга», и с великой княгиней Елизаветой Федоровной, которая вскоре подружилась с ним и воспринимала его в качестве советчика по устройству Марфо-Мариинской обители и которая была убита в Алапаевске [9, с. 18–19].

Выбор его пути и конечного места захоронения был далеко не случаен, особенно если учесть тяжелые условия Гражданской войны. Во-первых, игумен вез их с Урала, поэтому в данном случае можно было ехать только по пути отступления белой армии. Вторым мотивом, очевидно, была возможность получения помощи от миссии в Китае, куда в то время также по мере отступления белых прибывали эмигранты. С большим риском Серафим добрался до Читы, везя тела в товарном вагоне, при этом в Омске поезд досматривали, но неизвестно почему не заглянули именно в этот вагон.

Сам игумен Серафим описывал этот сложный путь до Китая так: «По пути из Читы в Китай помощь предоставили белогвардейские власти. «На станции Хайлар вагон захватили большевики, которые вскрыли гроб Иоанна Константиновича и хотели над всеми совершить надругание, однако китайские войска отобрали вагон в тот самый момент, когда они вскрывали первый гроб. С этого момента я с гробами находился под охраной китайских и японских военных властей, которые отнеслись весьма сочувственно, охраняли меня на месте и во время пути до Пекина».

Серафим рассказывает и о тех людях, которые участвовали в организации захоронения и в опознании, а также уделяет внимание роли китайских властей в этом деле: «В начале марта гробы с телами мучеников прибыли в Харбин, где их встречал епископ Камчатский Нестор (Анисимов).

Сюда же прибыл последний Императорский посланник в Китае князь Николай Александрович Кудашев (ум. 1925), которому, как официальному лицу, пришлось приехать в Харбин для опознания и составления протокола. Из Харбина поезд выехал 8 апреля и направился в Мукден, где пробыл до 13 апреля» [10].

Как видно из вышесказанного, китайские власти отнеслись к проблеме с большим пониманием и предоставили игумену Серафиму всю посильную помощь для того, чтобы его задача была выполнена. Наличие помощи китайских военных властей говорит о том, что китайские власти серьезно отнеслись к своей роли в этом деле и к русской духовной миссии, которая теперь оставалась без официального государственного покровителя и основного источника средств.

«Когда 16 апреля 1920 года, в Светлую Пятницу, вагон с телами Алапаевских мучеников прибыл в Пекин, там их уже ожидал архиепископ Иннокентий с крестным ходом, вышедшим рано утром с территории Русской Духовной Миссии прямо из храма Всех Святых Мучеников. Гробы были вынесены из вагона и в сопровождении крестного хода перенесены в Церковь Преп. Серафима Саровского на кладбище Русской Духовной Миссии в Китае» [10].

Это был обычный крестный ход, хотя хоронили великих князей, к тому же, на русской земле. В Российской империи для императора и его родственников были положены жестко регламентированные похоронные обряды, которыми занималась Печальная комиссия, учрежденная Петром I. «Она создавалась после смерти монаршей особы, используя предыдущий опыт, занималась подготовкой всего, что могло иметь отношение к похоронам, фиксировала свою работу в документах и расформировывалась после полного отчета» [11]. Очевидно, что в условиях отдаленности от положенного места захоронения – Петропавловского собора в Санкт-Петербурге и отсутствия средств и возможностей провести похороны, положенные членам императорской фамилии, явно было невозможно. Судя по мемуарам великой княгини Марии Павловны, которая являлась племянницей и воспитанницей Елизаветы Федоровны, а также единокровной сестрой князя Владимира Палея, она (очевидно, и другие Романовы тоже) была осведомлена о том, что тела родных были перевезены в Китай. Но, тем не менее, вероятно, никто из родственников убитых тогда не имел возможности приехать в Китай, скорее всего, из-за территориальной отдаленности – все они находились в Европе или в США. Однако вещи, обнаруженные рядом с телами, были отправлены родственникам. [12, с. 300, 393]

С другой стороны, Романовы (и их приближенные), убитые в Алапаевске, стали единственной группой убитых Романовых, которые были в те годы похоронены по-христиански. Тела великого князя Михаила Александровича и его секретаря, убитых под Пермью в июне 1918 г., и тела великих князей Павла Александровича (отца князя В.П. Палея), Дмитрия Константиновича, Николая и Георгия Михайловичей, расстрелянных в январе 1919 г. в Петропавловской крепости, найдены не были.

Стоит заметить, что для русской эмиграции в Китае новость об убийстве Романовых на Урале – как в Екатеринбурге, так и в Алапаевске – стала настоящим потрясением. Дни убийства официально были траурными для всей русской эмиграции в Китае вплоть до 1945 г. [2, с. 131–133]. До Октябрьской революции на всех службах молились об императоре и династии, а в день именин Николая II проводились праздничные службы.

Кроме того, если говорить об отношении эмигрантов к убитым Романовым и о закреплении памяти о них в сознании, стоит вспомнить и о харбинской часовне, проект которой был задуман художником Н.К. Рерихом. Она должна была быть построена в честь убитых Николая II и Александра I из династии Карагеоргиевичей, короля сербов, хорватов и словенцев.

Персона югославского короля была важна не только для самого художника, но в те годы и для многих русских людей. Король Александр был покровителем русской эмиграции в Сербии.

Кроме того, он состоял и в родственных отношениях с Романовыми – его сестра Елена была замужем за убитым в Алапаевске князем императорской крови Иоанном Константиновичем [13]. Также говорили о том, что вторая дочь Николая II – Татьяна могла выйти замуж за короля Александра [14]. Россия и Сербия были кровно связаны, в том числе и Первой мировой войной, в которой Россия выступила защитником этой славянской страны. И не случайно образы обоих царей здесь были объединены – православные правители, связанные родственными узами, общей религией, братскими обязательствами и убитые своими подданными. Оба являлись символами своего рода для русской эмиграции того времени.

Средства на часовню жертвовали русские эмигранты, к которым взывал архиепископ Нестор. Когда строительство было окончено, убранство часовни украсил «резной деревянный иконостас, содержащий иконы святых, в честь которых названы убиенные и замученные в дни Русской революции великие князья и члены императорской фамилии. Внутри часовни в специальном месте, по бокам центральной лампады, устроители выставили ордена, полученные русскими воинами за боевые заслуги. На особой доске были выбиты фамилии жертвователей на постройку часовни-памятника» [15].

Земля, в которой были упокоены Романовы, в XVIII в. была навечно подарена императором Канси русской духовной миссии в Китае. Как подчеркивает исследователь русской эмиграции в Китае Г.В. Мелихов, таким образом эта земля, хоть и находясь в Китае, была русской. Возможно, этот факт в совокупности с другими причинами также сыграл свою роль в вопросе о захоронении. Между тем советское правительство заявило о своих правах на китайское имущество России, но суд отверг эти претензии [2, с. 139]. Все заботы о захоронениях оставшаяся после революции на самоокупаемости миссия взяла на себя [2, с. 138–140].

Позднее тела Елизаветы Федоровны и ее келейницы Варвары были вывезены в Иерусалим. В 30-е гг. тела были перенесены в новые гробы и захоронены в склепе храма миссии, только тело князя Палея было по завещанию его матери оставлено на кладбище миссии. Это было сделано благодаря поддержке эмигрантов – русской группы войск Шаньдунской армии. Кроме того, судя по табличке, оставленной на гробе В.П. Палея, где была видна надпись «…от мамы» – при поддержке его матери княгини Ольги Палей [2, с. 138]. В 1938 г. тела были перенесены в склеп храма Всех Святых Мучеников. В 1957 г. храм Всех Святых Мучеников был разрушен по указанию коммунистических властей, а останки вновь перенесены на Серафимовское кладбище, которое позднее сровняли с землей. По другой версии, их перезахоронили в 1963 г. на том же кладбище, – в этом участвовали русские старожилы Пекина [2, с. 141]. Однако, согласно замечаниям очевидцев, об алапаевских мучениках вспоминали все реже и реже, очевидно, уже после 30-х гг. «Из русских же людей, – с горечью писал митрополит Пекинский Иннокентий, – никто не посетил места упокоения Царственных мучеников и не вспомнил о них. Только однажды Шаньдунская группа войск прислала депутацию, которая возложила от имени группы на гробы мучеников серебряный венок и устроила торжественное поминальное богослужение. Такое внимание тронуло искренно русских людей. Но это было только однажды. С тех пор о Царственных мучениках никто не вспоминал» [10].

Сейчас на месте кладбища находится парк «Озеро молодежи» и площадка для игры в гольф, а сами останки считаются утраченными [2, с. 142], несмотря на то что по старым картам и планам местности достоверно известно, где находилось само кладбище.

В условиях возрождения исторической памяти в России начался процесс постепенного перезахоронения некоторых членов дома Романовых. Примером тому может послужить перезахоронение императрицы Марии Федоровны в 2006 г., великого князя Николая Николаевича младшего и его супруги Анастасии Николаевны в апреле 2015 г.

В сентябре этого года также было возобновлено исследование останков, найденных под Екатеринбургом, по поводу их принадлежности детям Николая II – Алексею и Марии. Вопрос об упокоении алапаевских мучеников не может еще долгие годы оставаться нерешенным. Канонизированы оставшиеся в китайской земле Романовы только Русской православной церковью за границей. Русская православная церковь признала святыми только Елизавету Федоровну и инокиню Варвару – их мощи, как сказано выше, находятся в Иерусалиме.

Романовы, убитые в Алапаевске, как уже сказано выше, были не первыми и не последними жертвами большевиков. До сих пор не найдены тела убитых в июне 1918 г. брата Николая II великого князя Михаила Александровича и его секретаря, а также расстрелянных в январе 1919 г. в бастионе Петропавловской крепости великих князей Николая и Георгия Михайловичей, а также Дмитрия Константиновича и тяжело больного туберкулезом Павла Александровича. Их тела так и не были найдены.

Небольшие по длительности поиски, проводившиеся в последние годы, не дали никаких результатов. История в данном случае требует лишь отдать Романовым последнюю дань и возвратить их на Родину, однако, имея сегодня большие возможности в восстановлении справедливости, имеем ли мы желание?

Список источников и литературы

1. *Палей О.В.* Воспоминания о России. М.: Захаров, 2009. 240 с.
2. *Мелихов Г.В.* Белый Харбин. Середина 20-х. М, 2003. 440 с.
3. *История российской Духовной Миссии* в Китае. Сборник статей. М, 1997. 407 с.
4. *Ипатова А.С.* Российская духовная миссия в Китае: век двадцатый: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/istor.pom.-/10kitajskaja--/663rossijskaja-dukhov-.htm
5. *Дацышен В.Г.* Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 240 с.
6. *Поздняев Дионисий*, священник. Православие в Китае (1990–1997). М.: Изд. Свято-Владимирского Братства. 1998. 277 с.
7. *Протоиерей Иоанн Ду*. Распространение Русской православной церкви в Тяньцзине и его окрестностях: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb2/History3.htm
8. *Священник Петр (Иванов)*. История возникновения Московского подворья Пекинской духовной миссии // Китайский благовестник. 1999. № 2.
9. *Алексий (Марченко)*. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и начальник Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря Пермской епархии игумен Серафим (Кузнецов). История взаимоотношений // Альманах «Мгновения истории». № 2. Пермь, 2011. 28 с.
10. *Алексеева Т.А.* Государственный комплекс «Дворец конгрессов». Алапаевские новомученики: к 90-летию со дня гибели князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.ansya.ru/health/t-a-alekseeva-gosudarstvennij-kompleks-dvorec-kongressov/pg-1.html
11. *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.litmir.co/br/?b=223632&p=39
12. *Великая княгиня Мария Павловна*. Мемуары. М.: Захаров, 2014. 512 с.
13. *Великий князь Гавриил Константинович*. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб.: Издательство «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://regiment.ru/Lib/B/5/1.htm
14. *Петкович Душан*. Король витязь Александр I Объединитель // Кадетская перекличка. 1974. № 10: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://xxl3.ru/kadeti/aleksandr.htm

15. *Росов В.А.* Часовня-памятник венценосным мученикам: неосуществлённый проект Н.К.Рериха в Харбине: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.aryavest.com/work.php?workid=44

N.A. Cherkasskaya

The burial of Romanovs in China: reasons and effects

Summary. The article is considering the history of appearing and activities of Russian spiritual mission in China. It's also about attitude of Chinese people and Russians of China to it and role of Romanovs in its development and expansion. However, the which is considering here is about Chinese burial on the territory of Russian spiritual mission of the Romanovs, which were murdered by bolsheviks in 1918 in Ural. This article focuses on the reasons for which they were buried in this Asian country and consequences of this event and also present condition of this burial and this is question of current interest.

Key words: Asia, China, Romanovs, Russian spiritual mission, burial, emigration.

УДК 94 (57):63-05

Н.Г. Казыдуб, О.А. Милищенко

ИСТОРИЯ АГРОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ОмГАУ: ОТ «НАСАЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО ХОЗЯЙСТВА» ДО СЕЛЕКЦИОННОЙ НАУКИ (1910–1930-е гг.)

Аннотация: В настоящей статье представлен первый этап истории формировании агрономического факультета, а также кафедры селекции и генетики Омского сельскохозяйственного института, предтечей которого стали более ранние учебные и опытные заведения, организованные на границе Тобольской губернии и Степного края в конце XIX – начале XX вв. Авторы публикуют материалы, которые прежде были мало представлены в истории Омского региона.

Ключевые слова: Сибирский институт сельского хозяйства, история агрономического факультета, кафедра селекции, Н.Л. Скалозубов, В.В. Таланов, В.П. Балиев, Б.А. Вакар, Н.В. Цицин, К.Г. Ренард.

История «коренного» факультета ОмСХИ – ОмГАУ – агрономического (сегодня – агротехнологический) – охватывает не только сам факультет, но и предшествующий период деятельности его инициаторов – сотрудников полеводческого отделения казённого Омского среднего сельскохозяйственного училища I разряда (ОССХУ; 1912–1919 гг.) и учебных курсов, проводимых с 1904 г. на базе казённой Омской низшей школы молочного хозяйства и скотоводства I разряда (1903–1918 гг.), Омского гражданского опытного поля (1898–1922 гг.) и Омской селекционной станции (Н.Л. Скалозубова – В.В. Таланова 1914–1932 гг.). В этот период прослеживается путь от робкого «насаждения агрономической культуры» в Западной Сибири до начала селекционной работы по всем научным методам того времени. Источниками для исследования послужили как опубликованные документы различных ведомств, курировавших селекционную работу (Министерство земледелия и государственных имуществ, Главное управление землеустройства и земледелия, Ученого комитета Переселенческого управления и др.), так и материалы Народного музея истории ОмГАУ, кафедральных архивов.

Авторы публицистических очерков по истории Омского сельскохозяйственного института им. С.М. Кирова (ОмСХИ, а также в других огласовках) по политическим причинам избегали

прежде публикации материалов по предыстории (1898–1918 гг.) и, отчасти, ранней истории агрономического факультета Сибирского института сельского хозяйства (1918–1919 гг.) [1] и этим поступком проигнорировали воспоминания людей – свидетелей самого процесса организации факультета на рубеже эпох: время до Октябрьской революции, время Гражданской войны и НЭПа. Бурные события, пережитые страной за первые десять лет советской власти, почти не сохранили архивных документов о первых днях факультета, да и вуза в целом (в сетку высших школ он был включён в апреле 1922 г., а в СССР о нём узнали только в 1923 г. от А.В. Луначарского и В.И. Ленина; других документов не сохранилось).

Базой для будущего агрономического факультета СИСХ, с одной стороны, послужил накопленный прежде научно-производственный потенциал Омского опытного поля (ведёт своё начало с Омского казачьего опытного хутора, 1828–1849 гг.), просуществовавшего с 1860-х по 1920-е гг., вплоть до организации СибНИИСХ, с другой стороны, потенциал Западно-Сибирской областной селекционной станции имени Н.Л. Скалозубова (открытой в 1914 г. под Ялуторовском тобольским губернским агрономом Н.Л. Скалозубовым и переведённой на Омское опытное поле в 1915 г. его другом, курганским купцом А.Д. Смолиным) [2; 3, с. 60], работы которого продолжили его дочь – А.Н. Скалозубова и один из организаторов агрофакультета – профессор В.В. Таланов. И, наконец, учебно-практический потенциал последовательно созданных: Омской казённой низшей школы лесного хозяйства, Омской казённой низшей школы молочного хозяйства и скотоводства, Сибирской машиноиспытательной станции (СибМИС, 1910 г.) и казённого Омского среднего сельскохозяйственного училища (ОССХУ, 1912 г.) [4]. Немалую роль сыграли и разночинные члены основанного в 1877 г. Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСИРГО, 1877 г.), открытого на рубеже 1899/1900 г. Омского отделения Московского Императорского общества сельского хозяйства (ООМИОСХ, 1899/1900 г.), Акмолинской областной агрономической организации (1911 г.) и др.

Важно также отметить, что с 1902 г. царской администрацией Степного края и Акмолинской области велась активная переписка с Министерством земледелия и государственных имуществ и с Главным переселенческим управлением в С.-Петербурге по вопросам организации в Омске сельскохозяйственного института. Одновременно, в 1909–1915 гг., в нашем крае проходили непрерывные почвенно-ботанические экспедиции, организованные Главным управлением землеустройства и земледелия, в которых среди прочих исследователей участвовали известные преподаватели и организаторы школ и кафедр агрофака профессор С.С. Неустроев и ассистент прапорщик К.П. Горшенин. Последний в 1928 г. был назначен первым директором Сибирского (Омского) отделения Почвенного института им. В.В. Докучаева, на базе агрофакультета. Как тогда было принято говорить, учёные исполняли волю правительства «к насаждению культурных хозяйств в Сибири» [5; 6; 7].

Решение же об открытии института (на базе ОССХУ) в составе единственного, агрономического, отделения (с итал. языка – la faculta – букв. «отделение») было принято на Омском съезде сибирских деятелей сельского хозяйства и кооперации, проходившем в Коммерческом клубе 2 – 12 января 1916 г. Участники этого съезда – чиновники переселенческих отрядов, лесничие, купцы, маслоделы, скотоводы, служащие, преподаватели, ветеринары, агрономы, кредитные и кооперативные товарищества и др. и, особенно, сибирское казачество еще с 1911–1912 гг. [8], после проведения в Омске Первой Западно-Сибирской выставки сельского хозяйства, промышленности и лесоводства [9] и первого съезда деятелей сельского хозяйства, и были инициаторами открытия вуза. И первыми из них были генерал-губернатор Е.О. Шмит, акмолинский губернатор А.Н. Неверов, городской голова В.А. Морозов, банкир Н.Д Буяновский, акмолинский областной агроном, кандидат сельскохозяйственных наук Ф.Ф. Штумпф, заводчик С.Х. Рандруп, предприни-

матели А.Н. Рушевский, И.М. Карзин, купец П.И. Липатников, казачий генерал-лейтенант и учёный Г.Е. Катанаев, топограф, генерал-майор Н.Д. Павлов, агрономы Л.А. Сладков, С.И. Юркевич, П.А. Деев, А.Ф. Дорофеев, А.А. Митаревский, В.А. Федоровский, В.П. Балиев, специалисты по животноводству С.П. Окуневич, К.К. Зиринг и С.М. Косырев, лесничие Б.В. Трувеллер, а также преподаватели П.И. Плодовский (друг и протеже А.Н. Неверова по ОССХУ), М.Я. Сиязов, П.А. Нассонов, И.Д. Павлов и П.П. Преображенский, садовод П.С. Комиссаров.

Следует отметить также, что с перспективой открытия в Омске сельскохозяйственного института (на 1916 г.) еще 1 июля – 28 октября 1912 г., по закону, подписанному 1 июля в г. Риге императором Николаем II, акмолинский гражданский губернатор д.с.с. А.Н. Неверов поспособствовал открытию в Омске ОССХУ с двумя отделениями: культур-техническим (сегодня это факультет агрохимии, почвоведения, экологии, природообустройства и водопользования и факультет технического сервиса в АПК) и полеводческим (сегодня это агротехнологический). Для полеводческого отделения из общего Омского гражданского опытного поля, в 1896–1904 гг. переведенного от соседства с железной дорогой на место нынешней усадьбы СибНИИСХ, было выделено Малое опытное поле.

Институт, к которому стремился губернатор А.Н. Неверов (выпускник физмата Харьковского университета, где прослушал курс сельскохозяйственных наук), намечали открыть ещё в 1914 г., но помешала Первая мировая война.

Инженер и агроном В.П. Балиев, по свидетельству первого ректора Сибирской сельскохозяйственной академии Н.Е. Ишмаева, весной 1917 г. даже пытался организовать научно-агрономические силы региона для создания местного подразделения Лиги аграрных реформ – мозгового центра при Министерстве земледелия во Временном правительстве. 16 сентября 1917 г. Организационное бюро Комиссии по открытию в Омске сельхозинститута телеграфировало в Петроград министру: «Помещение приготовлено и приспособлено для занятий, физическая и химическая лаборатории подготовлены, учебные пособия закупаются, часть профессорского персонала имеется» [10]. И всё же решению Съезда 1916 г., после которого летом 1917 г. и были созданы Организационное и Исполнительное бюро Комиссии по постройке института в Омске, помешала революция, поэтому СИСХ был открыт «на общественных началах» (иначе – как «частное учебное заведение»), хотя Министерство земледелия планировало открыть новый вуз 1 января 1918 г. Объявления об организации вуза были размещены Организационным бюро в газетах «Заря» и «Омский телеграф», а первые заявления о приёме на учёбу от абитуриентов стали поступать (в канцелярию ОССХУ) уже с конца ноября 1917 г.

Свой первый устав новый вуз получил только 25 июля 1919 г., после объединения с Омским политехническим институтом, от колчаковского правительства в лице министра земледелия Н.И. Петрова, министра финансов И.А. Михайлова и товарища министра полиции, знаменитого экономиста Н.Я. Новомбергского [11] как Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности (СИСХиП). В этом статусе он и был до апреля 1922 г., пока после присоединения к нему Омского землеустроительного института (сегодня – землеустроительный факультет) не стал называться Сибирской сельскохозяйственной академией (в просторечии – Сибакой).

Знаменательным было то, что с этого момента агрономическая наука в нашем крае закрепилась именно на кафедрах. И первые преподаватели факультета приступили к реализации программ развития земледелия в регионе на плановой основе.

Первыми организаторами учебного процесса и кафедр единственного тогда факультета были В.В. Таланов (селекция), С.С. Неуструев (ботаника и почвоведение), К.А. Умов (специалист по агрономии и земледелию), а также преподаватели ОССХУ – Н.Н. Болдырев (химик), П.И. Плодовский (ректор-организатор института, по свидетельству ученика ОССХУ

В.В. Назаренко, зоолог) и К.Н. Саввон (химик; позже преподавал в СибАДИ), П.А. Нассонов (специалист по общему земледелию), П.П. Астреин (геодезист и лесовод), Н.А. Нейц (математик), В.П. Хоцевич (механик и машиновед), С.Д. Лавров (специалист в области энтомологии, ботаники и зоологии), Я.И. Шебалин (математик, регент хора; отец композитора В.Я. Шебалина), И.И. Осипов (из агрономической организации Сибирского казачьего войска, специалист по сельскохозяйственной экономии и «общественной агрономии») и др., позже перешедшие на работу в Сибирский зооветеринарный институт, Омский педагогический институт и СибАДИ. Для укрепления и организации научных кадров на факультет еще в январе–феврале 1918 г. по телеграфу были приглашены: первый официальный ректор института, физик профессор В.С. Титов (с 1 января 1918 г.), ассистент, преподаватель физики, будущий знаменитый акустик, учёный с мировым именем, действительный член АН СССР Г.С. Ландсберг, профессора Д.В. Алексеев (химия; первый декан агрофака в 1918–1920 гг.), Г.Г. Петров (ботаника; второй декан агрофака в 19120–1923), В.Ч. Дорогостайский (анатомия животных), Б.А. Сварчевский (зоология, с 1 января 1918 г.; с 10 сентября – самый первый проректор в истории вуза), глава местного советского комиссариата земледелия агроном В.П. Балиев (с января 1918 г.; преподавал также механику и ботанику в ОССХУ (1912–1919 гг.). Энциклопедист и поэт, преподаватель ряда предметов, основатель первого вузовского музея (охоты и леса) П.Л. Драверт в ноябре 1918 г. вывез из Семипалатинска на агрофакультет пять вагонов с оборудованием бывшей почвенно-ботанической лаборатории С.С. Неуструева и К.П. Горшенина и нерастраченный кредит в 1000 твёрдых рублей. Значительно позже влились в коллектив: в 1919 г. – ректор и декан агрономического факультета профессор В.Т. Шевяков, в 1920 г. – К.П. Горшенин, ученик С.С. Неуструева и третий декан агрофака (1923 – 1926 гг.), а также бывшие чиновники лесного ведомства и лесоводы В.А. Шингарёв (с 1920 г.), В.П. Корш, Н.А. Тихомиров, Н.И. Грибанов (с 1921 г.), В.В. Барышевцев (с 1923 г.).

Профессора В.Р. Берг – растениевод, один из организаторов Омской селекционной станции им. Н.Л. Скалозубова (1918–1931 гг.) и СибНИИСХ (1931–1935 гг.) и Б.Н. Городков – выдающийся советский арктический геоботаник и географ (1920–1921 гг.), И.И. Осипов – с 1920 г. уже председатель совета Западно-Сибирского общества агрономов (1921–1922 гг.) – также причастны к яркой странице истории факультета. Явной объединяющей силой агрономов СИСХ на первом этапе истории агрофака стал В.П. Балиев. По характеристике К.А. Умова (основателя кафедры земледелия СИСХ, 1918 г.), Балиев был «один из немногих пионеров сибирской агрономии», которому «… пришлось закладывать основы агрономии во всех областях: в сельскохозяйственном опытном деле, в сельхозобразовании, в практической агрономии». У В.П. Балиева, по мнению К.А. Умова, наличествовало «глубокое понимание сущности эволюции сельскохозяйственной жизни края, и в целом «Сибака не может не посчитать личность В.П. Балиева в ряде немногих, коим она навсегда обязана самим своим рождением и существованием» [10].

Еще до официального открытия вуза первые занятия для студентов-агрономов (по астрономии, географии и геологии) проводил со 2 февраля 1918 г. в учебном корпусе ОССХУ Н.Д. Павлов – генерал-майор, начальник военно-топографического отдела Сибирского военного округа, приглашённый по телефону лично ректором В.С. Титовым. Об этом свидетельствовал принявший от чиновника Омской городской управы и завканцелярией ОССХУ А. Васильева все текущие и архивные дела В.Н. Ручкин, штабс-капитан, в будущем профессор, д.с.-х. наук, завкафедрой кормопроизводства и хранения сельхозпродукции ОмСХИ им. С.М. Кирова. В этот же день состоялось первое заседание учебного совета СИСХ, на котором исполнявший обязанности директора ОССХУ К.Н. Саввон передал ректору СИСХ В.С. Титову все дела [См. например: 13].

С 24 февраля 1918 г. начались официальные занятия первокурсников-агрономов на втором этаже купеческого дома М.А. Шаниной, которая любезно сдала этаж в бесплатную аренду с 15 ян-

варя 1918 по 15 июля 1920 г., до постройки институтом своего корпуса (там, где сегодня находится Ботанический сад). Студенты сначала выслушали яркую речь бывшего директора ОССХУ, д. с. с., профессора П.И. Плодовского по поводу открытия первого за Уралом сельскохозяйственного института, а затем прослушали его же первую лекцию по зоологии. На Омском железнодорожном вокзале, на стихийном митинге, выступил командир Омской Красной гвардии З.И. Лобков и, сославшись на постановление Омского городского совета крестьянских, солдатских и казачьих депутатов (местного Совнаркома; документ не найден), объявил собравшимся гражданам Республики, что с этого дня дети крестьян смогут свободно и бесплатно учиться в сельхозинституте на агрономов (по воспоминаниям выпускника института 1932 г. профессора В.П. Черноголовина) [14, с. 39, 40, 56]. Вдова покойного инженера и первого устроителя частной телефонной станции в г. Омске С.Ф. Кравцова передала в безвозмездную аренду институту три телефонных абонентских номера с телефонными аппаратами. Её дочь Е.Г. Кравцова закончила агрофак и долго работала по плодоовощной селекции на опытной станции в Алтайском крае.

Следует также подчеркнуть, что из агрономического факультета через временное посредничество кабинетов, кафедр и отделений в своё время вышли такие факультеты, как: лесотехнический, зернового хозяйства, молочного хозяйства, агроэкономический, механизации сельского хозяйства, гидромелиоративный, экономический, агрохимический. Именно при агрофаке в 1921 г. была открыта одна из первых в Омске метеорологических станций (доцент В.К. Иванов). Именно под руководством ректора профессора Г.Г. Петрова факультет возродил и облагородил в 1927 г. ботанический сад, основанный еще в далёком 1895 г. Именно при факультете под руководством В.П. Балиева, А.В. Тарчевского и др. проводились первые выставки сельскохозяйственной техники: истоки выставки «Агро-Омск» («День хлеба») отсчитывать следует с 1926 г.

В 1920 г. для рабфака и первых курсов лесфака, инженерного и агрономического факультетов было передано здание бывшего управления АО Кузнецких каменноугольных копей (дом В.А. Печокаса, бывшее Омское казённое межевое училище) по ул. Тобольской (Орджоникидзе), д. 14.

В июне – сентябре 1921 г. под руководством В.П. Корша, К.П. Горшенина, К.Е. Мурашкинского и С.А. Богославского состоялась не только на агрофаке, но и на лестехфаке и вообще в СИСХиП первая комплексная лесотипологическая экспедиция на Екатериновскую лесную дачу, вблизи г. Тары. Целью экспедиции было исследование леса, почвы и ботанические и энтомологические сборы для кафедральных коллекций. По бедности того времени на всю экспедицию было самое простое оборудование: одна лупа, две линейки и угольник. И всё. Первый выпуск агрономов состоялся в 1922 г. (21 агроном и 1 лесничий; куратор группы – профессор В.Р. Берг). (Выпуск ветеринаров-казанцев состоялся несколько раньше.) Самым известным из этого выпуска стал Александр Захарович Ламбин, в будущем профессор, доктор с.-х. наук и заведующий кафедрой земледелия агрофака. Но это уже другая история.

Кафедра селекции, генетики и физиологии растений была создана на факультете в 1930 г. Она, в силу своей важности и деятельности опытного поля и опытной станции и ряда лабораторий, является одной из старейших в вузе. С самого начала кафедра стала выпускающей специалистов мирового уровня. У истоков создания кафедры стояли всемирно известные учёные генетики и цитологии: д. б. н. Б.А. Вакар и академик, д. с.-х. н. Н.В. Цицин, прославившиеся работами в области отдалённой гибридизации растений. Цитогенетик Б.А. Вакар (1890 – 1976 гг.) заведовал кафедрой с 1930 по 1937 г. Он провёл здесь оригинальные цитогенетические исследования пшенично-пырейных гибридов, созданных Н.В. Цициным, и первым открыл их геномный состав. Опубликовал свыше 50 работ, многие из которых были переведены на немецкий и английский языки и изданы в Германии и США.

Н.В. Цицин (1898 – 1980 гг.) – ботаник, генетик и селекционер, был директором СибНИИСХ и одновременно заведующим кафедрой в ОмСХИ в 1937–1939 гг. В последующем стал директором Главного ботанического сада АН СССР в Москве. Учёный вывел 12 сортов озимых и яровых пшенично-пырейных гибридов, 6 из которых были районированы. Он опубликовал более 400 научных работ. С 1939 по 1960 г. кафедрой руководил профессор К.Г. Ренард (1884–1961 гг.). Ренард был известным селекционером по озимой пшенице, льну и другим культурам. Он является автором сортов пивоваренного ячменя и льна-долгунца. Важным достижением кафедры селекции агрономического факультета были разработка и внедрение в производство технологии семеноводства сахарной свеклы. Эта работа позволила восполнить снижение производства сахара в стране в годы Великой Отечественной войны, когда страна временно потеряла традиционные районы возделывания этой культуры на Кавказе, в Крыму и на Украине. Учёный также читал курсы лекций по селекции полевых и плодовых культур, селекции и семеноводству злаковых культур, декоративному садоводству. Опубликовал свыше 70 научных работ.

Под руководством отмеченных учёных сложилось содружество известных исследователей, положившее начало комплексным исследованиям по генетике, селекции и семеноводству основной культуры Сибири – яровой пшеницы. Позднее сотрудник кафедры Г.И. Попова изучала возможность создания исходного материала для селекции методом отдалённой гибридизации. Исследователи-селекционеры и генетики М.С. Бодров (1903–1983 гг.) и Б.А. Быстров изучали возможность применения ультрафиолетового и рентгеновского излучения для создания селекционного материала.

Таким образом, следует отметить важность открытия в 1918 г. СИСХ и организации агрономического факультета с его многочисленными подразделениями для развития общей агрономии и селекции культурных растений в период с 1918 по конец 1930-х гг., для масштабных преобразований как в хозяйстве Западной Сибири, так и в области подготовки высококвалифицированных специалистов по сельскому хозяйству и фундаментальным наукам.

Список источников и литературы

1. *Червоненко В.Н.* Очерки истории Омского сельскохозяйственного института. 1918–1993 / под ред. Г.П. Сапрыгина / ОмСХИ. Омск, 1994. 362 с. и др.

2. *Крюкова Н.С.* Николай Лукич Скалозубов: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://bio.1september.ru/articlef.php?ID=200403904

3. *Шелухин И.С.* Николай Лукич Скалозубов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1961.78 с.

4. *Правила* для поступающих в Омское среднее сельскохозяйственное училище / Сост. П.И. Плодовский // Сельскохозяйственный сборник Правительственной агрономической организации Акмолинской области. Омск: Электротип. Акм. обл. правления, 1913. С. 325–330.

5. *Кузнецов Д.В.* Администрация и поиски путей сельскохозяйственного освоения Среднего Прииртышья. (Конец XIX – начало XX века): Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Омск: ОмПТИ, 2000. 300 с.

6. *Местный агрономический персонал*, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1914 г.: Справочник / Сост. Н.А. Александровский (и др.) / ГУЗиЗ. Департамент земледелия. Петроград, 1914. С. 487–488;

7. *Местный агрономический персонал*, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1913 г.: Справочник / Под ред. В.Н. Штейна (и др.) / ГУЗиЗ. Департамент земледелия. СПб, 1913. С. 388–389 и др.

8. *Труды сельскохозяйственного кооперативного съезда* в г. Омске 2–12 января 1916 года. Омск: б. и., 1917. 826 с. и др.

9. *Недашковский В.С.* Первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, торгово-промышленная и лесная выставка в г. Омске. 1911 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 год. Омск: [Акмолинский областной статистический комитет], 1912. С. 239–240.

10. *Шепелева В.Б.* Страницы жизни омских ученых-аграриев // Вестник ОмГАУ (Омск). № 2. 1999. С. 73–79.

11. *Михалин В.А.* Из истории изучения сельского хозяйства Сибири в начале 1920-х гг. (записка Н.Я. Новомбергского) // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 103–109.

12. *Черноголовин В.П.* Запахи трав степных. Алма-Ата: «Казахстан», 1976. 159 с.

13. *Воспоминания профессора В.Н. Ручкина* // История Сибаки: [Электронный ресурс]: Режим доступа: / URL: http:// sibaka-story.ucoz.ru

N.G. Kazydub, O.A. Milichshenko

History of the agronomical Faculty of OmSAU: from «a planting of cultural farming» to the plant breeding in the 1910–1930's.

Summary. This article presents the first historical phase of the formation of the Faculty of Agriculture and the Department of breeding and genetics of Omsk Agricultural Institute. The agronomy faculty inherited educational activities earlier educational establishments and experienced institutions, organized on the border of the province of Tobolsk and the Steppe region in the late XIX – early XX centuries. The authors publish materials that were previously underrepresented in the history of the Omsk region.

Key words: the Siberian Institute of Agriculture, the history of the Agronomy Faculty, Department of Plant Breeding, N.L. Skalozubov, V.V. Talanov, V.P. Baliev, B.A. Wakar, N.V. Tsitsin, K.G. Renard.

РАЗДЕЛ 5

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЮБИЛЯРА

Фрагмент переписки: А.В. Ремнев – С.К. Лебедев

(Письма предоставлены С.К. Лебедевым. Публикуются с согласия Е.В. Ремневой)

25.03.1987

А.В. Ремнев – С.К. Лебедеву

Сережа, мой старый и добрый друг!

Извини за преступно долгое молчание, видимо, я неисправим, постоянно и всем задалживаю с ответом. Спасибо за книги, за свою статью с трогательной надписью – я получил бандероль от А-на. Было письмо и от Б.В., где он сообщил, что вам пришлось повозиться с корректурой моей статьи. Твое письмо вновь напомнило мне Л-д, наши общие дела, серьезные занятия, а тут приходится заниматься мышиной возней. И хорошо бы научной, а то в основном я занят общественной работой, к-рая мне всегда претила. Я ведь теперь командир зонального штаба студенческих строительных отрядов. А это значит – прощай, летний отпуск и возможность хоть какое-то время посидеть даже в местном архиве. Взял туда отношение, но так и не собрался еще сходить. Совершенно закружили учебные и общественные дела. Веду семинарские занятия в двух группах на 2-м курсе по истории СССР периода капитализма и вчера начал читать спецкурс по истории государственных учреждений. Вышел после лекции совершенно осипшим, совершенно недовольным своей манерой подачи материала. Спецкурс будет небольшой – всего 20 часов. Смотрю сейчас лекции Флоринского, они мне здорово помогают. Особенно его спецкурс, который мы с тобой когда-то вместе слушали.

Научные перспективы весьма туманны. Общекафедральная тема: «Классы и классовая борьба в Сибири в дореволюционный период». Чтобы как-то включится в эту тематику, обозвал свою тему так – «Правительственный аппарат в Сибири в XIX в.» / в подражание П.А. Зайончковскому/. Включились всей кафедрой в комплексную программу «Социальный прогресс в Сибири», которую курирует Томский университет. Есть еще схожая комплексная /это сейчас модно/ программа и в Новосибирске, для меня даже более интересная, но на них труднее выйти. Вот когда наш друг А-нин займет в тамошнем институте подобающее положение, тогда можно будет вклиниться туда. Но в ближайшее время этого трудно ожидать. В Омске обещают через три года новый спецкурс «Управление Сибирью и Дальним Востоком в XIX в.», и есть возможность издать его ротапринтом в качестве учебного пособия к спецкурсу. Это единственная пока возможность серьезно взглянуть на научные занятия здесь. Пособие обычно объемом в 5 п.л. и тиражом 300 экз. Это даст в будущем возможность претендовать на получение докторантуры. Так что перспективы кой-какие имеются, но сейчас самое главное – во времени, чтобы засесть за эту тему. Не минует меня здесь и трудовая повинность, уже два раза ездил чистить снег на ж/д путях и в эту пятницу отправляюсь на любимую моему сердцу овощебазу.

Живу пока в общежитии, вдвоем с одним студентом грузинской национальности по имени Вахтанг, любимцем женщин и фортуны. Он студент-математик 2-го курса. Условия для занятий, конечно, очень ограниченные. Катерина приезжала на две недели, жили у брата, но это оказалось очень трудно – слишком маленькая жилплощадь. Теперь будем ждать, когда мне дадут отдельную комнату в общежи-

тии. С квартирой ничего не ясно и в этой пятилетке ничего не будет. Предлагают вступать в кооператив – это самый реальный способ быстро получить жилье, но вот где взять деньги?!

Все свободное время провожу в библиотеке, просматриваю толстые журналы на предмет откровений о культе личности и сопутствовавших ему инцидентах. Прочел интересную вещицу Д. Гранина «Зубр» в «Новом мире» и воспоминания Ржевской о последних днях Г.К. Жукова в журнале «Знамя» № 12, 1986. Больше никуда не хожу – не был даже в здешней картинной галерее, которая переехала в новое здание и существенно расширила свою экспозицию. Вышлю тебе каталог нашего музея на имя А-на, посылать до востребования не решаюсь. В кино хожу крайне редко – нет ничего приличного. Посмотрел «Плюмбум», но он не произвел на меня должного впечатления. Для символического фильма-притчи он слишком реален, а для жизненности много условностей. Не люблю винегрета в жанрах и стилях.

Если надумаешь, то пиши по моему новому адресу /см. на конверте/, я рад любой весточке из Л-да, где прошли лучшие годы моей жизни, теперь я это ясно сознаю. Кланяйся Б.В., А-ну, С-вой. Собираюсь всем им в ближайшее время написать.

Сейчас отправляюсь на бюро ВЛКСМ, где меня будут утверждать в новой должности. Платить за нее будут по 70 р. в мес. и летом 150 р. – это в период отпуска. С тоской жду карточки из ВАК, а то ведь нынешние средства к существованию весьма скудны. Со страхом боюсь превратиться в функционера. Что будет в учебном плане на следующий год, пока ничего не известно, тут идет непрестанная борьба за власть. Катеринины родители предлагают перебираться в Й-О, обещают и работу, и квартиру…?! Но вот чем я там буду заниматься, здесь хоть какая-то возможность не оставлять ученых надежд.

Пиши! Не забывай старого соратника и единомышленника, не впадай в а-нинские крайности, хотя цифры из вашей интереснейшей книги весьма впечатляющие.

Засим откланиваюсь, с уважением, А. Ремнев.

25.03.87 г.

13.03.1988

С.К. Лебедев – А.В. Ремневу

13 марта, Петроградская сторона

Милый Толик, только что разговаривал по телефону с Борисом Васильевичем, уточняя твой адрес. Узнал между прочим, что ты можешь заниматься наукою в этом семестре и даже, может быть, приедешь сюда через год.

Как бы ничего и не произошло со времени твоего отбытия. Разве что БАН сгорел. Я разговаривал /все академические институты кинули[сь] помогать/ там с Сашей Б-вым, сказавшим, что 3,5 млн томов сгорело, среди прочего дореволюционные и советские газеты /последние 30-х гг./, советские книги /почти за весь период/, иностранные и, кажется, русские книги XIX в., иностранные книги XVIII и «раньших» веков из коллекции Бэра. В общем, БАН, похоже, потерял значение лучшей русской библиотеки. Представь картину: по коридорам валяются листы и остовы обгоревших и замоченных доблестными пожарными книг, на втором этаже, в коридоре, перед каталогом алфавитным сушатся полуживые подшивки «Московской немецкой газеты» 1870-х гг., и вонь, гарь, тоска. Чернобыль в области культуры. Местные газетки врали поначалу в духе «все хорошо, прекрасная маркиза», как всегда. Но ты, должно быть, понимаешь уже из перечисленного, что к чему.

А-нин тихо скончался, тихо защитился и столь же спокойно уехал. Как понял из зачитанного Б.В. отрывка твоего письма, ты собираешься в Новосибирск. Наверное, увидишь там этого философа. Привет ему передай и тучу подзатыльников за то, что уехал, не попращавши[сь]. Пусть пишет на До востребования.

Флоринский теперь читает общий курс по второй половине века до ВОСР, видел его недавно, истфак как-то потух, идет борьба с курением и еще черт знает с чем. Флоринский у меня оппонент. Мечтает отделаться от партбюро, которым руководит, и заняться докторской. Тебе привет передавал. Покурили мы с ним в туалете на первом этаже. Фурсенко избран в Академию, как можно заметить из оборотного листа автореферата, посланного тебе одновременно с этим письмом.

Фурсенко, кстати, очень меня хвалит, а поскольку он важная фигура в экономической истории, рекомендует [вместе с Б.В.] сделать книжку из моего сочинения под условным названием «С.-Пб. Международн. банк и экономическое развитие России. 1869–1914». Лет через 7, может быть, и издадут. Но ближайшая перспектива, за которую я еще не брался, это главка в коллективном труде Шепелева «Россия в первой половине XIX в.» / Мы там с Б.В. задумали написать про банкиров, да я еще про финансы с кредитом что-нибудь попробую выдать. Вот такие планы. А я, как ты знаешь, большой лентяй, и поэтому широкие планы меня тревожат. Тут еще достали совсем в ЦГИА публикаторы со своим сборником «Совет министров Российской империи в 1905 – 1906 гг.» Очень много черновой утомительной работы, съедающей все /буквально/ мое время. Собираемся с Б.В. добраться до ЛГИА. Там много интересного по банкирским домам и вообще – замечательный архив. Кроме того, мы с ним планировали еще сделать городские займы в таком же духе, как сделаны железнодорожные, посылаемые нынче тебе.

Просматриваю твое письмо от 25.03.87. /Замечательная частота!/ Обнаружил твое обещание прислать каталог вашего музея / тем более это меня заняло, что, как ты пишешь Б.В., у тебя появились какие-то отношения с музеем, интересно будет узнать об этой стороне твоей деятельности/. Так вот – через А-на, упомянутого выше, обещал ты выслать данный каталог. Нет ни того, ни другого.

С С-вой мы поругались из-за А-на /решительно, фамилия этого человека занимает значительное место в нашем общении. Что-то уж больно тягостно от этого/, она, как выяснилось, сумасшедшая. Это общее наше /с пресловутым А-ным, заключение/.

Личные мои дела не развиваются, пожалуй, никуда. Я как бы перестал жить. Снимаю комнатуху в роде пенала на Петроградской стороне рядом с зоопарком и с институтом. У пьяницы-тетки какой-то, биемой всякий раз своим сыном. Но у меня ключ от квартиры и от моей комнатухи, и независимость / эндепен-данс, мон шер/.

С нежностью вспоминаю тебя. Удачного пути и кучи трудов желанных. Будь здоров. Твой Сережа.

9.04.1988

А.В. Ремнев – С.К. Лебедеву

Мой добрый старый друг!

Позволь еще раз тебя поздравить с успешной защитой и поблагодарить тебя за свои труды. Я вновь вспомнил Л-д, наши совместные занятия и неосуществленные планы. Твой реферат я читал как мемуары, ибо за каждой строкой вставали образы прошлых лет.

Я, конечно, страшный разгильдяй, что так редко пишу, но вспоминаю тебя очень часто и все время собираюсь сесть за письмо.

У меня эпохальных событий нет и не предвидится. Работа в первом полугодии учебного года съедала почти все время, но вот сейчас выдалось относительно свободное время. Хотя наш «милый» университет не оставляет меня своими заботами. Я состою в должности зам. отв. секретаря приемной комиссии, а это значит, что еще одно лето коту под хвост. Но появились кой-какие перспективы на будущее. Лелею надежду, что мне удастся получить к 38–39 годам докторантуру в Л-д, а для это-

го нужен солидный задел, и не только рукописный, но и печатный. С публикациями здесь несколько попроще, если, конечно, это касается Сибири. Удалось в этом году мне вырваться в Томск, поработать там в библиотеке (у нас ведь нет приличной библиотеки) и в двух архивах – Томском областном и ЦГА Дальнего Востока. В последнем собран весь материал по дореволюционному Дальнему Востоку и Квантунской области, включая Забайкальскую область. Каких-либо препятствий цензурного характера мне пока там не делали, хотя вести об открытии фондов до здешних мест доходят с большим трудом. В Томске и Новосибирске бастовали студенты университетов и ряда институтов против военной кафедры. Организация забастовки на самом высоком уровне – стачечный комитет, пикеты, координация действий между городами. Студентам удалось победить, администрация была вынуждена пойти на некоторые уступки – сократить часы занятий, изменить программу и т.п. В Омске же жуткая тишина – в основном ждут новостей из центра – про перестройку только говорят. В нашем университете студенты сами отвергли идею свободного посещения занятий, хотя для этого был серьезный шанс.

Лекции мои вроде бы удались, студенты даже ходатайствовали перед деканатом, чтобы я им читал и вторую половину XIX в. Спецкурс, конечно, вызывает в их среде меньше эмоций – все-таки это уже серьезные вещи, хотя я и пытаюсь иногда их развлекать. Хочу сделать новый спецкурс «Управление Сибирью и Дальним Востоком в XIX – начале XX в.», под это дело обещают издать ротапринтом пособие в 5 п.л. – это было бы серьезной заявкой на будущее. Но пока не хватает материалов и времени. На следующий год в феврале – марте запланировали мне поездку на преддипломную практику со студентами на месяц в Л-д, так что живу надеждой, а на 1991 г. буду рваться на ФПК в Л-д.

В Томске сделали заманчивое предложение принять участие в коллективной монографии «Хозяйственный опыт освоения Сибири», там планируется глава по управлению. Планов много – вот только как их реализовать. Собираюсь осенью (ноябрь) в Новосибирск на всесоюзную конференцию «Историография и источниковедение исторического опыта освоения Сибири». Представил уже туда тезисы «Программы сибирских генерал-губернаторов как источник по истории освоения Сибири в конце XIX в.». Еще одни тезисы сдал на конференцию здесь в Омске, посвященную 110-летию местного музея, конференция осенью. Я даже определен в качестве ответственного редактора сборника тезисов к этой конференции. Доклад на тему «Неосуществленный проект создания Сибирского генерал-губернаторства». К 1 мая нужно сдать статью в кафедральный сборник (0,5 п.л.) по историографии. Есть шанс поехать на конференцию в Красноярск, но туда нужно что-то о борьбе с революционным движением – но мне уже самому претит эта гонка с публикациями ради публикаций. На кафедре подгоняют – это будет нужно для доцента и докторантуры. В Новосибирске надеюсь встретить нашего старого друга А-на, все собираюсь ему позвонить.

На кафедре атмосфера нормализовалась, живем очень дружно и изредка всем составом ходим пить пиво. Завкафедрой стал Толочко – он в свое время был инициатором моей отправки в Л-д на учебу и на поддержку которого я сейчас серьезно рассчитываю. Ему 40 лет, уже обсудил на кафедре докторскую диссертацию: «Борьба партий за массы в Сибири в годы нового революционного подъема». На кафедре одни мужчины, а это тоже немаловажный фактор. Так что жить можно, да и перспективы вроде есть, теперь все зависит от меня самого. С жильем хуже. Но это всеобщий бич. Живем, как и прежде, в общежитии, и конца и краю этому не видно. Комната в 17 м^2 в секции со всеми удобствами, даже есть холодильник и телевизор в комнате. До работы пешком пять минут ходьбы – единственное удобство. Катя все еще не работает, сидит с Павлом. Не можем ничего приличного ей подыскать, да и Павла нужно еще в детский сад устроить. Катя передает большущий привет и приглашает в гости.

Как и все, читаем периодику, благо я наладил контакты в университетской библиотеке. В кино почти не ходим, Павла оставить негде. Из прочтенного на меня большее воздействие оказывает публицистика, чем художественные произведения. Правда, на большие романы у меня не хватает времени. Вот на столе лежит Гроссман («Октябрь»), но так, видимо, и останется непрочитанным. Надо что-то читать наукообразное по Сибири. Читал статью Лихачева о пожаре в БАНе («Моск. новости»), мороз по коже, что же они, гады, сделали! Какую библиотеку сгубили.

Когда же вы сделаете этот несчастный Совет министров? Что, и на этот раз он выйдет без ДСП? Может быть, тебе как автору перепадет лишний экземпляр и для меня, я бы был тебе чрезвычайно признателен.

Спасибо за привет от Флоринского, кстати, как у него дела с книжкой? Там где-то Шумилов (из Новгорода) должен издать книжку о губернаторах в издательстве ЛГПИ им. Герцена, без этого труда я просто задыхаюсь.

Не заглох ли наш семинар? Ты уже, наверное, стал совершенным мэтром и игнорируешь его заседания или просто там делать нечего? Кстати, Б.В. не дал ли кому реформу Плеве, там ведь должны быть материалы и по Сибири? Напиши, как дела в ЛОИИ, я слышал, Сафонов издает книжку в этом году?! Как поживают Р.Ш. Ганелин, В.Г. Чернуха, как дела и настроение у Б.В. Всем им при случае низкий поклон.

Высылаю обещанный год назад каталог местного музея, а где-то осенью постараюсь прислать и тезисы своих докладов.

Вспоминаю тебя с большой теплотой и твержу зарок писать чаще, а еще больше стремлюсь сам приехать в Л-д. Успехов тебе во всем, с наступающим Христовым праздником – «Христос воскрес!»

С уважением, твой А. Ремнев и его семейство.

9.04.88 г.

16.07.1988

С.К. Лебедев – А.В. Ремневу

St. Peterburg, 16 juillet 1988

Cher ami,

вспомнил о тебе с целью написать; просто, без цели, вспоминаю чаще. Но без цели. «Но вчера…»

Лето в самом теплом своем варианте, истома, как говорится. Вчера виделись с Б.В., я теперь живу на Московском просп. через площадь от него, у метро «Московская» в замечательных покоях покойного структуралиста-фольклориста В.Я. Проппа. Квартира о 4-х комнатах, живу до августа один, так что приезжай, теперь, кажется, смогу тебя принять почти по-человечески. Б.В. в отпуске, отправил семейство по дачам и деревням, а сам мотается по милициям, поскольку попал недавно в аварию и разбил машину, но сам жив и передает тебе привет. Я же сам ухожу в отпуск с 9 августа, но половину его, думаю, пробуду в городе.

В начале июня ездил на встречу с выпускниками своего 10 класса, прошло 15 лет, я ужаснулся и потому решил их повидать. Раньше не тянуло. Масса впечатлений самых добрых, и душевных, и сердечных и всяких подобных… Теперь с июля имею одно присутствие в неделю и провожу остальное время якобы в архиве и за наукою, но, в сущности, обиваю груши. Обязательств имею тьму. Особенно будут садировать все, кому их надавал. И даже по «критике» буржуазной историографии позорный проект придется выполнять, напишу, наверное, не «критическое», но апологетическое сочиненьице. Кроме того, висят «Финансы и кредит начала XIX в. – до сере-

дины века» в рамках Шепелева. Я, кажется, писал, что меня воткнули в этот коллективный труд. С Б.В. начинаем работу над «русскими финансистами во время войн, революции и империи» для международного проекта по влиянию Наполеоновских войн на экономики европейских разных стран. В общем – авантюра на авантюре.

И все при том, что Совет министров России отдан в издательство, но, как всегда бывает, там еще до черта работы, в т.ч. и в Москву гонят в фонд Николая Александровича. Я осенью хотел бы туда поехать в ИНИОН по своим «критическим» делам, потому как, сам знаешь, у нас тут ничего нет из новой литературы, все в столице. Может быть, в октябре укачу, но это не совсем ясно, нет денег, не *хотит* меня ББ в командировку пускать по этой причине.

Да, с МЖК меня круто завернули в исполкоме, говорят, что я владелец отдельной трехкомнатной квартиры, а у них принцип социальной справедливости, не хватает кирпича, сам знаешь, пароход кофе затонул, пароход с чаем, мясом и т.п. В общем: «Идите пока».

Могу обрадовать, с «Особых журналов» сняли ДСП, так что есть возможность получить. Нужно ли тебе это? Я попробую поговорить с Гальпериной Бэллой Давидовной из ЦГИА, она их рассылает в Л-де. Да, наша Бэла из Иркутска, которая писала диссертацию у Б.В., таки ее написала и напечатала уже автореферат. Мне сказал Б.В. вчера, я сам его /реферата/ еще не видел, но, может быть, тебе он будет прислан /если уже не прислан автором/. Насчет «Совета министров» /т.е. меморий, так он уже вставлен в план издательства «Наука», и об этом напечатано в темплане. Флоринский в докторантуре, бросил занятия общественные, как говорит Б.В., и занимается делом.

Про Шумилова не знаю, давно его не видел. Насчет семинара ты прав – я стал мэтром и не хожу туда, хотя Б.В. говорит, что один мальчик из архива там есть очень толковый и он даже как будто его сможет попробовать пристроить в аспирантуру.

Сафонов Мих. Мих. получил корректуру книги и все время торчит в издательстве. Как видно, скоро мир будет осчастливлен его трудом. Книжка В.Г. Чернуха должна, как я понимаю, выйти вскоре. Рафаил Шоломович ездит теперь по странам немецким. Сначала в Геттинген, а теперь в ГДР. Провел в июне встречу с западногерманскими студентами и преподавателями, приезжавшими сюда неизвестно зачем. В институте это было и выглядело по типу радений на телемостах. С одной стороны, «наши» студенты, с другой – «ихние». Ну а отвечали на их /немецкие/ каверзные вопросы по «белым» и другим «пятнам». Теперь он, как всегда летом, пострижен под «ноль» и носит военную рубашку навыпуск. Тебе кланяется.

Благодарю за каталог музея, с большим удовольствием смотрю работы реалистов и вообще всякую жанровую живность. Видно, на меня подействовали вкусы изучаемой мною эпохи, т. е. буржуазные вкусы.

В Русском музее недавно смотрел выставку Тиссена-Борнемиса. Там были и поздний Кандинский, и даже одна вещь Сальвадора Дали /«Полет пчелы»/, и Клее, и Бекман. и твои любимые экспрессионисты. Теперь открылась огромная выставка Филонова. Б.В. там уже был с американцами своими, а я без американцев не был, так что и не пишу ничего. Хотя теперь газеты и местное телевидение называют Филонова и великим, и большим художником и пр. Раньше не было такого художника.

Привет твоей семье и тебе лично желаю рабочего состояния и озабоченности /не житейской/

С любовью, твой Сергей.

Как там философ, не звонил ли ты ему? Поцелуй ему от меня.

УДК 930.1

А.В. Ремнев

ИСТОРИОГРАФИЯ КАК БИОГРАФИЯ: АВТОПОРТРЕТ НА ФОНЕ ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИИ

Текст публикуется с любезного разрешения редакции журнала «Ab Imperio» [1].

Мои научные занятия историей России начались в 1979 г. в спецсеминаре Б.В. Ананьича на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Студенческое увлечение мемуарами С. Ю. Витте привело меня к исследованию деятельности Комитета министров, активной и продолжительной работе в архивах. Особенностью той научной школы, в которой я прошел свое становление как историк, было не только внимательное отношение к источнику, прежде всего к архивному, но и стремление идти от документа к его интерпретации, а далее и к скромному теоретическому обобщению. История Комитета министров неизбежно вовлекла меня в круг имперских проблем (национальных, конфессиональных, региональных), которые советской историографией замалчивались, запрещались или не поощрялись к изучению. На вопросы, обращенные к учителям и старшим коллегам, авторам книги «Кризис самодержавия в России. 1895–1917» [2], почему эти темы остались вне их внимания, я получал краткий и откровенный ответ: «Нельзя!». В Омске, куда я переехал работать в 1986 г., я занялся административной политикой самодержавия в Сибири в XIX – начале XX в., что тогда игнорировалось сибирскими историками. Моя научная биография определила в известной степени и ракурс исследования: она позволила взглянуть на Сибирь из Петербурга, как столичные власти формировали свои воззрения на Сибирь, как ее амбивалентный «образ» трансформировался и влиял на выработку сибирской политики. Так произошло соединение моего прежнего опыта изучения истории столичных государственных институтов с новым интересом к региональной истории Сибири и Дальнего Востока России, что привело к пониманию важности определения «географии власти», имперской и национальной составляющих внутренней колонизации азиатских окраин, возможностей ориенталистского дискурса. Изучение Российской империи в региональном измерении, как мне представляется и сегодня, позволит преодолеть крайности возобладавшего с крушением СССР национального нарратива. Кроме того, принципиально важно преодолеть бытующую с советских времен традицию представлять самодержавную власть в состоянии перманентного кризиса, отойти в исследовательской перспективе от предопределенности краха империи и начать исследовать имперские институты и управленческие техники с целью понять, как Российская империя смогла обеспечить себе длительную историческую устойчивость.

Список литературы

1. Этот текст был напечатан в разделе «Историография как биография: двадцать автопортретов на фоне имперской истории» в сборнике: Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова. Казань, 2004. С. 54–55; а также в мемориальном разделе Ab Imperio. 2012. № 1. С. 103–105.

1. *Кризис самодержавия в России*. 1895–1917 / В. С. Дякин (отв. ред.), Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, С. И. Потолов. Л., 1984.

A. Remnev

Historiography as Biograhy: A Self-Portrait Against the Back-ground of Imperial History

Summary. Written for the edited volume New Imperial History of the Post-Soviet Space, Anatoly Remnev's autobiography offers an account of how he came to the field of imperial studies. Remnev allocated great significance to his training in the Leningrad historical tradition, the result of which was his

first archive-based dissertation research on the Committee of Ministers in the Russian Empire. Having moved from Leningrad to Omsk, Remnev delved into the riches of regional archives and questions of regional governance in the empire. Having studied the central imperial archives, he was able to combine the perspective from the top of imperial government with new venues of interpretation that the regional archives of the imperial administra-tion allowed. Working in this nexus, Remnev discovered the importance of «geographies of power», the challenge of regionalism and ethnic diversity as the main preoccupation of the Russian imperial government, and the ofteninvisible or unrecognized potentialities of Russian Orientalism. Remnev concludes his autobiography with the assertion that the regionally sensitive study of empire can help mitigate the excesses of post-Soviet nationalizing narratives of history and provide an adequate understanding of the longevity of imperial structures in Russian history.

УДК 930.1

«О профессиональном сообществе ...в тематическом научном пространстве»: интервью с Анатолием Викторовичем Ремневым (29.04.2010)

Аннотация. Интервью профессора А.В. Ремнева от 29 апреля 2010 г. Интервью было записано аспиранткой кафедры современной отечественной истории и историографии В.А. Михайлиной, в рамках проекта «Коммуникативное поле современной исторической науки» (См. о проекте: Корзун В.П., Рыженко В.Г. Коммуникативное поле современной исторической науки: от размышлений историографов к опыту описания // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 24–44). В интервью отражено отношение А.В. Ремнева к проблемам институализации научного сообщества, в том числе в провинциальных городах, современным ценностям науки, коммуникациям в ней, особенностям международного сотрудничества. Обнаружено в личном архиве А.В. Ремнева.

Ключевые слова: профессиональное сообщество, корпоративная культура, конференциальное движение, «научный туризм».

А.Р. Профессиональное сообщество выстраивается скорее не в региональном аспекте, а в тематическом научном пространстве. Общаешься с теми, кто тебе близок по научным интересам, и это общение происходит чаще всего через совместный проект, какие-то конференции, по электронной почте. Таким образом, внутринаучное общение у нас построено не только на профессиональных отношениях, а, главным образом, еще и на личных, дружеских контактах. Если говорить про Омск, где я общаюсь с кем-то из коллег, то это, может быть, диссертационный совет. На диссертационном совете мы не только можем, но и принуждены разговаривать на научные темы, да и то чаще всего во время заседаний. После заседания тоже происходит общение, но оно вряд ли может быть определено строго как научное, хотя может и затрагивать профессиональные вопросы. Например, о делах в наших вузах. Беда провинциальных городов в том, что какой-то институционально сформировавшейся научной коммуникативной среды нет. Все попытки создать такую среду, как правило, неудачны.

В.М. Общение с представителями других гуманитарных дисциплин, не только исторической науки, как это происходит?

А.Р. Общаться можно, когда есть какие-то общие интересы. В последнее время мне стало даже интересней общаться не с классическими историками, а, скажем, етнологами, политологами, востоковедами…, но и в этом случае, как правило, не в Омске. Опять же, это конференции, совместные проекты.

В.М. Тогда следующий вопрос можно опустить, про корпоративную культуру в научном сообществе.

А.Р. Да нет у нас этой корпоративной культуры. Что такое профессиональная корпорация? Корпорация предполагает некое объединение. У нас нет таких институций… У нас нет Дома ученых, неформальных центров типа московского «ПирОГИ» <О.Г.И. – Объединенное Гуманитарное Издательство> или кафе «Билингва» (где как-то мне приходилось читать лекцию, которая размещена на сайте Polit.ru), даже магазина интеллектуальной книги… Интересный проект, где бы соединились кафе, клуб общения и книжный магазин. Куда можно прийти, пообщаться, послушать лекции интересных людей, выпить кофе, почитать и даже купить книжки. Третий вариант, который у нас как-то не приживается, – это интеллектуальный книжный магазин. Все попытки создать в Омске такой книжный магазин оказались провальными, потому что, как ни странно, нет рынка сбыта интеллектуальной книги. Это тоже показатель <отсутствия научного сообщества, коммуникативного поля>, идущий из каких-то базовых и исторических характеристик нашего города. В Омске никогда не было фундаментальной науки, нет и не будет ее в обозримом будущем, это весьма грустное, но распространенное мнение. Все держится на подвижничестве одиночек, а сообщества не складывается. До какого-то момента я пытался про это думать и искать свой круг общения, а потом перестал и живу, как живу. Сегодня есть альтернативные способы поддерживать сообщество – Интернет. Я каждый день пишу около десятка писем, которые носят не только научный характер. Мои знакомые пишут, как у них дела, дочка пошла в школу и так далее. Вот это сообщество, хотя, может быть, и суррогатное. Но мне это кажется важным. Я приехал в Америку, погостил у одних знакомых, принимали, интересно говорили, кормили хорошо. В шутку я это называю «научный туризм», но в этом есть серьезный смысл. Научные коммуникации выстраиваются по другим линиям, не территориальным или региональным. Я боюсь, что это происходит везде. Например, в Новосибирске. Есть материалы об этом на сайте Polit.ru – почитайте. Там написано почти про войну на выживание в Институте истории Сибирского отделения РАН. Почитайте и многое узнаете про научное сообщество. Вообще, научная среда по своей природе конфликтна. Люди в этой среде, как правило, трудно уживаются. Это скорее исключение, чем правило, когда люди живут дружно. Конфликты происходили и происходят и в нашем университете. Когда-то все это фиксировалось в документах профкома и парторганизации: объяснительные записки, жалобы, доносы. Но и здесь все как-то очень мелочно и, скорее, на бытовом, нежели научном уровне. Понятно, что сейчас про эту историю нашего университета написать нельзя, но придет такое время, когда эти документы можно будет использовать. До сих пор многие боятся, как бы не вернулись старые времена войны всех против всех. Понятно, что плохой мир лучше, чем добрая война, но науки не бывает без конфликта…

В.М. Со своими учителями Вы поддерживаете связь?

А.Р. Конечно. Мне повезло в этом отношении, потому что я был принят в семинаре и доме своего учителя Б.В. Ананьича еще студентом. Благодаря ему про меня знали в институте (Ленинградское отделение Института истории), куда я приходил уже не чужим, и это я ощущаю до сих пор. Потом были защиты моих диссертаций, обсуждение в секторе, где мне по-дружески, но весьма строго говорили: если бы ты не был своим, то многих замечаний тебе бы и не высказали! Вот такой парадокс, но очень понятный.

В.М. Какие Вы можете назвать совместные научные проекты, в которых принимали участие?

А.Р. Во-первых, проект «Ab Imperio». Это важное дело, к которому я серьезно отношусь и стараюсь соответствовать доверию редакторов.

Второй проект (даже проекты) касается имперской истории. В отличие от москвичей и петербуржцев, я всегда говорю, что я не имею такой роскоши, чтобы с кем-нибудь ругаться. Я со-

трудничаю с людьми, которые иногда друг с другом не разговаривают, но признают за другими их профессионализм. Можно ссориться и даже конфликтовать с кем-то, но равным себе, сохраняя профессионализм. Ругаться с тем, кто не представляет интереса в науке, бессмысленно. Враг должен быть уважаем.

Это несколько международных летних школ и семинаров, которые мне подарили счастье научного и человеческого общения со многими из тех, с кем я поддерживаю дружеские и творческие связи до сих пор. Там я воочию понял, что, преподавая, и сам учишься! Пользуясь своим положением соорганизатора таких проектов, я старался вытащить и своих молодых омских коллег, чтобы они смогли попасть в другую научную среду.

Конечно, очень важен проект «Окраины Российской империи», который мы делали вместе с Алексеем Миллером (российский учёный, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, с 1993 года приглашенный профессор Центрально-Европейского университета (Будапешт)) и Альфредом Рибером (профессор Центрально-Европейского университета (г. Будапешт)). Это тоже имперская история, но несколько иной подход, чем у «Ab Imperio». Посмотрите дискуссию, которую журнал организовал на своих страницах [1]. Она весьма жесткая в оценках, но я благодарен коллегам, что они это сделали, – это побуждает к саморефлексии, а не обидам.

Третий проект с длинным и сложным названием «Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири, XIX – нач. XXI вв.» иркутского МИОНа («Межрегиональные исследования в общественных науках» – программа, осуществляемая при поддержке Министерства образования РФ, Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США) и Института «Открытое общества» (Фонд Сороса). География и тематика Межрегионального института общественных наук при Иркутском государственном университете – «Сибирь в России и мире: вызовы стратегиям развития»). Еще один параллельный проект связан с Институтом истории Сибирского отделения РАН и индийскими учеными. Он не совсем партнерский, там я выступаю в роли подрядчика. Ранее я участвовал в создании «Исторической энциклопедии Сибири». Сейчас затевается другой проект по написанию нового варианта «Истории Сибири». Готовится к публикации моя новая монография. Она посвящена высшему уровню имперской власти, и я ее назвал несколько претенциозно «Самодержавное правительство», но в большей степени она касается Комитета министров и других высших учреждений. Это результат моих тридцатилетних исследований, которые начались еще в конце 1970-х гг. Выходит эта книга в издательстве РОССПЭН. Это еще и серия статей о колонизации и «обрусении», которые мы пишем вместе с Н.Г. Суворовой. Надеюсь, это со временем также станет книгой.

В.М. Как насчет грантовых проектов? Сейчас многие работают в них.

А.Р. За каждым из перечисленных проектов стоят деньги. Я не говорю, что я никогда не работаю бесплатно. Проект должен в первую очередь соответствовать моим научным интересам и возможностям, но чаще всего многие из них так или иначе оплачиваются.

В.М. Сейчас с чьей стороны исходит инициатива в отношениях? Чаще всего Вас приглашают или Вы сами проявляете инициативу?

А.Р. Скорее, меня приглашают, но иногда я не успеваю делать то, что даже пообещал. По-разному бывало. Поначалу, конечно, инициатива исходила чаще от меня. Потом попадаешь в этот круг, появляется масса предложений, и часто даже приходится отказываться.

В.М. Что Вы можете сказать о конференциях омского уровня и других, где Вы принимали участие?

А.Р. Есть некое понятие о конференции. Мне абсолютно не нравится то, что происходит в Омске в конференциальном движении. Есть два типа: один я называю «мероприятием». Это боль-

шие залы, куда собирают студентов и курсантов военных училищ, проводят пленарные заседания, выступают певцы и танцоры, издают объемные и даже многотомные тезисы. Может быть, про нее покажут по телевизору. Это вызывает во мне чаще всего нежелание участвовать в них. Другой вид – это конференция типа научного семинара. За последние годы я что-то не припомню в Омске конференции (на которых я бывал), которая была бы организована в стандарте workshop: с ограниченным и тщательно подобранным составом участников, предварительным ознакомлением с текстами (но без опубликованных тезисов!), презентациями на самом совещании и обязательным наличием так называемых «дискуссантов». Впрочем, организация такой работы – дело трудоемкое и недешевое, но весьма продуктивное. Это другой формат, другая организация. Организаторы ищут людей, заранее приглашают, договариваются. На них больше 20 человек не собирается. Проведение таких конференций не является самоцелью. Как правило, это часть большого проекта. Проведение конференции ради конференции для меня малоинтересно.

В.М. Примеры таких конференций можете назвать?

А.Р. Только что я был на такой конференции в университете Иллинойса по миграциям в Российской империи и СССР. Главная задача организаторов таких конференций – найти людей, которые могли бы в ней участвовать. На таких конференциях все оплачивается, потому что организаторы заинтересованы в данных людях. Если организаторы не готовы мне оплачивать расходы, то значит, я им не очень и нужен. Есть конференции, которые мне нужны, я это понимаю, что в них надо участвовать, и я готов понести финансовые затраты. Тогда я могу проявить инициативу.

В.М. Чем именно конкретно они интересны Вам?

А.Р. Это интересные темы, интересные люди. Профессиональная среда сравнима с так называемым «присутственным обществом». Возвращаясь к началу нашей беседы. Что такое научное сообщество? Это мобильные проектные группы. Создается проект, его готовы вести один или несколько человек. Инициаторы, которые пишут проект, ищут потенциальных соратников и, конечно, деньги Если они находят эти деньги, то они начинают деятельность. Тогда все закручивается. Без денег никто сегодня проект не потянет. Собираться нужно во имя чего-то серьезного. Когда собираешься готовить проект, надо определить круг потенциальных участников, посидеть подумать над концепцией проекта, давай его сделаем, потом попросим денег, потом привлечем таких-то людей... Я готов в этом участвовать. Я вижу в этом перспективу, необязательно денежную. Тогда можно проводить конференцию как часть чего-то. Я не понимаю, зачем тезисы публикуют. В конце концов, напиши и отправь по почте этим 20 человекам, как говорят американцы, «paper». Хотя есть такие конференции, где собирают больше тысячи человек. Например, AAASS (American association for advancement Slavic studies *(*Американская ассоциация содействия славянским исследованиям), научное общество, объединяющее американских славистов, крупнейшее из подобных структур в академическом мире, создано в 1948 г.). На ней все по-другому организовано. В том виде, в котором мы видим большинство конференций, они неинтересны. И даже AAASS, которая собирает огромное количество ученых (необязательно докладчиков), хотя там есть часть, которая называется собственно «конференциальной», но на ней главное – неформальное общение. Люди съезжаются и беседуют в коридорах, кафе…

В.М. Именно такое общение основное в научной сфере?

А.Р. Конечно. Там можно увидеться с людьми, узнать новости, туда приезжают люди, с которыми можно поговорить, что-то предложить и так далее. Это такая форма коммуникации, не более того. Никто ничего не публикует. Ты можешь приехать с презентацией, рассказать, что я занимаюсь этим. Будет книга, потом почитаете. Есть сборники. Как правило, если мы делаем какой-то проект, выходит сборник. Этот сборник, чаще всего, должен быть жестко тематическим. Однажды мы издавали подобный сборник, и нас в рецензии покритиковали: логика и структура сбор-

ника понятна, но нужно было более четко прописать саму идею, как этот сборник выстроен, по каким принципам, а не просто собрали вместе разные статьи под одной обложкой. Чаще всего почему-то происходит именно так? Если есть проект, то на конференциях люди обсуждают будущий сборник и говорят о том, что хорошо, что нужно переделать, доделать, кого-то пригласить еще. Иногда получается, что материал очень интересен, но не подходит. Трудно отказать людям, особенно с которыми сложились дружеские отношения, что его идеи не будут включены в проект. Подобный случай у нас был в проекте про окраины Российской империи. 4 книги в серии вышло, 5-я не вышла. Деньги были заплачены, мы посмотрели и сказали – нет, это не подходит. Все это сложно, без обид иногда не обходится.

У нас нет культуры научного менеджмента. Ведь кто-то должен заниматься организационными вещами. Когда начинаешь делать новый проект, замучаешься писать заявки, всякие отчеты, потом надо со всеми договариваться. Все мы люди, поэтому кто-то не успевает и так далее, начинаешь с ними ругаться, но, в конце концов, что-то получается и все довольны. Лучший способ поссориться с друзьями – это начать какое-то общее дело.

А.Р. Куда пойдет этот материал?

В.М. Это пойдет в коллективную монографию про коммуникативное поле исторической науки.

А.Р. Что бы я хотел, чтобы в вашем проекте услышали. Меня все время спрашивают, чего не хватает в городе Омске. Не хватает нормального интеллектуального общения. Может быть, в других городах оно есть – не знаю и не уверен?! Чаще всего это собственные ученики, ближе всего с ними и общаешься. Может быть, если я бы учился здесь и здесь были мои учителя, то все было бы по-другому. Вот, например, у этнографов. Я люблю ходить к этнографам, потому что у них есть, как мне кажется, коллектив. Они разговаривают не только про погоду и футбол, но и на научные темы. Мне это интересно, и я тянусь к ним. Поэтому если нужно создать какую-то сеть, то нужно создавать глобальную сеть. У нас в России в целом нет никакой общероссийской ассоциации историков, нет организованной коммуникации внутри факультета. Попробуйте провести конференцию, чтобы на нее пришли все историки, хотя бы преподаватели. Это бесполезно. А может, и не надо, я не знаю…

Раньше обком построил бы всех, собрали в здании политического центра и начали читать руководящие доклады. Даже, может быть, это и хорошо в какой-то степени. Хотя принуждения органически не терплю! В любом случае люди собирались, насильно их собирали; раз собрали, так давайте поговорим, хотя бы в кулуарах. Это очень важно – видеть друг друга, общаться.

В.М. Давайте немного еще о журналах поговорим. Как изменились ваши оценки российских центральных изданий. Что было раньше, что сейчас происходит?

А.Р. Во-первых, российских журналов стало больше, и это хорошо. Раньше существовал определенный центр, который их контролировал. Теперь его нет. И это тоже хорошо. В конце концов, есть свобода, и каждый волен делать, что хочет, только найди на издание деньги. Кстати, деньги даже не самое главное. Так как я являюсь редактором «Вестника Омского университета», с деньгами у меня нет проблем. Ректор деньги дает исправно. Но существует другая проблема, самая трудная для любого журнала – это автор. Хороший журнал не может жить без хороших авторов. Поэтому привлечь хороших авторов – всегда первостепенная задача. Почему? Потому что хороших авторов всегда мало, а плохих авторов много, и они, как правило, продуктивнее. Поэтому договориться с хорошим автором трудно, он всегда востребован. Я могу привести пример, как я делал сборник «памяти себя». К своему пятидесятилетию меня ректор спросил, что тебе подарить. Я ответил, что сборник. Я сел, подумал, как он должен выглядеть, кого я туда позову. Я пригласил своих друзей. Друзья – это люди, с которыми я общаюсь в особом, мне интересном проблемном

поле. Они долго откладывали написание статей, говорили, что им абсолютно некогда. Приходилось напоминать, просить и даже угрожать – забуду и вычеркну адрес из записной книжки… Серьезная опасность для журнала (как и любого научного издания) – это научная имитация, проще говоря, – халтура. Но сама система заставляет людей писать статьи и даже монографии: отчет о научной работе, защита диссертаций, получение ученых званий. С одной стороны, количество журналов, вернее, количество публикаций, превысило все разумные пределы. Что-то найти хорошее, прочитать сегодня весьма сложно. В журнале должна быть планка, ниже которой нельзя опускаться. Единственный исторический журнал, который я знаю в России, это «Ab Imperio», где стараются эту планку строго держать, хотя и там хватает слабых вещей. Когда 4 выпуска в год делается, это очень сложно.

Вторая проблема, которая сильно подкосила наши отечественные журналы, эта система, которую нам подкинул ВАК. Комиссия создала ВАКовский список, тем самым опустили, извините за выражение, даже центральные журналы. Почему? Потому что журналы, которые попали в этот список, оказались мощным прессингом. Они превращаются в аспирантские и докторантские сборники. Я ничего плохого про аспирантов и докторантов не говорю. Люди должны где-то учиться ремеслу, в том числе и писать статьи. А надо бы практиковать такое обучение, как это делал в свое время журнал «Вестник Евразии», организовав школу молодого автора. Я был приглашен там преподавать: не знаю, как «школьники», но я там многому научился! Не всегда надо <аспиранту> публиковаться сразу в ведущем научном журнале. Журналы должны быть разные, может быть, следует шире использовать интернет-публикации – глобальное виртуальное пространство коммуникации выдерживает и не такое. Я понимаю, что аспирант может написать иногда гениальную статью, которую надо публиковать. Дело не в статусе, дело, разумеется, в качестве. Но тут нужен неформальный институт рецензирования, а такой культуры у нас также пока нет. А чаще всего кто оказывает давление на журнал? Оказывает не аспирант, а его научный руководитель.

Сегодняшние исторические журналы… «Вопросы истории» просто умерли. Он превратился в нечто нечитаемое. Журнал «Российская история» еще как-то пытается трепыхаться, иногда там что-то появляется стоящее. Поэтому, повторюсь, попасть в ВАКовский список не только престижно – это еще значит столкнуться с негативными последствиями. В любом журнале могут попасться хорошие статьи. Но их непросто там отыскать. Нет журнал-лидера, ведущего журнала. Какой выход из этого? Выход из этого самый простой. Во-первых, должны появляться новые журналы, как конкурентные проекты. Академическая монополизация должна если не исчезнуть, но быть серьезно потеснена. Как появился «Ab Imperio» или «Одиссей»? Он появились как некий ревизионистский проект, когда ученых уже не устраивали те журналы, которые были. И так происходит везде. Но новый журнал раскрутить очень трудно, хороших авторов привлечь в него сложно. Во-первых, должна быть концепция, вокруг которой выстраивается журнал, лидер (или лидеры) журнала должен быть – и так далее. Новые журналы будут появляться, не все из них выживут, не все приобретут высокий статус, но это уже хорошо, что они будут. А то, что делает наш ВАК, это губительный шаг. Губительный шаг еще и потому, что журналы, которые остались за пределами списка, оказались маргинализированными. Но попасть в список – значит стать зависимым от системы. Я все это знаю, потому что много разговаривал с людьми, которые редактируют такие издания. Какой выход? Пусть сами ученые определяют статус журнала, нужен индекс цитирования журнала, кажется, в этом направлении и движутся наши московские руководители.

В.М. Местные журналы, даже нашего университета. Как насчет них?

А.Р. То же самое, как и везде. Это может быть одна-две хорошие статьи, половина – посредственные, и оставшаяся часть – за пределами научного поля. Но мы понимаем, что человеку нужно печататься, защищаться...

В.М. Они необходимы.

А.Р. Во-первых, существуют некие формальные правила в нашей профессии. Знаете, я столкнулся с такой вещью. У моего шефа был юбилей. Издательство выпустило брошюру, список его трудов. Он академик, а публикаций едва ли не меньше, чем у меня. Иногда у него в год статья, а иногда и за два года ни одной не выйдет. И что? Это показатель? Нет! Это статистический, валовый подход, в который нас загоняют. Глупость абсолютная. Важна оценка. Миссия исторического сообщества заключается в том, что оно должно выработать хоть какие-то корпоративные критерии, должно заботиться о состоянии профессии, производстве научного знания и воспроизводстве ее акторов. Послушайте в кулуарах, что говорят нередко после защиты члены диссертационного совета. Все проголосовали «за», но при этом не стесняются признать, что сегодня были такие слабые работы... Кто мешает им голосовать «против»? Уровень науки падает, но все дружно голосуют «за». Потому что нет, как вы говорите, корпоративной этики, корпоративной ответственности. Вся беда наша, исторической науки, заключается в нас самих. Если кто-то больший вред ей приносит, то это мы сами, а потом уж разного рода бюрократы. Ведь нас никто не заставляет все диссертации принимать и защищать. Но вот мы кому-то делаем «доброе дело». Хороших студентов, хороших аспирантов всегда будет какая-то константа, примерно одинаковое количество. Так в жизни бывает. А общая их численность выросла, но константа сохранилась. Они могут уйти из исторической профессии в другое место, но оставшаяся часть будет все равно расти за счет массовости, что сейчас и происходит. С одной стороны, это хорошо, численность студентов на душу населения выросла, а с другой стороны – мы пожинаем падение общего уровня науки и образования. А это уже совсем плохо. Мои аспиранты говорят, что уже год прошел, те защитились, а мы все еще пишем… Что я им должен сказать? Наверное, я плохой руководитель («остепенненность» – есть такой показатель! – у меня низкий), но у меня свое видение качества работы. Критерий «были и хуже» – это ужасный критерий.

В.М. Получается, что защита диссертации – это нечто формальное. Нужно принять, значит, надо.

А.Р. Идея диссертационного совета абсолютно не поддается никакому пониманию. Диссертационный совет есть общественная организация, не государственная. Это наша общественная работа. Это значит, мы этого человека (соискателя) принимаем в свои ряды, то есть в корпорацию. Мы считаем, что он достоин быть среди нас, потому что он соответствует нашим представлениям об ученом. Вот идея, которая лежит в основе, а мы ее во что превратили?! Во-первых, то, что диссертационный совет является общественным объединением, уже вызывает большие сомнения, потому что диссертационный совет принимает решение, в результате которого выдают диплом государственного образца и повышенную зарплату платят. Абсурд! Или мы не общественная организация? Во-вторых, защитился, как говорят, ну ладно, у нас-то он работать не будет. В шутку или всерьез, иногда я говорю после защиты: «Ну, сегодня большого вреда науке не нанесли». Но это слабое утешение.

В.М. Тогда последний вопрос. Монография носит название «Коммуникативное поле современной исторической науки». Каковы ваши представления об этом?

А.Р. Во-первых, мы встречаемся с коллегами по поводу чего-то, то есть по поводу каких-то проектов, обмениваемся историческими фактами, идеями. Коммуникация должна выстраиваться вокруг общих интересов и общих проектов. В основе должно быть общее дело, как в средневековой мастерской, где есть мастера, подмастерья, ученики. Именно так рождается профессионализм, а там уж у каждого свой путь. Науки нет без дерзания, следования и прерывания традиций, конкуренции. Коммуникация не должна быть вечной, замкнутой. Это болез-

ненный процесс, когда начинаешь новый проект и понимаешь, что кого-то из старого проекта нельзя будет взять. Почему? Не потому, что денег нет или чего-то еще. А потому, что мы должны понимать, что в одном и том же коллективе мы будем ограничены одними и теми же идеями, притока новых сил не будет, не возникнет свежих идей. Поэтому всегда должна быть какая-то ротация, как и преемственность. Коммуникация должна быть открытой, она не может быть закрытой. Как только сообщество любого ранга и масштаба начнет замыкаться внутри себя, оно начнет постепенно деградировать. Поэтому открытость, мобильность, поколенческие и междисциплинарные связи – вот главные условия успеха. Все время должны быть миграции внутри таких коммуникаций.

Вторая задача коммуникаций – это оперативный обмен мнениями, информацией. Кто чем занимается, какие проекты осуществляет или только задумывает. Третья задача коммуникаций – обмен результатами научных исследований: монографиями, статьями, зачастую еще не опубликованными. Это должен быть постоянный идейный круговорот, что не столько опасно (украдут!), сколько полезно. Читаешь чужое, а думаешь-то про свое… Можно и нужно создавать корпоративный сайт. Это могут быть определенные сети, где можно выставлять какие-то свои и чужие, но очень важные публикации. Эти три задачи ставить и понимать в коммуникации особенно необходимо.

В.М. Коммуникация между научными сообществами?

А.Р. Это очень сложно. Теперь уже даже не говорят о междисциплинарных исследованиях и их важности. Это стало очевидным и даже модным. Понятно, что влияние других наук на историю, по причине ее природной междисциплинарности, огромно. История обречена вторгаться на поля других исследователей, так как изучает то, что, как правило, имеет «свою» науку. Такая коммуникация должна быть, она необходима, потому что если мы будем заниматься только своей узкой проблематикой, то мы не сможем увидеть контекст, перспективу. Эта тоже проблема, которая институционально ограничена. Диссертационный совет, когда принимает работу, проверяет в первую очередь, соответствует ли она профилю диссертационного совета, что директивно ставит неестественные рамки, выход за которые запрещен. Например, работа про российско-китайские отношения или история Казахстана. Это отечественная история или не отечественная история? Первое, за что нас бьют в ВАКе и возвращают диссертации, это то, что диссертация не по профилю совета. Есть инструкции, которые загоняют науку в строгие бюрократические рамки, чего в жизни науки не бывает. Междисциплинарность сложна еще тем, что у каждой науки есть свой категориальный аппарат. Когда мы начинаем общаться, то очень трудно добиться адекватного понимания. Так, для одних это научная проблема, другие ее попросту не видят, трудно договариваться о понятиях, найти формат если не консенсуса, то конвенциональности. Поэтому междисциплинарные проекты чаще всего не получаются. Другой аспект – это компаративные исследования. Несколько раз я пытался участвовать в компаративистских исследованиях, как правило, они были малоудачными. В конечном итоге выясняется, что это сравнивать нельзя, сравнивать нужно не так, не по таким параметрам, не в таких территориальных или хронологических рамках. Это может быть несовершенство нашей методики, нашей научной коммуникации. Были попытки сравнивать империи. Как правило, они тоже ни к чему не приводили, или сравнивали механически, что превращало текст в серию очерков с несколько искусственным заключением. Но это не значит, что не нужно пытаться и продолжать научный поиск в этом направлении.

Список источников и литературы

1. *Ab Imperio*. 2008. № 4.

Previously unpublished interview, by Prof A.V. Remnev at April 29, 2010

Summary. The interview was recorded by graduate student at faculty of contemporary Russian history and historiography V.A. Mikhaylina, as a part of project «Communicative field of modern historical science» (about the project, see: V.P. Korzun, V.G. Rizhenko Communicative field of modern historical science: from historiographers considerations to the experience of description // Dialogue with time. 2010. № 37. С. 24–44). Remnev's attitude to problems of institutionalization of the scientific community, including provincial cities, contemporary science values, communications, features of international cooperation, reflected in the interview. It has been found in A.V. Remnev personal archive.

Key words: professional community, corporate culture, conference movements, «scientific tourism».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Абашин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, именной профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге (s-abashin@mail.ru)

Адам Александр Яковлевич – специалист отдела «Центр краеведческой информации» Государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина, Омск (adam_alex@mail.ru)

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований НИЧ Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Akishin-MO@yandex.ru)

Алексеева Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры глобалистики и геополитики (филиал кафедры ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ) Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург (svetl.alexeeva2010@yandex.ru)

Аманжолова Дина Ахметжановна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва (amanzholova19@mail.ru)

Антонов Егор Петрович – кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск (Antegor@yandex.ru)

Белоконь Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, заместитель председателя Омской областной организации профсоюза работников народного образования и науки РФ, Омск (irinabelokon@mail.ru)

Бижигитова Карлыгаш Сабировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Журналистика и международные отношения» университета Международного Бизнеса, Алматы (bks777@list.ru)

Бобровников Владимир Олегович – кандидат исторических наук, доцент Института востоковедения Российской академии наук, Москва (vladimir_bobrovn@mail.ru)

Бустанов Альфрид Кашафович – Ph.D., профессор компании ТАИФ по истории исламских народов в составе России, Москва (alf_b@list.ru)

Бычков Сергей Павлович – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (spbychkov@gmail.com)

Ведерников Виталий Валерьевич – доктор исторических наук, профессор Алтайского института экономики Санкт-Петербургского университета управления и экономики, Барнаул (vedernikov75@mail.ru)

Ведерников Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, Санкт-Петербург (vedvlvik@mail.ru)

Вовина Варвара Гелиевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург (Varvara_Vovina@mail.ru)

Воробьев Виталий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (vitv68@rambler.ru)

Воропанов Виталий Александрович – кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Челябинск (vvoropanov@yandex.ru)

Герасимова Виктория Александровна – кандидат исторических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (gerasimova@bk.ru)

Головнева Елена Валентиновна – кандидат философских наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург (golovneva.elena@gmail.com)

Горизонтов Леонид Ефремович – доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва (lgorizontov@yandex.ru)

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, руководитель лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, Иркутск (grigoritchev@ya.ru)

Дамешек Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета, Иркутск (dameshek@rambler.ru)

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета, Иркутск (levdameshek@gmail.com)

Джунджузов Степан Викторович – кандидат исторических наук, доцент Оренбургского государственного педагогического университета, Оренбург (svlubich@yandex.ru)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета, Иркутск (vikdyatlov@yandex.ru)

Ермекбай Жарас Ақышұлы – доктор исторических наук, профессор Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова, Астана (ermekjaras@mail.ru)

Жигунова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (marizh.omsk@rambler.ru)

Ищенко Оксана Владимировна – доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета, Сургут (iovfu@yandex.ru)

Кабакова Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии, Омск (natalya-kabakova@rambler.ru)

Кадиков Эльдар Рашитович – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (elikkadikov@rambler.ru)

Казыдуб Нина Григорьевна – доктор сельскохозяйственных наук, профессор Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, Омск (ng.kazydub@omgau.ru)

Кендербай Гульнар – Ph.D., Колумбийский университет, Нью-Йорк, США (gk2020@columbia.edu)

Козлова Анна Александровна – кандидат исторических наук, доцент Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии, Омск (beigul-1@yandex.ru)

Конев Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Тюменского государственного нефтегазового университета, Тюмень (aldimoks@mail.ru)

Корзун Валентина Павловна – доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (korzunv@mail.ru)

Корусенко Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (tomil65@rambler.ru)

Кухаренко Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук, Отдел сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета, Барнаул (lexx-1984@mail.ru)

Лебедев Сергей Константинович – доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург (lebsk@yandex.ru)

Лосунов Александр Матвеевич – преподаватель Сибирского казачьего юридического колледжа, Омск

Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета, Оренбург (svlubich@yandex.ru)

Марченко Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (almalexia_@rambler.ru)

Масоэро Альберто – департамент сравнительных языковых и культурных исследований Universita Ca 'Foscari Venezia, Венеция (masoero@unive.it)

Матханова Наталья Петровна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, Новосибирск (nmatkhanova@mail.ru)

Милищенко Олег Анатольевич – заведующий музеем истории Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, Омск (oleg_milichenko@mail.ru)

Мулина Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (wiewiorka@mail.ru)

Недзелюк Татьяна Геннадьевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, доцент, Сибирский институт управления в филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск (tatned@mail.ru)

Николаев Василий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск (nikolaevvv06@mail.ru)

Пешков Иван Олегович – PhD, Университет Адама Мицкевича в Познани (ivanpeshkov2007@ya.ru)

Побережников Игорь Васильевич – доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург (pober1871@mail.ru)

Рынков Вадим Маркович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск (vadsvet@list.ru)

Самушкина Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск (Khakassie@yahoo.com)

Саражина Розалия Гизаровна – кандидат исторических наук, «Принт-Сервис», Омск (rozalya55@rambler.ru)

Селезнев Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Омск (seleznev@myttk.ru)

Селезнева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, директор Сибирского филиала Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Омск (ir_selez@mail.ru)

Соболева Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета, Барнаул (tansoboleva@mail.ru)

Соколовский Иван Ростиславович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Истории СО РАН, Новосибирск (sokolowski@yandex.com)

Сорокин Алексей Петрович – кандидат исторических наук, директор Омского филиала Российского фонда культуры, Омск (ap40in@mail.ru)

Сорокин Юрий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (ifdoid@rambler.ru)

Степаненкова Зоя Васильевна – кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного педагогического университета, Сургут (zoyastep@mail.ru)

Суворова Наталья Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (sng19911@gmail.com)

Султангалиева Гульмира Салимжановна - доктор исторических наук, профессор, Казахстанский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы (Gulmira.Sultangalieva@kaznu.kz)

Татаурова Лариса Вениаминовна – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (li-sa65@mail.ru)

Толочко Анатолий Павлович – доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (ifdoid@rambler.ru)

Томилов Игорь Сергеевич – лаборант Тобольской комплексной научной станции УО РАН, Тобольск (igor.tomilov.85@mail.ru)

Томилов Николай Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; директор Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Омск (fi.keaam@omsu.ru)

Филимонов Александр Викторович – аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (aleks.filimonoff@yandex.ru)

Черкасская Надежда Алексеевна – магистрант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск (nadlinepost@gmail.com)

Шиловский Михаил Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, Новосибирск (istorik.novosib@gmail.com)

Шулдяков Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент Омского автобронетанкового инженерного института филиала Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева Министерства обороны РФ, Омск (shuldyakov2007@yandex.ru)

Список сокращений:

AAASS – American association for advancement Slavic studies (Американская ассоциация содействия славянским исследованиям)
CESS – Central Eurasian Studies Society (Общество изучения Центральной Евразии)
ААЭ – Акты археографической экспедиции
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
АРГО – Архив Русского географического общества
Архив УФСБ РФ по РС(Я) – архив Управления федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Саха (Якутия)
ГАЖО – Государственный архив Жамбылской области
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области
ГУТО ГАТ – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ДСП – Для служебного пользования
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗСИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
КВЗ – Колывано-Воскресенские заводы
КИД – Коллегия иностранных дел
КСЖД – Комитет Сибирской железной дороги
ЛГПИ – Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена
ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории
МГИ – Министерство государственных имуществ
МЖК – Молодежный жилой комплекс
МЗиГИ – Министерство земледелия и государственных имуществ
МНП – Министерство народного просвещения
НА РС(Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия)
НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан
НБ ТГУ – Научная библиотека Томского государственного университета
ОГКУ ЦДНИ ТО – Областное государственное казенное учреждение «Центр документации новейшей истории Томской области»
ОмГАУ – Омский государственный аграрный университет
ОмГУПС – Омский государственный университет путей сообщения
ОмСХИ – Омский сельскохозяйственный институт
ООМИОСХ – Омское отделение Московского Императорского общества сельского хозяйства
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОССХУ – Омское среднее сельскохозяйственное училище
ПМКБ – С.-Петербургский Международный коммерческий банк
ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГБОР – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей

РГВА – Российский государственный военный архив
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РКБ – Русско-Китайский коммерческий банк
РПЦ – Русская Православная Церковь
СЕИВК – Собственная Его Императорского Величества канцелярия
СибАДИ – Сибирский автодорожный институт
СибАка – Сибирская сельскохозяйственная академия
СибМИС – Сибирская машиноиспытательная станция
СибНИИСХ – Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства
СИСХ – Сибирский институт сельского хозяйства
СИСХиП – Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности
СКВ – Сибирское казачье войско
СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Ф. ДП ОО – Фонд Департамент полиции Особый отдел
ФЦП – Федеральная целевая программа
ЦГА РК – Центральный Государственный архив Республики Казахстан
ЦГА РУз – Центральный Государственный архив Республики Узбекистан
ЦГИА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Сборник научных трудов

АЗИАТСКАЯ РОССИЯ:
ЛЮДИ И СТРУКТУРЫ ИМПЕРИИ

Ответственные редакторы:
к.и.н. Н.Г. Суворова – ответственный редактор
к.и.н. С.А. Мулина – ответственный редактор

Корректоры: Т.П. Семина,
Л.Н. Лиценбергер
Верстка: И.В. Кан

Подписано в печать 08.06.2016.
Формат 60x84/8. Бумага писчая.
Оперативный способ печати.
Тираж 100 экз. Заказ № 151.

Отпечатано в «Полиграфическом центре КАН»
тел. (3812) 24-70-79, 8-904-585-98-84.
E-mail: pc_kan@mail.ru
644050, г. Омск, ул. Красный Путь, 30
Лицензия ПЛД № 58-47 от 21.04.97